

БИБЛИОТЕКА
ОДНАЧУМКИ

АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА

18/2

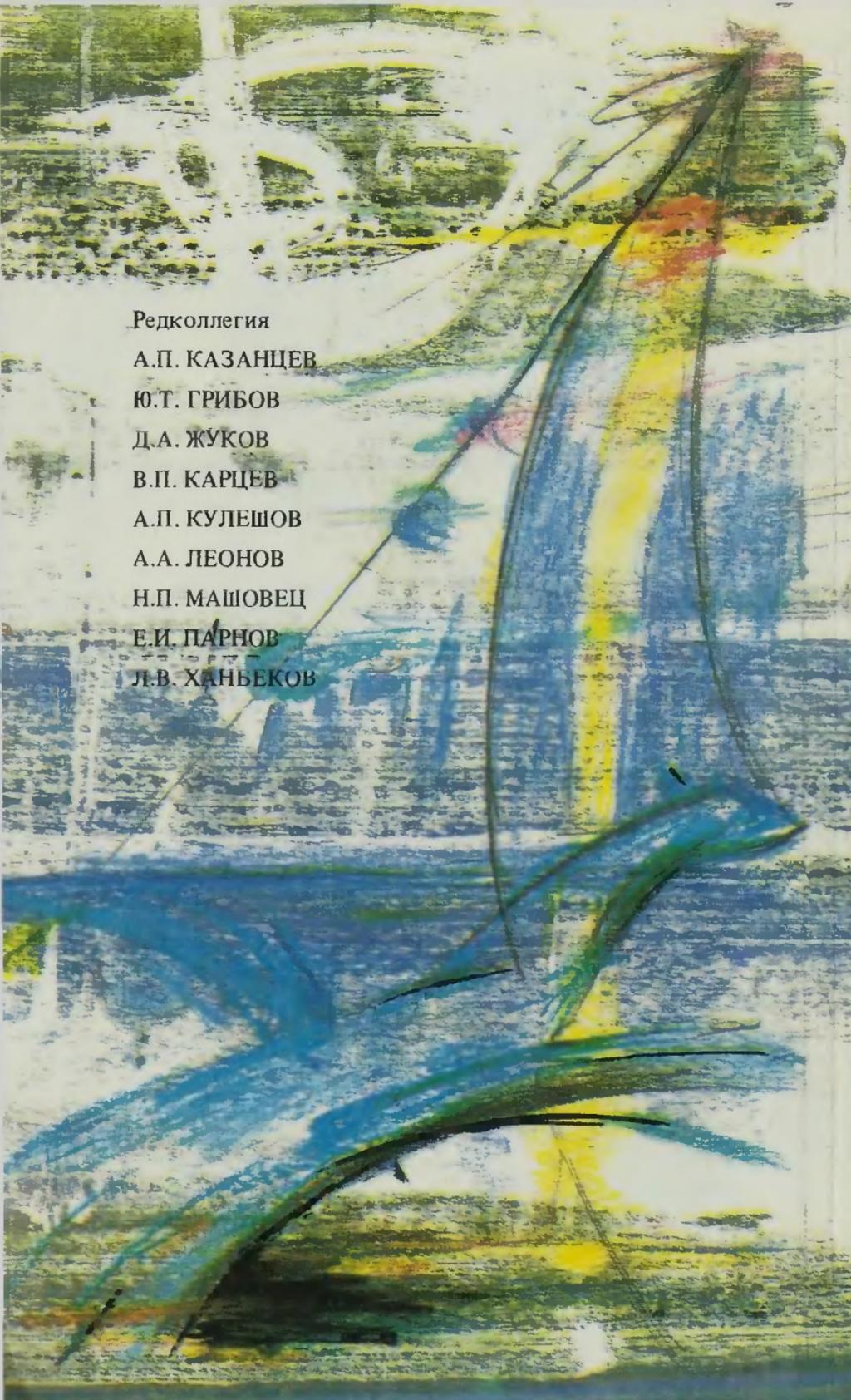
Американская фантастическая проза

БИБЛИОТЕКА
ФИЛОСОФИИ
18/2

Редколлегия

А.П. КАЗАНЦЕВ

Ю.Т. ГРИБОВ

Д.А. ЖУКОВ

В.П. КАРЦЕВ

А.П. КУЛЕШОВ

А.А. ЛЕОНОВ

Н.П. МАШОВЕЦ

Е.И. ПАРНОВ

Л.В. ХАНБЕКОВ

АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Клиффорд САЙМАК

Пересадочная станция. Роман

Рассказы

Роберт ШЕКЛИ

Цивилизация статуса. Повесть

Рассказы

Перевод с английского

Москва «Радуга» 1990

**ББК 84.4США
С12**

**Составление и предисловие В. Гопмана
Редактор И. Архангельская**

- C12 Библиотека фантастики в 24 томах. Том 18 (2)**
Саймак К. Пересадочная станция: Роман. Рассказы. Шекли Р. Цивилизация статуса: Повесть. Рассказы. Пер. с англ./Составл. и Предисл. В. Гопмана. — М.: Радуга, 1990. — 560 с.

Очередная книга библиотеки фантастики объединяет произведения видных представителей американской научно-фантастической литературы, творчество которых хорошо известно в СССР.

Тема романа "Пересадочная станция", как и большинства произведений Саймака, — контакт с представителями внеземных цивилизаций. Саймак убежден: обоядное стремление к миру и добрососедским отношениям поможет землянам и пришельцам достигнуть взаимопонимания и жить в дружбе. Роберт Шекли — один из самых остроумных рассказчиков в современной американской фантастике. Повесть и рассказы писателя отражают социальную чуткость Шекли к болтым проблемам жизни современной Америки. Писатель создает образ простого американца, не обладающего на первый взгляд никакими особыми достоинствами, однако же решительно восстающего против морали "общества вседозволенности".

С 4703000000 — 257 Подписьное
030 (01) — 90

ББК 84.4США

ИБ № 5485
Редактор И. Архангельская. Художник Н. Пескова. Художественный редактор С. Бараш. Технический редактор Е. Макарова. Корректор Е. Рудницкая. Сдано в набор 19.04.89. Подписано в печать 29.11.89. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Условн. печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 53,77. Уч.-изд. л. 36,92. Тираж 400000 экз. Заказ № 762. Цена 4 р. 40 к. Изд. № 6503. Издательство "Радуга" В/О Совэксспорткнига Государственного комитета СССР по печати. 119859, Москва, ГСП-3, Зубовский бульвар, 17. Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет на Можайском полиграфкомбинате В/О Совэксспорткнига Государственного комитета СССР по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 5-05-002574-5

© Составление, предисловие и перевод на русский язык произведений, отмеченных в содержании знаком *, издательство "Радуга", 1990

В читательском представлении имена Клиффорда Саймака и Роберта Шекли давно стоят рядом – эти писатели были в числе тех американских про-заков, с рассказов и повестей которых начался бум переводной американской научно-фантастиче-ской литературы в нашей стране в начале 60-х го-дов. После выхода книг "Современная зарубеж-ная фантастика" и "Экспедиция на Землю"¹ почти ни один сборник переводной научной фантастики не обходится без Саймака и Шекли. Они завоевали прочную популярность у советских читателей – наряду с Айзеком Азимовым, Рэем Брэдбери и Генри Кэтнером.

Но соединение в одной книге мягкого лирич-ного Саймака и жестокого до беспощадности, ироничного Шекли у кого-то из любителей фанта-стики может вызвать недоумение. Однако не будем торопиться с выводами...

Клиффорд Дональд Саймак родился в 1904 го-ду в городе Милвилл, штат Висконсин, где проис-ходит действие многих его произведений. Первые литературные опыты (печататься Саймак начал с 1931 года) успеха не имели – ранняя фантастиче-ская проза писателя была научно-технической, а не "человековедческой" ориентации. На какое-то время Саймак оставляет литературу, занимаясь журналистикой. К фантастике он вернулся лишь в конце 30-х годов, когда началось его сотрудни-чество с Джоном Кэмпбеллом, чья реформатор-ская деятельность на посту главного редактора журнала "Эстаундинг сториз" во многом опреде-лила лицо американской научно-фантастической литературы последующих десятилетий.

Кэмпбелл решительно отказался от господ-ствовавших тогда в американской фантастике принципов Хьюго Гернсбека, основателя перво-го в США специализированного журнала научной фантастики, и прежде всего от его обязательной "рецептуры" создания научной фантастики: 75% науки и 25% литературы, переместив центр тяже-сти произведения в область социальной и нравст-венно-психологической проблематики. Кэмпбелл ввел в литературу Айзека Азимова, Лестера дель Рея, Роберта Хайнлайна, Теодора Старджона, Альфреда Ван Богта, Спрэга де Кампа, Генри Кэтнера, Кэтрин Мур – тех писателей, благодаря которым 40-е годы в истории американской фантастики получили название "золотого века". К этой же плеяде принадлежит и Клиффорд Саймак.

¹М.: Молодая гвардия, 1964; М.: Мир, 1965.

В значительной степени под влиянием Кэмпбелла Саймак начал работать над циклом новелл о будущем человечества, объединенных затем в роман под названием "Город". Первая новелла вышла в 1944 году, роман – в 1952 году. Он был отмечен Международной премией в жанре "фэнтези" и принес Саймаку громкий успех. Мировая известность писателя началась именно с этого произведения.

О "Городе" Саймак впоследствии скажет, что роман "писался с отвращением к массовым убийствам, как протест против войны". Безусловно, такая позиция писателя вызовет уважение в любую эпоху, но не забудем, что "Город" создавался во второй половине 40-х и начале 50-х годов, в разгар "холодной войны" (и во время войны в Корее), а также маккартистской истерии на родине Саймака. Писателю потребовалось немалое гражданское мужество, чтобы в те годы создать книгу о будущем, в котором осуществлено всеобщее и полное разоружение, установлен мир между всеми государствами...

Переселение человечества на Юпитер и трансформация там людей в скакунцов – высшую форму разумной жизни на планете... появление на Земле цивилизации разумных говорящих Псов, которые, запретив любые убийства, мечтают объединить всех земных животных в единую семью... дикие роботы, создающие космические корабли для межзвездных путешествий, разумные муравьи, стремящиеся к власти на Земле... кровожадные гоблины – обитатели параллельного мира... Таков фантастический фон романа – произведения, сложного по композиции (оно состоит из восьми глав, каждая из которых обладает самостоятельным сюжетом) и по морально-философскому содержанию.

Важное место в идеальной структуре романа отведено человекоподобным роботам. Для читателей 80-х годов роботы – обязательный элемент фантастики, тогда как сорок лет назад они были не столь частыми гостями на страницах научно-фантастических произведений. И уж тем более непривычным был облик, приданый им в романе Саймака: похожие на людей, верные, преданные, самоотверженные. Вообще заслуга в "очеловечивании" роботов в американской фантастике принадлежит трем писателям 40-х годов: Айзеку Азимову, создателю знаменитых "трех законов роботехники", Лестеру дель Рею и Клиффорду Саймаку.

Старый робот Дженкинс, одно из главных действующих лиц романа "Город", воспитатель многочисленных поколений рода Вебстеров (представители этого рода действуют в каждой части романа на протяжении тысячелетий), а затем Псов, именно с его помощью принял эстафету разума от людей, – самый, пожалуй, запоминающийся герой. Не случайно роман заканчивается его словами, весьма примечательными, выражавшими мысль автора: "Уже пять тысяч лет, если не больше, как не было убийства. Сама мысль об убийстве искоренена из сознания... И так-то оно лучше, сказал себе Дженкинс. Лучше потерять этот мир, чем снова убивать".

Одно из центральных мест в романе "Город" занимает учение марсианского мыслителя Джузайна. Совершенное им – но так и не дошедшее до людей – философское открытие могло бы положить конец разъединению человечества, вражде, подозрительности, позволило бы людям впервые в истории понять друг друга. Увы, этого не произошло, и человеческая цивилизация пошла совсем иным путем. Но мысль о необходимости взаимопонимания людей станет главной

в творчестве Саймака.

Саймак никогда не стремился к созданию развернутых моделей будущего, его социально-политических структур. То будущее, которое рисует Саймак, немногим отличается от настоящего, в котором жил писатель. Грядущее в повестях и рассказах Саймака сохраняет черты американского образа жизни: остается безработица, жестокость, начец, угроза войны (в рассказе "Через речку, через лес" герои укрываются от грозящей военной катастрофы в... прошлом). Но, перенося в будущее черты современной ему американской действительности, Саймак подвергает их резкой критике. Писатель отстаивает свои убеждения, которые основываются на его глубочайшей вере в человека, его разум. Эта вера звучит во многих произведениях Саймака. В рассказе "Поколение, достигшее цели" человеческий разум направил к звездам космический корабль, который находится в полете уже более тысячи лет. За это время сменилось сорок поколений, давно забылась цель полета, люди создали религию, основанную на обожествлении корабля. Но его неведомые строители предусмотрели все: и невежество, необходимое для того, чтобы люди перенесли полет, и ересь, которая сохранила бы знания. Пользуясь словами Саймака из рассказа "Отец-основатель", это "еще одна победа маленького неуемного мозга, стучавшегося в двери вечности".

Вера в человека, его разум, мужество, в то, что, по словам Фолкнера, человек "не только выстоит, но и победит", — стержень морально-философской концепции Саймака. Отсюда и последовательное отрицание писателем всего, что мешает человеку идти вперед, развиваться: косность мышления, равнодушные, жестокость, корыстолюбие.

Герои Саймака обладают одним качеством, которое для писателя является главным в человеке, — добротой. Они способны ощутить боль другого, как свою, почувствовать его одиночество, страдания и прийти ему на помощь. И неважно, каков внешний вид тех, кто нуждается в помощи.

...Как вы поступили бы, если нашли бы в лесу "ужасное созданье — зеленое, блестящее, с фиолетовыми пятнами. Оно внушало отвращение даже на расстоянии в двадцать футов... Лица у него не было. Верхняя часть туловища кончалась утолщением, как стебель цветком, хотя тело существа вовсе не было стеблем. А вокруг этого утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались точно черви в консервной банке"? Но для Моуза Эбрамса, одинокого старика, живущего на отдаленной ферме, такой вопрос не стоял — перед ним лежало "живое страдающее существо", и герой рассказа "Когда в доме одиноко" был "не из тех, кто может покинуть в лесу раненого".

Принести такое существо в дом, выходить его, помочь исправить потерпевший при приземлении аварию космический аппарат, отдав для этого накопленные за всю жизнь сбережения в серебряных долларах (только серебро годилось для ремонта), — все это естественно для героя Саймака. Старый Моуз Эбрамс, как никто другой, знал, что такое одиночество. Но инопланетному существу грозило "ужасное, беспощадное одиночество межзвездных пустынь", отделяющих его родной мир от Земли. Потому старый Эбрамс и не мог поступить иначе. И приспелец не может не отплатить за доброту добротой, отдавая Эбрамсу самое для него дорогое — устройство, помогавшее скрашивать одиночество полета в космосе.

Способность сострадать, сопереживать – и помогать – для Саймака главный критерий нравственности, высший принцип отношений между различными галактическими расами. Потому главная для писателя тема – контакт, встреча землян с внеземной цивилизацией. "Пришельцы в качестве соседей" – это название одной из книг Саймака можно поставить эпиграфом к творчеству писателя, недаром называемого "певцом Контакта". Решая эту тему с неистощимой сюжетной изобретательностью, Саймак неизменно стремится утвердить мысль, что при наличии доброй воли и желания жить в мире любые галактические расы могут договориться между собой, как бы непривычен ни был для партнеров физический облик друг друга (а инопланетяне Саймака поразительно разнообразны: разноцветные пузыри, разумные лиловые цветы, маленькие черные человечки, сурки, кегельные шары, прозрачные ули на колесах).

Теме контакта посвящено центральное произведение Саймака в настоящем томе – роман "Пересадочная станция". В "Пересадочной станции" контакт состоялся свыше ста лет назад (время действия романа – 60-е годы нашего века), и все это время Инек Уоллис, главный герой, работал смотрителем галактической пересадочной станции, предназначеннной для связи разных обитаемых миров. "Галактику населяет множество самых разных существ. И все мы, право же, неплохие соседи". С этими словами Улисса, представителя Галактического Центра, перекликаются обращенные к Инеку Уоллису слова деревенского почтальона Уинсплу Гранта: "Пока мы ладим друг с другом, не так уж и важно, кто каждый из нас. Если бы некоторые страны брали пример с таких вот маленьких общин, как наша, пример того, как жить в согласии, – мир был бы куда лучше".

Контакт между галактическими цивилизациями – между странами на Земле – наконец, между отдельными людьми... Саймак создает в романе одну из самых своих убедительных моделей взаимоотношений между разумными существами на разных уровнях. И не случайно, конечно, возникает в романе мотив надвигающейся на человечество сокрушительной всепланетной войны – ведь "Пересадочная станция" писалась вскоре после Карибского кризиса, во время которого впервые в постсоветской истории человечество оказалось на краю атомной пропасти.

Для избавления цивилизации от дамоклова меча ядерной катастрофы необходимо, убежден Саймак, покончить с любыми средствами уничтожения человека человеком. Только такой мир может позволить землянам вступить в галактическое братство, преодолеть космическое одиночество Homo sapiens. И как актуально сегодня звучат слова, вложенные Саймаком в уста Улисса: "Вглядываясь в будущее, я представляю себе, как через несколько тысячелетий жители галактик сольются в единую культуру, основанную на взаимопонимании. Какие-то местные и расовые различия останутся – так и должно быть, – но превыше всего будет терпимость, которая поможет созданию своего рода галактического братства".

Не менее важна и тема, связанная в романе с образом главного героя, Инека Уоллиса. Тяжелым оказался для него груз "ста лет одиночества" (именно столько времени он работает на пересадочной станции), вынужденного молчания, невозможность поделиться с кем-либо из жителей деревушки своей тайной. Инек переживает психологический кризис, который разрешается только в конце романа – когда

разрешается кризис, грозивший гибелью Земле. Ощущение неразрывной связи со всеми, кто живет на Земле, ощущение своей нужности всем этим людям, включенности в единую цепочку разума, тянущуюся с Земли до звезд, — вот что дало герою силы преодолеть душевную трагедию и проститься с прошлым. Проститься — ради будущего.

И еще одно. Роман Саймака посвящен вступлению человечества во всеселенское содружество, окончанию для него эры космического изоляционизма. Но сколько при этом в романе любви к Земле, прародине человечества, сколько нежности к планете, давшей жизнь человеческому роду. "Место это обладало каким-то странным, почти сказочным свойством. Дали, открывающиеся отсюда взору, кристально чистый воздух — все рождало чувство отрешенности, навевало мысли о величии духа. Словно это некое особенное место, одно из тех мест, что каждый человек обязательно должен отыскать для себя и считать за счастье, если ему это удалось, — ведь на свете столько людей, которые искали и не нашли". Это мысли Инека, глядящего с вершины скалы на пейзаж в окрестностях Милвилла. Но это мысли и самого Саймака, всю жизнь не расстававшегося со своей "малой родиной" в штате Висконсин, воспевшего ее в своих рассказах и повестях и так хорошо понимавшего, что только она может дать силы жить и творить. "Солнце, земля и ветер нужны ему, чтобы оставаться человеком". Это опять об Инеке. И, конечно, о самом писателе.

Установление контакта Саймак поручает в романе (как и в других произведениях) не политикам, ученым или военным, а простым людям — фермерам, бродягам. По мнению писателя, только люди, лишенные эгоизма, каких-либо корыстных интересов, могут быть носителями подлинных нравственных ценностей. Таковы Инек Уоллис, глухонемая Люси Фишер из романа "Пересадочная станция", слабоумный Таппер Тайлер из романа "Все живое...", механик Хайрам Тэн из рассказа "Необыятный двор", фотограф Чак Дойл из рассказа "Денежное дерево". Что же до бизнесменов всех рангов, политиков, военных, одержимых милитаристскими фобиями, то свое отношение к ним Саймак выказывает четко и однозначно.

Саймак — один из самых плодотворных американских фантастов. Целая библиотека — около пятидесяти романов, сборников рассказов и повестей — таков итог многолетней работы классика американской научно-фантастической литературы, отмеченной многочисленными национальными и международными литературными наградами. Наиболее плодотворным стал для него период с конца 50-х по конец 60-х годов. Тогда были созданы лучшие произведения писателя: романы "Время — самая простая вещь", "Пересадочная станция", "Все живое...", "Заповедник гоблинов", наиболее значительные рассказы.

Клиффорд Дональд Саймак скончался 25 апреля 1988 года в городе Миннеаполисе. В течение многих лет писатель пользовался исключительной популярностью. Как возникают читательские симпатии — вопрос сложный, и вряд ли с полной определенностью могут дать на него ответ литературоведческие или социологические штудии. Быть может, причина в том, что всю жизнь писатель создавал удивительные фантастические миры, которые он, по его словам, "наполнил отзывчивостью, добротой и мужеством, так необходимыми нашему миру".

* * *

Роберт Шекли родился в 1928 году в Нью-Йорке. После окончания школы перепробовал множество профессий, служил в армии, получил высшее техническое образование, учился на литературных курсах, где преподавал Ирвинг Шоу. После выхода в 1952 году первых рассказов становится писателем-профессионалом.

Шекли буквально ворвался в литературу, заставив говорить о себе после первых же публикаций как о писателе острого сатирического дарования. Не случайно в 1960 году Кингсли Эмис в авторитетнейшем исследовании научно-фантастической литературы "Новые карты ада", давая характеристику наиболее значительным американским фантастам, назвал Шекли "слепнем научно-фантастического жанра".

Писатель отчетливо выраженной индивидуальности, Шекли, используя те же, что и другие фантасты, темы (роботы, контакт, путешествия во времени), решает их совершенно в ином ключе. Чтобы в этом убедиться, достаточно взять любой рассказ писателя, например "Царская воля". Сюжет его — одна из разновидностей контакта, но не с посланцами внеземной цивилизации, а с "нечистой силой". Правда, "сила" эта в рассказе довольно симпатичная, ферра, демон неведомой мифологии. Забавная ситуация — ферра проникает через "лаз" во времени в современный американский магазин электробытовых товаров и таскает оттуда различные приборы для своего повелителя, царя Атлантиды, — решается Шекли остроумно и изящно. Как хорошо нам знаком тип, который запечатлев Шекли в облике ферры: молодой специалист, студентом проявлявший рвение лишь в спортивных залах, устроенный по блату на работу (еще бы, ведь у ферры отец — член Совета преисподней!) и с грехом пополам выполняющий первые "производственные" поручения...

Узнаваемость героев и сюжетных коллизий Шекли считает одной из главных особенностей фантастической прозы. Осовременивая сказку, волшебство, Шекли стремится как бы перебросить мостик для читателя в вымышленный мир, создать иллюзию достоверности. Но при этом писатель вовсе не руководствуется принципом "фантазии без берегов" — напротив, Шекли тщательно отбирает из современной ему действительности жизненные реалии. В обдуманности возникающих на основе этих реалий социальных обобщений убеждает образ мира будущего, встающего со страниц книг писателя.

Шекли выступает против всего, что обесчеловечивает человека. Айзек Азимов однажды сказал, что для писателя, привыкшего "смотреть на вещи с американской точки зрения, оптимистическое видение современного общества неприемлемо. Я использую фантастику для критики общества. Так же поступают, в общем, и все другие американские фантасты".

Технократические концепции общественного развития, согласно которым человечество в будущем должно существовать под надзором "электронных учителей", знающих-де, что лучше для человека, Шекли подвергает осмеянию. В рассказе "Страж-птица" показано, как с трехком проваливается одна из подобных теорий. Иначе, убежден писатель, быть и не может: человеческие проблемы не могут быть доверены "какому-нибудь фунту нержавеющего металла, кристаллов и пластмасс... нельзя механизмами лечить недуги человечества...".

Одна из постоянных социальных мишеней Шекли – расизм. В рассказе "Мусорщик на Лорее" выведен образ профессора Карвера, автора доктрины "врожденной неполноценности внеземных существ". К счастью для обитателей далеких миров, теория Карвера так и осталась на уровне изысканий в области сравнительной антропологии и не стала "руководством к действию". Но вот в рассказе "Поединок разумов" Шекли рисует иную картину. Враждебный человеку разум, оказавшийся на Земле, стремится к тотальному порабощению всего живого на планете. "Сообщество Квидака", к вступлению в которое призывают людей пришелец, есть не что иное, как фашистский "новый порядок", основанный на идеях генетического превосходства одной расы над другой (примечательно, что Квидак – существо, похожее на скорпиона, – предпочитает животной пище растительную; выразительный штрих, напоминающий о вегетарианстве Гитлера).

Рост насилия и жестокости, становящихся нормой общественной жизни США, нивелировка личности, подгонка ее под единый стандарт – все эти тенденции социальной действительности Америки нашли отражение в повести Шекли "Цивилизация статуса". Последователен протест Шекли против бесчеловечности общественной системы, позволяющей множиться насилию. Писатель выступает и против любых форм подавления человеческой личности, недаром одна из самых сильных сцен повести – финал, рисующий борьбу героя с самим собой, но прежним, принимавшим жестокость мира как данность. Призыв к спасению человека в мире, из которого изгоняется человечность, – такова позиция Шекли.

К теме "выставки зверства" (если воспользоваться названием романа английского фантаста Джеймса Грэма Балларда об иррациональной жестокости американского общества) Шекли обращается неоднократно. "Седьмая жертва", "Бесконечный вестерн" – это рассказы об игре в смерть. В результате беспощадного, патологанатомически точного анализа американской действительности насилие и жестокость предстают не как изначально присущие человеческой натуре качества, но как общественные характеристики страны.

Беспощаден Шекли и к героям, которые воплощают отвратительные для него свойства: жестокость, человеконенавистничество, душевную черствость. Любимый же герой писателя – типичный "средний американец", не блещущий никакими, казалось бы, особыми талантами, но мужественно и твердо противостоящий бесчеловечности социума, давлению "машинной цивилизации". Неудачники, недотепы, чём-то напоминающие шукшинских "чудиков", они наделены сердцем и душой (а потому порой и паранормальными способностями, как герой рассказа "Заяц"). Окружающему их бездушному миру страны исповедуемые ими принципы: верность долгу, честность, уважение человеческого достоинства, доброта. И в какие бы галактические выси и туманные тысячелетия ни посыпал Шекли своих героев, он убежден: эти-то ценности и есть "на все времена".

При этом Шекли, говоря о вещах серьезных, никогда не бывает высокомерен или дидактичен. Умение соединить высокую патетику идеи с юмором, не позволяющим ей "залакироваться", – признак большого мастерства. Кстати сказать, многие сцены в известном фильме "Звездные войны" воспринимаются равнодушно (а то и со скучной) именно потому, что сделаны "на полном серьезе", без спасительной иронии.

В основе многих произведений Шекли – ощущение одиночества и несвободы индивида в западном обществе, неустойчивости, абсурдности его бытия. Именно эти мотивы определяют идеальное содержание и композицию романов "Обмен разумов", "Пространство чудес", "Варианты выбора", "Что такое реальность?" – спрашивает герой последнего произведения и получает ответ: "Одна из многих возможностей возможных иллюзий". Стремясь запечатлеть разорванность сознания "маленького человека", волюстить хаос буржуазной действительности в формах самого хаоса, Шекли нередко прибегает к композиционной усложненности, стилистическим экспериментам, вследствие чего повествование распадается на отдельные сцены, связанные друг с другом лишь общностью фарсовой стихии. Однако при кажущейся фрагментарности некоторых книг Шекли они обладают той внутренней цельностью, которая, по словам Л. Н. Толстого, заключается в "ясности и определенности... отношения самого автора к жизни, которая пронизывает все произведение". Это отношение вытекает из гражданской позиции Шекли, в основе которой – неприятие машинной цивилизации, подавляющей и разрушающей личность.

Однинадцать романов, двенадцать сборников рассказов – таков творческий итог работы Шекли в литературе за четверть века. Конечно, любые окончательные определения живущего и продолжающего работать писателя – дело неблагодарное, но некие предварительные оценки мы сделать вправе. Очевидно, что большая – и пока все же лучшая – часть повестей и рассказов Шекли написана в 50–60-е годы. И хотя в последние времена Шекли отошел от фантастики, сюжетная изобретательность, точность социальных характеристик, юмор, то мягкий, то язвительно-насмешливый, уже обеспечили писателю видное место в истории американской фантастики XX века.

* * *

С середины 70-х годов в американской фантастике появляется целый отряд молодых одаренных авторов (назовем хотя бы несколько имен: Дэвид Брин, Грегори Бэнфорд, Грегори Бир, Орсон Скотт Кард, Брюс Стерлинг, Джон Варли), пишущих по-новому о новых проблемах стремительно усложняющейся современности. И писатели старшего поколения оказались в роли догоняющих. Одни – например, Урсула Ле Гуин – справились с изменившейся ситуацией, другие нет.

Но никогда в истории литературы творческие успехи новых поколений пишущих не отменяли достигнутого их предшественниками. Клиффорд Дональд Саймак и Роберт Шекли – классики американской НФ литературы, признанные во всем мире. Творчество этих писателей, обладающих чуткостью к тому, что Гегель называл "состояние мира", подтверждает слова Рэя Брэдбери: "Лучшую научную фантастику создают в конечном счете те, кто чем-то недоволен в нашем обществе и выражает свое возмущение немедленно и яростно". Лучшие книги Саймака и Шекли объединяет неприятие любых форм социального зла, стремление утвердить веру в разум, понимание, что мир может быть спасен добротой и милосердием.

В. Гопман

Клиффорд САЙМАК

Пересадочная станция. Роман
Рассказы

Клиффорд Саймак
Пересадочная станция.
Роман

1

Грохот стих. Дым, словно тонкие серые пряди тумана, плыл над истерзанным полем, разваленными изгородями и персико-выми деревьями, которые артиллерийский огонь превратил в торчащие из земли щепки. Над огромной равниной, где в порыве застарелой ненависти сошлись в битве не-примиримые враги, где совсем недавно люди рубились насмерть, а затем, истощив все силы, отползли назад, на какое-то мгновение воцарилось — нет, не успокойние — безмолвие.

Казалось, целую вечность перекатывался от горизонта до горизонта пущечный гром, взметалась в небо земля, ржали кони, хрюп-ло кричали люди. Свист металла и тупые удары пуль, настигающих жертву, вспышки обжигающего огня, блеск клинов, яркие боевые знамена, реющие на ветру.

А затем все это кончилось, и наступила тишина.

Но тишина в этот день и над этой равниной звучала фальшиво, и вот она уже нарушается стонами и криками: кто-то просит воды, кто-то молит о смерти — крики, стоны, призывы о помощи будут звучать под безжалостным летним солнцем еще долгие часы. Позже рас простертые фигуры умолкнут и замрут, а потом над полем поплынет удушливый, тошнотворный запах, и могилы павших будут совсем не глубоки...

Много пшеницы останется неубранной, и не зацветут весной неухоженные сады; а на равнине, плавно поднимающейся к каменистому хребту, останутся несказанные слова, недоделанные дела и набухшие от влаги кучки тряпья, кричащие о бессмысленной расточительности смерти.

Железная Бригада, 5-й Нью-Гэмпширский, 1-й Миннесотский, 2-й Массачусетский, 16-й Мэнский — то были славные имена, и с годами их слава росла, но все же это только имена, откликающиеся эхом в туннелях веков.

Еще одно имя — Инек Уоллис.

Он так и держал в мозолистой руке свой разбитый мушкет. Лицо его почернело от пороховой гари. Сапоги покрылись коркой спекшейся крови и пыли.

Он все еще был жив.

2

Доктор Эрвин Хардвик в раздражении перекатывал карандаш между ладонями и оценивающе разглядывал человека, что сидел напротив него.

— Я никак не могу понять, — произнес он, — почему вы пришли именно к нам.

— Ну, вы — это все-таки Национальная академия, и я подумал...

— А вы — разведка.

— Послушайте, доктор, если это устроит вас больше, давайте считать мой визит неофициальным, а меня просто частным лицом. Предположим, я столкнулся с необычной проблемой и зашел узнать, можно ли рассчитывать на вашу помощь.

— Я не против того, чтобы помочь вам, но не вижу, чем могу быть полезен. Все это настолько туманно и гипотетично...

— Но тем не менее, — сказал Клод Льюис, — вы не можете опровергнуть даже те немногие имеющиеся у меня доказательства.

— Ладно, — произнес Хардвик, — давайте начнем все сначала и по порядку. Вы утверждаете, что этот человек...

— Его зовут Инек Уоллис, — сказал Льюис. — По документам ему уже давно перевалило за сто. Он родился на ферме близ небольшого городка Милвилл в штате Висконсин 22 апреля 1840 года. Единственный ребенок в семье Джедеции и Аманды Уоллис. Когда Эйб Линкольн стал собирать добровольцев, Инек Уоллис вступил в армию одним из первых и воевал в Железной Бригаде, которую уничтожили практически целиком у Геттисберга в 1863 году. Но Уоллис был переведен в другое подразделение, с которым он сражался в Виргинии под предводительством Гранта до самого конца, до Аппоматтокса...

— Я смотрю, вы не поленились проверить.

— Пришлось разыскивать его документы. Свидетельство о зачислении в армию в архиве законодательного собрания штата в Мадисоне. Все остальное — включая и запись о демобилизации — здесь, в Вашингтоне.

— Вы говорите, что он выглядит на тридцать?

— От силы на тридцать. Если не моложе.

— Но вы с ним не разговаривали?

Льюис покачал головой.

— Может быть, это не тот человек? Если бы у вас были отпечатки пальцев...

— Во времена Гражданской войны, — сказал Льюис, — до этого еще не додумались.

— Последний из ветеранов Гражданской войны, — произнес Хардwick, — умер несколько лет тому назад. Если не ошибаюсь, барабанщик из армии южан. Должно быть, тут какая-то ошибка.

Льюис снова покачал головой.

— Поначалу, когда мне поручили это дело, я тоже так думал.

— Кстати, как это вообще произошло? С каких пор разведка занимается подобными делами?

— Должен признать, — ответил Льюис, — случай действительно не совсем обычный. Но тут кроются серьезные перспективы...

— Вы имеете в виду бессмертие?

— И это тоже. Возможность такого явления. Однако тут есть и другие соображения. Сама эта странная история требовала расследования.

— Но при чем здесь разведка?

— Вы, очевидно, думаете, что этим следовало бы заняться какой-то научной группе? — Льюис улыбнулся. — Пожалуй, это было бы логично. Но дело в том, что Уоллиса случайно обнаружил наш человек. Он был в отпуске, гостил у своих родных в штате Висконсин милях в тридцати от того места, где живет Уоллис. До него дошел слух об этом человеке. Скорее, даже не слух — просто кто-то упомянул о нем в разговоре. После чего наш сотрудник попытался выяснить кое-какие подробности самостоятельно. Ему не очень-то много удалось узнать, но и этих крох хватило, чтобы он заинтересовался.

— Меня вот что удивляет, — сказал Хардwick. — Как мог человек прожить на одном месте сто двадцать четыре года без того, чтобы не прославиться на весь мир? Вы представляете себе, какой шум подняли бы газетчики, узнай они о подобном случае?

— При мысли об этом, — сказал Льюис, — меня бросает в дрожь.

— Однако вы не объяснили мне, как ему удалось остаться в безвестности.

— Не так-то просто это объяснить, — ответил Льюис. — Нужно знать те места и людей, которые там живут. Юго-западная часть штата Висконсин ограничена двумя реками: на западе течет Миссисипи, на севере — Висконсин. В глубине террито-

рии раскинулись бескрайние прерии: земли там богатейшие, фермы и города процветают. Но вдоль берегов места холмистые, много оврагов, скал, обрывов, и кое-где образовались совсем уединенные, отрезанные от мира уголки. Дороги в этих районах неважные, а на маленьких примитивных фермах живут люди, которые по духу ближе к первым годам освоения этих земель, чем к двадцатому веку. У них, конечно, есть машины, радиоприемники и скоро, видимо, будет телевидение. Но они консервативны по натуре и держатся друг друга — не все, конечно, и даже не то чтобы большая часть, зато это в полной мере относится к людям, которые живут в тех забытых богом местах. Когда-то там было немало ферм, но в наши дни едва ли можно заработать что-то, хозяйствствуя по старинке, и экономические обстоятельства постепенно вытесняют людей из этих медвежьих углов. Они продают свои фермы за гроши и уезжают. По большей части в города, где еще можно устроиться на работу.

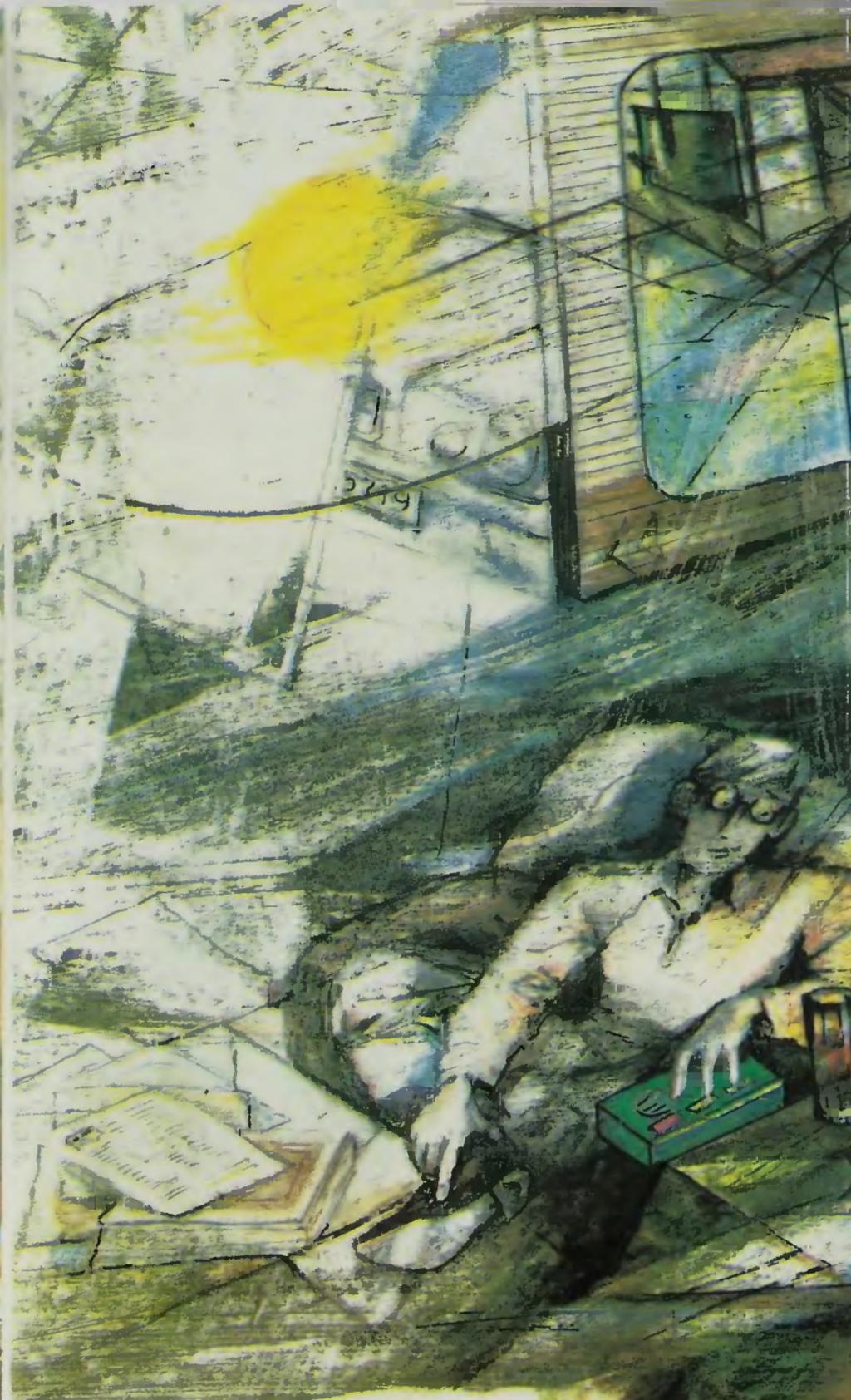
Хардвик кивнул.

— А те, кто остается, как раз наиболее консервативны и не жалуют чужаков.

— Вот именно. Земли в основном перешли к людям, которые не живут там и даже не пытаются делать вид, что используют их для сельскохозяйственных нужд. Иногда пускают на выпас скот — очень небольшие стада, — и на этом дело кончается. Совсем неплохой способ получения скидки с налогов для тех, кому такое бывает нужно. Кроме того, во времена земельных банков им тоже было сдано немало участков.

— Хотите сказать, что эти "лесные жители" — так, что ли, их можно назвать — участвуют в заговоре молчания?

— Не то чтобы они делали это сознательно или намеренно, — сказал Льюис. — Это просто их образ жизни, мораль, унаследованная от старой крепкой философии первопроходцев Запада. Они занимаются своими делами. Им не нравится, когда люди суются в их дела, а сами они не лезут в чужие. Если человеку хочется жить до тысячи лет, это, может быть, и удивительно, но это его личное дело — черт с ним, пусть живет. И если он хочет жить один, хочет, чтобы его оставили в покое, — это тоже его дело. Они, возможно, обсуждают Уоллиса между собой, но ни в коем случае ни с кем из посторонних. И скорее всего, им не понравится, если кто-то чужой будет пытаться разговорить их на эту тему. Мне кажется, они уже просто привыкли к тому, что Уоллис остается молодым, хотя их самих годы не щадят. Удивление прошло, и, видимо, даже между собой они не очень-то его обсуждают. Новые поколения принимают это как должное, потому что их родители не видят тут ничего необычного. Да и самого Уоллиса люди встречают редко — ведь он живет очень обо-

собленно. А чуть дальше от тех мест если кто и думал об этом чуде, то, скорее, как об очередной "утке". Еще, мол, одна байка, выдумка, которая гроша ломаного не стоит. Может, всего лишь шутка, понятная разве что жителям какого-нибудь медвежьего угла вроде Дарк-Холлоу. Как легенда про Рип ван Винкля, — легенда, где нет ни слова правды. Скорее всего, люди просто посмеются над человеком, который воспримет эту историю всерьез и попытается в ней разобраться.

— Однако ваш человек заинтересовался.

— Да. И, убей меня бог, не знаю почему.

— Тем не менее ему это дело не поручили.

— Он был нужен в другом месте. Кроме того, его там знали.

— И вы...

— Мне потребовалось два года работы.

— И теперь вы знаете всю его историю.

— Не всю. Надо сказать, теперь вопросов у меня стало еще больше.

— Вы видели его самого?

— Неоднократно, — ответил Льюис. — Но я никогда с ним не разговаривал. И думаю, меня он не видел ни разу. Каждый день, перед тем как забрать почту, Уоллис совершает прогулку, но никогда не уходит далеко от дома. Все, что ему бывает нужно, приносит почтальон: то пакет муки, то фунт бекона, дюжины яиц, иногда спиртное.

— Надо полагать, в нарушение правил почтового ведомства.

— Разумеется. Но почтальоны делали это годами. Всех такая ситуация устраивает — по крайней мере до тех пор, пока кто-нибудь не устроит скандал. Но там скандалов не устраивают. Возможно, кроме почтальонов, Уоллис ни с кем никогда дружеских отношений и не поддерживал.

— Насколько я понял, хозяйством он практически не занимается.

— Совсем не занимается. У него есть небольшой огород, но это все. Земля пришла в полное запустение.

— Но должен же он на что-то жить. Где-то ведь он берет деньги?

— Да, — ответил Льюис. — Раз в пять или десять лет он отсыпает одной фирме в Нью-Йорке горсть драгоценных камней.

— Как на это смотрит закон?

— Вы имеете в виду, что они могут быть крадеными? Нет, не думаю. Хотя, если бы кто-то захотел найти к чему приступиться, это было бы несложно. Давным-давно, когда Уоллис только начал отправлять им камни, возможно, все было в

порядке. Но время шло, законы менялись, и, я подозреваю, теперь и он сам, и покупатель кое-какие из них нарушают.

— Но вы не вмешиваетесь?

— Я проверил фирму, — сказал Льюис, — и они здорово забеспокоились. Прежде всего потому, что все эти годы безбожно обдирали Уоллиса. Но я сказал им, чтобы они покупали, как и раньше. А если кто-то еще будет их проверять, чтобы сразу отсыпали этих людей ко мне. Короче, посоветовал им держать язык за зубами и ничего не менять.

— Вы не хотите, чтобы кто-нибудь его спугнул? — спросил Хардwick.

— Совершенно верно. Мне нужно, чтобы почтальон по-прежнему продолжал доставлять продукты, а нью-йоркская фирма по-прежнему покупала у него драгоценные камни. Я хочу, чтобы все оставалось как есть. И если вы спросите меня, откуда берутся эти камни, я вам сразу скажу: не знаю.

— Может быть, у него там свой прииск?

— Хорош прииск. Алмазы, изумруды и рубины — все в одном и том же месте?

— Надо полагать, что даже при тех ценах, по каким с ним рассчитывались, Уоллис получает неплохой доход.

Льюис кивнул.

— Видимо, он посыпает им новую партию, только когда кончаются деньги. А денег Уоллис тратит не так уж много, поскольку живет довольно просто, если судить хотя бы по тем продуктам, что он закупает. Правда, он выписывает множество газет, еженедельников и более десятка научных журналов. Кроме того, заказывает по почте много книг.

— Технических?

— Отчасти — да, но большинство из них — просто популярные издания, которые держат читателя в курсе последних достижений науки. Физика, химия, биология и все такое прочее.

— Но я не...

— Вот именно. Я тоже. Он вовсе не учёный. По крайней мере настоящего образования Уоллис не получил. В те далёкие годы, когда он ходил в школу, не очень-то многому там учили — сейчас, во всяком случае, естественнонаучным дисциплинам уделяется гораздо больше внимания. Кроме того, все, что он мог тогда узнать, давно уже обесценилось. Уоллис посещал начальную школу — типичную для тех времен школу, где все занимались в одной комнате, — а затем провел зиму в так называемой "академии", что просуществовала год или два в городке Милвилл. Если вы не в курсе, могу сообщить, что для пятидесятых годов прошлого века это относительно высокий уровень образования. Так что он наверняка был очень способным юношей.

Хардwick покачал головой.

— Невероятно! Вы все это проверили?

— Насколько было возможно. Приходилось действовать очень осторожно. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь догадался о том, что меня интересует на самом деле. Да, забыл упомянуть — Уоллис много пишет. Он покупает толстые тетради для дневниковых записей дюжинами. И чернила — пинтами.

Хардwick поднялся из-за стола и прошелся по комнате.

— Льюис, — произнес он, — если бы вы не предъявили мне свои документы и если бы я не проверил их подлинность, честно говоря, я бы решил, что все это просто бездарный розыгрыш.

Он вернулся к столу и сел, потом взял карандаш и снова принялся перекатывать его между ладонями.

— Вы занимаетесь этим делом уже два года. У вас есть какие-нибудь предположения?

— Никаких, — ответил Льюис. — Я в полном недоумении. И именно поэтому я здесь.

— Расскажите мне, что вы знаете о нем еще. Я имею в виду — о его жизни после войны.

— Его мать умерла, когда Уоллис был в армии. Отец с соседями похоронили ее там же, на ферме. В те годы многие так поступали. Молодой Уоллис получил отпуск, но слишком поздно: на похороны он не успел. Никакого замораживания тогда попросту не было, а дорога отнимала много времени. Потом он вернулся в действующие войска. Отец Уоллиса остался холостяком, в одиночку работал на ферме и жил в достатке. По тем сведениям, что мне удалось собрать, он был хорошим фермером, даже исключительно хорошим для своего времени. Выписывал кое-какие сельскохозяйственные журналы и вводил у себя всякие новшества. Уже тогда он использовал севооборот и боролся с эрозией почвы. По современным стандартам это была не бог весть какая ферма, но жил он с нее совсем неплохо и даже сумел кое-что отложить. Затем с войны вернулся Инек, и они больше года работали на ферме вместе. Старый Уоллис купил косилку для лошадиной тяги — этакая цилиндрическая конструкция с острыми длинными резаками, чтобы убирать сено и зерновые. Весьма прогрессивный шаг по тем временам. Вручную за такой штукой не угонишься. Но однажды хозяин отправился на косьбу, и лошадей что-то испугало: они рванули, и старого Уоллиса бросило вперед, прямо под косилку. Далеко не самый лучший способ уйти из жизни...

Хардwick передернулся и пробормотал:

— Ужасно...

— Инек нашел отца и перенес его тело в дом. Затем взял ружье и пошел искать лошадей. Отыскал их в дальнем конце

пастбища, пристрелил на месте, да там и оставил. Это действительно так и произошло. Долгие годы на пастбище лежали два лошадиных скелета, запряженные в косилку, — до тех пор, пока не сгнила сбруя. Инек вернулся домой и занялся приготовлениями к похоронам. Обмыл отца, одел его в выходной черный костюм и положил на стол, потом сколотил в сарае гроб. Могилу он выкопал рядом с могилой матери. Закончил уже при свете фонаря и всю ночь просидел возле отца. Когда наступило утро, он отправился к ближайшему соседу, тот сообщил другим соседям, и кто-то позвал священника. Под вечер состоялись похороны, и Инек вернулся домой. С тех пор он там и жил, но никогда больше не возделывал землю. Только огород, и все.

— Вы говорили, что эти люди не любят разговаривать с чужаками, однако вам удалось узнать много подробностей.

— У меня ушло на это два года. Я, можно сказать, внедрился к ним. Купил побитую машину и, остановившись в Милвилле, пустил слух, что ищу женщень.

— Что ищете?

— Женщень. Это такое растение.

— Я знаю. Но на него уже долгие годы нет спроса.

— Ну, небольшой спрос все-таки есть. Время от времени женщень скупают экспортёры. Но я собирал и другие лекарственные травы тоже и вообще делал вид, что хорошо знаю народную медицину. Впрочем, "делал вид" — не совсем те слова: за два года я это дело неплохо освоил.

— Понятно, этакая простая душа, — сказал Хардwick, — тамошние таких понимают. Чудак, мол, травы какие-то ищет — это в наше-то время. Да и безобидный совсем. Может, даже немного чокнутый.

Льюис кивнул.

— Да, вышло даже лучше, чем я предполагал. Я просто шатался по окрестностям, и иногда люди со мной разговаривали. Мне, кстати, и женщень удалось найти, правда немножко. Особенно я подружился там с одной семьей, с Фишерами. Они живут ниже по реке, а ферма Уоллиса стоит на возвышенности у крутого берега. Причем живут они там почти столько же, сколько и Уоллисы, но занимаются совсем другими делами. Фишеры всегда охотились на енотов, ловили рыбу-зубатку и гнали самогон. В моем лице они, видимо, нашли родственную душу. Я был столь же беспечен и склонен к безделью, как они сами. Я им даже помогал с самогоном: и гнать помогал, и пить, а пару раз и продавать. Ходил с ними ловить рыбу, охотился, разговоры разговаривал, и они показали мне несколько мест, где искать женщень — "шань", как они его называют. Наверно, для социологов эта семейка — золотое дно. У Фишеров есть дочь — глухонемая,

но очень хорошенъкая, — так вот она умеет заговаривать бородавки...

— Мне это все очень знакомо, — отозвался Хардвик. — Я сам родился и вырос в горах на юге.

— Они-то и рассказали мне про сенокосилку. Я выбрал денек, отправился в дальний конец пастбища Уоллисов и произвел кое-какие раскопки. Нашел лошадиный череп и кости.

— Но тут вряд ли докажешь, что это лошади Уоллиса.

— Пожалуй, — согласился Льюис. — Однако я нашел еще и обломки косилки. Осталось от нее не так много, но определить, что это такое, все же можно.

— Давайте вернемся к истории Уоллиса, — предложил Хардвик. — После смерти отца он остался на ферме. И никогда ее не покидал?

Льюис покачал головой.

— Инек живет в том же самом доме. Там абсолютно ничего не изменилось. И похоже, дом состарился ничуть не больше, чем его хозяин.

— Вам удалось побывать в доме?

— В доме — нет. Только возле дома. Сейчас я и об этом расскажу.

3

В его распоряжении был час. Льюис знал это совершенно точно — последние десять дней он следил за Уоллисом с хронометром в руках, и от того момента, когда тот выходил из дома, до возвращения с почтой каждый раз получалось около часа. Иногда чуть больше, когда почтальон опаздывал или они останавливались поговорить. Но час, говорил себе Льюис, — это все, на что он может твердо рассчитывать.

Уоллис скрылся за холмом, направляясь к каменистой гряде, что поднималась над отвесным берегом реки Висконсин. Там он, зажав винтовку под рукой, заберется на скалу и остановится, задумчиво глядя на дикую долину реки. Затем спустится по камням вниз и пойдет по лесной тропе, вдоль которой в положенное время года цветут розовые "башмачки". А оттуда — снова вверх по холму к роднику, что выбивается из земли чуть ниже старого поля, непаханного, может, уже сотню лет, потом дальше, до почти заросшей дороги и вниз к почтовому ящику.

За те десять дней, что Льюис наблюдал за ним, его маршрут не менялся ни разу. Возможно, он не менялся годами. Уоллис никогда не торопился. Прогуливался он с таким видом, словно времени у него было хоть отбавляй. Останавливался по пути, чтобы пообщаться со своими давними знакомыми.

мыми — с деревом, с белкой, с цветком. Выглядел Уоллис крепким, здоровым, да и во всей его повадке еще чувствовался бывалый солдат — старые привычки и маленькие хитрости, оставшиеся с тех суровых лет, что он провел в боях под началом многих полководцев. Подняв голову и расправив плечи, Уоллис всегда двигался легкой походкой человека, познавшего в свое время долгие изнурительные переходы.

Льюис выбрался из своего укрытия за густой завесой ветвей деревьев, которые когда-то давно были садом: на кривых, узловатых, серых от старости ветвях кое-где еще родились крохотные кислые яблоки.

Остановившись у края зарослей, он окинул взглядом жилище Уоллиса, стоящее на вершине холма, и на мгновение ему показалось, что дом освещен каким-то особым сиянием, словно некий чистейший концентрат солнечного света преодолел разделяющую два небесных тела бездну и пролился только на один этот дом, чтобы выделить его среди всех других домов мира. Залитый солнечным сиянием, дом казался неземным, словно он и в самом деле был каким-то необыкновенным. Но затем это сияние исчезло — как будто оно просто привиделось, — и дом снова вернулся в освещенный привычным солнечным светом мир лесов и полей.

Льюис потряс головой, уверяя себя, что это просто игра воображения или оптический обман. Потому что особого солнечного света не бывает, и этот дом — самый обыкновенный дом, хотя он и прекрасно сохранился.

Такой дом в наши дни не часто увидишь. Прямоугольное, длинное, узкое строение с высокой крышей и старомодными резными карнизами. Какая-то в нем чувствовалась суровость, не имеющая ничего общего с возрастом: таким он, видимо, был уже в тот день, когда его закончили строить. Простой, суровый, крепкий дом, под стать людям, которые в нем жили. Однако же, несмотря на эту вековую суровость, аккуратный и ухоженный: везде ровная, не ободранная краска; ни малейшего намека, что где-то что-то подгнило; и даже непогода не оставила на нем своей печати.

С одной стороны от дома стояла пристройка, скорее даже просто сарай, и выглядел он тут совсем не на месте, словно его привезли откуда-то целиком и приставили к стене, закрыв боковую дверь. Может быть, дверь, ведущую на кухню, подумал Льюис. Сарай, без сомнения, использовался для того, чтобы вешать там плащи и куртки, оставлять калоши и сапоги; наверняка есть там скамьи для ведер и молочных бидонов и стоит плетеная корзина для сбора яиц. Над крышей сарай торчала невысокая печная труба.

Льюис приблизился к дому, обогнул пристройку и уви-

дел, что дверь туда приоткрыта. Он поднялся по ступенькам, открыл дверь пошире и застыл в изумлении.

Это был не просто сарай. Судя по всему, именно тут Уоллис и жил.

В одном углу стояла печь, от которой уходила под крышу труба. Обыкновенная древняя печь, размерами немного меньше, чем старомодные кухонные плиты; на печи — кофейник, кастрюля и сковорода. На крюках, прибитых к доске за печкой, висела другая кухонная утварь. Напротив — полуторная кровать на четырех ножках, покрытая пестрым одеялом с орнаментом из множества цветных лоскутков, вроде тех, что были очень популярны у хозяек лет сто назад. В другом углу стояли стол и стул, над столом в небольшом открытом стеклом шкафчике — тарелки. Керосиновая лампа на столе — старая, обшарпанная, но стекло чистое, словно его вымыли и отполировали сегодня утром.

Однако никакой двери, ведущей из сараев в дом, и никаких признаков, что она тут когда-то была. Просто ровная, обшитая дощечками стена дома, где полагалось быть четвертой стене пристройки.

Невероятно, сказал себе Льюис, как это — нет двери? И почему Уоллис живет здесь, в этом сарае, а не в самом доме? Возможно, есть какая-то причина, по которой он не живет там, но тем не менее остается поблизости. Может быть, Уоллис всю жизнь несет за что-то покаяние, словно средневековый отшельник, поселившийся в лесной хижине или в пещере где-нибудь в пустыне.

Льюис стоял посреди помещения и оглядывался вокруг, надеясь, что ему удастся обнаружить какую-то зацепку, ключ к пониманию этой необычной ситуации. Но в сарае не было абсолютно ничего, помимо самых элементарных, необходимых для жизни вещей — печь, чтобы готовить пищу и обогревать жилище, кровать, чтобы спать, стол, на котором есть, лампа для освещения. Ни даже лишней шляпы (хотя, если подумать, Уоллис вообще не носил шляп) или лишней куртки.

Ни журналов, ни бумаг, хотя Уоллис никогда не возвращался от почтового ящика с пустыми руками. Он выписывал "Нью-Йорк таймс", "Уолл-стрит джорнэл", "Крисчен сайенс монитор", "Вашингтон стар" и еще множество научных и технических журналов. Но в сарае не было ни журналов, ни книг, что он покупал. Ни, если на то пошло, толстых дневников. Там вообще не было ничего, на чем можно писать.

Возможно, сказал себе Льюис, этот сарай не больше чем маскировка, место, которое по совершенно неизвестной причине Уоллис тщательно обставил, чтобы создавалось впечатление, будто он именно здесь и живет. Не исключено, что

на самом деле он живет в доме. Но если дело действительно обстоит так, то зачем этот маскарад — не очень, кстати, убедительный?

Льюис повернулся к двери и вышел из сарай. Обогнул дом и приблизился к крыльцу. На первой ступеньке он остановился и осмотрелся. Кругом стояла тишина. Солнце взобралось уже высоко, день обещал быть теплым, и весь этот уединенный уголок земли словно успокоился и затих в ожидании полуденной жары.

Взглянув на часы и убедившись, что у него есть еще сорок минут, Льюис поднялся по ступенькам, взялся за круглую дверную ручку и повернул — но она не повернулась, лишь скользнули по ней обхватившие ее пальцы.

Льюис удивился, попробовал еще раз, и снова у него ничего не получилось. Как будто дверная ручка была покрыта чем-то твердым и скользким, словно пленкой льда, по которой пальцы скользили, не оказывая на ручку никакого давления.

Он наклонился, стараясь разглядеть, есть ли там какое-нибудь покрытие, однако ничего не обнаружил. Ручка выглядела совершенно normally, даже, может быть, слишком normally. Она была такая чистая, словно кто-то совсем недавно протер ее и отполировал: ни пыли, ни оставленных непогодой отметин или пятен ржавчины.

Льюис попробовал царапнуть ее ногтем, однако ноготь скользнул, не оставив на ней никакого следа. Он провел рукой по поверхности двери — дерево оказалось таким же скользким. Ладонь совсем не чувствовала трения, как будто дверь намазали маслом. Однако никакой смазки там не было. Вообще не было ничего, что объясняло бы это непонятное скольжение.

Льюис отошел от двери и потрогал общую досками стену — стена была тоже скользкая. Он провел по ней сначала ладонью, затем ногтем — результат тот же. Весь дом, казалось, покрыт чем-то скользким и гладким, настолько гладким, что даже пыль не садилась на его поверхность и непогода не оставляла на нем никаких следов.

Льюис подошел к окну и только тут заметил странность, которую не заметил раньше, и понял, отчего дом производил такое суровое впечатление. Все окна были черными. Ни занавесок, ни штор, ни жалюзи — просто черные прямоугольники, похожие на пустые глазницы голого черепа здания.

Он приник к стеклу, закрывшись с обеих сторон ладонями от света, но все равно ничего не разглядел за окном. Перед глазами застыл глубокий черный омут, и, что странно, в этой черноте ничего не отражалось. Не отражалось даже его лицо. Ничего, кроме черноты, словно свет падал на стек-

ло и тут же поглощался, всасывался и оставался там навсегда. Ни единого отблеска.

Льюис спустился с крыльца и медленно обошел вокруг дома, внимательно его разглядывая. Все окна до единого — те же черные прямоугольники, впитывающие свет без остатка, все стены такие же скользкие и твердые, как возле крыльца.

Он ударил по стене кулаком — все равно что скала. Обследовав каменный фундамент, Льюис убедился, что и там все гладко и скользко. Раствор между камнями лежал неровно, да и в самих камнях были трещины, но рука не чувствовала никаких шероховатостей.

Что-то невидимое покрывало камень — ровно настолько, чтобы заполнить щербины и неровности. Но что это, он не понимал. Казалось, оно было бесплотно.

Выпрямившись, Льюис взглянул на часы. В его распоряжении оставалось всего десять минут. Пора уходить.

Он спустился по холму к старому заброшенному саду и уже под деревьями остановился, чтобы взглянуть на жилище Уоллиса еще раз. Теперь дом выглядел иначе. Теперь это было не просто здание. В его ожившем облике появилось что-то насмешливое, даже издевательское, как будто внутри дома зрело готовое вот-вот вырваться наружу зловещее хихиканье.

Льюис поднырнул под низкие ветки и двинулся через сад, пробираясь между деревьями. Тропинки там, конечно, не было, а трава и сорняки вымахали выше колен. Он снова пригнулся, потом обошел дерево, которое много лет назад вырвало с корнем во время бури.

Время от времени он протягивал руку и срывал яблоки — мелкие горькие дички, — откусывал кусочек и тут же выбрасывал; ни одного съедобного среди них так и не нашлось, словно они всосали из заброшенной земли горечь запустения.

В дальнем конце сада Льюис наткнулся на забор, поставленный вокруг могил. Здесь трава разрослась не так сильно, а на заборе можно было заметить следы недавнего ремонта. В изножье у каждой могилы, напротив трех простых надгробий из местного известняка, росло по кусту пионов — большие, разросшиеся кусты, посаженные, видимо, много лет назад. Поняв, что он наткнулся на семейное кладбище Уоллисов, Льюис остановился у ветхой изгороди.

Но тут должно быть только два надгробных камня. Откуда взялся третий?

Он двинулся вдоль изгороди к осевшей калитке, прошел внутрь и остановился у могил, читая надписи на надгробьях. Угловатые, неровные буквы свидетельствовали о том, что надписи сделаны неопытной рукой. Тут не было ни сантимен-

тальных фраз, ни стихотворных строк, ни изображений ангелов, ягнят или других символических образов, характерных для шестидесятых годов прошлого века, — только имена и даты.

На первом камне: Аманда Уоллис 1821—1863.

На втором: Джедедия Уоллис 1816—1866.

А на третьем...

4

— Дайте мне, пожалуйста, карандаш, — сказал Льюис.

Хардwick перестал катать его между ладонями и протянул Льюису.

— Лист бумаги? — спросил он.

— Да, если можно.

Льюис склонился над столом, и карандаш быстро забегал по бумаге.

— Вот, — произнес он, передавая лист Хардwickу.

— Это какая-то бессмыслица, — сказал тот, сдвинув брови. — Кроме вот этого символа внизу.

— Восьмерка, лежащая на боку. Я знаю. Символ бесконечности.

— А все остальное?..

— Не имею понятия, — ответил Льюис. — Так начертано на надгробье. Я просто скопировал.

— И теперь знаете на память?

— Ничего удивительного, если учесть, сколько времени я провел, пытаясь понять, что это такое.

— Никогда в жизни не видел ничего подобного, — сказал Хардwick. — Впрочем, я не специалист и в таких вещах ничего не смыслю.

— Пусть вас это не смущает. Об этих символах никто не имеет ни малейшего понятия. Тут нет никакого сходства, даже отдаленного, с каким-то языком или с известными нам письменами. Я консультировался со специалистами. Опросил с десяток ученых. Говорил им, что обнаружил эту надпись на скале, и, думаю, большинство из них решили, что я чокнутый фанатик. Вроде тех людей, которые постоянно пытаются доказать, что в доколумбову эпоху в Америке были поселения римлян, финикийцев, ирландцев или еще что-нибудь в таком же духе.

Хардwick положил лист на стол.

— Я понимаю, что вы имели в виду, когда сказали, что сейчас у вас вопросов стало больше, чем вначале. Тут и молодой человек, которому больше ста лет, и гладкий, скользкий дом, и третья надгробье с непостижимой надписью. Вы ни разу не говорили с Уоллисом?

— С ним никто не говорил. Кроме почтальона. Когда Уоллис выходит на свою ежедневную прогулку, он берет с собой ружье.

— И что, люди боятся заговаривать с ним?

— Вы имеете в виду из-за ружья?

— Да, пожалуй. Почему он всегда при оружии?

Льюис покачал головой.

— Не знаю. Я пытался найти этому какое-то объяснение, понять, почему он всегда берет с собой ружье. Насколько мне известно, он не сделал из него ни одного выстрела. Однако я не думаю, что местные жители не вступают с ним в разговоры, потому что он вооружен. Уоллис для них — анахронизм, нечто из прошлого века. Я уверен, его никто не боится. Он слишком долго жил там. Слишком привычен. Он просто часть этих мест — такой же привычный, как деревья или скалы. Но при этом особого расположения к нему тоже никто не испытывает. Подозреваю, что, встретившись с ним лицом к лицу, большинство местных жителей будут чувствовать себя не очень уютно. Он не такой, как все, — нечто большее и одновременно нечто меньшее. Как человек, утративший свое человеческое существо. Я думаю, втайне многие соседи даже немного стыдятся его, потому что он каким-то образом — может быть, невольно — обошел старость стороной, а старость — это одно из наших наказаний, но в то же время и одно из неотъемлемых прав человека. Может быть, этот затаенный стыд в какой-то степени объясняет и их нежелание рассказывать об Уоллисе.

— Вы наблюдали за ним долго?

— Поначалу — да. Но теперь у меня группа. Мои сотрудники следят за ним посменно. У нас больше десятка наблюдательных постов, и их мы тоже периодически меняем. Но каждый день и каждый час дом Уоллиса находится под наблюдением.

— Я смотрю, вас эта ситуация заинтересовала всерьез.

— И не без оснований, — ответил Льюис. — Я хочу показать вам еще кое-что.

Он наклонился, поднял кейс, стоявший у кресла, раскрыл его и, достав пачку фотографий, передал их Хардвику.

— Что вы на это скажете?

Хардвик взял фотографии. И внезапно застыл. Лицо его побледнело, руки затряслись. Затем он принял аккуратно раскладывать фотографии на столе, но взгляд его удерживала первая — та, что лежала сверху. Льюис увидел в его глазах вопрос и сказал:

— В могиле. В той самой, где надгробье с непонятными зачорочками.

Аппарат связи пронзительно засвистел. Инек Уоллис отложил дневник и встал из-за стола. Прошел через комнату к аппарату, нажал кнопку и вставил ключ. Свист прекратился.

Из аппарата донеслось гудение, и на экране появились слова — сначала едва различимые, но с каждой секундой все более отчетливые:

НОМЕР 406 301 СТАНЦИИ 18 327. ПУТЕШЕСТВЕННИК В 16 097.38.

ЖИТЕЛЬ ПЛАНЕТЫ ТУБАН-VI. БАГАЖА НЕТ. ЖИДКОСТНЫЙ КОНТЕЙНЕР НОМЕР 3. СМЕСЬ 27. ОТПРАВЛЕНИЕ НА СТАНЦИЮ 12 892 В 16 439.16. ПРОШУ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Инек взглянул на большой галактический хронометр, закрепленный на стене. До прибытия гостя оставалось еще три часа.

Он коснулся другой кнопки, и из щели на боку аппарата выполз тонкий металлический лист с текстом сообщения. Дубликат автоматически поступил в архив. Послышался щелчок, и экран опустел до следующего послания.

Инек вытащил металлическую пластинку с двумя дырочками и подколол в досье, затем опустил руки на клавиатуру и напечатал:

НОМЕР 406 301 ПОЛУЧЕН. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГОТОВНОСТИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Текст высветился на экране, и Инек не стал его стирать.

Тубан-VI? Интересно, кто-нибудь оттуда уже бывал здесь? Уоллис решил, что, закончив дела, непременно заглянет в картотеку и проверит.

Путешественнику требовался жидкостный контейнер, и такие гости, как правило, оказывались наименее интересными. Завязать с ними разговор удавалось далеко не всегда, поскольку их языковые концепции часто вызывали слишком много трудностей для понимания. А нередко и сами мыслительные процессы этих существ столь значительно отличались от человеческих, что с ними невозможно было найти точку соприкосновения.

Хотя так случалось не всегда. Уоллис вспомнил, как несколько лет назад к нему попал такой вот обитатель жидкой среды откуда-то из созвездия Гидры (или из Гиад?), с которым они проговорили всю ночь, и так было интересно, что Инек едва не пропустил время отправки гостя на станцию назначения. Это довольно путаное общение (едва ли его можно было назвать беседой) продолжалось всего несколько часов, но оставило у него ощущение товарищеской, даже братской близости.

Он – а может быть, она или оно, поскольку у них как-то не возникло необходимости прояснить этот вопрос, – больше на станции не появлялся. Впрочем, так случалось часто. Очень немногие из гостей останавливались на его станции на обратном пути. Большинство из них просто следовали к своей цели.

Но он (она или оно) остался в его записях. Черным по белому. Как и все остальные. До единого. Черным по белому. Ему потребовался, вспоминал Уоллис, почти весь следующий день, чтобы, сгорбившись за столом, описать услышанное: все рассказанные истории, все впечатления о далеких, прекрасных и манящих мирах (манящих, потому что так много было там непонятного), все тепло товарищеских отношений, возникших между ним и этим странным, уродливым, по земным меркам, существом с другой планеты. И теперь в любой день по желанию он мог вытащить из длинного ряда стоявших на полке дневников тот самый и вновь пережить памятную ночь. Хотя он ни разу этого не сделал. Странно, отчего-то ему всегда не хватает времени – или кажется, что не хватает, – на то, чтобы перелистать и перечитать хоть что-то из записанного за долгие годы...

Он отвернулся от аппарата связи и подкатил жидкостный контейнер номер три под материализатор, установил его точно на место и закрепил. Затем вытянул из стены шланг, нажал на селекторе кнопку номер 27 и заполнил контейнер. Шланг, когда он его отпустил, сам уполз обратно в стену.

Уоллис вернулся к клавиатуре, убрал текст с экрана и послал подтверждение о полной готовности к приему путешественника с Тубана, в свою очередь получил двойное подтверждение с центральной станции и перевел аппарат в состояние готовности для новых сообщений.

Затем прошел к картотечному шкафу, расположенному у письменного стола, и вытянул ящик, заполненный карточками. Да, действительно: Тубан-VI. И число: 22 августа 1931 года. Инек прошел через комнату к стене, от пола до потолка заставленной полками с книгами, журналами, его дневниками, и, выбрав нужную тетрадь, вернулся к столу.

22 августа 1931 года, как он обнаружил, открыв соответствующую страницу, выдалось совсем мало работы: всего один путешественник с Тубаном-VI. И хотя записи о том дне занимали целую страницу, испанную его мелким, неразборчивым почерком, гостю он посвятил всего один абзац:

Сегодня прибыл сгусток с Тубаном-VI. По-другому, пожалуй, и не скажешь. Просто масса живой материи, и эта масса меняла форму, то превращаясь в шар, то растекаясь по дну контейнера, словно блин. Потом она сжималась, втягивая края внутрь, и снова превращалась в шар... Перемены проис-

ходили медленно, и в них был заметен определенный ритм, но только в том смысле, что они повторялись. По времени каждый цикл отличался от предыдущего. Я пробовал хронометрировать их, но не смог установить четкой периодичности. Самое короткое время до полного завершения цикла составило семь минут, самое долгое — восемнадцать. Может быть, за более длительный срок можно было бы уловить повторяемость и по времени, но у меня не хватило терпения. Семантический транслятор не сработал, но существо издало несколько резких щелчков — как будто хлопнуло клемшнями, хотя никаких клемней я у него не заметил. И, только проверив по пазимологическому справочнику, я понял смысл этого обращения. Гость сообщал, что с ним все в порядке, что внимания ему не требуется и что он просит не беспокоить его. Я так и поступил.

В конце абзаца на оставшемся пустом месте было приписано: *Смотри 16 октября 1931 года.*

Инек перелистнул несколько страниц и добрался до 16 октября. До одного из тех дней, когда Улисс прибыл на станцию с инспекторской проверкой.

Разумеется, его звали не Улисс. И, строго говоря, у него вообще не было имени. У его народа просто не возникло необходимости в именах, поскольку они выработали иную идентификационную терминологию, гораздо более выразительную. Однако эта терминология и даже ее общая концепция были настолько сложны для человека, что ни понять, ни тем более использовать ее Уоллис не мог.

— Я буду звать тебя Улисс, — сказал он ему, когда они встретились впервые. — Должен же я как-то тебя называть.

— Согласен, — ответило незнакомое существо (тогда еще незнакомое, но вскоре ставшее другом). — Но могу ли я спросить, почему ты выбрал имя Улисс?

— Потому что это имя великого человека моей расы.

— Я рад, что ты выбрал такое имя, — произнесло существо, только что получившее крещение. — Оно звучит, как мне кажется, возвыщенно и благородно. Между нами говоря, я буду счастлив носить это имя. А тебя я буду звать Инеком, поскольку нам предстоит работать вместе много-много твоих лет.

И действительно, прошло много-много лет, подумал Инек, стоя с открытым дневником в руках и глядя на запись, сделанную несколько десятилетий назад. Десятилетий, удивительно обогативших его, оставивших такой след в душе, что это и представить себе невозможно было до тех пор, пока он их не прожил.

И все это будет продолжаться. Гораздо дольше, чем тот небольшой отрезок времени, что уже прожит. Века, а может

быть, целое тысячелетие. Чего он только не узнает к концу этого тысячелетия!

Хотя, думалось Инеку, может быть, знания — не самое главное.

К тому же он понимал, что прежнее положение долго не сохранится, поскольку теперь ему могут помешать. В окрестностях появились наблюдатели, или по крайней мере один наблюдатель. Вполне возможно, что скоро они начнут сжимать кольцо поисков. Пока Уоллис не имел ни малейшего понятия, что делать и как готовиться к надвигающейся опасности. Но рано или поздно это должно было случиться, и, во всяком случае, внутренне он уже приготовился... Странно только, что этого не произошло раньше.

О такой опасности Инек рассказал Улиссу еще в тот день, когда они встретились впервые. И теперь, размыслия о своих проблемах, он снова вспоминал события многолетней давности — прошлое вставало перед его внутренним взором с такой ясностью, словно все это случилось только вчера.

6

Инек сидел на ступенях крыльца. Вечерело. Над далекими холмами в штате Айова, за рекой, собирались грозовые тучи. День был жаркий, душный, ни дуновения ветерка. У сарая вяло ковырялись в земле несколько кур — скорее, наверно, по привычке, чем в надежде найти что-нибудь съедобное. Стайка воробьев то срывалась вдруг с крыши амбара и неслась к кустам жимолости, что у поля за дорогой, то летела обратно, и крылья их сухо потрескивали, словно от жары перья стали жесткими и твердыми.

Вот сижу, думал Инек, и гляжу на тучи, а ведь еще столько работы — и поле кукурузное надо перепахать, и убрать сено, и скопнить пшеницу...

Но что бы там ни случилось, как бы тяжело ему ни было, надо жить дальше, и по возможности с толком. Это станет ему уроком, напоминал себе Инек, хотя за последние годы он должен был в полной мере познать всю тщету земную. Однако на войне все было по-другому. На войне ты знаешь, чего ожидать, готовишься, но сейчас-то не война. Сейчас мирная жизнь, к которой он вернулся с такими надеждами. Человек вправе ожидать, что в мире без войны действительно будет покой, что он будет огражден от жестокости и страха.

Теперь он одинок. Одинок, как никогда раньше. Теперь и вправду надо начинать новую жизнь, другого выбора нет. Но будь то здесь, на родной земле, или в каком-то другом месте — эта новая жизнь начнется с горечи и печали.

Инек сидел на крыльце, уронив руки на колени, и все смотрел на собирающиеся на западе тучи. Может, пойдет дождь, и это хорошо, потому что земле нужна влага, но может, и не пойдет: воздушные течения над сходящимися речными долинами — штука капризная, никогда не скажешь наверняка, куда двинутся облака...

Путника он заметил, когда тот уже свернулся к воротам. Высокий сухопарый человек в запыленной одежде, судя по всему, проделавший долгий путь. Гость шел по тропе к дому, но Инек сидел и ждал, не трогаясь с места.

— Добрый день, сэр, — произнес он наконец. — Сегодня жарко, и вы, должно быть, устали. Присаживайтесь, отдохните.

— С удовольствием, — ответил незнакомец. — Но сначала, прошу вас, глоток воды.

— Идемте, — сказал Инек, поднимаясь со ступеней. — Я накачаю прямо из колодца.

Он прошел через двор к насосу, снял с крюка ковш и дал его незнакомцу. Потом взялся за рукоятку и принялся качать.

— Пусть немного стечет, — сказал он. — Холодная идет не сразу.

Инек продолжал качать, и вода, выплескиваясь из крана неровными порциями, сбегала по доскам, закрывавшим колодец.

— Думаете, пойдет дождь? — спросил незнакомец.

— Трудно сказать, — ответил Инек. — Подождем, посмотрим.

Что-то неуловимое вызывало у него беспокойство, когда он глядел на своего гостя. Ничего явного, конкретного, но тем не менее какая-то мелочь не давала ему успокоиться. Качая воду, он еще раз посмотрел на незнакомца и подумал, что, должно быть, это его уши, чуть более острые вверху, чем положено, но, когда он через некоторое время взглянул на него снова, уши оказались нормальными, и Инек решил, что его подвело воображение.

— Ну вот, наверно, уже холодная, — сказал он.

Путник подставил ковш под кран и, подождав, когда он наполнится, предложил Инеку. Тот покачал головой.

— Сначала — вы. Вам больше нужно.

Гость приложился к ковшу и жадно выпил его до дна, раз другой пролив воду на себя.

— Еще? — спросил Инек.

— Нет, спасибо, — ответил гость. — Но я подержу ковш, теперь качайте для себя.

Инек снова взялся за насос и, когда ковш наполнился до краев, принял его из рук незнакомца. Вода была холодная,

и Инек, только в эту минуту поняв, что его тоже мучает жажды, осушил ковш почти целиком. Затем повесил его на место и сказал:

— Ну, а теперь можно и посидеть.

Незнакомец улыбнулся:

— Пожалуй, мне это не повредит.

Инек достал из кармана красный платок и вытер лицо.

— Воздух плотный, как перед дождем... — произнес он и тут понял, что же его все-таки беспокоило. Одежда на госте несвежая, башмаки покрылись слоем пыли — ясно было, что он одолел неблизкий путь, да еще эта предгрозовая духота, а между тем его гость совсем не вспотел. Выглядел он таким свежим, словно была весна и он весь день пролежал, отдохшая, под деревом.

Инек засунул платок обратно в карман, и они уселись на ступенях.

— Видимо, вы проделали неблизкий путь, — сказал он, пытаясь незаметно навести разговор на нужную тему.

— О да. Я забрался довольно далеко от дома.

— И, как видно, дорога предстоит еще дальняя?

— Нет, — ответил незнакомец. — Похоже, я оказался там, куда стремился.

— Вы имеете в виду... — начал было Инек, но не договорил.

— Я имею в виду — вот здесь, на этих вот ступенях. Я давно искал одного человека, и думаю, этот человек именно вы. Имени его я не знал, не знал и где искать, но никогда не сомневался, что когда-нибудь найду того, кого ищу.

— Вы искали меня? — ошарашенно спросил Инек. — Но почему меня?

— Я искал человека, которому присуще многое различных черт. Одной из них является то, что этот человек наверняка заглядывался на звезды и размышлял, что они из себя представляют.

— Да, — признался Инек, — иногда я это делаю. Не раз, было, ночуя в поле, я лежал без сна, завернувшись в одеяла, и глядел на небо, на звезды, пытаясь понять, что это такое, как они там оказались и — самое главное — зачем. Я слышал от людей, что каждая звезда — это такое же солнце, что светит над землей, только до сих пор не знаю, верно это или нет. Как видно, не больно-то много людьи о них знают.

— Есть и такие, кто знает много, — сказал незнакомец.

— Уж не вы ли? — спросил Инек с легкой усмешкой, потому что его гость совсем не походил на человека, который много знает.

— Да, я, — ответил тот. — Хотя есть и другие, которые знают несравненно больше меня.

— Я иногда задумывался... — сказал Инек. — Если звезды —

это солнца, то, возможно, там, наверху, есть и планеты, а может быть, и люди тоже...

Он вспомнил, как сидел однажды у костра, коротая вечер за разговорами со своими приятелями, и упомянул о том, что, мол, на других планетах, которые крутятся вокруг других солнц, живут другие люди; приятели тогда здорово посмеялись над ним и еще долго потом отпускали в его адрес шуточки, поэтому Инек никогда больше не делился с ними своими догадками. Впрочем, он и сам не особенно в них верил — мало ли что придет в голову ночью у костра.

А вот сейчас вдруг опять заговорил об этом, да еще с совершенно незнакомым человеком. С чего бы это?..

— Вы в самом деле верите, что там тоже живут люди? — спросил путник.

— Да так, пустые домыслы... — ответил Инек.

— Ну, не такие уж и пустые, — сказал незнакомец. — Другие планеты и вправду есть, и на них живут другие люди. Я один из них.

— Но вы... — начал было Инек и тут же умолк.

Кожа на лице незнакомца лопнула и начала сползать в стороны, а под ней Инек увидел другое лицо, не похожее на человеческое.

И в ту минуту, когда маска сползла с этого другого лица, через все небо полыхнула огромная молния, тяжелый грохот сотряс землю, а издалека донесся шум дождя, обрушившегося на холмы, — он все близился и нарастал.

7

Вот так это и началось, думал Инек, больше века назад. Фантазия, родившаяся у горящего в ночи костра, обернулась реальностью, и теперь Земля отмечена на всех галактических картах как пересадочная станция для многочисленных путешественников, добирающихся от звезды до звезды. Когда-то все они были чужаками, но это давно уже не так. Просто для Уоллиса такой категории не существовало: в любом обличье и какую бы цель они ни преследовали — все они для него люди.

Он взглянул на запись от 16 октября 1931 года и быстро ее перечитал. То, что его интересовало, оказалось в самом конце:

Улисс сказал, что жители шестой планеты Тубана, возможно, самые выдающиеся математики во всей галактике. Похоже, они создали новую систему счисления, превосходящую любую из существовавших ранее, и она особенно полезна для обработки статистических данных.

Инек захлопнул дневник и сел в кресло. Интересно, поду-

мал он, знают ли статистики с Мицара-Х о достижениях жителей Тубана? Возможно, знают, поскольку и они применяют порой для обработки информации нетрадиционные методы.

Он отодвинул дневник в сторону и, покопавшись в ящике стола, извлек свою таблицу, расстелил ее на столе, проглядел еще раз и погрузился в раздумья. Если бы он только был уверен... Если бы знал мицарскую систему лучше... Последние десять лет Инек работал над этой таблицей, проверяя и перепроверяя все известные ему факторы по системе, выработанной на Мицаре, снова и снова пытаясь определить, те ли факторы он использует, что нужны для анализа...

Инек крепко сжимал кулак и ударил им по столу. Если бы только быть уверенным до конца. Если бы можно было с кем-нибудь поговорить. Но именно этого он пытался избежать, поскольку такой ход очень ясно показал бы обнаженность, беспомощность человечества.

А он все еще был человеком. Странно, подумал он, что ничего не изменилось, что за сто с лишним лет общения с существами из множества других миров он по-прежнему остается человеком с планеты Земля.

Ибо связи его с Землей во многих отношениях давно уже прервались. Он теперь общался с одним-единственным человеком, со старым Уинслоу Грантом. Соседи его сторонились, а больше тут никто не бывал, если не считать наблюдателей, которых он видел довольно редко, скорее мельком, а то и вообще просто их следы.

Только старый Уинслоу Грант да Мэри и другие люди-тени время от времени скрашивали его одинокие часы.

Вот и вся его Земля — старик Уинслоу, люди-тени да акры принадлежавшей семье фермы, раскинувшиеся вокруг дома. Но не сам дом, поскольку дом уже принадлежал галактике.

Он закрыл глаза и начался вспоминать, как выглядел дом в те давние времена. Здесь вот, где он сидит, была кухня с железной плитой, огромной черной плитой, сверкающей своими огненными зубами в щели решетки для поддува. У самой стены стоял стол, где они втроем ели, и он даже помнил, что на нем стояло: графинчик с уксусом, стакан с ложками и судок с горчицей, хроном и соусом из красного перца — в центре стола, на красной скатерти в клеточку, точно какое-то украшение.

Зимний вечер, Инеку года три или четыре. Мама у плиты готовит ужин. Он сидит на полу, играет в кубики и деревянные дощечки, а снаружи доносится приглушенное завывание ветра. Отец только что вернулся из хлева, где доил коров, и вместе с ним в дом ворвался порыв ветра, несущий вихрь снежинок. Дверь тотчас захлопнулась, ветер и снег остались снаружи, в ночном мраке и непогоде. Отец поставил ведро

с молоком в раковину. Инек смотрит на него: на бороде и на бровях отца налип снег, в усах поблескивают мелкие льдинки.

Эта картина все еще перед ним, словно три восковых манекена, застывших на стенде исторического музея: отец с примерзшими к усам льдинками, в больших валенках до колен; раскрасневшаяся у жаркой плиты мать в кружевном чепце и он сам с кубиками на полу.

Помнилось ему и еще кое-что, может быть, отчетливее, чем все остальное. На столе стояла большая лампа, а на стене за ней висел календарь, и свет от лампы падал на картинку, словно луч прожектора. На ней был изображен Санта Клаус в санях, несущихся по просеке в лесу, и весь лесной народец высыпал на обочины полюбоваться им. В небе висела большая луна, а землю укрывал толстый слой снега. Два зайца глядели на Санту Клауса во все глаза, рядом стоял олень, чуть дальше — закутавшийся в собственный хвост енот, а на низко свисающей ветке рядышком сидели белка с синицей. Старый Санта Клаус приветственно вскинул руку со свернутым кнутом, щеки у него раскраснелись, он весело улыбался, а сани тянули гордые, сильные, неутомимые северные олени.

Сквозь все эти годы Санта Клаус из девятнадцатого столетия мчался по заснеженным дорогам времени, весело приветствуя лесных жителей. И вместе с ним мчался золотой свет настольной лампы, по-прежнему ярко освещавшей стену и скатерть в клеточку.

Да, думал Инек, что-то всегда остается навечно — хотя бы воспоминание об уютной теплой кухне в студеную зимнюю ночь из детства.

Но это лишь воспоминание, память души, потому что в жизни ничего такого не сохранилось. Кухни уже нет, и нет общей комнаты со старинным диваном и креслом-качалкой, нет гостиной со старомодными парчовыми занавесами и шелковыми шторами. Не сохранились ни гостевая спальня на первом этаже, ни семейные спальни на втором.

Вместо всего этого появился один большой зал. Пол на втором этаже и все перегородки убрали, и получился зал, одну сторону которого занимает галактическая пересадочная станция, а на другой живет ее смотритель. В углу стоит кровать, у противоположной стены — плита, работающая на неизвестном Земле принципе, и холодильник — тоже инопланетного происхождения. Все свободное место вдоль стен занято шкафами и полками, заставленными журналами, книгами и дневниками.

В доме сохранилась только одна примета тех давних времен — старый массивный камин, сложенный из кирпича и местного камня, у стены общей комнаты, — единственное,

что Инек не разрешил убрать инопланетным рабочим, которые устанавливали аппаратуру станции. Камин стоял на месте, напоминая о далеких днях прошлого, словно последняя частичка Земли в доме, а над ним выступала из стены дубовая каминная полка, которую отец Инека сам вырубил из толстого бревна и потом обтесал рубанком и стругом.

На каминной и на книжных полках, на столе стояли и лежали различные предметы внеземного происхождения, для многих из которых даже не существовало земных названий, — подарки от дружелюбных путешественников, — их много накопилось за долгие годы. Некоторым из них находилось применение, на другие можно было только смотреть, но попадались и совершенно бесполезные вещи — эти либо не могли быть использованы человеком, либо просто не работали в земных условиях, либо созданы были для каких-то целей, о которых Инек не имел ни малейшего понятия. Несколько смущаясь, он принимал эти дары, потому что люди, дарившие их, всегда делали это от души, и долго, путано благодарили.

В другой половине дома размещался сложный комплекс аппаратуры, переносившей странников от звезды до звезды; он занимал все пространство до самого потолка.

Постоялый двор. Пересадочная станция. Галактический перекресток.

Инек свернул таблицу и убрал в ящик стола. Дневник поставил на место среди других таких же дневников. Потом взглянул на галактический хронометр: пора было идти.

Он придвигнул кресло вплотную к столу, взял со спинки стула куртку и надел ее. Затем снял с крюков винтовку и, повернувшись к стене лицом, произнес одно-единственное слово. Дверь бесшумно отъехала в сторону, и Инек перешел в свой скучно обставленный сарайчик. Секция стены за его спиной так же бесшумно скользнула на место, и даже следа разъема не осталось.

Инек вышел во двор. День был изумительный, один из последних дней уходящего лета. Еще неделя-другая, подумал он, и появятся первые признаки осени, начнутся заморозки. Уже зацвел золотарник, а днем раньше начали распускаться в канаве у забора первые астры.

Он завернулся за угол дома, прошел через большое запущенное поле, поросшее орешником и редкими деревьями, направился к реке.

Вот она, Земля, размышлял он, планета, созданная для Человека. Но не для одного его, ведь на ней живут лисы, совы, горностаи, змеи, кузнечики, рыбы и множество других существ, что населяют воздух, почву и воду. И даже не только для них, для здешних обитателей. Она создана и для стран-

ных существ, что называют домом другие миры, удаленные от Земли на многие световые годы, но в общем-то почти такие же, как Земля. Для "улиссов", и "сиятелей", и для всех других инопланетян, если у них вдруг возникнет необходимость или желание поселиться на этой планете и если они смогут жить тут вполне комфортно, без всяких искусственных приспособлений.

Наши горизонты, думал Инек, так узки, и мы так мало видим. Даже сейчас, когда, разрывая древние пути силы тяжести, поднимаются на столбе огня ракеты с мыса Канаверал, мы так мало задумываемся о том, что лежит за этими горизонтами.

Душевная боль не оставляла его и только усиливалась, — боль, вызванная стремлением поведать человечеству все то, что он узнал. Не только передать какие-то конкретные технические сведения — хотя что-то Земле обязательно пригодилось бы, — но, самое главное, рассказать о том, что во Вселенной есть разум, что человек не одинок, что, избрав верный путь, он уже никогда не будет одинок.

Инек миновал поле, перелесок и поднялся на большой каменный уступ на вершине скалы, высящейся над рекой. Он стоял там, как стоял уже тысячи раз по утрам, и глядел на реку, величественно несущую серебристо-голубые воды через заросшую лесом долину.

Старая, древняя река, мысленно обращался к ней Инек, ты смотрела в холодные лица ледников высотой в милю, которые пришли, побыли и ушли, отползая назад к полюсу и цепляясь за каждый дюйм; ты уносила талую воду с этих самых ледников, заливавшую долину невиданными доселе потопами, ты видела mastodontov, sabлезубых тигров, бобров величиной с медведя, что бродили по этим вековым холмам, оглашая ночь рыком и ревом; ты знала небольшие тихие племена людей, которые ходили по здешним лесам, забирались на скалы или плавали по твоей глади, людей, познавших и лес, и реку, слабых телом, но сильных волей и настойчивых, как никакое другое существо; а совсем недавно на эти земли пришло другое племя людей — с красивыми мечтами, жестокими руками и с непоколебимой уверенностью в успехе. Но прежде чем все это случилось — ибо это древний материк, очень древний, — ты видела многих других существ, и много перемен климата, и перемены на самой Земле. Что ты обо всем этом думаешь? Ведь у тебя есть и память, и ощущение перспективы, и даже время — ты уже должна знать ответы, пусть не все, пусть хоть какие-то.

Человек, проживи он несколько миллионов лет, знал бы их и, может быть, еще узнает, когда пройдут эти несколько миллионов лет. Если до тех пор Человек не покинет Землю.

Я мог бы помочь, думал Инек. Я не способен дать никаких ответов, но я мог бы помочь человечеству в его поисках. Я мог бы дать человечеству веру, и надежду, и цель, какой у него не было еще никогда.

Но Инек знал, что не решится на это.

Далеко внизу, над гладкой дорогой реки, лениво кружил ястреб. Воздух был так чист и прозрачен, что Инеку казалось, будто, взглянувшись чуть-чуть пристальнее, он сможет разглядеть каждое перо в распластертых крыльях.

Место это обладало каким-то странным, почти сказочным свойством. Дали, открывающиеся отсюда взору, кристально чистый воздух — все рождало чувство отрешенности, навевало мысли о величии духа. Словно это некое особенное место, одно из тех мест, что каждый человек обязательно должен отыскать для себя и считать за счастье, если ему это удалось, — ведь на свете столько людей, которые искали и не нашли. Но хуже того, есть люди, которые никогда даже и не искали.

Инек стоял на вершине скалы, наблюдая за ленивым полетом ястреба, окидывая взором речной простор и зеленый ковер деревьев, а мысли его уносились все выше и дальше, к другим мирам, и от этих мыслей начинала кружиться голова. Но пора было возвращаться на Землю.

Он медленно спустился со скалы и двинулся по вьющейся меж деревьев тропе, пробитой им за долгие годы.

Сначала Инек хотел пройтись к подножью холма, чтобы взглянуть на полянку, где летом цвели розовые "башмачки", и представить себе красоту, которая вернется к нему в следующем июне, но затем решил, что в этом нет смысла, поскольку цветы росли в уединенном месте и с ними вряд ли что могло случиться. Было время, лет сто назад, когда они цвели на каждом холме, и он приходил домой с огромными охапками. Мама ставила цветы в большой коричневый кувшин, и на день-два дом наполнялся их густым ароматом. Однако теперь они почти перестали встречаться. Скот, что пасли на холмах, и охочие до цветов люди почти свели их на нет.

Как-нибудь в другой раз, сказал себе Инек. Перед первыми заморозками он сходит туда и удостоверится, что весной они появятся вновь.

По дороге он остановился полюбоваться белкой, игравшей в ветвях дуба, потом присел на корточки, когда заметил переползающую тропу улитку. Постоял у дерева-гиганта, рассматривая узоры облепившего ствол мха, затем долго следил взглядом за птицей, то и дело перелетавшей с ветки на ветку.

Тропа вывела Инека из леса, и он пошел по краю поля, пока не дошел до родника, бьющего из земли у подножья холма.

У самой воды сидела девушка, и он сразу узнал Люси Фишер, глухонемую дочь Хэнка Фишера, который жил на берегу реки.

Инек остановился. Сколько в ней грации и красоты, подумал он, глядя на девушку, — естественной грации и красоты простого, одинокого существа.

Она сидела у родника, протянув вперед руку, и у самых кончиков ее чувствительных пальцев трепетало что-то яркое. Люси замерла, выпрямив спину и высоко подняв голову; в лице девушки ощущалась какая-то обостренная настороженность, как, впрочем, и во всем ее нежном облике.

Инек подошел ближе и, остановившись в трех шагах позади нее, увидел, что это яркое пятно — бабочка, большая золотисто-красная бабочка, какие появляются под конец лета. Одно крыло у нее было ровное и гладкое, но другое — помятное, и кое-где с него стерлась пыльца, которая придает окраске золотистый блеск.

Инек заметил, что Люси не удерживает бабочку, та просто сидела на кончике пальца и время от времени взмахивала здоровым крылом, чтобы удержать равновесие.

Но неужели ему померещилось? Теперь второе крыло было лишь чуть-чуть изогнуто, а еще через несколько секунд оно медленно выпрямилось, и на нем снова появилась пыльца (а может, она там и была). Бабочка подняла оба крыла, сложила их вместе.

Инек обошел девушку сбоку, и, заметив его, Люси не испугалась и не удивилась. Наверно, подумал он, для нее это естественно, она давно привыкла, что кто-нибудь может беззвучно подойти сзади и неожиданно оказаться рядом.

Глаза ее блестели, а лицо излучало внутренний свет, словно она только что испытала какое-то радостное душевное потрясение. И он в который раз подумал о том, каково это — жить в мире полного молчания, без общения с людьми. Может быть, не совсем без общения, но, во всяком случае, в стороне от тех свободных потоков информации, которыми все остальные люди обмениваются просто по праву рождения.

Он слышал, что ее несколько раз пытались определить в государственную школу для глухих, но ничего из этого не получилось. В первый раз она убежала и бродила по окрестностям несколько дней, прежде чем сумела найти свой дом. Позже просто устраивала "забастовки", отказывалась слушаться и вообще участвовать в любой форме обучения.

Глядя, как она сидит с бабочкой на пальце, Инек решил, что знает, почему это происходило: Люси жила в своем собственном мире, в мире, к которому она привыкла, в котором она знала, как себя вести. В этом мире она не чувствовала себя ущербной, что наверняка случилось бы, если ее насиливо

втянуть в нормальный человеческий мир.

Зачем ей язык жестов и умение читать по губам, если у нее отнимут чистоту души?

Она принадлежала этим лесам и холмам, весенним цветам и осенним перелетам птиц. Она была частью этого мира, мира близкого и понятного ей. Она жила в старом, затерянном уголке природы, занимая то жилище, которое человечество давно оставило — если оно вообще когда-либо им владело.

Вот она — с золотисто-красной бабочкой на кончике пальца, встревоженная, полная ожидания, лицо светится от сознания исполненного долга. Она, именно она живет такой полной жизнью, какой не доводилось жить никому из тех, кого Инеск знал.

Бабочка расправила крылья, взлетела с вытянутого пальца и запорхала без забот и страха над ковром диких трав и цветов золотарника.

Люси проследила взглядом за ее полетом, пока бабочка не скрылась из виду у вершины холма, на который взбиралось старое поле, затем обернулась к Инеску и улыбнулась. Она свела и развела ладони, точно взмахнула золотисто-красными крыльями, но что-то в этом жесте чувствовалось еще — ощущение счастья, покоя, словно она говорила, что в мире все прекрасно.

Если бы, думал Инеск, я мог обучить ее пазимологии — науке моих галактических друзей, тогда мы могли бы разговаривать почти так же легко, как с помощью человеческой речи, правда только друг с другом. Когда времени достаточно, это совсем не трудно, ведь галактический язык жестов настолько прост и логичен, что им можно пользоваться почти инстинктивно после того, как освоишь основные принципы.

В давние времена на Земле тоже существовало множество языков жестов, но ни один не был развит настолько хорошо, как язык жестов, распространенный средиaborигенов Северной Америки. Независимо от того, на каком языке говорил американский индеец, он всегда мог объясняться с представителями других племен.

Однако даже индейский язык жестов можно сравнить в лучшем случае с костылем, помогающим человеку идти, когда он не в состоянии бежать. А галактический — это такой язык, который годится для любых средств и методов самовыражения. Он развивался не одно тысячелетие, с участием многих рас разумных существ, и за столь долгое время язык усовершенствовали, утрясли, отшлифовали до такой степени, что теперь он стал вполне самостоятельным средством общения.

А оно было крайне необходимо, поскольку галактика — это своеобразный Вавилон. Но даже галактическая пазимоло-

гия, отшлифованная до совершенства, не каждый раз могла преодолеть все препятствия и надежно гарантировать хотя бы минимальную возможность общения. Потому что кроме миллионов языков, на которых галактика говорила, существовало еще множество других, основанных не на звуках — далеко не все способны их производить. Да и звуки не всегда оказывались эффективными, если какая-нибудь раса общалась с помощью ультразвука, неразличимого для остальных. Конечно же, существует телепатия, но на одну расу телепатов приходилась тысяча других, не способных к обмену мыслями. Многие обходились одним только языком жестов, другие могли общаться лишь при помощи письменности и пиктографических систем, причем среди них встречались и такие, которые создавали изображения прямо на участках тела, представляющих собой нечто вроде химического экрана. А еще была раса слепых, глухих, немых существ с загадочных звезд на дальнем конце галактики, которые пользовались, наверное, самым сложным из всех галактических языков — кодированными сигналами, передаваемыми непосредственно в нервную систему.

Инек занимался своей работой уже больше века, но тем не менее даже при помощи универсального языка жестов и семантического транслятора — а это всего лишь механическое приспособление, пусть и довольно сложное, — он иной раз с трудом понимал, что пытаются сообщить ему гости...

Люси Фишер подобрала с земли берестяной черпачок, зачерпнула воды и протянула Инеку. Тот подошел ближе, взял черпачок в руки и, опустившись на колени, приник к нему губами. Вода протекала через тонкие щели в стенках и дне, и он замочил рукав рубашки и куртки.

Выпив воду, Инек отдал черпачок Люси. Она приняла его одной рукой, а другую протянула вперед и легко коснулась лба Инека кончиками пальцев — наверно, ей представлялось, что она благословила его.

Инек промолчал. Он уже давно не пытался говорить при ней, чувствуя, что движения губ, сопровождающие звуки, которые она не способна слышать, приводят ее в замешательство.

Вместо этого он дружеским жестом прикоснулся широкой ладонью к ее щеке. Потом поднялся на ноги и снова посмотрел на нее. На мгновение их взгляды встретились.

Он перебрался через ручей, берущий свое начало из родника, и направился к вершине холма по тропе, что выходила из леса и бежала через поле. На полпути Инек обернулся — Люси смотрела ему вслед. Он помахал на прощанье рукой, и она ответила тем же.

Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как он увидел ее

впервые — сказочную фею, которой исполнилось тогда, может быть, чуть больше десяти, маленькую лесную дикарку. Друзьями они стали далеко не сразу, вспоминал Инек, хотя он часто встречал ее во время прогулок: Люси бродила по окрестным холмам, по долине реки, словно это ее площадка для игр. Да, собственно, так оно и было.

Люси росла на его глазах. Они часто встречались, и постепенно между ними, одинокими изгоями, возникло взаимопонимание. Но не только это сближало их. Еще и то, что у каждого из них был свой собственный мир, и эти миры дарили им понимание, недоступное другим. Хотя ни он, ни она ни разу не говорили друг другу о своих мирах и даже не пытались, но каждый это чувствовал, оттого-то они потянулись друг к другу, оттого-то их дружба и становилась все крепче.

Ему вспомнился день, когда он застал ее на поляне, где росли розовые "башмачки". Она стояла на коленях и просто глядела на них, не сорвав ни одного цветка. Инека тогда очень обрадовало, что Люси их не тронула. Им двоим уже только вид этих цветов дарил радость и красоту — чувства куда более возвышенные, чем стремление обладать.

Инек дошел до вершины холма и стал спускаться вниз по заросшей травой дороге, что вела к почтовому ящику.

И он не ошибся там, у родника, сказал он себе, пусть даже это кажется невероятным. Крыло у бабочки и вправду было порванное, смятое и блеклое. Сначала он действительно увидел покалеченную бабочку, а потом вдруг крыло стало целехоньким, и она улетела прочь.

8

Уинслоу Грант не опоздал.

Добравшись до почтового ящика, Инек увидел вдали облачко пыли, поднятое его развалюхой, подпрыгивающей на ухабах дороги. В этом году вообще пыльно, подумал Инек, поджидая Уинслоу. Дождей выпадало мало, и это сказалось на урожае. Хотя, но правде говоря, не так уж много осталось обработанных земель в здешних местах. Было время, вдоль дороги одна за другой тянулись небольшие фермы, на которые приятно было поглядеть: красные сараи, белые дома. Но теперь почти все они стояли заброшенные и опустевшие. Краска на сарайах и домах облезла, и теперь постройки были не красные или белые, а одинаково серые от непогоды. Крыши просели, люди ушли.

До прибытия Уинслоу осталось совсем недолго, Инек ждал. Почтальон, может быть, остановится у ящика Фишеров, сразу за поворотом, хотя Фишеры, как правило, почти не получали

писем разве что рекламные проспекты и прочую ерунду, которая рассыпается всем без разбору сельским жителям. Фишеров, впрочем, такая корреспонденция мало волновала: иногда они не забирали почту по нескольку дней. И если бы не Люси, которая обычно бегала к ящику, они бы вообще ее не брали.

Таких лодырей, как Фишеры, думал Инек, еще надо поискать. И дом, и все их постройки столько лет уже держатся на честном слове, что того и гляди рухнут. На своем запущенном участке они высаживали кукурузу, которую заливали каждый раз, когда поднималась вода в реке. Сено Фишеры косили на заливном лугу в долине. Из живности держали двух костлявых лошадей, с полдюжины тощих коров и несколько кур. Машинка-развалюха да спрятанная где-то в зарослях у реки самогонная установка — вот, пожалуй, и все хозяйство. Они, конечно, охотились, ловили рыбу, ставили капканы, но от случая к случаю — в общем, совершенно беззаборный народ. Хотя, если поразмыслить, соседи они вроде бы и не плохие. Занимаются своими делами и никого особенно не беспокоят, разве что изредка выбираются всем кланом и ходят по окрестностям, раздавая брошиюри никому не известной секты фундаменталистов, в которую Ма Фишер записалась несколько лет назад на ярмарке в Милвилле.

Уинслоу не остановился у ящика Фишеров и в облаке пыли вылетел из-за поворота. Подъехав к Инеку, он резко затормозил и выключил двигатель.

— Пусть остынет немного, — сказал он.

Мотор, охлаждаясь, начал пощелкивать.

— Ты сегодня прямо минута в минуту, — сказал Инек.

— Почты было мало, — ответил Уинслоу. — Проезжал мимо ящиков, даже не останавливаясь.

Он полез в сумку, стоявшую рядом с ним на сиденье, и достал перевязанную бечевкой пачку для Инека: несколько ежедневных газет и два журнала.

— Ты, я смотрю, много всякого выписываешь, — сказал он, — а писем почти не получаешь.

— Да кто же мне напишет? У меня никого не осталось.

— Но сегодня тебе пришло письмо.

Инек, не скрывая удивления, взглянул на пачку корреспонденции и тут только заметил уголок конверта, торчащего между журналами.

— Личное письмо, — добавил Уинслоу, причмокнув губами. — Не деловое. И не реклама.

Инек сунул пачку под руку, рядом с прикладом ружья.

— Наверно, какая-нибудь ерунда.

— А может, и нет, — сказал Уинслоу, и глаза его блеснули.

Он достал из кармана трубку, затем извлек кисет и нето-

ропливо набил ее табаком. Мотор все еще пощелкивал. На безоблачном небе сияло солнце. Пыльная листва вдоль дороги источала душный едкий запах.

— Я слышал, этот тип, что ищет женщень, опять вернулся в нации места, — сказал Уинслоу, стараясь, чтобы фраза прозвучала обыденно, но в голосе его все равно послышались заговорщицкие нотки. — Дня три или четыре его не было.

— Может быть, уезжал продавать женщень.

— Сдается мне, он вовсе не женщень ищет, — сказал почтальон. — Что-то другое.

— Он уже довольно давно тут...

— Начнем с того, — сказал Уинслоу, — что на женщень теперь почти нет спроса, но даже если бы и был, так нет самого женщена. Вот раньше его хорошо покупали. Китайцы им вроде лечатся. Но сейчас торговли с Китаем почти что нет. Помню, когда я был мальчишкой, мы тоже ходили искать корешки. Они и в ту пору не часто попадались, но все же попадались...

Уинслоу откинулся на спинку сиденья, сосредоточенно потягивая трубку.

— Странно все это, — сказал он.

— Я ни разу этого человека не видел, — ответил Инек.

— Бродит по лесам, — продолжал Уинслоу. — Собирает всякие растения. Я одно время думал, он какой-нибудь знахарь или колдун. Травы для разных там снадобий и все такое. И к Фишерам зачастил, хлещут там это их пойло да все о чем-то разговаривают. Колдовство сейчас не в почете, но я в эти вещи верю. На свете полно такого, что наука объяснить не в состоянии. Взять хотя бы дочку Фишера, глухонемую, — так вот она умеет заговаривать бородавки.

— Я тоже слышал, — сказал Инек и подумал: "Не только это. Она еще умеет лечить бабочек".

Уинслоу наклонился вперед.

— Чуть не забыл. У меня для тебя еще кое-что есть.

Он поднял с пола машины коричневый бумажный сверток и протянул Инеку.

— Не посылка. Это я сам для тебя сделал.

— Да? Спасибо. — Инек взял сверток из его рук.

— Можешь развернуть, — сказал Уинслоу. — Посмотришь, что там такое.

Инек медлил.

— Стесняешься, что ли? Открывай.

Инек разорвал бумагу и увидел деревянную статуэтку, двенадцати дюймов высотой, изображающую его самого. Светлое, медового цвета дерево сияло на солнце, словно золотистый кристалл. Он шагал, удерживая винтовку под рукой и чуть наклонившись против ветра, морщившего куртку и брюки.

Инек даже дар речи потерял, так его поразила статуэтка.

— Уинс, — сказал он наконец, — я такой красоты в жизни не видывал.

— Я ее вырезал из того полешка, что ты дал мне прошлой зимой, — сказал почтальон. — Материал, скажу тебе, отменный, первый раз такой попался. Твердое дерево, и почти без волокон. Не колется, не ломается. Режешь по нему, и получается то, что надо. А полируется, считай, само, пока режешь; просто руками потереть, и больше ничего не требуется.

— Ты не представляешь себе, как много это для меня значит.

— За эти годы ты мне много всяких чурбачков надарил. Дерево, какого здесь никто никогда не видел. Все — высочайшего качества и очень красивое. Так что я подумал, пора мне что-то и для тебя сделать.

— Ты и так для меня много делаешь, — сказал Инек. — Возишь из города все, что ни попрошу...

— Инек, — сказал Уинслоу, — я к тебе очень хорошо отношусь. Не знаю, кто ты, и не собираюсь спрашивать, но, кто бы ты ни был, отношусь я к тебе очень хорошо.

— Я бы рад рассказать тебе, но нельзя.

— Ну и ладно, — сказал Уинслоу, усаживаясь поудобнее за рулем. — Пока мы ладим друг с другом, не так уж и важно знать, кто каждый из нас. Если бы некоторые страны брали пример с таких вот маленьких общин, как наша, — пример того, как жить в согласии, — мир был бы куда лучше.

— А пока в мире не очень-то спокойно, — с серьезным видом поддержал его Инек.

— Да уж куда там, — ответил почтальон и завел мотор.

Машина двинулась вниз по холму, волоча за собой шлейф пыли. Инек долго смотрел ей вслед, потом перевел взгляд на деревянную статуэтку.

Человек, похоже, шел по гребню холма, открытому ветру, и чуть пригнулся, чтобы выдержать его бешеный напор.

Почему Уинслоу изобразил меня именно так? — недоумевал Инек. Что он такое разглядел во мне, изобразив шагающим навстречу ветру?

9

Положив винтовку и почту на пыльную траву, Инек снова аккуратно завернул статуэтку. Он поставит ее на каминную полку или, еще лучше, на кофейный столик, что у него любимого кресла, рядом с письменным столом. Хочется, признавался он самому себе немного смущенно, чтобы статуэтка всегда стояла рядом, чтобы можно было смотреть на нее или подержать в руке, когда захочется. Подарок почтальона согревал

душу, вызывая у него глубокое радостное чувство. Отчего это, почему он так раз волновался?

Вовсе не потому, что редко получал подарки. Практически ни одна неделя не проходила без того, чтобы кто-то из инопланетных путешественников не оставил ему подарка. Они стояли и лежали по всему дому, а в похожем на пещеру подвале занимали целую стену, от пола до потолка. Может быть, говорил он себе, дело в том, что это подарок жителя Земли, такого же, как он сам.

Инек сунул сверток со статуэткой под руку, другой подхватил винтовку, пачку газет и журналов и направился домой по изрядно заросшей тропе — когда-то она была дорогой до фермы и по ней свободно проезжала повозка.

Между колеями буйно разрослась густая трава, но сами колеи так глубоко врезались в глинистую почву, так плотно утрамбовали их окованные железом колеса старинных фургонов, что там до сих пор не могло укорениться ни одно растение. Кусты по обеим сторонам дороги, расползшиеся от края леса по всему полю, вымахали в рост человека, а кое-где и выше, и получилось нечто вроде зеленого коридора.

Но в некоторых местах, непонятно почему — может, почва другая, да и мало ли какие еще бывают капризы у природы, — кустарник редел и сходил на нет, оставляя большие окна, откуда с гребня холма можно было увидеть всю речную долину.

В одном из таких просветов Инек и уловил блеск среди деревьев на краю старого поля, неподалеку от ручья, где он по встречал Люси. Он нахмурился и остановился на тропе, ожидая повторения, но больше там ничего не мелькнуло.

Видимо, один из наблюдателей с биноклем. И этот блеск — просто отраженное от линзы солнце.

Кто они? И почему следят за ним? Это ведь продолжается довольно долго, но, как ни странно, они только наблюдают, не предпринимая никаких действий, и ни один из них даже не пытался к нему приблизиться, познакомиться с ним, хотя это было бы вполне естественно и так просто сделать. Если им — кто бы это ни был — хотелось поговорить с ним, они могли устроить вроде бы совершенно случайную встречу во время одной из его утренних прогулок.

Но, как видно, у них пока такого желания не возникло.

Чего же, гадал Инек, они хотят? Наверно, изучают его привычки. Но для этого, подумал он, криво усмехнувшись, им вполне хватило бы первых десяти дней наблюдений.

А возможно, они ждут какого-то события, которое поможет им понять, чем он занимается. Хотя тут их наверняка постигнет разочарование: они могут наблюдать хоть тысячу лет подряд и все равно ни о чем не догадаются.

Инек отвел взгляд от просвета в зеленой стене и зашагал

по дороге, озадаченный и обеспокоенный своими наблюдениями.

Может быть, думал Инек, они не пытались вступить в контакт из-за разных историй, которые им могли рассказать. Историй, которые никто, даже Уинслоу, не передает ему самому. Интересно, что напридумывали за долгие годы люди, жившие по соседству? Всякие небылицы, что рассказывают у камина и слушают, затаив дыхание?

Возможно, это и к лучшему, что он не знает, какие о нем рассказывают байки, хотя они наверняка существуют. И то, что наблюдатели не вступают с ним в разговор, тоже, может быть, к лучшему. Пока контактов нет, он все еще в безопасности. Пока нет вопросов, не надо на них и отвечать.

Вы действительно, спросят они, тот самый Инек Уоллис, что в 1861 году отправился сражаться за Эйба Линкольна? И на этот вопрос есть только один ответ. Да, скажет он, я именно тот человек.

Но это, пожалуй, единственный вопрос, на который он сможет ответить правдиво. Во всех остальных случаях обязательно придется вилять или отмалчиваться.

Они спросят, почему он с тех пор не изменился. Почему он остается молодым, когда все люди стареют? Не может же он объяснить им, что стареет только вне станции: что стареет только час, когда выходит на прогулку, час или около того, когда работает на огороде, и пятнадцать минут, когда сидит на ступенях крыльца, любуясь закатом. Но едва он возвращается на станцию, процесс старения прекращается, и его организм возвращается в прежнее состояние.

Конечно же, он не может им этого рассказать. Как не может рассказать и многое другое. Возможно, наступит день, когда они придут к нему с вопросами, и тогда, он знал, придется бежать от них и скрыться в стенах станции, полностью отрезав себя от мира.

Такой поворот событий не вызовет осложнений, поскольку он может жить внутри станции, не испытывая никаких неудобств. Недостатка у него не будет ни в чем: инопланетяне предоставят ему все необходимое для жизни. Время от времени Инек, конечно, покупал земные продукты через Уинслоу, который привозил его заказы из города, но только потому, что ему иногда хотелось простой земной пищи, памятной с детства или со времен военных походов.

Но даже и такие продукты он мог бы получать с помощью дубликации. Для этого достаточно отправить кусок бекона или дюжину яиц на другую станцию, где они останутся в качестве образцов, а копии ему будут высыпать по мере необходимости.

Инопланетяне не могут предоставить ему только одного —

общения с человечеством, которое он поддерживает через Уинслоу и почту. Оставшись внутри станции, он будет полностью отрезан от знакомого мира, поскольку газеты и журналы — единственная ниточка, которая связывает его с Землей. Радио на станции просто не работает из-за помех, создаваемых аппаратурой.

Он не будет знать, что происходит вокруг, не будет знать, как идут дела во всем мире. Это, конечно же, отразится на работе над таблицей, но кому она тогда будет нужна? Впрочем, сказал он себе, она и сейчас почти бесполезна, поскольку он не уверен, что правильно учитывает все факторы.

Но самое главное — ему будет недоставать той маленькой части окружающего мира, что знакома ему до последнего камушка, того маленького уголка планеты, где он совершает свои прогулки. Может быть, эти самые прогулки более, чем все остальное, позволяли ему оставаться человеком, жителем Земли.

Он никак не мог решить для себя, насколько это важно — оставаться жителем Земли со всеми его мыслями и чувствами, оставаться частичкой человечества. Может быть, это и ни к чему. Может быть, он ведет себя слишком провинциально, цепляясь так долго за старую родную планету, — ведь ему открыта вся галактика. Не исключено, что из-за этого провинциализма он даже что-то теряет.

Однако Инек знал, что не в силах будет отвернуться от родной Земли. Он слишком сильно любит свою планету, сильнее, может быть, чем те люди, которым не довелось, как ему, соприкоснуться с далекими загадочными мирами. Человек, говорил он себе, должен быть к чему-то привязан, должен быть верен чему-то, должен себя с чем-то отождествлять. Галактика слишком велика, чтобы оставаться с ней один на один, без опоры и поддержки.

Над поросшей высокими травами поляной пронесся жаворонок и взмыл в небо. Инек прислушался, ожидая, что с высоты польются стремительные переливчатые трели, но птица молчала: весна уже давно прошла.

Инек двинулся дальше по дороге, и вскоре впереди показалось строгое здание станции, оседлавшее холм.

Странно, что он воспринимает это здание не как дом, а только как станцию, подумал Инек. Хотя на самом деле ничего удивительного тут, может быть, и нет: станцией оно прослужило дольше, чем домом. Что-то в нем чувствовалось вызывающе-непоколебимое, словно здание уселось на холме на всегда. Но, собственно говоря, если понадобится, оно и простоит там целую вечность, ибо ничто не может причинить станции вреда.

Если он будет вынужден когда-нибудь остаться в стенах

станции, она выдержит любые попытки узнать ее природу. Ни отколоть кусочек, ни оцарапать, ни разрушить ее просто невозможно. Люди не смогут сделать ровным счетом ничего. Любые наблюдения, предположения, попытки анализа не принесут им ничего нового, кроме понимания, что на вершине холма стоит в высшей степени необычное строение. Потому что оно в состоянии выдержать любое воздействие, кроме, пожалуй, термоядерного взрыва, а может, и его тоже.

Зайдя во двор, Инек обернулся и взглянул в сторону рощицы, где он заметил блик, но не увидел ничего такого, что выдавало бы наблюдателя.

10

В помещении станции жалобно свистел аппарат связи.

Инек повесил ружье на место, положил почту и статуэтку на стол и подошел к аппарату в другом конце комнаты. Нажал кнопку, передвинул рычажок, и свист прекратился. На экране возник текст:

НОМЕР 406 302 СТАНЦИИ 18 327. ПРИБУДУ РАНО ВЕЧЕРОМ ПО ТВОЕМУ ВРЕМЕНИ. ПРИГОТОВЬ ГОРЯЧИЙ КОФЕ. УЛИСС.

Инек улыбнулся. Улисс и его кофе! Он оказался единственным инопланетянином, которому понравилось хотя бы что-то из земной еды и напитков. Другие тоже пробовали разок-другой, но им ничего не нравилось.

У них с Улисом вообще сложились странные отношения. Они с самого начала прониклись друг к другу теплыми чувствами, еще с того дня, когда сидели вдвоем на ступенях крыльца перед началом грозы и с лица Улисса сползла человеческая маска, скрывавшая его истинный облик.

Под ней оказалось ужасное лицо — некрасивое, даже отталкивающее. Лицо, как подумалось Инеку, жестокого клоуна. Хотя еще в тот момент он удивился возникшему сравнению, потому что жестоких клоунов не бывает. Однако вот он — лицо в цветных пятнах, плотно сжатые тяжелые челюсти, узкая щель рта.

Потом Инек увидел глаза, и это сразу изменило впечатление. Большие, добрые глаза, светившиеся пониманием, — существо словно тянулось к нему взглядом, как земной человек протянул бы руку дружбы.

Стремительно налетел дождь, прошелестел по траве, потом забаранил по крыше сарая, а потом косая пелена придвигнулась еще ближе, и дождевые капли ожесточенно застучали по участку, вколачивая в землю пыль, а перепачканные куры испуганно бросились под навес.

Инек вскочил и, схватив гостя за руку, втащил под крышу.

Они стояли, глядя друг на друга, и Улисс потянул за обвисшие края маски, обнажая лысую голову, похожую на тупую пулю, и расцвеченнное лицо — словно у разъяренного индейца, что вышел на тропу войны, хотя в нем все же было что-то клоунское, какие-то нелепые мазки тут и там, точно лицо это являло собой гротескный образ войны, нелепого и бессмысличного занятия. Но мгновение спустя Инек понял, что это не грим, а естественная пигментация существа, прилетевшего из невообразимой звездной дали.

Конечно, он был удивлен, растерян, но ни на минуту не усомнился, что перед ним и вправду неземное существо. Не человек. Фигура человеческая: две руки, две ноги, голова, лицо. И в то же время было в нем что-то нечеловеческое, отталкивающее, чуждое.

В древности, подумал Инек, его, возможно, приняли бы за демона, но давно уже минуло то время (хотя, как знать, может, еще не везде), когда люди верили в демонов, призраков и прочую нечисть, что в представлении людей некогда обитала на Земле.

Пришелец со звезд, значит. Может, так оно и есть. Хотя это просто не укладывалось у Инека в голове. Такое не представить даже самой смелой фантазии. Не знаешь, что и делать, — ни примеров, ни правил для такой ситуации нет. В голове пустота, полная пустота! Может, со временем и осенит какая-нибудь мысль, но пока одно безмерное, бесконечное удивление.

— Не торопитесь, — произнес пришелец. — Я понимаю, вам нелегко. Только не знаю, чем вам помочь. Я даже не могу убедительно доказать, что действительно прилетел оттуда.

— Но вы так хорошо говорите...

— Вы имеете в виду, на вашем языке? Это совсем не сложно. Если бы вы знали, как много во всей галактике различных языков, то поняли бы, насколько не сложно. Ваш язык относительно прост. В нем отсутствует множество понятий — с какими-то явлениями людям просто не приходилось еще сталкиваться.

Возможно, так оно и есть, подумал Инек.

— Если хотите, — сказал пришелец, — я могу уйти дня на два, чтобы дать вам время поразмыслить. А потом, когда вы все обдумаете, вернусь.

Инек улыбнулся и почувствовал, что улыбка у него получилась натянутая, деревянная.

— Мне как раз хватит времени, чтобы разнести новость по всей округе. И когда вы возвратитесь, тут будет ждать засада.

Пришелец покачал головой.

— Уверен, что вы этого не сделаете, и готов рискнуть. Если вы хотите...

— Нет, — ответил Инек спокойно и сам удивился своему спокойствию. — Если уж на тебя что свалилось, то решать надо сразу. Это я еще на войне понял.

— Отлично, — сказал пришелец. — Просто отлично. Я не ошибся в вас и могу этим гордиться.

— Не ошиблись?..

— Не думаете же вы, что я пришел сюда наугад? Я много знаю о вас, Инек. Почти столько же, сколько знаете о себе вы сами. А может быть, и больше.

— Вы знаете, как меня зовут...

— Конечно.

— Ладно, — сказал Инек. — А как зовут вас?

— Этот вопрос вызывает у меня крайнее смущение, — ответил пришелец, — потому что у меня нет имени как такового. Есть опознавательный признак, соответствующий предназначению моей расы, но его невозможно передать словами.

Непонятно почему, но Инек вдруг вспомнил сутулую фигуру человека, сидящего на верхней перекладине ограды с палкой в одной руке и складным ножом в другой. Человек спокойно обстругивал палку. Над головой его свистели пущечные ядра, а всего в полукилометре от него трещали мушкеты, изрыгая свинец и клубы порохового дыма, поднимавшегося над рядами солдат...

— Вам нужно имя, — сказал Инек. — Пусть это будет имя Улисс. Должен же я как-то вас называть.

— Согласен, — ответил пришелец. — Но могу я спросить, почему именно Улисс?

— Потому что это имя великого представителя моего народа.

Дико, конечно. Они никакие не были похожи — сутуловатый американский генерал времен Гражданской войны и это существо, что стояло напротив Инека на крыльце.

— Вот мы и познакомились. Я рад, что теперь у меня есть имя, — произнес Улисс. — Мне кажется, оно звучит возвышенно и благородно, и, между нами говоря, я буду даже счастлив носить это имя. А тебя я буду звать просто Инеком, как водится между друзьями, — ведь нам предстоит работать вместе много твоих лет.

Мало-помалу к Инеку возвращалось трезвое понимание происходящего, и ему стало немного не по себе. Может быть, и к лучшему, подумал он, что сначала меня все это так ошарашило. Я даже не мог понять, в чем дело.

— Что ж, может, и так, — сказал он, инстинктивно сопротивляясь подсказываемому сознанием выводу, уж слишком быстро теснящему привычный ход мыслей. — Я могу предложить тебе перекусить. И приготовлю кофе.

— Кофе... — Улисс причмокнул тонкими губами. — У тебя есть кофе?

— Я сделаю большой кофейник. И разобью туда сырое яйцо, чтобы осела гуща.

— Замечательно! — воскликнул Улисс. — Сколько я напитков перепробовал на разных планетах, но кофе мне понравился больше всего.

Они прошли на кухню. Инек поворошил угли в печке и подбросил еще несколько поленьев. Затем налил в кофейник воды и поставил его на огонь. Принес из кладовой яйца и слазил в подпол за окороком. Улисс сидел неподвижно в кресле и наблюдал за его действиями.

— Ты ешь ветчину и яйца? — спросил Инек.

— Я ем все, — ответил Улисс. — Моя раса очень легко приспосабливается к чему угодно. По этой причине меня и послали на твою планету в качестве... Как это называется?.. Высматривателя?

— Разведчика, — подсказал Инек.

— Да, верно. Разведчика.

Инек удивлялся, что с ним так легко разговаривать — почти как с обычным человеком, хотя, видит бог, на человека Улисс совсем не походил. Скорее, на какую-то диковинную карикатуру на человека.

— Ты уже так долго живешь здесь, — сказал Улисс, — и, наверно, любишь свой дом?

— Я тут родился. Правда, отсутствовал четыре года, но родной дом всегда родной.

— Я тоже жду не дождусь, когда смогу вернуться домой. Давно я там уже не был. Но такие задания, как это мое, всегда отнимают много времени.

Инек положил на стол нож, которым резал ветчину, и тяжело опустился на стул, глядя на Улисса, сидящего по другую сторону стола.

— Ты отправишься домой?

— Конечно, — ответил Улисс. — Я почти закончил свою работу, и у меня тоже есть дом. А ты как думал?

— Не знаю, — тихо произнес Инек. — Я еще ничего об этом не думал.

Вот оно как... Ему и в голову не пришло, что у такого существа тоже может быть дом. Дом, в его представлении, мог быть только у человека.

— При случае, — сказал Улисс, — я расскажу тебе о своем доме, и, возможно, ты даже будешь когда-нибудь моим гостем.

— Там, среди звезд...

— Сейчас тебе все кажется странным, — сказал Улисс. — Ты не сразу привыкнешь. Но, узнав нас лучше — всех нас, — ты многое поймешь. И я надеюсь, мы понравимся тебе. Галактику населяет множество самых разных существ. И все мы, право же, неплохие соседи.

Звезды, застывшие в одиночестве космоса... Инек даже представить себе не мог, насколько они далеки, и что они такое, и для чего существуют. Другой мир — нет, неверно! — много других миров. И там живут люди. Много других людей. Самые разные люди у каждой из этих звезд. И один из них сидит у него на кухне, ждет, когда закипит вода в кофейнике и поджарится яичница с ветчиной.

— Но почему?.. — спросил Инек. — Зачем я тебе нужен?

— Мы все — путешественники. И нам нужна здесь пересадочная станция. Мы хотели бы превратить этот дом в станцию, а ты чтобы был ее смотрителем.

— Этот дом?

— Мы не можем построить новую станцию, потому что твои люди начнут задавать вопросы: кто строит, для чего? Мы вынуждены использовать уже существующие строения и переделывать их для наших целей. Но только внутри. Снаружи мы оставляем все, как есть. Я хочу сказать, внешний вид останется прежним. Мы не хотим, чтобы кто-то задавал вопросы. Это важно...

— А путешествия?

— Мы путешествуем от звезды до звезды быстрее, чем ты можешь об этом подумать, — сказал Улисс. — Быстрее, чем ты моргнешь. У нас есть то, что ты назвал бы машинами. Но это не машины, во всяком случае не те, которые ты знаешь.

— Извини, — произнес Инек в замешательстве, — но все это кажется мне совершенно невероятным.

— Ты помнишь, когда в Милвилл пришла железная дорога?

— Помню. Я тогда был совсем еще мальчишкой.

— Тогда представь себе: это просто еще одна железная дорога, и Земля на ней — просто городок, а твой дом — станция для новой, необычной дороги. Разница только в одном: никто на Земле, кроме тебя, не будет знать о существовании новой дороги. И этой станции. Совсем маленькая станция — место, где можно немного отдохнуть и пересесть на другой поезд. Однако на Земле никто не сможет купить на него билет.

В таком виде, конечно, это звучало просто, но Инек чувствовал, что на самом деле все несравненно сложнее.

— Вагоны в космосе? — спросил он.

— Не вагоны, — ответил Улисс. — Это нечто совсем иное, и я даже не знаю, как тебе объяснить...

— Может, тебе стоит подыскать кого-то другого. Кого-то, кто сможет понять.

— Пока что на этой планете нет никого, кто сумел бы понять меня пусть даже приблизительно. Так что, Инек, ты устраиваешь нас так же, как любой другой. И во многих отношениях даже больше, чем любой другой.

— А знаешь...
— Ты что-то хотел сказать?
— Нет, ничего.

Он просто вспомнил, как сидел на крыльце и думал о том, что остался совсем один и надо начинать новую жизнь. Да, ничего не поделаешь, надо строить свою жизнь сначала.

И вдруг вот оно, начало — удивительное, пугающее. Такое не привиделось бы ему даже в самом безумном сне!

11

Инек отправил сообщение в архив и послал подтверждение: НОМЕР 406 302 ПОЛУЧЕН. КОФЕ НА ПЛИТЕ. ИНЕК.

Убрав текст с экрана, он подошел к подготовленному перед уходом жидкостному контейнеру номер три. Проверил температуру и уровень раствора, еще раз убедился, что контейнер надежно закреплен под материализатором.

После этого Инек прошел ко второму материализатору, стоявшему в углу, — для официальных визитов и аварийных ситуаций — и внимательно проверил приборы. Как всегда, все было в порядке, но Инек обязательно осматривал материализатор перед каждым визитом Улисса. Сам он, конечно, починить его не мог, и в случае поломки ему полагалось просто послать срочное сообщение в Галактический Центр, после чего на станцию через рейсовый материализатор явился бы кто-нибудь, кто в состоянии справиться с этой задачей.

Такой порядок объяснялся тем, что материализатор для официальных визитов и аварийных ситуаций предназначался только для тех целей, какие предполагало название: для визитов сотрудников Галактического Центра и для возможных непредвиденных обстоятельств. И управление осуществлялось не со станции, а из Галактического Центра.

В качестве инспектора этой и нескольких других станций Улисс имел право пользоваться материализатором в любое время и без уведомления. Но за все годы их дружбы, вспоминал Инек с гордостью, Улисс ни разу не забыл предупредить его о предстоящем визите. Своего рода знак внимания, и, как Инек знал, его заслужили далеко не все станции огромной транспортной сети галактики, хотя наверняка есть смотрители, к которым в Галактическом Центре относятся с таким же уважением.

Сегодня, подумал Инек, он, может быть, расскажет Улиссу о начавшейся слежке. Наверно, следовало сделать это раньше, но очень уж не хотелось все это объяснять — ведь тем самым он признал бы, что человечество может создать для галактической системы какие-то сложности.

Безнадежное дело, конечно, эта его одержимость, стремление доказать, что люди Земли добры и разумны. Потому что они довольно часто бывают и не добры, и не разумны. Человечество, наверно, просто еще не повзрослело. Да, земляне стремительно прогрессируют, они, случается, проявляют друг к другу сострадание и даже способны понять друг друга, но как же жалки их достижения во многих других областях...

Если бы только появился у людей шанс, говорил себе Инек, если бы как-то помочь им, если дать понять, какой огромный мир там, в космосе, тогда бы они спохватились, погуниели, и со временем их приняли бы в огромное братство звездных народов.

А когда их примут, они докажут, что достойны его, и многое смогут свершить, потому что люди — еще молодая раса, энергичная. Порой даже слишком энергичная.

Инек тряхнул головой, прошел через комнату и сел за стол, затем освободил пачку газет и журналов от бечевки, которой их перевязал Уинслоу, и разложил почту на столе: несколько ежедневных газет, еженедельник новостей, два журнала — "Природа" и "Наука" — и письмо.

Отодвинув газеты в сторону, он взял в руки письмо: авиа, на штемпеле — Лондон, а над обратным адресом — незнакомое ему имя. Странно, с чего это вдруг незнакомый человек пишет ему из Лондона. Впрочем, напомнил он себе, любой человек из Лондона или еще откуда-нибудь будет для него незнакомым. Ни в Лондоне, ни где-то еще он никого не знает.

Инек разрезал конверт, развернул листок и пододвинул лампу поближе, чтобы свет падал прямо на письмо.

Уважаемый сэр, прочел он, я подозреваю, что Вы меня не знаете, но я один из редакторов британского журнала "Природа", который Вы выписываете много лет подряд. Я не воспользовался редакционным бланком, поскольку это письмо личное, неофициальное и, возможно, даже несколько бесцактное.

Вам, быть может, будет небезинтересно узнать, что Вы являетесь нашим старейшим подписчиком. Уже более восьми-девяти лет мы высылаем Вам наш журнал.

Понимая, что это, строго говоря, меня не касается, мне все же хотелось бы спросить у Вас, выписывали ли Вы весь этот срок журнал сами, или его выписал в свое время Ваш отец (или кто-то из близких), а Вы просто оставили подписку на его имя?

Мой вопрос, безусловно, свидетельствует о непрошеном и непростительном любопытстве, поэтому, если Вы, сэр, предпочтете оставить его без ответа, — это, разумеется, Ваше право, и Вы поступите вполне естественно. Однако, если Вы все

же сочтете возможным ответить мне, я буду Вам чрезвычайно признателен.

В свое оправдание могу только сказать, что я проработал в журнале очень долгое время и испытываю определенную гордость от того, что кто-то считал его достойным внимания более восьмидесяти лет подряд. Честно говоря, я сомневаюсь, что многие издания могут похвастаться столь продолжительным интересом со стороны одного человека.

*Позвольте заверить Вас в моем бесконечном уважении.
Искренне Ваш.*

И подпись.

Инек отодвинул письмо в сторону.

Вот оно, снова, подумал он. Еще один наблюдатель. Впрочем, вежливый и корректный. Никаких осложнений здесь, скорее всего, не будет.

Но тем не менее это еще один наблюдатель, который его заметил, который заинтересовался, обнаружив, что один и тот же человек выписывает журнал в течение восьмидесяти с лишним лет.

С годами таких любопытствующих будет все больше и больше. Видимо, ему следует беспокоиться не только из-за наблюдателей, засевших вокруг станции, -- ведь сколько еще будет других! Человек, как бы он ни старался, не может спрятаться от мира. Рано или поздно мир его заметит и соберется у порога его жилища сгорающей от любопытства толпой, чтобы узнать, почему он прячется.

Инек отдавал себе отчет в том, что времени у него почти не осталось. Толпа уже подступала к порогу.

Что им от меня нужно, думал он. Может быть, они отстанут, если объяснить им, в чем дело? Но объяснить-то он как раз и не мог. Даже если рассказать им правду, все равно найдутся такие, что не уйдут, не отвяжутся...

Материализатор в другом конце комнаты подал сигнал, и Инек обернулся.

Прибыл путешественник с Тубана. В контейнере плавала темная шарообразная масса, а над ней покачивался на поверхности раствора какой-то прямоугольный предмет.

Видимо, багаж, подумал Инек. Хотя в сообщении говорилось, что путешественник будет без багажа. Он заторопился к контейнеру и на полпути услышал доносящиеся из контейнера частые щелчки -- гость с Тубана заговорил:

— Подарок. Для тебя. Мертвое растение.

Инек уставился на плавающий в контейнере куб.

— Возьми, — прощелкал инопланетянин. — Это тебе.

В ответ Инек неуверенно простучал пальцами по прозрачной стенке контейнера:

— Благодарю тебя, милостивый странник.

Назвав это шарообразное существо "милостивым странником", он тут же засомневался, правильное ли выбрал обращение. За долгие годы он так и не разобрался до конца в тонкостях галактического этикета и иногда допускал ошибки. С некоторыми существами полагалось разговаривать таким вот цветистым стилем (само обращение тоже зависело от каждого конкретного случая), с другими можно было общаться при помощи вполне обычных, простых слов.

Инек склонился над контейнером, извлек куб и увидел, что это кусок тяжелой древесины — черной, как эбеновое дерево, и такой плотной, что поверхность ее казалась гладкой, будто камень. Инек усмехнулся про себя: благодаря Уинслоу он уже стал в некотором роде экспертом, понимает толк в дереве.

Положив куб на пол, он повернулся к контейнеру.

— Не объяснишь ли ты мне, — обратился к нему инопланетянин, — для чего оно вам нужно? У нас это совершенно бесполезная вещь.

Инек помедлил, тщетно пытаясь отыскать в памяти код, соответствующий слову "вырезать".

— Для чего же? — повторил гость.

— Прошу прощения, милостивый странник. Я не очень часто пользуюсь этим языком. Мне не хватает слов.

— Пожалуйста, не называй меня "милостивым странником". Я — самое обычное существо.

— Мы придаем ему форму, — простучал Инек. — Другую форму. Если ты обладаешь способностью видеть, я могу показать тебе такую вещь.

— Нет, я не обладаю этой способностью, — ответил гость. — Мы можем многое другое, но видеть нам не дано.

Прибыл путешественник с Тубана в форме шара, но теперь он начал медленно растекаться в стороны.

— Ты, — прощелкал он, — существо двуногое?

— Да.

— Твоя планета твердая?

— Твердая? А, твердая или жидккая — вот что интересует гость, догадался Инек.

— Поверхность на одну четверть твердая. Оставшаяся часть покрыта жидкостью.

— Моя планета почти вся жидккая. Совсем мало тверди. Очень удобный мир.

— Я хотел задать тебе вопрос, — прощелкал Инек.

— Спрашивай.

— Ты математик? Я имею в виду, вы все математики?

— Да, — ответило существо. — Занятие математикой — превосходный отдых.

— Ты хочешь сказать, что вы не используете математику в практических областях?

— Когда-то использовали. Но теперь в этом нет необходимости. Все, что нам нужно, у нас уже есть. Теперь это отдых.

— Я слышал о вашей системе счисления...

— Она сильно отличается от тех, что распространены на других планетах. Наша система гораздо лучше.

— Ты можешь рассказать мне о ней?

— А ты знаком с системой счисления, которой пользуются жители Поляриса-VII?

— Нет, — ответил Инек.

— Тогда это бессмысленно. Сначала нужно изучить их систему.

Вот так, подумал Инек. Этого следовало ожидать. В галактике накоплено так много знаний, а он ознакомился лишь с крохотной их частью и при этом понял только малую долю того, с чем ознакомился.

Однако на Земле есть люди, которые способны понять гораздо больше. Люди, которые отдадут последнее даже за то немногое, что стало доступно ему, и наверняка найдут способ употребить эти знания в дело.

Там, среди звезд, накопился колоссальный запас знаний — и новые открытия в развитие тех, что уже известны человечеству, и такие науки, о которых человечество еще даже не догадывается. Может быть, так и не догадается, если по-прежнему будет предоставлено само себе.

Ну хорошо, пройдет еще лет сто... Сколько нового узнает он за сто лет? За тысячу?

— Теперь я хочу отдохнуть, — прощелкал гость с Тубана. — Приятно было с тобой поговорить.

12

Повернувшись к контейнеру спиной, Инек поднял с пола бруск. На полу осталась маленькая блестящая лужица натекшей с него жидкости.

Он отнес подарок к окну в противоположном конце комнаты и принялся внимательно его разглядывать: черная тяжелая древесина с очень плотной структурой, в одном месте остался кусок коры. Видно было, что куб опилен со всех сторон. Кто-то подгонял его размеры, чтобы он тут, на станции, поместился в контейнер.

Инеку вспомнилась статья, которую он прочел в одной из газет всего день или два назад. Автор этой статьи, ученый, утверждал, что на планетах, не имеющих суши, разумная жизнь возникнуть не может.

Разумеется, ученый ошибался, потому что цивилизация Тубана-VI возникла именно на такой планете, и в галактическом

содружество входило много других миров, поверхность которых сплошь покрыта жидкостью. Человечеству, если оно когда-нибудь узнает о существовании галактической культуры, предстоит не только учиться, но во многом еще и перечувствовать.

Например, представление о том, что скорость света — это предел...

Если бы ничто не могло двигаться быстрее света, тогда галактическая транспортная система была бы просто невозможна.

Однако не стоит слишком строго судить за это человечество, напомнил себе Инек. Наблюдения — это единственный способ получения данных, посредством которого человек — или, если на то пошло, кто угодно — может делать выводы о природе Вселенной. И поскольку человечество пока не обнаружило ничего такого, что движется быстрее скорости света, оно вправе предположить, что ничто и в самом деле не может двигаться быстрее. Но только предположить. Не больше.

Потому что импульсная система, переносившая путешественников от звезды к звезде, работала почти мгновенно независимо от расстояния...

Размышия об этом, Инек признался себе, что даже ему самому порой с трудом в это верится.

Секунду назад существо, плавающее в контейнере, находилось в таком же контейнере на другой станции, где материализатор скопировал его целиком — не только тело, но и то неуловимое нечто, делавшее его существом одушевленным, — а затем практически мгновенно перенес в виде импульса через бездну пространства в материализатор этой станции, воссоздавшей и тело, и разум, и память, и жизнь существа, оставшегося за много световых лет отсюда и теперь уже мертвого. В контейнере возникло новое тело с новым разумом, памятью, жизнью — совершенно новое существо, но точно такое же, как прежде. Его личность, его сознание остались неизменными, и лишь на ничтожно малое мгновение прервалось течение мысли — так что существо это осталось во всех отношениях прежним.

Разумеется, возможности импульсной системы были не безграничны, но не скорость накладывала ограничения, поскольку импульс мог пересечь всю галактику практически мгновенно. Проблема заключалась в том, что при определенных условиях характеристики импульса нарушались, и, чтобы воспрепятствовать этому, требовалось много пересадочных станций — многие тысячи станций. Пылевые облака, скопления межзвездного газа, области с высокой ионизацией — все это могло разрушить импульс, и в тех районах галактики, где встречались подобные опасности, станции строились гораздо

ближе друг к другу. Нередко их строителям приходилось прокладывать маршруты в обход больших концентраций газа или пыли, способных исказить сигнал.

Сколько уже безжизненных тел, подумал Инек, оставило это существо позади, на других станциях, расположенных вдоль пути его следования? Таких же безжизненных, каким станет это тело, плавающее в контейнере, спустя несколько часов, когда существо в виде импульса отправится дальше.

Длинная цепочка безжизненных тел, протянувшаяся среди звезд, — каждое из них должно быть уничтожено кислотой и смыто в глубинный резервуар, а само существо тем временем продолжает свой путь от станции к станции, пока не доберется туда, куда влечет его цель путешествия.

Но что, какие задачи влекут в дорогу жителей галактики от станции к станции, через космическую бездну? Их так много, этих существ, а значит, и цели у них разные. Иногда из разговоров с гостями Инек узнавал о целях путешествия, но по большей части оставался в неведении, да и не считал он себя вправе вмешиваться. Ведь он всего лишь смотритель.

Хозяин постоянного двора, думал Инек, хотя многим существам он и в такой роли не всегда нужен. Но во всяком случае, человек, который следит за надежностью станции, работает здесь, готовит, что надо, к приему путешественников и отправляет их дальше, когда подходит время. А также выполняет мелкие просьбы и поручения, если в этом возникает необходимость.

Инек взглянул на деревянный куб и представил себе, как обрадуется Уинслоу. Такое дерево — черное и плотное — попадалось крайне редко.

Как бы повел себя Уинслоу, если бы узнал, что его статуэтки вырезаны из дерева, выросшего на неизвестной планете за много световых лет от Земли? Должно быть, он не раз задавал себе вопрос, откуда берется такое дерево и как Инеку удается его добывать. Но он никогда не спрашивал напрямую. Конечно же, Уинслоу чувствовал, что в этом человеке, который каждый день встречает его у почтового ящика, есть что-то странное. Но он ни о чем сго не расспрашивал, никогда.

Видимо, потому, что они друзья, говорил себе Инек.

И этот кусок древесины, что он держал в руке, тоже свидетельство дружбы — дружбы, установившейся между жителями звезд и обычным, незаметным смотрителем станции, затерявшийся в одном из спиральных рукавов галактики, далеко-далеко от ее центра.

Очевидно, с годами по галактике разнесся слух, что на этой вот станции есть смотритель, который коллекционирует экзотические породы дерева, — и он стал получать подарки. Не только от тех существ, которых он считал своими друзьями,

но и от незнакомцев вроде этого, что отдыхал сейчас в кон-
тейнере.

Инек положил полешко на стол и подошел к холодильни-
ку. Достал кусок выдержанного сыра, что привез Уинслоу не-
сколько дней назад, и пакетик фруктов, который днем рань-
ше подарил ему путешественник с Сирра-Х.

— Проверено, — сказал он Инеку. — Ты можешь употреб-
лять это в пищу без всякого вреда. Никакой опасности для
метаболизма. Может быть, ты уже пробовал их раньше? Нет?
Жаль. Восхитительный вкус. Если тебе понравится, я в следу-
ющий раз привезу еще.

Из шкафа рядом с холодильником Инек достал небольшую
плоскую буханку хлеба — часть рациона, ежедневно предо-
ставляемого Галактическим Центром. Хлеб, испеченный из
неизвестной на Земле муки, слегка отдавал орехами и каки-
ми-то инопланетными специями.

Инек разложил все на кухонном столе — так он его назы-
вал, хотя на самом деле кухни как таковой в доме не было, —
затем поставил на плиту кофейник и вернулся к письменному
столу.

Раскрытое письмо все еще лежало посередине. Он сложил
его и убрал в ящик.

Сняв коричневые обертки с газет, он отобрал "Нью-Йорк
таймс" и сел читать в свое любимое кресло.

**ДОГОВОРЕННОСТЬ О НОВОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕН-
ЦИИ** — значилось на первой же странице.

Кризис назревал уже больше месяца — последний из серии
кризисов, что уже несколько лет подряд угрожали миру и
спокойствию на Земле. И хуже всего, говорил себе Инек, это
то, что большинство из них созданы искусственно, — то одна
сторона, то другая пытается добиться преимуществ в беско-
нечном шахматном матче силовой политики, начавшемся
сразу после второй мировой войны.

В посвященных конференции статьях "Таймс" ощущался
какой-то отчаянный, почти фаталистический подтекст, словно
их авторы, а может быть, и дипломаты, и все остальные непо-
средственные участники событий уже знали, что конференция
ни к чему не приведет и, возможно, даже углубит кризис еще
больше.

Столичные обозреватели (писал один из сотрудников ва-
шингтонского бюро "Таймс") отнюдь не убеждены, что кон-
ференция отянет конфликт, как случалось на прошлых кон-
ференциях, или послужит продвижению вперед в спорных во-
просах. Многие источники почти не скрывают, что конферен-
ция может вместо этого еще сильнее раздуть пламя вражды,
так и не выработав в качестве компенсации каких-либо реше-
ний, которые откроют пути к компромиссу. Конференция,

предположительно, должна предоставить возможность для трезвой оценки фактов и спорных доводов, однако сейчас мало кто верит, что предстоящая встреча послужит этой цели в полной мере.

Кофеиник закипел, и Инек, отложив газету, бросился к плите, чтобы успеть его снять. Потом достал из шкафа чашку и поставил ее на стол.

Но прежде чем приняться за еду, он снова достал из ящика таблицу и развернул ее на письменном столе. В который раз уже его посетили сомнения, имеет ли она какую-либо практическую ценность, хотя временами ему казалось, что в определенных случаях таблица все же себя оправдывает.

Таблица основывалась на статистической теории, выработанной на Мицаре, но в силу природы изучаемого объекта он был вынужден заменить кое-какие величины и сместить влияние определенных факторов. Поэтому Инек в тысячный раз задавал себе вопрос: не сделал ли он где-нибудь ошибку? Может быть, эти подстановки и замены свели достоверность результатов на нет? И если так, то каким образом он может исправить ошибки, чтобы восстановить объективность метода?

Вот они, факторы, думал Инек, все здесь: скорость прироста и численность населения Земли, смертность, официальные курсы денежных единиц, рост стоимости жизни, сведения о числе исповедующих различные религии, успехи медицины, прогресс технологий, темпы роста промышленного производства, состояние рынка рабочей силы, тенденции в мировой торговле и многие другие, включая даже то, что на первый взгляд может показаться не слишком важным, — цены, назначаемые на аукционах за произведения искусства, передвижения населения во время отпусков и предпочитаемые районы отдыха, скорости транспортных средств и количества психических расстройств.

Он знал, что статистические методы, созданные математиками Мицара, пригодны для любых условий и для любых ситуаций — но только если они применены правильно. Ему же пришлось подгонять модель ситуации на чужой планете к тому, что происходит здесь, на Земле. Не сказалась ли эта подгонка на работоспособности метода?

Инек снова взглянул на таблицу и вздрогнул. Если он ни где не ошибся, если все факты учтены правильно, если подгонка не нанесла ущерба самой концепции оценки — тогда Земля движется к еще одной большой войне, к уничтожительной ядерной катастрофе...

Он отпустил края листа, и таблица сама свернулась в трубку.

Протянув руку, Инек взял плод, подаренный ему гостем с Сирра, и откусил. Покатал на языке, наслаждаясь необыч-

ным вкусом, и решил, что он действительно выше всяких похвал, как утверждало это странное, похожее на птицу существо.

Было время, когда он надеялся, что таблица, созданная на основе мицарской теории, подскажет ему если не способ покончить с войнами, то хотя бы путь к тому, как продлить мир. Но таблица ничем не могла ему помочь. Путь, который она указывала, неумолимо вел к войне.

Сколько войн смогут еще вынести люди Земли?

Никто, конечно, не ответит с уверенностью, но, вполне возможно, это будет последняя война. Сила оружия, которое люди готовятся пустить в ход, никем еще не проверена в полной мере, и ни один человек не знает точно, каковы могут быть последствия.

Когда-то люди сражались, держа все свое оружие в руках, и уже тогда война была достаточно страшна, но в любой современной войне смертоносный груз будет обрушиваться с небес, сметая с лица Земли сразу целые города — не скопления войск, а города со всем их населением.

Инек протянул руку к таблице, но остановился. Какой смысл просматривать ее еще раз? Он и так помнит все наизусть. Никакого проблеска надежды! Он может корпеть над таблицей до второго пришествия, и это ничего не изменит. Никакой надежды. Над миром снова сгущались грозовые тучи, и человечество неумолимо скатывалось к войне.

Он откусил еще кусочек — плод показался ему даже вкуснее. "В следующий раз, — сказало существо с Сирра, — я привезу тебе еще". Но, видимо, пройдет немало времени, прежде чем оно сюда вернется. А может быть, они никогда больше не увидятся. Многие путешественники показывались тут лишь единожды, хотя было и несколько таких, которые объявлялись чуть ли не каждую неделю, — постоянные посетители, они уже стали близкими друзьями.

Ему вспомнилась небольшая группа сиятелей, навещавших его много лет назад. В те далекие годы они заранее договаривались о длительных остановках на станции, чтобы можно было вволю посидеть за столом, поговорить с Инеком. Прибывали сиятели всегда словно на пикник — с огромными пленеными корзинами, полными всякой снеди и напитков.

Но в конце концов они перестали появляться. Инек уже давно не видел никого из них и грустил: с ними всегда было весело и интересно.

Инек выпил еще одну чашку кофе и все сидел за столом, вспоминая старые добрые времена, когда его посещала эта маленькая компания сиятелей.

Тут послышался легкий шорох, и, вскинув взгляд, он увидел на диване женщину в скромной юбке с кринолином, ка-

кие носили в шестидесятых годах прошлого века.

— Мэри! — удивленно воскликнул он, вскакивая на ноги.

Мэри улыбалась ему, как умела улыбаться только она одна. Какая она красивая, подумал Инек, с ней просто никто не сравнится.

— Мэри, — сказал он, — я так рад тебя видеть.

Тут Инек заметил, что в комнате появился еще один его друг: у камина стоял мужчина с пушистыми черными усами, в синей военной форме и с саблей на поясе.

— Привет, Инек! — сказал Дэвид Рэнсом. — Надеюсь, мы не помешали.

— Что ты! Как могут помешать двое лучших друзей!

Он стоял у стола, а вокруг него вставало прошлое, доброе, понятное прошлое, напоенное ароматом роз, прошлое, которое он не так уж часто вспоминал, но которое никогда его не покидало.

Откуда-то издалека доносились звуки флейты и барабана, бряцание оружия и амуниции, юноши уходили на войну под предводительством славного полковника при всех регалиях, гарцуящею на великолепном черном скакуне; на порывистом июньском ветру реяли полковые знамена.

Инек прошел через комнату и остановился у дивана.

— Ты не возражаешь? — спросил он с легким поклоном.

— Садись, пожалуйста, — ответила она. — И если у тебя дела...

— Никаких дел. Я так надеялся, что вы придете.

Инек опустился на диван, но чуть поодаль от нее. Он смотрел на ее руки, чинно сложенные на коленях, и ему хотелось взять их хоть на мгновение, подержать в своих руках, но он знал, что не может этого сделать.

Потому что Мэри здесь не было.

— Прошла почти неделя с тех пор, как мы виделись в последний раз, — сказала Мэри. — Как твоя работа, Инек?

Он покачал головой.

— Все те же проблемы. За мной по-прежнему следят. А таблица предсказывает войну.

Дэвид прошел по комнате и, опустившись в кресло, положил саблю на колени.

— Война, если судить по тому, как сейчас воюют, — заявил он, — будет страшна и безжалостна. Мы в свое время воевали совсем не так.

— Да, — сказал Инек, — мы воевали не так. Но, хотя война ужасна сама по себе, сейчас может произойти нечто еще более ужасное. Если на Земле разразится еще одна война, мы закроем себе дорогу к галактическому братству — навсегда или по крайней мере на многие века.

— Может быть, это и не так плохо, — предположил Дэвид.

Мы пока еще не готовы присоединиться к жителям галактики.

— Может быть, и не готовы, — произнес Инек. — Я тоже такого же мнения. Но когда-нибудь это должно произойти. А если у нас начнется война, этот день отодвинется далеко в будущее. Чтобы объединиться с другими расами, нужно хотя бы делать вид, что мы цивилизованны.

— А если они не узнают? — спросила Мэри. — Я имею в виду, про войну. Они ведь нигде, кроме этой станции, не бывают.

Инек покачал головой.

— Узнают. Я думаю, они за нами наблюдают. И уж во всяком случае, прочтут в газетах.

— В тех, что ты выписываешь?

— Я их сохраняю для Улисса. Вон та стопка в углу. Он каждый раз забирает их в Галактический Центр: за годы, что Улисс провел здесь, Земля очень заинтересовала его. И я подозреваю, эти газеты, после того как он их прочтет, попадают в самые разные уголки галактики.

— Представляешь, — сказал Дэвид, — как бы удивились в отделах подписки, узнай они, сколь широко распространяются их газеты?

Инек улыбнулся.

— В Джорджии выходит одна газета, — добавил Дэвид. — Так вот, они пишут в своих рекламных объявлениях, что появляются "каждое утро так же регулярно и повсеместно, как роса на траве". Придется им придумать что-нибудь в таком же духе, только про всю галактику.

— "Наша "Перчатка", — живо отозвалась Мэри, — годится для всей галактики!" Каково?

— Вот-вот.

— Бедный Инек, — произнесла Мэри с сожалением. — Мы тут сидим и развлекаемся шуточками, а у него столько проблем.

— Не мне их, конечно, решать, — ответил Инек, — но все-таки они меня беспокоят. Впрочем, чтобы избавиться от них, достаточно не выходить из дома, и все проблемы исчезнут. Когда дверь дома захлопывается, проблемы Земли остаются снаружи.

— Но ты не можешь так поступить.

— Не могу.

— Я думаю, ты прав, полагая, что другие расы наблюдают за нами, — сказал Дэвид. — Может быть, с намерением в один прекрасный день пригласить человечество присоединиться к ним. Иначе зачем бы им понадобилась станция здесь, на Земле?

— Они расширяют транспортную сеть постоянно. И станция

в нашей Солнечной системе была нужна им, чтобы продлить маршрут в этом спиральном рукаве галактики.

— Да, верно, — согласился Дэвид, — но почему именно на Земле? Они могли построить станцию на Марсе. Назначили бы смотрителем кого-нибудь из своих, и все было бы прекрасно.

— Я об этом часто думаю, — сказала Мэри. — Им понадобилась станция именно на Земле и смотритель — землянин. Должно быть, для этого есть какая-то серьезная причина.

— Я тоже надеялся, но, боюсь, они пришли слишком рано. Слишком рано для человечества. Мы еще не повзрослели. Мы все еще подростки.

— А как жаль! — вздохнула Мэри. — Мы могли бы многому от них научиться. Ведь они знают куда больше нас. Взять, например, их концепцию религии...

— Я не думаю, — сказал Инек, — что это на самом деле религия. У них нет тех привычных ритуалов, что мы ассоциируем с религией. И основано их мироощущение не на вере. В ней нет необходимости. Их понимание основано на знании. Они просто знают.

— Ты имеешь в виду энергию духовности...

— Да, и это такая же сила, как все другие, из которых складывается Вселенная. Энергия духовности существует точно так же, как время, пространство, гравитация и все те факты, что характеризуют нематериальную сторону Вселенной. Она просто есть, и люди галактического содружества научились ее использовать.

— Но, видимо, люди Земли тоже ее ощущают? — спросил Дэвид. — Они не знают о ее существовании, но чувствуют что-то. И тянутся к ней. Поскольку точного знания нет, людям остается только вера, которая имеет давнюю историю. Может быть, еще с пещерных времен. Это грубая, примитивная вера, но тоже вера, поиск, попытка.

— Очевидно, да, — ответил Инек. — Но на самом деле я думал не об энергии духовности. Я имел в виду другое — практические достижения, научные методы, философские концепции, которые человечество могло бы использовать. Назови любую отрасль науки — и у них наверняка найдется что-то для нас новое, потому что они знают гораздо больше нас.

Однако мысли Инека возвращались к удивительной концепции энергии духовности и еще более удивительной машине, построенной много тысячелетий назад, с помощью которой жители галактики черпали эту энергию. У машины было название, но подобрать близкое ему по значению на родном языке оказалось трудно. Ближе всего подходило слово "талisman", но Инек считал его слишком неточным, хотя именно такое слово употребил Улисс, когда они впервые разговаривали об этом много лет назад.

Там, в галактике, существовало столько удивительного, столько различных концепций, и многие из них просто нельзя ни изложить, ни объяснить ни на одном из языков Земли. Талисман — это не просто талисман, и машина, которую так назвали, — не просто машина. Помимо определенных механических принципов в нее заложили принципы духовные, может быть, некий резонатор психической энергии, неизвестной на Земле. Это и еще многое другое. В свое время он знакомился с литературой, посвященной энергии духовности и Талисману, и, читая, осознавал, насколько далек от истинного понимания, насколько далеко от понимания все человечество.

Привести Талисман в действие могли лишь некоторые существа с определенными особенностями мышления и еще некоторыми свойствами (может быть, думал он, это особые качества души?). Термин, которым этих существ называли, Иnek перевел для себя как "восприимцы", хотя его и здесь не оставляли сомнения в точности соответствия. Хранился Талисман у наиболее способного, или наиболее умелого, или наиболее преданного из галактических восприимцев, который переносил его от звезды к звезде, — этакое бесконечное шествие. Через Талисман и его хранителя обитатели каждой планеты черпали вселенскую энергию духовности.

Мысль об этом буквально потрясала, наполняя душу восторгом. Мысль о возможности соприкоснуться с духовностью, заполняющей галактику и, без сомнения, Вселенную целиком. Как это, должно быть, замечательно, думал он, и сколько уверенности рождает в том, что жизнь занимает особое место в великой схеме бытия, что даже один-единственный человек, независимо от того, сколь он мал, слаб и незначителен, все же наделен важной ролью в грандиозном действе, развертывающемся в пространстве и времени.

— Что-то случилось, Иnek? — спросила Мэри.

— Нет, ничего, — ответил он. — Я просто задумался. Прощу прощения.

— Ты говорил о том, какие великие открытия ждут нас в галактике, — сказал Дэвид. — Вот тот, например, раздел математики, о котором ты когда-то нам рассказывал...

— Ты имеешь в виду математику Арктура? Я и сейчас знаю не больше, чем тогда. Слишком для меня сложно. Этот раздел математики основан на поведенческом символизме.

Трудно даже назвать эту дисциплину математикой, думал он, хотя, если вдуматься, математика — самый подходящий термин. Это именно то, чего, без сомнения, не хватает ученым Земли, чтобы их социальные исследования оказывались эффективными и логичными в такой же степени, как эффективны и логичны механизмы, создаваемые на планете с помощью традиционных разделов математики.

— А вспомни биологию, созданную расой из созвездия Андромеды, которая заселила все эти непокорные планеты, — сказала Мэри.

— Да, я помню. Но Земля должна развиться и интеллектуально, и морально, прежде чем мы сможем рискнуть по их примеру использовать такие знания. Хотя, я думаю, даже сейчас им нашлось бы применение.

При воспоминании о том, как андромедяне использовали свои знания, его охватывала дрожь. Видимо, это доказывало, что он все еще гражданин Земли, которому по-прежнему близки все пристрастия, предубеждения и привычки человеческого разума. Потому что андромедяне поступили в полном соответствии со здравым смыслом. Если ты не можешь колонизировать планету, оставаясь самим собой, в том виде, в каком существуешь, тогда ты просто изменяешься. Превращаешь себя в существо, которое способно на этой планете жить, и подчиняешь ее себе. Если надо стать червем, становишься червем. Или насекомым, или моллюском, или чем-то еще — чем или кем нужно. И меняешь ты при этом не только тело, но и разум, меняешь его до такой степени, какая необходима, чтобы выжить на этой планете.

— А все их лекарства? — продолжала Мэри. — Все медицинские знания, которые можно было бы использовать на Земле. Хотя бы тот маленький набор, что прислали тебе из Галактического Центра.

— Да, набор лекарств, которые могли бы вылечить практически любую болезнь на Земле. Это мучит меня, пожалуй, сильнее всего. Знать, что они вот там, в шкафу, то есть уже на этой планете, где в них нуждается так много людей...

— Ты мог бы отправить образцы каким-нибудь медицинским организациям или производителям лекарств, — сказал Дэвид.

Инек покачал головой.

— Я уже думал об этом. Но я должен помнить и о галактике, о своих обязательствах перед Галактическим Центром. Они так старались, чтобы станция осталась незамеченной. Мне нужно думать об Улиссе и обо всех моих друзьях. Я не могу разрушить их планы. Не могу предать их. И вообще, если вдуматься, Галактический Центр и работа, которую они выполняют, — все это гораздо важнее, чем одна только Земля.

— И нашим, и вашим, значит, — произнес Дэвид с легкой издевкой в голосе.

— Вот именно. Одно время — много лет назад — я хотел написать несколько статей для научных журналов. Не медицинских, разумеется, потому что я ничего не смыслю в медицине. Лекарства у меня есть, лежат себе на полке, и к ним даже приложены инструкции по использованию, но это

таблетки, порошки, мази или что-то там еще — все уже готовое. Однако я все-таки набрался кое-каких знаний в других областях, что-то понял. Не очень много, но, во всяком случае, достаточно, чтобы намекнуть, в каком направлении надо двигаться. Для людей сведущих это вполне могло бы послужить толчком.

— Вряд ли из этого что-нибудь вышло бы, — заметил Дэвид. — У тебя нет практического опыта исследования. Ты ни где не учился и не связан ни с одним из колледжей или научных центров. Тебя бы просто не напечатали, если бы ты не представил каких-либо доказательств.

— Это я понимаю, конечно. Потому и не стал никуда писать. Я знал, что это безнадежно. Да и какие могут быть претензии к научным журналам — они ведь должны отвечать за то, что печатают. Их страницы открыты отнюдь не для любого желающего. Но даже если бы редакторы отнеслись к моим статьям уважительно и захотели их опубликовать, они непременно захотели бы узнать, кто я такой. А это привело бы их к станции.

— Но даже если бы ты сумел остаться в тени, — добавил Дэвид, — не только в этом все дело. Вот ты говорил о своей лояльности к Галактическому Центру...

— Если бы на меня никто не обращал внимания, все было бы в порядке. Если бы я мог просто подбрасывать земным ученым идеи, чтобы они сами разрабатывали их дальше, это не принесло бы вреда Галактическому Центру. Главная проблема в том, чтобы не раскрывать источник идей.

— Видимо, даже в этом случае ты все равно не смог бы сообщить слишком много, — сказал Дэвид. — У тебя нет достаточно подробных данных, чтобы на их основе можно было сделать что-то значительное. Галактическая наука слишком далека от привычных наезженных дорог.

— Это я понимаю, — ответил Инек. — Например, психотехника Манкалинена-III. Если бы Земля располагала этими знаниями, люди наверняка нашли бы способы лечения нервных и умственных расстройств. Мы освободили бы бесчисленные заведения для нервнобольных, а потом снесли бы их или использовали для чего-то другого. Они просто стали бы ненужными. Но, кроме жителей Манкалинена-III, нас некому научить. Сам я знаю только, что они достигли в психотехнике невероятных успехов, но больше мне ничего не известно. Ведь я ничего не смыслю в этой науке. Точные знания можно получить только от них, от жителей звезд.

— Ты все время говоришь о неизвестных науках, — сказала Мэри. — Люди еще даже не подозревают об их существовании.

— И не только люди — мы тоже, — добавил Дэвид.

— Дэвид! — воскликнула Мэри.

— Нам незачем прикидываться людьми, — ответил Дэвид рассерженно.

— Но вы — люди, — сказал Инек с усилием. — Для меня вы — люди. Кроме вас, у меня никого нет. В чем дело, Дэвид?

— Мне кажется, пришло время сказать, кто мы на самом деле, — ответил тот. — Мы — иллюзии, плод воображения. Мы созданы тобой с единственной целью: появляться и разговаривать с тобой, заменяя тебе настоящих людей, общения с которыми ты лишен.

— Но ты ведь так не думаешь, Мэри! — крикнул Инек. — Ты не можешь так думать!

Он потянулся к ней и тут же брезвально уронил руки, с ужасом осознав, что хотел сделать. Впервые в жизни Инек попытался дотронуться до нее, впервые за все эти годы он забылся.

— Извини, Мэри. Мне не следовало этого делать.

Глаза ее заблестели слезами.

— Если бы это было возможно! — вздохнула она. — Я так хотела бы, чтобы это было возможно!

— Дэвид, — позвал Инек, не поворачивая головы.

— Дэвид ушел, — сказала Мэри. — Он не вернется. — Мэри медленно покачала головой.

— В чем дело, Мэри? Что происходит? Что я такое наделал?

— Ничего, — ответила она, — если не считать, что ты сделал нас слишком похожими на людей. Настолько похожими, что у нас появились все человеческие качества. И теперь мы уже не марионетки, не красивые куклы, мы — люди! Мне кажется, именно это мучило Дэвида больше всего — не то, что он человек, а то, что, став человеком, он по-прежнему остается тенью. Раньше, когда мы были куклами, это не имело значения. У нас не было тогда человеческих чувств.

— Прости меня, Мэри, — произнес Инек. — Прошу тебя, прости!

Она наклонилась к нему, и лицо ее озарилось нежностью.

— Ты ни в чем не виноват. Скорее, мы должны благодарить тебя. Ты создал нас, потому что любил, и это прекрасно — знать, что ты любима и нужна.

— Но теперь все по-иному, — молил Инек. — Теперь вы приходите ко мне сами, по собственной воле.

Сколько лет уже прошло? Должно быть, все пятьдесят. Мэри стала первой, Дэвид — вторым. Из всех, кого воскрешало его воображение, они были ближе и дороже других.

А сколько лет минуло с тех пор, как он попытался сделать это впервые? Сколько лет провел он, изучая безымянную науку, созданную чудотворцами Альфарда-ХХII?

Когда-то, в прежние дни, при его прежнем отношении к жизни, все это могло показаться ему черной магией, хотя черная магия была тут ни при чем. Скорее, упорядоченные манипуляции некоторыми естественными характеристиками Вселенной, о которых человечество еще не подозревает. Может быть, оно никогда их не откроет. Потому что на Земле просто не существовало — по крайней мере в настоящее время — направления научной мысли, необходимого для появления исследований, которые могли бы привести к такому открытию.

— Дэвид чувствовал, — сказала Мэри, — что так не может продолжаться вечно. Эти наши благочинные визиты... Рано или поздно должно было наступить время, когда нам придется бы признаться себе, кто мы такие.

— И остальные тоже так решили?

— К сожалению, да, Инек. Остальные тоже...

— А ты? Ты сама, Мэри?

— Не знаю, — ответила она. — Для меня все это по-другому... Я люблю тебя.

— И я тебя.

— Нет, ты не понимаешь! Я и вправду влюблена в тебя.

Инек застыл, глядя на нее, и ему почудилось, что весь мир заполнился грохотом, словно он сам остановился, а пространство и время все так же несутся мимо него.

— Если бы все оставалось по-прежнему, как вначале... — произнесла Мэри. — Тогда мы радовались своему существованию, эмоции наши были еще не столь глубоки, и нам казалось, что мы счастливы. Как маленькие беспечные дети, что играют на улице под яркими лучами солнца. Но потом мы по-взрослели. И возможно, я больше, чем другие.

Она улыбнулась Инеку, но в глазах у нее стояли слезы.

— Не принимай это так близко к сердцу. Мы можем...

— Мэри, дорогая, — сказал Инек. — Я полюбил тебя с того самого дня, когда мы встретились впервые. А может быть, и еще раньше.

Он потянулся было к ней, но тут же опомнился и опустил руку.

— Я не знала этого... — проговорила Мэри. — Наверно, мне не следовало признаваться тебе... Если бы ты не знал, что я тоже тебя люблю, тебе, возможно, было бы легче.

Инек удрученно кивнул. Мэри склонила голову и прошептала:

— Боже праведный, за что ты обрушил на нас свою немилость? Мы ничем не заслужили такой кары.

Она подняла голову, посмотрела Инеку в глаза и добавила:

— Мне бы только коснуться тебя...

— Мы можем встречаться, как раньше, — сказал Инек. — Приходи в любое время, когда захочешь. Мы...

Она покачала головой.

— Теперь уже не получится. Для нас обоих это будет слишком тяжело.

И Инек понял, что она права, что все кончено. Целых пятьдесят лет и Мэри, и другие люди-тени появлялись в доме, чтобы повидаться с ним. Но теперь они не вернутся. Сказочное королевство рассыпалось в прах, волшебные чары развеялись. Отныне он будет одинок — более одинок, чем когда-либо, более одинок, чем до знакомства с ней.

Сама она не вернется, а у него не хватит духу вызвать ее снова, даже если бы он смог, — теперь мир теней и его любовь, единственная любовь в его жизни, уйдут навсегда.

— Прощай, моя любимая, — произнес он.

Но было уже поздно — Мэри исчезла.

И откуда-то издалека, как поначалу показалось Инеку, до него донесся свист аппарата связи, требующего внимания к новому сообщению.

13

“Пришлось бы признаться себе, кто мы такие”, — сказала Мэри.

А действительно, кто они? Не в его представлении, а на самом деле? Что они думают о самих себе? Может быть, им известно больше, чем ему?

Куда ушла Мэри? В каком неизвестном измерении растворилась она, покинув эту комнату? Существует ли она сейчас? И если да, то что за существование? Может быть, она лежит, словно кукла, в коробке, куда маленькие девочки прячут свои игрушки, убирая их в шкаф. А рядом хранятся все остальные куклы...

Инек попытался представить себе это вневременное, затерянное измерение, и воображение рисовало ему серую пустоту, где его прежние друзья существовали в небытии, где не было ни пространства, ни времени, ни света, ни воздуха, ни цвета, ни видения — одна бескрайняя пустота, которая простирается за пределами Вселенной.

“Мэри! — кричала его душа. — Мэри, что я натворил?”

Ответ лежал на поверхности — безжалостный и холодный.

Он вмешался в нечто такое, чего не понимал, и тем самым совершил еще больший грех, считая, что все понимает. На самом деле он понял самую малость — ровно столько, чтобы заставить принцип сработать, — но он не понял, не смог предугадать, какие будут последствия.

Акт творения подразумевал ответственность, а он был готов лишь к моральной ответственности за причиненное зло,

но ничем не мог помочь, а значит, был совершенно бессилен.

Они ненавидели его, негодовали, и Инек даже не мог их за это осуждать, потому что именно он вызвал их из небытия, показал им мир людей, а затем вернул обратно. Он дал им все, чем располагает человек, за одним, но самым важным исключением — им не дано было способности существовать в мире людей.

И они возненавидели его, все, кроме Мэри, но с Мэри было еще хуже. На нее он обрушил проклятье, ибо, вдохнув в нее все человеческое, он обрек Мэри на любовь к сотворившему ее чудовищу.

“Ты вправе ненавидеть меня, Мэри, — твердил он. — Как и все другие”.

Люди-тени — так Инек их называл, но это всего лишь термин, который он придумал для себя, для собственного удобства, аккуратный ярлык, которым он всех их пометил, чтобы как-то отличать, когда о них думал.

Оказалось, ярлык неудачен, потому что они не тени и не призраки. Выглядели его творения так же материально, как любые другие люди. И только если попытаться прикоснуться, становилось понятно, что они нереальны: рука не чувствовала решительно ничего.

Игра воображения, как ему казалось прежде, но потом Инек начал сомневаться. Раньше они являлись, лишь когда он звал их, используя знания и приемы, приобретенные за годы изучения работ чудотворцев с Альфарда-XXII. Но в последние годы он ни разу не позвал их сам. Не приходилось. Они всегда появлялись сами. Словно чувствовали, что вот-вот понадобятся. Они предчувствовали, что он их позовет, знали это еще до того, как у него возникло желание увидеть их, и появлялись вдруг в комнате, чтобы провести с ним час или целый вечер.

Конечно, в определенном смысле они действительно плод его фантазии; создавая их, Инек сам не знал, почему создает именно такими. Позже понял, хотя старался гнать от себя это прозрение, предпочитая прежнее неведение. Долгие годы он старательно загонял объяснение в самый дальний уголок памяти. Но теперь, когда они покинули его, Инек наконец взглянул правде в глаза.

Дэвид Рэнсом был он сам, каким он мечтал себя видеть, каким хотел быть и, разумеется, каким он никогда не был. Удалой офицер северян, не в очень высоком звании — в том смысле, что не этакий отяженелый, солидный вояка, — но с определенным положением в обществе. Подтянутый, жизнерадостный и, без сомнения, отчаянный храбрец, которого любят все женщины и уважают все мужчины. Прирожденный вожак и в то же время хороший друг, человек, который вез-

де чувствует себя на месте — и на поле битвы, и в светской гостиной.

А Мэри? Странно, подумал Инек, что я всегда называл ее только по имени. У нее никогда не было фамилии, просто Мэри.

Но в ней слились две женщины — по меньшей мере две. Одна из них — Салли Браун, которая жила неподалеку от Уоллисов... Сколько лет уже прошло с тех пор, когда он в последний раз вспоминал Салли Браун? Странно, подумалось ему, что он так давно о ней не вспоминал, и теперь воспоминание о соседской девушки по имени Салли Браун буквально потрясло его. Ведь когда-то они любили друг друга, или по крайней мере им так казалось. Даже в более поздние годы, когда Салли вспоминалась уже сквозь романтическую дымку времени, Инек все равно не был уверен, любовь это была или просто фантазия молодого солдата, уходящего на войну. Робкое, еще неопределенное чувство, любовь дочери фермера к сыну фермера-соседа. Они хотели пожениться, когда он вернется с войны, но спустя несколько дней после сражения под Геттисбергом Инек получил письмо, написанное тремя неделями раньше, в котором сообщалось, что Салли Браун умерла от дифтерии. Он, помнилось, горевал, и, хотя в памяти не сохранилось, насколько сильно, видимо, сильно и долго, потому что в те времена это было принято.

Так что в Мэри воплотилась Салли Браун, но лишь отчасти. Точно так же в ней проявился и образ той высокой, стройной дочери Юга, женщины, которую он видел только один раз, да и то мельком, когда их колонна двигалась пыльной дорогой под жарким солнцем Виргинии. Чуть в глубине от дороги высился особняк, один из тех больших домов, что строили тогда владельцы плантаций, и там, в портике, у высокой белой колонны, стояла женщина и смотрела на проходящих мимо врагов. Черные волосы и белая — белее, чем мрамор колонны, — кожа. Так прямо и гордо она держалась, глядела на них с таким вызовом и непокорством, что Инек запомнил ее и часто мечтал о ней, даже не зная ее имени, пока тянулись пропыленные, потные, кровавые дни войны. Вспоминая южанку, Инек все время думал: а не изменяет ли он тем самым своей Салли? Порой, сидя у костра или завернувшись в одеяло и глядя на звезды, он представлял, как после войны вернется в Виргинию и найдет эту женщину. Возможно, ее уже не будет в том доме, но он обойдет весь Юг и обязательно отыщет ее. Конечно же, он туда не поехал, да и не помышлял об этом всерьез. Так, мечты у костра...

Одним словом, Мэри воплотила в себе их обеих — и Салли Браун, и ту неизвестную красавицу из Виргинии, что стояла у колонны, провожая взглядом марширующие войска. Она

стала их тенью и, может быть, тенью многих других — он бы затруднился сказать, кого именно, — своего рода символом всего того, что Инек знал о женщинах, что видел и чем восхищался. Идеал. Совершенство. Безукоризненная женщина, созданная его воображением. И вот теперь она ушла из его жизни — как Салли Браун, спящая в земле, как та красавица из Виргинии, затерявшаяся в тумане времени, как все другие, возможно привнесшие что-то в образ Мэри.

Да, он любил ее, в ней слились воедино все женщины, которых он когда-то любил (а было ли это в его жизни?) или представлял себе, что любит, просто придумывая их образы.

Но что и она может полюбить его — такое никогда не приходило Инеку в голову. И потому он жил относительно спокойно, храня свою любовь глубоко в душе, понимая, что она и безнадежна, и невозможна, но другой ему не дано.

Где сейчас Мэри? Куда она ушла? В то вневременное измерение, что он пытался себе представить, или в какое-то странное небытие, откуда, не заметив унесшихся лет, она когда-нибудь снова возвратится к нему?

Инек спрятал лицо в ладони, мучаясь от жалости к самому себе и чувства вины.

Она не вернется. И пусть не возвращается — он даже хотел этого. Так будет лучше для них обоих.

Вот только знать бы, где она сейчас. Только бы быть уверенным, что для нее наступило некое подобие смерти, что ее не терзают мысли и воспоминания. Невыносимо было думать, что она страдает.

Услышав наконец свист аппарата связи, Инек поднял голову, но не двинулся с места. Руки его потянулись к кофейному столику у дивана, уставленному наиболее яркими безделушками и сувенирами из тех, что дарили ему путешественники.

Взяв со столика первое, что попалось под руку, — кубик, выполненный то ли из какого-то странного стекла, то ли из полупрозрачного камня, то ли из какого-то неизвестного вещества (он так до сих пор и не разобрался, из чего), — Инек обхватил его ладонями и, взглянувшись внутрь, увидел крошечную панораму царства фей — трехмерную и с мельчайшими подробностями. Уютное сказочное местечко, лесная поляна в окружении цветистых грибов-поганок. Сверху, легкие, воздушные, медленно падали разноцветные сверкающие снежинки; они блестели и искрились в сиреневых лучах большого голубого солнца. На прогалине танцевали маленькие существа, похожие, скорее, на цветы, и двигались они так грациозно и вдохновенно, что от их танца в крови разгорался огонь. Затем царство фей исчезло, и на его месте возникла новая картинка — дикий, мрачный пейзаж с суровыми, изъеденными ветром, крутыми скалами на фоне

злого красного неба. Вдоль отвесных скал метались вверх-вниз большие летучие твари, похожие на трепещущие на ветру рваные тряпки. Время от времени они усаживались на тонкие коряги, торчащие прямо из отвесных скал, — очевидно, уродливые местные деревья. А откуда-то снизу, настолько издалека, что о расстоянии можно было только догадываться, доносился тяжелый грохот одинокой стремительной реки.

Инек положил кубик обратно на стол. Что же он видит в его глубинах? Впечатление такое, словно листаешь альбом с новым пейзажем на каждой странице, но без единого разъяснения, где находятся все эти удивительные места. Когда ему подарили кубик, он, словно зачарованный, часами держал его в руках, разглядывая сцену за сценой. За все это время Инек ни разу не нашел картины, которая хоть в чем-то повторила бы уже виденные, и конца им не было. Порой ему начинало казаться, что он видит не картинки, а сами эти далекие миры и что в любое мгновение можно, не удержавшись, сорваться и полететь головой вниз прямо туда.

В конце концов это занятие ему приелось: бессмысленно просматривать длинные вереницы пейзажей, не зная, где эти места. Разумеется, бессмысленно для него, но не для жителя Энифа-В, который и подарил ему удивительный кубик. Не исключено, говорил себе Инек, что на самом деле вещь эта нужная и очень ценная.

Так случалось с большинством подарков. Даже те, которые доставляли ему радость и удовольствие, он, вполне возможно, использовал неправильно или, во всяком случае, не по назначению.

Однако среди всех этих даров встречались и такие — хотя их набралось не так уж много, — назначение которых он действительно понимал и которыми дорожил, несмотря на то что ему порой не было от них никакого проку. Например, маленькие часы, показывавшие время для всех секторов галактики: занятная вещица, даже в определенных обстоятельствах необходимая, но для него она большой ценности не имела. Или смеситель запахов — так он по крайней мере его называл, — который позволял создавать по желанию любые ароматы. Нужно только указать смесь, включить приборчик — и всю комнату тут же заполнял выбранный аромат, который держался, пока аппарат продолжал работать. Однажды студеной зимой эта машина здорово его позабавила: после долгих проб и ошибок он подобрал наконец аромат яблоневого цвета и целый день наслаждался весной, хотя за окном завывала выюга.

Инек протянул руку и взял со столика еще один предмет — красивую вещицу, которая всегда интриговала его, хотя он так и не понял, для чего она нужна. Может быть, вообще ни

для чего. Может быть, это произведение искусства, говорил он себе, просто красивая вещь, на которую нужно смотреть, и только. Однако у него каждый раз возникало ощущение (если это верное слово), что вещь должна выполнять какую-то конкретную функцию.

На вид — пирамида, сложенная из шариков, и чем выше расположены шарики, тем они меньше. Изящная игрушка дюймов четырнадцати высотой, у каждого шарика свой цвет, и не только снаружи. Цвета такие глубокие и чистые, что с первого взгляда становилось понятно: шарик весь, от центра до поверхности, — одного ровного цвета.

Ни клея, ни чего-то похожего на клей не было заметно. Вся конструкция выглядела так, словно кто-то просто сложил шарики пирамидой, но они тем не менее прочно держались на местах.

Поворачивая пирамидку в руках, Инек тщетно пытался вспомнить, кто ей подарили.

Аппарат связи все еще свистел, напоминая, что пора заняться делом. Нельзя же, в конце концов, сидеть весь день на одном месте, сказал себе Инек, и предаваться размышлениям. Он поставил пирамидку на место, поднялся и пошел к аппарату.

Сообщение гласило:

НОМЕР 406 303 СТАНЦИИ 18 327. ЖИТЕЛЬ ВЕГИ-XXI ПРИБЫТИЕМ В 16 532.82. ВРЕМЯ ОТБЫТИЯ НЕ ОПРЕДЕЛЕНО. БАГАЖА НЕТ. ПРИЕМНЫЙ КОНТЕЙНЕР. УСЛОВИЯ МЕСТНЫЕ. ПРОШУ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Проглядывая текст, Инек почувствовал, как теплеет у него на душе. Будет неплохо снова повидать сиятеля. Последний был у него на станции уже больше месяца назад.

Он хорошо помнил, как встретил этих существ впервые, когда они прибыли сразу в пятнадцатом. Случилось это году в 1914-м или, может быть, в 1915-м. В большом мире, как он знал, шла первая мировая война, которую все тогда называли Большой войной.

Сиятель появится примерно в одно время с Улиссом, и они прекрасно проведут вечер втроем. Не так уж часто случается, что прибывают сразу два хороших друга.

Он с удивлением отметил, что подумал о сияtele как о друге, хотя, скорее всего, с тем, который должен прибыть, они никогда не встречались. Но это не имело значения: сиятель — любой сиятель — всегда оказывался другом.

Инек установил контейнер под материализатором и дважды удостоверился, что все работает как положено, затем подошел к аппарату связи и отправил подтверждение.

Все это время ему не давал покоя вопрос: в каком же году все-таки появился первый сиятель, в 1914-м или позже?

Выдвинув ящик картотеки, он отыскал Вегу-ХХI. Первая дата — 12 июля 1915 года. Иnek достал с полки дневник, отнес к столу и принялся листать, пока не нашел нужный день.

14

12 июля 1915 года. Сегодня после полудня (15.20) прибыли пять существ с Веги-ХХI, первые жители этой планеты на моей станции. Двуногие, человекоподобные, но кажется, что тела их не из плоти и крови (словно столь банальная материя слишком груба для таких существ), хотя на самом деле это плоть и кровь. Дело в том, что они светятся. Не то чтобы излучают свет, но за каждым из них неотступно следует какое-то сияние.

Насколько я понимаю, все пятеро — сожители, хотя, может быть, я ошибаюсь: такие вещи не всегда легко распознать. Счастливая компания близких друзей, чувствуется в них живой интерес и готовность радоваться — не чему-то конкретному, а самой Вселенной, словно они только что услышали какую-то понятную только им одним шутку про всю галактику.

Они направлялись на отдых и собирались посетить фестиваль (хотя, может быть, это не совсем точное слово), который представители различных цивилизаций устраивали на далекой планете. Как и почему их туда пригласили, я не понял. Видимо, приглашение на такое событие — большая честь, но они, мне показалось, совсем об этом не думали, а приняли приглашение очень просто, как свое право. Сиятели были в тот вечер веселы, беззаботны и уверены в себе, однако со временем я решил, что они таковы всегда, и, признаться, завидовал этой их беззаботности и веселости. Более того, пытаясь представить себе, как эти существа воспринимают жизнь и Вселенную, я даже немного обиделся на них за то, что они так бездумны и счастливы.

В соответствии с инструкцией я развесил по комнате гамаки, где мои гости могли бы отдохнуть, но они ими так и не воспользовались. Сиятели привезли с собой большие корзины с едой и напитками и, устроившись за моим столом, принялись пировать и беседовать. Пригласили и меня, предварительно выбрав два блюда и бутылку с напитком, которые, по их заверениям, безопасны для метаболизма человека, — все остальное вызывало у них некоторые сомнения. Еда оказалась вкуснейшая, за свою жизнь я ни разу не пробовал ничего подобного, — одно блюдо напоминало деликатесный выдержаный сыр, другое — нектар, буквально таявший во рту. В бутылке оказалось нечто похожее по вкусу на бренди — желтого цвета, но совсем не крепкое.

Гости расспрашивали меня о жизни на моей планете, обо мне самом — деликатно и, похоже, с искренним интересом, причем понимали объяснения почти сразу. Сами они направлялись на планету, название которой мне никогда раньше и слышать не доводилось, но оживленный, веселый разговор велся таким образом, что я не оставался в стороне. Из этого разговора я понял, что фестиваль будет посвящен какой-то незнакомой мне форме искусства. Не музыка или живопись, а нечто сложенное из звука, цвета, эмоций, форм и многоного другого, для чего на Земле даже не существовало названий. Я не очень хорошо понял, что это, уловив в данном случае лишь тему разговора, но у меня родилась догадка, что они говорят о некоей трехмерной симфонии (хотя это не очень точное выражение), которая создается сразу группой существ. Они с энтузиазмом обсуждали эту разновидность творчества, и я понял, что сами произведения исполняются даже не по нескольку часов, а целыми днями, что их нужно не просто слушать или смотреть, а как бы переживать, и публика, если она хочет воспринять их в полной мере, может и даже должна принимать в действие непосредственное участие. В чем это участие заключается, я, правда, не понял, но решил не выспрашивать. Они говорили о каких-то своих знакомых, с которыми должны там встретиться, вспоминали, когда видели их в последний раз, сплетничали — впрочем, довольно добродушно, — и от всего этого создавалось впечатление, что и они, и множество других обитателей Вселенной путешествуют с планеты на планету просто потому, что они счастливы. Была ли у путешествий какая-либо иная причина, кроме поиска наслаждений, я не уяснил. Возможно, была.

Мои гости разговаривали о других фестивалях, не обязательно посвященных именно одному этому виду искусства, но и еще каким-то более специализированным областям творчества; что это за области, мне понять не удалось. Фестивали дарили им радость и истинное счастье, но, как мне показалось, не только искусство наполняло их ощущением безграничного счастья — было в фестивалях что-то еще, очень важное и значительное. В разговор на эту тему я не вступал — не представилось такой возможности. По правде говоря, мне хотелось расспросить их поподробнее, но почему-то так и не удалось. Может, мои вопросы показались бы им глупыми, однако меня это не пугало, просто не удалось их порасспрашивать. Но хоть я и не задавал вопросов, они каким-то образом заставляли меня чувствовать, что я тожеучаствую в разговоре. Никаких очевидных попыток никто не предпринимал, но тем не менее мне постоянно казалось, что я не просто смотритель станции, с которым им случилось провести вме-

сте несколько часов, а один из них. Временами гости говорили на языке своей планеты — один из самых красивых языков, которые мне доводилось слышать, — но по большей части они пользовались диалектом, распространенным среди множества гуманоидных рас, своего рода посредническим языком, созданным для удобства общения. Подозреваю, что это делалось из уважения ко мне. Похоже, сиятели наиболее цивилизованные люди из всех тех, с кем мне доводилось встречаться.

Я уже писал, что они светятся, и думаю, это свет души. Их постоянно сопровождает некое искрящееся золотое сияние, приносящее счастье всем, кого оно коснется, — будто они существуют в каком-то особом мире, который неведом другим. Когда я сидел с ними за столом, золотое сияние охватывало меня со всех сторон, и мою душу наполняло странное умиротворение, по всему телу струились глубинные токи счастья. Каким образом они и их мир достигли этого золотого благоденствия и возможно ли, что когда-нибудь мой мир придет к тому же, — вот что мне хотелось бы узнать.

Счастье их зиждется на присущей сиятелям кипучей энергией, на бурлящем, искрометном духе, стержень которого — внутренняя сила и любовь к жизни, заполняющая, кажется, каждую их клеточку, каждую секунду прожитого времени.

В распоряжении моих гостей было только два часа, но время промчалось стремительно, и мне даже пришлось напомнить им, что пора отправляться дальше. Перед отбытием они поставили на стол две коробки, сказав, что дарят их содержимое мне, затем поблагодарили меня за угощение (хотя благодарить-то должен был я), попрощались и забрались в контейнер (специальный, крупногабаритный), после чего я отправил их в путь. Но даже когда их не стало, в комнате еще больше часа мерцало золотое сияние. Как хотелось мне отправиться с ними на фестиваль на далекой планете!

В одной из оставленных коробок оказалась дюжина бутылок с похожим на бренди напитком; каждая из них — сама по себе произведение искусства, у каждой — своя неповторимая форма, причем изготовлены они не иначе как из алмаза, то ли из искусственного, то ли из целого — этого я определить не смог. Одно я понимал — они бесценны; каждая украшена поразительно богатым орнаментом, каждая красива по-своему. Во второй коробке лежал... За отсутствием другого названия назовем этот предмет музыкальной шкатулкой. Сама шкатулка сделана как будто из кости, желтоватой, гладкой, как атлас, и украшенной множеством схематических рисунков, значения которых мне, очевидно, никогда не понять. На крышке шкатулки — круглая рукоятка, обрамленная шкалой с делениями. Когда я повернул ее до первого

деления, послышалась музыка, всю комнату заполнили многоцветные всполохи, а сквозь них как бы светилось знакомое золотое сияние. Еще эта шкатулка источала запахи, наплывы чувств, эмоций — не знаю, что именно, но что-то такое, от чего становилось то грустно, то радостно, то еще как-то, как повелевали музыка, цвета и запахи. Целый мир вырывался из шкатулки, дивный мир, и ты жил в этом творении искусства, отдаваясь ему всем своим существом, — всеми эмоциями, верой и разумом. Я уверен, что это то самое искусство, о котором говорили мои гости. И не одна запись, а целых 206, потому что именно столько делений на круглой шкале и каждому делению соответствует новое сочинение. В будущем я обязательно проиграю их все, сделаю заметки, подберу, может быть, название каждому в соответствии с композицией, и, наверно, это будет не только развлечение, но и возможность узнать что-то новое.

15

Двенадцать алмазных бутылок, давно уже пустых, стояли теперь на каминной полке. Музыкальная шкатулка хранилась среди наиболее дорогих Инеку подарков в одном из шкафов. И за все эти годы, подумал он не без огорчения, ему так и не удалось проиграть весь набор композиций до конца, хотя пользовался шкатулкой он постоянно, — так много было уже знакомых, которые хотелось слушать снова и снова, что он едва перебрался за середину шкалы.

Сиятели, все та же пятерка, прибывали к нему на станцию не один раз — возможно, им чем-то понравилась эта станция, а может, и сам смотритель. Они помогли ему выучить веганский язык и помимо разных других вещей нередко привозили с собой свитки с литературными произведениями родной планеты; без всякого сомнения, они стали его лучшими друзьями среди инопланетян, если не считать Улисса. Но потом они вдруг перестали появляться, и Инек не мог понять почему; он спрашивал о них у других сиятелей, когда те прибывали на станцию, но так и не узнал, что случилось с его друзьями.

Теперь он понимал сиятелей, их искусство, традиции, обычай и историю гораздо лучше, чем в тот день в 1915 году, когда впервые описал их в своем дневнике. Однако даже сейчас многие привычные для них идеи давались ему с большим трудом.

С 1915 года он встречал много сиятелей, но одного из них запомнил особенно хорошо — старого мудреца-философа, который умер у него в комнате, на полу возле дивана.

Они тогда сидели рядом, разговаривали, и Инек даже помнил, о чем был разговор. Старик рассказывал об извращенном этическом кодексе, одновременно бессмысленном и комичном, выработанном странной расой растительных существ, с которой ему довелось встретиться во время посещения планеты на другом краю галактики, далеко в стороне от привычных маршрутов. Старый сиятель выпил за обедом пару бокалов золотистого напитка и, находясь в прекрасном расположении духа, с удовольствием рассказывал случаи из своей жизни.

Но вдруг, прямо посреди фразы, он умолк и резко склонился вперед. Инек в растерянности протянул руку, но, прежде чем он успел до него дотронуться, сиятель соскользнул с дивана на пол.

Его золотое сияние потускнело, несколько раз мигнуло и исчезло совсем, оставив на полу лишь тело, угловатое, kostлявое, уродливое, — тело чужеродного, одновременно жалкого и чудовищного существа. Более чудовищного, казалось Инеку, чем все, что ему доводилось видеть раньше.

При жизни это было замечательное создание, но теперь, когда пришла смерть, оно превратилось в отвратительный скелет, заполняющий мешок из чешуйчатой натянутой кожи. Видимо, думал Инек, с трудом подавляя в себе смятение, именно золотое сияние делало его таким замечательным и красивым, таким живым, стремительным и преисполненным величия. Это золотое сияние было самой жизнью, и, когда оно уходило, оставалось нечто ужасное, при одном только взгляде вызывающее отвращение.

Если этот золотистый туман и есть животворное начало сиятелей, то очевидно, они носили его как окутывающий плащ — нечто вроде маскарадного костюма, скрывающего их истинный облик. И ведь как странно: они носили свое животворное начало снаружи, тогда как у всех остальных существ оно внутри.

Под крышей жалобно стонал ветер, а в окно Инек видел, как проносятся, то и дело закрывая луну, взбирающиеся по восточному небосклону, батальоны рваных облаков. На станции стало холодно, одиноко, и это одиночество, казалось, простирается далеко-далеко за пределы привычного земного одиночества.

На негнущихся ногах Инек прошел к аппарату связи. Вызвал Галактический Центр и стал ждать ответа, опершись на машину обеими руками.

— К ПРИЕМУ ГТОВЫ, — ответил Центр.

Коротко и как мог беспристрастно Инек обрисовал случившееся на станции. В Центре это не вызвало ни замешательства, ни вопросов. Они просто дали ему указания, как следует по-

ступить (словно такое случалось нередко). Веганец должен остаться на планете, где застигла его смерть. С телом необходимо поступить, как того требуют местные обычаи. Таков закон жителей Веги-XXI, и это его долг перед покойным. Веганец должен оставаться там, где он скончался, и это место на всегда становилось как бы частью Веги-XXI. Такие места, сообщил Галактический Центр, есть по всей галактике.

— НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ, — напечатал Инек, — ПРИНЯТО ПОГРЕБАТЬ ПОКОЙНЫХ В ЗЕМЛЕ.

— ТОГДА ПОХОРОНИТЕ ВЕГАНЦА.

— ПРИНЯТО ТАКЖЕ ЗАЧИТЫВАТЬ ОДИН-ДВА СТИХА ИЗ НАШЕЙ СВЯТОЙ КНИГИ.

— ПРОЧТИТЕ ДЛЯ ВЕГАНЦА СТИХ. ВЫ В СОСТОЯНИИ СПРАВИТЬСЯ СО ВСЕМИ ЭТИМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ?

— ДА. ХОТЯ ОБЫЧНО ЭТО ДЕЛАЕТ СВЯЩЕНОСЛУЖИТЕЛЬ, НО В ДАННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРИГЛАШАТЬ ЕГО БЫЛО БЫ НЕРАЗУМНО.

— СОГЛАСНЫ. ВЫ СМОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ ВСЕ САМИ?

— ДА.

— ТОГДА ДЕЛАЙТЕ САМИ.

— ПРИБУДУТ ЛИ НА ПОХОРОНЫ РОДСТВЕННИКИ ИЛИ ДРУЗЬЯ ПОКОЙНОГО?

— НЕТ.

— ВЫ ИМ СООБЩИТЕ?

— ДА, ПО ОФИЦИАЛЬНЫМ КАНАЛАМ. НО ОНИ УЖЕ ЗНАЮТ.

— ОН УМЕР ТОЛЬКО ЧТО.

— ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ОНИ ЗНАЮТ.

— КАК Я ДОЛЖЕН ОФОРМИТЬ СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ?

— В ЭТОМ НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ. НА ВЕГЕ-XXI УЖЕ ЗНАЮТ, ОТЧЕГО ОН УМЕР.

— ЧТО ДЕЛАТЬ С БАГАЖОМ? ЗДЕСЬ ЦЕЛЫЙ КОНТЕЙНЕР.

— ОСТАВЬТЕ СЕБЕ. ОН ВАШ. В БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА УСЛУГУ, КОТОРУЮ ВЫ ОКАЖЕТЕ ВЫСОКОЧТИМОУ ПОКОЙНОМУ. ЭТО ТАКЖЕ ЗАКОН.

— ВОЗМОЖНО, ТАМ ЧТО-ТО ВАЖНОЕ.

— ВЫ ДОЛЖНЫ ОСТАВИТЬ КОНТЕЙНЕР СЕБЕ. ОТКАЗ СОЧТУТ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ПАМЯТИ ПОКОЙНОГО.

— ЕЩЕ КАКИЕ-НИБУДЬ УКАЗАНИЯ БУДУТ?

— НЕТ. ДЕЙСТВУЙТЕ ТАК, КАК БУДТО ЭТО ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ.

Убрав текст с экрана, Инек вернулся к дивану и остановился над сиятелем, собираясь с духом, чтобы наклониться и поднять его с пола. Очень не хотелось прикасаться к телу. Ему казалось, что перед ним лежит что-то жуткое, нечистое, слов-

но это какая-то подделка, муляж того сияющего существа, которое совсем недавно сидело рядом с ним и разговаривало.

Инек полюбил сиятелей с того самого дня, как встретил их впервые, он восхищался ими, и каждой новой встречи ждал с нетерпением – встречи с любым из них. А теперь он весь сжался от ужаса, не в силах заставить себя прикоснуться к мертвому сиятелю.

И дело было даже не в боязни, поскольку за долгие годы работы смотрителем ему не раз доводилось видеть совершенно кошмарных инопланетян. Он научился подавлять свои чувства и уже не обращал внимания на внешний вид гостей, воспринимая их просто как другие формы разумной жизни, как людей, как братьев.

Что-то иное беспокоило его – не страх, а какое-то непонятное, незнакомое ощущение. Но умерший гость, напомнил Инек себе, был его другом, и, как умерший друг, он заслуживает уважения и заботы.

Наконец Инек решился и взялся за дело. Он наклонился и поднял мертвого сиятеля с пола. Тот почти ничего не весил, словно с приходом смерти он как бы утратил объем, стал меньше, ничтожнее. Может быть, подумал Инек, само золотое сияние обладало каким-то весом?

Он положил тело на диван, выпрямил его, как мог. Затем прошел в пристройку, засветил там фонарь и направился в хлев.

Уже несколько лет минуло с тех пор, как он заглядывал сюда в последний раз, но ничего в хлеву не изменилось. Прочная крыша надежно защищала его от непогоды, внутри по-прежнему было сухо и прибрано, только везде лежала толстым слоем пыль, а с потолочных балок свисала паутина. Из щелей в потолке ключьями повылезло вниз старое-престарое сено. Запахи навоза и домашних животных давно уже выветрились, и теперь остался лишь один запах – сухой, сладковатый, пыльный.

Инек повесил фонарь на крюк в стене и взобрался по лестнице в сенник. Работая в темноте – поскольку он не решился занести фонарь в заваленный пересохшим сеном чердак, – Инек отыскал дубовые доски, сложенные под самым скатом крыши.

Здесь, вспомнилось ему, в этом углу, была его потайная "пещера", где он, будучи мальчишкой, провел много счастливых часов в те дождливые дни, когда на улице играть ему не разрешали. Он представлял себя и Робинзоном Крузо на необитаемом острове, и каким-то безымянным беглецом, что скрывается от облавы, и переселенцем, спасающимся от индейцев, которые охотятся за его скальпом. У него было ружье, деревянное ружье, которое он сам выпилил из доски, а

затем обстругал и зачистил стекляшкой. Инек очень дорожил этой игрушкой все свое детство — до того самого дня, когда ему исполнилось двенадцать и отец, вернувшись из поездки в город, подарил ему настоящую винтовку.

Инек перебрал в темноте доски, отыскал на ощупь те, которые могли пригодиться, отнес их к лестнице и осторожно спустил вниз. Потом слез сам и прошел в угол, где у него хранились инструменты. Открав крышку сундука, он обнаружил, что там полно старых, уже давно оставленных мышиных гнезд. Инек выбросил на пол несколько охапок соломы и сена, которые грызуны использовали для устройства своих жилищ, и наконец добрался до инструментов. Металл потускнел оттого, что инструментом долго никто не пользовался, но ничего не поржавело, и режущие кромки все еще оставались острыми.

Прихватив с собой все, что ему было нужно, Инек взялся за работу. Вот так же, при свете фонаря, он делал гроб и век назад, подумалось ему. Только тогда в доме лежал его отец.

Дубовые доски высохли за долгие годы, затвердели, но инструмент сохранился совсем неплохо, и Инек продолжал работать — пилить, строгать, вколачивать гвозди. В воздухе стоял запах опилок. Огромный ворох сена наверху глушил жалобное завывание ветра снаружи, отчего в сарае было тихо и покойно.

Готовый гроб оказался тяжелее, чем Инек предполагал. В стойле для лошадей он нашел приставленную к стене старую тачку, погрузил на нее гроб и, то и дело останавливаясь передохнуть, отвез его к маленькому кладбищу за яблоневым садом.

Затем, прихватив из сарая лопату и кирку, снова отправился на кладбище и выкопал рядом с могилой отца еще одну, правда не такую глубокую — не положенные по обычаю шесть футов, — потому что понимал: если выкопать глубоко, он ни за что не сможет в одиночку опустить туда гроб. Копая при слабом свете фонаря, установленного на куче земли, Инек вырыл яму чуть меньше четырех футов глубиной. Из леса прилетел филин и, устроившись на ветке в саду, забормотал что-то, время от времени ухая в кромешной темноте. Луна сползла к западу, рваные облака поредели, и сквозь них проглянули звезды.

Наконец могила была готова, и Инек опустил туда гроб без крышки. Керосин в фонаре почти кончился, и он начал мигать, а стекло почернело от копоти, потому что фонарь долго стоял неровно.

Вернувшись на станцию, Инек первым делом нашел простыню, чтобы завернуть покойного. Затем положил в карман Библию, поднял запеленутого в саван веганца на руки и

с первым проблеском зари отправился к яблоневому саду. Опустил покойного в гроб, приколотил крышку и выбрался из могилы.

Он встал на краю и, достав из кармана Библию, отыскал нужное место. Иnek читал громко, и ему почти не приходилось напрягать зрение, глядываясь в текст в предрассветном полумраке, потому что эту главу он перечитывал не один раз:

— В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам...

Он читал и думал, что выбрал очень уместный отрывок: обителей действительно должно быть много, чтобы разместить все души жителей нашей галактики и других галактик, протянувшихся в космосе, очевидно, до бесконечности. Хотя, если бы в мире царило взаимопонимание, хватило бы и одной обители.

Закончив чтение, Иnek произнес заупокойную молитву — как сумел, по памяти, хотя полной уверенности в том, что молитва сохранилась в памяти точно, у него не было. Но во всяком случае, подумалось ему, он помнит достаточно, чтобы передать смысл. После чего осталось только засыпать могилу землей.

Звезды и луна растаяли, ветер утих. В предутренней тиши небо на востоке начало окрашиваться в жемчужно-розовый цвет.

Иnek, с лопатой в руках, еще стоял у могилы.

— Прощай, друг мой, — сказал он наконец и с первыми лучами солнца двинулся к станции.

16

Иnek встал из-за стола, подошел к полке и поставил дневник на место. Затем повернулся и остановился в нерешительности. Нужно еще было просмотреть газеты, дополнить дневник и разобраться с двумя статьями в последних номерах "Журнала геофизических исследований".

Но делать ничего не хотелось. На душе у Инека было тревожно, многое огорчало, беспокоило, требовало осмысления.

Наблюдатели все еще наблюдали. А вот люди-тени ушли, оставив его в одиночестве. И мир по-прежнему катился к войне.

Хотя, может быть, ему не следует беспокоиться о том, что происходит в большом мире. Он может отказаться от него, отречься от человечества в любую минуту. Если он никогда не выйдет наружу, никогда не откроет дверь, какая ему разница, что делается в мире и что с этим миром случится? У не-

го есть свой мир. Мир такой огромный, что его даже не сможет вообразить себе кто-нибудь за пределами станции. Земля ему просто не нужна.

Однако даже сейчас Инек понимал, что он никогда не примет подобных рассуждений. Потому что на самом деле Земля — как это ни странно и ни смешно — все-таки нужна ему.

Он прошел к выходу и произнес кодовую фразу. Дверь скользнула в сторону и закрылась сама, едва он оказался в пристройке. Обогнув дом, Инек сел на ступени крыльца.

Вот здесь, подумалось ему, все и началось. Здесь он сидел в то самое лето, больше века назад, когда звезды разглядели его через космическую бездну и остановили на нем свой выбор.

Солнце клонилось к западу, приближался вечер. Дневная жара уже спадала, и из низины между холмами, что спускалась к долине реки, тянуло прохладным ветерком. Над полем у самого края леса с карканьем кружились вороны.

Это будет нелегко — захлопнуть дверь и никогда больше ее не открывать. Оставить за дверью и теплое солнце, и нежный ветер, и запахи, приходящие с переменой времен года. Человеку такое не под силу. Он не может ограничить свой мир только станцией и отречься от родной планеты. Солнце, земля и ветер нужны ему, чтобы оставаться человеком.

Наверно, подумал Инек, следует делать это чаще — выходить на улицу и просто сидеть, глядя на деревья, на реку, на холмы Айовы, поднимающиеся в голубой дали за Миссисипи, на ворон, что кружат в небе, и голубей, рассевшихся на коньке сарай.

Пожалуй, оно того стоит. Даже если он постареет еще на один лишний час. Зачем беречь эти часы — теперь они ему ни к чему. Хотя, как знать, может, и наступит еще день, когда он снова начнет ревниво сберегать свое время, копить часы, минуты и даже секунды, жадно используя любую возможность...

Из-за дома послышались шаги — кто-то бежал, спотыкаясь, бежал, похоже, издалека и совсем выбился из сил.

Вскочив на ноги, Инек поспешил двинуться навстречу и, свернув за угол дома, чуть не столкнулся с бегущей девушкой, протянувшей к нему руки. Она споткнулась, но Инек успел подхватить ее и крепко прижал к себе.

— Люси! — проговорил он. — Что случилось, девочка?

Руки, обнимавшие ее за спину, почувствовали теплую липкую влагу, и, взглянув на ладонь, Инек увидел, что она в крови. Платье на спине у Люси промокло и потемнело.

Взяв Люси за плечи, он чуть отстранил ее от себя и взглянул ей в лицо. По щекам девушки текли слезы, в глазах застыл ужас — ужас и мольба.

Она шагнула назад и повернулась к нему спиной, затем расстегнула платье, и оно само сползло до пояса. На плечах темнели длинные глубокие следы от кнута, из которых все еще сочилась кровь. Люси снова натянула платье, потом повернулась к Инеку, сложила ладони, словно молила его о чем-то, потом указала в сторону поля, что сбегало по холму к самому лесу.

Там было какое-то движение, кто-то шел по опушке леса у края поля. Видимо, Люси тоже заметила движение и, задрожав, шагнула ближе к Инеку, ища у него защиты.

Он наклонился, поднял ее на руки и побежал к пристройке. Инек произнес кодовую фразу, дверь открылась, и он шагнул внутрь, в помещение станции. Дверь за его спиной скользнула на место.

Минуту-другую Инек неподвижно стоял с Люси Фишер на руках. Он понимал, что совершил ошибку. Наверно, если бы у него было время подумать, он бы так не поступил.

Но он действовал импульсивно, думать было некогда. Девушка попросила защиты — и вот... Здесь она в безопасности, здесь ей ничто не угрожает. Но она — человек, а ни одному человеческому существу, кроме него самого, не положено было переступать порог станции.

Однако что сделано, то сделано, и ничего тут уже не изменить. Она на станции: назад хода нет.

Инек посадил Люси на диван и отступил на шаг. Она сидела, подняв на него глаза, и несмело улыбалась, как будто сомневалась, можно ли улыбаться в таком странном месте. Потом подняла руку, утерла слезы со щек и обежала комнату быстрым взглядом, после чего застыла, открыв рот от удивления.

Присев на корточки, Инек похлопал ладонью по дивану и погрозил пальцем, надеясь, что она поймет и будет сидеть на месте. Потом обвел рукой помещение станции и строго покачал головой.

Люси смотрела на него неотрывно, затем улыбнулась и кивнула, словно все поняла.

Инек взял ее руку и ласково погладил, стараясь успокоить и дать понять, что все будет в порядке, если только она останется на месте и не будет ничего трогать.

Теперь Люси улыбалась, словно уже забыла о своих прежних сомнениях. Вопросительно взглянув на него, она трепетным жестом указала на кофейный столик, заваленный иностранными сувенирами. Инек кивнул, и она занялась какой-то безделушкой, восхищенно разглядывая ее и поворачивая в руке.

Инек поднялся, снял со стены винтовку и вышел из дома навстречу тем, кто гнался за Люси.

По склону холма поднимались двое, и одного из них Инек узнал сразу — Хэнк Фишер, отец Люси. В прошлые годы он несколько раз встречал его во время своих прогулок, хотя встречи эти были очень короткими. Хэнк всегда смущался и пытался объяснить — чего от него никто не требовал, — что он, мол, разыскивает отбившуюся корову. Но по его вороватому взгляду и странному поведению Инек заключал, что дело вовсе не в корове: Хэнк темнит, скрывает что-то, хотя, что именно, Инек по-прежнему не догадывался.

Второй был моложе. Лет шестнадцать, от силы семнадцать. Скорее всего, один из братьев Люси, решил Инек, поджидая их у крыльца.

Хэнк нес в руке свернутый кольцом кнут, и Инек понял, отчего на плечах у Люси такие рубцы. В груди его всколыхнулась злость, но, сделав над собой усилие, он унял недобroе чувство. Лучше будет, если в разговоре с Хэнком он сохранит спокойствие.

Непрошеные гости остановились в двух-трех шагах от него.

— Добрый вечер, — сказал Инек.

— Ты не видел тут мою девчонку? — спросил Хэнк.

— А что, если и видел?

— Я с нее шкуру спущу! — крикнул Хэнк, потрясая кнутом.

— В таком случае, — ответил Инек, — я, пожалуй, ничего тебе не скажу.

— Ты ее спрятал, — тут же обвинил его Хэнк.

— Можешь поискать.

Хэнк шагнул было вперед, но тут же опомнился.

— Она получила по заслугам! — выкрикнул он. — И я с ней еще не разделялся. Никому, даже собственной дочери, я не позволю напускать на меня порчу!

Инек молчал. Хэнк стоял в нерешительности.

— Она влезла не в свое дело, — сказал он. — Никто ее не просил. Ее это вообще не касалось...

— Я натаскивал Батчера, только и всего, — пояснил его сын. — Это мой щенок, и я его готовлю охотиться на енотов.

— Верно, — сказал Хэнк. — Он ничего плохого не делал. Прошлым вечером ребятишки поймали молодого енота, а это, я тебе скажу, не так просто. Рой — вот он — привязал енота к дереву и натравливал на него Батчера на поводке. Чтобы они дрались между собой, значит. Все как положено. Когда они уж совсем в раж входили, Рой каждый раз оттаскивал Батчера за поводок и давал им передохнуть. А потом опять...

— Собаку для охоты на енотов только так и можно выучить! — вставил Рой.

— Точно, — сказал Хэнк. — Для того они его и поймали.
— Он нам был нужен, чтобы натаскать Батчера, — добавил Рой.

— Все это прекрасно, — сказал Инек, — но только я не понимаю, при чем тут Люси.

— Она влезла не в свое дело, — ответил Хэнк. — Хотела отобрать у Роя собаку.

— Уж больно много эта бестолочь о себе воображает, — сказал Рой.

— Помолчи, — сурово приказал отец, поворачиваясь к нему. Рой тут же отскочил назад, бормоча что-то себе под нос. Хэнк повернулся к Инеку.

— Рой сбил ее с ног, — сказал он. — Хотя делать этого, может быть, и не следовало. Полегче нужно было, поосторожнее.

— Я не нарочно, — сказал Рой, оправдываясь. — Просто толкнул ее рукой. Хотел отогнать от Батчера.

— Верно, — продолжил Хэнк. — Просто оттолкнул чуть сильнее, чем следовало. Но ей совершенно незачем было делать то, что она потом сделала с Батчером, чтобы тот не смог драться с енотом. Даже пальцем его не тронула, понимаешь, но он и пошевельнуться не мог. Ну, Рой и разозлился. — Он взглянул на Инека и простодушно добавил: — А ты бы не разозлился?

— Не думаю, — ответил Инек. — Однако я ничего не понимаю в охоте на енотов.

Хэнк уставился на Инека: что, мол, тут непонятного? Но продолжил рассказ:

— Вот Рой и разозлился. Он Батчера сам вырастил и очень на него рассчитывал. Понятное дело, ему не понравилось, что кто-то — даже если это его родная сестра — напускает на собаку порчу. Рой хотел было задать ей трепку, но она сделала с ним то же самое, что и с собакой. Клянусь, я ничего подобного за всю свою жизнь не видел. Рой остановился как вкопанный и упал. Ноги прижал к груди, обхватил руками колени — короче, свернулся в комок и замер. Что он, что Батчер. А енота она даже не тронула, ничего с ним не сделалось. Только своих, значит...

— Но мне не было больно, — вставил Рой. — Совсем не больно.

— Я как раз сидел неподалеку, — сказал Хэнк, — заплетал вот этот самый кнут. У него конец обтрепался, и я решил приделать новый. Я все видел, но не вмешивался, пока Рой не свалился на землю. Вот тут-то я и сообразил, что дело зашло слишком далеко. Вообще-то я человек понятливый. Когда бородавки там заговаривают или еще что-нибудь такое, тут я не возражаю. На свете полно людей, которые это

умеют, и ничего плохого здесь нет. Но когда собак или людей вот так вот, в узел...

— И ты отстегал ее кнутом, — сказал Инек.

— Это моя святая обязанность, — убежденно произнес Хэнк. — Только ведьмы мне еще в семье не хватало! Я ей приложил пару раз, а она меня все остановить хотела, руками там что-то показывала. Но я свое дело знаю. Решил, что если ее хорошенько отлупить, то эта дурь из нее выйдет. И давай лупить ее еще. Ну тут она и на меня порчу напустила. Как на Роя и Батчера, но только по-другому. Она меня ослепила. Лишила зрения отца родного! Я вообще ни черта не видел. Только шатался по двору, орал и тер глаза. Потом все стало нормально, только она уже исчезла. Но я видел, как она побежала через лес, вверх по холму, и мы с Роем бросились вдогонку.

— И ты думаешь, она здесь?

— Я знаю, что она здесь.

— Ладно, — сказал Инек. — Можешь искать.

— И поищу, — мрачно пообещал Хэнк. — Рой, посмотри в хлеву. Может быть, она там спряталась.

Рой направился к хлеву, Хэнк заглянул в сарай, но очень скоро вернулся и прошел к покосившемуся курятнику.

Инек молча ждал с винтовкой на сгибе руки. Он понимал, что ситуация складывается неприятная; раньше с ним ничего подобного не приключалось. Но такого человека, как Хэнк Фишер, словами убедить непросто. А сейчас ему вообще ничего не втолкуешь. Оставалось только ждать, когда тот немножко поостынет, и надеяться, что тогда можно будет с ним поговорить спокойно.

Хэнк с Роем вернулись.

— Там ее нигде нет, — сказал Хэнк. — Она в доме.

Инек покачал головой.

— Никто не может войти в этот дом.

— Рой, — приказал Хэнк. — Ну-ка поднимись по этим вот ступеням и открой дверь.

Рой испуганно взглянул на Инека.

— Валяй, — сказал тот.

Тогда Рой медленно двинулся вперед и поднялся по ступенькам. Подойдя к двери, он взялся за круглую ручку и повернулся. Попробовал еще раз и обернулся к отцу.

— Па, — сказал он, — я не могу. Дверь не открывается.

— Черт побери! — выругался Хэнк и добавил презрительно: — Ничего-то ты не можешь.

В два прыжка он преодолел ступени, протопал рассерженно по крыльцу, ухватился за дверную ручку и изо всех сил крутанули. Потом еще раз. И еще. Наконец он совсем разозлился и взглянул на Инека.

- Что за чертовщина? — заорал он.
- Я же тебе сказал, — ответил Инек, — что никто не может войти в этот дом.
- Еще как войду! — прорычал Хэнк.

Швырнув кнут Рою, он спрыгнул с крыльца, бросился к поленнице у сарая и выдернул из колоды тяжелый топор с двухсторонним лезвием.

— Поаккуратней с топором, — предупредил Инек. — Он у меня уже давно, и я к нему привык.

Хэнк даже не ответил. Он поднялся на крыльцо и встал перед дверью, широко расставив ноги.

— Ну-ка отойди, — сказал он Рою, — а то размахнуться не где.

Рой попятился.

— Постой, — сказал Инек, — ты что, собираешься рубить дверь?

— Вот именно, черт побери!

Инек кивнул с совершенно серьезным видом.

— Что такое? — спросил Хэнк.

— Ничего, все в порядке. Можешь попробовать, если очень хочется.

Хэнк изготовился, крепко ухватившись за рукоять. Сверкнула сталью, топор взлетел у него над плечом, и Хэнк обрушил на дверь страшный удар.

Топор коснулся поверхности и так резко отскочил, прошвырившись всего в дюйме от ноги Хэнка, что того даже развернуло на месте. Несколько секунд он просто стоял с глупым выражением лица, держа топор в вытянутых руках, и глядел на Инека.

— Можешь попробовать еще раз, — предложил тот.

Хэнка охватила ярость. Лицо его налилось кровью.

— И попробую, клянусь богом! — крикнул он, опять повернулся лицом к дому и взмахнул топором, но на этот раз ударил не по двери, а рядом, по окну. Послышался высокий звон, и в воздухе пронеслись обломки сверкающей стали.

Присев и отскочив в сторону, Хэнк выпустил топор из рук. Он упал на доски крыльца и перевернулся. Вместо одного из лезвий торчали лишь короткие зубья блестящего на изломе металла. На окне не осталось даже царапины.

Хэнк некоторое время стоял, разглядывая сломанный топор, словно все еще не мог поверить в случившееся. Затем молча протянул руку, и Рой вложил в нее кнут. Они вместе спустились по ступеням, остановились внизу и уставились на Инека. Рука Хэнка нервно сжимала рукоять кнута.

— На твоем месте я бы этого не делал, Хэнк. У меня очень хорошая реакция, — сказал Инек, поглаживая приклад. —

Я отстрелю тебе руку, прежде чем ты успеешь взмахнуть кнутом.

— Ты спутался с дьяволом, Уоллис, — произнес Хэнк, тяжело дыша, — и моя дочь тоже. Вы оба заодно. Я знаю, что вы то и дело встречаетесь в лесу.

Инек молчал, наблюдая за отцом и сыном одновременно.

— Помоги мне бог! — вскричал Хэнк. — Моя дочь ведьма!

— Советую тебе вернуться домой, — сказал Инек. — Если я найду Люси, я ее приведу.

Никто не двинулся с места.

— Мы еще встретимся, — пригрозил Хэнк. — Я знаю, что ты спрятал мою дочь где-то здесь, и я тебе это припомню!

— Когда пожелаешь, но только не сейчас, — ответил Инек и угрожающе повел стволовом винтовки. — Проваливай. И чтобы я больше вас здесь не видел. Ни того, ни другого.

Они постояли в нерешительности, глядя ему в лицо и пытаясь угадать, как он теперь поступит.

Затем повернулись и, держась рядом, пошли вниз по холму.

18

Их бы пристрелить обоих, как они того заслуживают, думал Инек. Носит же таких земля! Он перевел взгляд на винтовку и заметил, как крепко его руки сжимают оружие. Белые, онемевшие пальцы буквально вцепились в гладкое коричневое дерево.

Инек судорожно вздохнул, борясь с клокочущей, грозящей вырваться наружу яростью. Если бы они остались чуть дольше, если бы он не прогнал их от дома, ярость наверняка победила бы. И все могло быть гораздо хуже. Инек сам удивился, как ему удалось сдержаться. Но, слава богу, удалось. Потому что и без того все плохо.

Фишеры скажут, что он сумасшедший, что он прогнал их, угрожая оружием. Они могут даже заявить, что он увел Люси и держит у себя против ее воли. Эта семейка ни перед чем не остановится, чтобы напакостить ему как только можно.

Никаких иллюзий на этот счет Инек не питал, поскольку прекрасно знал такой тип людей — мелких и мстительных. Маленькие ядовитые насекомые.

Стоя у крыльца, он глядел Фишерам вслед. Даже странно, как такая замечательная девушка могла появиться в этом гнилом семействе. Может быть, ее несчастье помогло ей защититься от их влияния, может, именно поэтому она не стала одной из них. Не исключено, что, если бы Люси разговаривала с ними, слушала их, она со временем стала бы такой же никчемной и озлобленной, как все Фишеры.

Конечно, он совершил ошибку, вмешавшись в их конфликт. Человек, на котором лежит такая ответственность, не должен вмешиваться в подобные дела. Слишком велика может быть потеря, и поэтому ему следует держаться в стороне от всяких скандалов.

Но разве у него был выбор? Разве мог он отказать Люси в защите, когда она прибежала вся в крови от побоев? Разве мог он не откликнуться на ее мольбу, застывшую в испуганном, беспомощном взгляде?

Может быть, следовало поступить по-другому, думал Инек. Умнее, осторожнее. Но времени на размышления не было. Его хватило только на то, чтобы отнести Люси в дом, спрятать от опасности и выйти к ее преследователям.

Теперь Инек понимал, что лучше всего, возможно, было бы не выходить из дома вообще. Если бы он остался на станции, не случилось бы того, что случилось.

Он поддался чувству, вышел им навстречу. Совершенно естественный для человека поступок, хотя и не самый умный. Но он уже сделал это, все позади, и теперь уже ничего не поправишь. Если бы все повторилось снова, он поступил бы иначе, но такой возможности ему не представится.

Инек тяжело повернулся и пошел в дом.

Люси сидела на диване, держа в руке какой-то сверкающий предмет. В глазах ее светился восторг, а на лице было такое же трепетное, сосредоточенное выражение, как в то утро в лесу, когда на пальце у нее сидела бабочка.

Он положил винтовку на стол и остановился, но Люси, должно быть, заметила краем глаза какое-то движение и взглянула в его сторону. Затем снова занялась той блестящей штуковиной, что она держала в руке.

Инек увидел, что это пирамидка из шариков, но теперь все они медленно вращаются — одни по часовой стрелке, другие против — и сияют, переливаясь своими особенными цветами, словно внутри у каждого из них скрывается источник мягкого, теплого света.

У Инека даже перехватило дыхание — так это было красиво и удивительно; удивительно, потому что он давно пытался разгадать, что это за вещица и для чего она предназначена. Он обследовал ее, наверно, раз сто, не меньше, колдовал над ней часами, но так и не обнаружил никакой зацепки. Скорее всего, решил он, это просто красивая вещица — любоваться, и только, — однако его не оставляло ощущение, что у нее все-таки есть какое-то назначение, что каким-то образом пирамидка должна действовать.

И вот теперь она действовала. Инек так долго пытался ее разгадать, а Люси взяла эту штуковину в руки первый раз, и тут же все заработало.

Он заметил восторг, с каким она глядит на пирамидку. Может быть, она знает и ее назначение?

Инек подошел к Люси, тронул за руку и, когда она подняла на него взгляд, снова отметил про себя, каким счастьем и радостным волнением сияют ее глаза.

Он указал на пирамидку, потом постарался изобразить вопрос, мол, знает ли она, для чего эта игрушка предназначена. Но Люси его не поняла. А может, и поняла, да только знала, что объяснить будет невозможно. Люси протянула руку к столику с сувенирами, пальцы ее снова затрепетали, как тогда у родника, с бабочкой, и она даже как будто попыталась рассмеяться — во всяком случае, такое у нее было выражение лица.

Прямо как ребенок, подумал Инек. Ребенок перед полным ящиком новых, удивительных игрушек. Интересно, что она в них нашла? И потому ли только она рада, что увидела сразу столько красивых незнакомых вещей?

Инек устало повернулся и пошел обратно к столу. Взял винтовку и повесил на стену.

Люси не положено находиться на станции. Ни одному человеку, кроме него, не положено находиться здесь. Приведя ее сюда, он нарушил негласную договоренность с инопланетянами, поручившими ему работу смотрителя. Оправдывало его в какой-то мере лишь то, что к Люси эти вполне понятные запреты относились меньше, чем к кому-либо другому: она ничего не могла рассказать о том, что увидела на станции.

Но он знал, что ей нельзя здесь оставаться. Ее нужно отвести домой. Если она не вернется, обязательно начнутся поиски. Пропала глухонемая девушка, и к тому же еще красивая.

Через день-два об этой истории обязательно пронюхают газетчики. Сообщения о том, что Люси до сих пор не найдена, напечатают во всех газетах, об этом объявит по радио, по телевидению, и вскоре в окрестных лесах появится множество поисковых отрядов.

Хэнк Фишер наверняка расскажет, как он пытался разбить дверь топором, после чего обязательно найдутся желающие сделать то же самое, и вот тут-то все и начнется.

Инека даже пот прошиб, когда он представил себе, что тогда произойдет.

Все долгие годы, что он хоронился от людей, стараясь быть незаметным, будут потрачены впустую. О таинственном старом доме на вершине холма станет известно всему миру, и к нему устремятся тысячи любопытных.

Он подошел к шкафу, где хранилась заживляющая мазь, присланная ему вместе с другими лекарствами из Галактического Центра. Открыв маленькую баночку, Инек увидел,

что там осталось еще больше половины. Он, конечно, пользовался мазью все эти годы, но понемногу. Да и необходимость такая возникала довольно редко.

Вернувшись к дивану, где сидела Люси, он показал ей, что у него в руках. Затем жестами объяснил, что собирается сделать. Она расстегнула платье, стянула его с плеч, и Инек наклонился, чтобы разглядеть раны. Кровь уже не текла, но кожа вокруг покраснела и воспалась.

Он осторожно втер мазь в оставленные кнутом длинные рубцы. Люси исцелила бабочку, подумалось ему, а вот себя вылечить не может.

Пирамидка на столе перед ней все еще светилась и вспыхивала, разбрасывая цветные всполохи по всей комнате.

Игрушка оказалась действующей. Узнать бы еще теперь, для чего она все-таки предназначена.

Шарики в пирамидке светились и вращались, но, кроме этого, ничего не происходило.

19

Улисс появился, когда сгущающиеся сумерки уже готовились уступить место ночи. Инек и Люси только-только закончили ужин и еще сидели за столом, когда послышались его шаги.

Инопланетянин остановился. В полумраке комнаты он больше обычного походил на жестокого клоуна. Его гибкое, словно текучее тело, казалось, было обтянуто дубленой оленьей кожей. Пятна на теле слабо люминесцировали, а резкие черты лица, гладкий лысый череп и острые приплюснутые уши придавали ему зловещий, даже устрашающий вид.

Если не знать о его мягком характере, подумал Инек, можно сойти с ума от страха, увидев такое создание.

— Мы ждали тебя, — сказал Инек. — Кофейник уже кипит.

Улисс в нерешительности шагнул вперед и тут же остановился.

— Я вижу, ты не один. Насколько я могу судить, это человек Земли...

— Не беспокойся.

— Существо противоположного пола. Женщина, верно? Ты нашел себе жену?

— Нет, — ответил Инек, — она мне не жена.

— Все эти годы ты действовал мудро, — произнес Улисс. — В твоем положении завести семью — это не самый осторожный поступок.

— Не беспокойся. Эта девушка страдает серьезным недугом: ей не дано ни слышать, ни говорить.

— Это болезнь?

— Да. Она с самого рождения лишена слуха и голоса. И поэтому не сможет никому рассказать о том, что здесь увидела.

— А язык жестов?

— Она его не знает. Отказалась учиться.

— Вы друзья?

— Да, уже много лет, — ответил Инек. — Она искала у меня защиты — отец избил ее кнутом.

— Отец знает, что она здесь?

— Он так думает, но доказать не может.

Улисс медленно выступил из тени и остановился в круге света от лампы. Люси взглянула на него, но ни страха, ни отвращения на ее лице не отразилось. Она даже не вздрогнула, взгляд ее оставался ровным и безмятежным.

— Как спокойно она ко мне отнеслась, — заметил Улисс. — Не убежала и не закричала.

— Крикнуть она не сможет, даже если бы захотела, — сказал Инек.

— Но при первой встрече я любому человеку должен казаться совершенно ужасным.

— Люси видит не только внешнюю оболочку, но и какой ты на самом деле.

— Она не испугается, если я поклонюсь ей, как это делают люди?

— Я думаю, ей это будет даже приятно, — ответил Инек.

Улисс поклонился от пояса, приложив руку к кожистому животу, — получилось очень чинно и церемонно. Люси улыбнулась и захлопала в ладоши.

— Видишь, — произнес Улисс, явно довольный собой, — похоже, я ей понравился.

— Почему бы тебе тогда не сесть к столу? — предложил Инек. — Попьем кофе втроем.

— А я и забыл про кофе. Увидел, что ты не один...

Улисс сел за стол, где ему уже была приготовлена чашка. Инек приподнялся, собираясь идти за кофейником, но Люси его опередила.

— Она понимает, о чем мы говорим? — спросил Улисс.

Инек покачал головой.

— Просто ты сел перед пустой чашкой.

Люси налила им кофе, а сама пошла к дивану.

— Почему она не осталась с нами? — снова спросил Улисс.

— Ее очень заинтересовали подарки, что лежат на столике. Один из них она даже привела в действие.

— Ты думаешь оставить девицку на станции?

— Я не могу, — ответил Инек. — Ее будут искать. Придется отвести Люси домой.

— Не нравится мне все это, — сказал Улисс.

— Мне тоже. Видимо, надо сразу признать, что мне не следовало ее сюда приводить. Но в ту минуту я не мог придумать ничего другого. У меня не было времени на размышления.

— Ничего плохого ты не сделал, — мягко сказал Улисс.

— Люси не помешает нашей работе, — добавил Инек. — Она ведь не сможет ничего рассказать.

— Дело не в этом, — сказал Улисс. — Она — просто небольшое осложнение. Хуже другое. Я прибыл сегодня, чтобы предупредить тебя о назревающих неприятностях.

— Что за неприятности? Ничего страшного пока не случилось.

Улисс поднял чашку и сделал большой глоток.

— Замечательный кофе, — сказал он. — Я уже брал с собой зерна и делал кофе дома, но вкус почему-то не тот.

— Что за неприятности? — переспросил Инек.

— Ты помнишь веганца, который умер тут несколько двух лет назад?

— Сиятель. Помню, — кивнул Инек.

— У этого существа есть правильное название...

Инек рассмеялся.

— Тебе не нравится мое?

— Но мы их так не называем.

— То, как я их называю, говорит о моем добром к ним отношении.

— Ты похоронил веганца?

— На нашем семейном кладбище, — сказал Инек. — И прочел над ним молитву. Как над своим собратом.

— Очень хорошо. Так и следовало поступить. Ты сделал все, как нужно. Но тело исчезло.

— Как исчезло? Этого не может быть! — воскликнул Инек.

— Тело из могилы забрали.

— Ты не можешь этого знать! — запротестовал Инек. — Как ты мог узнать?

— Это не я. Веганцы. Они знают.

— Но до них ведь множество световых лет...

Однако уверенность уже оставила Инека. В ту ночь, когда старый мудрец умер и он отправил сообщение в Галактический Центр, ему тоже сказали, что веганцы узнали о смерти, едва она наступила, и никакого свидетельства о смерти им не требовалось, потому что они уже знали, отчего он умер.

Казалось бы, это невозможно, однако в галактике столько невозможного оказывалось возможным, что человеку не так-то легко во всем этом разобраться.

Может быть, размышлял тогда Инек, все веганцы поддерживают друг с другом постоянный мысленный контакт? Или какое-то центральное бюро (если дать земное название чему-

то совершенно непонятному) поддерживает непрерывную связь с каждым из живых веганцев, зная, где он, как себя чувствует и что делает?

Видимо, что-то подобное возможно, признавал Инек. Ведь жители галактики обладают самыми разными и удивительными способностями. Но поддерживать контакт с уже мертвым веганцем...

— Тело исчезло, — сказал Улисс. — В этом нет никаких сомнений. И тебя считают в какой-то степени ответственным.

— Веганцы?

— Да, они. И вся галактика тоже.

— Я сделал, что было в моих силах, — горячо возразил Инек. — И выполнил все требования веганских законов, отдав покойному дань уважения от себя и от своей планеты. Нельзя же считать меня вечно за него ответственным. Да и не верю я, что тело действительно исчезло. Кто мог его похитить? Никто просто не знал о захоронении.

— Ты рассуждаешь логично, — сказал Улисс, — если иметь в виду вашу логику. Но у веганцев иная логика. И в данном случае Галактический Центр поддержит скорее их.

— Но веганцы всегда были моими лучшими друзьями, — вспылил Инек. — За все это время я не встретил ни одного, который бы мне не понравился или с которым мне не удалось найти общего языка. Я уверен, что смогу с ними объясняться.

— Если бы это касалось только веганцев, не сомневаюсь, — сказал Улисс. — И я не стал бы беспокоиться. Но тут все куда сложнее. В самом происшествии, казалось бы, ничего сложного нет, но надо принимать во внимание и другие факторы. Веганцы, к примеру, узнали о том, что тело исчезло, уже давно, и это их, конечно, беспокоило. Однако в силу некоторых обстоятельств они пока молчали.

— И напрасно. Они могли явиться сюда. Правда, я не знаю, что тут можно сделать, но...

— Они молчали не из-за тебя. Есть другие причины.

Улисс допил свой кофе и налил себе еще, затем долил в чашку Инека и отставил кофейник в сторону. Инек ждал разъяснений.

— Ты, возможно, об этом не знаешь, — продолжил Улисс, — но, когда решался вопрос о строительстве станции на Земле, многие галактические расы выступали против. Как всегда бывает в подобных ситуациях, они приводили разные доводы, но за всеми этими спорами, если разобраться, крылось непрекращающееся соперничество между расами, которые хотели добиться преимуществ для себя или каких-то регионов галактики. Насколько я понимаю, эта ситуация сродни тому, что происходит здесь, на Земле: бесконечные интриги

и конфликты ради экономических преимуществ, выгодных какой-то группировке или нации. В масштабах галактики, разумеется, экономические соображения редко служат причиной разногласий, но существует много других важных факторов.

Инек кивнул.

— Я догадывался, хотя не очень обращал на это внимание.

— В основном споры ведутся из-за выбора направлений, — разъяснил Улисс. — Раз Центр начал расширять транспортную сеть в этом спиральном рукаве галактики, значит, у него будет меньше времени и возможностей для расширения в других направлениях. Одна большая группа цивилизаций, например, уже несколько веков добивается развития транспортной системы в сторону близлежащих шаровых скоплений. И определенный смысл здесь, конечно, есть. При том уровне технологии, которого мы достигли, переброска на большие расстояния к некоторым из этих скоплений вполне реальна. Кроме того, шаровые звездные скопления практически свободны от пыли и газа, так что, добравшись туда, мы получили бы возможность расширять транспортную сеть гораздо быстрее, чем во многих других регионах галактики. Однако никто пока не знает, что нас там ждет. Об этом можно лишь догадываться. Не исключено, что, потратив так много времени и усилий, мы в конце концов не найдем там ничего достойного внимания, кроме новых свободных территорий. А этого добра хватает и в нашей галактике. Тем не менее шаровые скопления обладают немалой притягательностью для существ с определенным складом ума.

Инек кивнул.

— Понятно. Это стало бы первой попыткой проникнуть за пределы галактики. Первым маленьким шагом, который может привести нас к другим галактикам.

Улисс взглянул на него с удивлением.

— И ты туда же, — сказал он. — Впрочем, мне следовало догадаться.

— Да, наверное, у меня тот самый склад ума, — сказал Инек ехидно.

— Короче, эта фракция шаровых скоплений — видимо, их можно охарактеризовать именно так — разразилась протестами, едва только мы начали продвижение в направлении Земли. Ты наверняка понимаешь, что мы находимся в самом начале работы: здесь чуть больше десятка станций, а нужна по меньшей мере сотня. Видимо, пройдет не один век, прежде чем работа над маршрутом будет закончена.

— Но та фракция по-прежнему предъявляет претензии, — догадался Инек. — И работы в нашем спиральном рукаве еще могут быть свернуты.

— Верно. И это меня беспокоит. Фракция не упустит шанс использовать инцидент с пропавшим телом как обладающий большим эмоциональным зарядом аргумент против расширения сети в этом направлении. К ним обязательно присоединятся различные другие группировки со своими специфическими интересами. Все они понимают, что, закрыв наш проект, они получат дополнительный шанс для реализации своих планов.

— Закрыв проект?

— Да, закрыв. И как только инцидент получит огласку, они начнут волить, что такая варварская планета, как Земля, совсем не место для станции и что нужно ее закрыть.

— Но они не могут этого сделать!

— Могут, — сказал Улисс. — Они будут утверждать, что для нас унизительно и небезопасно держать станцию на варварской планете, где грабят могилы и тревожат прах высокочтимых покойных. Столь эмоциональный довод встретит широкое понимание и поддержку в некоторых областях галактики. Веганцы старались, как могли. Ради завершения проекта они даже пытались скрыть это происшествие. Ничего подобного им никогда делать не приходилось. Это гордый народ, и они очень чувствительны в вопросах чести — более чувствительны, может быть, чем другие галактические расы, — однако ради дела они готовы были стерпеть даже оскорбление. Наверно, и стерпели бы, если бы инцидент удалось скрыть. Но каким-то образом история получила огласку — без сомнения, в результате хорошо продуманной информационной диверсии. И теперь, когда их позор стал известен всей галактике, стерпеть они не могут. Веганец, который прибудет сюда сегодня вечером, — официальный представитель их планеты, он должен будет вручить ноту протеста.

— Мне?

— Тебе. А через тебя всей Земле.

— Но Земля тут ни при чем. Земля ни о чем не знает.

— Конечно, нет. Только для Галактического Центра ты и есть Земля. Для них ты представляешь Землю.

Инек покачал головой. Сумасшествие какое-то! Но с другой стороны, чему тут удивляться? Чего-то подобного даже следовало ожидать. Он просто слишком узко, слишком ограниченно мыслит. С самого рождения он привык подходить ко всему с земными мерками, и даже после стольких лет этот образ мышления сохранял силу. До такой степени, что любой другой, если ему случалось вступать в конфликт с уже привычным, автоматически казался неверным.

Взять хотя бы предложение закрыть станцию. Какой в этом смысл? Скорее всего, одна закрытая станция никак не помешает завершению проекта. Но человечеству уже не на что будет надеяться.

— Если вам придется оставить Землю, — сказал Инек, — вы всегда можете поставить станцию на Марсе. Если нужна станция в нашей звездной системе, здесь есть много других планет.

— Ты не понимаешь, — ответил Улисс. — Эта станция — лишь одно направление атаки. Зацепка. Начало. А цель — закрыть проект целиком, чтобы можно было перебросить усилия на какой-то другой. Если мы будем вынуждены убрать станцию, это нас в какой-то степени дискредитирует, и тогда у них появятся основания для критической переоценки всех наших мотивов и замыслов.

— Но даже если проект закроют, — возразил Инек, — нет никакой уверенности, что какой-то из группировок это принесет пользу. Снова начнутся дебаты о том, куда потратить высвободившиеся время и энергию. Ты говорил, что сейчас против нас объединяются много различных фракций. Предположим, они победят. Тогда им придется разбираться уже между собой.

— В том-то и дело, — согласился Улисс, — но у каждой из них появляется шанс добиться желаемого. По крайней мере они так думают. В настоящее время у них нет таких шансов. Чтобы они появились, нужно закрыть наш проект. Одна из группировок, базирующаяся на противоположном конце галактики, мечтает, например, добраться до малонаселенного региона на краю нашего звездного скопления: они до сих пор верят в древнюю легенду, которая гласит, что их цивилизация якобы появилась в результате эмиграции из другой галактики, чьи жители обосновались на далекой окраине, а затем в течение долгих галактических лет проникли к центру. Они считают, что, вернувшись в окраинные районы галактики, смогут найти доказательства легенды и сделать ее частью истории к вящей своей славе. Другая группировка хочет получить возможность исследовать маленький спиральный рукав галактики, потому что они располагают какими-то источниками, свидетельствующими, что в свое время их далекие предки поймали не поддающиеся расшифровке сигналы, которые, по их убеждению, были посланы именно оттуда. История эта обрастила подробностями много тысячелетий, и теперь они просто убеждены, что там обитает раса феноменальных интеллектуалов. И разумеется, по-прежнему не угасает стремление поглубже исследовать ядро галактики. Ты ведь понимаешь, что мы только начали, что галактика по большей части еще не изучена и что тысячи цивилизаций, сформировавших Галактический Центр, — первопроходцы. В результате Центр постоянно подвергается нападкам и давлению со всех сторон.

— Похоже, — сказал Инек, — у тебя уже не осталось надежды сохранить станцию здесь, на Земле.

— Почти никакой, — ответил Улисс. — Но у тебя есть выбор. Ты можешь остаться на Земле и жить обычной жизнью земного человека, а можешь, если тебе захочется, получить место на другой станции. В Галактическом Центре надеются, что ты выберешь последнее и продолжишь работу.

— Значит, все уже решено?

— Боюсь, да, — сказал Улисс. — Извини, что на этот раз я прибыл с плохими новостями.

Инек сидел словно в оцепенении. Плохие новости! Это еще мягко сказано. Конец всему!

Рушился не только его собственный мир, но и все надежды Земли. Без станции планета снова окажется в глухи на задворках галактики — без надежды на помощь, без шансов на признание, без понимания того, какой чудесный, большой мир ждет людей за пределами Солнечной системы. Одиночное, беззащитное человечество, оступаясь и ошибаясь, пойдет прежним путем к своему слепому, безумному будущему.

20

Сиятель оказался в летах. Окружавшее его золотое сияние давно потеряло искрометный блеск молодости. Оно уже не слепило, как у молодых веганцев, а заливало все вокруг мягким, густым, теплым светом. Держался он с большим достоинством, а мерцающий белоснежный хохолок на макушке — не перья, не волосы, а что-то совсем непонятное — придавал ему сходство со святым. В лице мягкость, чуткость — иногда такие лица с множеством добрых морщин можно увидеть у стариков и здесь, на Земле.

— Мне действительно жаль, что наша встреча вызвана подобными обстоятельствами, — обратился он к Инеку. — Но тем не менее я рад знакомству, поскольку мне уже рассказывали о тебе. Не так часто случается, чтосмотрителем станции работает существо с планеты, которая не входит в галактическое содружество. Признаться, именно поэтому ты меня и заинтересовал. Я все пытался представить себе, каким ты окажешься на самом деле.

— Опасения в данном случае были излишни, — произнес Улисс немного резко. — Я за него ручаюсь. Мы давние друзья.

— Да, я забыл. Ведь ты его и нашел, — сказал сиятель, потом окинул комнату взглядом. — Еще одно существо. Я не знал, что их будет двое. Мне говорили только про одного.

— Это друг Инека, — пояснил Улисс.

— Значит, произошел контакт? Контакт с планетой?

— Нет, контакта не было.

— Тогда нарушение секретности?

— Может быть, — сказал Улисс, — но при таких обстоятельствах, при которых и я, и ты были бы вынуждены поступить так же.

Люси поднялась со своего места и двинулась через комнату к ним — медленно, спокойно, словно она плыла.

Сиятель обратился к ней на посредническом языке:

— Я рад познакомиться с тобой. Очень рад.

— Она не разговаривает, — сказал Улисс. — И слышать ей тоже не дано. Она лищена возможности нормального общения.

— Зато она наделена другими способностями, — сказал сиятель.

— Ты так полагаешь? — спросил Улисс.

— Даже не сомневаюсь.

Сиятель сделал несколько шагов навстречу Люси. Та стояла, не двигаясь.

— Оно... вернее, она... — насколько я понял из твоих слов, это женщина, — она совсем меня не боится.

— Она не испугалась даже меня, — усмехнулся Улисс.

Сиятель протянул руку Люси. Та несколько секунд стояла неподвижно, затем подняла свою руку и коснулась пальцев — скорее даже, щупальца — сиятеля.

Инеку на мгновение показалось, что окутывающее веганца золотое сияние обволокло светом и ее. Он моргнул, и наваждение — если это было наваждение — исчезло: в ореоле золотистого света стоял один только сиятель.

Но почему, подумал он, Люси не испугалась ни Улисса, ни веганца? Может быть, она действительно видит сквозь внешнюю оболочку или как-то ощущает скрытую в этих существах человечность (помоги мне бог, я даже сейчас думаю не иначе как земными понятиями!). А если так, то, может, в ней самой есть что-то такое, чего обычным людям не дано. По происхождению и по виду она, безусловно, человек Земли, но ее не коснулось деформирующее влияние земной культуры. Таким, возможно, был бы человек, если бы его не стесняли узкие рамки правил поведения и условностей, которые с годами затвердевают и превращаются в законы, определяющие отношение к жизни.

Люси опустила руку и вернулась на диван.

— Инек Уоллис, — произнес сиятель.

— Я слушаю.

— Она твоей расы?

— Да, конечно.

— Но она совсем другая. Как будто вы принадлежите к двум различным цивилизациям.

— На Земле только одна раса людей.

— А есть еще такие же, как она?

— Я не знаю.

Тут к сиятелю обратился Улисс:

— Кофе. Ты не хочешь кофе?

— Кофе?

— Совершенно удивительный напиток. Одно из наивысших достижений Земли.

— Мне этот напиток незнаком. Пожалуй, я откажусь, — ответил сиятель и обратился к Инеку: — Ты уже знаешь, зачем я здесь?

— Похоже, знаю.

— Как это ни печально, — сказал сиятель, — но я вынужден...

— Если ты не возражаешь, — предложил Инек, — давай считать, что протест уже выражен и выслушан. Я заранее его принимаю.

— Может, так оно и лучше будет, — сказал Улисс. — Похоже, это избавит нас троих от довольно болезненной процедуры.

Сиятель все еще сомневался.

— Конечно, если ты считаешь, что должен... — сказал Инек.

— Нет, — ответил сиятель. — Меня вполне удовлетворит, если ты великодушно примешь мой невысказанный протест.

— Согласен, но с одним условием. Я хочу убедиться, что это обоснованное обвинение. Мне нужно сходить и проверить.

— Ты мне не веришь?

— Здесь дело не в доверии. Просто, раз есть возможность проверить, я не могу принять обвинение против меня самого и моей планеты, не сделав хотя бы этого.

— Инек, — обратился к нему Улисс, — веганцы всегда проявляли доброе отношение к Земле. Им и сейчас не хотелось затевать это дело. Они так старались защитить и Землю, и тебя...

— Ты хочешь сказать, что я поступлю неблагодарно, если не приму это обвинение на веру?

— Извини, но я именно это и хотел сказать.

Инек покачал головой.

— Долгие годы я стремился понять и принять этику и образ мышления существ, что проходили через мою станцию. Я отталкивал в сторону свои человеческие инстинкты и привычки. Пытался понять чужие точки зрения, проникнуться иным видением мира, хотя порой это оказывало губительное воздействие на мое прежнее мировоззрение. Но я счастлив, что мне выпала такая доля, что мне представился шанс вырваться из узких земных рамок. Несомненно, я что-то приобрел, но Земли это не коснулось — только меня одного. Однако сейчас происходит нечто такое, что скажется на судьбе всей

Земли, и я должен подходить к этому как житель планеты Земля. Сейчас я не просто смотритель галактической станции.

Ни один из его гостей не ответил. Инек подождал еще немного, но инопланетяне по-прежнему молчали, и он направился к двери.

— Я скоро вернусь, — сказал он, затем произнес кодовую фразу, и дверь поползла в сторону.

— Если ты позволишь, — обратился к Инеку сиятель, — я пойду с тобой.

— Хорошо. Идем.

Снаружи было темно, и Инек зажег фонарь. Сиятель следил за его действиями, не отрывая настороженного взгляда.

— Искупаемое топливо, — пояснил Инек. — Фитиль пропитывается им и горит.

— Но у вас должны быть более совершенные системы. — Сиятель был несколько ошарашен.

— Они есть, — ответил Инек. — Это я несколько старомоден в своих привычках.

Он шел впереди и нес в руке фонарь, отбрасывавший небольшой круг света.

— Какая дикая планета, — сказал сиятель.

— В этих местах, пожалуй, да. Но у нас есть и совсем освоенные регионы.

— Нашей планетой мы овладели целиком. Там все давно распланировано.

— Я знаю. Мне доводилось разговаривать со многими веганцами, и они рассказывали о своей планете.

Они дошли до сарая.

— Может, ты хочешь вернуться? — спросил Инек.

— Нет, — ответил сиятель. — Мне это даже интересно. А вот там что — дикие растения?

— Мы их называем деревьями.

— И ветер у вас дует самопроизвольно?

— Да. Мы еще не научились управлять погодой.

Инек взял лопату, стоявшую сразу за дверью сарая, и они направились к саду.

— Ты, конечно, уже поверил, что тело исчезло, — сказал сиятель.

— Я к этому готов.

— Тогда зачем мы идем?

— Я должен убедиться лично. Тебе, наверно, трудно это понять.

— Несколько минут назад, на станции, ты говорил, что старался понять всех нас. Может быть, настало время хотя бы одному из нас постараться понять тебя...

Инек вел сиятеля по тропе, идущей через сад, и вскоре

они оказались у грубой ограды, поставленной вокруг могил. Инек прошел за калитку, сиятель последовал за ним.

— Здесь ты его и похоронил?

— Это наше семейное кладбище. Здесь похоронены мои родители, и веганца я похоронил рядом с ними.

Он отдал фонарь сиятелю и, подойдя к могиле, воткнул лопату в землю.

— Пожалуйста, держи свет поближе.

Сиятель сделал два шага вперед. Инек опустился на колени и отгреб в сторону нападавшие листья. Под ними оказалась свежая, мягкая, недавно перекопанная земля. Потом он заметил углубление с небольшим отверстием в центре. Разгребая землю, Инек слышал, как кусочки высохшей глины падают в это отверстие и ударяются обо что-то твердое.

Сиятель переступил с ноги на ногу, и свет фонаря снова ушел в сторону. Однако Инеку и не нужно было больше смотреть. Копать — тоже. Он и так знал, что найдет под землей. Видимо, ему следовало заглядывать сюда почаше, проверять. И наверное, он зря поставил камень, который, скорее всего, и привлек к могиле внимание. Хотя, с другой стороны, в Галактическом Центре сказали: "Действуйте так, как будто это человек Земли". Что он и сделал.

Инек расправил спину, но все еще стоял на коленях, ощущая, как сырость пропитывает брюки.

— Мне никто не сказал, — тихо произнес сиятель.

— О чём?

— О памятнике. И о том, что на нем написано. Я не знал, что тебе знаком наш язык.

— Я уже давно его выучил — мне хотелось прочесть кое-какие свитки самому. Но, боюсь, здесь я наделал ошибок.

— Две, — заметил сиятель, — и одна маленькая неточность. Но это не важно. Значение имеет лишь то, что ты, когда писал эти строки, думал, как мы.

Инек поднялся с колен и протянул руку к фонарю.

— Идем обратно, — неожиданно резко, даже нетерпеливо сказал он. — Я понял, кто это сделал. И я его отыщу.

21

Кроны деревьев над головой стонали под напором ветра. Впереди замаячили в слабых отсветах фонаря белые стволы высоких берез. Они росли на краю глубокого обрыва, и Инек знал, что в этом месте надо брать правее, чтобы спуститься по склону холма.

Он обернулся. Люси следовала за ним. Она улыбнулась и показала жестом, что все в порядке. Инек в свою очередь по-

казал рукой, куда им нужно свернуть, и попытался объяснить ей жестами, чтобы не отставала. Хотя, подумал он тут же, это, возможно, лишил: Люси знала окрестные холмы ничуть не хуже его, а может быть, даже и лучше.

Свернув направо, Инек прошел по краю обрыва, затем спустился по промоине к склону холма. Слева доносилось журчание стремительного ручья, сбегавшего по каменистому ложу из родника у края поля. Вскоре холм стал круче, и им пришлось идти наискось.

Странно, думал Инек, что даже в темноте он легко узнает знакомые приметы: искривленный ствол дуба, торчащего чуть ли не под прямым углом к склону; дальше — старая дубовая роща, венчающая куполообразную каменную насыпь, где деревья выросли так близко друг к другу, что ни один дровосек даже не пытался их срубить; маленькое болотце, заросшее рогозом и словно втиснутое в нишу, вырытую в склоне холма...

Далеко внизу засветились окошки дома, и Инек повернулся в том направлении. Потом снова оглянулся, но Люси по-прежнему следовала за ним. Через какое-то время они наткнулись на старую, полуразвалившуюся ограду, пробрались между жердями, и дальше уже земля стала ровнее.

Где-то в глубине двора залаяла собака. К ней тут же присоединилась вторая, затем еще несколько, и секунду спустя навстречу им уже неслась целая собачья свора. Псы на всем ходу обогнули Инека с фонарем и бросились к Люси. Только теперь они вдруг преобразились, это были уже не свирепые сторожевые псы, а этакий приветственный комитет: собаки проталкивались вперед, вставали на задние лапы и повизгивали. Люси приласкала, погладив по голове, одну, вторую, и они, словно по сигналу, принялись радостно носиться вокруг.

Чуть дальше за забором начинался огород, и Инек пошел вперед, осторожно ступая по дорожкам между грядками. Вскоре они оказались во дворе перед домом. Очертания этого просевшего, покосившегося строения скрывала ночная тьма, и только окна кухни светились мягким, теплым светом.

Инек подошел к двери кухни и постучал. Изнутри послышались торопливые шаги, дверь открылась, и в освещенном проеме появилась Ма Фишер — высокая костлявая женщина в каком-то балахоне, похожем на мешок. Она уставилась на Инека одновременно с испугом и с вызовом, но тут заметила позади него свою дочь.

— Люси!

Девушка бросилась вперед, и мать заключила ее в объятья. Инек поставил фонарь на землю, сунул винтовку под руку и шагнул через порог.

Семейство ужинало, сидя за большим круглым столом, стоявшим посередине кухни. Хэнк поднялся, но трое его сыновей и незнакомец остались сидеть.

— Привел, значит, — сказал Хэнк.

— Да, я ее отыскал.

— А мы только-только вернулись. Собирались идти искать снова.

— Ты помнишь, что сказал мне сегодня днем? — спросил Инек.

— Я много чего говорил.

— Ты сказал, что я спутался с дьяволом. Так вот, если ты хотя бы еще раз ее ударишь, я тебя самого к дьяволу отправлю. Понял?

— Нечего меня страшить! — огрызнулся Хэнк, но по тому, как он весь напрягся, было видно, что угроза подействовала.

— Я тебя предупредил. Не испытывай мое терпение.

С минуту они стояли лицом к лицу, затем Хэнк не выдержал и сел.

— Ужинать с нами будешь? — буркнул он.

Инек покачал головой и перевел взгляд на незнакомца.

— Это вы женщень ищете? — спросил он.

Незнакомец кивнул.

— Мне нужно с вами поговорить. Выйдем...

Клод Льюис встал.

— Незачем тебе выходить! — вскинулся Хэнк. — Еще приказывает! Пусть здесь говорит.

— Да я не против, — сказал Льюис. — Мне и самому давно хотелось с ним поговорить. Вы ведь Инек Уоллис, верно?

— Он самый, — буркнул Хэнк. — Ему следовало помереть от старости лет пятьдесят назад, а ты глянь на него! Я же говорю, он с дьяволом спутался.

— Помолчи, Хэнк, — сказал Льюис, вышел из-за стола и направился к двери.

— Спокойной ночи, — попрощался Инек со всем семейством.

— Мистер Уоллис, — обратилась к нему Ма Фишер, — спасибо вам за то, что вы привели мою девочку. Хэнк ее больше не тронет. Я вам обещаю.

Инек вышел на улицу, прикрыл за собой дверь и поднял с земли фонарь. Льюис поджидал его во дворе.

— Отойдем немного, — сказал Инек.

Они дошли до огорода и остановились.

— Вы за мной наблюдали, — сказал Инек.

Льюис кивнул.

— Это санкционировано? Или праздное любопытство?

— Боюсь, санкционировано. Меня зовут Клод Льюис. И мне нет смысла скрывать от вас, что я сотрудник ЦРУ.

- Я не изменник и не шпион, — заявил Инек.
- Никто так и не думает. Мы просто наблюдаем за вами.
- Вам известно о кладбище?
- Льюис снова кивнул.
- Вы забрали из могилы тело.
- Да. Из той, где надгробный камень со странной надписью.
- Где оно?
- Тело, вы имеете в виду? В Вашингтоне.
- Этого делать не следовало, — мрачно произнес Инек. — Ваши действия повлекли за собой большие неприятности. Нужно вернуть тело в могилу. И как можно скорее.
- На это потребуется время, — сказал Льюис. — Придется доставлять его самолетом, но все равно получится не меньше суток.
- А быстрее?
- Ну, может быть, немного быстрее.
- Верните тело как можно скорее. Это очень важно.
- Хорошо, Уоллис. Я не знал...
- И вот что еще, Льюис...
- Да?
- Не вздумайте хитрить. Никаких фокусов. Просто сделайте, что я сказал. Я пошел на переговоры с вами, потому что это единственный путь. Но один ваш неверный шаг...
- Инек схватил Льюиса за рубашку и притянул к себе.
- Вы меня поняли, Льюис?
- Тот стоял, даже не пытаясь освободиться.
- Да. Я все понял.
- За каким чертом вы вообще это сделали?
- Работа такая, — ответил Льюис.
- Работа... Вам положено наблюдать за мной, а не грабить могилы. — Инек отпустил наконец его рубашку.
- А скажите... — неуверенно начал Льюис, — там, в могиле... Что это было?
- Вас это не касается, — отрезал Инек. — Но доставить тело обратно — ваша прямая обязанность. Вы уверены, что сумеете это сделать? Вам никто не помешает?
- Все будет в порядке. Я позвоню, как только доберусь до телефона. Скажу, что дело крайне важное.
- Так оно и есть, — подтвердил Инек. — Если вы вернете тело на место, это будет самая важная работа в вашей жизни. Не забывайте об этом ни на минуту. Ситуация касается абсолютно всех на Земле. Вас, меня — всех. И если вы меня подведете, вам не поздоровится в первую очередь.
- Имеется в виду вот это? — спросил Льюис, кивнув на винтовку.
- Возможно, — ответил Инек. — И не вздумайте шутить со мной! Можете не сомневаться: если потребуется вас убить,

я сделаю это без колебаний. Положение таково, что я готов пойти на все...

— Уоллис, но хоть что-то вы мне можете объяснить?

— Ничего, — ответил Инек.

— Вы домой?

Инек кивнул.

— Похоже, вы не возражаете против нашей слежки?

— Не возражаю. Но только против слежки. Верните тело и можете продолжать, если вам хочется. Но ко мне не суйтесь. Не давите на меня. Не вмешивайтесь. Держитесь по дальше.

— Но что происходит, черт побери? Скажите же хоть что-нибудь!

Инек задумался.

— Хотя бы намекните, — продолжал Льюис. — В общих чертах...

— Верните тело на место, — с нажимом проговорил Инек. — Тогда мы, может быть, поговорим.

— Вернем, — заверил его Льюис.

— Если не вернете, считайте себя покойником, — сказал Инек и, резко повернувшись, двинулся через огород к подножью холма.

Льюис долго стоял во дворе и, пока раскачивающийся фонарь не скрылся из виду, смотрел Инеку вслед.

22

Когда Инек вернулся на станцию, Улисс был уже один. Тубанца он отправил своей дорогой, а сиятеля послал обратно на Вегу-XXI. На плите снова грелся кофейник, а сам Улисс разлегся на диване.

Инек повесил винтовку на место и погасил фонарь. Затем снял куртку, швырнул ее на стол и сел в кресло напротив дивана.

— Тело вернут, — произнес он. — Завтра, к этому часу.

— Всей душой надеюсь, что это принесет какую-то пользу, — сказал Улисс. — Хотя сомнений у меня предостаточно.

— Может быть, мне и беспокоиться не стоило? — с горечью спросил Инек.

— В любом случае это послужит доказательством добной воли землян и, возможно, окажет умиротворяющее действие при окончательном решении вопроса.

— Сиятель мог сам сказать мне, где находится тело. — Инек решил перевести разговор на другую тему. — Если ему стало известно, что тело пропало, тогда он наверняка знал и где оно сейчас.

— Видимо, да, — отозвался Улисс, — но, я думаю, он не мог тебе сообщить. Ему было поручено заявить протест. Все остальное — твоя задача. Как-никак он представитель потерпевшей стороны, их оскорбили. Он должен был помнить об этом и блюсти достоинство.

— Иногда от всего этого с ума можно сойти, — заметил Инек. — Несмотря на рекомендации и подсказки Галактического Центра, я то и дело сталкиваюсь с новыми неожиданностями или попадаю впросак.

— Возможно, наступит день, когда все изменится. Вглядываясь в будущее, я представляю себе, как через несколько тысячелетий жители галактики сольются в единую культуру, основанную на взаимопонимании. Какие-то местные и расовые различия останутся — так и должно быть, — но превыше всего будет терпимость, которая поможет созданию своего рода галактического братства.

— Ты говоришь почти как землянин, — сказал Инек. — Об этом мечтали и на это надеялись многие наши великие мыслители.

— Может быть. Сам знаешь, я на Земле тоже открыл для себя немало. Нельзя провести столько времени на этой планете без того, чтобы она не оставила в душе какого-то следа... Кстати, ты произвел на веганца очень хорошее впечатление.

— Мне так не показалось, — сказал Инек. — Он, конечно, был доброжелателен, вежлив, но не более того.

— Надпись на камне... Именно она на него и подействовала.

— Я сделал ее не ради того, чтобы произвести на кого-то впечатление. Просто я чувствовал, что так будет правильно. И еще потому, что мне нравятся сиятели. Мне хотелось сделать все честь по чести.

— Если бы не давление со стороны различных фракций содружества, — сказал Улисс, — я бы даже не сомневался, что сиятели предпочтут забыть о случившемся, а это, надо заметить, такая значительная уступка с их стороны, что ты себе и не представляешь... Не исключено, что даже в сложившихся обстоятельствах они в конце концов окажутся на нашей стороне.

— Ты имеешь в виду, что они могут спасти станцию?

Улисс покачал головой.

— Думаю, это уже никому не под силу. Но всем нам в Галактическом Центре было бы гораздо легче, если бы сиятели поддержали нас.

Кофейник забулькал, и Инек пошел его снять. Улисс тем временем отодвинул сложенные на кофейном столике сувениры, освобождая место для двух чашек. Инек наполнил их и поставил кофейник на пол.

Улисс взял свою чашку, но, подержав в руках, поставил обратно.

— Плохо у нас стало, — неожиданно сказал он. — Не то что в прежние времена. Это очень беспокоит Галактический Центр. Ссоры, разногласия между расами, все чего-то требуют, показывают свой гонор... — Он взглянул на Инека и спросил: — А ты думал, у нас тишина и покой?

— Нет, — ответил Инек, — не совсем так. Я знал, что у вас тоже существуют противоположные точки зрения и случаются конфликты. Но я, признаться, думал, что все свои проблемы вы решаете на достойном уровне, по-джентльменски, что ли, цивилизованно.

— Когда-то так оно и было. Разногласия существовали всегда, но если раньше их причиной служили какие-то философские концепции или этические нормы, то теперь это чаще всего специфические интересы. Ты, разумеется, знаешь о вселенской энергии духовности...

Инек кивнул.

— Я читал кое-какие труды на эту тему. Мне не все понятно, но я готов принять ее существование. Насколько я понимаю, у вас есть способ черпать эту энергию...

— Талисман.

— Да. Талисман. Что-то вроде машины...

— Видимо, можно и так сказать, — согласился Улисс. — Хотя слово "машина" не совсем точное. В конструкции Талисмана воплощены отнюдь не только механические принципы. Кроме того, он уникален. Некое таинственное существо, жившее около десяти тысяч лет назад, изготовило только один Талисман. Я бы с удовольствием рассказал тебе, что он из себя представляет и как устроен, но, боюсь, этого не знает ни один житель галактики. Многие пытались создать дубликат Талисмана, и никому это не удавалось, а его творец не оставил после себя ни чертежей, ни схем, ни даже единой записочки. Так что Талисман по-прежнему остается загадкой для всех.

— Но, надо полагать, — сказал Инек, — против изготовления дубликата никто бы не возражал? Никаких священных запретов тут нет? Это не будет святотатством?

— Ни в коей мере. Более того, нам крайне необходим второй Талисман, потому что первый пропал. Исчез.

Инек даже подскочил в кресле.

— Исчез?

— Да, — подтвердил Улисс. — Потерян. Украден. Никто не знает, что с ним случилось.

— Но я даже не...

— Верно, ты не мог об этом слышать. — Улисс печально улыбнулся. — Потому что мы никому не сообщали. Не реш-

лись. Жители галактики не должны знать о пропаже Талисмана. Хотя бы какое-то время.

— Но как можно скрыть пропажу Талисмана?

— На самом деле это не сложно. Ты же сам знаешь, что хранители переносят его с планеты на планету, где Талисман выставляется для обозрения и к нему стекается огромное число жителей, черпающих с его помощью энергию духовности. Но передвижения хранителей не подчиняются каким-то расписаниям или графикам: они просто путешествуют по галактике. На некоторых планетах между посещениями хранителей проходит порой до сотни лет и больше. Люди не ждут этих визитов к какому-то определенному сроку. Они знают, что рано или поздно хранитель с Талисманом появится и на их планете.

— Но так можно хранить тайну годами.

— Да, — сказал Улисс. — Без всяких сложностей.

— Руководители планет, разумеется, знают? И их помощники?

Улисс покачал головой.

— Мы рассказали очень немногим. Только тем, кому полностью доверяем. В Галактическом Центре, конечно, все знают, но у нас не принято болтать.

— Тогда почему...

— Почему я рассказал тебе? Я не должен был этого делать, знаю. И признаться, сам не понимаю, почему сделал. Хотя, может быть, догадываюсь... Как ты себя чувствуешь, мой друг, в роли исповедника?

— Ты всерьез обеспокоен, — сказал Инек. — Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу тебя таким.

— Это очень странная история. Талисман пропал несколько лет назад. И никто об этом пока не знает — кроме Галактического Центра и... — как бы это поточнее сказать?.. — иерархии, что ли. Организации посвященных, которая занимается вопросами духовности. Но даже при том, что никто еще не знает, галактика уже дает слабину и кое-где трещит по швам. Со временем все вообще может рухнуть. Как будто Талисман незримо объединял все расы галактики, оказывая свое воздействие, даже когда он находился далеко.

— Но ведь Талисман все равно где-то существует, — заметил Инек. — Он по-прежнему должен действовать. Не могли же его уничтожить?

— Ты забываешь, — напомнил Улисс, — что он не действует без хранителя, без восприимца. Дело не в самом механизме. Он всего лишь связующее звено между восприимцем и энергией духовности. Продолжение восприимца. Талисман только усиливает его талант и действует в качестве некоего посредника, позволяющего восприимцу выполнять свою функцию.

— И ты полагаешь, что потеря Талисмана имеет какое-то отношение к тому, что происходит сейчас?

— Ты имеешь в виду судьбу этой станции? Не прямо, но это одна цепочка событий, и то, что существование станции оказалось под угрозой, очень симптоматично. Те же самые склоки и недостойные разбирательства, что поразили всю галактику. Случись это в прежние времена, все обсуждения велись бы, как ты выразился, по-джентльменски, достойно и тактично.

Некоторое время они сидели молча, прислушиваясь к не-громкому свисту ветра за стенами дома.

— Не забивай себе голову, — сказал наконец Улисс. — У тебя и так забот хватает. Зря я тебе все рассказал. Довольно опрометчиво с моей стороны.

— Ты имеешь в виду, что я никому не должен об этом говорить? Можешь быть спокоен.

— Я знаю, что ты этого не сделаешь. И никогда не думал иначе.

— Но ты действительно считаешь, что отношения между галактическими расами портятся? — спросил Инек.

— Когда-то все они были заодно, — ответил Улисс. — Конечно, по многим вопросам жители галактики придерживались различных позиций, однако они всегда пытались примирить свои взгляды — порой довольно искусственно, порой не очень успешно, но, когда к этому стремятся обе стороны, они, как правило, достигают цели. Потому что они этого хотят. А целью всегда было создание братства разумных существ. Все прекрасно понимали, что вместе мы располагаем огромным массивом знаний и опыта, что, работая бок о бок, объединяя эти знания и способности, мы добьемся результатов гораздо более значительных, чем в состоянии добиться какая-то одна раса. Трудностей и проблем, как я уже говорил, хватало, но все же содружество прогрессировало. Мелкие обиды и разногласия мы просто отмечали в сторону и занимались только крупными проблемами, потому что знали: если нам удастся справиться с ними, мелкие станут еще мельче, а потом и вообще исчезнут. Но теперь все по-другому. Откуда-то из темных углов извлекаются старые мелкие раздоры и раздуваются до совершенно безобразных размеров, в то время как решения крупных, важных вопросов попросту никто не ищет.

— Это здорово напоминает Землю, — заметил Инек.

— Да, очень, — ответил Улисс. — Внешне. Хотя речь идет о совершенно иных вещах.

— Ты читаешь газеты, которые я тебе отдаю?

Улисс кивнул.

— Похоже, у вас тут тоже не очень спокойно.

— Похоже, у нас будет война, — без околичностей заявил Инек.

Улисс поежился, но промолчал.

— У вас, насколько я понимаю, войн не бывает, — сказал Инек.

— В галактике, ты имеешь в виду? Нет, при нынешнем устройстве не бывает.

— Слишком для этого цивилизованны?

— Ты меня как будто попрекаешь, — сказал Улисс. — Раза два и мы стояли на грани, но это было давно. В содружество входят много цивилизаций, которые на раннем этапе своего развития тоже познали войны.

— Тогда и у нас, может быть, есть еще надежда. Нужно только переболеть этим.

— На что требуется время.

— Ты не уверен, что мы справимся?

— Нет. Не уверен.

— Я много лет работал над таблицей, основанной на мицарской статистической теории, — сказал Инек. — По таблице выходит, что будет война.

— Тут и без таблицы все ясно.

— Но дело не в этом. Я работал надней не только ради точного ответа. Меня не оставляла надежда, что она подскажет, как сохранить мир. Должен же быть какой-то способ. Какое-то решение. Если бы мы только нашли его или знали, где искаать, у кого спросить.

— Такой способ есть, — произнес Улисс.

— Ты хочешь сказать, что тебе известно...

— Но это радикальная мера. И применять ее можно, лишь когда ничего другого уже не остается.

— А ты считаешь, что у нас еще есть шанс?

— Нет. Наверное, уже нет. Война, которая может разразиться на Земле, уничтожит плоды нескольких тысячелетий развития, уничтожит культуру — все уничтожит, кроме жалких остатков цивилизации. Не исключено, что она убьет почти все живое на планете.

— Этот твой способ... Он уже применялся?

— Несколько раз.

— И помогло?

— Да, конечно. Мы даже не стали бы об этом думать, если бы сомневались в успехе.

— Его можно использовать на Земле?

— Да. Ты должен дать запрос.

— Я??!

— Как представитель Земли, ты можешь обратиться в Галактический Центр с просьбой предотвратить войну на своей планете. Тебя обязательно выслушают, и, если ты убедишь Центр, они назначат группу специалистов для подготовки доклада, на основании которого будет приниматься решение.

— Ты сказал, что это должен сделать я. А кто-нибудь еще с Земли может?

— Любой, кто имеет возможность обратиться в Галактический Центр. Но чтобы туда обратиться, нужно прежде всего знать о его существовании, а ты единственный человек на Земле, которому о нем известно. Кроме того, ты сотрудник Галактического Центра. Долго работал смотрителем станции. У тебя безупречный послужной список. К тебе там прислушаются.

— Но я же один! Как может один человек решать судьбу целой планеты?

— Ты единственный представитель человечества, который на это способен.

— Если бы можно было посоветоваться с другими людьми...

— Нельзя. Да и не поверит тебе никто.

— Тоже верно...

Ему самому мысль о галактическом содружестве разумных существ и раскинувшейся среди звезд транспортной сети давно уже перестала казаться странной. Время от времени на него еще накатывало восторженное удивление, но ничего странного он тут уже не находил. Хотя, конечно же, чтобы привыкнуть, потребовались годы. Годы, в течение которых он все это видел своими глазами и лишь потом постепенно принял. Но рассказать такое любому другому землянину — и тот подумает, что рассказчик просто рехнулся.

— Что это за способ? — спросил Иnek, хотя внутри у него все сжалось от волнения и он приготовился к самому худшему.

— Оглуление, — ответил Улисс.

Иnek судорожно вздохнул.

— Оглуление? Не понимаю... Мы и без того достаточно глупы.

— Ты сейчас имеешь в виду дефицит трезвого мышления. Такое встречается часто — не только на Земле, но и по всей галактике. А я говорю об общем уровне умственных способностей человечества. О состоянии, когда никто не сможет понять науку и технику, что делают возможной грозящую Земле войну. О неспособности справиться с машинами и аппаратурой для ведения боевых действий. Это означает возвращение людей на такую ступень умственного развития, с которой они уже не смогут дотянуться до научных и технологических вершин, покоренных ранее. Тот, кто знал, забудет. Тот, кто не знал, так и не выучится. Назад к колесу и рычагу. И тогда ваша страшная война станет невозможна.

Иnek застыл, выпрямившись в кресле, не в силах вымолвить хотя бы слово. Его будто сковало леденящим ужасом,

но в мозгу роилось множество мыслей.

— Я же говорил, что это радикальная мера, — добавил Улисс. — Но необходимая: войну так просто не остановишь. Цена здесь высока.

— Я не могу принять такое решение в одиночку, — проговорил Инек. — Это никому не под силу...

— Да, это нелегко. Но подумай: если разразится война...

— Я знаю. Если начнется война, будет еще хуже. Но таким способом войну не остановить. Я совсем не это искал. Люди все равно смогут воевать и убивать.

— Дубинами, — сказал Улисс. — Может быть, луками и стрелами. Винтовками, пока они не выйдут из строя или пока не кончатся патроны. Люди забудут, как делать порох, как добывать металлы для пуль и прочие подобные вещи. Пусть вражда и не прекратится, но, во всяком случае, мир избежит катастрофы. Не погибнут в ядерных взрывах города, потому что никто не будет знать, как запустить ракету или как подготовить боеголовку к запуску. Скорее всего, люди просто перестанут понимать, что такое ракета или боеголовка. Исчезнет вся современная связь. Прекратит существование весь транспорт, за исключением простейших повозок. Война — кроме мелких локальных конфликтов — станет невозможна.

— Ужасная картина... — произнес Инек.

— Война не менее ужасна, — сказал Улисс. — Тебе выбирать.

— Но сколько это продлится? — спросил Инек. — Мы же оглушеем не навсегда?

— На несколько поколений, — ответил Улисс. — Потом эффект, если можно так сказать, обработки начнет сходить на нет. Люди в конце концов стряхнут с себя это оглушающее оцепенение, и снова начнется интеллектуальный подъем. Фактически цивилизация получит второй шанс.

— Но спустя еще несколько поколений они снова могут прийти к той же самой ситуации, что мы имеем сейчас.

— Возможно. Хотя маловероятно. Развитие культуры вряд ли пойдет тем же путем. Есть шанс, что ваша цивилизация станет лучшие, а люди не столь воинственны.

— Но это слишком большой груз для одного человека...

— Есть одно обнадеживающее обстоятельство, — добавил Улисс, — и тебе необходимо иметь это в виду. Описанный способ предлагается только тем мирам, которые, по нашему мнению, заслуживают спасения.

— Ты должен дать мне время подумать, — сказал Инек.

Однако он понимал, что времени на раздумья практически не осталось.

Человек, который работал всю жизнь, вдруг не сможет больше делать свое дело. И со всеми вокруг произойдет то же самое. У людей ни с того ни с сего пропадут знания и опыт, необходимые, чтобы выполнять стоящие перед ними задачи. Они, конечно, будут пытаться работать, как прежде, но, видимо, не очень долго. А поскольку никто не сможет работать, корпорации, конторы, заводы просто перестанут действовать. Не закроются, не обанкротятся, а просто остановятся. И не только потому, что никто не сможет работать или ни у кого уже не хватит ума, чтобы управлять производством, — транспорт и связь, от которых зависит бизнес, тоже прекратят существование.

Локомотивы, самолеты и корабли останутся на своих местах, потому что не будет никого, кто мог бы вспомнить, как управлять этими машинами. Множество людей, которые еще недавно обладали всеми необходимыми знаниями, вдруг поймут, что они уже ничего не умеют. Возможно, найдется кто-то, кто все равно захочет попробовать, но, скорее всего, такая попытка закончится трагически. У кого-то еще, видимо, останутся смутные воспоминания о том, как водить легковой автомобиль, грузовик или автобус, потому что они просты в управлении и люди, как правило, делают это почти инстинктивно. Но когда машины сломаются, не останется уже ни одного автомеханика, способного их починить, и они тоже встанут.

Всего через несколько часов после обработки человечество вновь окажется в затерянном мире, где расстояние — один из важнейших факторов. Мир увеличится, океаны снова превратятся в непреодолимые водные пустыни, а миля опять станет очень длинной. Спустя два-три дня начнется паника, суматоха, бегство, отчаянье перед свершившимся, перед действительностью, которую никто не в состоянии понять.

Сколько пройдет времени, размышлял Инек, прежде чем жители городов израсходуют последние продукты, оставшиеся на складах, и начнется голод? Что произойдет, когда исчезнет электричество? Долго ли в такой ситуации сохранят свою цену бессмысленные символические бумажки или даже монеты?

Торговля рухнет, коммерция и промышленность умрут, правительства, лишенные средств и способностей для нормального функционирования, превратятся в ничто, связь исчезнет, закон и порядок канут в прошлое, мир снова потонет в варварстве и лишь потом начнет медленно возрождаться. На это уйдут многие годы — годы страданий, болезней, смертей и несказанного отчаяния. Со временем положение стабилизи-

руется, и мир привыкнет к новому образу жизни, но в процессе утряски слишком многие погибнут и многие другие потеряют все то, что означало для них нормальную жизнь или смысл жизни.

Однако будет ли это хуже, чем ядерная война?

Да, многие умрут от холода, голода и болезней (поскольку медицина исчезнет вместе со всей остальной наукой), зато миллионы, которых не коснется огненное дыхание ядерных вспышек, останутся в живых. С неба не польются смертоносные дожди, вода останется чистой и свежей, земля сохранит плодородие. Когда закончится начальная фаза перемен, человечество получит шанс выжить и построить новую цивилизацию.

Если бы только знать наверняка, что война будет, что она неизбежна, думал Инек, тогда выбор был бы прост. Но всегда остается надежда, что Земля все-таки избежит этой опасности, что мир — пусть хрупкий и неустойчивый — удастся сохранить. В таком случае уже не будет отчаянной нужды в радикальном средстве против войны, что предлагают жители галактики. Прежде чем решать, необходима уверенность. Но где ее взять? Да, таблица, лежащая на столе, предрекает войну. Да, дипломаты и обозреватели считают, что грядущая конференция может послужить толчком к катастрофе. Однако уверенности в том, что войны не миновать, все равно нет.

И даже зная наверняка, как может один человек — один! — брать на себя роль вершителя судеб всего человечества? По какому праву может один человек принимать решение, которое повлияет на всех остальных, на миллиарды людей? И оправдают ли последующие годы его выбор?

Под силу ли одному человеку решить, что хуже — война или поголовное оглушение? Видимо, не под силу. Разве можно представить себе, оценить и ту, и другую катастрофу?

Конечно, если не торопиться, оба варианта выбора можно обосновать. Со временем оформятся какие-то убеждения, которые позволят прийти все-таки к окончательному решению — пусть не совсем верному, но, во всяком случае, достаточно продуманному, чтобы его можно было примирить потом с собственной совестью...

Инек встал и подошел к окну. Звук шагов отдавался в помещении станции глухим эхом. Он взглянул на часы и увидел, что уже за полночь.

Среди жителей галактики, думалось ему, наверняка есть расы, способные правильно и быстро справиться практически с любой проблемой — одним стремительным рывком сквозь сложное переплетение мыслей, логикой, более точной, чем та, которой следует человечество. Это было бы, конечно, не плохо — в том смысле, что появилось бы все-таки определен-

ное решение, но разве не принижает оно — или не отмечает вовсе — значимость каких-то граней проблемы, которые для человечества не менее важны?

Инек стоял у окна, вглядываясь в залитые лунным светом поля, сбегавшие к темной полосе леса. Облака разошлись, и ночь стояла тихая, спокойная. Впрочем, здесь всегда будет спокойно, думал он, поскольку места эти далеко от шумных дорог, от любой возможной цели ядерной атаки. За исключением, быть может, какого-нибудь мелкого конфликта в доисторические времена, никем не описанного и давно забытого, здесь никогда не было никаких сражений и никогда не будет. Но даже этому затерянному уголку не избежать общей судьбы планеты, если она отравит свою воду и почву, если ее обитатели в порыве вражды вдруг пустят в ход свое чудовищное оружие. Небо затянет радиоактивным пеплом, который затем падет на землю, и уже не будет никакой разницы, где живет человек. Рано или поздно война дотягнется до него, если не вспышкой обезумевшего огня, то смертоносным снегом, ссыплющимся с небес.

Вернувшись к столу, Инек собрал газеты, доставленные утренней почтой, и сложил в пачку, отметив, что Улисс забыл забрать с собой те, которые он подготовил для него раньше. Разумеется, инопланетянин был расстроен, иначе он не забыл бы газеты. Боже, подумал Инек, у каждого из нас полно своих тревог.

День выдался нелегкий. И только сейчас Инек осознал, что пробежал всего лишь две или три статьи в "Таймс", касающиеся созыва конференции. Слишком полон был день, причем событиями серьезными и зловещими.

Более ста лет все шло хорошо. Бывали дни плохие, бывали хорошие, однако в целом жизнь текла спокойно и без тревожных инцидентов. Но вот наступил день сегодняшний, и все безмятежные годы как ветром сдуло.

Когда-то он надеялся, что Землю примут в галактическую семью, что своей службой он принесет родной планете признание. Но теперь надежды рассыпались в прах: станцию, похоже, закрывают, а сама эта мера вызвана в значительной степени варварскими повадками человечества. Вообще-то в галактической политике Земля оказалась в положении мальчика для битья, но клеймо, единожды наложенное, не так легко будет смыть. И даже если отмыть клеймо удастся, Земля запомнится всем как планета, ради спасения которой Галактический Центр готов провести радикальную и унизительную акцию.

Наверное, еще не поздно попытаться спасти положение. Он может остаться землянином и передать людям Земли всю информацию, собранную им за долгие годы и записанную до

мельчайших подробностей вместе с фактами его жизни, впечатлениями и всякими незначительными событиями в дневниках, что занимают несколько полок. Отдать эти дневники и литературу инопланетян, которую он получил, прочел и сохранил. Сувениры и огромное количество предметов из других миров. Люди Земли наверняка сумеют извлечь из всего этого новые знания, которые помогут им и в конце концов выведут на дорогу к звездам, к еще большим знаниям и тому возвышенному пониманию Вселенной, которое станет их культурной традицией и которое, очевидно, должно быть традицией и правом каждой расы разумных существ. Но ждать этого дня придется долго, а последние события, о которых ему стало известно, отодвинут его еще дальше. Впрочем, и информация, собранная с такими трудами за век с лишним, уже казалась ему настолько незначительной по сравнению с теми знаниями, какие он мог бы получить за следующий век (или за тысячелетие), что просто стыдно было предлагать ее людям Земли.

Если бы только ему было отпущено больше времени... Но времени, разумеется, не будет. Его не хватает сейчас и никогда не хватит. Сколько бы веков он ни посвятил собиранию знаний, их всегда будет больше, чем уже собрано, и то, чем он располагает, всегда будет казаться жалкими крохами.

Инек тяжело опустился в кресло у стола и впервые задумался о том, как все это произойдет, — как он окажется от работы в Галактическом Центре, как променяет целую галактику на одну единственную планету, пусть даже эта планета — его родная.

Третья свой разум, он мучительно искал ответ, но по-прежнему безуспешно.

Ведь он один, совсем один...

Не может один человек удержать на своих плечах и Землю, и галактику.

24

Разбудили его лучи утреннего солнца, заглядывавшего в окно, и с минуту он не двигался, наслаждаясь даримым теплом. Доброе, обнадеживающее прикосновение солнца позволяло забыться, защищая его от беспокойных проблем, но Инек чувствовал, что они рядом, и снова закрыл глаза. Может быть, если опять уснуть, они уйдут, затеряются где-то и, когда он проснется, их уже не будет?..

Но что-то еще было не так, что-то, помимо забот и проблем... Шея и плечи болели невыносимо, все тело как будто свело, а подушка казалась слишком твердой.

Инек открыл глаза, поднял голову и увидел, что он вовсе не в постели. Его сморило прямо в кресле, и головой он лежал не на подушке, а на крышке стола. Пошевелив губами, Инек почувствовал во рту противный привкус, как того и следовало ожидать.

Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и потянулся, разогревая затекшие мышцы и онемевшие суставы. Пока он стоял у стола, беспокойство, и все его проблемы, и ужасная необходимость искать ответы просочились из темных углов памяти обратно. Инек мысленно отмахнулся от них – не очень успешно, но все же они отползли чуть назад и затаились, готовясь к новому броску.

Подойдя к плите, он поиском кофейник, потом вспомнил, что вечером поставил его на пол рядом со столиком. Две чашки с коричневым осадком на дне все еще стояли среди сувениров, где в куче других безделушек, что Улисс отодвинул в сторону, освобождая место для чашек, лежала на боку пирамидка из шариков. Она по-прежнему светилась и вспыхивала, а шарики, как и раньше, врашивались каждый в свою сторону.

Инек взял пирамидку в руки и провел пальцами по основанию, на котором покоялись шарики, но ни кнопки, ни рычажка, ни какого-нибудь углубления – ничего такого, чем можно было бы включать игрушку и выключать, – он так и не нашел. Впрочем, этого следовало ожидать: ведь он не один раз смотрел... Однако днем раньше Люси что-то с ней сделала, и пирамидка включилась. Она работала уже двенадцать часов, но пока ничего не произошло. Хотя, может быть, ничего такого, что он в состоянии заметить...

Вернув игрушку на столик, Инек составил чашки одну в другую, потом наклонился за кофейником, но взгляд его по-прежнему удерживала пирамидка.

Чертовщина какая-то, подумал он. Ему бог знает сколько лет не удавалось ее включить, а Люси сумела сделать это за несколько минут. Теперь вот неизвестно, как ее выключить, хотя, судя по всему, работает она или нет, разницы никакой...

Чашки и кофейник Инек отнес в раковину. На станции царила тишина – тяжелая, давящая тишина, но, скорее всего, сказал он себе, это ему просто кажется.

Инек подошел к аппарату связи, экран был пуст. За ночь не поступило ни одного сообщения. Глупо, конечно, проверять: если бы что-то пришло, сработал бы звуковой сигнал, который можно отключить только вручную.

Но вдруг станцию уже закрыли? И весь поток путешественников пустили обходным маршрутом? Впрочем, вряд ли это возможно, потому что закрытие станции на Земле будет означать, что придется закрыть и все остальные станции, иду-

щие за ней. В этом спиральном рукаве галактики просто нет обходных, дублирующих маршрутов, по которым можно в случае чего пропустить путешественников. И не стоит удивляться их отсутствию, уверял себя Инек. Раньше тоже случалось, что гости на станции не появлялись по нескольку дней подряд. Ведь движение тут не подчиняется никакому расписанию. Бывало, что многочисленные запланированные пересадки приходилось даже откладывать до тех пор, пока не освободится аппаратура, в другие же дни наоборот — никто на станцию не направлялся, и аппаратура простоявала так же, как сейчас.

Нервы у меня шалят, подумал Инек. Нервы.

Конечно же, ему сообщат, прежде чем закрыть станцию. Этого требует хотя бы элементарная вежливость.

Он вернулся к плите и поставил кофейник. Потом вынул из холодильника пакет с густым концентратом из злаков, что растут в джунглях на одной из планет системы Дракона. Немного подумал, положил пакет обратно и достал два последних яйца из той дюжинки, что привез ему из города Уинслоу с неделей назад.

Посмотрев на часы, Инек увидел, что проспал гораздо дольше, чем ему казалось, и скоро уже пора отправляться на прогулку. Он поставил на плиту сковородку, положил кусок масла и, когда оно растаяло, разбил туда два яйца.

Может быть, подумал он, сегодня неходить? Пожалуй, это будет с ним впервые, если не считать одного или двух случаев, когда очень уж бушевала непогода. Но вовсе не обязательно идти сегодня только потому, что у него так заведено. Он просто пропустит сегодня прогулку, а за почтой сходит позже. Да и дела остались со вчерашнего дня. Газеты до сих пор не прочитаны. К дневнику он так и не прикоснулся, хотя записать нужно очень много, потому что он привык описывать случившееся с ним точно и подробно, а вчера столько всего случилось.

Это правило Инек установил себе с самого первого дня работы станции — никогда не запускать дневник. Случалось, он делал записи чуть позже, но, даже когда у него не хватало времени, Инек ни разу не позволил себе пропустить что-то хоть мало-мальски значительное. Глядя на длинные ряды дневников, теснящихся на полках в противоположном конце комнаты, он испытал прилив гордости и удовлетворение от того, насколько полны и тщательны его записи. Огромный срок — больше века — нашел отражение между обложками этих дневников. Ни одного пропущенного дня!

Вот наследство, которое он завещает миру, вот чем он заплатит за право вернуться в человеческое общество; здесь все, что он видел, слышал и о чем думал в течение ста с лишним лет общения с жителями галактики.

Но тут все вопросы, от которых он пытался уйти, нахлынули с новой силой, и он понял, что никуда от них не деться. Какое-то время Инеку удавалось как бы не замечать их — совсем недолго, только чтобы прийти в себя и справиться с усталостью, но теперь он уже не противился. Решать все равно придется.

Переложив яичницу в тарелку, он снял с плиты кофейник и сел завтракать. Потом взглянул на часы.

Времени для прогулки оставалось еще достаточно.

25

У родника его ждал "искатель женщины".

Инек заметил Льюиса издалека и с раздражением подумал: уж не хочет ли тот сказать ему, что вернуть тело сиятеля не удастся, что в Вашингтоне к этой идеи отнеслись отрицательно, что он столкнулся с неожиданными трудностями.

Инек вспомнил вдруг, как предыдущим вечером грозился убить любого, кто помешает вернуть тело. Возможно, подумал он, говорить этого не стоило. Способен ли он вообще убить человека? Ему приходилось в свое время убивать, но то было давно, на войне, и вопрос тогда стоял по-другому: или ты, или тебя.

Он на секунду закрыл глаза и снова увидел перед собой пологий склон холма с длинными рядами людей, наступающих сквозь пороховой дым. Эти люди поднимались наверх с одной только целью — убить его и всех тех, кто был рядом с ним.

Отнюдь не в первый раз пришлось ему тогда убивать, и далеко не в последний, но все долгие годы сражений почему-то свелись у него в памяти к одному этому моменту — не к тому, что произошло позже, а к этому тягучему, страшному мгновению, когда он увидел перед собой ряды солдат, неотвратимо приближающихся по склону холма, чтобы его убить.

Именно тогда он осознал в полной мере, что это за безумие — война. Тщетное действие, которое по прошествии времени и вовсе теряет всякий смысл и должно питаться безразсудной яростью, что живет значительно дольше породившего ее инцидента; действие совершенно нелогичное, как будто один человек своей смертью или своими страданиями может доказать какие-то права или утвердить какие-то принципы.

Где-то на своем долгом историческом пути человечество оступилось, возвело это безумие в норму и существовало так вплоть до настоящего времени, когда безумие, ставшее нормой, грозит уничтожить если не сам род людской, то по край-

ней мере все те материальные и духовные ценности, что были символами человечества на протяжении многих трудных веков.

Когда Инек подошел к роднику, Льюис, сидевший на стволе поваленного дерева, встал.

— Я решил подождать вас здесь, — сказал он. — Надеюсь, вы не возражаете...

Инек молча перешагнул через небольшую заводь у родника.

— Тело доставят сегодня вечером, — продолжал Льюис. — Из Вашингтона в Мадисон самолетом, а оттуда привезут сюда на машине.

— Рад слышать, — кивнул Инек.

— Мое руководство настаивало, чтобы я еще раз спросил у вас, чье это тело.

— Я уже говорил вчера вечером, что не могу ничего рассказать. Хотел бы, но не могу. Я много лет прикидывал, как это сделать, но так ничего и не придумал.

— Мы уверены, что это тело существа с какой-то другой планеты.

— Вы так думаете, — сказал Инек, но совсем без вопросительной интонации.

— Дом тоже неземного происхождения.

— Этот дом построил своими руками мой отец, — осадил его Инек.

— Но что-то изменило его. Он стал таким позже.

— Время все меняет.

— Все, кроме вас самого.

— Вот что вас беспокоит, — усмехнулся Инек. — Не положено?

— Нет, что вы. Да и не в этом дело. После долгих наблюдений я просто принял вас самого и все, что с вами связано, на веру. Ничего еще не понимаю, но по крайней мере уже принял. Иногда мне кажется, что я скожу с ума, но, впрочем, это быстро проходит. Я старался не беспокоить вас, старался, чтобы все оставалось без изменений. Теперь, когда я с вами познакомился, я даже рад, что выбрал такой путь. Но все-таки это неверно. Мы ведем себя как враги, как два незнакомых пса, но не так же все должно быть. Мне кажется, на самом деле у нас много общего. Сейчас происходят какие-то важные события, но не хочу никоим образом вмешиваться...

— Вы уже сделали это, — сказал Инек. — Вы забрали тело из могилы — ничего хуже и случиться не могло. Даже сев и хорошенько подумав, как мне навредить, вы вряд ли придумали бы более удачный способ. Причем вы оказали плохую услугу не только мне. Я тут не в счет. Вы навлекли беду на все человечество.

— Ничего не понимаю, — сказал Льюис. — Я очень сожалею, но все равно не понимаю. Там на камне была надпись...

— Вот это уже моя ошибка, — перебил его Инек. — Мне не следовало ставить камень. Но тогда мне казалось, что это обязательно нужно сделать. Я никак не предполагал, что кто-то будет рыскать тут и...

— Он был вашим другом?

— Он? Вы имеете в виду покойного? Не совсем так. Не он сам.

— Что сделано, то сделано, — сказал Льюис. — Я приношу свои искренние извинения.

— Они вряд ли помогут.

— Но неужели ничего нельзя сделать? Я имею в виду, кроме того, что мы вернем тело?

— Можно... Не исключено, что мне потребуется помочь.

— Говорите, — поспешил сказать Льюис. — Если это выполнимо...

— Возможно, мне понадобится грузовик, — ответил Инек. — Перевезти кое-какие вещи. Записи и прочее. Не исключено, что он понадобится мне срочно.

— Грузовик я обеспечу. Он просто будет ждать. И люди, чтобы помочь с погрузкой.

— Возможно, мне понадобится переговорить с кем-то на достаточно высоком уровне. С президентом. С государственным секретарем. Может быть, с ООН. Я пока не знаю. Мне надо подумать. И важно, чтобы я не только смог переговорить с ними, а чтобы они еще и отнеслись к тому, что я скажу, с полной серьезностью.

— Я доставлю сюда передвижной коротковолновый комплекс. Все будет наготове.

— Меня выслушают?

— Да, — сказал Льюис. — Мы свяжем вас, с кем пожелаете.

— И еще одно...

— Слушаю.

— Умение забывать — сказал Инек. — Может так случиться, что все эти приготовления мне не потребуются. И грузовик, и прочее. Может быть, придется оставить все как прежде. И если это произойдет, смогли бы вы и те другие люди, о которых мы говорили, просто забыть о моей первой просьбе?

— Думаю, это возможно, — ответил Льюис. — Но я продолжу наблюдения.

— Хотелось бы. Не исключено, что в будущем мне снова понадобится помочь. Но ни во что не вмешивайтесь.

— Вы уверены, что больше ничего не нужно? — спросил Льюис.

Инек покачал головой.

— Ничего. Все остальное я должен сделать сам.

Может быть, подумал он, я и так уже слишком много сказал. Где гарантия, что этому человеку можно доверять? И может ли он быть уверен, что вообще на кого-то можно положиться?

Однако, если он решится оставить Галактический Центр и разделить судьбу Земли, ему наверняка потребуется помочь. Вдруг инопланетяне станут возражать, когда он захочет взять с собой свои дневники и подарки? Ему придется действовать быстро.

Но хочется ли ему расставаться с этой работой? Сможет ли он забыть свои мечты о галактике? Найдет ли в себе силы отказаться от предложения перейти смотрителем на другую станцию? Когда подойдет время решать, сможет ли он разом обрвать все, что связывало его с другими жителями галактики и загадками других звезд?

Впрочем, он уже предпринял кое-какие шаги. Вот только что он, даже особо не задумываясь, словно на самом деле давно все решил, договорился, как организовать свое возвращение на Землю, к людям.

Инек с удивлением размышлял о своих действиях.

— Здесь у этого родника, постоянно кто-то будет, — сказал Льюис. — Если не я, то кто-нибудь, кто сможет со мной связаться.

Инек кивнул, слушая его вполуха.

— Каждое утро во время прогулки кто-нибудь из нас обязательно будет с вами встречаться. Или вы сами в любой момент сможете найти нас здесь.

Ну прямо заговор, подумалось Инеку. Как у детей, играющих в воров и полицейских.

— Мне пора. Вот-вот приедет почта, и, если я опоздаю, Уинслоу забеспокоится, — сказал он наконец и двинулся вверх по склону холма.

— До скорого! — крикнул Льюис ему вслед.

— Да. До скорого, — ответил Инек.

Он с удивлением почувствовал, как потеплело у него на душе — словно что-то до сих пор было не так, а теперь все встало на свои места; словно он искал что-то давно потерянное и вдруг нашел.

26

Почтальона Инек встретил на полпути к станции. Старая развалюха неслась по заросшим травой колеям, продираясь сквозь нависшие ветви придорожных кустов. Завидев Инека, Уинслоу затормозил и дождался его, сидя в машине.

— Ты что, решил сделать объезд? — спросил Инек, подходя ближе. — Или поменял маршрут?

— Тебя не оказалось у почтового ящика, — ответил Уинслоу, — а мне нужно было срочно тебя увидеть.

— Пришло что-нибудь важное?

— Нет, не про почту речь. Я про старого Хэнка Фишера хотел сказать. Он сейчас в Милвилле, уговаривает всех подряд в кабаке Эдди и мелет языком без умолку.

— Уговаривает всех подряд? На него это совсем не похоже.

— Он рассказывает всем, что ты пытался умыкнуть Люси.

— Ничего подобного, — сказал Инек, — Хэнк отхлестал Люси кнутом, и я просто спрятал ее, чтобы он немного постыл.

— Наверно, не надо было этого делать, Инек.

— Может быть. Но он совсем озверел и, наверно, избил бы ее до полусмерти.

— Хэнк баламутит людей, хочет устроить тебе неприятности.

— Он еще вчера грозился.

— Рассказывает всем, что ты сначала увел девчонку, а потом испугался и привел обратно. Говорит, ты спрятал ее в доме, но, когда он попытался туда вломиться, у него ничего не вышло. Говорит, что у тебя вообще дом какой-то странный, и он, мол, сломал топор, когда хотел высадить окно.

— Ничего странного тут нет, — сказал Инек. — Хэнку просто померещилось.

— Пока все спокойно, — добавил почтальон. — На трезвую голову да еще средь бела дня никто из них никуда не пойдет. Но ближе к вечеру они все наберутся и уже перестанут соображать. Может статься, кое-кто решит заглянуть к тебе, разобраться...

— Надо думать, он им рассказывает, что я спутался с дьяволом?

— Рассказывает. И много чего другого, — ответил Уинслоу. — Я там, наверно, полчаса сидел слушал.

Он покопался в сумке, достал стопку газет и, отдав ее Инеку, продолжил:

— Я тебе вот что еще скажу. Может, ты сам этого не понимаешь. Ему не так сложно будет собрать против тебя людей... И живешь — всех сторонишься, и вообще странный ты. Я не хочу сказать, что у тебя что-нибудь не в порядке — я-то тебя давно знаю и ничего такого не думаю, — но тем, кто с тобой не знаком, всякое в голову взбрести может. До сих пор никто тебя не трогал, потому что ты не давал им повода. Но если Хэнк их накрутит... — Уинслоу не закончил фразу и умолк.

— Ты хочешь сказать, они двинутся сюда всей толпой? Уинслоу молча кивнул.

— Спасибо, что ты меня предупредил, — сказал Инек.

— А это правда, что никто не может забраться в твой дом? — спросил Уинслоу.

— Похоже, правда. Они не смогут вломиться туда и не смогут его сжечь. У них вообще ничего не получится.

— Тогда на твоем месте я бы сегодня далеко от дома не уходил. Или вообще сидел у себя и никуда не высывался.

— Неплохая идея. Может быть, я так и сделаю.

— Ладно, — произнес Уинслоу, — вроде я все рассказал. Решил, что тебя надо предупредить. Похоже, мне до дороги придется ехать задним ходом. Здесь и развернуться-то негде.

— Давай подъезжай к дому. Там места хватит.

— До дороги ближе. Справлюсь, — сказал Уинслоу, и машина медленно двинулась назад.

Инек стоял, провожая ее взглядом, и, когда машина добралась до поворота, поднял руку, прощаясь с Уинслоу. Тот помахал в ответ, и секунду спустя его развалюха скрылась за кустами, вымахавшими по обеим сторонам дороги.

Инек повернулся и побрел к станции.

Только пьяной толпы ему и не хватало...

Орущая толпа вокруг станции... Рассвирепевшие люди колютят в окна и двери, лупят из ружей по стенам... Если и оставалась еще какая-то смутная надежда на то, что Галактический Центр не станет закрывать здесь станцию, то после такой сцены об этом можно будет просто забыть. А у тех, кто стремится прекратить расширение транспортной сети в этом спиральном рукаве галактики, появится лишний довод в свою пользу.

Почему все случилось вот так, сразу? Долгие годы ничего не случалось, а теперь вдруг столько событий за какие-то считанные часы. И одно хуже другого.

Если сюда явится разъяренная толпа, вопрос о закрытии станции будет решен однозначно, но и это еще не все: в такой ситуации у него просто не останется выбора — придется принять предложение Галактического Центра и стать зрителем на другой станции. Остаться на Земле будет невозможно при всем желании... Инек вдруг осознал, что предложение перейти на другую станцию тоже висит на волоске. Когда появится толпа, жаждущая его крови, он сам окажется вовлеченным в этот скандал, и обвинения в варварстве, направленные против всего человечества, будут касаться и его.

Может быть, подумал он, есть смысл сходить к роднику и поговорить с Льюисом. Толпу, видимо, можно как-то остановить. Но если он обратится к нему, придется давать объяснения и рассказывать слишком много подробностей. А толпа, может, и не соберется. Вряд ли люди поверят болтовне Хэнка Фишера, и, возможно, все еще обойдется.

Нет, он останется на станции и будет надеяться на лучшее. Может быть, когда явится толпа — если они вообще соберутся, — он будет на станции один, и никто в Галактическом

Центре о случившемся не узнает. Если повезет, то все обойдется. А ему просто должно повезти: уже несколько дней подряд на него сваливаются одни только неприятности.

Инек подошел к сломанным воротам во двор и остановился, рассматривая дом, — ему почему-то хотелось увидеть его таким, каким он знал его в детстве.

Сам дом выглядел как и прежде, разве что в те далекие времена на окнах еще были занавески с оборками. А вот двор медленное шествие лет действительно изменило: кусты сирени с каждой новой весной становились все гуще, пышнее и запутаннее; вязы, что посадил его отец, из прутиков футов шести высотой превратились в могучие деревья; куст желтых роз у двери на кухню вымерз в одну из давно забытых зим; клумбы исчезли, а несколько грядок с пряностями у ворот совсем задушили сорняки.

От старой каменной ограды, уходившей в обе стороны от ворот, осталась теперь просто длинная утрамбованная насыпь. Сотня холодных зим, ползущие выонки и трава, долгие годы небрежения сделали свое дело. Пройдет еще век, и ограда совсем сровняется с землей — от нее даже следа не останется. А на склоне холма, где поработала эрозия, уже сейчас были длинные участки, где она исчезла совсем.

Все эти изменения произошли давно, но Инек почти не замечал их. А сейчас заметил и удивился: почему это вдруг? Может, потому, что скоро ему предстоит вернуться к Земле? Но ведь он никогда и не покидал здешних просторов, солнца, воздуха, физически он всегда оставался на Земле, хотя долгие годы — куда дольше, чем большинству людей вообще выделяет судьба, — можно сказать, путешествовал по множеству миров, разбросанных среди звезд.

Солнце уходящего лета светило по-прежнему ярко, но Инек то и дело вздрагивал от холодного ветра, налетавшего, казалось, из какого-то таинственного, иллюзорного измерения. Впервые в жизни ему пришло задуматься о том, кто же он на самом деле. Преследуемый сомнениями человек, которому суждено прожить на перепутье между миром людей и миром инопланетян, испытывающий привязанность и к тем, и к другим, терзаемый сомнениями и преследуемый призраками старых воспоминаний, что будут брести рядом сквозь годы и расстояния независимо от того, какую жизнь он себе изберет — на Земле или среди звезд? Сын двух культур, не понимающий до конца ни Землю, ни галактику, задолжавший и тем, и другим, но не способный ни с кем расплатиться? Бездомное, безродное, бродячее существо, которое не в состоянии определить, где добро, а где зло, потому что ему довелось увидеть слишком много разных (и по законам чужой логики вполне объяснимых) проявлений и того, и другого?

Инек поднялся на холм, у подножья которого был из земли родник; от ощущения вновь обретенной принадлежности к человечеству на душе у него потеплело — теперь его связывало с этим миром что-то вроде мальчишеского заговора. Но действительно ли он человек? И если это так, то как быть с его вековой преданностью Галактическому Центру? Да и хочется ли ему снова стать просто человеком?

Инек медленно прошел за ворота. В его мыслях беспрестанно сталкивались вопросы — огромный, неиссякающий поток вопросов, на которые нет ответов. Впрочем, подумал он, это не так. Ответы есть, но их слишком много.

Может быть, его навестят сегодня Мэри, Дэвид, все остальные люди-тени, и ему удастся обсудить с ними... Тут Инек вспомнил, что ни Мэри, ни Дэвид, ни кто-то еще уже не придет. Они посещали его годами, но теперь все кончено. Волшебный свет померк, иллюзии разбились, и он остался один.

Совсем один, пронеслась горькая мысль. Всё — иллюзии. У него никогда не было ничего настоящего. Долгие годы он обманывал себя — весьма охотно и добровольно, — насилия угол у камина творениями своего собственного воображения. Мучаясь одиночеством, не имея возможности видеть и слышать людей, он создал по инопланетной методике существа, способные обмануть любое чувство, кроме осязания.

В общении с ними подводило даже чувство меры.

Странные создания, думал он. Несчастные создания, не принадлежащие ни миру теней, ни миру живых. Слишком человеческие для мира теней и слишком бесплотные для Земли.

Мэри, если бы я только знал заранее... Я никогда бы этого не сделал. Мне самому было бы легче остаться в одиночестве...

Но теперь ничего уже не поправишь. И помочи ждать не откуда.

Однако, встревожился Инек, что это со мной происходит?
В чем дело?

Он совершенно перестал соображать. Пообещал себе спрятаться в помещении станции, чтобы избежать встречи с пьяной толпой, если те явятся к дому, но это невозможно: вечером, едва стемнеет, Льюис должен привезти тело сиятеля.

И если они появятся одновременно, тут черт знает что начнется.

Сраженный этой мыслью, Инек долго стоял в нерешительности. Если он предупредит Льюиса об опасности, тот может не привезти тело. А он просто обязан это сделать. Сиятель должен лежать в могиле до наступления ночи.

Придется рискнуть, решил Инек.

Может быть, толпа еще не нагрянет. А если это все же про-

изойдет, какой-нибудь выход из положения наверняка найдется.

Он что-нибудь придумает.

Должен придумать.

27

В помещении станции по-прежнему стояла тишина. Новых сообщений не поступало, и аппаратура молчала — не слышно было даже приглушенного гудения материализатора.

Инек положил винтовку на стол, бросил рядом стопку газет, затем снял куртку и повесил ее на спинку стула. Пора наконец заняться газетами, напомнил он себе, и не только сегодняшними, но и вчерашними тоже. Да и дневник надо бы привести в порядок, а это займет немало времени. Выйдет, пожалуй, несколько страниц, даже если писать плотно, и события надо излагать четко, последовательно, чтобы все выглядело так, словно о вчерашних событиях он написал вчера, а не день спустя. Нужно описать каждое событие, каждую грань прошедшего и все, что он по этому поводу думает. Так он делал всегда и так же должен сделать сегодня. Ему это неизменно удавалось, потому что он создал для себя как бы особую маленькую нишу — не на Земле, не среди галактических просторов, а в каком-то неопределенном мире, который можно было бы назвать бытием, — и работал там, словно средневековый монах в своей келье. Он был всего лишь наблюдателем. Правда, в высшей степени заинтересованным — его часто не устраивала пассивная роль, и он делал попытки внедриться в наблюдаемое, чтобы его понять, — но тем не менее он оставался именно наблюдателем, никак не вовлеченным в происходящее. Впрочем, осознал вдруг Инек, за последние два дня он этот статус утратил. И Земля, и галактика активно вмешались в течение его жизни, стены кельи рухнули, и он оказался втянутым в самую гущу событий. Теперь он уже не сможет сохранять объективность, не сможет относиться к фактам спокойно, непредвзято, а такое отношение всегда служило ему основой для работы над дневниками.

Инек подошел к полке, вытащил последний том и, перелистнув несколько страниц, нашел то место, где остановился в прошлый раз. До конца дневника осталось лишь несколько чистых листков — видимо, слишком мало, чтобы записать все, что требовалось. Скорее всего, ему не хватит места и придется начинать новую тетрадь.

Стоя с раскрытым дневником в руках, он перечитал последнюю страницу. Запись была сделана позавчера. Всего два

дня назад, но казалось, она повествовала о древних временах, и даже чернила как будто выцвели. Хотя ничего удивительного тут нет, подумалось ему, запись действительно из другой эпохи. Эти строки он написал еще до того, как рухнул его мир.

Что толку продолжать дневник, спросил себя Инек. С записями покончено, потому что они никому уже не нужны. Станцию закроют, его собственная планета затеряется в бездне пространства, и уже не будет иметь никакого значения, останется он здесь или перейдет на новую станцию на другой планете — Земля для галактики все равно потеряна.

Инек в раздражении захлопнул дневник, поставил его на полку и вернулся к столу.

Земля потеряна, думал Инек, и он тоже потерял себя — его одолевают сомнения и негодование. Негодование на свою судьбу (если такая штука вообще существует), на недомыслие — это касалось и Земли, и жителей галактики, — на мелочные ссоры, грозящие остановить шествие галактического братства, которое только-только достигло этого сектора пространства. И на Земле, и во всей галактике количество и сложность техники, высокие мысли, мудрость, эрудиция могут сойти за культуру, но не за цивилизацию. Чтобы стать истинно цивилизованным, обществу требуется нечто большее, чем техническое совершенство и полет мысли.

Инек чувствовал в себе смутное, неосознанное стремление что-то делать — мерять станцию шагами, словно зверь за решеткой, бежать за ворота, кричать изо всех сил, крушить, ломать, чтобы избавиться от гнева и разочарования.

Он протянул руку и взял со стола винтовку. Торопливо выдвинул ящик, где хранились патроны, вытащил коробку и, разорвав картон, выссыпал их в карман. Постоял немного, держа винтовку в руках и прислушиваясь. Тишина, царившая в комнате, казалось, отдается в ушах тяжелым грохотом, но спустя какое-то время он почувствовал ее холодность, унылость и положил винтовку на место.

Какое мальчишество, подумал он, вымешивать свое раздражение и злость на чем-то несущественном. Тем более что серьезных причин для таких эмоций, в общем-то, нет. И в том, как складываются события, тоже нет ничего неожиданного — ему следовало сразу понять это и принять как совершенно естественное явление. К подобным вещам человеку, живущему на Земле, положено бы привыкнуть уже давно.

Инек окинул станцию взглядом: все как будто замерло в ожидании, словно сама станция отсчитывала время до события, которое должно случиться в назначенный ему срок.

Он тихо рассмеялся и снова протянул руку за винтовкой. Нелепое это занятие или нет, оно по крайней мере отвлечет

его, вырвет хоть на время из бурлящего потока проблем.

Да и потренироваться ему не мешает. Он уже дней десять, наверное, не стрелял в цель.

28

Подвал занимал огромную площадь, и дальние его стены таялись в полумраке за рядами огней, что Инек включил, спустившись вниз. Многочисленные туннели и комнаты были вырезаны прямо в камне, вытолкнутом из толщи земли тектоническими силами и ставшем основанием холму.

Здесь стояли массивные баки, заполненные различными растворами для путешественников, предпочитающих жидкую среду, насосы и электрогенераторы, работавшие на неизвестном Земле принципе. А глубоко внизу, под каменным полом, покоялись гигантские цистерны с кислотами и кашеобразной жижей, получившейся из тел существ, что прибыли на станцию, а затем отправились дальше, оставив позади бесполезные оболочки, от которых нужно было просто избавиться.

Миновав баки и генераторы, Инек очутился в длинной, уходящей в темноту галерее. Нашупав выключатель, он зажег свет и двинулся дальше. По обеим сторонам коридора тянулись металлические стеллажи, установленные бесчисленными подарками от путешественников. От пола до потолка полки были буквально забиты разным хламом со всех концов галактики. Впрочем, думал Инек, на самом деле хлама тут мало: все эти вещи, как правило, работали и имели какое-то назначение — или практическое, или эстетическое. Узнать бы только, какое именно. Хотя, конечно, далеко не в каждом случае это может пригодиться землянам.

В конце галереи размещались стеллажи, где экспонаты были разложены более аккуратно — каждый с биркой и номером, индексом по каталогу и датой, соответствующей записи в дневнике. Об этих предметах Инек по крайней мере знал, для чего они предназначены, а в отдельных случаях и каков их принцип действия. Некоторые не представляли из себя ничего особенного, другие обладали громадной потенциальной ценностью, третий на данный момент вообще никак не соотносился с человеческим образом жизни, и был там еще ряд предметов, помеченных красными бирками, — при мысли об этих "сувенирах" Инека каждый раз пробиравала дрожь.

Он двигался вдоль своей выставки напоминаний о былых визитах инопланетян, и его шаги отзывались в галерее гулким эхом.

Наконец галерея привела к большому овальному залу, стены которого были покрыты толстым слоем серого материала, способного улавливать пули и не давать им рикошетировать.

Инек подошел к панели, установленной в глубокой нише, повернул рычажок и быстро прошел в центр зала. Свет погас, затем снова вспыхнул, но теперь Инек оказался уже не в зале, а в каком-то другом, никогда не виданном раньше месте.

Склон невысокого холма, где он стоял, сбегал к медленной, ленивой речке с полузатопленными болотистыми берегами, а на полосе от края болота до подножья холма волнами колыхалась высокая жесткая трава. Ветра не было, но трава все равно колыхалась, и Инек понял, что там рыщут какие-то животные. Со стороны луга доносилось свирепое хрюканье, словно тысячи разозленных боровов дрались там из-за отборных кусков сразу у сотни корыт с помоями. А откуда-то дальше, может быть прямо от реки, слышался монотонный рев, хриплый и усталый.

Инек почувствовал, как шевелятся у него на голове волосы, и выставил винтовку перед собой. Удивительное ощущение не проходило: он чуял опасность, знал о ее присутствии, и в то же время ничто вокруг вроде бы ему не угрожало. Тем не менее Инеку все еще казалось, что сам воздух здесь дышит опасностью.

Он обернулся. Почти вплотную к лугу, окружавшему холм, где он стоял, спускался по склону соседнего холма густой темный лес. За лесом высались на фоне неба темно-лиловые горы. Вершины их таяли в облаках, но, насколько хватал глаз, сохраняли темно-лиловый оттенок, как будто снега на пиках не было вовсе.

Из леса выбежали две отвратительные твари и замерли на краю луга. Они уселись на задние лапы, обмотав их длинными хвостами, и повернули к Инеку ухмыляющиеся морды. Напоминали твари то ли волков, то ли собак, но на самом деле не имели к этим животным никакого отношения. Инек никогда в жизни не видел ничего похожего. Шкуры их блестели под бледным солнцем, словно смазанные жиром, но у шеи мех сходил на нет, и над туловищем, как будто из воротника, торчали голые черепа. Издалека звери выглядели как два старика, накинувших на плечи волчьи шкуры и собравшихся на маскарад. Но картину портили мертвенно-бледные морды и болтающиеся языки, ярко-красные и блестящие.

Из леса не доносилось ни звука. У самого края под деревом сидели только две эти зловещие твари. Они глядели на Инека и молча скалились, раскрывая в ухмылке беззубые пасти. Темный густой лес казался почти черным, а листва

странны отсвечивала, как будто каждый отдельный лист был отполирован до блеска.

Инек снова повернулся к реке и увидел, что у границы травяной полосы появились сразу несколько похожих на жаб страшилищ футов шести длиной и фута в три высотой. Шкуры их напоминали цветом брюхо издохшей рыбы, а над пастью у каждого красовался один огромный глаз. И все эти глаза светились в опускающихся сумерках, словно у крадущегося к добыче кота в луче фонаря.

От реки все еще доносился хриплый рев, а между его раскатами слышалось тонкое, слабое жужжание, сердитое и зловещее, словно где-то рядом вился комар. Инек вскинул голову и увидел в вышине цепочку маленьких точек — с такого расстояния даже нельзя было понять, что там летит.

Инек перевел взгляд на выподзших из травы страшилищ, но тут краем глаза заметил какое-то движение и повернулся к лесу.

По склону холма бесшумно скользили две похожие на волков твари с лысыми черепами. Не бежали, а именно скользили, словно их одним резким ударом выдавили из тюбика.

Инек вскинул винтовку, и приклад словно прирос к плечу, став продолжением тела. Мушка сошлась с прицельной планкой и закрыла морду первого зверя. Прогремел выстрел, но Инек даже не взглянул, попал ли он в цель, и, передернув затвор, прицелился во вторую тварь. Еще один толчок в плечо — зверь подпрыгнул в воздух, перевернулся, упал на землю, проскользнув по инерции чуть вперед, а затем покатился по склону холма обратно вниз.

Инек снова передернул затвор — на солнце блеснула выпетшая гильза — и повернулся к другому склону. Похожие на жаб страшилища оказались уже ближе. Пока Инек стоял к ним спиной, они медленно подползали, но, едва он обернулся, сразу присели и замерли, уставившись на него в упор.

Он сунул руку в карман, достал два патрона и загнал их в магазин.

Рев, доносиившийся от реки, прекратился, но теперь появилось прерывистое хрюканье, и ему никак не удавалось определить, что это и откуда оно исходит. Медленно поворачиваясь, Инек оглядел окрестности: похоже было, что звук доносился со стороны леса, но там абсолютно ничего не двигалось. А в промежутках между приступами хрюканья он все еще слышал жужжание, и теперь оно стало громче. Точки на небе тоже стали больше и двигались уже не цепочкой. Перестроившись в круг, они, похоже, спускались по спирали вниз, но были все еще так далеко, что Инек по-прежнему не мог разглядеть, кого это там несет.

Снова взглянув на страшилищ, он заметил, что те подползли еще ближе. Вскинув винтовку, Инек выстрелил от бедра. Глаз ближайшей к нему твари выплеснулся наружу, словно вода в реке от брошенного камня, но сама тварь даже не дернулась — просто осела, растекшись по земле, как будто на нее наступили и расплющили. Из большой круглой дыры на месте глаза вытекала густая, тягучая жидкость желтого цвета — видимо, кровь.

Остальные страшилища попятились. Медленно, настороженно отступая по склону холма, они остановились, лишь когда оказались у самой границы травяной полосы.

Хрюканье стало ближе, жужжение громче, и теперь Инек уже не сомневался, что хрюканье доносится из-за холмов, заросших лесом. Обернувшись, он наконец увидел, кто же издает этот звук: зловеще похрюкивая и перешагивая через верхушки деревьев, в его сторону двигалось нечто совершенно невообразимое. Черный шар, надувавшийся и опадавший при каждом новом звуке, раскачивался между четырьмя негнущимися тонкими лапами, которые вверху соединялись суставом с четырьмя длинными ходулями, несущими тварь над лесом. Двигалась она рывками и высоко поднимала ноги, чтобы не зацепить массивные кроны, но всякий раз, когда ходуля опускалась, Инек слышал треск сучьев и грохот падающих деревьев.

Он почувствовал, что по спине у него забегали мурашки. Шею закололо, словно, подчинившись древнему инстинкту, короткие волосы на затылке встали дыбом. Но, даже замерев от испуга, он помнил, что один выстрел уже сделан. Пальцы сами нашупали в кармане патрон и загнали его в магазин.

Жужжение стало еще громче, характер звука тоже изменился. Теперь оно приближалось с огромной скоростью. Вскинув голову, Инек увидел, что точки уже не кружат в небе, а одна за другой стремительно падают прямо на него.

Хрюкающий и раскаивающийся шар на ходулях тоже шагал в его сторону, но пикирующие точки двигались быстрее и явно должны были добраться до холма раньше.

Взяв оружие на изготовку, Инек продолжал наблюдать за падающими точками, которые постепенно превращались в устрашающих тварей с торчащими из головы рапирами. Может быть, это кловы, подумал Инек, а сами летающие твари, возможно, птицы, но таких больших, стремительных, смертоносных птиц никто на Земле никогда не видел.

Жужжение перешло в вопль, который становился все пронзительнее, все тоньше и тоньше, пока от звука не заныли зубы, а сквозь него доносилось размеженное, словно удары метронома, хрюканье пробирающегося над лесом черного шара.

Безотчетным движением Инек прижал приклад к плечу,

выжидая, когда летающие монстры окажутся поближе и можно будет стрелять наверняка.

Они падали, как камни, брошенные с высоты, и были гораздо больше, чем казалось поначалу, — огромные смертоносные стрелы, направленные прямо в него...

Винтовка толкнула в плечо. Летучая тварь съежилась, потеряла стремительную, обтекаемую форму и, переворачиваясь, повалилась куда-то в сторону. Передернув затвор, Инек выстрелил еще раз, и закувыркалась вторая "птица". Снова щелкнул затвор, и раздался еще один выстрел. Третья тварь скользнула вбок, потом, болтая обмякшими крыльями, стала падать к реке.

Остальные вдруг прервали стремительное пике, круто развернулись и, отчаянно работая крыльями, похожими на лопасти ветряной мельницы, снова рванулись в небо.

Тут на склон холма упала тень, и откуда-то сверху опустилась рядом могучая колонна. Земля задрожала от тяжелой поступи, а из лужи, скрытой в траве, фонтаном взметнулась грязная вода. Хрюканье перешло в оглушительный рев. Черный шар, раскачивавшийся между ходулями, потянулся вниз, и Инек увидел лицо чудовища — если что-то столь карикатурное и отвратительное вообще можно назвать лицом, — с клювом, пастью-присоской с вытянутыми вперед губами и еще десятком каких-то одинаковых органов, очевидно, глаз. Черный царь — тело существа — висел под перекрестьем лап глазами вниз и обозревал свои охотничьи угодья. Теперь же ходули начали сгибаться в суставах и опускать его к земле, чтобы схватить жертву.

Инек почти не осознавал своих действий, но приклад винтовки то и дело ударял в плечо. Грохотали выстрелы. Ему казалось, будто он стоит в стороне и наблюдает за стрельбой, словно стрелявший человек был кто-то другой.

При каждом попадании от тела чудовища отлетали куски плоти, кожа лопалась большими рваными прорехами, и оттуда вырывались облака мутного тумана, который тут же конденсировался и проливался на землю крупными черными каплями.

Инек в очередной раз нажал на курок, но винтовка отозвалась лишь сухим щелчком: кончились патроны. Впрочем, можно было уже и не стрелять. Высоченные лапы-ходули складывались и вздрагивали, а съежившийся, провисший шар в облаках густого тумана сотрясал конвульсии. Оглушительное хрюканье прекратилось, и в наступившей тишине до Инека донесся дробный шорох черных капель, падающих в траву на склоне холма.

В воздухе стоял тошнотворный, удущливый запах, густые и липкие, как холодное машинное масло, капли падали даже

ему на одежду. Тварь на ходулях накренилась, словно какая-то строительная конструкция, и повалилась на землю.

Окружавший Инека мир тут же растаял и исчез.

Он снова оказался в овальном зале с тусклыми лампами. Сильно пахло пороховым дымом, а на полу вокруг него поблескивали пустые гильзы.

Тренировка закончилась.

29

Инек опустил винтовку и сделал глубокий, осторожный вдох. Возвращаясь в свой, знакомый мир после коротких посещений мира иллюзорного, он каждый раз входил туда медленно, постепенно.

Включая тир, он понимал, что его ожидает иллюзия, и, когда все заканчивалось, у него тоже не возникало на этот счет никаких сомнений. Но события, заключенные между двумя этими мгновениями, казались абсолютно реальными и достоверными.

Когда строилась станция, его спросили, есть ли у него какое-нибудь увлечение — что-нибудь такое, для чего они могли бы оборудовать специальное помещение. Инек сказал тогда, что было бы неплохо построить стрелковый тир, и не ожидал, в общем-то, ничего более сложного, чем длинный коридор, в конце которого перемещаются на цепи жестяные утки или вертится колесо с глиняными трубками. Но это, конечно же, было слишком примитивно для эксцентричных архитекторов и шустрых строителей станции.

Сначала они не понимали, что он имеет в виду, и пришлось объяснять, что такое винтовка, как она действует и для чего используется. Инек рассказал им, как это здорово — выйти солнечным осенним утром в лес и поохотиться на белок, или выгнать по первому снегу зайца из-под куста (хотя на зайцев ходят не с винтовкой, а с охотничьим ружьем), или пострелять осенним вечером енотов, или подстеречь у тропы, ведущей к водопою, оленя. Впрочем, Инек не был до конца откровенен и не стал рассказывать, как еще можно использовать винтовку и как он занимался этим четыре долгих года.

Он поделился с ними своей юношеской мечтой об охотничьей экспедиции в Африку, хотя даже в тот момент понимал, как далеко до ее исполнения. Но после ввода станции в действие ему не раз доводилось охотиться на зверей гораздо более странных, чем самые экзотические животные Африки.

Откуда, с каких планет взялись все эти звери (если только они не плод воображения инопланетян, программирующих ленты, которые воспроизводили охотничьи сцены), Инек не

имел ни малейшего понятия. Он пользовался тиром тысячи раз, но за долгие годы ни сами сцены, ни животные еще никогда не повторялись. Возможно, думалось ему, набор сюжетов когда-нибудь кончится и все начнется сначала, но это его совершенно не беспокоило: едва ли он припомнит в деталях приключения, которые ему довелось пережить так много лет назад.

Инек не понимал технологии и научных достижений, сделавших этот фантастический тир реальностью, но, как и многое другое, просто принимал на веру, не задаваясь лицензионными вопросами и надеясь, что когда-нибудь ему удастся отыскать ключ к двери, ведущей от слепой веры к пониманию — не только удивительного тира, но и всего остального.

Он часто пытался представить себе, что думают инопланетяне об этом его увлечении стрельбой, о древнем инстинкте, заставляющем человека убивать — не ради удовольствия, но ради победы над опасностью, ради стремления противопоставить силе зверя еще большую силу, ответить на коварство хищника мастерством. Может быть, тем самым он дал своим галактическим друзьям повод для переоценки человеческого характера? Что они думают о способности человека провести грань между убийством других форм жизни и существа своего вида? Да и есть ли какое-то убедительное различие между охотой и войной? Особенно для жителей галактики. Ведь животные, на которых человек издавна охотится, ему гораздо ближе, чем большинство инопланетян.

Что такое война? Проявление инстинкта, за которое каждый отдельный человек так же ответствен, как политики или так называемые государственные деятели? Может быть, и не совсем так, но в каждом человеке продолжает жить этот боевой инстинкт, агрессивный дух, стремление обязательно определить, а такие качества, дай им свободно развиваться, рано или поздно приводят к конфликтам.

Инек сунул приклад под руку и подошел к стенной панели. Из щели в самом низу торчал кончик ленты. Он вытянул ее и принялся разбирать условные обозначения. Результаты оказались не слишком утешительными.

Он промахнулся, стреляя в первую атакующую тварь, похожую на волка с лицом старика, и где-то там, в иллюзорном мире, два рычащих хищника уже раздирали окровавленное тело Инека Уоллиса в клочья.

30

Возвращаясь Инек по той же галерее, заставленной подарками инопланетян, словно пыльная мансарда обычного земного дома, куда складывают всякие ненужные вещи.

Лента все еще беспокоила его. Маленький кусочек ленты, который сообщал, что первая пуля прошла мимо цели. Это не часто случалось, потому что тысячи "охотничьих экспедиций" в тире приучили его за долгие годы именно к такой вот стрельбе — навскидку, когда опасность появляется совершенно неожиданно, когда не знаешь, что случится в следующее мгновение, когда действует один только закон — "или ты, или тебя". Может быть, успокаивал он себя, в последнее время он просто не слишком часто тренировался. Да и не было у него никаких серьезных причин заботиться о сохранении формы: стрелял он ради удовольствия, а винтовку брал с собой на утренние прогулки только в силу привычки — как кто-то берет с собой, скажем, трость или палку. Когда эта привычка у него появилась, и оружие было не то, и времена были другие. В те дни никто не удивлялся, если человек, выходя на прогулку, брал с собой ружье. Однако все изменилось, и Инек даже улыбнулся, представив себе, сколько разговоров вызывала эта привычка у людей, встречавших его в лесу.

Почти в самом конце галереи на глаза ему попался громоздкий черный контейнер, торчавший из-под нижней полки. Он его задвинул к самой стене, но контейнер все равно выступал в проход на фут с лишним.

Инек прошел мимо, потом вдруг обернулся. Этот контейнер, вспомнил он, принадлежал сиятелю, что умер у него на станции. Своего рода наследство, оставленное существом, чье тело должны были вернуть в могилу вечером.

Он подошел к полке, прислонил винтовку к стене и, наклонившись, выдвинул контейнер в проход. Когда-то давно, прежде чем перетащить ящик сюда на хранение, Инек заглянул в него, но в то время, вспомнилось ему, содержимое контейнера почему-то не очень его заинтересовало. Теперь же он вдруг почувствовал жгучее любопытство.

Откинув крышки, Инек присел рядом и, ни к чему не присасаясь, обвел взглядом предметы, лежавшие сверху.

Аккуратно свернутый сверкающий плащ — возможно, какое-то церемониальное одеяние. В складках плаща — маленький пузырек, горевший отраженным светом, словно алмаз, выдолбленный изнутри. Рядом лежала гроздь матовых шариков темно-фиолетового цвета, больше всего похожих на обычные шарики для настольного тенниса, из которых кто-то слепил грубое подобие сферы. Только на самом деле они свободно перемещались в пределах этой сферы, словно в контейнере с жидкостью. Вытащить оттуда хотя бы один шарик не удавалось никакими силами, но все они двигались относительно друг друга. Разглядывая фиолетовую гроздь в первый раз, Инек решил, что это, скорее всего, некий калькулятор, хотя утверждать наверняка он бы не стал, поскольку все

шарики выглядели совершенно одинаково и отличить один от другого было просто невозможно. Во всяком случае, человеку. Не исключено, что сиятели могут их отличать, однако он все равно не представлял себе, что это за калькулятор. Математический? Этический? Философский? А может быть, он и ошибается: никто никогда не слышал о калькуляторах для этических или философских проблем. Вернее, на Земле никто не слышал. Возможно, это и не калькулятор вовсе, а что-нибудь другое — допустим, игра.

Будь у него побольше времени, он, может быть, и догадался бы, что это за штука, но ни времени, ни желания тратить его на один-единственный экспонат среди сотен столь же фантастических и загадочных у него не было. Стоит только начать разгадывать что-нибудь одно, как тут же одолевают сомнения: а не тратаешь ли ты свое время на самый незначительный и ненужный экспонат во всей коллекции?

Заваленный многочисленными инопланетными дарами, по большей части непонятными, Инек стал в каком-то смысле жертвой этого музейного изобилия.

Он протянул руку и достал из контейнера сверкающий пузырек, что лежал поверх плаща. Подняв его к глазам, он увидел, что на стекле (или на алмазе?) выгравирована надпись. В свое время Инек выучился читать на языке сиятелей, если не бегло, то по крайней мере вполне сносно, но уже несколько лет он не брал в руки веганских текстов и многое забыл. Путаясь в символах и подолгу задумываясь, он тем не менее сумел перевести надпись на пузырьке: *Принимать при первых признаках заболевания.*

Лекарство! Лекарство, которое нужно принимать при первых симптомах болезни. Но, видимо, эти симптомы проявились так неожиданно, что бывший владелец пузырька даже не успел до него дотянуться и умер.

Чуть ли не с благоговением Инек положил пузырек на место, в маленькое углубление, выдавленное им в ткани плаща. Столь многое отличает их от нас в большом, думал Инек, и в то же время в мелочах мы так похожи, что порой просто пугает. Взять хотя бы пузырек с лекарством, который он только что держал в руке: такую же бутылочку с наклеенным предписанием врача можно купить в любой земной аптеке.

Рядом с гроздью шариков лежала деревянная шкатулка с защелкой на боку. Инек достал шкатулку из контейнера и, откинув крышку, увидел внутри листки материала с металлическим блеском, который сиятели использовали вместо бумаги.

Он осторожно поднял верхний лист, и у него в руках оказалась длинная полоса, сложенная гармошкой. Под ней лежа-

ли другие листки из такого же материала. Инек поднес полоску поближе к глазам, силясь разобрать выцветшие строки.

Моему ..., ... другу. (Хотя на самом деле последнее слово следовало перевести, скорее, как "кровный брат" или, может быть, "коллега"; два прилагательных, стоящих перед ним, Инек вообще не понял.) Текст давался нелегко: написан он был на официальном диалекте веганцев, но в почерке заметно отразилась личность писавшего, и многочисленные росчерки и завитушки скрывали порой истинную форму символов. Инек медленно пробирался от строки к строке. Многое он не понимал, но общий смысл улавливал почти везде.

Автор письма рассказывал о своем пребывании на чужой планете. Или, может быть, на своей, но в каких-то далеких местах. Названия планеты (или этих мест) Инеку никогда не доводилось слышать. Во время своего визита автор совершил некий ритуал (в чем он заключается, понять было невозможно), имевший отношение к его приближающейся смерти.

Инек удивленно перечитал строку еще раз, и, хотя многое оставалось непонятным, фраза "*моя приближающаяся смерть*" сомнений не вызывала. Ошибиться в переводе тут было невозможно, все три слова он узнал без труда.

Далее автор письма советовал своему дорогому другу (?) поступить так же, уверяя, что его ждет душевный покой и ясное понимание пройденного пути.

Больше в письме ничего не объяснялось. Автор просто сообщал, что сделал некие, по его мнению, необходимые приготовления к смерти. Как будто он знал, что смерть уже рядом, но это его не пугало и даже не беспокоило.

После этого (абзацы в письме отсутствовали) рассказывалось о встрече с каким-то другим существом и о беседах на совершенно непонятную для Инека тему. Читая этот отрывок, он просто запутался в незнакомой ему терминологии.

А дальше шел такой текст: *Меня крайне беспокоят посредственные способности* (некомпетентность? непригодность? слабость?) *очередного хранителя* (загадочный символ, который можно было перевести как "Талисман"), *поскольку* (следующее слово, судя по всему, означало длительный отрезок времени), *с тех самых пор, как умер предыдущий хранитель, Талисман используется очень плохо.* Пршло уже (еще один длительный отрезок времени) *с тех пор, как нам удалось найти последнего настоящего (восприимца?), который действительно мог работать с Талисманом.* *Многие проходили проверку, но достойного среди них не оказалось, и по причине отсутствия такового галактика отошла от своих главенствующих жизненных принципов.*

Мы все тут в (святыище? храме?) весьма обеспокоены тем, что без надлежащего единения людей с (несколько непонятных слов) галактика придет к хаосу и (целая строка, которую Инек не смог расшифровать).

Следующее предложение касалось уже новой темы — планов какого-то фестиваля, связанного с едва понятной Инеку формой искусства.

Он медленно сложил письмо и спрятал его обратно в шкатулку, чувствуя себя немного неловко от того, что прочел его и словно бы заглянул без спроса в чужую дружбу. Мы все тут в храме... Возможно, письмо было написано одним из веганских посвященных и адресовано его другу, старому философу. Остальные письма тоже, видимо, от него, и старик сиятель так ими дорожил, что, отправляясь в путешествие, взял с собой.

Плечи у Инека похолодели, и ему показалось, что в галерее потянуло легким ветерком — даже не ветерок, скорее, а какое-то необъяснимое движение в холодном воздухе. Он взглянул в глубь коридора, но все выглядело спокойно. Да и ощущение это уже ушло, словно никакого дуновения и не было. Как будто дух пролетел, подумалось Инеку.

Есть ли у сиятелей духи?

Соотечественники сиятеля на Веге-XXI узнали о том, что он умер, и даже как умер, в тот самый момент, когда это случилось. Точно так же они узнали и о пропаже тела. А о приближении смерти в письме говорилось совершенно спокойно — большинству людей это вряд ли под силу.

Может быть, на самом деле сиятели знают о жизни и смерти что-то такое, о чем люди еще просто не догадываются? Может, где-то, в каких-то галактических хранилищах информации давно уже лежат труды, в которых все это исчерпывающе объяснено?

Есть ли там ответ на загадку жизни?

Возможно, есть. Возможно, кто-то уже знает, в чем смысл и назначение жизни. От этой мысли, от надежды на то, что разумные существа уже решили самое таинственное уравнение Вселенной, на душе становилось спокойнее. А может быть, им известно и какую роль в этом уравнении играет энергия духовности — идеалистическая сестра пространства, времени и всех остальных базовых элементов, из которых состоит Вселенная.

Он попытался представить себе, что значит вступить в контакт с энергией духовности, и не смог. Не исключено, что даже те, кому доводилось испытывать подобные ощущения, не могут передать их словами. Наверное, о них просто невозможно рассказать. В конце концов, человек всю жизнь живет в теснейшем взаимодействии и с пространством, и со

временем, но разве может он передать словами, что это означает или как он это чувствует?

Улисс, очевидно, не сказал ему всей правды. Он говорил о пропаже Талисмана, но ни словом не обмолвился о том, что в последние годы его сила и престиж померкли, поскольку очередной хранитель оказался не в состоянии обеспечить надежный контакт между жителями галактики и энергией духовности. И еще тогда начали ослабевать узы галактического братства, подтачиваемые, словно ржавчиной, несостоятельностью хранителя. То, что происходило сейчас, началось отнюдь не после пропажи Талисмана. Процесс длился гораздо дольше, чем инопланетянам хотелось бы признать. Хотя возможно, большинство из них об этом и не подозревали.

Инек захлопнул шкатулку и вернул ее на место в контейнер. Как-нибудь в другой день, когда у него будет соответствующее настроение, когда ему будет не столь тревожно, а чувство вины за это подглядывание в чужую жизнь притупится, он переведет письма добросовестно и по всем правилам. Он не сомневался, что в письмах сиятелей наверняка найдет какие-то откровения, которые помогут ему еще глубже понять эту удивительную расу и еще выше оценить их человечность – не в том смысле, в каком слово употребляется применительно к жителю Земли, а в более широком, имея в виду, что в основе определения любой расы должны лежать некие правила поведения. Так же как термин "человечность" в его привычном значении определяет расу людей.

Он протянул руку, чтобы закрыть контейнер, но что-то его остановило.

Как-нибудь в другой день... Но вдруг другого дня уже не представится? Видимо, живя на станции, он просто привык думать, что всегда будет "другой день". Здесь дни уходили в прошлое и тянулись в будущее бесконечной чередой. Станция ломала привычную временную перспективу, даря возможность спокойно взглядывать в длинный, а может, и бесконечный поток времени. Но все это может теперь кончиться. Время вдруг сожмется и вернется в свое обычное состояние. Если ему придется покинуть станцию, бесконечная череда будущих дней просто оборвется.

Он снова откинул крышку контейнера, достал шкатулку с письмами и поставил на пол, решив забрать ее с собой на верх и положить где-нибудь с другими ценностями вещами, которые, если придется покинуть станцию, нужно будет вынести в первую очередь.

Если придется покинуть... Вот и ответ на один из мучивших его вопросов. Как-то незаметно для себя самого Инек пришел к окончательному решению, и теперь оставалось только его выполнить.

Но раз это решение принято, тогда он готов и к его последствиям. Оставив станцию, он уже не сможет просить Галактический Центр излечить Землю от войны.

Улисс назвал его представителем Земли. Но может ли он в самом деле представлять ее интересы? Он, человек девятнадцатого века? Имеет ли он право представлять двадцатый? Человечество меняется с каждым поколением очень заметно. А он не только вырос в девятнадцатом веке, но и больше ста лет прожил в особых условиях, совсем не похожих на те, в которых жило все человечество.

Стоя перед контейнером на коленях, Инек размышлял о себе с удивлением и жалостью. Кто он? Человек ли еще? Или безотчетно он впитал в себя столько чужих взглядов, что превратился в некий странный галактический гибрид?

Захлопнув крышку, Инек задвинул контейнер на место под стеллаж. Сунул шкатулку с письмами под мышку, поднялся на ноги и, прихватив винтовку, пошел к лестнице.

31

В углу кухни он нашел несколько пустых картонных коробок, в которых Уинслоу привозил из города заказанные продукты, и начал упаковывать вещи.

Сложеные по порядку дневники заняли целую коробку и половину второй. Туда же, во вторую коробку, Инек уложил двенадцать алмазных графинов, обернув их в несколько слоев старыми газетами. Потом достал из шкафа вегансскую музыкальную шкатулку и, завернув ее в бумагу, упаковал в третью коробку. В четвертую он сложил всю иностранный литературу, что скопилась у него за много лет. В столе не оказалось ничего нужного — кое-какие бумаги, прочая ерунда да еще таблица. Инек скомкал ее и бросил в мусорную корзину.

Заполненные коробки он отнес к двери. Льюис обещал держать грузовик наготове, но, если Инек попросит его о помощи, машина не появится в ту же минуту, пройдет какое-то время. А сложив все ценное заранее, он сможет вынести коробки из дома и дождаться ее снаружи.

Все ценное... Кто будет решать, что тут ценное, а что нет? Дневники и иностранный литература — это, конечно, нужно вывезти в первую очередь. А остальное? Ведь для Земли каждый предмет в доме может представлять интерес, и поэтому надо забирать все. Если будет достаточно времени и если никто не помешает, это вполне реально — вывезти сначала то, что находится в комнате, а затем и то, что хранится в подвале.

Все эти вещи — его, потому что их ему подарили, а значит, он вправе распоряжаться ими по своему усмотрению. Хотя Галактический Центр наверняка может с ним не согласиться и даже попытаться помешать.

Если обстоятельства сложатся именно так, важно успеть передать хотя бы наиболее ценное. Может быть, есть смысл спуститься в подвал и перетащить наверх по крайней мере те вещи, назначение которых он уже знает. Лучше взять предметы, о которых ему хоть что-то известно, чем тащить множество вещей непонятных и, возможно, бесполезных.

Остановившись в нерешительности посреди комнаты, Инек разглядывал свои сокровища. Конечно же, нужно будет взять все, что лежит на кофейном столике, включая и маленькую сверкающую пирамидку, которую привела в действие Люси.

Потом он заметил, что Малыш снова сполз со стола и упал на пол. Наклонившись, Инек взял его на руки. С тех пор как он рассматривал его в последний раз, Малыш отрастил две или три новые шишечки и приобрел нежно-розовую окраску. Раньше он был голубого цвета.

Возможно, подумал Инек, ему не следовало называть его Малышом, поскольку он даже не знал, живая эта штуковина или нет. Трудно представить себе, что жизнь может существовать и в такой форме: не камень, не металл, но что-то очень похожее. Напильник не оставлял на нем никакого следа. Несколько раз Инека подмывало стукнуть по нему молотком и посмотреть, что получится, но почему-то он был уверен, что Малышу все равно ничего не сделается. Он медленно рос и иногда двигался, но совершенно непонятно, каким образом. Стоило забыть о нем, а потом вернуться, и он уже передвинулся — совсем чуть-чуть, но передвинулся. Более того, он чувствовал, когда за ним наблюдают, и в таких случаях лежал неподвижно. Насколько Инек понимал, Малыш ничего не ел, и, соответственно, вокруг него всегда было чисто. Иногда он вдруг менял окраску, но совершенно бессистемно.

Малыша года два назад подарило ему существо, прибывшее с планеты, которая находилась где-то в созвездии Стрельца, и такого гостя Инек, конечно, забыть не мог. Может быть, он и не был ходячим растением, но выглядел именно так: корявый, худосочный куст, которому и земля досталась неважная, и воды вечно не хватало, но он тем не менее вырос, и на его ветвях расцвело множество дешевых браслетов, позякивавших, словно серебряные колокольчики, при каждом движении.

Инек попытался узнать у него, что из себя представляет подарок, но ходячий куст только тряс браслетами, заполняя всю станцию веселым перезвоном, и ничего не отвечал.

Положив Малыша на край стола, Инек забыл о нем, но спустя несколько часов, когда гость давно уже отправился своей дорогой, он заметил, что "камень" лежит на другом краю. Поверить в то, что эта штуковина может двигаться сама, было невозможно, и Инек подумал, что просто не помнит, куда положил подарок. Только спустя два или три дня он все-таки убедил себя, что с памятью у него все в порядке, а "камень" действительно ползает.

Все это нужно будет взять с собой — и Малыша, и пирамидку Люси, и куб, который показывает инопланетные пейзажи, и многое-многое другое...

Инек стоял посреди комнаты, держа Малыша в руке, и только сейчас вдруг задумался: с чего это он уже собирается?

Он действовал так, словно окончательно решил оставить станцию, словно уже выбрал Землю, а не галактику. Но когда и как пришло к нему это решение? Ведь для того, чтобы решить, необходимо осмысливать, оценить варианты, а ничего подобного он не делал. Не взвешивал "за" и "против", не пытался продумать все до конца. Решение пришло к нему само, — решение, казавшееся невозможным, но теперь такое понятное и доступное.

Может быть, неосознанно вобрав в себя странную смесь чужих систем мышления и этических представлений, он, сам того не замечая, обрел способность думать по-новому, принимать решения на подсознательном уровне и эта способность дремала в нем до сегодняшнего дня, пока в ней не возникла необходимость?

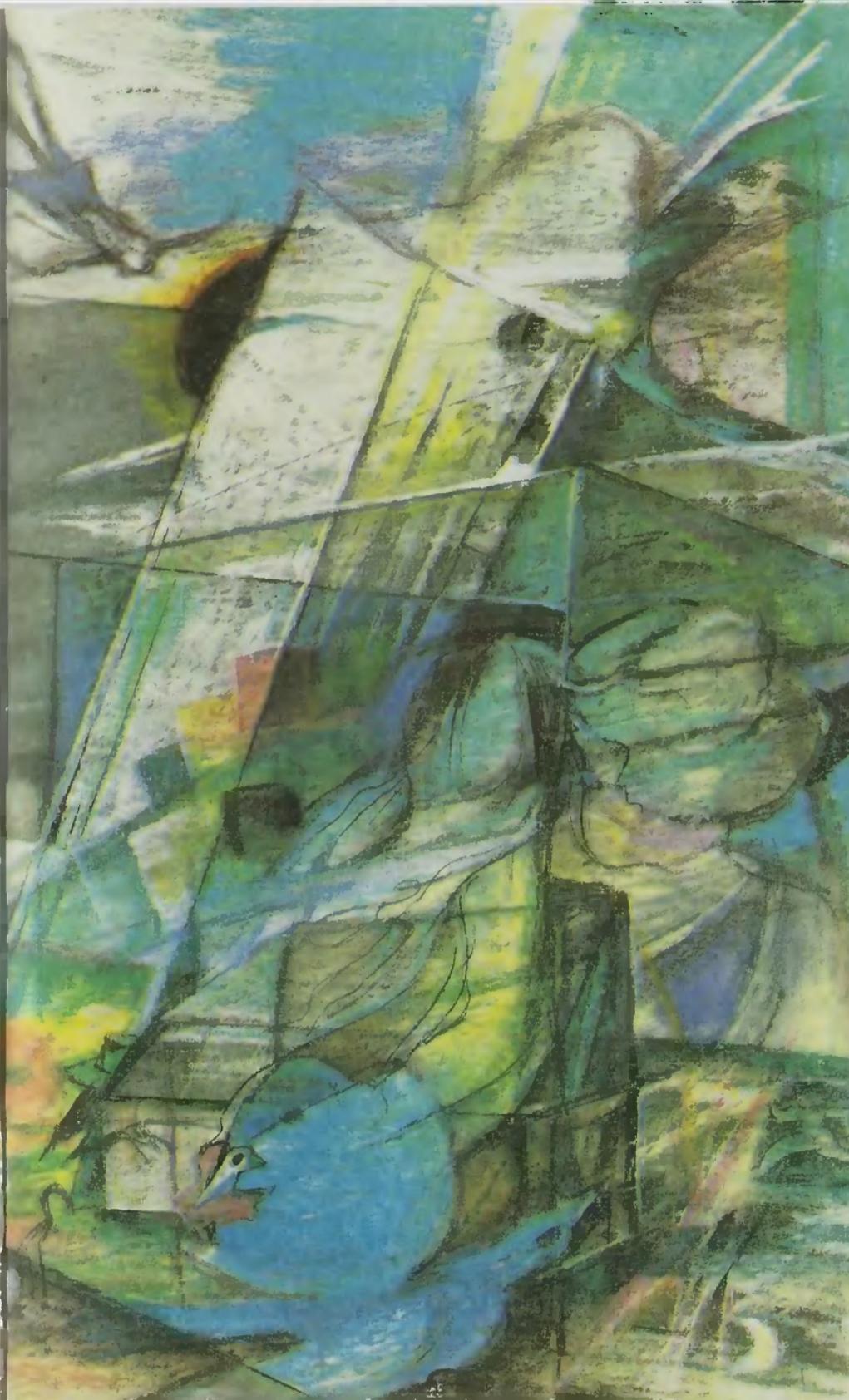
Инек вспомнил про несколько пустых коробок, лежавших в сарае, и подумал, что нужно перетащить их в дом. Потом можно будет спуститься в подвал и заняться предметами, назначение которых ему известно. Он взглянул в окно и с удивлением обнаружил, что времени у него остается мало: солнце уже садилось. Скоро стемнеет.

Поесть он за весь день так и не успел, но решил, что это подождет. Позже можно будет перехватить что-нибудь на ходу.

Повернувшись к столу, чтобы положить Малыша на место, Инек вдруг услышал знакомый звук и замер. Легкий шелест заработавшего материализатора невозможно было спутать ни с чем другим — слишком часто ему доводилось слышать его за годы работы на станции.

И видимо, это служебный материализатор, поскольку без предварительного сообщения никто не мог воспользоваться вторым.

Очевидно, Улисс, подумал Инек. Или кто-то еще из Галактического Центра, потому что Улисс всегда предупреждал его о своих визитах заранее.

Инек сделал шаг вперед, чтобы лучше видеть материализатор, и в этот момент там появился темный силуэт какого-то существа.

— Улисс! — произнес Инек и тут же понял, что это не он.

На мгновение ему показалось, что существо одето в элегантный черный фрак с длинными фалдами, белую манишку и остроконечную шляпу, но он тут же понял, что это огромная крыса с гладкой черной шерстью и острой мордочкой, как у всех земных грызунов, только она ходит на задних лапах. Существо бросило взгляд в его сторону, и Инек заметил красные блестящие глаза. Затем крыса отвернулась, и он увидел, как она достает из висящей на поясе кобуры какой-то отсвечивающий металлическим блеском предмет.

Что-то тут было не так. Прибывшему полагалось по крайней мере подойти, поздороваться со смотрителем. Вместо этого существо лишь зыркнуло на него своими красными глазищами и отвернулось.

Когда оно извлекло металлический предмет из кобуры, Инек понял, что это пистолет или, во всяком случае, какое-то оружие.

Может быть, так они и закрывают станции? Один выстрел, без слов — и смотритель падает на пол. Только Улисса не послали, потому что он не смог бы убить друга.

Винтовка все еще лежала на столе, но он вряд ли успеет ее схватить...

Однако похожее на крысу существо даже не повернулось в его сторону. Оно стояло, глядя в угол. Рука с оружием поднялась...

В голове Инека словно зазвучал сигнал тревоги. Он размахнулся и, непроизвольно вскрикнув, запустил в крысу Мальшом.

До него вдруг дошло, что крыса хочет убить не его, Инека, — она хочет уничтожить саму станцию. Там, в углу, куда крыса собиралась стрелять, не было ничего, кроме комплекса управления — центра станции, ее сердца. Если его уничтожить, станция будет мертва, и, чтобы вернуть ее к жизни, группе специалистов с ближайшей станции придется добираться сюда космическим кораблем, а на это уйдет несколько лет.

Когда Инек вскрикнул, крыса, чуть присев, резко обернулась, и кувыркающийся Мальши попал ей в живот. Не удержавшись на ногах, она отшатнулась к стене и выронила пистолет. Раскинув руки, Инек бросился вперед и еще в прыжке почувствовал исходивший от крысы отвратительный запах. Он обхватил ее руками за туловище и швырнул через комнату. Крыса оказалась вовсе не такая тяжелая,

как он ожидал. Она упала, проскользила по полу и остановилась, врезавшись в кресло. Потом вскочила, расправившись, словно пружина, и рванулась к пистолету.

Инек настиг ее в два прыжка, ухватил сзади за шею и, оторвав от пола, несколько раз тряхнул. Пистолет снова выпал у нее из руки, а висевшая через плечо сумка застучала по волосатой груди, как пневматический молот.

Вонь стояла такая плотная, что казалось, ее вот-вот можно будет увидеть. Инека замутило. Но вонь еще усилилась и стала совсем невыносимой, словно в ноздри Инеку врывался огонь, а по голове лупили палкой. Он расцепил руки и, шатаясь, отскочил назад. Давясь сухим кашлем, он согнулся, поднял руки к лицу, стараясь отогнать от себя эту вонь, прущую в нос, в рот, в глаза.

Сквозь пелену слез он увидел, как крыса схватила с пола пистолет и понеслась к выходу. Кодовой фразы Инек не расслышал, но дверь скользнула в сторону и, выпустив крысу наружу, тут же закрылась.

32

Инек, шатаясь, добрался до стола и оперся о него руками. Отвратительный запах постепенно улетучивался, голова прояснялась, но ему даже не верилось, что все это действительно произошло. Такое просто не могло случиться. Крысо-подобное существо прибыло через служебный материализатор, которым пользовались только сотрудники Галактического Центра. Однако никто из них, Инек был уверен, не повел бы себя так, как этот непрошеный гость. С другой стороны, существо знало кодовую фразу, открывающую дверь, а ее опять же не мог знать никто, кроме самого Инека и сотрудников Галактического Центра...

Протянув руку, Инек взял со стола винтовку. Станция цела, и пока ничего страшного не произошло, подумал он. Если не считать того, что на Земле оказался инопланетянин, а этого допускать нельзя, потому что Земля, как планета, не входящая в галактическое содружество, для инопланетян закрыта.

Он понимал, что должен вернуть крысу на станцию.

Произнеся на ходу кодовую фразу, Инек выбежал из дома и свернулся за угол. Крыса неслась через поле и почти уже достигла леса. Инек со всех ног бросился за ней, но она скрылась за деревьями, когда ему оставалось до них несколько сот футов.

В лесу начало темнеть. Косые лучи заходящего солнца еще касались верхушек деревьев, но внизу уже сгущались

тени. Оказавшись в подлеске, Инек огляделся и заметил крысу в небольшой лощине, где она карабкалась по противоположному склону, пробираясь через заросли папоротника, вымахавшего почти ей по пояс.

Если она будет двигаться в том же направлении, подумал Инек, тогда все в порядке. Дальний склон лощины выходил к каменистой гряде, обрывавшейся с другой стороны отвесными скалами. Место там совершенно изолированное, и хотя выкурить оттуда инопланетянина, если тот решит склониться где-нибудь среди камней, будет нелегко, по крайней мере он окажется в тупике и обратно уже не выберется.

Впрочем, напомнил себе Инек, времени осталось не так много: солнце уже садится, и скоро станет совсем темно.

Он свернулся к западу, чтобы обойти лощину, но старался не упускать мелькавшую за деревьями фигуру из виду. Крыса продолжала взбираться по склону, и Инек прибавил ходу. Теперь он точно знал, что она в ловушке: крыса миновала то место, где еще можно было вернуться и уйти в сторону. Скоро она доберется до гряды, и ей останется только спрятаться там среди обломков скал.

Инек бегом пересек заросшую папоротником поляну и вышел на склон холма в сотне ярдов ниже каменистой гряды. Здесь кустарник рос не так плотно, и лишь кое-где встречались деревья, но мягкий лесной грунт уступил место россыпи мелких обломков камня, что в течение долгих-долгих лет откалывались зимними морозами от скал и скатывались вниз по склону. Пробираться по этим обломкам, покрытым кое-где толстым слоем мха, стало гораздо труднее.

Поднимаясь, Инек обвел взглядом лежащую переди гряду, но инопланетянина нигде не было. Потом он заметил краем глаза какое-то движение и бросился на землю за куст орешника. Оттуда уже, сквозь переплетение ветвей, он увидел на фоне темного неба крысу. Она вертела головой из стороны в сторону, осматривая склон внизу и держа оружие на готовое.

Инек замер, удерживая винтовку в вытянутой руке. Костишки пальцев саднило — ободрал об камни, когда нырнул под куст.

Крыса скрылась за валунами, и Инек медленно подтянул к себе винтовку. Теперь, если представится возможность, можно стрелять.

Но хватит ли у него духу? Осмелится ли он убить инопланетянина?

Ведь тот мог убить его там, на станции, когда Инек чуть не потерял сознание от дикой вони, но не сделал этого и просто скрылся. Может быть, существо было напугано и думало

только о том, как бы убежать? Или оно просто не осмелилось поднять руку на смотрителя станции — точно так же, как и он сам не мог сейчас решиться на убийство?

Инек внимательно оглядел лежащие впереди глыбы, но теперь никакого движения не заметил. Надо подниматься выше, подумал он, поскольку время работает против него, но на руку беглецу. До полной темноты осталось от силы полчаса, и надо успеть закончить это дело: если крысе удастся ускользнуть, потом ее уже не поймаешь.

Но откуда вдруг такое беспокойство по поводу инопланетянина, прорвавшегося на Землю? Вопрос всплыл перед ним, словно его задало взирающее со стороны второе "я" Инека. Разве ты сам не собирался сообщить Земле о населяющих галактику существах? И без разрешения передать своей планете все те инопланетные знания и артефакты, которые оказались в твоем распоряжении? Почему ты остановил инопланетянина, когда тот пытался уничтожить станцию? Ведь это обеспечило бы ее изоляцию на долгие годы. Если бы это произошло, у тебя появилась бы возможность поступить с сокровищами станции по своему разумению. Если бы события развивались своим чередом, все закончилось бы как нельзя лучше.

"Но я не мог, — мысленно выкрикнул Инек. — Разве ты не понимаешь, что я не мог? Не понимаешь?"

Из задумчивости его вывел шорох кустарника слева, и он тут же вскинул винтовку.

Всего в двадцати футах от него стояла Люси Фишер.

— Уходи! — крикнул он, забыв, что она не услышит.

Она, конечно же, не обратила на его крик никакого внимания, потом чуть повернулась влево, взмахнула рукой и указала на каменистую гряду впереди.

— Уходи! Уходи отсюда, — пробормотал Инек, показывая рукой, что ей нужно вернуться.

Люси покачала головой и, пригнувшись, побежала вверх по левой стороне склона. Инек вскочил на ноги и бросился за ней, но в этот момент в воздухе что-то прошкворчало, и вокруг запахло озоном. Он снова упал и немного ниже увидел участок булькающей, исходящей паром земли фута три диаметром, где яростным жаром уничтожило всю растительность, а камни превратило в кипящую жижу.

Лазер, догадался Инек. Лазер, обладающий колоссальной мощностью и довольно узким лучом.

Собравшись с духом, он сделал еще одну короткую перебежку и бросился на землю за бугорком, из которого росли несколько кривых березок.

Над головой опять прошкворчало, полыхнуло жаром, и снова запахло озоном. Земля на другой стороне лощины задымилась. Сверху посыпался пепел. Инек осторожно поднял

голову и увидел, что верхнюю половину березок снесло на-
чисто. С обгоревших пеньков лениво поднимались струйки
дыма.

Неизвестно, что бы инопланетянин мог сделать там, на стан-
ции, но сейчас, похоже, он настроился серьезно. Он понял, что
его загнали в угол, и теперь ему оставалось только убить
противника.

Инек прижался к земле, и тут же в голову пришла мысль о
Люси: успела ли она спрятаться? И что ей здесь понадобилось?
Да еще в такое время? Хэнк опять решит, что ее украли, и
пойдет искать. Что на нее сегодня нашло?

Темнота сгущалась. Последние лучи уходящего солнца цеп-
лялись за верхние ветви деревьев. Из речной долины потяну-
ло прохладой, сочно запахла влажная земля. Где-то пустила
печальную трель птица козодой.

Инек вскочил из-за укрытия и, рванувшись вверх по склону,
добрался до толстого поваленного дерева. Крысы не было
видно, и на этот раз лазерной вспышки не последовало.
Вглядываясь вперед, он решил, что сделает еще две перебеж-
ки — сначала до маленькой кучи камней, а затем прямо к ва-
лунам — и тогда его положение будет гораздо лучше, чем у
прячущейся крысы. Вот только что делать дальше?

Двигаться вперед, видимо, и отлавливать инопланетянина.

Заранее тут ничего не продумаешь. Нужно добраться до
первых валунов и действовать по обстановке, используя лю-
бое укрытие. Только стрелять он все-таки не станет. Придет-
ся ловить его живьем и, если понадобится, силком тащить
упирающегося и визжащего инопланетянина к станции.

Оставалось надеяться, что на воздухе крысе не удастся
использовать против него свой омерзительный запах. Во вся-
ком случае, не так успешно, как это случилось на станции.
И тогда справиться с ней будет гораздо легче.

Инек оглядел нагромождение валунов от края до края, но
не увидел ничего такого, что могло бы указать на спрятавше-
гося инопланетянина. Медленно, осторожно, чтобы не выдать
себя шумом, он приготовился к новому броску, но тут краем
глаза заметил движущуюся тень чуть ниже на склоне хол-
ма. Одним молниеносным движением он перевернулся на спи-
ну, сел и перехватил винтовку, но навести уже не успел. Тень
навалилась на него, прижав к земле, и ладонь с широко рас-
ставленными пальцами зажала ему рот.

— Улисс! — успел выдавить Инек, но инопланетянин только
зашипел, чтобы он молчал.

Улисс осторожно сполз в сторону и убрал руку, затем по-
казал на каменную гряду. Инек кивнул. Улисс подтянулся
поближе, наклонился к Инеку и прошептал в самое ухо:

— Талисман! У него Талисман!

— Талис...?! — воскликнул было Инек, но на полуслове задушил свой возглас, вспомнив, что нельзя выдавать себя шумом.

Сверху загрохотал покатившийся камень, и Инек прижался к земле.

— Ложись! — крикнул он Улиссу. — Ложись! У него лазер!

В этот момент рука Улисса тряхнула его за плечо.

— Инек! Смотри!

Инек рывком поднял голову и увидел на фоне темного неба два сцепившихся силуэта.

— Люси! — закричал он.

Очевидно, она сумела подкрасться. Черт бы ее!.. Пока крыса следила за склоном холма, Люси обошла ее сбоку, тихо подползла ближе и набросилась. В поднятой руке Люси было что-то вроде дубинки — очевидно, старый сломанный сук, которым она собиралась ударить крысу по голове, но та успела схватить Люси за запястье.

— Стреляй! — произнес Улисс упавшим голосом.

Инек вскинул винтовку, но в сгустившейся темноте прицелиться оказалось нелегко. Да и стояли крыса с Люси слишком близко друг к другу.

— Стреляй! — закричал Улисс.

— Не могу. — Инек даже всхлипнул от отчаяния. — Слишком темно.

— Ты должен! — В голосе Улисса зазвучала твердость. — Ты должен рискнуть!

Инек снова прицелился. На этот раз он нашел цель почти без труда и понял, что дело было не в темноте: мешало воспоминание о том первом выстреле, когда он промахнулся, стреляя в фантастическом мире, где бродили над лесом огромные хрюкающие твари на ходулях. Если он промахнется тогда, значит, может промахнуться и сейчас...

Мушка остановилась на голове крысолоподобного существа, но оно качнулось в сторону. Потом обратно.

— Стреляй! — снова крикнул Улисс.

Инек нажал на курок. Раздался сухой треск выстрела. Крыса, наверное, еще целую секунду стояла на камнях, хотя от ее головы осталась только половина, с которой в разные стороны разлетались, словно стремительные насекомые, черные ошметки, едва заметные на фоне потемневшего западного неба.

Выронив винтовку, Инек упал на землю и вцепился пальцами в мягкий мох. От мысли о том, что могло бы случиться, его била дрожь, но тут же накатила слабость, вызванная чувством облегчения и благодарности за то, что этого не произошло, за то, что годы тренировок в его фантастическом тире наконец-то окупились сторицей.

Странно, подумалось ему, как много бессмысленных вещей формирует наши судьбы. Тир предназначался для одной только цели — ублажать смотрителя станции. Казалось бы, совершенно бессмысленное занятие, как билльярд или игра в карты, однако время, что он там провел, выкристаллизовалось в одно это короткое мгновение на склоне холма.

Беспокойство и боль постепенно оставляли его — будто уходили в землю, и в душе воцарялся покой. Покой леса, покой холмов, покой первых тихих шагов наступившей ночи. Небо, звезды и само пространство словно склонились над Инеком, нашептывая о том, что он един с ними, что он тоже частица этого большого мира. На мгновение ему показалось, что он сумел ухватиться за краешек какой-то великой истины, а вместе с истиной к нему пришло успокоение и неведомое ранее ощущение величия жизни.

— Инек, — прошептал Улисс. — Инек, брат мой...

В его голосе Инеку послышался судорожный, взъерошенный вздох. Раньше он никогда не называл землянина братом.

Инек поднялся на колени и увидел над грядой камней мягкий, восхитительный свет, словно там зажег свой фонарик гигантский светлячок. Свет перемещался, спускаясь по камням к ним, а рядом шла Люси — как будто она несла в руке горящую лампу.

Рука Улисса протянулась откуда-то из темноты и сдавила плечо Инека.

— Ты видишь? — спросил Улисс.

— Да, вижу. Что это?

— Это Талисман, — произнес Улисс восхищенно и от волнения немного хрюпло. — А рядом его новый хранитель. Именно такого хранителя мы искали долгие-долгие годы.

33

Привыкнуть к такому просто невозможно, говорил себе Инек, когда они возвращались лесом к станции. Талисман наполнял своим теплым сиянием каждое мгновение его жизни, и хотелось сохранить это ощущение навсегда. Разумеется, Талисман будет рядом не вечно, но он точно знал: ему никогда уже не забыть того, что произошло у него в душе.

Охватившее его чувство не поддавалось описанию: было в нем что-то от материнской любви, и от гордости отца, и от обожания милой сердцу женщины, и от товарищеской верности, и еще многое-многое другое. Это чувство приближало далекое, а сложное делало простым и понятным, оно уносило прочь страх и печаль, хотя в нем самом тоже звучала нотка печали — словно бы от понимания, что никогда в жизни не будет

больше такого возвышенного мгновения, что в следующую секунду оно уйдет безвозвратно и отыскать его уже не удастся. Однако мгновение длилось.

Крепко прижимая к груди сумку с Талисманом, Люси шла между ними, и, глядя на нее, Иnek невольно представлял себе маленькую девочку с любимым котенком на руках.

— Наверное, уже несколько веков — а может быть, и вообще никогда — не светился Талисман так ярко, — проговорил Улисс. — Я, во всяком случае, такого не припоминаю. Замечательно, да?

— Замечательно, — ответил Иnek.

— Теперь мы снова станем едины, — сказал Улисс. — Снова почувствуем, как на самом деле близки. И снова будет не много народов, а одно галактическое содружество.

— Но это существо, которое...

— Хитрый негодяй, — сказал Улисс. — Он хотел получить выкуп за Талисман.

— Значит, Талисман все-таки был украден?

— Мы еще не знаем всех обстоятельств этой истории, но, разумеется, узнаем.

Какое-то время они шли молча. Далеко на востоке появились над верхушками деревьев первые отсветы поднимающейся луны.

— Я одного не понимаю... — начал было Иnek.

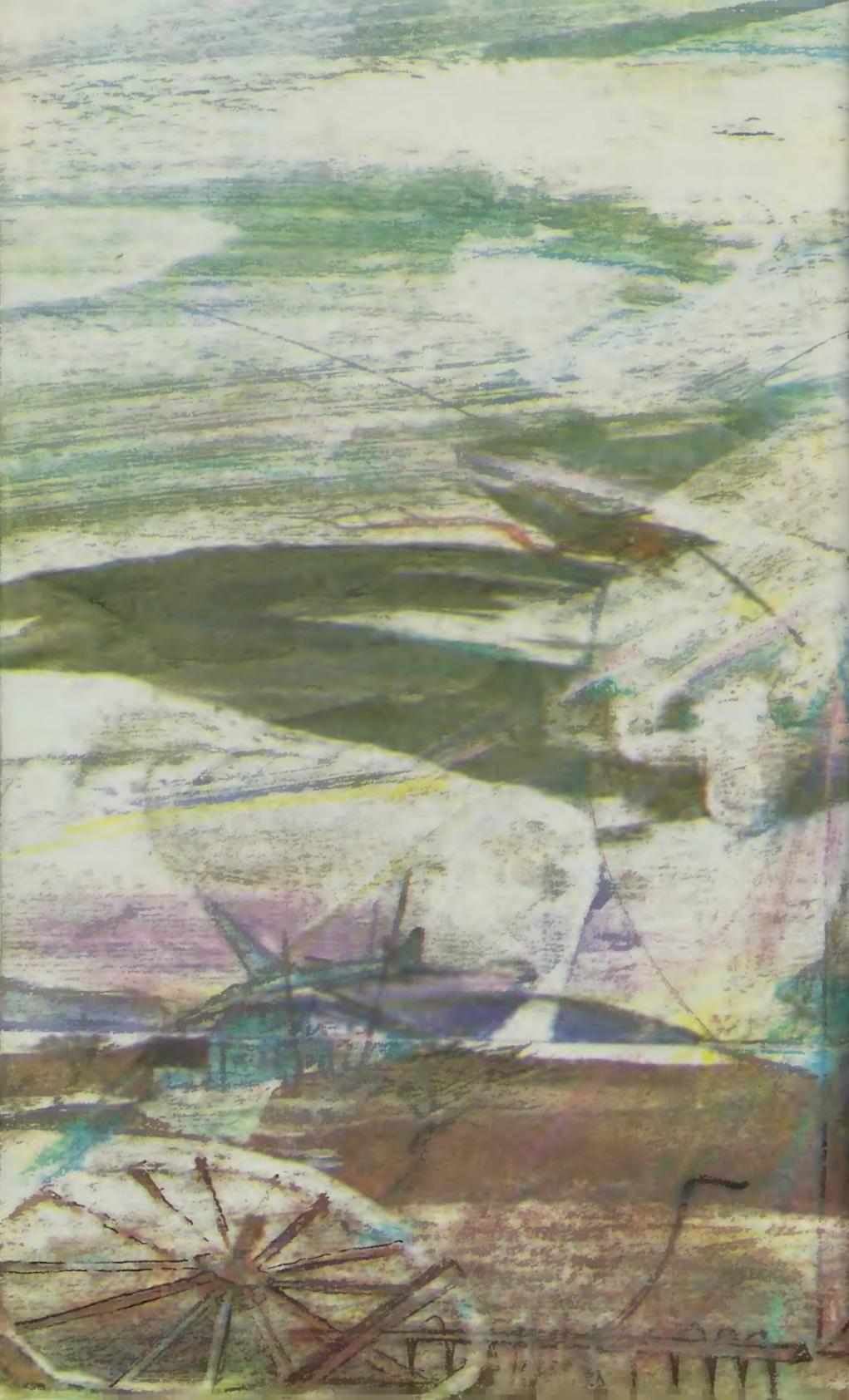
— Спрашивай.

— Как могло это существо носить с собой Талисман и не чувствовать его? Ведь если бы оно чувствовало, разве пришло бы ему в голову украсть Талисман?

— Среди многочисленных жителей галактики попадается лишь один на несколько миллиардов, кто способен... как бы это вернее сказать?.. настроить Талисман, привести его в действие. На меня или на тебя он просто не отреагирует. Но стоит этому одному существу прикоснуться к Талисману, как он тут же оживает. Нужна особая восприимчивость, которая связывает машину с резервуарами вселенской энергии духовности. Дело не в самой машине — она лишь помогает избранным существу дать нам возможность ощутить энергию духовности.

Машина, аппарат, инструмент — технологический родственник мотыги или гаечному ключу, но как же далеки они друг от друга! Как человеческий мозг от первой аминокислоты, зародившейся на Земле, когда эта планета еще была молода. Можно даже сказать, что это предел эволюции инструмента, последняя вершина, выше которой уже не подняться. Впрочем, это неверное заключение — скорее всего, развитию нет предела, а значит, последней вершины тоже нет; едва ли наступит время, когда какое-то существо или группа существ остано-

вится в своем развитии у определенной точки и скажет: "Все. Дальше мы не пойдем. В этом нет смысла". Ведь каждый шаг вперед открывает в свою очередь множество новых возможностей, множество новых путей, и следующий шаг по одному из них снова открывает новые дороги. И нет им конца...

Они добрались до края поля и пошли напрямик к станции. Откуда-то спереди послышались быстрые шаги — кто-то бежал им навстречу.

— Инек! — донесся из темноты знакомый голос. — Инек, это ты?

— Да, Уинслоу. Что случилось?

Почтальон подбежал ближе и, переводя дух, остановился за кругом света, падающего от Талисмана.

— Инек, они все-таки собрались! Погрузились в две машины и едут. Но, надеюсь, мне удалось их задержать. В том месте, где начинается грунтовая дорога к твоему дому, я высыпал в колеи фунта два кровельных гвоздей, и на какое-то время они там застрянут.

— Кровельных гвоздей? — недоумевающе спросил Улисс.

— Толпа, — пояснил Инек. — Они собираются расправиться со мной. А гвозди...

— Понятно, — сказал Улисс. — Чтобы проколоть шины...

Уинслоу шагнул ближе, пристально глядя на светящийся сквозь ткань сумки Талисман.

— Это Люси Фишер, да?

— Точно, — ответил Инек.

— Ее стариk только что примчался в город и начал вопить, что она опять исчезла. Там все вроде бы уже поутихло, но Хэнк их снова накрутил. Я послушал-послушал и двинулся в скобяную лавку. Прихватил гвоздей и успел сюда раньше них.

— Толпа? — снова переспросил Улисс. — Я не...

— А этот тип, что искал женьшень, ждет тебя у дома, — перебил его Уинслоу, захлебываясь от желания поскорее рассказать все, что ему известно. — У него там грузовик.

— Это Льюис с телом сиятеля, — пояснил Инек Улиссу.

— Он, по-моему, здорово расстроен, — добавил Уинслоу. — Говорит, ты должен был его ждать.

— Может быть, нам не стоит тогда задерживаться, — сказал Улисс. — Я не все понимаю, но догадываюсь, что назревает некий кризис.

— Послушай, что здесь происходит? — удивленно спросил Уинслоу. — Что это за штука у Люси в руках? И кто это стоит рядом с тобой?

— Потом, — сказал Инек. — Я все объясню тебе потом. Сейчас не до объяснений — надо спешить.

— Но, Инек, сюда направляется пьяная толпа...

— Когда они появятся, я и с ними разберусь. А сейчас есть более важное дело.

Продираясь сквозь бурьян, вымахавший местами по пояс высотой, все четверо бегом поднялись по склону. Впереди, на фоне ночного неба, темнело угловатое здание станции.

— Они уже у поворота! — задыхаясь, крикнул Уинслоу. — Я только что видел, как там мелькнул свет фар.

Инек, а за ним и остальные вбежали в ворота и, не сдавляя шага, бросились к дому. В отсветах Талисмана уже можно было разглядеть массивный кузов грузовика. От темного силуэта машины отделилась фигура человека и заторопилась им навстречу.

— Уоллис, это вы?

— Да, — ответил Инек. — Извините, что меня не оказалось на месте.

— Я, признаться, расстроился, когда понял, что вас тут нет.

— Непредвиденные обстоятельства, — коротко сказал Инек. — Мне срочно потребовалось отлучиться.

— Тело почтенного мыслителя в машине? — спросил Улисс. Льюис кивнул.

— К счастью, нам удалось его вернуть.

— Через сад тело придется нести, — сказал Инек. — Машина туда не пройдет.

— В прошлый раз тело нес ты, — произнес Улисс.

Инек кивнул.

— Друг мой, я надеялся, что сегодня ты доверишь мне эту почетную обязанность...

— Конечно, — ответил Инек. — Думаю, и он не стал бы возражать.

На язык просились другие слова, но Инек сдержался, решив, что было бы неуместно благодарить Улисса за то, что он снял с него тяжкую необходимостьносить покаяние перед умершим.

— Они уже идут, — пробормотал Уинслоу, стоявший рядом. — Я слышу на дороге какой-то шум.

И действительно, со стороны дороги доносился звук шагов, неторопливых, уверенных, точно поступь чудовища, которому незачем спешить — жертва все равно никуда не денется. Инек стал лицом к воротам и вскинул винтовку.

За его спиной заговорил Улисс:

— Наверное, будет правильнее и достойнее похоронить его при полном свете нашего возвращенного Талисмана...

— Она тебя не слышит, — сказал Инек, не оборачиваясь. — Ты забыл, что Люси глухонемая. Надо ей показать.

Не успел он договорить, как все окружающее пространство озарилось вдруг ослепительным сиянием. Со сдавленным возгласом удивления Инек повернулся к своим товарищам и

увидел, что сумка, где хранился Талисман, лежит у ног Люси, а сама она гордо держит над головой маленькое солнце, заливающее светом и двор, и древний дом, и даже край поля.

Стало так тихо, будто весь мир затаил дыхание и замер, встревоженно ожидая страшного грохота, который вот-вот должен прокатиться по земле, но его все не было и не было.

А вместе с тишиной пришло устойчивое ощущение мира и спокойствия, заполнившее каждую клеточку каждого живого существа вокруг. Не просто мир, который объявили и кому-рому пока позволяют оставаться, нет, — настоящий, прочный мир, покой в мыслях, какой приходит вместе с закатной прохладой после долгого жаркого дня или с теплым призрачным сиянием весенней зари. Мир в душе и вокруг, достигающий самых дальних пределов бесконечности; устойчивый, надежный мир, который сохранится до последнего дыхания вечности...

Опомнившись, Инек медленно повернулся к полю и увидел на границе освещенного участка серые силуэты людей, сбившихся в кучу, словно стая присмиревших волков в слабых отблесках костра. Пока он смотрел, люди по одному таяли в темноте и исчезали в том же направлении, откуда пришли. Вскоре скрылись все, кроме одного, который вдруг сорвался с места и бросился вниз по склону холма к лесу, подывая от ужаса, как испуганная собака.

— Это Хэнк побежал, — заметил Уинслоу.

— Жаль, что мы его напугали, — серьезным тоном произнес Инек. — Никто не должен этого бояться.

— Он сам себя боится, — сказал почтальон, — потому что живет со страхом в душе.

Видимо, он прав, подумал Инек. Человек всегда был таким. Человек долго жил со страхом и больше всего на свете боялся самого себя.

34

Все пятеро стояли у невысокого земляного холмика. Беспокойный ветер шелестел в ветвях залитого лунным светом яблоневого сада, а где-то вдалеке у реки переговаривались в серебряной ночи птицы козодои.

Инек попробовал прочесть надпись, выбитую на грубо отесанном камне, но лунного света не хватало. Впрочем, он и так помнил ее наизусть:

Здесь лежит гость с далекой звезды, но эта земля ему не чужая, ибо, умерев, он вернулся в большую Вселенную.

“Ты, когда писал эти строки, думал, как мы”, — сказал ему посланник с Веги-XXI всего днем раньше. Инек тогда ничего ему не ответил, но сиятель был не прав, потому что суж-

дение это не только веганское, но и вполне земное.

Язык сиятелей — не самый легкий на свете, и, выбивая зу-
билом слова, Инек допустил две или три ошибки. Но камень
был гораздо мягче мрамора или гранита, которые обычно
используют в таких целях, и неумело сделанную надпись вряд
ли ждала долгая жизнь. Через несколько десятков лет солн-
це, дожди и морозы раскрошат выбитые на плите символы,
а спустя еще такой же срок они исчезнут вовсе, и там, где бы-
ли слова, останутся лишь шероховатые выступы. Но слова
все равно сохранятся — если не на камне, то в памяти.

Инек взглянул на Люси, стоявшую по другую сторону мо-
гилы. Талисман вернулся в сумку, и свечение стало немного
слабее, но Люси по-прежнему прижимала его к груди, и на
лице ее сохранялось все то же восторженное, отрешенное вы-
ражение, словно она жила уже не в этом мире, а в каком-то
другом измерении, где, кроме нее, не было никого, где не
существовало прошлого.

— Ты думаешь, она пойдет с нами? — спросил Улисс. — Я
имею в виду, мы сможем взять ее с собой в Галактический
Центр? Земля отпустит?..

— Земли это не касается, — сказал Инек. — Мы свободные
люди, и она сама решит, как ей поступить.

— Как по-твоему, она согласится?

— Думаю, согласится. Мне кажется, этого дня Люси ждала
всю свою жизнь. Может быть, она предчувствовала его даже
без Талисмана.

Она и вправду жила словно в каком-то особом мире, недос-
тупном всему остальному человечеству. Что-то было в ее
душе такое, чем не обладал ни один другой житель Земли. Это
всегда чувствовалось, хотя не поддавалось описанию. Ей очень
хотелось использовать свой дар, и она пробовала — слепо, не-
уверенно, неумело. Заговаривала бородавки, лечила бабочек,
бог знает что еще делала.

— А ее отец? — спросил Улисс. — Тот, что убежал от нас с
криками?

— С Хэнком я договорюсь, — сказал Льюис. — Мы с ним
хорошо знакомы.

— Ты хочешь взять ее с собой в Галактический Центр пря-
мо сейчас? — спросил Инек.

— Если она согласится, — ответил Улисс. — И надо срочно
сообщить им радостную весть.

— А из Центра в путешествие по всей галактике?

— Да. Она нам очень нужна.

— А нам вы ее одолжите на денек-другой?

— Одолжить?..

— Ну да, — сказал Инек. — Земле Люси тоже нужна. Просто
необходима.

— Конечно, — сказал Улисс, — однако...

— Льюис, — перебил его Иnek, — как вы полагаете, сможем ли мы уговорить кого-нибудь в правительстве — например, государственного секретаря — включить Люси Фишер в состав делегации на мирную конференцию?

Льюис начал что-то говорить, поперхнулся, потом наконец выговорил:

— Думаю, это можно будет организовать...

— Представляете себе, какой эффект произведет девушка с Талисманом за столом переговоров!

— Кажется, представляю, — сказал Льюис, — но государственный секретарь непременно захочет поговорить с вами, прежде чем объявить о своем решении.

Иnek повернулся к Улиссу, но тот понял его и без вопроса.

— Конечно. Дайте мне знать когда, и я тоже с удовольствием поучаствую в разговоре. Кстати, можете передать уважаемому секретарю, что было бы неплохо сразу приступить к формированию всемирного комитета.

— Какого комитета?

— По вопросу вступления Земли в галактическое содружество. Разве это дело, если хранитель Талисмана будет с неприсоединившейся планеты?

35

У края скалы, что возвышалась над рекой, деревьев было совсем мало, и камни, лежавшие под открытым небом, белели в лунном свете, словно огромный скелет какого-то доисторического зверя.

Иnek остановился у большого валуна и взглянул на мертвого инопланетянина, лежавшего темным комом среди каменных глыб.

Жалкий неудачник... Умереть так далеко от дома, и, главное, ради чего?

Впрочем, отчего же жалкий? В его мозгу, теперь уже безвозвратно погибшем, зародился колоссальный план — нечто сравнимое с планами Александра, Ксеркса или Наполеона, циничная мечта о беспредельной власти, требующая осуществления любой ценой, мечта столь грандиозная, что она просто вытеснила все другие моральные соображения.

Иnek попытался представить себе такой план и понял, что это ему не под силу: слишком многое он не знал о галактике, слишком многое не понимал.

Тем не менее что-то в этом плане не сработало. Ведь ясно, что Земля там не учитывалась — разве что в качестве запасного варианта, укромного уголка, где можно отсидеться в слу-

чае непредвиденных осложнений. Лежащее среди камней существо привела сюда последняя, отчаянная попытка скрыться, однако и это ему не удалось.

Но вот ирония судьбы — беглец с украденным Талисманом попал буквально к порогу дома настоящего восприимца, хотя вряд ли кому пришло бы в голову искать восприимца здесь, на Земле. Вспоминая недавние события, Инек уже не сомневался, что Люси каким-то образом почувствовала присутствие Талисмана, и ее потянуло к нему, как иголку к магниту. Она, наверное, ничего больше и не осознавала, кроме того, что Талисман рядом, что он непременно нужен ей, что это именно то, чего она ждала всю свою одинокую жизнь, не понимая, чего ждет, и не надеясь найти. Как ребенок, который вдруг замечает на рождественской елке сверкающий шар и, решив, что на свете нет ничего прекрасней, хочет во что бы то ни стало им завладеть.

Должно быть, думал Инек, это существо обладало и значительными способностями, и большой изобретательностью. Иначе ему вряд ли удалось бы украсть Талисман, долгие годы скрывать его от всех и проникнуть в секреты Галактического Центра. Но разве стало бы это возможно, если бы Талисман действовал в полную силу, размышлял Инек. Если бы Талисман действовал в полную силу, ни у кого бы просто не возникло мысли о допустимости подобного шага и не расцвела бы так пышно алчность, побудившая к краже.

Однако теперь все это позади. Талисман нашелся, и, что не менее важно, у него появился новый хранитель — глухонемая девушка с Земли. А на самой Земле будет мир, и со временем она присоединится к галактическому содружеству.

И никаких теперь проблем, и не надо ничего решать. Люси избавила от необходимости принимать решения сразу всех. Станция теперь никуда не денется. Можно будет распаковать коробки и поставить дневники обратно на полки. Теперь он может вернуться на станцию и заняться своей обычной, будничной работой.

"Прости, — мысленно проговорил Инек, обращаясь к мертвому инопланетянину. — Я очень сожалею, что именно моя рука оборвала твою жизнь".

Он повернулся и пошел к обрыву, где далеко внизу, у подножья скалы, несла свои воды река. Постоял немного, держа винтовку в поднятой руке, а затем швырнул ее изо всей силы вперед и долго смотрел, как она падает, медленно переворачиваясь и поблескивая сталью в лунном свете. Река приняла ее с еле заметным всплеском, но до вершины скалы по-прежнему доносилось только удовлетворенное журчание воды, перетекающей по камням у подножья и упльывающей в какие-то далекие края.

Теперь на Земле установится мир, подумал Инек. Войны уже не будет. Если за столом переговоров на конференции будет Люси, ни у кого и мысли не возникнет о войне. Даже если кто-то не выдержит живущего в душе страха — страха, который окажется настолько сильным, что он заслонит красоту и покой, даруемые Талисманом, — даже тогда войны все равно не будет.

Но человечеству предстоит пройти долгий путь, прежде чем подлинный, прекрасный мир поселится в каждом сердце.

Настоящий мир не наступит, пока будет скулить от страха (любого страха) хотя бы один человек. Род человеческий не добьется мира, пока не выбросит оружие (любое оружие) последний его обладатель. И винтовка, подумалось Инеку, далеко не самое страшное оружие из того, что создано на Земле, — можно сказать, это наименее жестокое проявление человеческой бесчеловечности, скорее, символ оружия по сравнению с другими, более смертоносными его видами.

Он стоял на краю скалы, глядя на речную долину и темнеющий в ночи лес. Рукам словно чего-то не хватало без винтовки, но Инек чувствовал, что всего несколько минут назад вступил в новую полосу времени, как будто закончилась целая эпоха и он оказался в совершенно ином мире — новом, чистом, не замаранном прежними ошибками.

Внизу текла река, но реке было все равно. Ей безразлично, что происходит в мире. Она примет и бивень mastодонта, и череп саблезубого тигра, и скелет человека, и мертвое, пропитавшееся водой дерево, и камень, и винтовку, — примет, занесет илом или песком, спрячет и потечет дальше.

Миллион лет назад здесь, возможно, не было реки, а спустя еще миллион лет снова не будет, но и через миллион лет здесь будет Человек или, во всяком случае, какое-то существо, которому не безразличен мир. В этом, наверно, и заключено великое таинство Вселенной — в существовании тех, кого что-то заботит.

Инек повернулся и не спеша побредил обратно, пробираясь между валунами. В опавшей листве шуршали маленькие ночные зверушки, и один раз до него донесся сонный вскрик разбуженной птицы. Лес стоял, окутанный покоем и уверенностью того теплого света, что дарил Талисман, — не такого, конечно, яркого и завораживающего, как от самого Талисмана, но отблески его словно еще жили здесь.

Выйдя из леса, Инек двинулся через поле по склону холма, на вершине которого темнело прямоугольное здание станции. Только теперь оно казалось ему не просто станцией, но еще и домом. Много лет назад это действительно был всего лишь дом, потом он превратился в галактическую пересадочную станцию, а сейчас стал и станцией, и снова домом.

Дома стояла тишина — даже немного пугающая тишина. На столе горела лампа, а среди безделушек на кофейном столике по-прежнему вспыхивала огнями маленькая пирамидка, сложенная из шариков. Почему-то она напомнила вдруг Инеку хрустальные шары, с помощью которых в двадцатые годы превращали танцевальные залы в настоящие волшебные замки. Маленькие мерцающие всполохи бегали по всей комнате, словно веселые разноцветные светлячки.

Инек прошел в комнату и остановился в нерешительности. Чего-то не хватало, и он тут же понял, в чем дело. Все эти годы он первым делом вешал винтовку на крючья или клал ее на стол. Но теперь винтовки не стало.

Что ж, сказал он себе, пора браться за работу. Для начала надо распаковать коробки и убрать все на место. Потом дополнить дневник, просмотреть нечитанные газеты и журналы. Дел достаточно.

Улисс и Люси отбыли часа два назад в Галактический Центр, но Инек так живо чувствовал Талисман, словно он все еще оставался на станции. Хотя, может быть, подумал Инек, дело и не в станции вовсе, а в нем самом, в душе. Может быть, это ощущение останется в нем теперь навсегда, где бы он ни оказался.

Он не спеша прошел по комнате и сел на диван. Прямо перед ним разбрызгивала фонтаны света пирамидка. Инек протянул было к ней руку, но потом передумал. Что толку? Если за долгие годы ему так и не удалось разгадать ее секрет, почему это должно произойти сейчас?

Милая вещица, но бесполезная.

Интересно, как там Люси, подумал Инек, и тут же ответил сам себе: наверняка с ней ничего теперь не случится.

А ему надо снова работать, а не рассиживаться. Дел полно. Да и время его отныне уже не будет принадлежать ему одному, потому что Земля вот-вот постучится в дверь. Конференции, встречи и тому подобное... Через несколько часов здесь уже, возможно, появятся газетчики. Впрочем, Улисс обещал вернуться помочь, и, может быть, с ним прибудут другие инопланетяне.

Сейчас он чего-нибудь поест, а потом примется за работу. Если не ложиться спать, можно много успеть.

Одинокими ночами так хорошо работает... А сейчас ему и в самом деле одиноко, хотя именно сегодня одиночеству положено бы отступить — ведь теперь все изменилось. Теперь у него есть и Земля, и галактика, и Люси, и Улисс, и Уинслоу, и Льюис, и старый философ-веганец, что спит под каменным надгробьем.

Инек поднялся, прошел к столу и, взяв в руки статуэтку, которую подарил ему Уинслоу, принялся рассматривать ее, медленно поворачивая в свете лампы. В деревянной фигурке человека тоже чувствовалось одиночество — теперь он это увидел, — одиночество путника, шагающего бесконечно долгой дорогой.

Но ведь по-иному и быть не могло. Он должен был идти один. Выбирать тут не приходилось, потому что этого требовала работа. И теперь она... нет, не закончена, поскольку сделать нужно еще очень много. Но закончилась ее первая часть, и уже начинается вторая.

Он поставил статуэтку на место и вспомнил, что не успел отдать Уинслоу кусок древесины, который привез ему путешественник с Тубана. Кстати, теперь можно будет рассказать ему, как здесь оказались все эти деревяшки. Они могут даже вместе пройтись по дневникам и выяснить, когда и откуда попала на Землю каждая из них. Уинслоу это занятие наверняка понравится.

Инек услышал шорох шелка и резко обернулся.

— Мэри! — воскликнул он.

Она стояла на границе падающего от лампы света, и всполохи, разбрасываемые пирамидкой, делали ее похожей на скальную фею. Да, пронеслось у него в голове, именно так, потому что утерянная сказочная страна вдруг вернулась обратно.

— Ячувствовала, что должна прийти, — сказала Мэри. — Тебе было одиноко, Инек, и я не могла не вернуться.

Да, не могла. Возможно, так оно и есть. Очевидно, создавая ее образ, он невольно запрограммировал в нее стремление быть рядом с ним, когда ему одиноко.

Ловушка, подумал он; ловушка, из которой ни он, ни она не могут вырваться. Вместо свободы воли — абсолютная точность механизма чувств, им же самим и созданного.

Ей не следовало возвращаться, и, наверное, она знала это не хуже его, но ничего не могла с собой поделать. Неужели так будет вечно?

Инек стоял неподвижно, словно окаменев: всей душой он рвался к ней и в то же время остро осознавал ее иллюзорность.

Первой сделала шаг в его сторону Мэри. Вот она уже близко и сейчас должна остановиться — ведь ей так же, как и ему, известны правила игры и так же больно признавать, что она всего лишь иллюзия.

Но Мэри не остановилась и подошла так близко, что Инек уловил исходивший от нее легкий запах яблоневого цвета. Она протянула руку и коснулась его запястья.

Не сделала вид, а на самом деле коснулась! Он почувствовал прикосновение ее пальцев, их прохладу.

Инек стоял неподвижно, и ее рука лежала на его руке.
"Всполохи света! — догадался он. — Пирамидка, сложенная из шариков!"

Ну конечно же! Инек сразу вспомнил, кто подарил ему эту игрушку — путешественник с одной из тех планет в системе Альфарда, где обитали чудотворцы. С помощью их книг он и освоил искусство сотворения иллюзий. Путешественник хотел помочь ему и подарил пирамидку, а он тогда не понял ее назначения. Вернее, они не поняли друг друга, что, в общем-то, случается нередко. В галактическом Вавилоне очень легко ошибиться или просто не найти нужных знаний.

Пирамидка оказалась несложным, но очень занятным механизмом — своего рода фиксатором, превращавшим иллюзию в реальность. Нужно лишь придумать что-то, а затем включить пирамидку, и созданное воображением становится таким же реальным, как окружающий мир.

Только себя все равно не обманешь, потому что иллюзия всегда остается иллюзией...

Инек потянулся к Мэри, но она отпустила его руку и медленно шагнула назад. В комнате повисло тяжелое молчание — ужасное, пронзительное молчание одиночества. Шарики в пирамидке продолжали вращаться, разбрасывая радужные огоньки, и по стенам все так же бегали, словно юркие мыши, цветные всполохи.

— Прости, — сказала Мэри, — но это все равно бессмысленно. Самих себя не обмануть.

Инек стоял, не в силах вымолвить слово.

— Я так ждала... Мечтала и надеялась, что когда-нибудь это произойдет.

— Я тоже, — произнес Инек. — Хотя я никогда не думал, что такое возможно.

Видимо, в этом-то все и дело. Пока ничего подобного не могло случиться, оставалась возможность предаваться романтическим мечтам о далеком и недоступном. Да и романтическими они казались только потому, что были несбыточными.

— Словно ожившая кукла... — проговорила Мэри, — или любимый плюшевый мишка. Прости, Инек, но нельзя же любить куклу или плюшевого мишку, которые вдруг ожили. Ты всегда будешь помнить, как было раньше: кукла с глупой нарисованной улыбкой, медведь с торчащей из шва ватой...

— Нет! — вскричал Инек. — Нет же!

— Мне жаль тебя, — сказала Мэри. — Тебе будет нелегко. Но я ничем не могу помочь. Тебе предстоит долгая жизнь наедине со своими воспоминаниями.

— А как же ты? Что ты собираешься делать?

Не у него, а у Мэри хватило духу признать истинное положение вещей, посмотреть правде в лицо.

Но как она смогла почувствовать, понять?

— Я уйду, — ответила Мэри. — И никогда больше не вернусь. Даже когда буду очень нужна тебе. По-другому не получится.

— Но ты не можешь уйти. Мы с тобой в одной ловушке.

— Как странно все случилось, — сказала она. — Мы оба оказались жертвами иллюзии.

— И ты тоже?

— И я. Точно так же, как ты. Ведь ты не можешь любить куклу, а я не могу любить мастера, ее изготовившего. Раньше нам обоим казалось, что это возможно, а сейчас, когда стало понятно, что это не так, мы все еще тянемся друг к другу и от этого мучаемся и страдаем оба.

— Если бы ты осталась... — сказал Инек.

— Чтобы потом возненавидеть тебя? Или, еще хуже, чтобы ты возненавидел меня? Пусть уж лучше мы будем страдать. Это не так страшно, как ненависть.

Она шагнула к столику, схватила пирамидку и подняла ее над головой.

— Нет! Только не это! — закричал Инек. — Не надо, Мэри!..

Пирамидка засверкала, кувыркаясь в полете, и ударилась о каминную кладку. Огоньки погасли, и, раскатившись по полу, зазвенели осколки.

— Мэри! — крикнул Инек, бросившись вперед, в темноту. Но ее уже не было.

— Мэри! — вскрикнул он снова — даже не вскрикнул, а простонал.

Мэри ушла и никогда уже не вернется к нему.

Даже когда ему очень захочется ее увидеть, она все равно не придет.

Инек стоял в безмолвии станции, прислушиваясь к голосу прожитых лет.

Жизнь тяжела, говорил голос. В жизни нет легких путей.

И та девушка, дочь соседа-фермера, что жила чуть дальше по дороге, и красавица южанка, которую он видел, проходя в строю солдат мимо ее поместья, и теперь Мэри — все они ушли из его жизни навсегда.

Он повернулся и, тяжело ступая, пошел к столу, к свету. Постоял, окидывая комнату взглядом. Здесь вот, на этом самом месте, где стоит сейчас стол, раньше была кухня, а там, где камин, гостиная. Дом переменился, и уже давно, но Инек ясно видел его прежним, словно это было еще вчера.

Однако те дни ушли, и вместе с ними люди.

Только он один остался.

Остался, потеряв свой прежний мир, покинув его в прошлом.

Впрочем, сегодня то же самое произошло со всеми живущими на планете.

Возможно, они об этом еще не знают, но их прежний мир остался в прошлом. И никогда уже он не будет прежним.

За свою жизнь Инеку много раз приходилось прощаться — с друзьями, с прошлым, с любовью, с мечтами.

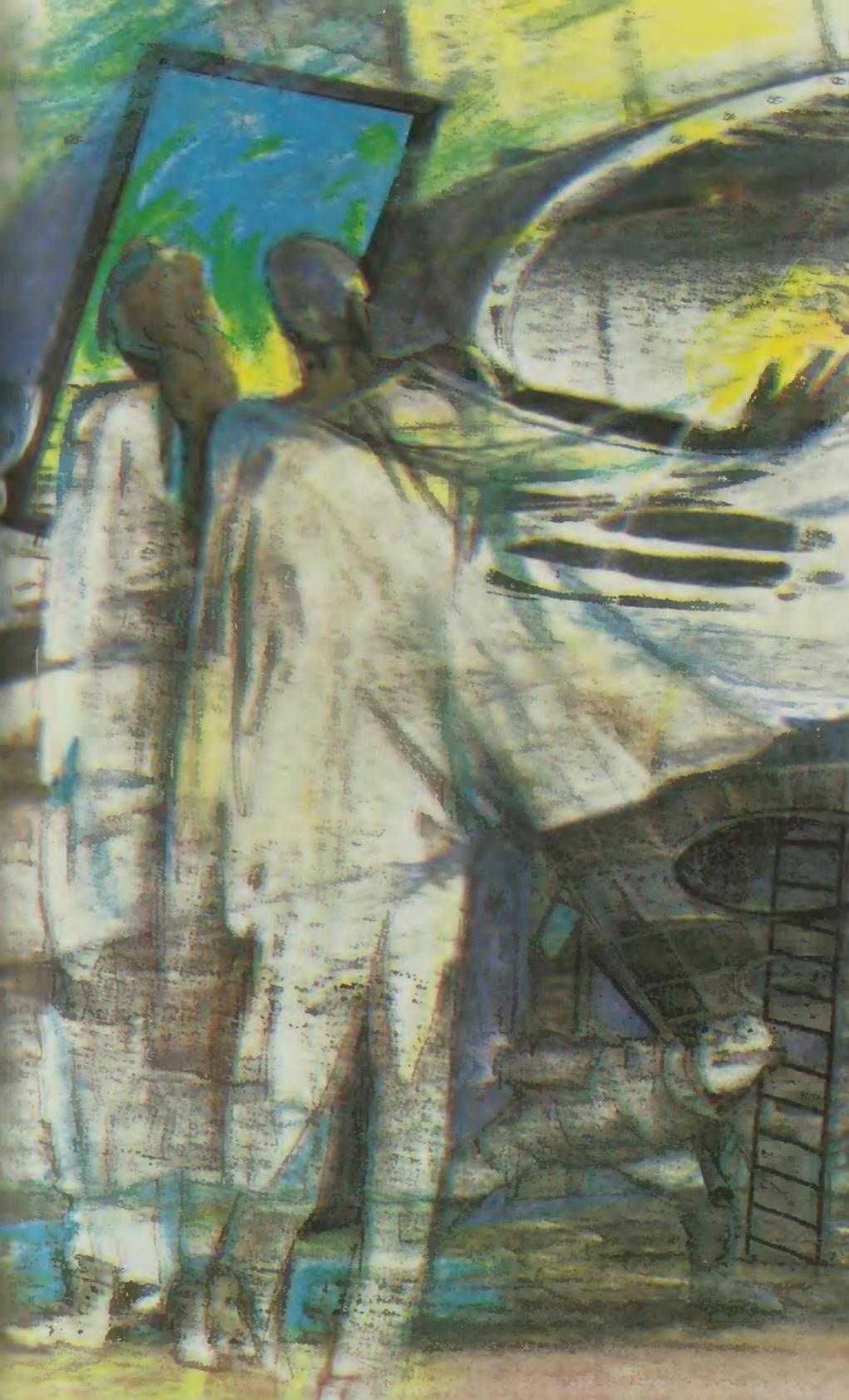
— Прощай, Мэри, — произнес он тихо. — Прости меня, и да хранит тебя господь.

Он сел за стол и, придвинув к себе дневник, отыскал нужную страницу.

Впереди ждала большая работа.

И теперь Инек был готов к ней.

С прошлым он уже рас прощался.

Поколение, достигшее цели

Тишина царила много поколений. Потом тишина кончилась.

Рано утром раздался Грохот.

Разбуженные люди прислушивались к Грохому, затаившись в своих постелях. Они знали, что когда-нибудь он раздастся. И что этот Грохот будет началом Конца.

Проснулся и Джон Хофф, и Мэри Хофф, его жена. Их было только двое в каютке: они еще не получили разрешения иметь ребенка. Чтобы иметь ребенка, нужно было, чтобы для него освободилось место; нужно было, чтобы умер старый Джошуа, и, зная это, они ждали его смерти. Чувствуя свою вину перед ним, они все же про себя молились, чтобы он поскорее умер, и тогда они смогут иметь ребенка.

Грохот прокатился по всему Кораблю. Потом кровать, в которой, затаив дыхание, лежали Джон и Мэри, поднялась с пола и привалилась к стене, прижав их к гудящему металлу. Вся остальная мебель — стол, стулья, шкаф — обрушилась с пола на ту же стену и там осталась, как будто стена стала полом, а пол — стеной. Священная Картина свесилась с потолка, который только что тоже был стеной, повисела, раскачиваясь в воздухе, и рухнула вниз.

В этот момент Грохот прекратился и снова наступила тишина. Но уже не та тишина, что раньше: хотя нельзя было явственно различить звуки, но если не слухом, то чутьем можно было уловить, как нарастает мощь машин, вновь пробудившихся к жизни после долгого сна.

Джон Хофф наполовину выполз из-под кровати, уперся руками, приподнял ее спиной и дал выползти жене. Под ногами у них была теперь стена, которая стала полом, а на ней — обломки мебели. Это была не только их мебель: ею пользовались до них многие поколения.

Ибо здесь ничто не пропадало, ничто не выбрасывалось. Таков был закон, один из многих законов: здесь никто не имел права расточать, не имел права выбрасывать. Все, что было, использовалось до последней возможности. Здесь если необходимо количество пищи — не больше и не меньше; пили необходимое количество воды — не больше и не меньше; одним и тем же воздухом дышали снова и снова. Все отбросы шли в конвертор, где превращались во что-нибудь полезное. Даже покойников — и тех использовали. А за многие поколения, прошедшие с Начала Начал, покойников было немало. Через некоторое время, может быть скоро, покойником станет и Джошуа. Он отдаст свое тело конвертору на пользу товарищам, сполна вернет все, что взял от общества, заплатит свой последний долг — даст право Джону и Мэри иметь ребенка.

“А нам нужно иметь ребенка, — думал Джон, стоя среди обломков, — нам нужно иметь ребенка, которого я научу Читать и которому передам Письмо”.

О Чтении тоже был закон. Читать воспрещалось, потому что Чтение было злом. Это зло существовало еще с Начала Начал. Но люди давним-давно, еще во времена Великого Пробуждения, уничтожили его, как и многое другое, и решили, что оно не должно существовать.

Зло он должен передать своему сыну. Так завещал его давно умерший отец, которому он поклялся и теперь должен сдержать клятву. И еще одно завещал ему отец — беспокойное ощущение того, что закон несправедлив.

Хотя законы всегда были справедливыми. Ибо все они имели какое-то основание. Имел смысл и Корабль, и те, кто населял его, и их образ жизни.

Впрочем, если на то пошло, может быть, ему и не придется никому передавать Письмо. Он сам может оказаться тем, кто должен его вскрыть, потому что на конверте написано: “ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ”. А это, возможно, и есть крайняя необходимость, сказал себе Джон Хофф. И Грохот, нарушивший тишину, и стена, ставшая полом, и пол, ставший стеной.

Из других кают доносились голоса: испуганные крики, вопли ужаса, тонкий плач детей.

— Джон, — сказала Мэри, — это был Грохот. Теперь скоро Конец.

— Не знаю, — ответил Джон. — Поживем — увидим. Мы ведь не знаем, что такое Конец.

— Говорят... — начала Мэри, и Джон подумал, что так было всегда.

Говорят, говорят, говорят...

Все только говорилось; никто ничего не читал, не писал...

И он снова услышал слова, давным-давно сказанные отцом:

— Мозг и память ненадежны; память может перепутать или забыть. Но написанное слово вечно и неизменно. Оно не забывает и не меняет своего значения. На него можно положиться.

— Говорят, — продолжала Мэри, — что Конец наступит вскоре после Грохота. Звезды перестанут кружиться и остановятся в черном небе, и это будет верным признаком того, что Конец близок.

“Конец чего? — подумал Джон. — Нас? Или Корабля? Или самих звезд? А может быть, Конец всего — Корабля, и звезд, и великой тьмы, в которой кружат звезды?”

Он содрогнулся, когда представил Конец Корабля или людей, — не столько из-за них самих, сколько из-за того, что тогда конец и замечательному, так хорошо придуманному, такому размеренному порядку, в котором они жили. Просто удивительно, ведь людям всегда всего хватало, и никогда не было ничего лишнего. Ни воды, ни воздуха, ни самих людей, потому что никто не мог иметь ребенка, прежде чем кто-нибудь не умрет и не освободит для него место.

В коридоре послышались торопливые шаги, возбужденные голоса, и кто-то забарабанил в дверь, крича:

— Джон! Джон! Звезды остановились!

— Я так и знала! — воскликнула Мэри. — Я же говорила, Джон. Все так, как было предсказано.

Кто-то стучал в дверь.

И дверь была там, где она должна была быть, там, где ей полагалось быть, чтобы через нее можно было выйти прямо в коридор, вместо того чтобы подниматься по лестнице, теперь бесцельно висящей на стене, которая раньше была полом.

Почему я не подумал об этом раньше, спросил он себя. Почему я не видел, что это глупо: подниматься к двери, которая открывается в потолке? А может быть, подумал он, так и должно было быть всегда? Может быть, то, что было до сих пор, было неправильно? Но, значит, и законы могли быть неправильными...

— Иду, Джо, — сказал Джон.

Он шагнул к двери, открыл ее и увидел: то, что было раньше стеной коридора, стало полом; двери выходили туда прямо из кают, и взад и вперед по коридору бегали люди. И он подумал: теперь можно снять лестницы, раз они не нужны. Можно спустить их в конвертор, и у нас будет такой запас, какого еще никогда не было.

Джо схватил его за руку и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в наблюдательную рубку. Звезды стояли на месте.

Все было так, как предсказано. Звезды были неподвижны.

Это пугало, потому что теперь было видно, что звезды — не просто кружасиця огни, которые движутся на фоне гладкого черного занавеса. Теперь было видно, что они висят в пустоте; от этого дух захватывало, начинало сосать под ложечкой. Хотелось крепче схватиться за поручни, чтобы удержаться в равновесии на краю головокружительной бездны.

В этот день не было игр, не было прогулок, не было шумного веселья в зале для развлечений. Везде собирались кучки возбужденных, напуганных людей. Люди молились в церкви, где висела самая большая Священная Картина, изображавшая Дерево, и Цветы, и Реку, и Дом вдалеке, и Небо с Облаками, и Ветер, которого не было видно, но который чувствовался. Люди убирали и приводили в порядок на ночь каюты, вешали на место Священные Картины — самое дорогое достояние каждой семьи, — снимали лестницы.

Мэри Хофф вытащила Священную Картина из кучи обломков на полу. Джон, стоя на стуле, прилаживал ее к стене, которая раньше была полом, и размышлял, как это получилось, что каждая Священная Картина немного отличается от других. Это впервые пришло ему в голову.

На Священной Картине Хоффов тоже было дерево, и еще были Овцы под Деревом, и Изгородь, и Ручей, а в углу — несколько крохотных Цветов. Ну и, конечно, Трава, уходившая вдаль до самого Неба.

Когда Джон повесил Картину, а Мэри ушла в соседнюю каюту посудачить с другими перепуганными женщинами, он пошел по коридору, стараясь, чтобы его походка казалась беззаботной, чтобы никто не заметил, как он спешит.

А он спешил: неожиданная для него самой торопливость, как сильная рука, толкала его вперед.

Он старательно притворялся, будто ничего не делает, просто убивает время. И это было легко, потому что он только это и делал всю жизнь; и никто ничего другого не делал. За исключением тех счастливцев или неудачников, у которых была работа, переданная по наследству: уход за скотом, за птицей или за гидропонными оранжереями.

Но большинство из них, думал Джон, медленно шагая вперед, всю жизнь только и делали, что искусно убивали время. Как они с Джо с их нескончаемыми шахматными партиями и аккуратной записью каждого хода и каждой партии. Многие часы они проводили, анализируя свою игру по этим записям, тщательно комментируя каждый решающий ход. А почему бы и нет, спросил он себя. Почему не записывать и не комментировать игру? Что еще делать? Что еще?

В коридоре уже никого не было и стало темнее, потому что здесь горели только редкие лампочки. В течение многих

лет лампочки из коридоров перемещали в каюты, и теперь их здесь почти не осталось.

Он подошел к наблюдательной рубке, нырнул в нее и притаился, внимательно осматривая коридор. Он ждал: а вдруг кто-нибудь станет следить за ним, хотя и знал, что никто не станет; но все-таки вдруг кто-то появится, — рисковать он не мог.

Однако позади никого не было, и он пошел дальше, к сломанному эскалатору, который вел на центральные этажи. И здесь тоже было что-то новое. Раньше, поднимаясь с этажа на этаж, он все время терял вес, двигаться становилось все легче, он скорее плыл, чем шел, к центру Корабля. На этот раз потери веса не было, плыть не удавалось. Он тащился, преодолевая один неподвижный эскалатор за другим, пока не минаовал все шестнадцать палуб.

Теперь он шел в темноте, потому что здесь все лампочки были вывернуты или перегорели за эти долгие годы. Он поднимался на ощупь, держась за перила. Наконец он добрался до нужного этажа. Это была аптека; у одной из стен стоял шкаф для медикаментов. Он отыскал нужный ящик, открыл его, сунул туда руку и вытащил три вещи, которые, как он знал, были там: Письмо, Книгу и лампочку. Он провел рукой по стене, вставил в патрон лампочку; в крохотной комнате зажегся свет и осветил пыль, покрывавшую пол, умывальник с тазом и пустые шкафы с открытыми дверцами.

Он повернулся Письмо к свету и прочел слова, напечатанные на конверте прописными буквами: "ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ".

Некоторое время он стоял в раздумье. Раздался Грохот. Звезды остановились. Да, это и есть тот случай, подумал он, случай крайней необходимости. Ведь было предсказано: когда раздастся Грохот и звезды остановятся, значит, Конец близок. А когда Конец близок, это и есть крайний случай.

Он держал Письмо в руке, он колебался. Если он вскроет его, все будет кончено. Больше не будут передаваться от отца к сыну ни Письмо, ни Чтение. Вот она — минута, ради которой Письмо прошло через руки многих поколений.

Он медленно перевернул Письмо и провел ногтем по запечатанному краю. Высохший воск треснул, и конверт открыл-ся.

Он вынул Письмо, развернул его на столике под лампочкой и стал читать, шевеля губами и шепотом произнося слова, как человек, с трудом отыскивающий их значение по древнему словарю.

"Моему далекому потомку.

Тебе уже сказали — и ты, наверное, веришь, что Корабль —

это жизнь, что началом его был Миф, а концом будет Легенда, что это и есть единственная реальность, в которой не нужно искать ни смысла, ни цели.

Я не стану пытаться рассказывать тебе о смысле и назначении Корабля, потому что это бесполезно: хотя мои слова и будут правдивыми, но сами по себе они бессильны против извращения истины, которое к тому времени, когда ты это прочтешь, может уже стать религией.

Но у Корабля есть какая-то цель, хотя уже сейчас, когда я пишу, цель эта потеряна, а по мере того как Корабль будет двигаться своим путем, она окажется не только потерянной, но и похороненной под грузом всевозможных разъяснений.

Когда ты будешь это читать, существование Корабля и людей в нем будет объяснено, но эти объяснения не будут основаны на знании.

Чтобы Корабль выполнил свое назначение, нужны знания. И эти знания могут быть получены. Я, который буду уже мертв, чье тело превратится в давно съеденное растение, в давно сношенный кусок ткани, в молекулу кислорода, в щепотку удобрения, — я сохранил эти знания для тебя. На втором листке Письма ты найдешь указание, как их приобрести.

Я завещаю тебе овладеть этими знаниями и использовать их, чтобы жизнь и мысль людей, отправивших Корабль, и тех, кто управлял им и кто сейчас живет в его стенах, не пропали зря, чтобы мечта человека не умерла где-то среди далеких звезд.

В то время когда ты это прочтешь, ты будешь знать еще лучше меня: ничто не должно пропасть, ничто не должно быть истрачено зря, все запасы нужно беречь и хранить на случай будущей нужды. А если Корабль не выполнит своего назначения, не достигнет цели, то это будет огромное, невообразимое расточительство. Это будет означать, что зря потрачены тысячи жизней, пропали знания и надежды.

Ты не узнаешь моего имени, потому что к тому времени, когда ты это прочтешь, оно исчезнет вместе с рукой, что сейчас держит перо. Но мои слова будут жить, а в них — мои знания и мой завет.

Твой предок”.

Подписи Джон разобрать не смог. Он уронил Письмо на пыльный столик. Слова Письма, как молот, оглушили его.

Корабль, началом которого был Миф, а концом будет Легенда. Но письмо говорило, что это ложь. Была цель, было назначение.

Назначение... Что это такое? Книга, вспомнил он. Книга скажет, что такое назначение.

Дрожащими руками он вытащил книгу из ящика, открыл ее на букве "н" и неверным пальцем провел по столбцам: "Наземный... назидание... назначать... назначение..."

"*Назначение* (сущ.) — место, куда что-л. посыпается, направляется; предполагаемая цель путешествия".

Значит, Корабль имеет назначение. Корабль куда-то направляется. Придет день, когда он достигнет цели. И конечно, это и будет Конец.

Корабль куда-то направляется. Но как? Неужели он движется?

Джон недоверчиво покачал головой. Этому невозможно поверить. Ведь движется не Корабль, а звезды. Должно быть какое-то другое объяснение, подумал он.

Он поднял второй листок Письма и прочел его, но понял плохо: он устал и в голове у него все путалось. Он положил Письмо, Книгу и лампочку обратно в ящик.

Потом закрыл ящик и выбежал из комнаты.

На нижнем этаже не заметили его отсутствия, и он ходил среди людей, стараясь снова стать одним из них, спрятать свою неожиданную наготу под личиной доброго товарищества, но таким, как они, он уже не был.

И все это было результатом знания — ужасного знания того, что Корабль имеет цель и назначение, что он откуда-то вылетел и куда-то направляется и, когда он туда прибудет, это будет Конец, но не людей, не Корабля, а просто путешествия.

Он вышел в зал и остановился в дверях. Джо играл в шахматы с Питом, и Джон внезапно загорелся гневом при мысли, что Джо играет с кем-то еще, потому что Джо уже много-много лет играл только с ним. Но гнев быстро остыл, Джон посмотрел на фигурки и в первый раз увидел их по-настоящему — увидел, что это просто резные кусочки дерева и что им нет места в его новом мире Письма и цели.

Джордж сидел один и играл в солитер. Кое-кто играл в покер на металлические кружочки, которые все звали деньгами, хотя почему именно деньгами — никто сказать не мог. Говорили, что это просто их название, как Корабль было название Корабля, а звезды назывались звездами. Луиза и Ирма сидели в углу и слушали старую, почти совсем заигранную пластинку. Резкий, сдавленный женский голос пел на весь зал:

*Мой любимый к звездам уплыл,
Он не скоро вернется назад...*

Джон вошел, и Джордж поднял глаза от доски.

— Мы тебя искали.

— Я ходил гулять, — ответил Джон. — Далеко — на цент-

ральные этажи. Там все наоборот. Теперь они наверху, а не внутри. Всю дорогу приходится подниматься.

— Звезды весь день не двигались, — заметил Джордж.

Джо повернулся к нему и сказал:

— Они больше не будут двигаться. Так сказано. Это — начало Конца.

— А что такое Конец? — спросил Джон.

— Не знаю, — ответил Джо и вернулся к игре.

Конец, подумал Джон. И никто из них не знает, что такое Конец, так же как они не знают, что такое Корабль, или деньги, или звезды.

— Сегодня мы собираемся, — сказал Джордж.

Джон кивнул. Он так и думал, что все соберутся. Соберутся, чтобы почувствовать облегчение, уют и безопасность. Будут снова рассказывать Миф и молиться перед Картиной. "А я?" — спросил он себя. — А я?"

Он резко повернулся и вышел в коридор. Лучше бы не было никакого Письма и никакой Книги, потому что тогда он был бы одним из них, а не одинокой, мучительно думающим, где же правда — в Мифе или в Письме?

Он отыскал свою каюту и вошел. Мэри лежала на кровати, подложив под голову подушку; тускло светила лампа.

— Наконец-то, — произнесла она.

— Я прогуливался, — сказал Джон.

— Ты прогулял обед, — заметила Мэри. — Вот он.

Он увидел обед на столе, придвинул стул и сел.

— Спасибо.

Мэри зевнула.

— День был утомительный, — сказала она. — Все так возбуждены. Сегодня собираемся.

На обед были протеиновые дрожжи, шпинат с горохом, толстый кусок хлеба и миска супа с грибами и травами. И бутылочка воды, строго отмеренной. Наклонившись над миской, он хлебал суп.

— Ты совсем не волнуешься, дорогой. Не так, как все.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Вдруг он подумал: а что, если сказать ей? Но тут же отогнал эту мысль, боясь, что в своем стремлении поделиться с кем-нибудь он в конце концов расскажет ей все. Нужно следить за собой, подумал он. Если он расскажет, то это будет объявлено ересью, отрицанием Мифа и Легенды. И тогда она, как и другие, отшатнется от него и он увидит в ее глазах отвращение.

Сам он — дело другое: почти всю жизнь он прожил на границе ереси, с того самого дня, как отец сказал ему про Книгу. Потому что сама Книга уже была ересью.

— Я думаю, — сказал он, и она спросила:

— О чем тут думать?

И конечно, это была правда. Думать было не о чем. Все объяснено, все в порядке. Миф говорил о Начале Начал и о Начале Конца. И думать не о чем, абсолютно не о чем.

Когда-то был хаос, и вот из него родился порядок в образе Корабля, а снаружи остался хаос. Только внутри Корабля был и порядок, и закон, вернее, много законов: не расточай, не возжелай и все остальные. Когда-нибудь настанет Конец, но, каков будет этот Конец, остается тайной, хотя еще есть надежда, потому что на Корабле есть Священные Картины и они — символ этой надежды. Ведь на картинах запечатлены символические образы иных мест, где царит порядок (наверное, еще больших кораблей), и все эти символические образы снабжены названиями: Дерево, Ручей, Небо, Облака и все остальное, чего никогда не видишь, но чувствуешь, например Ветер и Солнечный Свет.

Начало Начал было давным-давно, так много поколений назад, что рассказы и легенды о могущественных людях тех далеких эпох были вытеснены из памяти другими людьми, тени которых все еще смутно рисовались где-то позади.

— Я сначала испугалась, — сказала Мэри, — но теперь я больше не боюсь. Все происходит так, как было сказано, и мы ничего не можем сделать. Мы только знаем, что это все — к лучшему.

Джон продолжал есть, прислушиваясь к шагам и голосам в коридоре. Теперь эти шаги уже не были такими поспешными, а в голосах не звучал ужас. "Немного же им понадобилось, — думал он, — чтобы привыкнуть. Их Корабль перевернулся вверх дном — и все же это к лучшему".

А вдруг в конце концов правы они, а Письмо лжет?

С какой радостью он подошел бы к двери, окликнул кого-нибудь из проходивших мимо и поговорил бы об этом! Но на всем Корабле не было никого, с кем он мог бы поговорить. Даже с Мэри не мог. Разве что с Джошуа.

Он продолжал есть, думая о том, как Джошуа возится со своими растениями в гидропонных оранжереях.

Еще мальчишкой он ходил туда вместе с другими ребятами: Джо, и Джордж, и Херб, и все остальные. Джошуа был тогда человеком средних лет, у него всегда была в запасе интересная история или умный совет, а то и тайно сорванный помидор или редиска для голодного мальчишки. Джон помнил, что Джошуа всегда говорил мягким, добрым голосом и глаза у него были честные, а его чуточку грубою дружелюбие внушило симпатию.

Джон подумал, что уже давно не видел Джошуа. Может быть, потому, что чувствовал себя виноватым перед ним...

Но Джошуа мог понять и простить вину.

Однажды он понял. Они с Джо как-то прокрались в оран-

жерею за помидорами, а Джошуа поймал их и долго говорил с ними. Они с Джо дружили с пеленок. Они всегда были вместе. Если случалась какая-нибудь шалость, они обязательно были в нее замешаны.

Может быть, Джо... Джон покачал головой. Только не Джо. Пусть он его лучший друг, пусть они друзья детства и остались друзьями, когда поженились, пусть они больше двадцати лет играют друг с другом в шахматы, — все-таки Джо не такой человек, которому можно это рассказать.

— Ты все еще думаешь, дорогой? — сказала Мэри.

— Конечно, — ответил Джон. — Теперь расскажи мне, что ты сегодня делала.

Она поведала ему, что сказала Луиза, и что сказала Джейн, и какие глупости говорила Молли. И какие ходили странные слухи, и как все боялись, и как понемногу успокоились, когда вспомнили, что все к лучшему.

— Наша Вера, — сказала она, — большое утешение в такое время.

— Да, — сказал Джон, — действительно большое утешение. Она встала с кровати.

— Пойду к Луизе. Ты остаешься здесь?

Она наклонилась и поцеловала его.

— Я погуляю до собрания, — сказал Джон.

Он кончил есть, медленно вышел воду, смакуя каждую каплю, и вышел.

Он направился к оранжереям. Джошуа был там. Он немножко постарел, немного поседел, чуть больше хромал, но вокруг его глаз были те же добрые морщины, а на лице — та же неспешная улыбка. И встретил он Джона той же старой шуткой:

— Опять пришел помидоры воровать?

— На этот раз нет.

— Ты тогда был с другом.

— Его звали Джо.

— Да, теперь я вспомнил. Я иногда забываю. Старею и начинаю забывать. — Он спокойно улыбнулся. — Немного мне теперь осталось. Вам с Мэри не придется долго ждать.

— Сейчас это не так уж важно, — сказал Джон.

— А я боялся, что ты ко мне теперь уже не придешь.

— Но таков закон, — сказал Джон. — Ни я, ни вы, ни Мэри тут ни при чем. Закон справедлив. Мы не можем его изменить.

Джошуа дотронулсь до руки Джона.

— Посмотри на мои новые помидоры. Лучшие из всех, что я вырастил. Уже совсем спели.

Он сорвал один, самый спелый и красный, и протянул Джо-

ну. Джон взял его в руки и почувствовал гладкую, теплую кожицу и под ней — переливающийся сок.

— Они вкуснее всего прямо с куста. Попробуй.

Джон поднес помидор ко рту, вонзил в него зубы и проглотил сочную мякоть.

— Ты что-то хотел сказать?

Джон помотал головой.

— Ты так и не был у меня, с тех пор как узнал, — сказал Джошуа. — Это потому, что ты считал себя виноватым: ведь я должен умереть, чтобы вы могли иметь ребенка. Да, это тяжело — и для вас тяжелее, чем для меня. И ты бы не пришел, если бы не произошло что-то важное.

Джон не ответил.

— А сегодня ты вспомнил, что можешь поговорить со мной. Ты часто приходил поговорить со мной, потому что помнил наш первый разговор, когда ты был еще мальчишкой.

— Я тогда нарушил закон, — сказал Джон, — я пришел воровать помидоры. И вы поймали нас с Джо.

— А я нарушил закон сейчас, — сказал Джошуа, — когда дал тебе этот помидор. Это не мой помидор и не твой. Я не должен был его давать, а ты не должен был его брать. Но я нарушил закон потому, что закон основан на разуме, а от одного помидора разум не пострадает. Каждый закон должен иметь разумный смысл, иначе он не нужен. Если смысла нет, то закон не прав.

— Но нарушать закон нельзя.

— Послушай, — сказал Джошуа. — Помнишь сегодняшнее утро?

— Конечно.

— Посмотри на эти рельсы — рельсы, идущие по стене.

Джон посмотрел и увидел рельсы.

— Эта стена до сегодняшнего утра была полом.

— А как же стеллажи? Ведь они...

— Вот именно. Так я и подумал. Это первое, о чем я подумал, когда меня выбросило из постели. Мои стеллажи! Мои чудные стеллажи, висящие там, на стене, прикрепленные к полу! Ведь вода выпльется из них, и растения вывалится, и все химикаты зря пропадут! Но так не случилось.

Он протянул руку и ткнул Джона пальцем в грудь.

— Так не случилось, и не из-за какого-нибудь определенного закона, а по разумной причине. Посмотри под ноги, на пол.

Джон посмотрел на пол и увидел там рельсы — продолжение тех, что шли по стене.

— Стеллажи прикреплены к этим рельсам, — продолжал Джошуа. — А внутри у них — ролики. И, когда пол стал стенной, стеллажи скатились по рельсам на стену, ставшую полом, и все было в порядке. Пролилось немного воды, и пострадало несколько растений, но очень мало.

— Так было задумано, — сказал Джон. — Корабль...

— Чтобы закон был справедлив, — продолжал Джошуа, — он должен иметь разумное основание. Здесь было основание и был закон. Но закон — это только напоминание, что не нужно идти против разума. Если бы было только основание, мы бы могли его забыть, или отрицать, или сказать, что оно устарело. Но закон имеет власть, и мы подчиняемся закону там, где могли бы не подчиниться разуму. Закон говорил, что рельсы на стене — то есть на бывшей стене — нужно чистить и смазывать. Иногда я думал, зачем это, и казалось, что этот закон не нужен. Но это был закон — и мы слепо ему подчинялись. А когда раздался Грохот, рельсы были начищены и смазаны и стеллажи скатились по ним. Им ничто не помешало, а могло бы помешать, если бы мы не следовали закону. Поэтому что, следуя закону, мы следовали разуму, а главное — разум, а не закон.

— Вы хотите мне этим что-то доказать, — сказал Джон.

— Я хочу тебе доказать, что мы должны слепо следовать закону, до тех пор пока не узнаем его основание. А когда узнаем — если мы когда-нибудь узнаем — его основание и цель, тогда мы должны решить, насколько они справедливы. И если они окажутся плохими, мы так и должны смело сказать. Потому что если плоха цель, то плох и закон: ведь закон — это всего-навсего правило, помогающее достигнуть какой-то цели.

— Цели?

— Конечно, цели. Должна же быть какая-то цель. Такая хорошо придуманная вещь, как Корабль, должна иметь цель.

— Сам Корабль? Вы думаете, Корабль имеет цель? Но говорят...

— Я знаю, что говорят. "Все, что ни случается, к лучшему". — Он покачал головой. — Цель должна быть даже у Корабля. Когда-то давно, наверное, эта цель была простой и ясной. Но мы забыли ее. Должны быть какие-то факты, знания...

— Знания были в книгах, — сказал Джон. — Но книги сожгли.

— Кое-что в них было неверно, — сказал старик. — Или казалось неверным. Но мы не можем судить, что верно, а что неверно, если у нас нет фактов, а я сомневаюсь, что эти факты были. Там были другие причины, другие обстоятельства. Я одинокий человек. У меня есть работа, а заходят сюда редко. Меня не отвлекают сплетни, которыми полон Корабль. И я думаю. Я много передумал. Я думал о нас и о Корабле. И о законах, и о цели всего этого. Я размышлял о том, почему растут растения и почему для этого нужны вода и удобрения. Я думал, зачем мы должны включать свет на столько-

то часов, — разве в лампах есть что-то такое, что нужно растениям? Но, если не включать их, растение погибает. Значит, растениям необходимы не только вода и удобрения, но и лампы. Я думал, почему помидоры всегда растут на одних кустах, а огурцы — на других. На огурце никогда не вырастет помидор, и этому должна быть какая-то причина. Даже для такого простого дела, как выращивание помидоров, нужно знать массу фактов. А мы их не знаем. Мы лишиены знания. Я думал: почему загораются лампы, когда повернешь выключатель. И что происходит в нашем теле с пищей? Как твое тело использует помидор, который ты только что съел? Почему нужно есть, чтобы жить? Зачем нужно спать? Как мы учимся говорить?

— Я никогда обо всем этом не думал, — сказал Джон.

— А ты вообще никогда не думал, — ответил Джошуа. — Во всяком случае, почти никогда.

— Никто не думает, — сказал Джон.

— В том-то и беда, — сказал старик. — Никто никогда не думает. Все просто убивают время. Они не ищут причин. Они даже ни о чем не задумываются. Что бы ни случилось — все к лучшему, и этого с них хватает.

— Я только что начал думать, — сказал Джон.

— Ты что-то хотел у меня спросить, — сказал старик. — Зачем-то ты все же ко мне пришел.

— Теперь это неважно, — сказал Джон. — Вы мне уже ответили.

Он пошел обратно между стеллажами, ощущая аромат тянувшихся вверх растений, слыша журчание воды в насосах. Он шел длинными коридорами, где в окнах наблюдательных рубок светили неподвижные звезды.

Основание, сказал Джошуа. Есть и основание, и цель. Так говорилось в Письме — основание и цель. И кроме правды есть еще неправда, и, чтобы их различить, нужно кое-что знать.

Он расправил плечи и зашагал вперед.

Когда он подошел к церкви, собрание давно уже было в разгаре; он тихо скользнул в дверь, нашел Мэри и встал рядом с ней. Она взяла его за руку и улыбнулась.

— Ты опоздал, — прошептала она.

— Виноват, — отвечал он шепотом. Они стояли рядом, взявшись за руки, глядя, как мерцают две большие свечи по бокам огромной Священной Картины.

Джон подумал, что раньше она никогда не была так хорошо видна; он знал, что свечи зажигают только по случаю важных событий.

Он узнал людей, которые сидели под Картиной, — своего друга Джо Грега и Фрэнка. И он был горд тем, что Джо, его

друг, был одним из троих, кто сидел под Картиной, потому что для этого нужно было быть набожным и примерным.

Они только что прочли о Начале Начал, и Джо встал и повел рассказ про Конец.

"Мы движемся к Концу. Мы увидим знаки, которые будут предвещать Конец, но о самом Конце никто не может знать, ибо он скрыт..."

Джон почувствовал, как Мэри пожала ему руку, и ответил тем же. В этом пожатии он почувствовал утешение, которое дают жена, и Вера, и ощущение Братства всех людей.

Когда он ел обед, оставленный для него Мэри, она сказала, что Вера — большое утешение. И это была правда. Вера была утешением. Она говорила, что все хорошо, что все к лучшему. Что даже Конец — тоже к лучшему.

А им нужно утешение, подумал он. Больше всего на свете им нужно утешение. Они так одиноки, особенно теперь, когда звезды остановились и сквозь окна видна пустота, окружающая их. Они еще более одиноки, потому что не знают цели, не знают ничего, хотя и утешаются знанием того, что все к лучшему.

"...Раздастся Грохот, и звезды прекратят свое движение и будут висеть, одинокие и яркие, в глубине тьмы, той вечной тьмы, которая охватывает все, кроме людей в Корабле..."

Вот оно, подумал Джон. Вот оговорка, которая их утешает. Сознание того, что только они одни укрыты и защищены от вечной ночи. А впрочем, откуда взялось это сознание? Из какого источника? Из какого откровения? И он выругал себя за эти мысли, которые не должны появляться во время собрания в церкви.

Он как Джошуа, сказал он себе. Он сомневается во всем. Думает о таких вещах, которые всю жизнь принимал на веру, которые принимали на веру все поколения.

Он поднял голову и посмотрел на Священную Картину — на Дерево, и на Цветы, и на Реку, и на Дом вдалеке, и на Небо с Облацами; Ветра не было видно, но он чувствовался.

Это было красиво. На Картине он видел такие цвета, каких нигде не видел, кроме как на Священных Картинах. Где же такое место, подумал он. А может, это только символ, только воплощение того лучшего, что заключено в людях, только изображение мечты всех запертых в Корабле?

Запертых в Корабле! Он даже задохнулся от такой мысли. Запертых! Они ведь не заперты, а защищены, укрыты от всяких бед, от всего, что таится во тьме вечной ночи. Он склонил голову в молитве, сокрушаясь и раскаиваясь. Как это ему только могло прийти в голову!

Он почувствовал руку Мэри в своей и подумал о ребенке, которого они смогут иметь, когда Джошуа умрет. Он поду-

мал о шахматах, в которые он всегда играл с Джо. О долгих темных ночах, когда рядом с ним была Мэри.

Он подумал о своем отце, и снова слова давно умершего застучали у него в голове. И он вспомнил о Письме, в котором говорилось о знаниях, о назначении, о цели.

Что же мне делать, спросил он себя. По какой дороге идти? Что значит Конец?

Считая двери, он нашел нужную и вошел. В комнате лежал толстый слой пыли, но лампочка еще горела. На противоположной стене была дверь, о которой говорилось в Письме: дверь с циферблатом посередине. "Сейф", — было сказано в Письме.

Он подошел к двери, оставляя следы в пыли, и встал перед ней на колени. Стер рукавом пыль и увидел цифры. Он положил Письмо на пол и взялся за стрелку. "Поверни стрелку сначала на 6, потом на 15, обратно на 8, потом на 22 и, наконец, на 3". Он аккуратно все выполнил и, повернув ручку в последний раз, услышал слабый щелчок открывающегося замка.

Он взялся за ручку и потянул. Дверь медленно открылась: она оказалась очень тяжелой. Войдя внутрь, он включил свет. Все было так, как говорило Письмо. Там стояла кровать, рядом с ней — машина, а в углу — большой стальной ящик.

Воздух был спертым, но не пыльным: комната не соединялась с системой кондиционирования воздуха, которая в течение веков разнесла пыль по всем другим комнатам.

Стоя там в одиночестве, при ярком свете лампы, освещавшей кровать, и машину, и стальной ящик, он почувствовал ужас, леденящий ужас, от которого вздрогнул, хотя и старался стоять прямо и уверенно, — остаток страха, унаследованного от многих поколений, закосневших в невежестве и безразличии.

Знания боялись, потому что это было зло. Много лет назад так решили те, кто решал за людей, и они придумали закон против Чтения и сожгли книги.

А Письмо говорило, что знания необходимы.

И Джошуа, стоя у стеллажа с помидорами, среди других стеллажей с тянущимися вверх растениями, сказал, что должно быть основание и что знания раскроют его.

Но их было только двое, Письмо и Джошуа, против всех остальных, против решения, принятого много поколений назад.

Нет, возразил он сам себе, не только двое, а еще мой отец, и его отец, и отец его отца, и все отцы перед ним, которые передавали друг другу Письмо, Книгу и искусство Чтения. И он знал, что он сам, если бы он имел ребенка, передал бы

ему Письмо и Книгу и научил бы его читать. Он представил себе эту картину: они вдвоем, притаившись в каком-нибудь углу, при тусклом свете лампы разбираются в том, как из букв складываются слова, нарушая закон, продолжая еретическую цепь, протянувшуюся через многие поколения.

И вот, наконец, результат: кровать, машина и большой стальной ящик. Вот, наконец, то, к чему все это привело.

Он осторожно подошел к кровати, как будто там могла быть ловушка. Он пощупал ее — это была обычная кровать.

Повернувшись к машине, он внимательно осмотрел ее, проверил все контакты, как было сказано в Письме, отыскал шлем, нашел выключатели. Обнаружив два отошедших контакта, он поджал их. Наконец после некоторого колебания включил первый тумблер, как было сказано в инструкции, и загорелась красная лампочка.

Итак, он готов.

Он сел на кровать, взял шлем и плотно надел его на голову. Потом лег, протянул руку, включил второй тумблер — и услышал колыбельную.

Колыбельную песню, мелодию, зазвучавшую у него в голове, — и он почувствовал легкое покачивание и подступающую дремоту.

Джон Хофф уснул.

Он проснулся и ощутил в себе знания.

Он медленно оглядывался, с трудом узнавая комнату, стены без Священной Картины, незнакомую машину, незнакомую толстую дверь, шлем на голове.

Он снял шлем и, держа его в руке, наконец-то понял, что это такое. Понемногу, с трудом он вспомнил все: как нашел комнату, как открыл ее, как проверил машину и лег на кровать в шлеме.

Он знал, где он и почему он здесь. И многое другое. Знал то, чего не знал раньше. И то, что он теперь знал, напутало его.

Он уронил шлем на колени и сел, вцепившись в края кровати.

Космос! Пустота. Огромная пустота с рассеянными в ней сверкающими солнцами, которые назывались звездами. И через это пространство, сквозь расстояния, такие безмерно великие, что их нельзя было мерить милями, а только световыми годами, неслась вещь, которая называлась корабль — не Корабль с большой буквы, а просто корабль, один из многих.

Корабль с планеты Земля — не с самого солнца, не со звезды, а с одной из многих планет, кружившихся вокруг звезды.

Не может быть, сказал он себе. Этого просто не может быть. Ведь Корабль не двигается. Не может быть космоса. Не

может быть пустоты. Мы не можем быть крохотной точкой, странствующей пылинкой, затерянной в огромной пустоте, почти невидимой рядом со звездами, сверкающими в окнах.

Потому что если это так, то мы ничего не значим. Мы просто случайный факт во Вселенной. Меньше, чем случайный факт. Меньше, чем ничто. Шальная капелька странствующей жизни, затерянная среди бесчисленных звезд.

Он спустил ноги с кровати и сел, уставившись на машину.

Знания хранятся там, подумал он. Так было сказано в Письме, знания, записанные на мотках пленки, знания, которые вбиваются, внушаются, внедряются в мозг спящего человека.

И это только начало, только первый урок. Это только первые крупицы старых, мертвых знаний, собранных давным-давно, знаний, хранившихся на черный день, спрятанных от людей. И эти знания — его. Они здесь, на пленке, в шлеме. Они принадлежат ему — бери и пользуйся. А для чего? Ведь знания были бы ненужными, если бы не имели цели.

И истинны ли они? Вот в чем вопрос. Истинны ли эти знания? А как узнать истину? Как распознать ложь?

Конечно, узнать нельзя. Пока нельзя. Знания проверяются другими знаниями. А он знает пока еще очень мало. Больше, чем кто бы то ни было на Корабле за долгие годы, но все же так мало. Ведь он знает, что где-то должно быть объяснение звезд, и планет, кружящихся вокруг звезд, и пространства, в котором находятся звезды, и Корабля, который несется среди этих звезд.

Письмо говорило о цели и назначении, и он должен это узнат — цель и назначение.

Он положил шлем на место, вышел из комнаты, запер за собой дверь и зашагал чуть более уверенно, но все же чувствуя на себе гнетущую вину. Потому что теперь он нарушил не только дух, но и букву закона — и нарушил во имя цели, которая, как он подозревал, уничтожит закон.

Он спустился по длинным эскалаторам на нижний этаж. В зале он нашел Джо, сидевшего перед доской с расставленными фигурами.

— Где ты был? — спросил Джо. — Я тебя ждал.

— Так, гулял, — сказал Джон.

— Ты уже три дня "так, гуляешь", — сказал Джо и насмешливо посмотрел на него. — Помнишь, какие штуки мы в детстве выкидывали? Воровали и все такое...

— Помню, Джо.

— У тебя всегда перед этим бывал такой чудной вид. И сейчас у тебя тот же чудной вид.

— Я ничего не собираюсь выкидывать, — сказал Джон. — Я ничего не ворю.

— Мы много лет были друзьями, — сказал Джо. — У тебя есть что-то на душе.

Джон посмотрел на него и попытался увидеть мальчишку, с которым они когда-то играли. Но мальчишки не было. Был человек, который сидел под Картиной во время собраний, который читал про Конец, — человек набожный, примерный.

Он покачал головой.

— Нет, Джо, ничего.

— Я только хотел помочь.

Но, если бы он узнал, подумал Джон, он бы не захотел помочь. Он посмотрел бы на меня с ужасом, донес бы на меня в церкви, первый закричал бы о ереси. Ведь это и есть ересь, сомнений быть не может. Это значило отрицать Миф, отнять у людей спокойствие незнания, опровергнуть веру в то, что все к лучшему; это значило, что они больше не должны сидеть сложа руки и полагаться на Корабль.

— Давай сыграем, — решительно сказал он.

— Значит, так, Джон? — спросил Джо.

— Да, так.

— Ну, твой ход.

Джон пошел с ферзевой пешки. Джо уставился на него.

— Ты же всегда ходишь с королевской.

— Я передумал. Мне кажется, что такой дебют лучше.

— Как хочешь, — сказал Джо.

Они сыграли, и Джо без труда выиграл.

Целые дни Джон проводил на кровати со шлемом на голове: убаюканный колыбельной, он пробуждался с новыми знаниями. Наконец он узнал все.

Он узнал о Земле и о том, как земляне построили Корабль и послали его к звездам, и понял то стремление к звездам, которое заставило людей построить такой Корабль.

Он узнал, как подбирали и готовили экипаж, узнал о тщательном отборе предков будущих колонистов и о биологических исследованиях, которые определили их спаривание, с тем чтобы сороковое поколение, которому предстояло достичнуть звезд, было отважной расой, готовой встретить все трудности.

Он узнал и об обучении, о книгах, которые должны были сохранить знания, и получил некоторое представление о психологической стороне всего проекта.

Но что-то оказалось неладно. И не с Кораблем, а с людьми.

Книги спустили в конвертор. Земля была забыта, и появился Миф, знания были утеряны и заменены Легендой. На протяжении сорока поколений план был потерян, цель — забыта, и люди всю жизнь жили в твердой уверенности, что они — это все, что Корабль — Начало и Конец, что Корабль и люди на

нем созданы каким-то божественным планом, по которому все идет к лучшему.

Они играли в шахматы, в карты, слушали старую музыку, никогда не задаваясь вопросом, кто изобрел карты и шахматы, кто написал музыку, подолгу сплетничали, рассказывали старые анекдоты и сказки, переданные предыдущими поколениями, и убивали на это не просто часы, а целые жизни. У них не было истории, они ни о чем не задумывались и не заглядывали в будущее, они были уверены: что ни произошло, все к лучшему.

Из года в год они не знали ничего, кроме Корабля. Еще при жизни первого поколения Земля стала туманным воспоминанием, оставшимся далеко позади, и не только во времени и пространстве, но и в памяти. В них не было преданности Земле, которая не давала бы им о ней забыть. В них не было и преданности Кораблю, потому что Корабль в ней не нуждался.

Корабль был для них матерью, которая давала им приют. Корабль кормил их, укрывал и оберегал от опасности.

Им было некуда идти, нечего делать, не о чем думать. И они приспособились к этому.

Младенцы, подумал Джон. Младенцы, прижимающиеся к матери. Младенцы, бормочущие старые детские стишкы. И некоторые стишкы правдивее, чем они думают.

Было сказано: когда раздастся Грохот и звезды остановятся в своем движении, то это значит, что скоро придет Конец.

И это правда. Звезды двигались потому, что Корабль вращался вокруг продольной оси, создавая искусственную силу тяжести. Но, когда Корабль приблизится к месту назначения, он должен будет автоматически прекратить вращение и перейти в нормальный полет, а сила тяжести тогда будет создана гравитаторами. Корабль уже падал вниз, к той звезде, к той солнечной системе, к которой он направлялся. Падал на нее, если — Джон Хофф покрылся холодным потом при этой мысли, — если он уже не промахнулся.

Потому что люди могли измениться. Но Корабль не мог. Он не приспосабливается. Он все помнил, даже если его пассажиры обо всем забыли. Верный записанным на пленку указаниям, которые были заданы больше тысячи лет назад, он держался своего курса, сохранил свою цель, не потерял из виду точку, куда был направлен, и сейчас приближался к ней.

Автоматическое управление, но не полностью.

Корабль мог выйти на орбиту вокруг планеты без помощи человеческого мозга, без помощи человеческих рук. Целую тысячу лет он обходился без человека, но в последний момент человек понадобится ему, чтобы достигнуть цели.

И я, сказал себе Джон Хофф, я и есть этот человек.

Один человек. А сможет ли один человек это сделать?

Он думал о других людях. О Джо, и Хербе, и Джордже, и обо всех остальных, — и среди них не было такого, на кого он мог бы положиться, к кому он мог бы пойти и рассказать о том, что сделал.

Он держал весь Корабль в голове. Он знал, как Корабль устроен и как управляет. Но, может быть, этого мало. Может быть, нужно более близкое знакомство и тренировка. Может быть, человек должен сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. А у него нет на это времени.

Он стоял рядом с машиной, которая дала ему знания. Теперь вся пленка была прокручена и цель машины достигнута, так же как цель Письма, так же как будет достигнута цель Человечества и Корабля, если голова Джона будет ясной, а рука — твердой. И если его знаний хватит.

В углу еще стоял ящик. Он откроет его — и это будет все. Тогда будет сделано все, что для него могли сделать, а остальное будет зависеть от него самого.

Он медленно встал на колени перед ящиком и открыл крышку. Там были свернутые листы бумаги, много листов, а под ними — книги, десятки книг, и в одном из углов — стеклянная капсула, заключавшая в себе какой-то механизм. Он знал, что это не что иное, как пистолет, хотя никогда еще не видел пистолета. Он поднял капсулу, и под ней был конверт с надписью: "КЛЮЧИ". Он разорвал конверт. Там было два ключа. На одном было написано: "Рубка управления", на другом: "Машинное отделение".

Он сунул ключи в карман и взялся за капсулу. Быстрым движением он разломил ее пополам. Раздался слабый хлопок: в капсулу ворвался воздух. В руках Джона был пистолет.

Он был не тяжелый, но достаточно увесистый, чтобы почувствовать его власть. Он показался Джону сильным, мрачным и жестоким. Джон взял его за рукоятку, поднял, прицепился и почувствовал прилив древней недоброй силы — силы человека, который может убивать, — и ему стало стыдно.

Он положил пистолет назад в ящик и вынул один из свернутых листов. Осторожно разворачивая его, он услышал слабое протестующее потрескивание. Это был какой-то чертеж, и Джон склонился над ним, пытаясь понять, что бы это могло быть, разобрать слова, написанные печатными буквами вдоль линий.

Он так ничего и не понял и положил чертеж, и тот сразу же свернулся в трубку, как живой.

Он взял другой чертеж, развернул его. Это был план одной

из секций Корабля. Еще и еще один — это тоже были секции Корабля, с коридорами и эскалаторами, рубками и каютами.

Наконец он нашел чертеж, который изображал весь Корабль в разрезе, со всеми каютами и гидропонными оранжереями. В переднем его конце была рубка управления, в заднем — машинное отделение.

Он расправил чертеж, взгляделся и увидел, что там что-то неправильно. Но потом он сообразил, что если отбросить рубку и машинное отделение, то все правильно. И он подумал, что так и должно было быть, что много лет назад кто-то запер рубку и машинное отделение, чтобы уберечь их от вреда, — специально для этого дня. Для людей на Корабле ни рубки, ни машинного отделения просто не существовало, и поэтому чертеж казался неправильным.

Он дал чертежу свернуться и взял другой. Это было машинное отделение. Он изучал его, наморщив лоб, пытаясь сообразить, что там изображено, и хотя о назначении некоторых устройств он догадывался, но были и такие, которых он вообще не понимал. Джон нашел конвертор и удивился, как он мог быть в запертом помещении, ведь все эти годы им пользовались. Но потом он увидел, что конвертор имел два выхода: один в самом машинном отделении, а другой — за гидропонными оранжереями.

Он отпустил чертеж, и тот свернулся в трубку, так же как и остальные. Он продолжал сидеть на корточках около ящика, чуть покачиваясь в зад и вперед и глядя на чертежи, и думал: если мне были нужны еще доказательства, то вот они.

Планы и чертежи Корабля. Планы, созданные и вычерченные людьми. Мечты о звездах, воплощенные в листах бумаги. Никакого божественного вмешательства. Никакого Мифа. Просто обычное человеческое планирование.

Он подумал о Священных Картинах: а что они такое? Может быть, они тоже были ложью, как и Миф? Жаль, если это так. Потому что они были утешением. И Вера тоже. Она тоже была утешением.

Сидя на корточках над свитками чертежей в этой маленькой комнате с машиной, кроватью и ящиком, он съежился и обхватил себя руками, чувствуя почти жалость к себе.

Как бы он хотел, чтобы ничего не начиналось. Чтобы не было Письма. Чтобы он по-прежнему был невеждой, уверенным в своей безопасности. Чтобы он по-прежнему продолжал играть с Джо в шахматы.

Из двери раздался голос Джо:

— Так вот где ты прячешься!

Он увидел ноги Джо, прочно стоящие на полу, поднял глаза и увидел его лицо, на котором застыла полуулыбка.

— Книги! — сказал Джо.

Это слово было неприличным. И Джо произнес его, как не-приличное слово. Как будто человека поймали за каким-то постыдным делом, уличили в грязных мыслях.

— Джо... — сказал Джон.

— Ты не хотел мне сказать, — сказал Джо. — Ты не хотел моей помощи. Еще бы!

— Джо, послушай...

— Прятался и читал книги!

— Послушай, Джо! Все ложь. Корабль сделали такие же люди, как мы. Он куда-то направляется. Я знаю теперь, что такое Конец.

Удивление и ужас исчезли с лица Джо. Теперь это было суровое лицо. Лицо судьи. Оно возвышалось над ним, и в нем не было пощады. В нем не было даже жалости.

— Джо!

Джо резко повернулся и бросился к двери.

— Джо! Постой, Джо!

Но он ушел.

Джон услышал звук его шагов по коридору, к эскалатору, который приведет его на жилые этажи.

Он побежал, чтобы созвать толпу. Послать ее по всему Кораблю охотиться за Джоном Хоффом. И когда они поймают Джона Хоффа...

Когда они поймают Джона Хоффа, это будет настоящий Конец. Тот самый неизвестный Конец, о котором говорят в церкви. Потому что уже не будет никого — никого, кто знал бы цель, основание и назначение.

И получится, что тысячи людей умерли зря. Получится, что труд, и гений, и мечты тех, кто построил Корабль, пропали зря.

Это было бы огромное расточительство. А расточать — преступление. Нельзя расточать. Нельзя выбрасывать. И не только пищу и воду, но и человеческие жизни и мечты.

Рука Джона потянулась к ящику и схватила пистолет. Его пальцы сжали рукоятку, а ярость все росла в нем, ярость отчаяния, последней надежды, моментальная, слепая ярость человека, у которого намеренно отнимают жизнь.

Впрочем, это не только его жизнь, а жизнь всех других: Мэри, и Херба, и Луизы, и Джошуа.

Он бросился бежать, выскочил в дверь и поскользнулся, поворачивая направо по коридору. Он помчался к эскалатору. В темноте неожиданно наткнулся на ступеньки и подумал: как хорошо, что он много раз бывал здесь, нашупывая дорогу в темноте. Теперь он чувствовал себя как дома, и в этом было его преимущество перед Джо.

Он пронесся по лестницам, чуть не упав, свернул в коридор, нашел следующий пролет — и впереди услышал торопливые, неверные шаги того, за кем гнался.

Он знал, что в следующем коридоре только одна тусклая лампочка в самом конце. Если бы поспеть вовремя...

Он катился вниз по лестнице, держась одной рукой за перила, едва касаясь ногами ступеней.

Пригнувшись, он наконец влетел в коридор и там, впереди, при тусклом свете лампочки увидел бегущую темную фигуру. Он поднял пистолет и нажал кнопку; пистолет дернулся у него в руке, и коридор осветила яркая вспышка.

Свет на секунду ослепил его. Он сидел на полу, скorchившись, и в голове у него билась мысль: я убил Джо, своего друга.

Но это был не Джо. Это был не мальчишка, с которым он вырос. Это был не человек, сидевший против него по ту сторону шахматной доски. Это был не Джо — его друг. Это был кто-то другой — человек с лицом судьи, человек, побежавший созвать толпу, человек, который всех обрекал на неведомый Конец.

Джон чувствовал, что прав, но все же дрожал.

Минутное ослепление прошло, и он увидел на полу темную массу.

Его руки тряслись, он сидел неподвижно и ощущал тошноту и слабость во всем теле.

Не расточай! Не выбрасывай! Эти неписаные законы известны всем. Но были и такие законы, о которых даже никогда не упоминалось, потому что в этом не было необходимости. Не говорили, что нельзя украсть чужую жену, что нельзя лжесвидетельствовать, что нельзя убивать, потому что эти преступления исчезли задолго до того, как звездный Корабль оторвался от Земли.

Это были законы благопристойности, законы хорошего поведения. И он нарушил один из них. Он убил человека. Убил своего друга.

Правда, сказал он себе, он не был мне другом. Он был врагом — врагом всем нам.

Джон Хофф выпрямился и напряг все тело, чтобы остановить дрожь. Он сунул пистолет за пояс и на негнущихся ногах пошел по коридору к темной массе на полу.

В полумраке ему было легче, потому что он плохо видел, что там лежит. Тело лежало ничком, и лица не было видно. Было бы хуже, если б лицо было обращено вверх, к нему.

Он стоял и думал. Вот-вот люди хватятся Джо и начнут его искать. А они не должны его найти. Не должны узнать, что произошло. Самое понятие убийства давно исчезло, и оно не должно появиться вновь. Потому что если убил один человек — неважно, почему и зачем, — то могут найтись и другие, которые будут убивать. Если согрешил один, его грех должен

быть скрыт, потому что один грех приведет к другому греху, а когда они достигнут нового мира, новой планеты (если они ее достигнут), им понадобится вся внутренняя сила, вся сила товарищества, на которую они способны.

Он не мог спрятать тело, потому что не было такого места, где бы его не нашли. И не мог спустить его в конвертор, потому что для этого нужно было пройти через гидропонные оранжереи.

Впрочем, нет, зачем? Ведь есть другой путь к конвертору — через машинное отделение.

Он похлопал себя по карману. Ключи были там. Он наклонился, дотронувшись до еще теплого тела. Он отступил к металлической стене. Его онять затошило, и в голове непрестанно билась мысль о том, что он виновен.

Но он подумал о своем старом отце с суровым лицом, и о том давно умершем человеке, который написал Письмо, и обо всех других, кто передавал его, совершая преступление ради истины, ради знания и спасения.

Сколько мужества, подвигов и дерзаний, сколько одиночных ночей, проведенных в мучительных раздумьях! Нельзя, чтобы все это пропало из-за его нерешительности или сознания вины.

Он оторвался от стены, поднял тело Джо и взвалил его на плечи. Оно безжизненно повисло. Раздалось бульканье. И что-то теплое и мокре потекло по его спине.

Он стиснул зубы, чтобы не стучали, и, пошатываясь, побрал по мертвым эскалаторам, по темным коридорам к машинному отделению.

Наконец он добрался до двери и положил свою ношу на пол, чтобы достать ключи. Он нашел нужный ключ и повернул в замке, налег на дверь, и она медленно отворилась. В лицо ему пахнуло порыв теплого воздуха. Ярко горели огни, и раздавалось жужжание и повизгивание врачающегося металла.

Он поднял Джо, внес его, запер дверь и встал, разглядывая огромные машины. Одна из них вертелась, и он узнал ее: гирроскоп-стабилизатор тихо жужжал, подвешенный на шарнирах.

Сколько времени понадобится ему, чтобы понять все эти массивные, сложные машины? Насколько люди отстали от знаний тысячелетней давности?

А ноша давила ему на плечи, и он слышал, как на пол падают редкие, теплые, липкие капли.

Ликуя и содрогаясь от ужаса, он возвращался в прошлое. Назад, сквозь тысячу лет, к знанию, которое могло создавать такие машины. Даже еще дальше — к неуравновешенности чувств, которая могла заставить людей убивать друг друга.

Я должен от него избавиться, с горечью подумал Джон

Хофф. Но это невозможно. Даже когда он исчезнет, станет чем-то совсем другим, когда вещества, из которых он состоит, превратятся во что-то еще, — даже тогда я не смогу от него избавиться. Никогда!

Джон нашел люк конвертора, уперся ногами в пол. Люк заело. Джон дернулся, и он открылся. Перед ним зияло жерло, достаточно большое, чтобы бросить туда человеческое тело. Из глубины слышался рев механизмов, и ему показалось, что он уловил адский отблеск бушующего огня. Он осторожно дал телу соскользнуть с плеча, подтолкнул его в последний раз, закрыл люк и всей тяжестью навалился на педаль.

Дело было сделано.

Он отшатнулся от конвертора и вытер лоб. Наконец-то он избавился от своей ноши. Но тяжкое бремя все равно осталось навсегда, подумал он. Навсегда.

Он услышал шаги, но не обернулся. Он знал, чьи это шаги — призрачные шаги, которые будут преследовать его всю жизнь, шаги угрызений совести в его душе.

Послышался голос:

— Что ты сделал, малый?

— Я убил человека. Я убил своего друга.

И он обернулся, потому что ни шаги, ни голос не принадлежали привидению.

Говорил Джошуа.

— Было ли у тебя основание?

— Да. Основание и цель.

— Тебе нужен друг, — сказал Джошуа. — Тебе нужен друг, мой мальчик.

Джон кивнул.

— Я узнал цель Корабля. И назначение. Он застал меня. Он хотел донести. Я... я...

— Ты убил его.

— Я подумал: одна жизнь или все? И я взял только одну жизнь. Он бы взял все.

Они долго стояли, глядя друг на друга.

Старик сказал:

— Это неправильно — взять жизнь. Неправильно, недостойно.

Коренастый и спокойный, он стоял на фоне машин, но в нем было что-то живое, какая-то движущая сила, как в машинах.

— Так же неправильно обрекать людей на судьбу, для которой они не предназначались. Неправильно забывать цель из-за незнания и невежества, — ответил Джон.

— Цель Корабля? А это хорошая цель?

— Не знаю, — ответил Джон. — Я не уверен. Но это по крайней мере цель. А цель, какая бы она ни была, лучше, чем отсутствие цели.

Джон поднял голову и отбросил назад волосы, прилипшие ко лбу.

— Ладно, — сказал он. — Я иду с тобой. Я взял одну жизнь и больше не возьму.

Джошуа медленно, мягко произнес:

— Нет, Джон. Это я иду с тобой.

Видеть бесконечную пустоту, в которой звезды сверкают, как вечные крохотные сигнальные огоньки, было неприятно даже из наблюдательной рубки. Но видеть это из рубки управления, большое стеклянное окно которой открывалось прямо в пасть пространства, было еще хуже: внизу не видно дна, вверху не видно границ. То чудилось, что к звезде можно протянуть руку и сорвать ее, то она казалась такой далекой, что от одной мысли об этом начинала кружиться голова.

Звезды были далеко. Все, кроме одной. А эта одна сверкала сияющим солнцем совсем рядом слева.

Джон Хофф взглянул на Джошуа. На лице старика застыло выражение недоверия, страха, почти ужаса.

А ведь я знал, подумал Джон. Я знал, как это может выглядеть. Я имел какое-то представление. А он не имел никакого.

Он отвел глаза от окна, увидел ряды приборов и почувствовал, что сердце его упало и руки одеревенели.

Уже некогда сживаться с Кораблем. Некогда узнать его поближе. Все, что нужно сделать, он должен сделать, только следя своему разуму и отрывочным знаниям, которые получил от машины его мозг, неподготовленный и нетренированный.

— Что мы должны делать? — прошептал Джошуа. — Парень, что нам делать?

И Джон Хофф тоже подумал: а что мы должны делать?

Он медленно поднялся по ступенькам к креслу, на спинке которого было написано: "Пилот". Медленно забрался в кресло, и ему показалось, что он сидит на краю пропасти, откуда в любой момент может соскользнуть вниз, в пустоту.

Осторожно опустив руки на подлокотники кресла и вцепившись в них, он попробовал ориентироваться, свыкнуться с мыслью, что сидит на месте пилота, а перед ним — ручки и кнопки, которые он может поворачивать или нажимать и посыпать сигналы работающим машинам.

— Звезда, — сказал Джошуа. — Вот эта, большая, налево, которая горит...

— Все звезды горят.

— Нет, вот — большая...

— Это та звезда, к которой мы стремились тысячу лет, — ответил Джон. И он надеялся, что не ошибся. Как он хотел бы быть в этом уверенным!

И тут он почувствовал страшную тревогу. Что-то было неладно. И очень неладно.

Джон попытался думать, но космос мешал, он был слишком близко. Он был слишком огромен и пуст, и думать было бесполезно. Нельзя перехитрить космос. Нельзя с ним бороться. Космос слишком велик и жесток. Космосу все равно. В нем нет милосердия. Ему все равно, чтостанется с Кораблем и с людьми на нем.

Единственными, кому было не все равно, были те люди на Земле, что запустили Корабль, и — некоторое время — те, кто управлял им в начале пути. А теперь — только он да старик. Только им не все равно.

— Она больше других, — сказал Джошуа. — Мы ближе к ней.

Вот в чем дело! Вот что вызвало эту необъяснимую тревогу. Звезда слишком близко — она не должна быть так близко!

Он с трудом оторвал взгляд от пустоты за окном и посмотрел на пульт управления. И увидел только бессмысленную массу ручек и рычагов, вереницы кнопок, циферблотов...

Он смотрел на пульт и понемногу начинал разбираться в нем. Знания, которые вдолбила в него машина, пробуждались. Он смотрел на показания стрелок и уже кое-что понимал. Он нашел несколько ручек, о которых должен был что-то знать. В его мозгу в кошмарной пляске закружились сведения по математике, которой он никогда не знал.

Бесполезно, сказал он себе. Это была хорошая идея, но она не сработала. Машина не может обучить человека. Она не может вбить в него достаточно знаний, чтобы управлять Кораблем.

— Я не сумею это сделать, Джошуа, — простонал он. — Это невозможно.

Где же планеты? Как ему найти их? И когда он их найдет (если найдет), что тогда делать?

Корабль падал на солнце.

Джон не знал, где искать планеты. И Корабль двигался слишком быстро — намного быстрее, чем нужно. Джон вспомнил. Пот выступил каплями на лбу, потек по лицу, по телу.

— Спокойнее, парень. Спокойнее.

Он попробовал успокоиться, но не мог. Он протянул руку и открыл маленький ящичек под пультом. Там была бумага и карандаши. Он взял лист бумаги и карандаш и набросал основные показания приборов: абсолютную скорость, ускорение, расстояние до звезды, угол падения на звезду.

Были еще и другие показания, но эти — самые главные, и с ними нужно считаться.

В его мозгу пробудилась мысль, которую много раз вну-

шала ему машина. "Управлять Кораблем – это не значит направлять его в какую-то точку, а знать, где он будет в любой данный момент в ближайшем будущем".

Он принялся за вычисления. Математика с трудом проникала в его сознание. Он сделал расчет, набросал график и на два деления передвинул рычаг управления, надеясь, что сделал правильно.

– Разбираешься? – спросил Джошуа.

Джон покачал головой.

– Посмотрим. Узнаем через час.

Немного увеличить скорость, чтобы избежать падения на солнце. Проскочить мимо солнца, потом повернуть обратно под действием его притяжения – сделать широкую петлю в пространстве и снова вернуться к солнцу. Вот как это делается, по крайней мере он надеялся, что именно так. Об этом рассказывала ему машина.

Он сидел весь обмякший, думая об этой удивительной машине, размысливая, насколько можно доверять бегущей пленке и шлему на голове.

– Мы долго здесь пробудем, – сказал Джошуа.

Джон кивнул.

– Да, пожалуй. Это займет много времени.

– Тогда, – сказал старик, – я пойду и раздобуду чего-нибудь поесть.

Он пошел к двери, потом остановился.

– А Мэри? – спросил он.

Джон покачал головой.

– Пока не надо. Оставим их в покое. Если у нас ничего не выйдет...

– У нас все выйдет.

Джон резко оборвал его:

– Если у нас ничего не выйдет, лучше, чтобы они ничего не знали.

– Пожалуй, ты прав, – сказал старик. – Я пойду принесу поесть.

Два часа спустя Джон уже знал, что Корабль не упадет на солнце. Он пройдет близко – слишком близко, всего в нескольких миллионах километров, но скорость его будет такова, что он проскочит мимо и снова вылетит в пространство, притягиваемый солнцем, рвущийся прочь от этого притяжения, теряя скорость в этой борьбе.

Траектория его полета изменится под действием солнца, и он будет летать по орбите – по очень опасной орбите, потому что если оставить ее неизменной, то при следующем обороте Корабль все-таки упадет на солнце. Пока Корабль не повернет обратно к солнцу, Джон должен добиться контроля над

ним, но самое главное — он выиграл время. Он был уверен: если бы он не прибавил скорость на два деления, то Корабль или врезался бы в солнце сразу, или начал бы вращаться вокруг него по все более суживающейся орбите, вырвать с которой его не могла бы даже фантастическая сила могучих машин.

Он имел время, он кое-что знал, и Джошуа пошел за едой. Времени было немного, и он должен использовать его. Надо разбудить знания, притаившиеся где-то в мозгу, внедренные туда, и он должен употребить их для той цели, для которой они предназначались.

Теперь он был спокойнее и чуть больше уверен в себе. Думая о своей неловкости, он удивлялся, как это люди, запустившие Корабль с Земли, и те, кто управлял им до того возрождения Невежества, могли так точно направить его. Наверное, это случайность, потому что невозможно так пустить снаряд в маленькую мишень, чтобы он летел тысячу лет и попал в нее. Или возможно?

“Автоматически... Автоматически...” — звенело у него в голове одно-единственное слово. Корабль был автоматическим. Он сам летел, сам производил ремонт, сам обслуживал себя, сам двигался к цели. Мозг и рука человека должны были только сказать ему, что делать. Сделай это, говорили мозг и рука, и Корабль делал. Только это и было нужно — дать задание.

Весь секрет и был в том, как же приказать Кораблю. Что ему приказать и как это сделать. Вот что его беспокоило.

Он слез с кресла и обошел рубку. Все покрывал тонкий слой пыли, но когда Джон протер металл рукавом, он заблестел так же ярко, как и в день постройки Корабля.

Он нашел всякие вещи, некоторые знакомые, а некоторые незнакомые. Но самое главное — он нашел телескоп и после нескольких неудачных попыток вспомнил, как с ним обращаться. Теперь он знал, как искать планеты, — если это нужная звезда и у нее есть планеты.

Прошло три часа. Джошуа не возвращался. Слишком долго, чтобы достать еды. Джон зашагал по помещению, борясь со страхом. Наверное, со стариком что-то случилось.

Он вернулся к телескопу и начал разыскивать планеты. Сначала это было трудно, но понемногу, привыкая к обращению с телескопом, он начал припоминать все новые и новые данные.

Он отыскал одну планету и услышал стук. Он оторвался от телескопа и шагнул к двери.

Коридор был полон людей. Они все кричали на него, кричали с ненавистью, и в этом реве были гнев и осуждение; он сделал шаг назад.

Впереди были Херб и Джордж, а за ними остальные — мужчины и женщины. Он поискал глазами Мэри, но не нашел.

Толпа рвала вперед. На их лицах была злоба и отвращение, и Джон почувствовал, как волна страха, исходившая от них, окутала его.

Его рука опустилась к поясу, нащупала рукоятку пистолета и вытащила его. Он направил пистолет вниз и нажал кнопку. Только один раз. Вспышка осветила дверь, и толпа отшатнулась. Дверь покернела, запахло горелой краской.

Джон Хофф спокойно проговорил:

— Это пистолет. Из него я могу вас убить. Я вас убью, если вы будете вмешиваться. Уйдите. Вернитесь туда, откуда вы пришли.

Херб сделал шаг вперед и остановился.

— Это ты вмешиваешься, а не мы.

Он сделал еще шаг.

Джон поднял пистолет и направил на него.

— Я уже убил человека. И убью еще.

“Как легко, — подумал он, — говорить об убийстве, о смерти. И как легко сделать это теперь, когда я уже один раз убил”.

— Джо пропал, — сказал Херб. — Мы ищем его.

— Можете больше не искать.

— Но Джо был твоим другом.

— И ты тоже. Но цель выше дружбы. Ты или со мной, или против меня. Середины нет.

— Мы отлучим тебя от церкви.

— Отлучите меня от церкви, — насмешливо повторил Джон.

— Мы сошлем тебя в центр Корабля.

— Мы были ссыльными всю нашу жизнь, — сказал Джон, — в течение многих поколений. Мы даже не знали этого. Я говорю вам — мы этого не знали. И, не зная этого, придумали красивую сказку. Мы убедили себя в том, что это правда, и жили ею. Но вот теперь я могу доказать вам, что это всего только красивая сказка, выдуманная специально для нас, а вы уже готовы отлучить меня от церкви и сослать. Это не выход, Херб. Это не выход.

Он похлопал рукой по пистолету.

— Вот выход, — сказал он.

— Джон, ты сумасшедший.

— А ты дурак, — сказал Джон.

Сначала он испугался, потом рассердился. А теперь он чувствовал только презрение к этим людям, столпившимся в коридоре, выкрикивающим пустые угрозы.

— Что вы сделали с Джошуа? — спросил он.

— Мы связали его, — ответил Херб.

— Вернитесь и развязите его. И пришлите мне еды.

Они заколебались. Он сделал угрожающее движение пистолетом:

— Идите!

Они побежали.

Он захлопнул дверь и вернулся к телескопу.

Он нашел шесть планет, из них две имели атмосферу — вторая и пятая. Он посмотрел на часы: прошло много часов. Джошуа еще не появлялся. В дверь не стучали. Не было ни пищи, ни воды. Он снова усился в кресло пилота.

Звезда была далеко позади. Скорость уменьшилась, но была еще слишком велика. Он подвинул рычаг назад и следил за тем, как ползет назад стрелка указателя скорости. Теперь это было безопасно, по крайней мере он надеялся, что безопасно. Корабль оказался в 54 миллионах километров от звезды, и можно было уменьшить скорость.

Он снова уставился на пульт управления, и все было уже яснее, понятнее, он знал о нем немного больше. В конце концов это не так уж трудно. И будет не так трудно. Главное — есть время. Много времени. Нужно будет еще думать и расчитывать, но для этого есть время.

Разглядывая пульт, он нашел вычислительную машину, которой не заметил раньше, — вот как давали приказания Кораблю! Вот чего ему не хватало, вот над чем он бился — как приказывать Кораблю. А это делалось так: нужно отдать приказ маленькому мозгу.

Его преследовало одно слово — "автоматический". Он нашел кнопку с надписью "телескоп", и еще — с надписью "орбита", и еще — "приземление".

Наконец-то, подумал он. После всех волнений и страха — это так просто. Именно таким эти люди там, на Земле, и должны были сделать Корабль. Просто. Невероятно просто. Так просто, что каждый дурак может посадить Корабль. Каждый, кто ткнет пальцем кнопку. Ведь они, наверное, догадывались, что может произойти на Корабле через несколько поколений. Они знали, что Земля будет забыта и что люди создадут новую культуру, приспособленную к условиям в Корабле. Догадывались — или планировали? Может быть, культура Корабля была частью общего плана? Разве могли бы люди жить тысячу лет на Корабле, если бы знали его цель и назначение?

Конечно, не могли бы. Они бы чувствовали себя ограбленными и обманутыми, они бы сошли с ума от мысли, что они всего только переносчики жизни, что их жизни и жизни многих поколений будут просто зачеркнуты, чтобы их потомки могли прибыть на далекую планету.

Был только один способ бороться с этим — забвение. К нему и прибегли, и это было к лучшему.

После смены нескольких поколений люди проводили свои маленькие жизни в условиях доморощенной культуры, и этого им было достаточно. Тысячи лет как будто и не было, потому что никто не знал про эту тысячу.

И все это время Корабль ввинчивался в пространство, направляясь к цели, прямо и точно.

Джон Хофф подошел к телескопу, поймал в фокус пятую планету и включил радары, которые держали бы ее в поле зрения. Потом он вернулся к вычислительной машине и нажал кнопку с надписью "телескоп" и другую, с надписью "орбита".

Потом он сел ждать. Делать было больше нечего.

На пятой планете не было жизни.

Анализатор рассказал все. Атмосфера состояла в основном из метана, сила тяжести была в тридцать раз больше земной, давление под кипящими метановыми облаками близко к тысяче атмосфер. Были и другие факторы, но любого из этих трех было достаточно.

Джон Хофф вывел Корабль с орбиты и направил его к солнцу. Снова сев за телескоп, он поймал в фокус вторую планету, включил вычислительную машину и опять усился ждать.

Еще один шанс — и кончено. Потому что из всех планет только на двух была атмосфера. Или вторая планета, или ничего.

А если и вторая планета окажется мертвой, что тогда?

На это был только один ответ. Другого не могло быть. Повернуть Корабль еще к какой-нибудь звезде, прибавить скорость и надеяться — надеяться, что через несколько поколений люди найдут планету, на которой смогут жить.

У него начались голодные спазмы. В здешней системе водяного охлаждения еще оставалось несколько стаканов жидкости, но он выпил их уже два дня назад.

Джошуа не вернулся. Люди не появлялись. Дважды он открывал дверь и выходил в коридор, готовый сделать вылазку за пищей и водой, но каждый раз, подумав, возвращался. Нельзя было рисковать. Рисковать тем, что его увидят, поймают и не пустят обратно в рубку.

Но скоро ему придется рискнуть, придется сделать вылазку. Еще через день он будет слишком слаб, чтобы сделать это. А до второй планеты им лететь еще долго.

Придет время, когда у него не будет выбора. Он не выдержит. Если он не добудет воды и пищи, он превратится в никчемное, еле ползающее существо, и вся его сила иссякнет к тому времени, когда они достигнут планеты.

Он еще раз осмотрел пульт управления. Как будто все в по-

рядке. Корабль еще набирал скорость. Сигнальная лампочка вычислительной машины горела синим светом, и машина тихо пощелкивала, как бы говоря: "Все в порядке. Все в порядке".

Потом он перешел от пульта в тот угол, где спал. Он лег и свернулся клубком, пытаясь скать желудок, чтобы тот не мучил его. Он закрыл глаза и попробовал заснуть.

Лежа на металле, он слышал, как далеко позади работают машины, слышал их мощное пение, наполнявшее весь Корабль. Ему вспомнилось, как он думал, что нужно сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. Оказалось, что это не так, хотя он уже понимал, как можно сжиться с Кораблем, как Корабль может стать частью человека.

Он задремал, проснулся, снова задремал — и тут вдруг услышал чей-то крик и отчаянный стук в дверь.

Он сразу вскочил, бросился к двери, вытянув вперед руку с ключом. Рванул дверь, отпер — и, споткнувшись на пороге, в рубку упала Мэри. В одной руке у нее был бак, в другой — мешок. А по коридору к двери бежала толпа, размахивая палками и дико крича.

Джон втащил Мэри внутрь, захлопнул дверь и запер ее. Он слышал, как бегущие ударились в дверь и как в нее заколотили палками и заорали.

Джон нагнулся над женой.

— Мэри, — сказал он. Горло его сжалось, он задыхался. — Мэри.

— Я должна была прийти, — сказала она, плача. — Должна, что бы ты там ни сделал.

— То, что я сделал, — к лучшему, — ответил он. — Это была часть плана, Мэри. Я убежден в этом. Часть общего плана. Люди на Земле все предусмотрели. И я как раз оказался тем, кто...

— Ты еретик, — сказала она. — Ты уничтожил нашу Веру. Из-за тебя все перегрызлись. Ты...

— Я знаю правду. Я знаю цель Корабля.

Она подняла руки, охватила его лицо, нагнула и прижала к себе его голову.

— Мне все равно, — сказала она. — Все равно. Теперь. Раньше я боялась. Я была сердита на тебя, Джон. Мне было стыдно за тебя. Я чуть не умерла со стыда. Но когда они убили Джошуа...

— Что такое?!

— Они убили Джошуа. Они забили его до смерти. И не его одного. Были и другие. Они хотели идти помочь тебе. Их было очень мало. Их тоже убили. На Корабле — сплошные убийства. Ненависть, подозрения. И всякие нехорошие слухи. Никогда еще так не было, пока ты не отнял у них Веру.

Культура разбилась вдребезги, подумал он. За какие-то

часы. А Вера исчезла за долю секунды. Сумасшествие, убийства... Конечно, так оно и должно было быть.

— Они боятся, — сказал он. — Они больше не чувствуют себя в безопасности.

— Я пыталась прийти раньше, — сказала Мэри. — Я знала, что ты голоден, и боялась, что тут нет воды. Но мне пришлось ждать, пока за мной перестанут следить.

Он крепко прижал ее к себе. В глазах у него все расплывалось и потеряло очертания.

— Вот еда, — сказала она, — и питье. Я притащила все, что могла.

— Жена моя, — сказал он. — Моя дорогая жена...

— Вот еда, Джон. Почему ты не ешь?

Он встал и помог ей подняться.

— Сейчас, — сказал он. — Сейчас буду есть. Я хочу тебе сначала кое-что показать. Я хочу показать тебе Истину.

Он поднялся с ней по ступенькам.

— Смотри. Вот куда мы летим. Вот где мы летим. Что бы мы себе ни говорили, вот она — Истина.

Вторая планета была ожившей Священной Картиной. Там были и Ручьи, и Деревья, и Трава, и Цветы, Небо и Облака, Ветер и Солнечный Свет.

Мэри и Джон стояли у кресла пилота и смотрели в окно.

Аналитор после недолгого журчания выплюнул свой доклад.

“Для людей безопасно”, — было напечатано на листочке бумаги. К этому было прибавлено много данных о составе атмосферы, о количестве бактерий, об ультрафиолетовом излучении и разных других вещах. Но этого было уже достаточно. “Для людей безопасно”.

Джон протянул руку к центральному переключателю на пульте.

— Вот оно, — сказал он. — Тысяча лет кончилась.

Он повернул выключатель, и все стрелки прыгнули на нуль. Песня машин умолкла, и на Корабле наступила тишина, как тогда, когда звезды еще вращались, а стены были полом.

И тогда они услышали плач — человеческий плач, похожий на звериный вой.

— Они боятся, — сказала Мэри. — Они смертельно испуганы. Они не уйдут с Корабля.

Она права, подумал он. Об этом он не подумал — что они не уйдут с Корабля.

Они были привязаны к нему на протяжении многих поколений. Они искали в нем кровя и защиты. Для них огромность внешнего мира, бесконечное небо, отсутствие всяких пределов будут ужасны.

Но как-то нужно их выгнать с Корабля — именно выгнать и запереть Корабль, чтобы они не ворвались обратно. Потому что Корабль означал невежество и убежище для грусов; это была скорлупа, из которой они уже выросли; это было материнское лоно; выйдя из него, человечество должно обрести второе рождение.

Мэри спросила:

— Что они сделают с нами? Я об этом еще не думала. Мы не сможем спрятаться от них.

— Ничего, — ответил Джон. — Они нам ничего не сделают. По крайней мере пока у меня есть вот эта штука.

Он похлопал по пистолету, заткнутому за пояс.

— Но, Джон, эти убийства...

— Убийств не будет. Они испугаются, и страх заставит их сделать то, что нужно. Потом, может быть не очень скоро, они придут в себя, и тогда страха больше не будет. Но, чтобы начать, нужно... — Он вспомнил наконец это слово, внушенное ему удивительной машиной. — Нужно руководство. Вот что им надо — чтобы кто-нибудь руководил ими, говорил им, что делать, объединил их.

"Я надеялся, что все кончилось, — подумал он с горечью, — а ничего еще не кончилось. Посадить Корабль, оказывается, недостаточно. Нужно продолжать. И, что бы я ни сделал, Конца так и не будет, пока я жив".

Нужно будет устраиваться и учиться заново. Тот ящик больше чем наполовину набит книгами. Наверное, самыми главными. Книгами, которые понадобятся, чтобы начать.

И где-то должны быть инструкции. Указания, оставленные вместе с книгами, чтобы он прочел их и выполнил.

"*Инструкция. Выполнить после посадки*". Так будет написано на конверте или что-нибудь в этом роде. Он вскроет конверт, и там будут сложенные листки бумаги.

Так же как и в том, первом Письме.

Еще одно Письмо? Конечно, должно быть еще одно Письмо.

— Это было предусмотрено на Земле, — сказал он. — Каждый шаг был предусмотрен. Они предусмотрели состояние невежества — только так люди могли перенести полет. Они предусмотрели ересь, чтобы сохранить знания. Они сделали Корабль таким простым, что любой может им управлять — любой. Они смотрели в будущее и предвидели все, что должно случиться. Их расчет в любой момент опережал события.

Он поглядел в окно, на широкие просторы новой Земли, на Деревья, Траву, Небо.

— И я не удивлюсь, если они придумали, как выгнать нас с Корабля.

Вдруг пробудился громкоговоритель и загремел на весь Корабль.

— Слушайте все! — сказал он, чуть потрескивая, как старая пластиника. — Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль в течение двенадцати часов! Когда этот срок истечет, будет выпущен ядовитый газ!

Джон взял Мэри за руку.

— Я был прав. Они предусмотрели все, до последнего действия. Они опять на один шаг впереди нас.

Они стояли вдвоем, думая о тех людях, которые так хорошо все предвидели, которые заглянули в такое далекое будущее, догадались обо всех трудностях и предусмотрели, как их преодолеть.

— Ну, идем, — сказал Джон.

— Джон...

— Да?

— А теперь мы сможем иметь детей?

— Да, — ответил Джон. — Мы теперь сможем иметь детей. Каждый, кто захочет. На Корабле нас было так много. На этой планете нас будет мало.

— Место есть, — сказала Мэри. — Много места.

Он отпер дверь рубки. Они пошли по темным коридорам.

Громкоговоритель снова заговорил: "Слушайте все! Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль!..."

Мэри прижалась к Джону, и он почувствовал, как она дрожит.

— Джон, мы сейчас выйдем? Мы выйдем?

Испугалась. Конечно, испугалась. И он испугался. Страх многих поколений нельзя стряхнуть сразу, даже при свете Истины.

— Постой, — сказал он. — Я должен кое-что найти.

Наступает время, когда они должны покинуть Корабль, выйти на пугающий простор планеты — обнаженные, испуганные, лишенные защиты.

Но, когда наступит этот миг, он будет знать, что делать.

Он наверняка будет знать, что делать.

Потому что если люди с Земли все так хорошо предусмотрели, то они не могли упустить самого важного и не оставить где-нибудь Письма с указаниями, как жить дальше.

Когда в доме одиноко

Однажды, когда Старый Моуз Эбрамс бродил по лесу, разыскивая невесть куда запропастившихся коров, он нашел пришельца. Моуз не знал, что это пришелец, однако он понял, что перед ним живое страдающее существо, а Старый Моуз, как бы его за глаза ни осуждали соседи, был не из тех, кто

может равнодушно пройти в лесу мимо больного или раненого.

На вид это было ужасное создание — зеленое, блестящее, с фиолетовыми пятнами. Оно внушало отвращение даже на расстоянии в двадцать футов. И оно воняло.

Оно заползло, вернее, пыталось заползти в заросли орешника, но так с этим до конца и не справилось: верхняя часть его туловища скрывалась в кустах, а нижняя лежала на поляне. Его конечности — видимо, руки — время от времени слегка скребли по земле, стараясь подтянуть тело поглубже в кусты, но существо слишком ослабело, оно больше не продвинулось ни на дюйм. И оно стонало, но не очень громко — точь-в-точь ветер тоскливо выл под широким карнизом дома. Однако в его стоне слышалось нечто большее, чем вой зимнего ветра, — в нем звучало такое отчаяние и страх, что у Старого Моуза волосы на голове стали дыбом.

Моуз довольно долго размышлял над тем, что ему делать с этим существом, а потом еще какое-то время набирался храбрости, хотя большинство его знакомых, не задумываясь, признали бы, что храбрости у него хоть отбавляй. Впрочем, при таких обстоятельствах одной только заурядной храбрости недостаточно. Тут нужна храбрость безрассудная.

Но перед ним лежало неведомое страдающее существо, и он не мог его оставить без помощи. Поэтому Моуз приблизился к нему, опустился рядом на колени; на это создание было тяжко смотреть, однако в его уродстве таилось что-то притягательное — оно точно завораживало своей отталкивающей внешностью. И от него исходило ужасное, ни с чем не сравнимое зловоние.

Моуз не был брезглив. В окружे он отнюдь не славился чистоплотностью. С тех пор как около десяти лет назад умерла его жена, он жил в полном одиночестве на своей запущенной ферме, и его методы ведения хозяйства служили пищей для злословия окрестных кумушек. Этак раз в год, когда у него доходили руки, он выгребал из дома груды мусора, а остальное время ни к чему не притрагивался.

Поэтому исходивший от существа запах смутил его меньше, чем того можно было ожидать, будь на его месте кто-либо другой. Зато Моуза смутил его вид, и он не сразу решился прикоснуться к существу, а когда, собравшись с духом, наконец сделал это, очень удивился. Он ожидал, что существо окажется либо холодным, либо скользким и липким, а может, и таким и этаким одновременно. Но ошибся. Оно было на ощупь теплым, твердым и чистым — Моуз словно прикоснулся к зеленому стеблю кукурузы.

Просунув под страдальца руку, он осторожно вытащил его из зарослей орешника и перевернул на спину, чтобы взгля-

нуть на его лицо. Лица у него не было. Верхняя часть туловища кончалась утолщением, как стебель цветком, хотя тело существа вовсе не было стеблем. А вокруг этого утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались, точно черви в консервной банке. И тут-то Моуз чуть было не вскочил и не бросился наутек.

Но он выдержал.

Моуз сидел на корточках, уставившись на эту безликость с бахромой из червей; он похолодел, страх сковал его и вызвал приступ тошноты, а когда ему почудилось, что жалобный вой издают черви, на душе у него стало еще муторнее.

Моуз был упрям. Упрям и ко многому равнодушен. Но только не к страдающему живому существу.

Наконец пересилив себя, он поднял существо на руки и удивился, как мало оно весит. Меньше, чем трехмесячный поросенок, прикинул Моуз.

С существом на руках он стал взбираться по лесной тропинке на холм к дому, и ему показалось, что дурной запах стал слабее. Моузу уже не было так страшно, как поначалу, и холод больше не сковывал его тела.

Потому что существо немного успокоилось и выло теперь потише. И хотя Моуз не был в этом уверен, иногда ему казалось, будто оно прижимается к нему, как прижимается к взрослому испуганный и голодный ребенок, когда тот берет его на руки.

Старый Моуз вышел к постройкам и немного постоял во дворе, соображая, куда ему отнести существо — в дом или сарай. Ясно, что сарай — самое подходящее для него место, ведь существо — не человек; даже в собаке, или кошке, или большом ягненке больше человеческого, чем в нем.

Однако колебался Моуз недолго. Он внес существо в дом и положил в кухне около плиты на то подобие ложа, которое называл кроватью. Он аккуратно и бережно расправил его, накрыл грязным одеялом и, подойдя к плите, принялся раздувать огонь.

Потом он придвинул к кровати стул и начал внимательно, с глубоким интересом разглядывать свою находку. Существо уже почти утихло и с виду казалось много спокойнее, чем в лесу. Моуз с такой нежностью укутал его одеялом, что и сам удивился. Он призадумался над тем, какие из его приспособов могут сгодиться существу в пищу; впрочем, даже если бы он и знал это, неизвестно, как бы ему удалось покормить существо, ведь у того, судя по всему, не было рта.

— Тебе не о чем беспокоиться, — вслух сказал он. — Раз уж я принес тебя в дом, все обойдется. Хоть я и не сильно смысли, как тебе помочь, но все, что мне по силам, я для тебя сделаю.

День уже клонился к вечеру, и, выглянув в окно, он увидел, что коровы, которых он недавно искал, вернулись домой сами.

— Пора мне коров доить, да еще кое-что поделать по хозяйству, — сказал он существу, лежавшему на кровати. — Но я отлучусь ненадолго.

Чтобы в кухне стало теплее, Старый Моуз подбросил в плинту дров, еще раз заботливо поправил одеяло, взял ведра для молока и пошел в сарай.

Он покормил овец, свиней и лошадь и подоил коров. Собрал яйца и запер курятник. Накачал бак воды.

После этого он вернулся в дом.

Уже стемнело, и Моуз зажег стоявшую на столе керосиновую лампу, потому как был против электричества. Он даже отказался подписать контракт, когда периферийная электрическая компания проводила здесь линию, и многие соседи за это обиделись на него. Но он плевал на их обиды.

Моуз взглянул на лежавшее в постели существо. С виду оно вроде бы находилось в прежнем состоянии. Будь это больной ягненок или теленок, Моуз сразу смекнул бы, хуже ему или лучше. Но тут он был бессилен.

Он приготовил себе немудреный ужин, поел и снова задумался над тем, как покормить существо и как ему помочь. Он принес его в дом, согрел его, но пошло ли это ему на пользу? Может, следовало сделать для него что-то другое? Этого он не знал.

Моуз было подумал, не обратиться ли к кому за помощью, но от одной мысли, что придется просить о помощи, даже не зная, в чем она должна заключаться, ему стало тошно. Потом он представил себе, каково было бы ему самому, если б, измученный и больной, он очутился в неведомом далеком краю и никто не сумел бы ему помочь из-за того, что там не знали бы, что он такое.

Это заставило его наконец решиться, и он направился к телефону. Но кого ему вызывать, доктора или ветеринара? Он остановился на докторе, потому что существо находилось в доме. Если б оно лежало в сарае, он позвонил бы ветеринару.

Это была местная телефонная линия, слышимость — хуже некуда, и, поскольку Моуз был туговат на ухо, он пользовался телефоном довольно редко. Временами он говорил себе, что телефон ничуть не лучше других новшеств, которые только портят людям жизнь, и не раз грозился выбросить его. Но сейчас он был доволен, что этого не сделал.

Телефонистка соединила его с доктором Бенсоном, и оба они не очень-то хорошо слышали друг друга, но Моуз все-таки ухитрился объяснить доктору, кто звонит и что ему нужно его помочь, и доктор обещал приехать.

Облегченно вздохнув, Моуз повесил трубку и немного постоял, ничего не делая. Но вдруг его поразила мысль, что в лесу могли остаться другие такие же существа. Он понятия не имел, кто они, что здесь делают, куда держат путь, но не вызывало сомнений, что этот, на кровати, — чужестранец, прибывший из далеких мест. И разум подсказывал, что таких, как он, может быть несколько, ведь в дальней дороге одиночко, и любой человек — или любое другое живое существо — предпочтет путешествовать в компании.

Он снял с крючка фонарь и, тяжело ступая, вышел за дверь.

Ночь была темна, как тысяча черных кошек, и фонарь светил очень слабо, но для Моуза это не имело значения: он знал свою ферму как собственные пять пальцев.

Он спустился по тропинке к лесу. В этот час здесь было жутко, но Старый Моуз был не из тех, кто боится ночного леса. Продираясь сквозь кустарник и высоко подняв фонарь, чтобы осветить площадь побольше, он осмотрел поляну, где нашел существо, но там никого больше не оказалось.

Однако он нашел кое-что другое — нечто, похожее на огромную птичью клетку, сплетенную из металлических прутьев, которая застрияла в густом кусте орешника. Он попытался вытащить ее, но она такочно засела в ветках кустарника, что не сдвинулась с места.

Он огляделся, чтобы понять, откуда она попала сюда.

Вверху над собой он увидел сломанные ветви деревьев, через которые она пробила себе дорогу, а еще выше холодно сияли звезды, казавшиеся очень далекими.

Моуз ни на миг не усомнился в том, что существо, лежавшее сейчас на его постели около плиты, явилось сюда в этом невиданном плетеном сооружении. Он немного подивился, но не стал особенно вдумываться, ведь вся эта история казалась настолько сверхъестественной, что он сознавал, как мало у него шансов найти ей какое-нибудь разумное объяснение.

Моуз вернулся к дому, и едва он успел задуть фонарь и повесить его на крюк, как послышался шум подъезжающей машины.

Подойдя к двери дома, доктор несколько рассердился, увидев стоявшего на пороге Старого Моуза.

— Что-то вы не похожи на больного, — сварливо произнес он. — Должно быть, не так уж вам худо, чтобы тащить меня сюда посреди ночи.

— А я и не болен, — сказал Моуз.

— Тогда зачем вы мне звонили? — рассердившись еще больше, спросил доктор.

— У меня в доме кое-что заболел, — ответил Моуз. — Мо-

жет, вы сумеете помочь ему. Я бы сам попробовал, да не знаю как.

Доктор вошел в дом, и Моуз закрыл дверь.

— У вас тут что-нибудь протухло? — спросил доктор.

— Нет, это он так воняет. Сперва было совсем невмоготу, но теперь я уже попривык.

Доктор заметил на кровати существо и направился к нему. Старый Моуз услышал, как доктор словно бы захлебнулся, и увидел, что он, напряженно вытянувшись, застыл на месте. Потом доктор нагнулся и стал внимательно разглядывать лежавшее перед ним существо.

Когда он выпрямился и повернулся лицом к Моузу, только безграничное изумление помешало ему окончательно выйти из себя.

— Моуз! — взвизгнул он. — Что это такое?!

— Сам не знаю, — ответил Моуз. — Я нашел его в лесу, ему было плохо, оно стонало, и я не мог его там бросить одного.

— Вы считаете, что оно заболело?

— Я знаю это, — сказал Моуз. — Ему немедля нужно помочь. Боюсь, что оно умирает.

Доктор снова повернулся к кровати, откинул одеяло и пошел за лампой, чтобы получше рассмотреть существо. Он оглядел его со всех сторон, боязливо потыкал в него пальцем и многозначительно прищелкнул языком, как это умеют делать одни лишь врачи.

Потом он снова прикрыл существо одеялом и отнес на стол лампу.

— Моуз, — проговорил он, — я ничем не могу помочь ему.

— Но вы же врач!

— Я лечу людей, Моуз. Мне не известно, что это за существо, одно ясно — это не человек. Я даже приблизительно не могу определить, что с ним, если вообще в его организме что-то разладилось. А если б мне все-таки удалось поставить диагноз, я не знал бы, как его лечить, не причиняя вреда. К тому же я не уверен, что это животное. Многое в нем говорит за то, что это растение.

Потом доктор спросил Моуза, где он нашел существо, и Моуз рассказал, как все произошло. Но он ни словом не обмолвился про клетку — сама мысль о ней казалась настолько фантастичной, что у него язык не повернулся рассказать. Достаточно того, что он нашел это существо и принес его в дом, и незачем упоминать о клетке.

— Вот что я вам скажу, — произнес доктор. — Это ваше существо не известно ни одной из земных наук. Сомневаюсь, видели ли когда-нибудь на Земле что-либо подобное. Лично я не знаю, что оно из себя представляет, и не собираюсь ломать над этим голову. На вашем месте я связался бы с Мэ-

дисонским университетом. Может, там кто-нибудь и сообщит, что это такое. В любом случае им будет интересно ознакомиться с вашей находкой. Они непременно захотят обследовать его.

Моуз подошел к буфету, достал коробку из-под сигар, почти доверху наполненную серебряными долярами, и расплатился с доктором. Добродушно пошутив над этим его чуда-чеством, доктор опустил монеты в карман.

Моуз с редким упрямством держался за свои серебряные доллары.

— В бумажных деньгах есть что-то незаконное, — не раз говорил он. — Мне нравится трогать серебро и слушать, как оно позвякивает. В нем чувствуется сила.

Вопреки опасениям Моуза доктор уехал не в таком уж плохом настроении. После его ухода Моуз пододвинул к кровати стул и сел.

До чего же несправедливо, подумал он, что нет никого, кто мог бы помочь такому больному существу, никого, кто знает хоть какое-нибудь средство, чтобы облегчить его страдания.

Сидя между плитой и кроватью, Моуз слушал, как в тишине кухни громко тикают часы и потрескивают дрова.

Он смотрел на лежавшее перед ним существо, и в нем вдруг вспыхнула почти безумная надежда на то, что оно выздоровеет и будет жить с ним. Теперь, когда его клетка покорежена, ему волей-неволей придется оставаться. И Моуз надеялся, что так оно и будет, ведь даже теперь в доме уже не чувствовалось прежнего одиночества.

И тут до Моуза внезапно дошло, как здесь раньше было одиноко. Пока не умер Тоузер, было еще терпимо. Он пробовал заставить себя взять другую собаку, но не смог. Поэтому что не было на свете собаки, которая могла бы заменить Тоузера, и даже сама попытка найти другого пса казалась ему предательством. Разумеется, можно было взять кошку, но тогда он стал бы слишком часто вспоминать Молли. Она очень любила этих животных, и до самой ее смерти в доме всегда путались под ногами две-три кошки.

А теперь он остался один. Один на один со своей фермой, своим упрямством и серебряными долярами. Доктор, как и все остальные, считал, что, кроме как в стоявшей в буфете коробке из-под сигар, у Моуза больше серебра не было. Ни одна живая душа не знала о существовании старого, доверху наполненного монетами чугунного котелка, который он спрятал под досками пола в гостиной. При мысли о том, как он их всех провел, Моуз хихикнул. Он много бы отдал, чтобы посмотреть на лица соседей, если бы им удалось об этом пронюхать. Сам-то он никогда не проговорится. Если уж им суждено узнать, обойдутся без него.

Он сидел, клюя носом, и в конце концов так и заснул на стуле с опущенным на грудь подбородком, обхватив себя руками, словно хотел подольше сохранить тепло.

Когда он проснулся, в предрассветном мраке слабо мерцала на столе лампа, догорали в плите дрова, а пришелец был мертв.

То, что существо умерло, не вызывало сомнений. Оно похолодело и вытянулось, а поверхность его тела стала жесткой, и оно уже начало засыхать — так с концом роста засыхает в поле под ветром стебель кукурузы.

Моуз прикрыл его одеялом и, хотя еще рано было начинать обычную работу на ферме, вышел и сделал все, что требовалось, при свете фонаря.

После завтрака он согрел воды, умылся и побрился — и это впервые за много лет он брался не в воскресенье. Потом он надел свой единственный приличный костюм, пригладил волосы, вывел из гаража старый, полуразвалившийся автомобиль и поехал в город.

Он отыскал Эба Денисона, чиновника муниципалитета, который одновременно был секретарем Правления кладбища.

— Эб, — сказал Моуз, — я хочу купить участок земли на кладбище.

— Но у вас уже есть участок! — запротестовал Эб.

— Так то семейный, — возразил Моуз. — Там хватит места только для меня и Молли.

— А зачем же вам еще один? — спросил Эб.

— Я нашел кое-кого в лесу, — сказал Моуз. — Я принес его домой, и прошлой ночью он умер. Я хочу похоронить его.

— Если вы нашли в лесу покойника, вам надо сообщить об этом следователю или шерифу, — предостерег Эб.

— Все в свое время, — сказал Моуз, и не думая этого делать. — Так как же насчет участка?

И сняв с себя ответственность за эту сомнительную сделку, Эб продал ему место на кладбище.

Купив участок, Моуз отправился в похоронное бюро Альберта Джонса.

— Ал, — сказал он, — мой дом посетила смерть. Покойник не из здешних мест, я нашел его в лесу. Не похоже, что у него есть родственники, и я должен позаботиться о похоронах.

— А у вас есть свидетельство о смерти? — спросил Ал, который не утруждал себя лицемерной деликатностью, свойственной большинству служащих похоронных бюро.

— Нет.

— Вы обращались к врачу?

— Прошлой ночью заезжал док Бенсон.

— Он должен был выдать вам свидетельство. Придется ему позвонить.

Он соединился по телефону с доктором Бенсоном и, потолковав с ним немного, стал красным как рак.

Наконец он раздраженно хлопнул трубкой и повернулся к Моузу.

— Не знаю, с какой целью вы все это затеяли, — злобно набросился он на Моуза, — но док говорит, что ваш покойник вовсе не человек. Я не занимаюсь погребением кошек, собак или...

— Это не кошка и не собака.

— Плевать я хотел на то, что это такое. Чтобы я взялся за устройство похорон, мне нужен покойник — человек. Кстати, не вздумайте сами зарыть его на кладбище. Это незаконно.

Сильно упав духом, Моуз вышел из похоронного бюро и медленно заковылял на холм, на котором стояла единственная в городке церковь.

Он нашел пастора в кабинете, где тот трудился над проповедью. Моуз присел на краешек стула, беспокойно вертя в искалеченных работой руках свою изрядно поношенную шляпу.

— Отец мой, — произнес он, — я хочу рассказать вам все как было, с начала до конца. — И он рассказал. — Я не знаю, что это за существо, — добавил он. — Сдается мне, что этого никто не знает. Но оно скончалось, и его нужно похоронить честь по чести, а у меня с этим ничего не получается. Мне нельзя похоронить его на кладбище. И, видно, придется подыскать для него местечко на ферме. Не согласились бы вы приехать и сказать пару слов над могилой?

Пастор погрузился в глубокое раздумье.

— Мне очень жаль, Моуз, — произнес он наконец. — Полагаю, что это невозможно. Я далеко не уверен в том, что церковь одобрят такой поступок.

— Пусть это не человеческое существо, — сказал Старый Моуз, — но ведь оно тоже тварь божья.

Пастор подумал еще немного и даже высказал кое-какие соображения вслух, но в результате все-таки пришел к выводу, что сделать этого не может.

Моуз спустился с холма к своей машине и поехал домой, по дороге размышляя о том, какие же попадаются среди людей скоты.

Вернувшись на ферму, он взял кирку и лопату, вышел в сад и там, в углу, вырыл могилу. Потом он отправился в гараж за досками, чтобы сколотить для существа гроб, но оказалось, что последние доски ушли на починку свинарника.

Моуз вернулся в дом и в поисках простыни, которую за неимением гроба решил использовать вместо савана, перерыл

комод, стоявший в одной из задних, уже много лет пустующих комнат. Простыни он не нашел, но зато среди тряпья ему попалась старая льняная скатерть. Он подумал, что сойдет и это, и отнес скатерть на кухню.

Моуз откинул одеяло, взглянул на мертвое существо, и у него словно комок подкатил к горлу — он представил, в каком тот умер одиночестве и в какой дали от родины, и в его последний час не было рядом с ним ни одного его соплеменника. И оно было совершенно голым: ни клочка одежды, ни вещей, ничего, что он, Моуз, мог бы оставить себе на память.

Он расстелил скатерть на полу возле кровати, поднял существо на руки и положил его на нее. И в этот миг он заметил на его теле карман — если, конечно, это было карманом, — нечто вроде щели с клапаном в самом центре той части тела, которая могла быть грудью. Моуз провел сверху рукой по карману. В нем прощупывалось что-то твердое. Он долго сидел на корточках около трупа, не зная, как ему быть.

Наконец решившись, он просунул в щель пальцы и вытащил находившийся в кармане предмет. Это был шарик, чуть больше теннисного мяча, сделанный из дымчатого стекла или какого-то похожего на стекло материала. Все еще сидя на корточках, он долго глядел на этот шарик, потом встал и пошел к окну, чтобы получше рассмотреть его.

В шарике не было ничего особенного. Это был обыкновенный шарик из дымчатого стекла, на ощупь такой же шершавый и мертвый, как тело существа.

Моуз покачал головой, отнес шарик обратно и, положив туда, откуда его вынул, осторожно завернул труп в скатерть. Он вынес его в сад и опустил в яму. Став в голове могилы, он торжественно произнес несколько приличествующих случаю слов и закидал могилу землей.

Сперва он собирался насыпать над могилой холмик и поставить крест, но в последнюю минуту передумал. Ведь теперь нахлынут любопытные. Молва облетит всю округу, и эти типы будут приезжать сюда и глазеть на могилу, в которой он похоронил найденное им в лесу существо. И чтобы никто не догадался, где он зарыл его, придется обойтись без холмика и без креста. А может, это к лучшему, сказал он себе. Он ведь не знал, что написать или вырезать на кресте.

Уже перевалило за полдень, и Моуз проголодался, но не стал прерывать работу, чтобы поесть, потому как еще не все сделал. Он отправился на луг, поймал Бесс, запряг ее в телегу и спустился в лес.

Он привязал Бесс к застрявшей в кустах клетке, и лошадь без труда вытащила ее оттуда. Потом он погрузил клетку на телегу, привез на холм, внес в гараж и спрятал в самом дальнем его углу около горна.

Покончив с этим, он впряжен Бесс в плуг и перепахал весь сад, хотя в этом не было никакой необходимости. Но зато теперь везде была свежевспаханная земля, и никому не удалось бы обнаружить место, где он вырыл могилу.

И как раз в ту минуту, когда он уже кончал пахать, подкатила машина, и из нее вылез шериф Дойли. Шериф был человеком весьма обходительным, но не из тех, кто любит тянуть волынку. Он сразу приступил к делу.

— Я слышал, — сказал он, — ты нашел кое-что в лесу.

— Точно, — согласился Моуз.

— Говорят, будто бы это существо умерло в твоем доме.

— Вы не ошиблись, шериф.

— Моуз, я желал бы взглянуть на него.

— Ничего не выйдет. Я похоронил его. И не скажу где.

— Моуз, — произнес шериф, — мне не хочется причинять тебе неприятности, но ты нарушил закон. Нельзя же подбирать в лесу людей и безо всякого закапывать их, если им вдруг вздумается умереть в твоем доме.

— Вы говорили с доком Бенсоном?

Шериф кивнул:

— Док сказал, что никогда ничего подобного не видел. Что это был не человек.

— В таком случае, — произнес Моуз, — вам тут делать нечего. Раз это был не человек, значит, не совершено никакого преступления против личности. А если существо никому не принадлежало, здесь нет и преступления против собственности. Ведь пока что никто не заявлял на него свои права, верно?

Шериф поскреб подбородок.

— Никто. Пожалуй, ты прав. А где это ты изучал законы?

— Я никогда не изучал никаких законов. И вообще я в жизни ничего не изучал. Просто-напросто я здраво рассуждаю.

— Док что-то толковал про ученых из университета — будто у них может возникнуть желание взглянуть на твою находку.

— Вот что, шериф, — сказал Моуз. — Это существо откуда-то явилось сюда и умерло. Не знаю, откуда оно пришло и что это было такое, да и знать не желаю. Для меня это было просто живое существо, которое очень нуждалось в помощи. Живое, оно держалось с достоинством, а умерев, потребовало к себе уважительного отношения. Когда отказались похоронить его как положено, я сам сделал все, что в моих силах. Больше мне сказать нечего.

— Ладно, Моуз, — произнес шериф, — будь по-твоему.

Он повернулся и прошествовал к своей машине. Стоя около запряженной в плуг старой Бесс, Моуз смотрел ему вслед. Пренебрегая правилами, шериф рванул с места на большой

скорости, и было похоже, что он не на шутку обозлился.

Когда Моуз убрал в сарай плуг и отвел лошадь на пастбище, подоспело время вечерних работ.

Управившись с хозяйством, он приготовил себе ужин, поел и уселся около плиты, слушая, как в тишине дома громко тикают часы и потрескивает огонь.

Всю долгую ночь Моуз чувствовал себя очень одиноким.

На следующий день после полудня, когда он пахал поле под кукурузу, приехал репортер и, дойдя рядом с Моузом до конца борозды, завел разговор. Старому Моузу этот репортер не очень-то понравился. Слишком уж нахально он вел себя и задавал какие-то дурацкие вопросы. Поэтому Моуз прокусил язык и мало что сказал ему.

Через несколько дней явился какой-то человек из университета и показал Моузу статью, которую написал репортер, вернувшись с фермы. В этой статье он Моуза ядовито высмеял.

— Очень сожалею, что так получилось, — сказал профессор. — Эти газетчики — народ безответственный. Я бы не стал слишком принимать к сердцу их писанину.

— А мне все равно, — буркнул Моуз.

Человек из университета забросал его вопросами и особо подчеркнул, как для него важно взглянуть на труп существа.

Но Моуз только покачал головой.

— Оно почиет в мире, — сказал он. — Я не потревожу его.

И ученый, негодяя, впрочем стараясь сохранить достоинство, удалился.

В течение последующих дней мимо фермы то и дело проезжали какие-то люди, бездельники полюбопытнее даже бродили между постройками, появился и кое-кто из соседей, которых Моуз не видел уже несколько месяцев. Но разговор у него был со всеми короткий, поэтому они вскоре оставили его в покое, и он продолжал обрабатывать свою землю, а в доме по-прежнему было одиноко.

Он снова начал подумывать о том, не взять ли ему собаку, но все вспоминал Тоузера и так на это и не решился.

Однажды, работая в саду, он обнаружил, что из земли над могилой показалось какое-то растение. Оно выглядело очень необычно, и первым побуждением Моуза было вырвать его.

Однако он передумал — растение заинтересовало его. Моуз никогда ничего похожего не видел и потому решил дать ему немного подрасти и посмотреть, что это такое. То было плотное мясистое растение с толстыми темно-зелеными закрученными листьями, и оно чем-то напомнило ему заячью капусту, которая появлялась в лесу с наступлением весны.

Как-то раз приехал еще один посетитель — пожалуй, самый

чудной. Это был темноволосый энергичный мужчина, который заявил, что является президентом Клуба летающих тарелок. Он поинтересовался, разговаривал ли Моуз с найденным в лесу существом, и, судя по всему, был ужасно разочарован, когда Моуз ответил отрицательно. Затем он спросил, не нашел ли часом Моуз аппарат, в котором существо прибыло сюда, и в ответ на это Моуз солгал. Видя, как незнакомец горячится, Моуз испугался, что ему, чего доброго, может прийти в голову обыскать ферму, а тогда он наверняка найдет клетку, спрятанную в дальнем углу гаража. Но вместо этого незваный гость пустился в пространные рассуждения о вреде утаивания жизненно важных сведений.

Почерпнув из этой лекции все, что можно, Моуз вошел в дом и достал из-за двери дробовик. Президент Клуба летающих тарелок поспешно рас прощался и отбыл восьмьми.

Жизнь на ферме шла своим чередом, приостановилась работа на кукурузном поле, и начался покос, а в саду тем временем продолжало расти неведомое растение, которое теперь стало принимать определенную форму. Старый Моуз не поверил своим глазам, разглядев однажды, на что оно похоже, и простоявал долгие вечерние часы в саду, рассматривая растение и спрашивая себя, не выживает ли он из ума от одиночества.

В одно прекрасное утро он увидел, что растение ждет его у двери. Ему, конечно, полагалось бы удивиться, на самом же деле этого не произошло, потому что он жил рядом с растением, вечерами смотрел на него, и, хотя он даже самому себе не осмеливался признаться, в глубине души он сознавал, что это такое.

Ведь перед ним стояло существо, которое он нашел в лесу, но не больное и жалобно стонущее, не умирающее, а молодое и полное жизни.

Но все же оно было не совсем таким, как прежде. Моуз всмотрелся в существо и увидел те едва уловимые новые черты, которые можно было бы объяснить разницей между стариком и юношой либо между отцом и сыном либо отнести за счет изменения эволюционной модели.

— Доброе утро, — сказал Моуз, ничуть не удивившись, что заговорил с существом, словно в этом не было ничего необычного. — Я рад, что ты вернулся.

Существо, стоявшее во дворе, не ответило ему. Но это не имело значения: Моуз и не ждал, что оно отзовется. Для него было важно только то, что теперь ему есть с кем поговорить.

— Я ухожу. Мне нужно сделать кое-что по хозяйству, — сказал Моуз. — Если хочешь, пойдем вместе.

Оно брело за ним по пятам, наблюдая, как он хозяйствует, и Моуз беседовал с ним, что было несравненно приятнее, чем беседовать с самим собой.

За завтраком он поставил ему отдельную тарелку и подвинул к столу еще один стул, но оказалось, что существо не может им воспользоваться, так как тело его не сгибалось.

И оно не ело. Сперва это огорчило Моуза, ибо он был гостеприимным хозяином, но потом он смекнул, что такой рослый и сильный юнец соображает достаточно, чтобы самому позаботиться о себе, и что ему, Моузу, видимо, не стоит беспокоиться об удовлетворении его жизненных потребностей.

После завтрака они с существом вышли в сад, и, как того и следовало ожидать, растения там уже не было. На земле лежала лишь опавшая сморщенная оболочка, тот покров, что служил стоявшему рядом с ним существу колыбелью.

Из сада Моуз отправился в гараж, и существо, увидев клетку, стремительно бросилось к ней и принялось ее ощупывать. Потом оно повернулось к Моузу и словно бы сделало умоляющий жест.

Моуз подошел к клетке, взялся руками за один из согнутых прутьев, а существо, стоявшее рядом, схватило конечностями тот же прут, и они вместе начали распрямлять его. Но безуспешно. Им, правда, удалось чуточку разогнуть его, но этого было недостаточно, чтобы вернуть пруту первоначальную форму.

Они стояли и смотрели друг на друга, хотя слово "смотрели" едва ли подходило для этого случая, поскольку у существа не было глаз и смотреть ему было нечем. Оно как-то непонятно двигало конечностями, и Моуз никак не мог взять в толк, что оно пыталось объяснить ему. Потом существо легло на пол и показало, как прутья клетки открепляются от ее основания.

Хотя Моуз спустя немного сообразил, как действует механизм крепления, он так до конца и не понял его принцип. И в самом деле невозможно было уразуметь, почему он действовал именно таким образом.

Вначале нужно было нажать на прут с определенной силой, прикладывая ее под определенным углом, и прут слегка поддавался. Затем следовало снова нажать на него, прикладывая силу уже под другим углом, и прут поддавался еще немного. Это делалось трижды, и в результате прут отсоединялся от клетки, хотя, видит бог, Моуз не мог бы объяснить, почему так получается.

Моуз развел в горне огонь, подбросил угля и принял раздувать пламя мехами, а существо неотрывно следило за его действиями. Но когда он взял прут, собираясь сунуть его в огонь, существо стало между ним и горном. Тут Моуз понял, что, перед тем как распрямлять прут, нагревать его не следует, и он принял это как должное. Ведь существо наверняка лучше знает, как это делается, сказал он себе.

И, обойдясь без огня, он отнес холодный прут на наковальню и принялся выпрямлять его ударами молота, а существо в это время пыталось жестами показать ему, какую нужно придать пруту форму. Эта работа заняла довольно много времени, но зато прут был распрямлен именно так, как того желало существо.

Моуз думал, что им придется немало повозиться, пока они вставят прут обратно, но тот мгновенно скользнул в наз.

Потом они вытащили другой прут, и теперь дело пошло быстрее, потому что у Моуза уже появилась сноровка.

Но это был тяжелый, изнурительный труд. Они работали до вечера и расправили только пять прутьев.

Потребовалось полных четыре дня, чтобы расправить молотом прутья клетки, и все это время трава оставалась некошеной.

Однако Моуза это нисколько не тревожило. У него теперь было с кем поговорить, и его дом покинуло одиночество.

Когда они выпрямили все прутья и вставили их в пазы, существо проскользнуло в клетку и занялось какой-то диковинной штукой, прикрепленной к потолку, которая с виду напоминала корзинку сложного плетения. Наблюдая за ним, Моуз решил, что эта корзинка была чем-то вроде автомобильного мотора.

Вдруг существо забеспокоилось. Разыскивая что-то, оно обошло весь гараж, но, видно, его поиски не увенчались успехом. Оно вернулось к Моузу, и в его жестах старик уловил отчаяние и мольбу. Моуз показал ему железо и сталь; порывшись в картонке, где он держал гвозди, зажимы, втулки, кусочки металла и прочий хлам, он извлек из нее латунь, медь и даже кусок алюминия, но существу нужно было не это.

И Моуз обрадовался — ему было немного стыдно, но он обрадовался.

Ведь он понимал, что, когда клетка будет починена, существо покинет его. По складу своей натуры он не мог помешать существу чинить клетку или отказать ему в помощи. Но сейчас, когда выяснилось, что починить клетку, видимо, невозможно, он почувствовал, что очень этому рад.

Теперь существу придется остаться с ним, и ему будет с кем разговаривать, а из его дома уйдет одиночество. Как было бы чудесно, подумал он, снова иметь рядом с собой живое существо. А это созданье было почти таким же хорошим товарищем, как Тоузер.

На следующее утро, когда Моуз готовил завтрак, он потянулся к верхней полке буфета за овсянкой, задел рукой коробку из-под сигар, и она полетела на пол. Она упала набок, крышка откинулась, и доллары раскатились по всей кухне.

Уголком глаза Моуз заметил, как существо бросилось в

погоню за одной из монет. Схватив ее, оно повернулось к Моузу, и из клубка червей на его макушке послышалось какое-то дребезжание.

Оно нагнулось, сгребло еще несколько монет и, прижав их к себе, исполнило нечто вроде джиги, и сердце Моуза упало — до него вдруг дошло, что существо так настойчиво искало не что иное, как серебро.

Моуз опустился на четвереньки и помог существу собрать остальные доллары. Они сложили их обратно в коробку из-под сигар, и Моуз отдал ее существу.

Оно приняло коробку, взвесило на щупальце и явно огорчилось. Оно высыпало доллары на стол и разложило их аккуратными столбиками, и Моуз видел, что оно глубоко разочаровано.

А вдруг существо искало вовсе не серебро? — подумал Моуз. Может, оно ошиблось, приняв серебро за какой-то другой металл.

Моуз достал овсянку, насыпал ее в кастрюлю с водой и поставил на плиту. Когда каша и кофе были готовы, он отнес еду на стол и приступил к завтраку.

Существо все еще стояло по другую сторону стола, то так, то сяк перестраивая столбики из серебряных долларов. И теперь, подняв над этими столбиками конечность, оно дало понять, что ему нужны еще монеты. Вот столько столбиков, показало оно, и каждый столбик должен быть вот такой высоты.

Моуза словно громом ударило, и его рука с ложкой овсянки замерла на полпути ко рту. Он подумал об остальных долларах, которыми был набит чугунный котелок, спрятанный под полом в гостиной. Он никак не мог решиться отдать их: это единственное, что у него оставалось, если не считать существа. И он не в силах был с ними расстаться, ведь тогда существо сможет починить клетку и тоже покинет его.

Не ощущая никакого вкуса, он съел миску овсянки и выпил две чашки кофе. И все это время существо стояло перед ним и показывало, сколько еще ему нужно монет.

— Я не могу их тебе отдать, — сказал Старый Моуз. — Я ведь сделал все, чего только может ожидать одно живое существо от другого, кем бы оно ни было. Я нашел тебя в лесу, согрел и дал тебе кров. Я старался помочь тебе, а когда у меня с этим ничего не получилось, я защитил тебя от этих назойливых людей. И я не вырвал тебя из земли, когда ты вновь начал расти. Неужто ты ждешь, что я буду делать тебе добро вечно?

Но его слова лишь сотрясли воздух. Существо не слышало его, а себя он так ни в чем и не убедил.

Он встал из-за стола и пошел в гостиную, а существо дви-

нулось следом. Он поднял доски пола, вытащил котелок, и существо, увидев его содержимое, в великой радости крепко обхватило себя конечностями.

Они отнесли монеты в гараж, и Моуз, раздув в горне огонь, поставил на него котелок и начал плавить с таким трудом накопленные деньги.

Временами ему казалось, что он не в состоянии довести эту работу до конца, но все-таки он справился с ней.

Существо вынуло из клетки корзинку, поставило ее рядом с горном, зачерпнуло железным ковшиком расплавленное серебро и стало лить его в определенные ячейки корзинки, осторожно придавая ему молоточком нужную форму.

Это длилось долго, потому что работа требовала большой точности, но наступило время, когда она подошла к концу, а серебра почти не осталось. Существо внесло корзинку в клетку и укрепило ее на место.

Уже вечерело, и Моузу пришлось уйти, чтобы заняться кое-какими хозяйственными делами. Он был почти уверен, что существо вытащит из гаража клетку и, вернувшись домой, он его уже там не застанет. И он старался разжечь в себе чувство обиды — ведь существо только брало, не думая ничем отплатить ему, и, насколько он мог судить, даже не пыталось поблагодарить его. Но, несмотря на все старания, он так и не обиделся.

Выйдя из сарай с двумя ведрами молока, Моуз увидел, что существо ждет его. Оно последовало за ним в дом и все время держалось поблизости, и он пытался беседовать с ним. Но душа его не лежала к разговору. Он ни на минуту не мог забыть, что существо покинет его, и радость общения с ним была отравлена ужасом перед грядущим одиночеством.

Ведь для того, чтобы как-то скрасить одиночество, у него даже не осталось денег.

В эту ночь, когда он лежал в постели, на него нахлынули удивительные мысли. Он представил себе другое одиночество, еще более страшное, чем то, которое он когда-либо знал на этой заброшенной ферме, — ужасное, беспощадное одиночество межзвездных пустынь, мятущееся одиночество того, кто ищет какое-то место или живое существо, и, хотя туманный образ искомого едва вырисовывается в сознании, он обязательно найдет то, к чему стремится, и это самое важное.

Никогда ему не приходили в голову такие странные мысли, и внезапно он понял, что это вовсе не его мысли, а того, другого, что находится рядом с ним в комнате.

Напрягая всю свою волю, он попытался встать, но не смог. На миг он приподнял голову, но тут же уронил ее обратно на подушку и крепко заснул.

На следующее утро, когда Моуз позавтракал, оба они по-

шли в гараж и вытащили во двор клетку. И это таинственное, неземное сооружение стояло там в холодном и ярком свете зари.

Существо подошло к клетке и начало было пропискиваться между двумя прутьями, но, вдруг остановившись, вылезло обратно и подошло к Старому Моузу.

— Прощай, друг, — сказал Моуз. — Я буду скучать по тебе. У него как-то странно засияло глаза.

Тот протянул ему на прощание конечность, и, взяв ее, Моуз почувствовал, что в ней зажат какой-то предмет, нечто круглое и гладкое, и тут предмет оказался уже в руке Моуза.

Существо отняло свою конечность и, быстро подойдя к клетке, прописнулось в нее между прутьями. Оно потянулось к корзинке, что-то вспыхнуло, и клетка исчезла. Моуз одиноко стоял на заднем дворе, уставившись на то место, где уже не было клетки, и вспоминая, что он чувствовал или думал — или слышал? — прошлой ночью, лежа в постели.

Должно быть, существо уже там, в черном безысходном одиночестве межзвездных далей, где оно снова ищет какой-то уголок, или предмет, или другое живое существо, но смысл этого поиска не дано постичь человеческому разуму.

Моуз медленно повернулся к дому — надо взять ведра и идти доить коров.

Тут он вспомнил о предмете, который держал в руке, и поднял к лицу все еще крепко стиснутый кулак. Он разомкнул пальцы — на его ладони лежал маленький хрустальный шарик, точно такой же, как тот, который он нашел в складке-кармане похороненного им в саду трупа. С одной только разницей — первый шарик был мертвым и матовым, а в этом мерцал живой отблеск далекого огня.

Глядя на него, Моуз ощутил в душе такое необыкновенное счастье и покой, какие ему редко случалось испытывать раньше. Словно его окружало множество людей и все они были друзьями.

Он прикрыл шарик рукой, а счастье не уходило — и это было непонятно: ведь ничем нельзя было объяснить, почему он счастлив. Существо покинуло его, он остался без денег, и у него не было друзей, но ему почему-то было хорошо и радостно.

Он положил шарик в карман и проворно зашагал к дому. Сложив трубочкой обветренные губы, он принял насыпистый, а надо сказать, что давным-давно у него даже в мыслях не было посвистеть.

Может, я счастлив потому, мелькнуло у него, что, прежде чем исчезнуть, существо все-таки пожало мне на прощание руку?

А что до подарка, то, каким бы он ни был пустяковым,

как ни дешева была безделушка, ценность его заключалась в том простом и светлом чувстве, которое он в нем пробудил. Прошло много лет с тех пор, как кто-либо удосужился сделать Моузу подарок.

В бездонных глубинах вселенной одиноко и тоскливо без Друга. Кто знает, когда удастся обрести другого.

Быть может, он поступил неразумно, но старый дикарь был таким трогательно-добрый, таким неловким, жалким и так хотел помочь. А тот, чей путь далек и стремителен, должен путешествовать налегке. Ему больше нечего было подарить старику на память.

Денежное дерево

1

Чак Дойл шел вдоль высокой кирпичной стены, отделявшей городской дом Дж. Говарда Меткалфа от пошлой действительности, и вдруг увидел, как через стену перелетела двадцатидолларовая бумажка.

Учите, что Дойл не из тех, кто хлопает ушами, — он себе клыки обломал в этом грубом мире. И хоть никто не скажет, что Дойл семи пядей во лбу, дураком его тоже считать не стоит. Поэтому неудивительно, что, увидев деньги посреди улицы, он их очень быстро подобрал.

Он оглянулся, чтобы проверить, не следят ли за ним. Может, кто-то решил подшутить таким образом или, что еще хуже, отобрать деньги?

Но вряд ли за ним следили: в этой части города каждый занимался своим делом и принимал все меры к тому, чтобы остальные занимались тем же, чему в большинстве случаев помогали высокие стены. И улица, на которой Дойл намеревался присвоить банкнот, была, по совести говоря, даже не улицей, а глухим переулком, отделяющим кирпичную стену резиденции Меткалфа от изгороди банкира Дж. С. Грэгга. Дойл поставил там свою машину, потому что на бульваре, куда выходили фасады домов, не было свободного места.

Никого не обнаружив, Дойл поставил на землю фотоаппараты и погнался за бумажкой, плывущей над переулком. Он схватил ее с ревностью кошки, ловящей мышь, и вот именно тогда-то удостоверился окончательно, что это не какой-нибудь доллар и даже не пятидолларовик, а самые настоящие двадцать долларов. Бумажка похрустывала — она была такой новенькой, что еще блестела, и, держа ее нежно кончиками пальцев, Дойл решил отправиться к Бенни и со-

вершить одно или несколько возлияний, чтобы отметить колоссальное везение. Легкий ветерок проносился по переулку, и листва немногих деревьев, что росли в нем, вместе с листвой многочисленных деревьев, что росли за заборами и оградами на подстриженных лужайках, шумела, как приглушенный симфонический оркестр. Ярко светило солнце, и не было никакого намека на дождь, и воздух был чист и свеж, и мир был удивительно хорош. И с каждым моментом становился все лучше.

Потому что через стену резиденции Меткалфа в след за первой бумажкой, весело танцуя на ветру, перелетели и другие.

Дойл увидел их, и на миг его словно парализовало, глаза вылезли из орбит, и у него перехватило дыхание. Но в следующий момент он уже начал хватать бумажки обеими руками, набивая ими карманы, задыхаясь от страха, что какой-нибудь из банкнотов может улететь. Он был во власти убежденности, что, как только он подберет эти деньги, ему надо бежать отсюда со всех ног.

Он знал, что деньги кому-то принадлежат, и был уверен, что даже на этой улице не найдется человека, настолько презирающего бумажные купюры, что он позволит им улететь и не попытается задержать.

Так что он собрал деньги и, убедившись, что не упустил ни одной бумажки, бросился к своей машине. Через несколько кварталов в укромном месте он остановил машину на обочине, опустошил карманы, разглаживая банкноты и складывая их в ровные столбики на сиденье. Их оказалось куда больше, чем он предполагал.

Тяжело дыша, Дойл поднял пачку — пересчитать деньги, и заметил, что из нее что-то торчит. Он попытался щелчком сбить это нечто, но оно осталось на месте. Казалось, оно приклеено к одному из банкнотов. Он дернул, и банкнот вылез из пачки.

Это был черешок, такой же, как у яблока или вишни, черешок, крепко и естественно приросший к углу двадцатидолларовой бумажки.

Он бросил пачку на сиденье, поднял банкнот за черешок, и ему стало ясно, что совсем недавно черешок был прикреплен к ветке.

Дойл тихо присвистнул.

“Денежное дерево”, — подумал он.

Но денежных деревьев не бывает. Никогда не было денежных деревьев. И никогда не будет денежных деревьев.

— Мне мерещится чертовщина, — сказал Дойл, — а ведь я уже несколько часов капли в рот не брал.

Ему достаточно было закрыть глаза — и вот оно, могучее дерево с толстым стволом, высокое, прямое, с раскидисты-

ми ветвями, с множеством листьев. И каждый лист — двадцатидолларовая бумажка. Ветер играет листьями и рождает денежную музыку, а человек может лежать в тени этого дерева и ни о чем не заботиться, только подбирать падающие листья и класть их в карманы.

Он потянул за черешок, но тот не отдирался от бумажки. Тогда Дойл аккуратно сложил банкнот и сунул его в часовой кармашек брюк. Потом подобрал остальные деньги и, не считая, сунул их в другой карман.

Через двадцать минут он вошел в бар Бенни. Бенни противорвал стойку. Единственный одинокий посетитель сидел в дальнем углу бара, посасывая пиво.

— Бутылку и стакан, — сказал Дойл.

— Покажи наличные, — сказал Бенни.

Дойл дал ему одну из двадцатидолларовых бумажек. Она была такой новенькой, что хруст ее громом прозвучал в тишине бара. Бенни очень внимательно оглядел ее.

— Кто это их тебе делает? — спросил он.

— Никто, — сказал Дойл, — я их на улице подбираю.

Бенни передал ему бутылку и стакан.

— Кончил работу? Или только начинаешь?

— Кончил, — сказал Дойл. — Я снимал старика Дж. Говарда Меткалфа. Один журнал заказал его портрет.

— Этого гангстера?

— Он теперь не гангстер. Он уже лет пять-шесть как легальный. Он магнат.

— Ты хочешь сказать "богач"? Чем он теперь занимается?

— Не знаю. Но чем бы ни занимался, живет неплохо. У него приличная хижинка на холме. А сам-то он — глядеть не на что.

— Не понимаю, чего в нем нашел твой журнал?

— Может быть, они хотят напечатать рассказ о том, как выгодно быть честным человеком.

Дойл наполнил стакан.

— Мне-то что, — сказал он философски. — Если мне заплатят, я и червяка сфотографирую.

— Кому нужен портрет червяка?

— Мало ли психов на свете! — сказал Дойл. — Может, комунибудь и понадобится. Я вопросов не задаю. Людям нужны снимки, и я их делаю. И пока мне за них платят, все в порядке.

Дойл с удовольствием допил и налил снова.

— Бенни, — спросил он, — ты когда-нибудь слышал, чтобы деньги росли на дереве?

— Ты ошибся, — сказал Бенни, — деньги растут на кустах.

— Если могут на кустах, то могут и на деревьях. Ведь что такое куст? Маленькое дерево.

— Ну уж нет, — возразил Бенни, малость смущившись. —

Ведь на самом деле деньги и на кустах не растут. Просто по-говорка такая.

Зазвонил телефон, и Бенни подошел к нему.

— Это тебя, — сказал он.

— Кто бы мог догадаться, что я здесь? — удивился Дойл. Он взял бутылку и пошел вдоль стойки к телефону.

— Ну, — сказал он в трубку, — вы меня звали, говорите. — Это Джейк.

— Сейчас ты скажешь, что у тебя для меня работа. И что ты мне дня через два заплатишь. Сколько, ты думаешь, я буду на тебя работать бесплатно?

— Если ты это для меня сделаешь, Чак, я тебе все заплачу. И не только за это, но и за все, что ты делал раньше. Сейчас мне нужна твоя помощь. Понимаешь, машина слетела с дороги и попала прямо в озеро, и страховая компания уверяет...

— Где теперь машина?

— Все еще в озере. Они ее вытащат не сегодня-завтра, а мне нужны снимки...

— Может, ты хочешь, чтобы я забрался в озеро и снимал под водой?

— Именно так. Я понимаю, что это нелегко. Но я достану водолазный костюм и все устрою. Я бы тебя не просил, но ты единственный человек...

— Не буду я этого делать, — уверенно сказал Дойл, — у меня слишком хрупкое здоровье. Если я промокну, то схвачу воспаление легких и у меня разболятся зубы, а кроме того, у меня аллергия к водорослям, а озеро почти наверняка полно кувшинок и всякой травы.

— Я тебе заплачу вдвое! — в отчаянии вопил Джейк. — Я тебе даже втройне заплачу!

— Знаю, — сказал Дойл, — ты мне ничего не заплатишь.

Он повесил трубку и, не выпуская из рук бутылки, вернулся на старое место.

— Тоже мне, — сказал он, выпив две порции подряд, — хорошенъкий способ зарабатывать себе на жизнь.

— Все способы хороши, — сказал Бенни философски.

— Послушай, Бенни, та бумажка, которую я тебе дал, она в порядке?

— А что?

— Да нет, просто ты похрустел ею.

— Я всегда так делаю. Клиенты это любят.

И он машинально протер стойку снова, хотя та была чиста и суха.

— Я в них разбираюсь не хуже банкира, — сказал он. — Я фальшивку за пятьдесят шагов учую. Некоторые умники приходят сбыть свой товар в бар, думают, что это самое подходящее место. Надо быть начеку.

— Ловишь их?

— Иногда. Не часто. Вчера здесь один рассказывал, что теперь до черта фальшивых денег, которые даже эксперт не отличит. Рассказывал, что правительство с ума сходит — появляются деньги с одинаковыми номерами. Ведь на каждой бумажке свой номер. А когда на двух одинаковый, значит, одна из бумажек фальшивая.

Дойл выпил еще и вернул бутылку.

— Мне пора, — объявил он. — Я сказал Мейбл, что загляну. Она у меня не любит, когда я накачиваюсь.

— Не понимаю, чего Мейбл с тобой возится, — сказал Бенни. — Работа у нее в ресторане хорошая, столько ребят вокруг. Некоторые и не пьют, и работают вовсю...

— Ни у кого из них нет такой души, как у меня, — сказал Дойл. — Ни один из этих механиков и шоферов не отличит закат солнца от яичницы.

Бенни дал ему сдачу с двадцати долларов.

— Я вижу, ты со своей души имеешь, — сказал он.

— А почему бы и нет! — ответил Дойл. — Само собой разумеется.

Он собрал сдачу и вышел на улицу.

Мейбл ждала его, и в этом не было ничего удивительного. Всегда с ним что-нибудь случалось, и он всегда опаздывал, и она уже привыкла ждать.

Она сидела за столиком. Дойл поцеловал ее и сел напротив. В ресторане было пусто, если не считать новой официантки, которая убирала со стола в другом конце зала.

— Со мной сегодня приключилась удивительная история, — сказал Дойл.

— Надеюсь, приятная? — спросила Мейбл.

— Не знаю еще, — ответил Дойл. — Может быть, и приятная. С другой стороны, я, может, хлебну горя.

Он залез в часовой кармашек, достал банкнот, расправил его, разгладил и положил на стол.

— Что это такое? — спросил он.

— Зачем спрашивать, Чак? Это двадцать долларов.

— А теперь посмотри внимательно на уголок.

Она посмотрела и удивилась.

— Смотри-ка, черешок! — восхлинула она. — Совсем как у яблока. И приклеен к бумаге.

— Эти деньги с денежного дерева, — сказал Дойл.

— Таких не бывает, — сказала Мейбл.

— Бывает, — сказал Дойл, сам все более убеждаясь в этом. — Одно из них растет в саду Дж. Говарда Меткалфа. Отсюда у него и деньги. Я раньше никак не мог понять, как эти боссы умудряются жить в больших домах, ездить на автомобилях длиной в квартал и так далее. Ведь чтобы заработать на

это, им пришлось бы всю жизнь вкалывать. Могу поспорить, что у каждого из них во дворе растет денежное дерево. И они держат это в секрете. Только вот сегодня Меткалф забыл с утра собрать спелые деньги, и их сдуло с дерева через забор.

— Но даже если бы денежные деревья существовали, — не сдавалась Мейбл, — боссы не смогли бы сохранить все в секрете. Кто-нибудь да дознался. У них же есть слуги, а слуги...

— Я догадался, — перебил ее Дойл. — Я об этом думал и знаю, как это делается. В этих домах не простые слуги. Каждый из них служит семье много лет, и они очень преданные. И знаешь, почему они преданные? Потому что им тоже достается кое-что с этих денежных деревьев. Могу поклясться, что они держат язык за зубами, а когда уходят в отставку, сами живут как богачи. Им невыгодно болтать. И кстати, если бы всем этим миллионерам нечего было скрывать, к чему бы им окружать свои дома такими высокими стенами?

— Ну, они ведь устраивают в садах приемы, — возразила Мейбл. — Я всегда об этом читаю в светской хронике.

— А ты когда-нибудь была на таком приеме?

— Нет, конечно.

— То-то и оно, что не была. У тебя нет своего денежного дерева. И они приглашают только своих, только тех, у кого тоже есть денежные деревья. Почему, ты думаешь, богачи задирают нос и не хотят иметь дела с простыми смертными?

— Ну ладно, нам-то что до этого?

— Мейбл, смогла бы ты мне найти мешок из-под сахара или что-нибудь вроде этого?

— У нас их в кладовке сколько угодно. Могу принести.

— И пожалуйста, вдень в него шнур, чтобы я мог потянуть за него и мешок бы закрылся. А то, если придется бежать, деньги могут...

— Чак, ты не посмеешь...

— Прямо у стены стоит дерево. И один сук навис над ней. Так что я могу привязать веревку...

— И не думай. Они тебя поймают.

— Ну, это мы посмотрим после того, как ты достанешь мешок. А я пока пойду поищу веревку.

— Но все магазины уже закрыты. Где ты достанешь веревку?

— Это уж мое дело, — сказал Дойл.

— Тебе придется отвезти меня домой. Здесь я не смогу переделать мешок.

— Как только вернусь с веревкой.

— Чак!

— Да?

— А это не воровство? С денежным деревом?

— Нет. Если даже у Меткалфа и есть денежное дерево, он

не имеет никаких прав держать его в саду. Дерево общее. Больше, чем общее. Какое у него право собирать все деньги с дерева и ни с кем не делиться?

— А тебя не поймают за то, что ты делаешь фальшивые деньги?

— Какие же это фальшивки? — возмутился Дойл. — Никто их не делает. Там же нет ни пресса, ни печатной машины. Деньги сами по себе растут на дереве.

Она перегнулась через стол и прошептала:

— Чак, это так невероятно! Разве могут деньги расти на дереве?

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Дойл. — Я не ученый, но скажу тебе, что эти ботаники научились делать удивительные вещи. Ты про Бербанка слыхала? Он выращивал такие растения, что на них росло все, что ему хотелось. Они умеют выращивать совсем новые плоды, менять их размер и вкус и так далее. Так что, если кому-нибудь из них пришло бы в голову вывести денежное дерево, для него это пара пустяков.

Мейбл поднялась из-за стола.

— Я пойду за мешком, — сказала она.

2

Дойл забрался на дерево, которое росло в переулке у самой стены.

Он поднял голову и посмотрел на светлые, освещенные луной облака. Через минуту или две облако побольше закроет луну, и тогда надо будет спрыгнуть в сад.

Дойл посмотрел туда. В саду росло несколько деревьев, но отсюда нельзя было разобрать, какое из них было денежным. Правда, Дойлу показалось, что одно из них похрустывает листьями.

Он проверил веревку, которую держал в руке, мешок, заткнутый за пояс, и стал ждать, пока облако закроет луну.

Дом был тих и темен, и только в комнатах верхнего этажа поблескивал свет. Ночь, если не считать шороха листьев, тоже была тихой.

Край облака начал вгрызаться в луну, и Дойл пополз на четвереньках по толстому суку. Потом привязал веревку и опустил ее конец.

Проделав все это, он замер на секунду, прислушиваясь и приглядываясь к тихому саду.

Никого не было.

Он соскользнул вниз по веревке и побежал к дереву, листья которого, как ему казалось, похрустывали.

Осторожно поднял руку.

Листья были размером и формой с двадцатидолларовые банкноты. Он сорвал с пояса мешок и сунул в него пригоршню листьев. И еще, и еще...

"Как просто! — сказал он себе. — Как сливы. Будто бы я собираю сливы. Так же просто, как собирать..."

"Мне нужно всего пять минут, — говорил он себе. — И все. Чтобы пять минут мне никто не мешал".

Но пяти минут у него и не оказалось; у него не было и минуты.

Яростный смерч налетел на него из темноты. Он ударил его по ноге, впился в ребра и разорвал рубашку. Смерч был яростен, но беззвучен, и в первые секунды Дойлу показалось, что этот сторож-смерч бесплотен.

Дойл сбросил с себя оцепенение внезапности и страха и начал сопротивляться так же беззвучно, как и нападающая сторона. Дважды ему удавалось ухватиться за сторожа, и дважды тот ускользал, чтобы вновь наброситься на Дойла.

Наконец он сумел вцепиться в сторожа так, что тот не мог пошевельнуться, и поднял его над головой, чтобы размозжить о землю. Но в тот момент, когда он поднял руки, облако отпустило луну и в саду стало светло.

Он увидел, что держит, и с трудом подавил возглас изумления.

Он ожидал увидеть собаку. Но это была не собака. Это было не похоже ни на что, виденное им до сих пор. Он даже не слышал ни о чем подобном.

Один конец этого существа представлял собой рот, другой был плоским и квадратным. Размером оно было с терьера, но это был не терьер. У него были короткие, но сильные ноги, а руки были длинные, тонкие, заканчивающиеся крепкими когтями, и он подумал, как хорошо, что он схватил это существо, прижав его руки к телу. Существо было белого цвета, безволосое и голое, как ощипанная курица. За спиной у него было прикреплено что-то, очень похожее на ранец. И тем не менее это было еще не самое худшее.

Грудь его была широкой, блестящей и твердой, как панцирь кузнецика, а на ней вспыхивали светящиеся буквы и знаки. Дойла охватил ужас. Мысли молниеносно сменяли одна другую, он пытался удержать их, но они закрутились вихрем, и он никак, никак не мог привести их в порядок.

Наконец непонятные знаки исчезли с груди существа, и на ней появились светящиеся слова, написанные печатными буквами:

— ОТПУСТИ МЕНЯ!

Даже с восклицательным знаком на конце.

— Дружище, — сказал Дойл, основательно потрясенный, но тем не менее уже пришедший в себя. — Я тебя не отпущу про-

сто так. У меня есть насчет тебя кое-какие планы.

Он обернулся, нашел лежавший на земле мешок и пододвинул к себе.

— ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ, —
появилось на груди существа.

— Нет, — сказал Дойл, — не пожалею.

Он встал на колени, быстро развернул мешок, засунул внутрь своего пленника и затянул шнуром.

Внезапно на первом этаже дома вспыхнул свет и послышались голоса из окна, выходящего в сад. Где-то в темноте скрипнула дверь и захлопнулась с пустым гулким звуком. Дойл бросился к веревке. Мешок мешал ему бежать, но желание убраться подальше помогло быстро вскарабкаться на дерево. Он притаился среди ветвей и осторожно подтянул к себе болтающуюся веревку, сворачивая ее свободной рукой.

Существо в мешке начало ворочаться и брыкаться. Он приподнял мешок и стукнул им о ствол. Существо сразу затихло.

По дорожке, утопающей в тени, кто-то прошел уверенным шагом, и Дойл увидел в темноте огонек сигары. Раздался голос, явно принадлежащий Меткалфу:

— Генри!

— Да, сэр, — отозвался Генри с веранды.

— Куда, черт возьми, задевался ролла?

— Он где-то там, сэр. Он никогда не отходит далеко от дерева. Вы же знаете, он за него отвечает.

Огонек сигары загорелся ярче. Видно, Меткалф яростно затянулся.

— Не понимаю я этих ролл, Генри, — сказал он. — Столько лет прошло, а я их все не понимаю.

— Правильно, сэр, — сказал Генри. — Их трудно понять.

Дойл чувствовал запах дыма. Судя по запаху, это была хорошая сигара.

Ну и понятно, Меткалф, конечно, курит самые лучшие. Не будет же человек, у которого растет денежное дерево, задумываться о цене сигар!

Дойл осторожно отполз фута на два по суху, стараясь приблизиться к стене.

Огонек сигары дернулся и обернулся к нему, — значит, Меткалф услышал шум на дереве.

— Кто там? — крикнул он.

— Я ничего не слышал, сэр. Это, наверно, ветер.

— Никакого ветра, дурак. Это опять та же кошка.

Дойл прижался к ветке, неподвижный, но вместе с тем собранный в комок, готовый действовать, как только в этом возникнет необходимость. Он выругал себя за неосторожность.

Меткалф сошел с дорожки и стоял, освещенный лунным светом, разглядывая дерево.

— Там что-то есть, — объявил он торжественно. — Листва такая густая, что я не могу разглядеть, в чем дело. Но могу поклясться — это та самая чертова кошка. Она просто преследует роллу.

Он вынул сигару изо рта и выпустил несколько изумительных по форме колец дыма, которые, как привидения, поплыли в воздухе.

— Генри, — крикнул он, — принеси-ка мне ружье! Двенадцатый калибр стоит прямо за дверью.

Этого было достаточно, чтобы Дойл бросился к стене. Он едва не упал, но удержался. Он уронил веревку, чуть не потерял мешок. Ролла внутри снова начал трепыхаться.

— Тебе что, попрыгать охота? — яростно зашипел Дойл.

Он перекинул мешок через стену и услышал, как тот ударился о мостовую. Дойл надеялся, что не убил роллу, так как его пленник мог оказаться ценным приобретением. Его можно будет продать в цирк, там любят всяких уродцев.

Дойл добрался до стены и соскользнул вниз, не думая о последствиях, исцарапав руки и ноги.

Из-за забора доносились страшные вопли и леденящие кровь ругательства Дж. Говарда Меткалфа.

Дойл подобрал мешок и бросился к тому месту, где он оставил машину. Добежав, он кинул мешок внутрь, сел за руль и поехал по сложному, заранее разработанному маршруту, чтобы уйти от возможной погони.

Через полчаса Дойл остановился у небольшого парка и принялся обдумывать ситуацию.

В ней было и плохое, и хорошее.

Ему не удалось собрать урожай с дерева, как он намеревался, и к тому же теперь Меткалфу обо всем известно, и вряд ли удастся повторить набег.

С другой стороны, Дойл теперь знал наверняка, что денежные деревья существуют, и у него был ролла, вернее, он предполагал, что эту штуку зовут роллой.

И этот ролла — такой тихий в мешке — основательно поцарапал его, охраняя дерево.

При свете луны Дойл видел, что руки его в крови, а царапины на ребрах под разорванной рубашкой жгли огнем. Штаны промокла от крови.

Он почувствовал, как мурашки побежали по коже. Человеку ничего не стоит подцепить инфекцию от неизвестной зверюги.

А если пойти к доктору, тот обязательно спросит, что с ним случилось. Он, конечно, сможет сослаться на собаку. Но вдруг доктор поймет, что это совсем не собачьи укусы? Вернее всего, доктор сообщит куда следует.

Нет, решил он, слишком многое поставлено на карту, что-

бы рисковать, — никто не должен знать о его открытии. Потому что пока Дойл — единственный человек, знающий о денежном дереве, из этого можно извлечь выгоду. Особенно если у него есть ролла, единственным образом связанный с этим деревом, которого, даже и без дерева, если повезет, можно превратить в деньги.

Он снова завел машину.

Минут через пятнадцать он остановил ее в переулке, в который выходили задние фасады старых многоквартирных домов.

Он вылез из машины, прихватив с собой мешок.

Ролла все еще был неподвижен.

— Странно, — сказал Дойл.

Он положил руку на мешок. Мешок был теплым, а ролла чуть пошевелился.

— Жив еще, — сказал Дойл с облегчением.

Он пробирался между мусорных ури, штабелей гнилых досок и груд пустых консервных банок. Кошки, завидя его, разбегались в темноте.

— Ничего себе местечко для девушки, — сказал себе Дойл. — Совершенно неподходящее место для такой девушки, как Мейбл.

Он отыскал черный ход, поднялся по скрипучей лестнице, прошел по коридору и нашел дверь в комнату Мейбл. Она схватила его за рукав, втащила в комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной.

— Я так волновалась, Чак!

— Нечего было волноваться, — сказал Дойл. — Непредвиденные осложнения. Вот и все.

— Что у тебя с руками? — вскрикнула она. — А рубашка! Дойл весело подкинул мешок.

— Это все пустяки, Мейбл, — сказал он. — Главное, посмотри, что в мешке.

Он огляделся.

— Окна закрыты?

Она кивнула.

— Передай мне настольную лампу, — сказал он, — сойдет вместо дубинки.

Мейбл вынула вилку из штепселя, сняла абажур и протянула ей лампу.

Он поднял лампу, наклонился над мешком и развязал его.

— Я его пару раз стукнул, — сказал он, — и перебросил через забор, так что он, наверно, оглушен, но все-таки рисковать не стоит.

Он перевернул мешок и вытряхнул роллу на пол. За ним последовал дождь из двадцатидолларовых бумажек.

Ролла с достоинством поднялся с пола и встал вертикаль-

но, хотя трудно было понять, что он стоит прямо. Его задние конечности были такими короткими, а передние — такими длинными, что казалось, будто он сидит, как собака.

Больше всего ролла был похож на волка или, вернее, на могучего карикатурного бульдога, воющего на луну.

Мейбл испустила отчаянный визг и бросилась в спальню, захлопнув за собой дверь.

— Замолчи ты, бога ради! — сказал Дойл. — Всех перебудиши. Соседи подумают, что я тебя убиваю.

Кто-то наверху затопал ногами. Мужской голос зарычал: "Заткнитесь, эй, там, внизу!"

На груди роллы загорелась надпись:

— ГОЛОДЕН. КОГДА БУДЕМ ЕСТЬ?

Дойл проглотил слюну. Он почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу.

— В ЧЕМ ДЕЛО? —

продолжал ролла. —

ГОВОРИ, Я СЛЫШУ.

Кто-то громко постучал в дверь.

Дойл быстро огляделся и увидел, что пол засыпан деньгами. Он принялся собирать их и рассовывать по карманам.

В дверь продолжали стучать.

Дойл собрал деньги и открыл дверь.

В дверях стоял мужчина в нижнем белье. Он был высок и мускулист и возвышался над Дойлом по крайней мере на фут. Из-за его плеча выглядывала женщина.

— Что здесь происходит? — спросил мужчина. — Мы слышали, как кричала женщина.

— Мышку увидела, — сказал Дойл.

Мужчина не спускал с него глаз.

— Большую мышку, — уточнил Дойл. — Может быть, даже крысу.

— А вы, мистер... с вами что случилось? Где это вы так рубаху порвали?..

— В карты играл, — сказал Дойл и попытался захлопнуть дверь.

Но мужчина распахнул ее еще шире и вошел в комнату.

— Если вы не имеете ничего против, я бы взглянул... — сказал он.

С замиранием сердца Дойл вспомнил о ролле.

Он обернулся. Но роллы не было.

Открылась дверь спальни, и вышла Мейбл. Она была холода как лед.

— Вы здесь живете, мисс? — спросил мужчина в исподнем.

— Да, здесь, — сказала женщина, оставшаяся в дверях. — Я ее часто вижу в коридоре.

— Этот парень к вам пристает?

— Ни в коем случае, — сказала Мейбл. — Это мой друг. Мужчина обернулся к Дойлу.

— Ты весь в крови, — сказал он.

— Что делать... — ответил Дойл. — Если поранишься, всегда кровь идет.

Женщина потянула мужчину за рукав.

Мейбл сказала:

— Уверяю вас, ничего не произошло.

— Пошли, милый, — настаивала женщина, продолжая тянуть его за рукав. — Они в нас не нуждаются.

Мужчина неохотно ушел.

Дойл захлопнул дверь и запер ее.

— Черт возьми, — сказал он, — нам придется отсюда сматываться. Он ведь не забудет, позвонит в полицию, они явятся и заберут нас...

— Мы ничего не сделали, Чак, — сказала Мейбл.

— Может, и так. Но я полицию не люблю. Не хочу отвечать на вопросы.

Она подошла к нему ближе.

— Он прав, ты весь в крови, — сказала она. — И руки, и рубашка.

— И нога тоже, — сказал он. — Это меня ролла обработал. Ролла вышел из-за кресла.

— НЕ ХОТЕЛ НЕДОРАЗУМЕНИЙ,
ВСЕГДА ПРЯЧУСЬ ОТ НЕЗНАКОМЫХ.

— Вот так он и говорит, — сказал Дойл, не скрывая восторга.

— Что это? — спросила Мейбл, отходя на два шага.

— Я РОЛЛА.

— Мы встретились под денежным деревом, — сказал Дойл. — Малость повздорили. Он имеет какое-то отношение к дереву — то ли стережет его, то ли еще что.

— Ты денег достал?

— Немного. Понимаешь, этот ролла...

— ГОЛОДЕН,

зажглось на груди у роллы.

— Иди сюда, — сказала Мейбл, — я тебя перевяжу.

— Да ты что, не хочешь послушать?..

— Не очень. Ты снова попал в переделку. Мне кажется, что ты нарочно попадаешь в переделки.

Она повела его в ванную.

— Сядь на край ванны, — сказала она.

Ролла подошел к двери и остановился.

— У ВАС НЕТ НИКАКОЙ ПИЩИ? —

спросил он.

— О боже мой! — воскликнула Мейбл. — А что вы хотите?

— ФРУКТЫ. ОВОЩИ.

— Там, в кухне, на столе есть фрукты. Вам показать?
— САМ НАЙДУ, —
заявил ролла и исчез.

— Не пойму этого коротышку, — сказала Мейбл. — Сначала он тебя искал, а теперь, выходит, стал лучшим другом.

— Я его стукнул пару раз, — ответил Дойл. — Научил себя уважать.

— И он еще умирает с голоду, — заметила Мейбл с осуждением. — Да сядь ты на край ванны. Я тебя обогру.

Он сел, а она достала из аптечки бутылку с чем-то коричневым, пузырек спирта, вату и бинт. Она встала на колени и закатала штанину Дойла.

— Плохо, — сказала она.

— Это он зубами меня, — сказал Дойл.

— Надо пойти к доктору, Чак, — сказала Мейбл. — Можешь подцепить заражение крови. А вдруг у него грязные зубы?

— Доктор будет задавать много вопросов. У меня и без него хватит неприятностей.

— Чак, а что это такое?

— Это ролла.

— А почему его зовут ролла?

— Не знаю. Зовут, и все.

— Зачем же ты тогда притащил его с собой?

— Он стоит не меньше миллиона. Его можно продать в цирк или в зоопарк. Даже могу сам выступать с ним в ночном клубе. Показывать, как он говорит, и вообще.

Она быстро и умело промыла ему раны.

— И вот еще почему я его сюда притащил, — сказал Дойл. — Меткалф у меня в руках. Я знаю кое-что такое... У меня теперь ролла, а ролла как-то связан с этими денежными деревьями.

— Это что же, шантаж?

— Ни в коем случае! Я в жизни никого не шантажировал. Просто у меня с Меткалфом небольшое дельце. Может быть, в благодарность за то, что я держу язык за зубами, он подарит мне одно из своих денежных деревьев.

— Но ты же сам говоришь, что там всего одно денежное дерево.

— Это я одно видел. Но там темно, может, других я и не заметил. Ты понимаешь, такой человек, как Меткалф, никогда не удовлетворится одним денежным деревом. Если у него есть одно, он себе вырастит еще. Могу поспорить на что угодно, у него есть и двадцатидолларовые деревья, и пятидесятидолларовые, а может быть, даже стодолларовые.

Он вздохнул:

— Хотел бы я провести всего лишь пять минут под стодолларовым деревом! На всю бы жизнь себя обеспечил. Я бы обеими руками рвал.

— Сними рубашку, — сказала Мейбл. — Мне нужно добраться до царапин.

Дойл снял рубашку.

— Знаешь что, — сказал он, — могу поклясться, что не только у Меткалфа есть денежные деревья. У всех богачей есть. Они, наверно, объединились в секретное общество и поклялись никогда об этом не болтать. Я не удивлюсь, если все деньги идут оттуда. Может быть, правительство вовсе не печатает никаких денег, а только говорит, что печатает...

— Замолчи, — скомандовала Мейбл, — и не дергайся.

Она наклеивала пластырь ему на грудь.

— Что ты собираешься делать с роллой? — спросила она.

— Мы его положим в машину и отвезем к Меткалфу. Ты останешься в машине с роллой и, если что-нибудь будет не так, дашь газ. Пока ролла у нас — мы держим Меткалфа на прицеле.

— Ты с ума сошел! Чтобы я осталась одна с этой тварью! После всего, что она с тобой сделала!

— Возьмешь палку, и, если что не так, ты его палкой.

— Еще чего не хватало, — сказала Мейбл. — Я с ним не останусь.

— Хорошо, — сказал Дойл, — мы его положим в багажник. Завернем в одеяло, чтобы не ушибся. Может, даже лучше, если он будет заперт.

Мейбл покачала головой.

— Надеюсь, так будет лучше, Чак. И надеюсь, что мы не попадем в переделку.

— И не думай об этом, — ответил Дойл. — Давай двигаться отсюда. Нам нужно выбраться, пока этот бездельник не догадался позвонить в полицию.

В дверях появился ролла, поглаживая себя по животу.

— БЕЗДЕЛЬНИК? —

спросил он. — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

— О господи, — сказал Дойл, — как я ему объясню?

— БЕЗДЕЛЬНИК — ЭТО ПОДОНКИ?

— Здесь что-то есть, — согласился Дойл. — Бездельник — это похоже на подонка.

— МЕТКАЛФ СКАЗАЛ:

ВСЕ ЛЮДИ, КРОМЕ МЕНЯ, — ПОДОНКИ.

— Знаешь, что я тебе скажу, Меткалф в чем-то прав, — сказал Дойл.

— ПОДОНК —

ЗНАЧИТ ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДЕНЕГ.

— Никогда не слышал такой формулировки, — сказал Дойл. — Но если так, можешь считать меня подонком.

— МЕТКАЛФ СКАЗАЛ:

ПЛАНЕТА НЕ В ПОРЯДКЕ —

СЛИШКОМ МАЛО ДЕНЕГ.

— Вот тут я с ним полностью согласен.

— ПОЭТОМУ Я НА ТЕБЯ
БОЛЬШЕ НЕ СЕРЖУСЬ.

— Боже мой, — сказала Мейбл, — он оказался болтуном!

— МОЕ ДЕЛО — ЗАБОТИТЬСЯ О ДЕРЕВЕ.

СНАЧАЛА Я РАССЕРДИЛСЯ,

НО ПОТОМ ПОДУМАЛ:

БЕДНЫЙ ПОДОНОК, ЕМУ НУЖНЫ ДЕНЬГИ,

НЕЛЬЗЯ ЕГО ВИНИТЬ.

— Это с твоей стороны очень благородно, — сказал Дойл, — но жаль, что ты не подумал об этом прежде, чем начать меня грызть. Если бы в моем распоряжении было хотя бы пять минут...

— Я готова, — сказала Мейбл. — Если ты не передумал, поехали.

3

Дойл медленно шел по дорожке, ведущей к дверям дома Меткалфа. Дом был темен, луна клонилась за вершины сосен, по другую сторону улицы.

Дойл поднялся по ступенькам и остановился перед дверью. Позвонил.

Никакого ответа.

Он снова позвонил, и снова никакого ответа.

Дернул дверь. Она была заперта.

“Сбежали”, — сказал Дойл про себя.

Он вышел на улицу, обогнул дом и взобрался на дерево в переулке. Сад за домом был темен и молчалив. Дойл долго наблюдал за ним, но не заметил никакого движения. Потом вытащил из кармана фонарик и посветил им. Светлый кругожок прыгал в темноте, пока не наткнулся на участок развороченной земли.

У него перехватило дыхание, и он долго освещал то место, пока не убедился, что не ошибся.

Он не ошибся. Денежное дерево исчезло. Кто-то выкопал его и увез.

Дойл погасил фонарик и спрятал его в карман. Спустился с дерева и вернулся к машине. Мейбл не выключала мотора.

— Они смотались, — сказал Дойл. — Никого нет. Выкопали дерево и смотались.

— Ну и хорошо, — ответила Мейбл. — Я даже рада. Теперь ты по крайней мере не будешь ввязываться в авантюры с денежными деревьями.

— Поспать бы... — зевнул Дойл.

— Я тоже хочу спать. Поехали домой и выспимся.

— Ты, может, выспишься, а я нет, — сказал Дойл. — Укладывайся на заднем сиденье. Я сяду за руль.

— Куда мы теперь?

— Когда я снимал Меткалфа сегодня днем, он сказал мне, что у него есть ферма за городом. На западе, возле Милвилла.

— А ты тут при чем?

— Вот что, если у него до черта денежных деревьев...

— Но у него же было только одно дерево — в саду городского дома.

— А может, и до черта. Может, это росло здесь просто для того, чтобы Меткалфу иметь в городе карманные деньги.

— Ты хочешь сказать, что мы поедем к нему на ферму?

— Сначала надо заправиться и посмотреть по карте, где этот Милвилл. Спорим, у него там целый денежный сад. Представь себе только: ряды деревьев — и все в банкнотах!

4

Старик, хозяин единственного магазина в Милвилле, где продавались посуда, бакалейные товары, а еще умещались антика и почтовая контора, покрутил серебряный ус.

— Ага, — сказал он. — У Меткалфа ферма за холмами, на том берегу реки. И даже название у нее есть — "Веселый холм". Вот скажите мне, с чего бы человеку так называть свою ферму?

— Чего только люди не выдумают! — ответил Дойл. — Как туда поскорее добраться?

— Вы спрашиваете?

— Конечно...

Старик покачал головой.

— Вас пригласили? Меткалф вас ждет?

— Не думаю.

— Тогда вам туда не попасть. Ферма окружена забором. А у ворот стражи, там даже специальный домик для охранников. Так что, если Меткалф вас не ждет, не надейтесь туда попасть.

— Я попробую.

— Желаю успеха, но вряд ли у вас что-нибудь выйдет. Скажите мне лучше, зачем бы этому Меткалфу так себя вести? Места наши тихие. Никто не обносит своих ферм оградой в восемь футов высотой, с колючей проволокой поверху. Никто бы и денег не набрал, чтобы такую ограду построить. Должно быть, он кого-то сильно боится.

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Дойл. — А все-таки, как туда добраться?

Старик достал из-под прилавка бумажный пакет, вытащил из кармана огрызок карандаша и лизнул грифель, прежде чем принялся рисовать план.

— Переедете через мост и поезжайте по этой дороге — налево не поворачивайте, та дорога ведет к реке, — доберетесь до оврага, и начнется холм. Наверху повернете налево, и оттуда до фермы Меткалфа останется миля.

Он еще раз лизнул карандаш и нарисовал грубый четырехугольник.

— Вот тут, — сказал он. — Участок не маленький. Меткалф купил четыре фермы и объединил их.

В машине ждала раздраженная Мейбл.

— Сейчас ты скажешь, что с самого начала был не прав, — заявила она. — У него нет никакой фермы.

— Всего несколько миль осталось, — ответил Дойл. — Как там ролла?

— Опять проголодался, наверное. Стучит в багажнике.

— С чего бы ему проголодаться? Я ему два часа назад сколько бананов скормил!

— Может, ему скучно? Он чувствует себя одиноким?

— У меня и без него дел достаточно, — сказал Дойл. — Не хватает еще, чтобы я держал его за ручку.

Он забрался в машину, завел ее и поехал по пыльной улице, пересек мост, но, вместо того чтобы перебраться через овраг, повернул на дорогу, которая вела вдоль реки. Если план, который нарисовал старик, был правильным, думал он, то, следя по дороге вдоль реки, можно подъехать к ферме с тыла.

Мягкие холмы сменились крутыми утесами, покрытыми лесом и кустарником. Извилистая дорога сузилась. Машина подъехала к глубокому оврагу, разделявшему два утеса. По дну оврага протянулась полузаросшая колея.

Дойл свернул на эту колею и остановился.

Затем вылез и постоял с минуту, осматривая овраг.

— Ты чего встал? — спросила Мейбл.

— Собираюсь зайти к Меткалфу с тыла, — сказал он.

— Не оставишь же ты меня здесь?

— Я недолго.

— К тому же здесь москиты, — пожаловалась она, отгоняя насекомых.

— Закроешь окна.

Он пошел, но Мейбл его окликнула:

— Там ролла остался.

— Он до тебя не доберется, пока заперт в багажнике.

— Но он так стучит! Что, если кто-нибудь пройдет мимо и услышит?

— Даю слово, что по этой дороге уже недели две как никто не ездил.

Пищали москиты. Он попытался отогнать их.

— Послушай, Мейб, — взмолился он, — ты хочешь, чтобы я с этим делом покончил, не так ли? Ты же ничего не имеешь против норковой шубы? Ты ведь не откажешься от бриллиантов?

— Нет, наверно, — призналась она. — Только поспеши, пожалуйста. Я не хочу здесь сидеть дотемна.

Он повернулся и пошел по оврагу.

Вокруг была сплошная зелень — глухого летнего зеленого цвета. И было тихо, если не считать писка москитов. Привыкший к бетону и асфальту города, Дойл ощутил страх перед зеленым безмолвием лесистых холмов.

Он прихлопнул москита и поежился.

— Тут нет ничего, что повредило бы человеку, — вслух подумал он.

Путешествие было не из легких. Овраг вился между холмов, и сухое ложе ручья, заваленное валунами и грудами гальки, вилось от одного склона к другому. Время от времени Дойлу приходилось взбираться на откос, чтобы обойти завалы.

Москиты с каждым шагом становились все назойливее. Он обмотал шею носовым платком и надвинул шляпу на глаза. Ни на секунду не прекращая войны с москитами, он уничтожал их сотнями, но толку было мало.

Овраг сузился и круто пошел вверх, дальнейший путь был закрыт. Масса сучьев, обвитых диким виноградом, перекрывала овраг, завал смыкался с деревьями, растущими на отвесных скатах оврага.

Пробираться дальше не было никакой возможности. Завал казался сплошной стеной. Сучья были скреплены камнями и сцементированы грязью, принесенной ручьем. Цепляясь руками и нащупывая ботинками неровности, он вскарабкался наверх, чтобы обойти препятствие. МОСКИТЫ бросались на него эскадронами, он отломил ветку с листьями и пытался отогнать их.

Так он стоял, тяжело, хрюплю дыша, пытаясь наполнить легкие воздухом. И думал: как же это он умудрился попасть в такой переплет? Это приключение было не по нему. Его представления о природе никогда не распространялись за пределы ухоженного городского парка.

И вот, пожалуйста, он стоит в какой-то чаще, старается вскарабкаться на богом забытые холмы, пробираясь к месту, где могут расти денежные деревья — ряды, сады, леса денежных деревьев.

— Никогда бы не пошел на это, ни за что, кроме как за деньги, — сказал он себе.

Он огляделся и обнаружил, что завал был всего два фута

толщиной, одинаковый на всей своей протяженности. Задняя сторона завала была гладкой, будто ее специально загладили. Нетрудно было понять, что ветви и камни не накапливались здесь годами, не были принесены ручьем, а были сцеплены так тщательно, что стали единым целым.

Кто бы мог решиться на такой труд, удивлялся Дойл. Здесь требовалось терпение, и умение, и время.

Он постарался разобраться, как же были сплетены сучья, но ничего не понял. Все было так перепутано, что казалось сплошной массой.

Немножко передохнув и восстановив дыхание, он продолжил путь, пробираясь сквозь ветки и тучи москитов.

Наконец деревья поредели, так что Дойл уже видел впереди синее небо. Местность выровнялась, но он не смог прибавить шагу — икры ног сводило от усталости, и ему пришлось идти с прежней скоростью.

Наконец он выбрался на поляну. С запада налетел свежий ветер, и москиты исчезли, если не считать тех, которые удобно устроились в складках его пиджака.

Дойл плашмя бросился на траву, дыша, как измученный пес. Перед ним меньше чем в ста ярдах виднелась ограда фермы Меткалфа. Она, как блестящая змея, протянулась по склонам холмов. Перед ней виднелось еще одно препятствие — широкая полоса сорняков, как будто кто-то вскопал землю вдоль изгороди и посеял сорняки, как сеют пшеницу.

Далеко на холме среди крон деревьев смутно виднелись крыши. А к западу от зданий раскинулся сад, длинные ряды деревьев.

Интересно, подумал Дойл, это игра воображения или действительно форма деревьев такая же, как у того дерева в городском саду Меткалфа? И только ли воображение подсказывает ему, что зелень листьев отличается от зелени лесных деревьев, что она цвета новеньких долларов?

Солнце палило ему в спину, он чувствовал его лучи сквозь просохшую рубашку. Посмотрел на часы. Было уже больше трех пополудни.

Дойл снова взглянул в сторону сада и на этот раз увидел среди деревьев несколько маленьких фигур. Он напрягся, чтобы разглядеть, кто это, и ему показалось, что это роллы.

Дойл начал перебирать различные варианты поведения, на случай если не найдет Меткалфа, и самым разумным ему представилось забраться в сад. Он пожалел, что не захватил с собой мешка из-под сахара, который дала ему Мейбл.

Беспокоила его и изгородь, но он отогнал эту мысль. Об изгороди надо будет думать, когда подойдет время перелезать через нее.

Раздумывая обо всем этом, он полз по траве, и у него это

неплохо получалось. Он уже добрался до полосы сорняков, и никто еще его не заметил. Как только он заберется в сорняки, будет легче, потому что там можно спрятаться. Он подкрадется к самой изгороди.

Он дополз до сорняков и вздрогнул, увидев, что это самые густые заросли крапивы, какие ему когда-либо приходилось видеть.

Он протянул руку, и крапива обожгла ее. Как оса. Он потер ожог.

Тогда он приподнялся, чтобы заглянуть за кусты крапивы. По откосу изгороди спускался ролл, и теперь уже не было никакого сомнения, что под деревьями виднелись именно роллы.

Дойл нырнул за крапиву, надеясь, что ролла его не заметил. Он лежал ничком на траве. Солнце пекло, и ладонь его, обожженная крапивой, горела как ошпаренная. И уже невозможно было определить, что хуже: москитные укусы или ожог крапивы.

Дойл заметил, что крапива колышется, будто под ветром. Это было странно, потому что ветер как раз стих.

Крапива продолжала колыхаться и наконец легла по обе стороны, образовав дорожку от него к изгороди. Перед ним оказалась тропинка, по которой можно было пройти к самой изгороди.

За изгородью стоял ролл, на груди у него горела яркая надпись печатными буквами:

— ПОДОЙДИ СЮДА, ПОДОНOK.

Дойл на мгновение заколебался. То, что его обнаружили, никуда не годилось. Теперь уж наверняка все его труды и предосторожности пропали даром, и таиться дальше в траве не имеет никакого смысла. Он увидел, что другие роллы спускались по склону сада к изгороди, тогда как первый продолжал стоять, не гася пригласительной надписи на груди.

Потом буквы погасли. Но крапива так и лежала, и дорожка оставалась свободной. Роллы, которые спускались по склону, тоже подошли к изгороди, и все пятеро — их было пятеро — выстроились в ряд.

У первого на груди загорелась новая надпись:

— ТРОЕ РОЛЛ ПРОПАЛИ.

А на груди второго зажглось:

— ТЫ НАМ МОЖЕШЬ СООБЩИТЬ?

У третьего:

— МЫ ХОТИМ С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ.

У четвертого:

— О ТЕХ, КТО ПРОПАЛ.

У пятого:

— ПОДОЙДИ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОНOK.

Дойл поднялся с земли. Это могло быть ловушкой. Чего он добьется, разговаривая с роллами? Но отступать было поздно: он мог вовсе лишиться возможности подойти к изгороди.

С независимым видом он медленно зашагал по дорожке. Добравшись до изгороди, он сел на землю, так что его голова была на одном уровне с головами роллов.

— Я знаю, где один из них, — сказал он, — но не знаю, где двое других.

— ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ОДНОМ,
КОТОРЫЙ БЫЛ В ГОРОДЕ С МЕТКАЛФОМ?

— Да.

— СКАЖИ НАМ, ГДЕ ОН.

— В обмен.

На всех пятерых зажглись надписи:

— ОБМЕН?

— Я вам скажу, где он, а вы впустите меня в сад на час, ночью, так, чтобы Меткалф не знал. А потом выпустите обратно.

Они посовещались — из груди у каждого вспыхивали не-понятные знаки. Потом они повернулись к нему и выстроились плечом к плечу.

— МЫ ЭТОГО НЕ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ.

— МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ СОГЛАШЕНИЕ.

— МЫ ДАЛИ СЛОВО.

— МЫ РАСТИМ ДЕНЬГИ.

— МЕТКАЛФ ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ.

— Я бы их не стал распространять, — сказал Дойл. — И могу обещать, что не буду их распространять. Я их себе оставлю.

— НЕ ПОЙДЕТ,

заявил ролла № 1.

— А что это за соглашение с Меткалфом? Почему это вы его заключили?

— ИЗ БЛАГОДАРНОСТИ,

сказал ролла № 2.

— Не разыгрывайте меня. Чувствовать благодарность к Меткалфу?..

— ОН НАШЕЛ НАС.

— ОН СПАС НАС.

— ОН ЗАЩИЩАЕТ НАС.

— И МЫ ЕГО СПРОСИЛИ:

ЧТО МЫ МОЖЕМ ДЛЯ ВАС СДЕЛАТЬ?

— Ага, а он сказал: вырастите мне немножко денег.

— ОН СКАЗАЛ, ЧТО ПЛАНЕТА

НУЖДАЕТСЯ В ДЕНЬГАХ.

— ОН СКАЗАЛ, ЧТО ДЕНЬГИ

СДЕЛАЮТ СЧАСТЛИВЫМИ

ВСЕХ ПОДОНКОВ ВРОДЕ ТЕБЯ.

— Черта с два! — сказал Дойл с негодованием.

— МЫ ИХ РАСТИМ.

— ОН ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ.

— СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ МЫ
СДЕЛАЕМ ВСЮ ПЛАНЕТУ
СЧАСТЛИВОЙ.

— Нет, вы только посмотрите, какая милая компания миссионеров!

— МЫ ТЕБЯ НЕ ПОНИМАЕМ.

— Миссионеры. Люди, которые занимаются всякими благотворительными делами. Творят добрые дела.

— МЫ ДЕЛАЛИ ДОБРЫЕ ДЕЛА

НА МНОГИХ ПЛАНЕТАХ.

ПОЧЕМУ НЕ ДЕЛАТЬ

ДОБРЫЕ ДЕЛА ЗДЕСЬ?

— А при чем тут деньги?

— ТАК СКАЗАЛ МЕТКАЛФ.

ОН СКАЗАЛ, ЧТО НА ПЛАНЕТЕ

ВСЕГО ДОСТАТОЧНО,

ТОЛЬКО НЕ ХВАТАЕТ ДЕНЕГ.

— А где те другие роллы, которые пропали?

— ОНИ НЕ СОГЛАСНЫ.

— ОНИ УШЛИ.

— МЫ ОЧЕНЬ ВОЛНУЕМСЯ — ЧТО С НИМИ?

— Вы не пришли к общему мнению насчет того, стоит ли растить деньги? Они, наверно, думали, что лучше растить что-нибудь другое?

— МЫ НЕ СОГЛАСНЫ

ОТНОСИТЕЛЬНО МЕТКАЛФА.

ТЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ОН НАС ОБМАНЫВАЕТ,

А МЫ ДУМАЕМ, ЧТО ОН

БЛАГОРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

“Вот тебе и компания! — подумал Дойл. — Ничего себе, благородный человек!”

— МЫ ГОВОРИЛИ ДОСТАТОЧНО.

ТЕПЕРЬ ПРОЩАЙ.

Они повернулись как по команде и зашагали по склону обратно к саду.

— Эй! — крикнул Дойл, вскакивая на ноги.

Сзади раздалось шуршание, и он обернулся.

Крапива распрымилась и закрыла дорожку.

— Эй! — крикнул он снова, но роллы не обратили на него никакого внимания. Они продолжали взбираться на холм.

Дойл стоял на вытоптанном участке, а вокруг поднималась стеной крапива — листья ее поблескивали под солнцем. Крапива протянулась футов на сто от изгороди и доставала Дойлу до плеч.

Конечно, человек может пробраться сквозь крапиву. Ее можно раздвигать ботинками, топтать, но время от времени она будет жечь, и, пока выберешься наружу, будешь весь обожжен до костей. Да и хочется ли ему выбраться отсюда?

В конце концов он был не в худшем положении, чем раньше. Может, даже в лучшем. Ведь он безболезненно пробрался сквозь крапиву. Правда, роллы предательски оставили его здесь.

Нет никакого смысла сейчас идти обратно, подумал он. Ведь все равно придется возвращаться тем же путем, чтобы добраться до изгороди.

Он не смел перелезть через изгородь, пока не стемнело. Но и деваться больше было некуда.

Присмотревшись к изгороди, он понял, что перебраться через нее будет нелегко. Восемь футов металлической сетки и поверху три ряда колючей проволоки, прикрепленной к брусьям, наклоненным к внешней стороне.

Сразу за изгородью стоял старый дуб, и если бы у него была веревка, он мог бы закинуть ее на ветви дуба, но веревки у него не было, так что придется обойтись без нее.

Дойл прижался к земле и почувствовал себя очень несчастным. Тело саднило от москитных укусов, рука горела от крапивного ожога, ныли нога и царапины на груди, а кроме того, он не привык к такому яркому солнцу. Ко всему прочему разболелся зуб. Этого еще не хватало!

Он чихнул, боль отдалась в голове, и зуб заболел еще сильнее. "В жизни не видал такой крапивы!" — сказал он себе, устало разглядывая могучие стебли.

Почти наверняка роллы помогли Меткалфу ее вырастить. У ролл неплохо получается с растениями. Уж если они умудрились вырастить денежные деревья, значит, они могут сотворить какие хочешь растения. Он вспоминал, как ролла заставил крапиву улечься и расчистить для него дорожку. Наверняка это сделал именно ролла, потому что ветра почти не было, а если бы даже ветер и был, он все равно не мог бы дуть сразу в две стороны.

Он никогда не слышал ни о ком, похожем на ролл. А они говорили что-то о добрых делах на других планетах. Но что бы они ни делали на других планетах, на этой их явно прошли.

Филантропы, подумал он. Миссионеры из другого мира. Компания идеалистов. И вот застряли на планете, которая, может быть, ничем не похожа ни на один из миров, где они побывали.

Понимают ли они, что такое деньги, думал он. Интересно, что за байку преподнес им Меткалф?

Видно, Меткалф был первым, кто на них наткнулся. Буду-

чи человеком опытным в денежных делаах и в обращении с людьми, он сразу понял, как воспользоваться счастливой встречей. К тому же у Меткалфа есть организация, гангстерская банда, хорошо усвоившая законы самосохранения, так что она смогла обеспечить секретность. Одному бы человеку не справиться.

Вот так ролл и провели, полностью одурачили. Хотя нельзя сказать, что роллы глупы. Они изучили язык, и писать научились, и соображают неплохо. Они, наверное, даже умнее, чем кажется. Ведь между собой они общаются беззвучно, а приучились же разбирать звуки человеческой речи.

Солнце давно уж исчезло за зарослями крапивы. Скоро наступят сумерки, и тогда мы примемся за дело, сказал себе Дойл.

Сзади крапива запурпурала, и он вскочил. Может быть, дорожка снова образовалась, лихорадочно подумал он. Может быть, дорожка образуется автоматически, в определенные часы.

Судя по всему, так оно и было. Дорожка и в самом деле образовалась. И по ней шел еще один ролл. Крапива расступалась перед ним и смыкалась, как только он проходил.

Ролла подошел к Дойлу.

— ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ПОДОНOK.

Это не мог быть ролла, запертый в багажнике. Это, должно быть, один из тех, что отказались участвовать в денежном деле.

— ТЫ БОЛЬНОЙ?

— Все чешется, — сказал Дойл, — и зуб болит, и каждый раз, как чихну, кажется, голова раскалывается.

— МОГУ ПОЧИНИТЬ.

— Разумеется, ты можешь вырастить аптечное дерево, на каждой ветке которого будут расти таблетки, и бинты, и всякая чепуха.

— ОЧЕНЬ ПРОСТО.

— Ну ладно, — сказал Дойл и замолчал. Он подумал, что и в самом деле для роллы это может быть очень просто. В конце концов большинство лекарств добывается из растений, а уж никто не сравнится с роллами по части выращивания диковинных растений.

— Ты можешь мне помочь, — сказал Дойл с энтузиазмом. — Ты можешь лечить разные болезни. Ты можешь даже найти средство против рака и изобрести что-нибудь, чем будут лечить сердечные болезни. Да возьмем, к примеру, обычную простуду...

— ПРОСТИ ДРУГ,

НО МЫ С ВАМИ НЕ ХОТИМ

ИМЕТЬ НИЧЕГО ОБЩЕГО.

ВЫ НАС ВЫСТАВИЛИ НА ПОСМЕШИЦЕ.

— Ага, значит, ты один из тех, кто убежал? — сказал Дойл с волнением в голосе. — Ты раскусил игру Меткалфа...

Но ролла уже не слушал его. Он как-то подтянулся, стал выше и тоньше, и губы его округлились, будто он собирался крикнуть. Но он не издал ни единого звука. Ни звука, но у Дойла застучали зубы: это было удивительно — словно вопль ужаса раздался вдруг в тишине сумерек, хотя по-прежнему всего лишь ветер тихо шелестел в темнеющих деревьях, шуршала крапива и вдали кричала птица, возвращавшаяся в гнездо.

По другую сторону изгороди раздался топот и в густеющих сумерках Дойл увидел пятерых ролл, бегущих вниз по склону.

Что-то происходит, подумал Дойл. Он был уверен в этом. Он ощутил серьезность момента, но не понимал, что бы это могло значить.

Ролла рядом с ним издал нечто вроде крика, но крика слишком высокого, чтобы его могло уловить человеческое ухо, и теперь, заслышив этот крик, роллы из сада бежали к нему.

Пятеро ролл достигли изгороди и выстроились вдоль нее. На груди их переливались непонятные знаки и буквы их родного языка. И грудь того, что стоял рядом с Дойлом, тоже светилась непонятными знаками, которые менялись так быстро, что казались живыми.

Это спор, подумал Дойл. Пятеро за изгородью спорили с тем, кто стоял снаружи, и в споре ощущалось напряжение.

А он стоял здесь, как случайный прохожий, попавший в гущу семейного скандала.

Роллы махали руками, и в спускающейся темноте знаки на них, казалось, стали ярче.

Ночная птица с криком пролетела над ними, и Дойл поднял голову посмотреть, что это за птица, и тут же увидел людей, бегущих к изгороди. Силуэты их ясно виднелись на фоне светлого неба.

— Эй, смотрите! — крикнул Дойл и сам удивился, зачем это он кричит.

Заслышиав его, пятеро ролл обернулись, и на них появились одинаковые надписи, как будто они внезапно обо всем договорились.

Раздался треск, и Дойл снова поднял голову. Он увидел, что старый дуб клонится к изгороди, как будто его толкает гигантская рука. Дерево клонилось все быстрее и наконец с силой ударило по изгороди. Дойл понял, что пора бежать.

Он отступил на шаг, но когда опустил ногу, то не обнару-

жил земли. Он с секунду старался удержать равновесие, но не смог и свалился в яму. Тут же над его головой раздался грохот, и громадное дерево, разнеся изгородь, упало на землю.

Дойл лежал тихо, не смея пошевелиться. Он оказался в какой-то канаве. Она была неглубокая, фута три, не больше, но он упал очень неудачно, спину чуть не проткнул острый камень. Над ним нависала путаница ветвей — своей верхушкой дуб закрыл канаву. По ветвям пробежал ролла. Он бежал шустро и беззвучно.

— Они туда помчались, — раздался голос. — В лес. Попробуй их теперь отыщи!

Ему ответил голос Меткалфа:

— Надо отыскать, Билл. Мы не можем допустить, чтобы они сбежали.

После паузы Билл ответил:

— Не понимаю, что это с ними. Казалось, они были всем довольны.

Меткалф выругался:

— Это все фотограф. Ну, тот самый парень, который залез на дерево и сбежал от меня. Я не знаю, что он наделал и что еще наделает, но могу поклясться, что он в этом замешан. И он где-нибудь здесь.

Билл немного отошел, и Меткалф сказал:

— Если он вам встретится, вы знаете, как поступить.

— Конечно, босс.

— Среднего роста, малахольный.

Они смолкли. Дойл слышал, как они пробираются сквозь крапиву, края ее последними словами.

Дойл поежился.

Ему надо выбираться отсюда, и как можно скорее — еще немного, и взойдет луна.

Меткалф и его мальчики шутить не собираются. Они не допустят, чтобы их одурачили в таком деле. Если они его заметят, они будут стрелять без предупреждения.

Сейчас, когда все охотятся за роллами, можно было забраться незаметно в сад. Хотя, вернее всего, Меткалф оставил своих людей сторожить деревья.

Дойл подумал немного и отказался от этой мысли. В его положении лучше всего было добраться как можно скорее до машины и уехать отсюда подальше.

Он осторожно вышел из канавы. Некоторое время он прятался в ветвях упавшего дуба, прислушиваясь. Ни звука.

Он прошел сквозь крапиву, следя за путем, протоптанном людьми.

И побежал по склону к лесу. Впереди раздался крик, он остановился, замер. Потом опять побежал, добравшись до первых кустов и залег.

Вдруг он увидел, как из лесу, поднимаясь над вершинами деревьев, показался какой-то бледный силуэт. На нем поблескивали первые лучи лунного света. Он был острым сверху и расширялся книзу — словом, походил на летящую рождественскую елку, оставляющую за собой светящийся след.

Внезапно Дойл вспомнил о завале в овраге, сплетенном так прочно. И тогда он понял, что это за елка летит по небу.

Роллы работали с растениями, как люди с металлами. Если они могли вырастить денежное дерево и послушную крапиву, то вырастить космический корабль для них не составляло большого труда.

Корабль, казалось, двигался медленно. С него свешивалось нечто вроде каната, на конце которого болталось что-то вроде куклы. Кукла корчилась и издавала визгливые крики.

Кто-то кричал в лесу:

— Это босс! Билл, да сделай ты что-нибудь!

Но было ясно, что Билл ничего не сможет сделать.

Дойл выскочил из кустов и побежал. Теперь самое время скрыться от этих людей. Они заняты судьбой босса, который все еще держится за канат — может быть, якорную цепь корабля, а может быть, плохо принайтовленную часть оболочки. Хотя, принимая во внимание искусство ролл, вряд ли можно было допустить, что они плохо принайтиковали какую-нибудь часть корабля.

Дойл отлично мог представить, что случилось: Меткалф увидел, как роллы влезают в корабль, и бросился к ним, крича, стреляя на ходу, и в этот момент корабль стартовал, а свисающий с него канат крепко обвился вокруг ноги гангстера.

Дойл достиг леса и побежал дальше вниз по склону, спотыкаясь о корни, падая и снова поднимаясь. И бежал, пока не ударился головой о дерево так, что искры посыпались из глаз.

Он сел на землю и ощупал лоб, убежденный, что проломил голову. По щекам у него катились слезы. Но лоб не был проломлен, и крови не было, хотя нос заметно распух.

Потом он поднялся и медленно пошел дальше, на ощупь выбирая путь, потому что, хоть луна и взошла, под деревьями было совершенно темно.

Наконец Дойл добрался до сухого русла ручья и пошел вдоль него. Он заспешил, вспомнив, что Мейбл ждет его в машине. Она, верно, разозлилась, подумал он. Ведь он обещал вернуться до темноты.

Он споткнулся о клубок переплетенных ветвей, оставшийся в овраге. Провел рукой по его почти полированной поверхности и постарался представить, что случилось здесь несколько лет назад.

Космический корабль, падающий на землю, вышедший из-под контроля. А Меткалф оказался неподалеку...

Черт знает что случается в наши дни, подумал Дойл.

Если бы им встретился не Меткалф, а кто-то другой, кто думает не только о долларах, теперь по всей земле могли бы расти рядами деревья и кусты, дающие человечеству все, о чем оно мечтает, — средства от всех болезней, настоящие средства от бедности и страха. И может быть, многое другое, о чем мы еще и не догадываемся.

Но теперь они улетели в корабле, построенном двумя не поверившими Меткалфу роллами.

Он продолжал путь, думая о том, что надежды человечества так и не сбылись, разрушенные жадностью и злобой.

Теперь они улетели. "Постойте минутку, не все улетели! Ведь один ролл лежит в багажнике".

Он прибавил шагу.

"Что же теперь делать? — размышлял он. — Направиться прямо в Вашингтон? Или в ФБР?"

Что бы ни случилось, оставшийся ролл должен попасть в хорошие руки. И так уж слишком много времени потеряно. Если ролла встретится с учеными или свяжется с правительством, он сможет еще многое сделать.

Он начал волноваться. Он вспомнил, как ролла стучал по багажнику.

А что, если он задохнется? А вдруг он хотел сказать что-то важное?

Он бежал по сухому руслу, скользя по гальке, спотыкаясь о валуны. Москиты летели за ним густой тучей, но он так спешил, что не замечал укусов.

Там, наверху, банда Меткалфа обирает деревья, срываючи миллионы долларов, подумал он. Теперь их игра кончена, и они об этом знают. Им ничего не остается, как оборвать деревья и исчезнуть как можно быстрее.

Возможно, денежным деревьям для выращивания денег нужно, чтобы роллы непрерывно наблюдали за ними.

На машину он наткнулся внезапно, обошел ее в почти полной темноте и постучал в окно. Внутри взвизгнула Мейбл.

— Все в порядке! — крикнул Дойл. — Я вернулся.

— Все в порядке, Чак? — спросила она.

— Да, — промычал он.

— Я так рада, — сказала она облегченно. — Хорошо, что все в порядке. А то ролла убежал.

— Убежал? Ради бога, Мейбл...

— Не злись, Чак. Он все стучал и стучал. И мне стало его жалко. Так что я открыла багажник и выпустила его.

— Итак, он убежал, — сказал Дойл. — Но, может быть, он где-нибудь по соседству прячется в темноте...

— Нет, — вздохнула Мейбл. — Он побежал по оврагу. Было уже темно, но я бросилась вслед за ним. Я звала его, но понимала, что мне его не догнать. Мне жалко, что он убежал. Я повязала ему на щею желтую ленточку, и он стал такой миленький.

— Еще бы! — сказал Дойл.

Он думал о ролле, летящем в пространстве. Тот направляется к далекому солнцу, увозя с собой величайшие надежды человечества, а на шее у него желтая ленточка.

ДОМ ОБНОВЛЕННЫХ

Дом был нелеп. Больше того, он был тут совсем некстати. "Ну откуда он взялся?" — спрашивал себя Фредерик Грей. Ведь это их заповедный уголок. Они с Беном Ловелом открыли его почти сорок лет назад и с тех пор всегда сюда ездили и ни разу ни души не встречали.

Он стоял на одном колене и безотчетно ударами весла удерживал каноэ на месте, а блестящая, по-осеннему темная вода бежала мимо, унося завитки пены с водопада, что шумел в полумиле впереди. Гул водопада слабо доносился до Грея, еще когда онставил машину и снимал с ее крыши каноэ и все те полчаса, пока он плыл сюда и прислушивался и бережно откладывал голос водопада в памяти, как откладывал все остальное: ведь это в последний раз, больше он сюда не приедет.

Могли бы и подождать, подумал он с беззлобной горечью. Могли бы подождать, пока не закончится его путешествие. А теперь все испорчено. Он уже не сможет вспоминать речку, не вспоминая заодно и этот нахальный дом. Речка будет вспоминаться не такой, какой он знал ее почти сорок лет, а непременно вместе с домом.

Здесь никогда никто не жил. Никому бы в голову не пришло здесь поселиться. Никто сюда и не заглядывал. Эти места принадлежали только им с Беном.

А теперь вот он, дом, стоит на холме над рекой, весь белый, сверкающий в раме темно-зеленых сосен, и от места их обычной стоянки к нему ведет чуть заметная тропинка.

Грей яростно заработал веслом и повернул свое суденьшко к берегу. Каноэ уткнулось носом в песок, Грей вылез и втащил его повыше, чтобы не снесло течением.

Потом выпрямился и стал разглядывать дом.

Как сказать об этом Бену? И надо ли рассказывать? Может быть, в разговоре с Беном про дом лучше не упоминать? Нелегко сказать тому, кто лежит в больнице и, скорей все-

го, оттуда уже не выйдет, что у него украли изрядный кусок прошлого. Ведь когда близок конец, почему-то начинаешь дорожить прошлым, подумал Грей. По правде говоря, оттого-то ему и самому так досадно видеть дом на холме.

Хотя, может, было бы не так досадно, не будь этот дом смехотворно нелеп. Уж очень он тут некстати. Будь это обычное загородное жилище, деревянное, приземистое, с высоченной каменной трубой, — ну, еще туда-сюда. Тогда бы он не резал глаз, по крайней мере старался бы не резать. Но ослепительно белое здание, сверкающее свежей краской, — это непростительно. Такое мог бы учинить молокосос архитектор в каком-нибудь сверхмодном новом квартале, на голом и ровном месте, где все дома точно прилизанные близнецы. Там этот дом был бы вполне уместен и приемлем, а здесь, среди сосен и скал, он нелеп, оскорбителен.

Грей с трудом наклонился и подтянул каноэ еще выше на берег. Достал удочку в чехле, положил наземь. Навьючил на себя корзинку для рыбы, перекинул через плечо болотные сапоги.

Потом он подобрал удочку и медленно стал подниматься по тропе. Приличия и чувство собственного достоинства требовали, чтобы он дал о себе знать новым обитателям холма. Не прощагать же мимо по берегу, ни слова не сказав. Это не годится. Но пусть не воображают, будто он спрашивает у них разрешения. Нет, он ясно даст им понять, что ему здесь принадлежит право первенства, а затем сухо сообщит, что приехал в последний раз и впредь больше их не потревожит.

Подъем был крутой. Что-то с недавних пор даже малые пригорки стали круты, подумалось ему. Дышит он часто и неглубоко, и колени гнутся плохо, все мышцы ноют, когда стоишь в каноэ и гребешь.

Может, глупо было пускаться в это странствие одному. С Беном бы — дело другое, тогда они были бы вдвоем и помогали друг другу. Он никому не сказал, что собирается поехать, ведь его стали бы отговаривать или, того хуже, набиваться в попутчики. Стали бы доказывать, что, когда тебе под семьдесят, нельзя затевать такое путешествие в одиночку. А в сущности, путешествие вовсе не сложное. Каких-нибудь два часа машиной от города до поселка под названием Сосенки и еще четыре мили заброшенной дорогой лесорубов до реки. А потом час на каноэ вверх по течению — здесь, чуть повыше водопада, они с Беном издавна раскидывали лагерь.

Поднявшись до середины холма, он остановился перевести дух. Отсюда уже виден водопад — кипящая белая пена и облачко легчайших брызг: в нем, когда солнечный свет падает как надо, играют радуги.

Грей стоял и смотрел на все это — на темную хвою сосен, на голый склон скалистого ущелья, на золотое и алое пламя листвы — от ранних заморозков она уже полыхала праздничными осенними кострами.

Сколько раз, думал он, сколько раз мы с Беном удили рыбу там, за водопадом? Сколько раз подвешивали над огнем котелок? Сколько раз прошли на веслах вверх и вниз по реке?

Славное это было житье, славно они проводили время вдвоем, два скучных профессора скучного захолустного колледжа. Но всему приходит конец, ничто не вечно. Для Бена все это уже кончилось. А после сегодняшней прощальной поездки кончится и для него.

И снова кольнуло сомнение — правильно ли он решил? В "Лесном приюте" люди словно бы и отзывчивые, и надежные, и его уверяли, что там он окажется в подходящей компании — среди удалившихся на покой учителей, одряхлевших счетоводов, короче — среди отставной интеллигенции. И все-таки в нем шевелились сомнения.

Конечно, будь жив Клайд, все сложилось бы иначе. Они были друзьями, не часто отец и сын бывают так близки. Но теперь он совсем один. Марты давно уже нет в живых, а теперь не стало и Клайда, и он один как перст.

Если рассуждать трезво, похоже, что "Лесной приют" — самый лучший выход. О нем будут заботиться, и можно будет жить так, как он привык... или почти так. Ну ладно, пока он еще справляется и сам, но недалеко то время, когда понадобится чья-то помощь. Быть может, "Лесной приют" и не идеальный выход, а все же выход. Надо подумать о будущем, сказал он себе, потому и договорился с "Лесным приютом".

Он немного отдохнул и вновь стал подниматься в гору, пока тропа не привела на небольшую ровную площадку перед домом.

Дом был новехонький, еще новее, чем показалось сперва. На Грея как будто даже пахнуло свежей краской.

А кстати, непонятно, как же сюда доставляли материалы для строительства? Дороги никакой нет. Можно было бы все подвозить на грузовиках по заброшенной дороге лесорубов, а потом по реке от того места, где он поставил машину. Но тогда в лесу остались бы следы недавнего движения, а их нет. Все так же, как прежде, вьются в густом молодняке две колеи, между ними все заросло травой. А если материалы подвозили по воде, должен быть какой-то спуск, но и тут ничего такого не видно, одна еле заметная тропинка, по которой он сейчас поднялся. Меж тем непогода и молодая зелень не успели бы скрыть все следы, ведь еще весной они с Беном при-

езжали сюда на рыбалку, а тогда этого дома не было и в помине.

Грей неторопливо пересек площадку, потом неширокий дворик, откуда открывался вид на реку и на водопад. Подошел к двери, нажал кнопку, и где-то в глубине дома зазвенел звонок. Он подождал, но никто не вышел. Он снова позвонил. Опять донесся звонок, и он ждал — вот сейчас послышатся шаги, — но никто не шел. Грей поднял руку и постучал — едва он коснулся двери, она подалась внутрь и распахнулась перед ним.

Он смущился, ему вовсе не хотелось вторгаться в чужой дом. Может быть, вновь затворить дверь и тихонько уйти? Но нет, он не желает действовать крадучись, как вор.

— Эй! — окликнул он. — Есть тут кто-нибудь?

Сейчас к нему выйдут, и он объяснит, что не открывал дверь, она сама отворилась, когда он постучал.

Но никто не выходил.

Минуту-другую он стоял в нерешительности, потом шагнул в прихожую — сейчас он дотянется до ручки и захлопнет дверь.

Тут он увидел гостиную: новый ковер на полу, хорошая мебель. Конечно, здесь живут, просто сейчас никого нет дома. Ушли недолго, а дверь не заперли. Впрочем, подумал он, в этих краях никто не запирает дверей. Незачем.

Выкину все это из головы, пообещал он себе. Надо забыть про этот дом, хоть он и испортил всю картину, и всласть порыбачить, а под вечер спуститься по реке к машине и отправиться вовсюсяси. Ничто не должно отравить ему этот день.

Он решительно зашагал по высокому берегу, мимо водопада, к хорошо знакомой заводи.

Денек выдался ясный, тихий. Солнце так и сияло, но в воздухе чувствовалась прохлада. Впрочем, еще только десять. К полудню станет по-настоящему тепло.

Совсем повеселев, Грей шагал своей дорогой; к тому времени, когда водопад остался в миле позади и он, натянув болотные сапоги,ступил в воду, он уже окончательно позабыл про злосчастный дом.

Беда стряслась перед вечером.

Он вышел на берег, отыскал подходящий камень, сидя на котором можно будет с удобством перекусить. Бережно положил удочку на прибрежную гальку, полюбовался на трех форелей вполне приличного размера, трепыхающихся в корзинке. И, развертывая сандвичи, заметил, что небо хмурится.

Пожалуй, надо бы двинуться в обратный путь пораньше, сказал он себе. Нечего ждать, пока погода вконец испортится. Провел три отличных часа на реке — и хватит с тебя.

Он доел сандвич и мирно посидел на камне, вглядываясь в плавно бегущую мимо воду и в крепостную стену соснового бора на другом берегу. Надо получше все это запомнить, думал он, закрепить в памяти прочно, навсегда. Чтоб было о чем вспомнить после, когда больше уже не придется ездить на рыбалку.

Нет, все-таки еще полчасика он побудет у реки. Нужно забросить удочку немного ниже по течению, там поперек реки, почти до середины ее, протянулось упавшее дерево. Уж наверно там, под деревом, затаилась форель и ждет.

Он тяжело поднялся, подобрал удочку, корзинку и ступил в воду. Поскользнулся на замшелом камне, которого сверху совсем не было видно, и потерял равновесие. Острая боль резнула щиколотку, он рухнул в мелководье, не сразу ему удалось пошевелиться и приподняться.

Нога, соскользнув с камня, попала между двумя глыбами на дне и застряла в узкой щели. Ее стиснуло, неестественно вывернуло, и в ней нарастила упрямая, неотступная боль.

Сжав зубы, чтобы не кричать, Грей кое-как высвободил ногу и выбрался на берег.

Он попробовал встать, но вывихнутая нога не держала его. При первой же попытке она подвернулась и жгучая боль каленым железом пронизала ее до самого бедра.

Он сел и медленно, осторожно стянул сапоги. Щиколотка уже начала опухать, она была вся красная, воспаленная.

Грей сидел на усыпанном галькой берегу и раздумывал. Как быть?

Идти он не может, придется ползком. Сапоги, удочку и корзинку надо оставить, они только свяжут ему руки. Лишь бы доползти до каноэ, а там уж он доплынет до того места, где оставил машину. Но потом лодку тоже придется бросить, ему не взгромоздить ее на крышу машины.

Лишь бы сесть за руль, тогда все будет хорошо, машину-то он вести сумеет. Помнится, в Сосенках есть врач. Как будто есть, а может, это ему только кажется. Но, во всяком случае, можно будет договориться, чтобы кто-нибудь пошел и забрал удочку и каноэ. Может, это и глупо, но он просто не в силах отказаться от удочки. Если ее сразу же не вызволить, на нее набредут дикобразы и загубят. Этого никак нельзя допустить. Ведь эта удочка — часть его самого.

Он сложил все свои пожитки — сапоги, корзинку с рыбой и удочку — аккуратной кучкой на берегу, так, чтобы они сразу бросились в глаза всякому, кто согласится за ними сходить. Посмотрел в последний раз на реку и пополз.

Это был долгий и мучительный способ передвижения. Как ни старался Грей, не удавалось оберечь ногу от толчков, и от каждого толчка все тело пронизывала боль.

Он хотел было смастерить себе костьль, но тут же раздумал: перочинным ножиком, да еще затупившимся, много не наработаешь, а другого инструмента не нашлось.

Он полз медленно, то и дело останавливался передохнуть. Оглядывал больную ногу — от раза к разу она все сильней распухала и делалась уже не красной, а багровой.

И вдруг — поздновато, пожалуй, — он со страхом сообразил, что предоставлен на волю судьбы. Ни одна живая душа не знает, что он здесь, ведь он никому ни слова не сказал. Если не выбраться своими силами, пройдет немало дней, покуда его хватятся.

Экая чепуха. Он прекрасно управится. Хорошо, что самая трудная часть пути оказалась вначале. Как только он доберется до каноэ, можно считать, дело сделано.

Вот если бы только ползти подольше. Если б не приходилось так часто останавливаться. В былые времена он прополз бы это расстояние без единой передышки. Но с годами становишься стар и слаб. Куда слабее, чем думал.

Он опять остановился отдохнуть — и услышал, как шумят сосны: поднялся ветер. Заунывный шум, даже пугающий. Небо совсем заволокло тучами, все окутал какой-то зловещий сумрак.

Подстегиваемый смутной тревогой, он попытался ползти быстрее. Но только стал еще скорей уставать и жестоко ушиб больную ногу. Пришлось снова замедлить ход.

Он поравнялся с водопадом, миновал его, ползти вниз по отлогому косогору стало немного легче, и тут на вытянутую руку шлепнулась первая капля дождя.

А через минуту уже хлестал ледяными струями яростный ливень.

Грей мгновенно промок, холодный ветер пробирал насквозь. Сумрак сгустился, сосны стоном стонали, разыгрывалась настоящая буря, по земле побежали ручейки.

Он упрямо полз. От холода застучали зубы, но он сердито стиснул челюсти — этого еще не хватало!

Он уже одолел большую половины пути к каноэ, но дорога словно стала длиннее. Он продрог до костей, а дождь все лил, и вместе с ним наваливалась свинцовая усталость.

Дом, подумал Грей. Можно укрыться в доме. Меня впустят.

Он не смел себе сознаться, что прежняя цель — доползти до каноэ и проплыть на нем до того места, где осталась машина, — стала недостижимой, немыслимой.

Впереди сквозь сумрак непогоды пробился свет. Это, конечно, в доме. Хозяева, кто бы они ни были, уже вернулись и зажгли свет.

Он полз долго, много дольше, чем рассчитывал, но, напряг-

ши последние силы, все-таки дотащился. Переполз через дворик, у самой двери, цепляясь за стену и упираясь здоровой ногой, кое-как ухитрился подтянуться и встал. Нажал кнопку, в глубине дома зазвенел звонок, и Грей стал ждать — сейчас послышатся шаги.

Никто не шел.

Что-то тут не так. В доме горит свет, должен же там кто-то быть. А тогда почему никто не отзыается?

За спиной еще громче и грозней прежнего шумел лес, и тьма сгущалась. С леденящей злобой свистал и хлестал дождь.

Грей застучал кулаком в дверь, и она, как утром, распахнулась перед ним, дворик залило светом из прихожей.

— Эй, послушайте! — закричал он. — Есть кто дома?

Никакого ответа, ни звука, ни шороха.

Он мучительно напрягся, на одной ноге перепрыгнул через порог и остановился. Позвал еще и еще, но никто не откликнулся.

Нога подломилась, и он повалился на пол, но, падая, успел вытянуть руки и смягчить удар. Потом медленно, с трудом пополз в сторону гостиной.

Позади раздался какой-то слабый звук. Грей обернулся — входная дверь закрывалась. Закрывалась сама собой, никто ее не трогал. Он смотрел как завороженный. Дверь плотно затворилась. В тишине громко щелкнул замок.

Странно это, смутно подумалось ему. Странно, что дверь отворяется, будто приглашает войти. А когда войдешь, сама преспокойно затворяется.

Но это неважно, бог с ней, с дверью. Важно, что теперь он в доме, а леденящая ярость бури осталась там, за стенами, во тьме. Его уже обволакивало теплом, он понемногу согревался.

Осторожно, оберегая от толчков больную ногу, он по ковру дополз до кресла. Подтянулся кверху, кое-как повернулся и сел поглубже, откинулся на мягкую спинку, вытянул ногу.

Наконец-то он в безопасности. Теперь ни дождь, ни холод не страшны, а рано или поздно кто-нибудь придет и поможет вправить вывих.

Непонятно, где же все-таки хозяева. Едва ли в такую погоду бродят под открытым небом. И, наверно, они были здесь совсем недавно, ведь свет в окнах вспыхнул, когда уже стемнело и началась буря.

Он сидел не шевелясь, пульсирующая боль в ноге стала глуше, почти отпустила. Как хорошо, что в доме так тихо, так тепло и спокойно!

Он неспешно, внимательно осмотрелся.

В столовой накрыт стол к обеду, от серебряного кофейни-

ка идет пар, поблескивают фарфоровая сунница и блюдо под крышкой. Доносится запах кофе и какой-то снеди. Но прибор только один, словно обед ждет только одного человека.

За открытой дверью видна другая комната, должно быть, кабинет. Висит какая-то картина, под нею — солидный письменный стол. По стенам, от пола до самого потолка, тянутся книжные полки, но они пусты — ни одной книги.

И еще дверь ведет в спальню. Постлана постель, на подушке — сложенная пижама. У изголовья, на ночном столике, горит лампа. Все подготовлено, кажется, постель только и ждет, чтобы кто-то в нее улегся.

Но есть в этом доме что-то непостижимое, какая-то неуловимая странность. Все равно как в судебной практике: попадается иногда такой юридический казус, чувствуешь, что кроется тут какая-то загадочная мелочь, она-то и есть ключ к делу, но она упорно от тебя ускользает.

Он сидел и раздумывал об этом — и вдруг понял.

Этот дом наготове, но он еще ждет. Он словно предвкушает встречу с будущим хозяином. Он обставлен, наложен, все в нем подготовлено. Но здесь еще никто не жил. Нисколько не пахнет жильем, и в самом воздухе смутно ощущается пустота.

Да нет, что за вздор. Конечно же, здесь кто-то живет. Кто-то зажег свет, готовил обед, поставил на стол один-единственный прибор, кто-то включил лампочку у постели и отогнул край одеяла.

Все это совершенно очевидно, а между тем не верится. Дом упорно твердит свое, поневоле ощущаешь, что он пуст.

Грей заметил, что по полу в прихожей и по ковру до самого кресла, где он сидит, тянется мокрый след. И на стене остались грязные отпечатки — он цеплялся за нее, когда пытался прыгать на одной ноге.

Куда же это годится — разводить грязь в чужом доме. Надо будет потолковее все объяснить хозяину.

Он сидел в кресле, дождался хозяина и клевал носом.

Семидесят лет, думал он, почти уже семьдесят, и это — последнее в жизни приключение. Родных никого не осталось, и друзей тоже, один только старик Бен, который умирает медленной, неприглядной смертью в крохотной больничной палате — и все вокруг него чужое и неприглядное.

Вспомнился давний-давний день, когда они познакомились — Бен, молодой профессор астрономии, и он, молодой профессор права. С первой же встречи они стали друзьями, тяжко будет лишиться Бена.

А может быть, он и не так тяжело переживет эту утрату, как пережил бы раньше. Ведь пройдет еще месяц — и сам он

переселится в "Лесной приют". Дом престарелых. Хотя теперь это называется иначе. Придумывают всякие красивые названия вроде "Лесного приюта", как будто от этого легче.

Впрочем, что за важность. Никого не осталось в живых, кому стало бы горько... кроме него самого, разумеется. А ему уже все равно. Ну, почти все равно.

Он вздрогнул, выпрямился, посмотрел на часы на каминной полке.

Видно, задремал или в полудреме грезил о далеком прошлом. Почти час минул с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы, а в доме он по-прежнему один.

Обед еще стоит на столе, наверно, все уже остыло. Но может быть, кофе еще теплый.

Он подался вперед, опасливо встал на ноги. Вывихнутая щиколотка отозвалась пронзительной болью. Он снова откинулся назад, бессильные слезы простили на глазах, потекли по щекам.

Не надо кофе, подумал он. Не хочу я кофе. Только бы добраться до постели.

Осторожно он выбрался из кресла и пополз в спальню. Медленно, мучительно изворачиваясь, сбросил промокшую насквозь одежду и влез в пижаму, что лежала на подушке.

К спальне примыкала ванная — придерживаясь за кровать, потом за спинку стула, потом за туалетный столик, он на одной ноге допрыгал до нее.

Хоть чем-то утолить боль. Вот если бы найти аспирин, все-таки станет полегче.

Он распахнул аптечный шкафчик, но там было пусто.

Немного погодя он опять дотащился до постели, залез под одеяло и погасил лампу на ночном столике.

Он напряженно вытянулся, его трясло — таких усилий стоило забраться в постель. Смутно подумалось: что-то будет, когда возвратится хозяин и обнаружит на своем ложе неизвестного гостя?

А, будь что будет. Теперь уже все равно. Голова тяжелая, мутная, наверно, начинается жар.

Он лежал совсем тихо и ждал, когда же придет сон, тело постепенно осваивалось в непривычной постели.

Он даже не заметил, как огни во всем доме разом погасли.

Когда он проснулся, в окна потоками вливался солнечный свет. Пахло поджаренной ветчиной и вскипающим кофе. И громко, настойчиво звонил телефон.

Он сбросил одеяло, подскочил на постели и вдруг вспомнил, что он не у себя, и эта постель — не его, и телефонный звонок никак не может относиться к нему.

На него разом обрушились воспоминания о вчерашнем, и он растерянно сел на край кровати.

Что за притча, еще и телефон! Откуда тут телефон? Неоткуда ему взяться в такой глупши.

А телефон все трезвонил.

Ничего, сейчас кто-нибудь подойдет и снимет трубку. Тот, кто там жарит ветчину, возьмет и подойдет. И при этом пройдет мимо отворенной двери, и видно будет, что это за человек, и станет понятно, чей это дом.

Грей встал. Пол холодный, наверно, где-нибудь есть домашние туфли, но неизвестно, где их искать.

Только выйдя в гостиную, он вспомнил, что у него вывихнута нога.

Он в изумлении остановился, поглядел вниз — нога как нога, не красная, не багровая, и опухоли больше нет. А главное, не болит. Можно на нее ступить как ни в чем не бывало.

На столике в прихожей опять призывным звонком зазвенел телефон.

— Черт меня побери, — сказал Фредерик Грей, во все глаза глядя на собственную шиколотку.

Телефон снова заорал на него.

Он кинулся к столику, схватил трубку.

— Слушаю, — сказал он.

— Это доктор Фредерик Грей?

— Совершенно верно. Я Фредерик Грей.

— Надеюсь, вы хорошо выспались.

— Как нельзя лучше. Огромное вам спасибо.

— Ваше платье все промокло и изорвалось. Мы решили, что нет смысла его чинить. Надеюсь, вы не в претензии. Все, что было у вас в карманах, лежит на туалетном столике. В стенном шкафу есть другая одежда, я уверен, она вам подойдет.

— Помилуйте, — сказал Фредерик Грей, — вы так любезны. Но разрешите спросить...

— Отчего же, — заметил голос в трубке. — Но вы лучше повторитесь. А то завтрак простынет.

И умолк.

— Минуточку! — закричал Грей. — Одну минуту!..

В ответ слышалось только слабое гуденье, линия была свободна.

Он положил трубку на рычаг, прошел в спальню и увидел под кроватью пару шлепанцев.

НАДЕЮСЬ, ВЫ ХОРОШО ВЫСПАЛИСЬ. ВАШЕ ПЛАТЬЕ ПРОМОКЛО, МЫ ЕГО ВЫКИНУЛИ, ВСЕ, ЧТО БЫЛО У ВАС В КАРМАНАХ, МЫ ПОЛОЖИЛИ НА ТУАЛЕТНЫЙ СТОЛИК.

А кто это "мы", интересно знать?

И где они все?

И как же это, пока он спал, ему вылечили ногу?

Все-таки вчера вечером он не ошибся. Дом пуст. Никого нет. И однако он обжитой, а как это получается — непонятно.

Он умылся, но с бритьем возиться не стал, хотя, когда заглянул в шкафчик в ванной, оказалось, что он уже не пустой. Теперь тут были и бритва, и зубная щетка с тюбиком пасты, и щетка для волос, и расческа.

Завтрак был накрыт в столовой, на столе стоял один прибор. Грея ждала яичница с ветчиной, аппетитно поджаренная картошка, томатный сок и кофе.

И никаких признаков того, кто приготовил еду и накрыл на стол.

Быть может, в этом доме о гостях заботится целый штат слуг-невидимок?

И откуда берется электричество? Может быть, тут своя станция? Возможно, берет энергию от водопада? Ну а телефон? Может быть, это какой-нибудь радиофон? Интересно, каков радиофон с виду — такой же, как обыкновенный телефон, или другой? Кажется, ему такую штуку видеть не приходилось.

И кто же все-таки ему звонил?

Он поднялся и оглядел ждущий на столе завтрак.

— Кто бы вы ни были, спасибо вам, — громко сказал он. — Я хотел бы вас увидеть. И чтобы вы со мной поговорили. Но никто с ним не заговорил.

Он сел и принял за еду — только после первого глотка он почувствовал, что голоден как волк.

После завтрака он пошел в спальню и достал из стенного шкафа одежду. Не какой-нибудь шикарный модный костюм, но очень подходящий для рыболова.

Когда он переоделся, со стola было уже убрано.

Он вышел из дома — сияло солнце, денек выдался на славу. Видно, буря выдохлась еще ночью.

Что ж, теперь он в полном порядке, и, пожалуй, надо пойти на вчерашнее место, забрать удочку и все, что он оставил у реки. Прочее не так уж важно, но удочка слишком хороша, чтоб от нее отказаться.

Все так и лежало, аккуратно сложенное на берегу. Он наклонился, подобрал удочку и постоял, глядя на реку.

А почему бы и нет? Возвращаться совсем не к спеху. Раз уж он здесь, можно еще немножко порыбачить. Другого случая не будет. Ведь больше он сюда не приедет.

Он отложил удочку, сел, натянул сапоги. Выбросил из корзинки вчерашний улов и повесил ее на плечо.

И почему только сегодня утром? Почему только еще один день? В город возвращаться незачем, и можно пока пожить

в этом доме. Отчего бы не устроить себе самый настоящий праздник?

Однако быстро же он освоился, с какой легкостью готов воспользоваться случаем! Дом этот — штука загадочная, а впрочем, ничуть не страшная. Да, конечно, он очень странный, но бояться в нем нечего.

Грей шагнул в воду, размахнулся и закинул удочку. С пятой попытки клюнула форель. День начинался недурно.

Не переставая удить, он дошел почти до самого водопада, до того места, где течение набирало силу, и здесь вылез на берег. В корзинке у него было пять рыбин, причем две изрядные.

Можно бы еще половить у стремнины с берега, но, пожалуй, не стоит. Лучше вернуться и как следует осмотреть дом. Непременно надо понять, откуда берется электричество и что это за телефон, и, наверно, еще во многом нужно будет разобраться.

Он глянул на часы — оказалось, позже, чем он думал. Он отцепил приманку, смотал леску, сложил удилище и зашагал вниз по тропинке.

К середине дня он закончил осмотр дома.

Ни электрические, ни телефонные провода сюда не подведены, нет и отдельной электростанции. Имеется проводка, но никаких источников электроэнергии. Телефон подсоединен к розетке в прихожей, и еще есть розетки в спальне и в кабинете.

Любопытно и другое: накануне вечером, когда он сидел в гостиной, ему виден был кабинет — картина на стене, и письменный стол, и пустые книжные полки. А сейчас полки уже не пустуют. Они прямо ломятся от книг, причем именно таких, какие он подобрал бы для себя: целая юридическая библиотека, которой позавидовал бы любой практикующий адвокат. И еще ряд полок... сперва он решил, что это какая-то шутка, розыгрыш.

Но потом заглянул в телефонный справочник и понял, что это уже не шутка.

Никогда ни один человек не видывал такого справочника. Тут значились имена абонентов и номера телефонов, но адреса охватывали всю галактику!

БЕСУР, Йар, Мекбуда V — ФЕ 6-87-31.

БЕТЕН, Вармо, Полярная III — ГР 7-32-14.

БЕТО, Элм, Рас Альгете IX — СТ 1-91-86.

Названия звезд и номера планет. Ничего другого это означать не может.

Для шутки уж чересчур бессмысленно и расточительно.

Многое множество звезд названо в телефонной книге, и названия звезд — на переплетах на той полке в кабинете!

Вывод ясен, подумал он уныло, но ведь это ни в какие ворота не лезет, не принимать же это всерьез. Нелепо, смехотворно, никакого смысла тут нет, и даже думать об этом не-

чего. Наверно, возможны какие-то другие разгадки, и в том числе совсем малоприятная: уж не сошел ли он с ума?

Нельзя ли все же как-нибудь выяснить, в чем дело?

Он захлопнул телефонную книгу, потом раскрыл на первой странице — ага, вот оно: СПРАВКИ. Он снял трубку и набрал номер.

Гудок, другой, потом голос:

— Добрый вечер, доктор Грей. Мы очень рады, что вы позвонили. Надеюсь, все в порядке? У вас есть все, что нужно?

— Вы знаете мое имя, — сказал Грей. — Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Сэр, — ответила Справочная, — мы гордимся тем, что нам известны имена всех наших абонентов.

— Но я не ваш абонент. Я только...

— Конечно, вы наш абонент, — возразила Справочная. — С той минуты, как вы вступили во владение домом...

— Как так — "во владение"? Я же не...

— Мы полагали, что вы уже поняли, доктор Грей. Нам следовало сказать вам с самого начала. Просим извинить. Видите ли, этот дом ваш.

— Ничего я не понял, — растерянно сказал Грей.

— Дом ваш, — пояснила Справочная, — до тех пор, пока он вам нужен, пока вы хотите там оставаться. И дом, и все, что в нем есть. И вдобавок, разумеется, все, чем еще мы можем быть вам полезны.

— Но это невозможно! Я ничем этого не заслужил. Как же я могу владеть домом, за который ничего не дал?

— А может быть, вы не откажетесь при случае нам немножко помочь. То есть это совсем не обязательно и, уж конечно, не слишком трудно. Если вы согласитесь нам помогать, мы будем вам крайне обязаны. Но как бы вы ни решили, дом все равно ваш.

— Помогать? — переспросил Грей. — Боюсь, я мало чем могу вам помочь.

— В сущности, это неважно, — заметила Справочная. — Мы очень рады, что вы позвонили. Вызывайте нас в любую минуту, когда пожелаете.

Щелчок отбоя — и он остался стоять дурак дураком, сжимая в руке умолкшую телефонную трубку.

Он положил трубку, прошел в гостиную и уселся в то самое кресло, в котором сидел накануне вечером, когда впервые попал в этот дом.

Пока он разговаривал по телефону, кто-то (или что-то, или это действовала какая-то непонятная сила) развел в камине огонь, и рядом на медной подставке приготовлены были дрова про запас.

В трубе завывал холодный ветер, а здесь от полена к полену перебегали, разгораясь, трепетные язычки пламени.

Дом престарелых, подумал Грей.

Ведь если он не ослышался, это оно самое и есть.

И это лучше, несравненно лучше того заведения, куда он собирался раньше.

Невозможно понять, чего ради кто-то вздумал преподнести ему такой подарок. Просто уму непостижимо, чем бы он мог такое заслужить.

Дом престарелых – для него одного, да еще на берегу его любимой речки, где водится форель.

Да, чудесно... если б только можно было это принять.

Он передвинул кресло и сел лицом к камину. Он всегда любил смотреть на огонь.

Такой славный дом и такая заботливость, чего ни пожелаешь, все к твоим услугам. Если б только можно было тут остаться.

А в сущности, что мешает? Если он не вернется в город, это никого не огорчит. Через день-другой можно будет съездить в Сосенки, отправить несколько писем, после которых никто не станет его разыскивать.

Да нет, безумие. А вдруг заболеешь? Упадешь, разобьешься? Тогда до врача не добраться и не от кого ждать помощи.

Но вот вчера он искал аспирин, и аспирина не оказалось. И он насилиu забрался в постель, нога была вывихнута и вся распухла, а к утру все как рукой сняло.

Нет, можно ни о чем не беспокоиться, даже если и заболеешь.

Аспирина не нашлось, потому что он ни к чему.

Этот дом – не только дом. Не просто четыре стены. Это и пристанище, и слуга, и врач. Надежный, здоровый, безопасный дом, и притом исполненный сочувствия.

Он дает все, что нужно. Исполняет все твои желания. Дает огонь, и пищу, и уют, и сознание, что о тебе заботятся.

И книги. Великое множество книг – именно таких, какие служили ему верой и правдой долгие годы.

Доктор Фредерик Грей, декан юридического факультета. До старости только и знал что почет и уважение. А теперь стал чересчур стар, жена и сын умерли, и друзья все умерли или уж совсем одряхлели. И ты уже не декан и не ученый, а всего лишь старик, чье имя предано забвению.

Он медленно встал и пошел в кабинет. Поднял руку к полке, провел ладонью по кожаным корешкам.

Вот они, друзья – друзья, на которых можно положиться. Они-то всегда на месте и только и ждут своего часа.

Он подошел к полкам, которые сначала так его озадачили, показались дикой и неостроумной шуткой. Теперь он знал – это отнюдь не шутка.

Он прочитал несколько названий: "Основы законодательства Арктура XXIV", "Сопоставление правовых понятий в системах Центавра", "Юриспруденция на III, IV и VII планетах Зубенешамале", "Судебная практика на Канопусе XII". И еще много томов, на чьих переплетах стоят имена странных далеких звезд.

Пожалуй, он не понял бы так быстро, что это за имена, если бы не старый друг Бен. Долгие годы Бен рассказывал ему о своей работе, и такие вот имена слетали у него с языка просто, словно речь шла об улице по соседству, о доме за углом.

В конце концов, может быть, и вправду не так уж оно далеко. Чтобы поговорить с людьми... ну, может быть, не с людьми, но с теми существами, что населяют эти чужие планеты, надо только подойти к телефону и набрать номер.

В телефонной книге — номера, которые соединяют со звездами, и на книжной полке — звездный свод законов.

Быть может, там, в других солнечных системах, нет ничего похожего на телефоны и телефонные справочники; быть может, на других планетах нет правовой литературы. Но у нас на Земле средством общения поневоле должен быть телефон, а источником информации — книги на полках. Значит, все это надо было как-то перевести, втиснуть незнакомое и непривычное в привычные, знакомые формы, чтобы мы могли этим пользоваться. И перевести не только для Земли, но и для неведомых обитателей всех других планет. Быть может, нет и десятка планет, где способы общения одинаковы, но, если с любой из них обратится к нему за советом, какими бы способами ни пользовалось существо с той планеты, здесь все равно зазвонит телефон.

И конечно же, названия звезд — тоже перевод. Ведь жители планет, что обращаются вокруг Полярной звезды, не называют свое солнце Полярной звездой. Но здесь, на Земле, другого названия быть не может, иначе людям не понять, что же это за звезда.

И самый язык тоже надо переводить. Существа, с которыми он объяснялся по телефону, уж наверно говорили не по-английски, и однако он слышал английскую речь. И его ответы наверняка доходили до них на каком-то ином, ему неведомом языке.

Поразительно, непостижимо, и как ему только пришло все это в голову? Но ведь выбора нет. Никакого другого объяснения не подберешь.

Где-то раздался громкий звонок, и он отвернулся от книжных полок.

Подождал, не повторится ли звонок, но было тихо.

Грей вышел из кабинета — оказалось, стол накрыт, его ждет обед.

Значит, вот оно что, звонок звал к столу.

После обеда он прошел в гостиную, подсел к камину и стал обдумывать всю эту странную историю. С дотошностью старого стряпчего перебрал в уме все факты и свидетельства, тщательно взвесил все возможности.

Он коснулся чуда — самого краешка — и отстранил его, заботливо стер все следы, ибо в его представление об этом доме никак не входили чудеса и не вмещалось никакое волшебство.

Прежде всего возникает вопрос — а может, ему просто мерещится? Происходит все это на самом деле или только в воображении? Быть может на самом-то деле он сидит где-нибудь под деревом или на берегу реки, что-то бессмысленно лопочет, выцарапывает ногтями на земле какие-то значки, и ему только грезится, будто он живет в этом доме, в этой комнате, грееется у этого огня?

Нет, едва ли. Уж очень все вокруг отчетливо и подробно. Воображение лишь бегло набрасывает неясный, расплывчатый фон. А тут слишком много подробностей и никакой расплывчатости, и он волен двигаться и думать, как хочет и о чем хочет; он вполне владеет собой.

Но если ничего не мерещится, если он в здравом уме, значит, и этот дом, и все, что происходит, — чистая правда. А если правда, значит, дом этот построен, образован или создан какими-то силами извне, о которых человечество доныне даже не подозревало.

Зачем это им понадобилось? Чего ради?

Может быть, его взяли как образчик вида, хотят изучить, что это за существо такое — человек? Или рассчитывают как-то им воспользоваться?

А вдруг он не единственный? Может, есть и еще такие, как он? Получили нежданный подарок, но держат язык за зубами из страха, что люди вмешаются и все испортят?

Он медленно поднялся и вышел в прихожую. Взял телефонную книгу, вернулся в гостиную. Подбросил еще полено в камин и уселся в кресло с книгой на коленях.

Начнем с себя, подумал он; поглядим, числюсь ли я в списках. И без труда отыскал: ГРЕЙ, Фредерик, Гелиос III — СЮ 6-26-49.

Он бегло перелистал страницы, вернулся к началу и стал читать подряд, медленно ведя пальцем сверху вниз по столбцу имен.

Книжка была не толстая, однако немало времени понадобилось, чтобы тщательно ее просмотреть, не пропустить другого землянина. Но другого не нашлось — ни с Земли, ни хотя бы из нашей Солнечной системы. Только он один.

Что же это, одиночество? А может быть, можно чуточку и

гордиться? Один-единственный на всю Солнечную систему.

Он отнес справочник в прихожую — на столике, на том самом месте, лежала еще одна книга.

Грей в недоумении уставился на нее — разве их было две? Было две с самого начала, а он не заметил?

Он наклонился, взгляделся. Нет, это не список телефонов, а что-то вроде папки с бумагами, и на обложке напечатаны его имя и фамилия.

Он положил справочник и взял папку, она оказалась толстая, тяжелая, в обложке — листы большого формата.

Нет, конечно же, когда он брал телефонный справочник, этой папки здесь не было. Ее положили сюда, как ставили на стол еду, как полки уставили книгами, как повесили в стенной шкаф одежду, которая в точности пришла к нему впору. Это сделала некая непонятная сила, незримая или, уж во всяком случае, ненавязчивая.

Дистанционное управление? Возможно, где-то существует копия, двойник этого дома, там какие-то силы, вполне зримые и в тех условиях совершенно естественные и обычные, накрывают на стол или вешают одежду — и действия эти мгновенно и точно воспроизводятся здесь?

Если так, значит, покорено не только пространство, но и время. Ведь те, неведомые, не могли знать, какими книгами надо заполнить кабинет, пока в доме не появился жильец.

Не могли знать, что сюда забредет именно он, Фредерик Грей, чья специальность — право. Поставили ловушку (гм, ловушку?), но не могли знать заранее, какая попадется дичь.

Каким бы способом ни печатались те книги на полках, на это требовалось время. Надо было подыскать нужную литературу, перевести и подготовить к печати. Неужели возможно так управлять временем, чтобы все, вместе взятое, — поиски, перевод, подготовка, печать и доставка — уложилось всего-навсего в двадцать четыре земных часа? Неужели можно растянуть время или, напротив, сжать его ради удобства неведомых зодчих, которыеозвели этот дом?

Он открыл папку, и ему бросились в глаза строки, крупно напечатанные на первой странице:

**КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ И ДОКУМЕНТАЦИЯ
Балматан против Мер Эл
ДЕЛО ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ
ПО ЗАКОНАМ МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОГО ПРАВА
СУДЕЙСКАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Ванз КАМИС, Рас Альгете VI
Итэ НОНСКИК, Тубан XXVIII
Фредерик ГРЕЙ, Гелиос III**

Он похолодел.

Задрожали руки, и он опустил папку на столик, опустил бережно, как нечто хрупкое: уронишь — разобьется вдребезги.

Межгалактическое право. Три ученых законоведа, три знатока (?) из трех разных солнечных систем!

А само дело и закон, скорей всего, еще из какой-нибудь четвертой системы.

Немножко помочь, сказал тогда голос по телефону.

Немножко помочь. Вынести приговор согласно законам и судебной процедуре, о которых никогда и не слыхивал!

А другие двое? Они что-нибудь слышали?

Он порывисто наклонился и стал листать телефонный справочник. Вот, нашел: Камис, Ванз. Старательно набрал номер.

— Ванза Камиса сейчас нет, — сказал приятный голос. — Что-нибудь передать?

Ошибка, подумал Грей. Не следовало звонить. Бессмысленный поступок.

— Алло, — сказал приятный голос. — Вы слушаете?

— Да, я слушаю.

— Ванза Камиса нет дома. Что-нибудь передать?

— Нет, — сказал Грей. — Нет, спасибо. Ничего не надо.

Звонить не следовало. Это слабость, малодушие. В такие минуты человек должен полагаться только на себя. И надо быть на высоте. Тут нельзя отмахнуться, не такое положение, чтобы прятаться в кусты.

Он взял куртку, кепку и вышел из дома.

Всходила луна, снизу ее золотой диск был иззубрен темными силуэтами сосен, что росли высоко на другом берегу. В лесу глухо ухала сова, в реке звонко плеснула рыба.

Вот где можно поразмыслить, сказал себе Грей. Остановился и глубоко вдохнул ночную свежесть. Здесь под ногами родная земля. И думается лучше, чем в доме, который по сути своей продолжение многих других миров.

Он спустился по тропинке на берег, к своему каноэ. Оно было на месте, после вчерашней бури в нем застоялась вода. Грей повернул его набок и вылил воду.

Дело должно рассматриваться по законам межгалактического права, сказано на первой странице. А существует такая штука — межгалактическое право?..

К закону можно подойти по-разному. В нем можно видеть отвлеченную философию или политическую теорию, историю нравственности, общественную систему или свод правил. Но как бы его ни понимать, как бы ни изучать, какую бы сторону ни подчеркивать, его основная задача — установить какие-то рамки, помогающие разрешить любой возникший в обществе конфликт.

Закон не есть что-то мертвое, неподвижное, он непременно развивается. Каким бы медлительным он ни был, он следует за движением общества, которому служит.

Грей невесело усмехнулся, глядя в полутьме на вспененную реку; вспомнилось, как он годами на лекциях и семинарах вколачивал эту мысль в головы слушателей.

На какой-то одной планете, если налицо время, терпение и неспешный ход развития, закон можно привести в полное соответствие со всеми общепринятыми понятиями и со всей системой знаний общества в целом.

Но возможно ли сделать логику закона столь гибкой и всеобъемлющей, чтобы она охватила не одну, а множество планет? Существует ли где-нибудь основа для такого понимания законности, которое оказалось бы применимо ко всему обществу в самом широком, вселенском смысле слова?

Да, пожалуй. Если налицо мудрость и труд, проблеск надежды есть...

А если так, то он, Грей, может помочь, вернее — могут пригодиться земные законы. Нет, Земле незачем стыдиться того, чем она располагает. Человеческий разум всегда тяготел к закону. Более пяти тысячелетий человечество старалось опираться на закон, и это привело к развитию права — вернее, ко многим путям развития. Но найдутся в земном праве две-три статьи, которые смело можно включить во всеобщий, межгалактический свод законов.

Химия — одна для всей вселенной, и поэтому некоторые полагают, что биохимия тоже одна.

Те двое, жители двух других планет, названные вместе с ним как судьи, которым надлежит разобраться в спорном деле, скорее всего не люди и даже не похожи на людей. Но при общем обмене веществ они в главном должны быть сродни человеку. Наверно, это жизнь, возникшая из протоплазмы. Наверно, для дыхания им нужен кислород. Наверно, в их организме многое определяется нукleinовыми кислотами. И разум их, как бы он ни отличался от человеческого, возник на той же основе, что и разум человека, и работает примерно так же.

А если химия и биохимия общие для всех, отчего бы не существовать мышлению, которое придет к общему понятию о правосудии?

Быть может, еще не сейчас. Но через десять тысяч лет. Пусть через миллион лет.

Он снова двинулся в гору, давно уже его походка не была такой легкой, а будущее не казалось таким светлым — не только его будущее, но будущее всего сущего.

Многие годы он именно этому учил и за это ратовал: за надежду, что настанет время, когда в законе и праве вопло-

тится великая, непреложная истина.

Да, становится теплей на сердце, когда знаешь, что и другие чувствуют так же и работают ради той же цели.

Никакой здесь не дом престарелых, и это чудесно. Ведь дом престарелых — тупик, а это — великолепное начало.

Немного погодя зазвонит телефон и его спросят, согласен ли он помочь.

Но вовсе незачем ждать звонка. Надо работать, работы по горло. Надо прочесть дело в палке, и основательно разобраться в сводах чужих законов, и разыскать по ссылкам все источники и прецеденты, и думать, думать.

Он вошел в дом, захлопнул дверь. Повесил куртку и кепку.

Взял папку, прошел в кабинет, положил ее на письменный стол.

Открыл ящик, достал блокнот, карандаши, удобно разложил все под рукой.

Сел и плотную занялся межзвездным правом.

Роберт ШЕКЛИ

Цивилизация статуса. Повесть
Рассказы

Роберт Шекли
Цивилизация статуса
Повесть

Посвящается моей жене Зиве

1

Сознание возвращалось медленно и болезненно. Он прорывался сквозь плотный слой сна, из воображаемого начала всех начал, пересекал само время. Он вытянул псевдоподио из изначальной тины, и эта псевдоподия была *им*. Он стал амебой, заключавшей в себе *его* сущность, затем рыбой, помеченной некоторой индивидуальностью, затем обезьяной, не похожей на других. И, наконец, стал человеком.

Каким? Он смутно видел себя, стоящим с лучевиком в руках над трупом. Вот таким.

Он очнулся, протер глаза и стал ждать других воспоминаний.

Но ничего не вспомнил. Даже имени.

Он поспешно сел и приказал памяти вернуться. Безуспешно. Он огляделся вокруг, надеясь найти ключ к своей личности.

Маленькая серая комната, в одном конце которой — закрытая дверь. В другом, в алькове, сквозь штору виднелся крошечный туалет. Помещение освещалось из какого-то скрытого источника, возможно с потолка. В комнате стояли кровать, стул — и больше ничего.

Он подпер подбородок рукой, сомкнул веки, попытался сосредоточиться. Гомо сапиенс, мужчина, человек с планеты Земля. Он говорил на языке, называющимся английским. (Значило ли это, что были другие языки?) Ему были известны названия предметов: комната, кровать, стул. Он обладал, кроме того, определенным запасом общих знаний. Но отдавал себе отчет, что существует великое множество важных вещей, которые он знал когда-то, но не знает сейчас.

Со мной что-то случилось.

Это "что-то" могло кончиться хуже.

Повесть печатается в журнальном варианте: © "Знание – сила", 1988, № 5–8.

бы оно продлилось еще немного, он мог остаться безмозглым созданием, лишенным дара речи, не осознающим даже того, что он является человеком, мужчиной, землянином. Кое-что ему сохранили.

Но когда он попытался выйти за рамки известных ему фактов, то натолкнулся на темную, заполненную ужасом зону. **НЕ ВХОДИТЬ.**

Я, наверное, был болен.

Единственное разумное объяснение. В свое время, вероятно, у него были какие-то воспоминания о птицах, деревьях, друзьях, его положении в обществе, а может быть, и о жене. Теперь он мог лишь предполагать их. Когда-то он говорил: "Это похоже на..." или "Это напоминает мне...". Теперь же ничто ни о чем ему не напоминало, вещи были самими собой — и только. Он потерял возможность сравнивать и противопоставлять. Он не мог больше анализировать настоящее в свете пережитого прошлого.

Должно быть, я в больнице.

Конечно. Здесь его лечат. Добрые врачи трудятся над возвращением ему памяти, осознания личности, чтобы сообщить ему, кто он и что он. Благородный труд! Он почувствовал, как на глазах у него выступили слезы благодарности.

Он встал и медленно обошел комнатку. Дверь была заперта.

Он стал ждать. Прошло немало времени, прежде чем в коридоре послышались шаги.

Шаги остановились у его двери. Панель откатилась в сторону, и показалось чье-то лицо.

— Как самочувствие?

Судя по коричневой форме и предмету, висящему на поясе (вероятно, оружие, подумал он), пришедший был охранником.

— Вы можете сказать, как меня зовут?

— Называй себя "четыреста второй", — сказал охранник. — По номеру камеры.

Ему это не понравилось. Но лучше 402-й, чем никто. Он спросил:

— Я долго болел? Сейчас мне лучше?

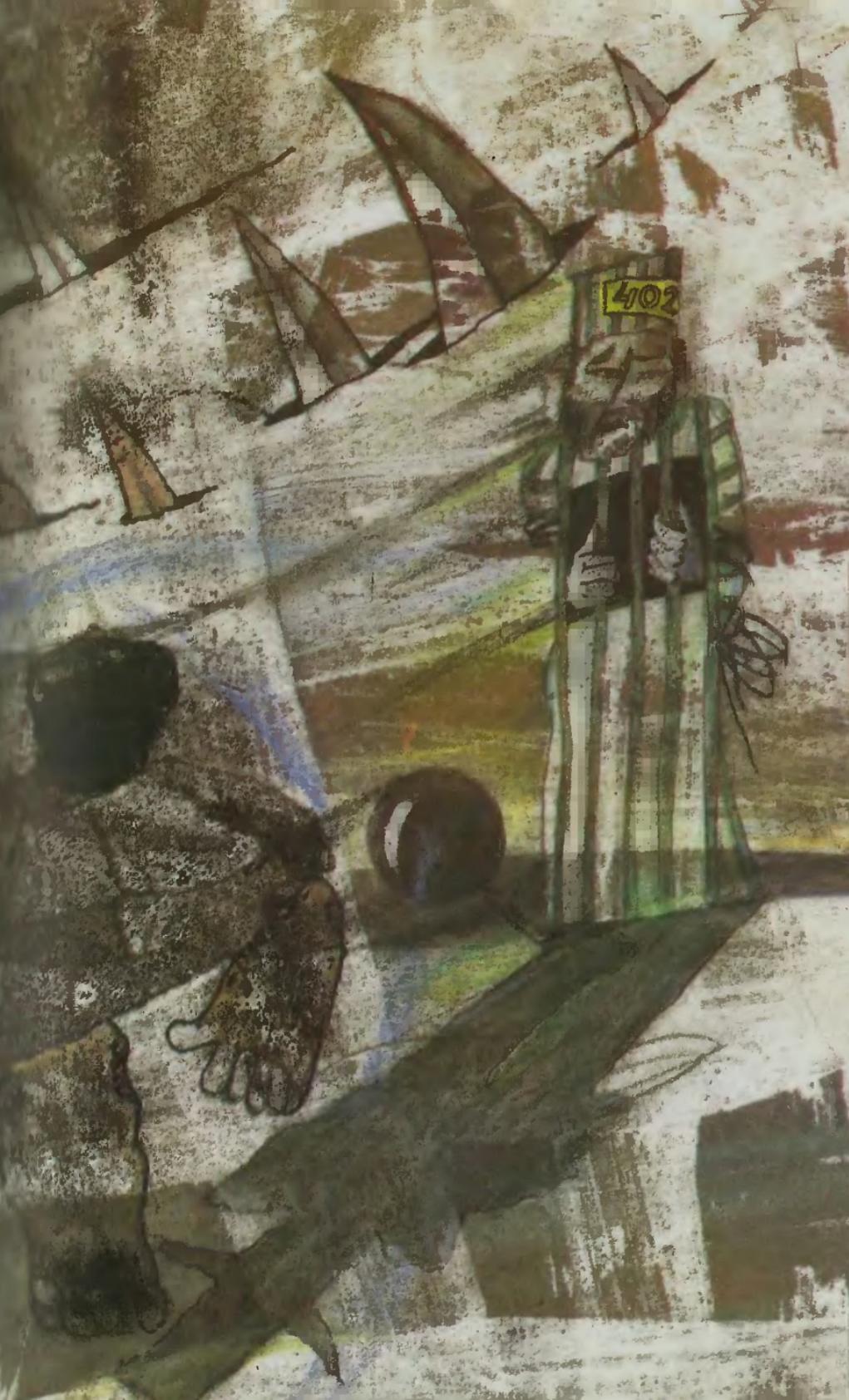
— Да, — иронично заверил охранник. — Веди себя спокойно. Подчиняйся правилам. Не вздумай дурить.

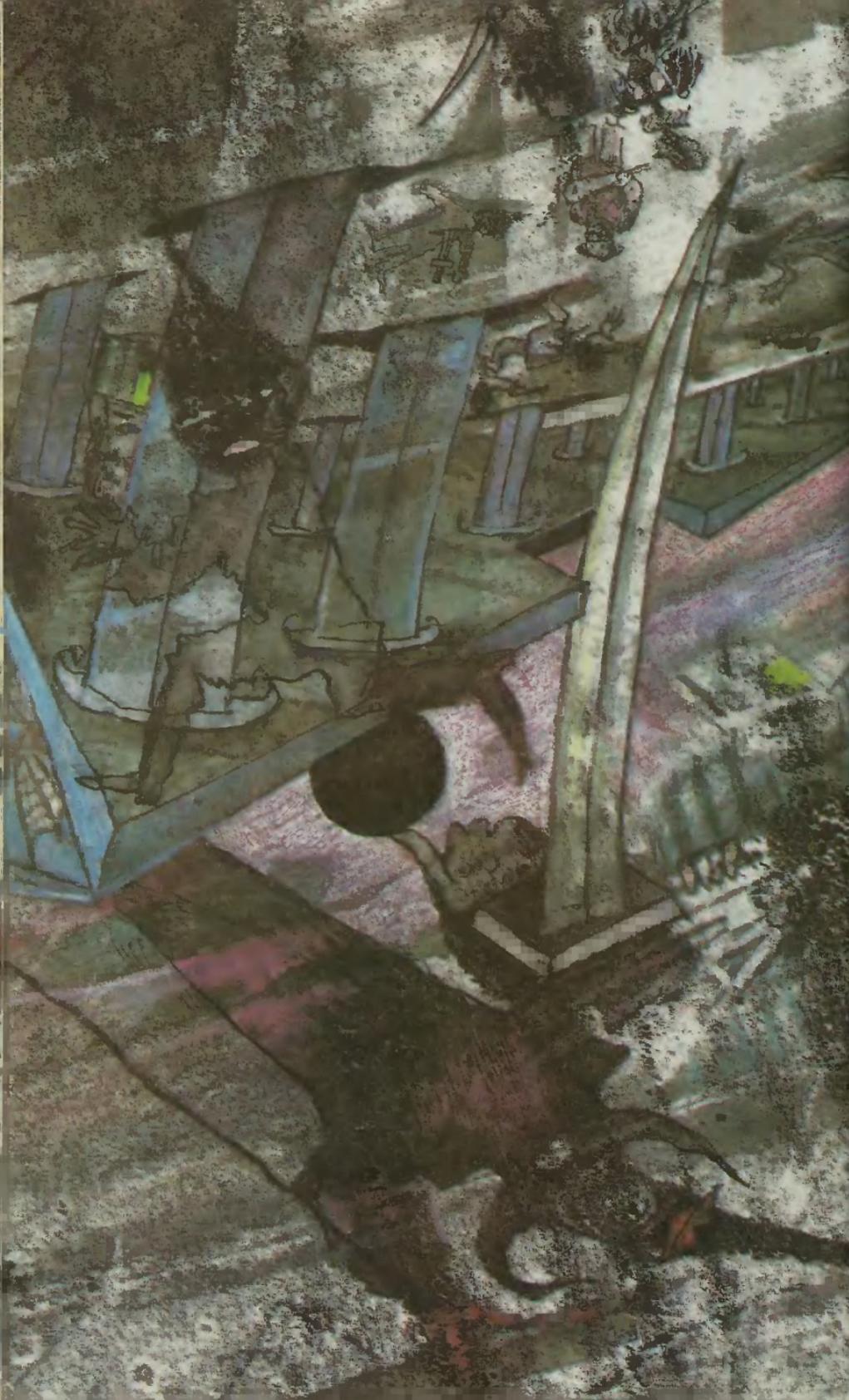
— Конечно, — согласился 402-й. — Но почему я ничего не могу вспомнить?

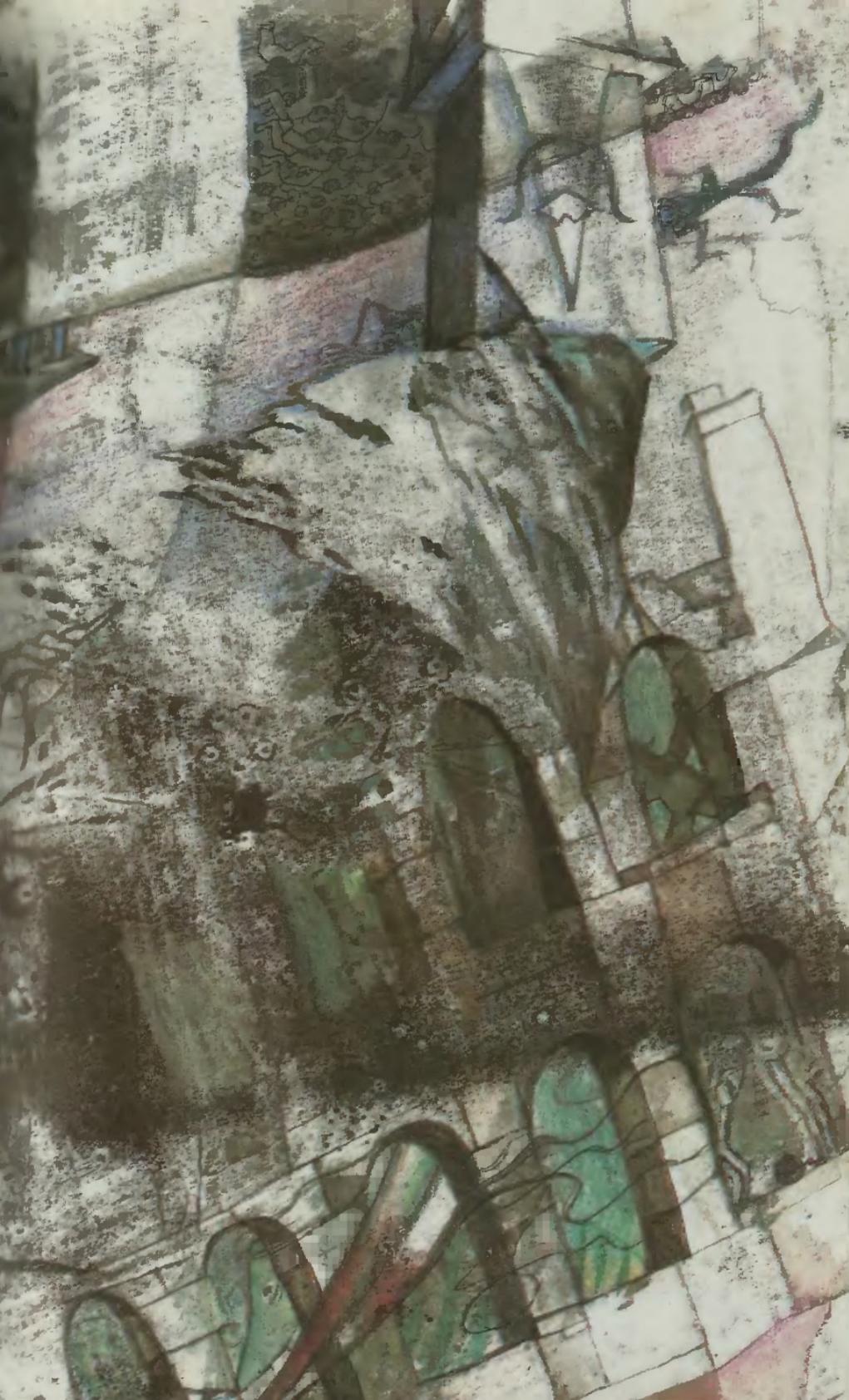
— Так всегда, — ответил охранник и повернулся к выходу.

402-й окликнул его:

— Подождите! Нельзя же так оставлять меня, не объяснив. Что со мной случилось? Почему я в больнице?

— В больнице? — удивился охранник и, ухмыляясь, посмотрел на 402-го. — С чего ты взял?

— Я так предполагаю.

— Ты предполагаешь неверно. Это тюрьма.

402-й вспомнил сон об убитом человеке. Сон или воспоминание? Он отчаянно взмолился:

— В чем меня обвиняют? Что я сделал?

— Узнаешь, — бросил страж.

— Когда?

— После приземления. А пока готовься к собранию.

Он ушел. 402-й сидел на кровати и пытался думать. Кое-что прояснилось: он в тюрьме, и тюрьма вскоре приземлится. Что все это значит? Зачем тюрьме приземляться? И что за собрание ждет его впереди?

Ему почудилось, будто прозвенел звонок. Дверь камеры открылась.

Что надо делать?

402-й подошел к двери и выглянул в коридор. Он был очень возбужден, но ему не хотелось покидать камеру — она давала ощущение безопасности. Подошел охранник.

— Не бойся. Никто тебе ничего не сделает. Иди по коридору прямо.

Охранник легонько подтолкнул его, и 402-й пошел по коридору. Он видел другие открытые камеры, людей, выходящих в коридор. Большинство было в замешательстве, все молчали. Покрикивали только охранники:

— Прямо, давай двигай, прямо!

Их пригнали в большую круглую аудиторию. На балконе, опоясывающем комнату, стояли вооруженные стражи. Их присутствиеказалось необязательным: испуганная и ничего не соображающая толпа и не помышляла о бунте. Однако охранники имели символическое значение — напоминали только что пробудившимся людям о самом важном факте их жизни: они арестанты.

Через несколько минут на балконе появился человек в темной форме. Он поднял руку, призывая к вниманию, хотя и так с него не спускали глаз, и по аудитории загремел голос:

— Слушайте внимательно и постарайтесь запомнить, что я вам скажу. Эти факты важны для вашего существования. Все вы, — продолжал оратор, — недавно очнулись в своих камерах. Вы поняли, что ничего не помните о прежней жизни, даже собственных имен. У вас есть лишь скучный запас общих сведений, достаточный, однако, для взаимодействия с реальностью. Я не расширю ваши познания. Все вы там, на Земле, были злобными и гнусными преступниками, людьми наихудшего сорта, лишенными Государством права на существо-

вование. В менее просвещенные века вас бы казнили. В наше время вас выслали.

По аудитории прошел шум, и офицер поднял руку, требуя тишины.

— Все вы преступники. У вас одна общая черта — неспособность выполнять основные обязательные правила человеческого общества. Эти правила необходимы в цивилизованном обществе. Нарушив их, вы совершили преступление против человечества. Поэтому человечество отторгло вас. Вы — палка в колесах цивилизации и изгнаны в мир вам подобных. Здесь вы вправе создавать свои законы и умирать по ним. Здесь свобода, которой вы жаждали, — неудержимая и губительная свобода роста раковых клеток.

Оратор вытер лоб и проникновенно посмотрел в глаза узникам.

— Но, возможно, — произнес он, — некоторые из вас добываются реабилитации. Омега — планета, на которую мы летим, — это *ваша* планета, ее населяют исключительно преступники. Это мир, где вы можете начать жизнь сначала, без всяких предубеждений против вас! Вашего прошлого нет. Не пытайтесь вспоминать его. Подобные воспоминания только стимулируют криминальные наклонности. Считайте себя заново родившимися.

Взвешенные, продуманные слова имели какое-то гипнотическое воздействие. 402-й слушал, глядя вдаль, будто в полудреме.

— Новый мир, — говорил оратор. — Вы переродились — но с необходимым сознанием греха. Иначе вам было бы не по силам бороться со скрывающимся в вас злом. Помните это. Помните, спасения нет и нет возврата. Сторожевые корабли, оснащенные новейшим лучевым оружием, патрулируют воздушное пространство Омеги днем и ночью. Они уничтожат любой предмет, поднявшийся более чем на пятьсот футов над поверхностью планеты. Сыскитесь с этими фактами.

Оратор ушел с балкона. Среди заключенных пробежал шепоток. Но вскоре замер — говорить было не о чем. Узникам, не помнящим своего прошлого, не на чем основываться, размышляя о будущем. Нельзя обмениваться опытом и впечатлениями, если опыт и впечатления только что возникли.

Охранники на балконе застыли как мумии, недвижные и безликие. И тут легчайшая дрожь прошла по полу аудитории. Затем она превратилась в вибрацию, и 402-й почувствовал тяжесть, словно на тело навалился невидимый груз.

Из громкоговорителей прозвучал голос:

— Внимание! Корабль приземляется на Омеге. Вскоре будет произведена высадка.

Заключенных построили в колонну и вывели из помещения. Все еще ошеломленные, они шли по бесконечному коридору огромного корабля к открытому люку, через который врывался яркий свет.

402-й спустился по длинной лестнице и оказался на твердой почве. Он стоял на большой, залитой солнцем площади, окруженней любопытными зрителями.

— Отвечайте, когда называют ваш номер. Вам будет сообщена ваша личность! — прогремели динамики.

402-й чувствовал себя слабым и усталым. Сейчас его не интересовало ничего. Хотелось только лечь, заснуть или подумать о происходящем. Он осмотрелся и машинально отметил гигантскую ракету, охранников, зевак. Над головой в синеве небес плавали черные пятна. Сначала они показались ему птицами. Затем, приглядевшись, он понял, что это сторожевые корабли.

— Номер 1!

— Здесь, — ответил голос.

— Номер 1, ваше имя Вайн Саусхолдер. 34 года, группа крови АЛ-2, индекс АР-431-С. Виновен в измене.

Толпа наблюдающих громко зааплодировала.

402-й, дремлющий на солнце, слушал перечисление убийств, ненормальностей, подделок, мутаций...

— Номер 402!

— Здесь.

— Номер 402, ваше имя Уилл Баррент. 27 лет, группа крови ОЛ-3, индекс ЭКС-221-Р. Виновен в убийстве.

Толпа приветственно защумела, но 402-й едва ли что-нибудь слышал. Он привыкал к тому, что у него есть имя. Настоящее имя, а не номер. Уилл Баррент. Он надеялся, что не забудет его, и повторял про себя снова и снова. И чуть не пропустил последнее объявление.

— Ваше временное жилье находится на площади А-2. Будьте осторожны и осмотрительны в словах и поступках. Наблюдайте, слушайте, учитесь. Закон обязывает меня сообщить вам, что средняя продолжительность жизни на Омеге приблизительно три земных года.

Последние слова не сразу дошли до Баррента. Он все еще смыкался со своим новым именем. И не задумывался о том, что значит быть убийцей на планете преступников.

го часа. Новорожденные сидели на койках и с любопытством оглядывали свои тела, увлеченно рассматривали свои ноги и руки. Они смотрели друг на друга и видели собственное бесформенное отображение в чужих глазах. Зрелость приходила быстро, из забытых видений и призраков памяти, рождалась из старых привычек и личностных черт, сохранившихся как обрывки порванной нити их прошлой жизни на Земле.

Уилл Баррент, отстояв в очереди к зеркалу, увидел приятного молодого человека с тонким носом, прямыми каштановыми волосами и честным волевым лицом, не помеченным следами сильных страстей. Баррент разочарованно отвернулся, — это было лицо незнакомца.

Позднее, изучая себя более тщательно, он не мог найти даже какого-нибудь шрама, по которому можно было бы отличить его тело — скорее тренированное, чем мускулистое — от тысячи других. Его руки были не натруженны. Интересно, какую работу он выполнял на Земле...

Убийство?

Баррент нахмурился. Он не был готов принять это.

Его тронули за плечо.

— Как настроение?

Баррент обернулся и увидел перед собой крупного, широкоплечего рыжеволосого мужчину.

— Нормально, — ответил Баррент. — Вы стояли впереди меня, да?

— Верно. Номер 401. Дэнис Фоэрн.

Баррент представился.

— Ваше преступление? — поинтересовался Фоэрн.

— Убийство.

Фоэрн с уважением кивнул.

— А я фальшивомонетчик. По моим рукам этого не скажешь. — Он протянул две лапищи, покрытые редкими рыжими волосами. — Но в них все мое искусство. Память вернулась сперва к рукам. Им не терпелось взяться за работу. А я и не помнил, за какую.

— И что вы сделали? — спросил Баррент.

— Крепко зажмурился и дал им волю, — объяснил Фоэрн. — И обнаружил, что они копаются в замке камеры. — Он поднял свои ручиши и с восхищением посмотрел на них. — Умные, дьяволята!

— Копаются в замке? — переспросил Баррент. — Мне посыпалось, что вы фальшивомонетчик.

— Ну, это мое основное занятие. Такие кудесники могут сделать почти все. Подозреваю, что меня только *поймали* на изготовлении фальшивых денег; возможно, я также и взломщик. Моим рукам слишком много всего известно.

— Вы узнали о себе больше, чем это удалось мне, — сказал Баррент. — Я как во сне.

— Это ведь только начало, — утешил Фоэрэн. — Все еще станет ясно. Главное — мы на Омеге.

— Согласен, — кисло произнес Баррент.

— Вы слышали, что сказал тот человек? Это наша планета!

— Со средней продолжительностью жизни три года, — напомнил ему Баррент.

— Возможно, пустая болтовня, — отмахнулся Фоэрэн. — Я не верю охранникам. Земля!.. Кому она теперь нужна? У нас есть собственный мир, Баррент. Мы свободны!

— Абсолютно верно, друзья, — вмешался другой человек, маленького роста, со скрытым взглядом. — Меня зовут Джо, — сообщил он. — На самом деле мое имя Джоао, но я предпочитаю архаичную форму с ароматом старого доброго времени. Джентльмены, я случайно услышал ваш разговор и полностью согласен с нашим рыжеволосым другом. Какие возможности! Нас отвергла Земля? Превосходно! Обойдемся без нее. Мы все равны здесь, свободные люди свободного общества. Нет униформ, нет охранников, нет солдат. Только раскаявшиеся бывшие преступники, желающие жить в мире.

— За что вас? — спросил Баррент.

— Сказали, что я кредитный вор, — ответил Джо. — Стыдно признаться, но я не помню, что такое кредитный вор. Хотя надеюсь, что вспомню.

— Может быть, у властей есть какой-нибудь восстановитель памяти, — предположил Фоэрэн.

— У властей?! — негодующе повторил Джо. — Это *наша* планета. Мы все равны здесь. Нам же сказали: никаких властей. Нет, друзья, эту чепуху мы оставили на Земле. Сейчас...

Он вдруг смолк. Открылась дверь, и в барак вошел человек, очевидно старый житель Омеги, потому что вместо серой формы заключенных на нем была яркая желтая с синим одежда. На поясе у него висели пистолет в кобуре и нож. Став на пороге, он упер руки в боки и стал разглядывать новичков.

— Ну? — проговорил он. — Вы что, Квестора не знаете? Встать!

Никто не пошевелился.

Лицо Квестора побагровело.

— Придется поучить вас уважительности.

Он еще не успел вытащить оружие, а все уже были на ногах. Квестор посмотрел на них и с явным сожалением сунул пистолет в кобуру.

— Первое, что вам следует уяснить, — сказал Квестор, — это ваш статус на Омеге. У вас *нет* статуса. Вы — пеоны, а это значит, что вы *ничто*.

Он подождал немного и продолжил:

— Теперь внимание, пеоны. Объясняю ваши обязанности.

3

— Итак, вы нижайшие из низших. Нет никого презреннее вас, кроме мутантов, а они вообще не люди. Вопросы есть?

Квестор ждал. Вопросов не было.

— Я определил, кто вы такие. Теперь перейдем к остальным жителям Омеги. Во-первых, все более важны, чем вы; но некоторые более важны, чем остальные. Следующим за вами по рангу идет Житель, немногим отличающийся от вас, а затем — Свободный Гражданин. Он носит на пальце серое кольцо статуса, а его одежда — черная. Тоже не бог весть какая шишка, но гораздо значительнее вас. Если повезет, некоторые из вас смогут стать Свободными Гражданами.

Далее следуют Привилегированные Классы, различающиеся по символам, соответствующим рангу: например, у Хаджи — золотая серьга. Со временем вы узнаете прерогативы всех степеней и рангов. Нужно упомянуть священнослужителей. Не относясь к Привилегированным Классам, они обладают определенными льготами и правами. Я понятно говорю?

Все утвердительно забормотали. Квестор продолжал:

— Переходим к вопросам поведения. Пеоны обязаны называть Свободного Гражданина его полным титулом, обращаясь к нему со всем уважением. С Привилегированными Классами, например Хаджи, разговаривать разрешается, только когда с вами заговорят, стоять надо смирно, глядя под ноги, а руки держать сцепленными впереди себя. От Привилегированного Гражданина нельзя отходить без разрешения. Ни в коем случае не позволяет сидеть в его присутствии. Ясно? Вам предстоит еще многое узнать. Мой ранг Квестора приравнивается к Свободному Гражданину, но обладает некоторыми прерогативами Привилегированных.

Квестор оглядел слушателей, желая убедиться, что до них дошел смысл сказанного.

— Эти бараки — ваш временный дом. Задавать вопросы мне можно в любое время, но глупые или дерзкие будут наказываться побоями или смертью. Помните, что вы нижайшие из низших, тогда останетесь в живых.

На несколько секунд Квестор замолчал. Затем объявил:

— Через два-три дня вас распределят на работу. Некоторые пойдут в германские шахты, некоторые на рыболовный флот, в разные отрасли торговли. А пока можете осмотреть Тетрахид.

Заметив непонимающие взгляды, Квестор пояснил:

— Тетрахид — название города, в котором вы находитесь. Это самый большой город на Омеге. — Он смолк, потом добавил: — И единственный.

— Что значит название Тетрахид? — спросил Джо.

— Откуда я знаю! — оскалился Квестор. — Возможно, это одно из тех старых земных названий, которые вытаскивают скренеры. Во всяком случае, будьте поаккуратнее, входя в него.

— Почему? — спросил Баррент.

Квестор ухмыльнулся.

— Это, пеон, тебе предстоит узнать самому.

Он повернулся и вышел из барака.

Баррент подошел к окну. Из него открывался вид на пустынную площадь и улицы Тетрахида.

— Собираетесь туда? — спросил Джо.

— Пожалуй. Пойдете со мной?

Маленький кредитный вор покачал головой.

— Думаю, это небезопасно.

— Фоэрэн, а вы?

— Мне тоже что-то не хочется, — сказал Фоэрэн. — Полагаю, пока лучше оставаться в бараке.

— Странно, — произнес Баррент. — Это же наш город. Идет кто-нибудь со мной?

Фоэрэн пожал плечами, Джо махнул рукой и лег на койку. Остальные даже не взглянули в его сторону.

— Хорошо, — сказал Баррент. — Потом я вам все расскажу.

С минуту он подождал, надеясь, что кто-нибудь изменит решение, и вышел.

Город Тетрахид представлял собой цепочку зданий, вытянутую вдоль узкого полуострова. Со стороны суши полуостров огораживала высокая каменная стена с воротами, охраняемыми часовыми. Самым крупным зданием была Аrena, раз в год используемая для Игр. Возле Аrenы сосредоточивались государственные учреждения.

Баррент шел по узким улочкам, осматриваясь по сторонам, стараясь представить себе, на что похож его новый дом. В глубине памяти пробуждались какие-то смутные картины. Подобное место он видел на Земле.

Пройдя Арену, Баррент вышел на главный деловой проспект Тетрахида, удивленно читая вывески: "Доктор без лицензии — аборты без промедления!", "Дисквалифицированный адвокат — политический пул!"

Он шел дальше, мимо магазинов, рекламирующих краденые товары, мимо заведения с вывеской: "Чтение мозгов! Штат из скреннирующих мутантов. Ваше прошлое на Земле будет открыто!"

Баррент хотел зайти, но вспомнил, что у него нет ни гроша, а на Омеге, похоже, деньги ценятся высоко.

Он свернулся в переулок, миновал несколько ресторанов и подошел к большому зданию Института ядов (*Льготные условия. Рассрочка до трех лет. Результат гарантирован, в противном случае деньги возвращаются*). Вывеска над следующей дверью гласила: "Гильдия Убийц".

После вводной беседы на корабле Баррент решил, что на Омеге делается все для исправления преступников. Но этому явно не соответствовали вывески и объявления, или же это был какой-то очень странный метод исправления. Он двинулся дальше, медленно, в глубоком раздумье.

Потом он заметил, что люди уходят с его пути, прячутся в магазинах и подъездах. Старая женщина, взглянув на него, убежала.

Что происходит? Может быть, их пугает форма заключенного? Нет, жители Омеги не впервые видят такую. Тогда в чем дело?

Улица опустела. Рядом с ним хозяин магазина торопливо опускал железную штору.

— Что случилось? — спросил его Баррент.

— Ты спятил?! — воскликнул хозяин. — Сегодня же День Посадки!

— Простите?

— День Посадки! — повторил тот. — День приземления корабля с заключенными. Убирайся в свой барак, идиот!

Он опустил штору, и послышался щелчок запираемого замка. Баррент внезапно почувствовал страх. Что-то тут неладно. Нужно немедленно возвращаться. Глупо было идти в город, не зная обычая.

К нему приближались трое мужчин, хорошо одетые, каждый с золотой серьгой Хаджи в левом ухе. Все трое были вооружены.

Один из них крикнул:

— Остановись, пеон!

Баррент увидел, что рука мужчины потянулась за оружием, и остановился.

— В чем дело? — спросил он.

— Сегодня День Посадки, — ответил мужчина и посмотрел на своих друзей. — Ну, кто первый?

— Бросим жребий.

— Вот монета.

— Нет, лучшие на пальцах.

— Приготовились? Раз, два, три!

— Он мой, — сказал Хаджи, стоявший слева. Его приятели отодвинулись, а он вытащил оружие.

— Подождите! — взмолился Баррент. — Что вы делаете?

— Собираюсь застрелить тебя, — сообщил мужчина.

— Почему??

Мужчина улыбнулся.

— Потому что это привилегия Хаджи. В День Посадки мы имеем право убить любого пеона, покинувшего свой барак.

— Но меня не предупредили!

— Естественно, — согласился мужчина. — Если новичков предупреждать, то они не будут выходить из бараков в День Посадки. А это испортит всю забаву.

Он прицелился.

Баррент среагировал молниеносно. Бросился на землю, услышал щипение и увидел, как от здания, под которым он лежал, отвалился оплавленный кусок.

— Теперь моя очередь, — сказал другой мужчина.

— Прости, приятель, но очередь моя.

— Старшинство, мой друг, имеет свои привилегии. Стреляю я.

Однако Баррент был уже на ногах и бежал. Преследователи не торопились, словно были совершенно уверены в успехе. Баррент свернул в боковую улицу и понял, что сделал ошибку. Улица заканчивалась туником. Сзади не спеша подходили Хаджи.

Баррент затравленно озирался по сторонам. Все двери были заперты, все витрины зашторены. Некуда юркнуть, негде спрятаться.

И тут он увидел открытую дверь, которую, не заметив, пробежал. Вывеска гласила: "Общество по защите жертв". Как раз для меня, подумал Баррент.

Он рванулся назад, скользнул прямо под носом у ошеломленных Хаджи и ввалился в дверь. Преследователи не пошли за ним. Их голоса слышались снаружи — обсуждался вопрос первенства. Баррент понял, что попал в какое-то убежище.

Он находился в просторном, ярко освещенном помещении. На скамье у стены сидели несколько оборванцев, смеявшихся над какой-то шуткой. Немного в стороне от них — темноволосая девушка с большими зелеными глазами. В дальнем конце комнаты за столом сидел представительный мужчина.

Баррент подошел к столу.

— Это Общество по защите жертв? — спросил он.

— Совершенно верно, сэр, — сказал мужчина. — Я Рондольф Френдлер, президент этой бескорыстной организации. Могу быть вам полезен?

— Воистину да, — ответил Баррент. — Видите ли, я — жертва.

— Я это сразу понял, — сообщил Френдлер, тепло улыбаясь.

— Мистер Френдлер, я не член вашей организации.

— Не имеет значения, — заверил Френдлер. — Мы защищаем неотъемлемые права всех жертв.

— Очень хорошо, сэр. Там снаружи трое хотят убить меня.

— Понимаю, — произнес мистер Френдлер. Он открыл ящик стола и вынул толстую книгу. Быстро пролистав ее, он нашел нужную страницу. — Скажите, вы определили статус этих людей?

— По-моему, они Хаджи. У каждого золотая серьга в левом ухе.

— Точно, — подтвердил мистер Френдлер. — А сегодня День Посадки. Вы с только что приземлившегося корабля и относитесь к пеонам, не так ли?

— Так, — сказал Баррент.

— В таком случае я счастлив сообщить, что все в порядке. Охота Дня Посадки заканчивается с заходом солнца. Вы можете спокойно уйти отсюда, зная, что ваши права никоим образом не нарушены.

— Уйти? После захода солнца, вы имеете в виду?

Мистер Френдлер покачал головой и печально улыбнулся.

— Боюсь, что нет. По закону вы должны уйти немедленно.

— Но они убьют меня!

— Верно, — согласился Френдлер. — К сожалению, ничего нельзя сделать. Таков смысл слова "жертва".

— Я думал, у вас защищают...

— Так и есть. Но мы защищаем права, а не самих жертв. Ваши права не нарушены. У Хаджи есть привилегия охотиться на пеонов в День Посадки в любое время до заката. Однако необходимо добавить: вы в свою очередь имеете право убить любого, кто покушается на вас.

— У меня нет оружия, — сказал Баррент.

— У жертв никогда нет оружия, — заверил Френдлер. — В том-то и разница. Понимаете?

Баррент все еще слышал ленивые голоса Хаджи на улице. Он спросил:

— У вас есть другой выход?

— К сожалению, нет.

— Тогда я просто не уйду.

Продолжая улыбаться, мистер Френдлер выдвинул ящик стола и достал пистолет.

— Вы должны уйти. Либо выходите к Хаджи, либо вы лишитесь последнего шанса и умрете здесь, — сказал он, прицеливаясь.

— Одолжите мне ваше оружие, — попросил Баррент.

— Не позволено, — объяснил Френдлер. — Нельзя же допустить, чтобы жертвы бегали вооруженные, сами понимаете. — Он щелкнул предохранителем. — Ну, уходите?

Баррент прикинул возможность броска через стол за пистолетом и понял, что ничего не получится. Он повернулся и медленно пошел к двери. Мужчины все еще смеялись. Темноволосая девушка поднялась со скамейки и встала у входа. Подойдя ближе, Баррент заметил, что она очень хороша собой. Интересно, какое преступление привело ее на Омегу, подивился он.

Проходя мимо девушки, Баррент почувствовал, как в его руку скользнул маленький, грозного вида пистолет.

— Удачи, — произнесла девушка. — Надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться?

Баррент благодарно кивнул, хотя этой надежды вовсе не разделял.

4

Улица была пуста, если не считать спокойно переговаривающихся Хаджи. Когда Баррент вышел, двое отодвинулись, а третий шагнул вперед. Увидев, что Баррент вооружен, он быстро прицелился.

Баррент кинулся на землю и нажал на гашетку своего оружия. Он почувствовал, как оно дрогнуло в руке, и увидел, что голова и плечи Хаджи потемнели и начали распадаться. Прежде чем он успел прицелиться в других, пистолет вывернуло из руки дикой силой — выстрел умирающего Хаджи задел ствол.

Баррент в отчаянии рванулся к оружию, понимая, что во время не успеет, тело напряглось в ожидании смертельного удара... Он докатился до пистолета, удивительным образом живой, прицелился в ближайшего Хаджи.

И едва успел удержаться от выстрела. Хаджи вкладывали оружие в кобуры. Один из них сказал:

— Бедный старый Дрэйкен. Он так и не научился быстро целиться.

— Мало было практики, — заметил второй. — Дрэйкен не очень-то тренировался..

— Вот наглядный урок. Нельзя терять форму.

— И не следует недооценивать противника, даже пеона. — Он посмотрел на Баррента. — Отличный выстрел, приятель.

— Действительно, превосходный выстрел, — подтвердил другой мужчина. — Из пистолета чрезвычайно трудно точно стрелять в падении.

Баррент, дрожа, поднялся на ноги, скав в руке оружие, готовый к действию при первом подозрительном движении Хаджи. Но они вели себя очень спокойно, явно считая инцидент исчерпанным.

— Что теперь? — спросил Баррент.

— Ничего, — ответил один из Хаджи. — В День Посадки каждому человеку или охотничьей партии позволено только одно убийство. После этого вы вне охоты.

— Неинтересный праздник, — пожаловался его товарищ. — Не сравнить с Играми или Лотереей.

— Вам остается только пойти в Регистрационную контору, — перебил первый, — и получить наследство.

— Что?

— Ваше наследство, — терпеливо повторил Хаджи. — Вы наследуете все состояние вашей жертвы. Но от Дрейкена, должен вам сообщить, много не получите.

— Он никогда не был хорошим бизнесменом, — печально произнес другой. — И все же для начала неплохо. А так как вы совершили узаконенное убийство — хотя и в высшей степени необычное, — то подниметесь в положении. Вы стали Свободным Гражданином.

На улице появились люди, лавочники открывали шторы. Подъехал грузовик с надписью "Удаление тел. Группа 5", и четверо мужчин в униформе забрали тело Дрейкена. Это больше, чем заверения Хаджи, убедило Баррента, что все позади. Он положил оружие девушки в карман.

— Регистрационная контора там, — сказал один из Хаджи. — Мы выступим вашими свидетелями.

Баррент еще не полностью понимал, что происходит. Но раз все идет хорошо, он решил не задавать вопросов. Успеет разобраться потом.

В сопровождении Хаджи он пришел в Регистрационную контору на Оружейной площади. Здесь клерк со скучной мимой выслушал показания, достал деловые бумаги Дрейкена и вместо его имени вписал имя Баррента. В документах уже было несколько подобных изменений — видимо, круговорот бизнеса в Тетрахиде совершается быстро.

Так Баррент оказался владельцем магазина противоядий по бульвару Пламени. Бумаги официально возводили его в ранг Свободного Гражданина. Клерк вручил кольцо статуса, сделанное из оружейной стали, и посоветовал как можно скорее сменить одежду во избежание неприятных недоразумений. Хаджи пожелали ему удачи и всяческих успехов.

Баррент решил осмотреть свое новое жилище и магазин. На фасаде дома красовалась вывеска: "Средства от всех ядов. Приобретайте набор "Сделай сам, если хочешь выжить". Деаддатель три противоядия в карманной коробке!"

Баррент открыл дверь и вошел. За низкой стойкой до потолка тянулись полки, заставленные бутылками, склянками, картонками и квадратными стеклянными банками с

листьями, веточками, грибами. Рядом стоял маленький шкаф с книгами. Баррент прочел несколько названий: "Быстрое диагностирование при остром отравлении", "Семейство мышьяка", "Производные белены".

Было очевидно, что отравление играет значительную роль в обыденной жизни Омеги, раз существуют магазины — а наверное, есть и другие, — которые готовят и распространяют противоядия. Баррент подумал и решил, что получил необычное, но почетное дело. Он изучит все книги и узнает, как его следует вести.

К магазину примыкали гостиная, спальня и кухня. В одном из шкафов Баррент нашел плохо сшитый черный костюм Гражданина и переоделся, не забыв переложить в карман пистолет. Покинув магазин, он направился в Общество по защите жертв.

Дверь все еще была открыта, а трое обворванцев все так же сидели на скамье. Теперь они не смеялись. Долгое ожидание, казалось, утомило их. За столом просматривал бумаги мистер Френдлер. Девушки не было.

Баррент подошел к столу, и Френдлер встал.

— Примите мои поздравления! Дорогой друг, искренние, найтеплайшие поздравления! Великолепный выстрел! При том в падении!

— Благодарю вас, — произнес Баррент. — Я пришел сюда, чтобы...

— Знаю, знаю, — сказал Френдлер. — Вы желаете осведомиться о правах и обязанностях Свободного Гражданина. Естественное желание. Садитесь на скамью, и я буду к вашим услугам через...

— Я пришел не за этим, — перебил Баррент. — Конечно, я не пропустил узнать свои права и обязанности. Но сперва я хотел бы найти ту девушку.

— Девушку?

— Она сидела на скамье, когда я вошел. И дала мне пистолет.

Мистер Френдлер удивленно взорвался на него.

— Гражданин, вы ошибаетесь. Сегодня в конторе вообще не было женщин.

— Она сидела на скамье рядом с этими тремя мужчинами. Очень привлекательная темноволосая девушка. Вы не могли не заметить ее.

— Я определенно заметил бы ее, если бы она здесь была, — сказал Френдлер, часто мигая. — Но, как я уже говорил, в этом помещении не было и духу женщины.

Баррент посмотрел на него и вытащил из кармана пистолет.

— В таком случае откуда эта штука?

— Я его вам одолжил, — ответил Френдлер. — Рад, что вы успешно сумели им воспользоваться, но теперь попрошу вернуть.

— Вы лжете, — процедил Баррент, сжав оружие. — Спросим у этих людей. Куда ушла девушки?

Один из мужчин поднял угрюмое небритое лицо и сказал:

— О какой девушке вы говорите, Гражданин?

— О той, что сидела вот тут.

— Здесь никого не было. Рафаэль, ты видел женщину на скамейке?

— Только не я, — ответил Рафаэль. — А я сижу здесь с десяти утра.

— И я не видел, — вставил третий. — А у меня отличное зрение.

Баррент повернулся к Френдлеру.

— Почему вы лжете мне?

— Я сказал истинную правду. Пистолет вам одолжил я, потому что это моя привилегия как президента Общества по охране жертв. А теперь попрошу его обратно.

— Нет, — отрезал Баррент. — Пистолет будет у меня, пока я не найду девушку.

— Это не очень разумно, — произнес Френдлер и поспешно добавил: — Я имею в виду, что в данных обстоятельствах кража не прощается.

— Рискну, — бросил Баррент и покинул Общество по защите жертв.

5

Барренту требовалось время, чтобы оправиться от бурного вступления в омегианскую жизнь. Начав с бесправного положения новоприбывшего, посредством убийства он стал владельцем магазина противоядий. Из забытого прошлого на планете Земля его зашвырнули в шаткое настоящее мира преступников, дав смутное представление о сложной иерархической структуре и узаконенной программе убийств. Он обнаружил в себе определенную уверенность и неожиданное проворство с оружием. Баррент понимал, что надо еще очень много узнать о себе, Омеге и Земле, и надеялся прожить достаточно долго, чтобы успеть сделать это.

Но сперва главное. Нужно зарабатывать на жизнь. Необходимо стать специалистом по ядам и противоядиям.

На помощь пришла литература. В книгах описывались растительные яды, известные на Земле, такие, как вонючий морозник, чемерица, паслен и тисовое дерево. Болиголов и вы-

зываемые им предсмертные судороги. Синильная кислота миндаля и дигиталин пурпурной наперстянки. Ужасающее эффективное волчья отрава со смертельной дозой аконита и экстракты таких грибов, как бледная поганка и мухомор, не говоря уже о чисто омегианских ядах типа красноголовника или цветущей лилии морталис.

Но знать растительные яды, хотя и бесчисленные в своих вариациях, было мало. Оставались еще ядовитые животные — птицы, пауки, змеи, скорпионы и гигантские осы. Множество минеральных ядов вроде мышьяка, ртути, висмута. Едкие нитраты, гидрохлориды, кислоты. Очищенные от всяких примесей стрихнин, муравьиная кислота, гиоциамин, белладонна. Да плюс противоядия от всех этих веществ.

Баррент изучал книги, размышлял... И с некоторой нервозностью обслуживал своих первых клиентов.

Он обнаружил, что многие его опасения беспочвенны. Вместо десятков смертельных веществ, рекомендованных Институтом ядов, большинство отравителей прибегало к мышьяку и стрихнину — недорогим, проверенным и очень болезненным. У синильной кислоты легкоразличимый запах, ргуть трудно ввести в организм, а едкие вещества, хотя и удовлетворительно эффективные, весьма опасны в обращении. Волчья отрава и мухомор, конечно, превосходны; нельзя сбрасывать со счетов белладонну, да и бледная поганка и вонючий морозник не лишены особого, мрачного очарования. Но то были яды старого, праздного времени. Нетерпеливое молодое поколение — и особенно женщины (они составляли на Омеге девятьдесятых отравителей) — довольствовалось простыми средствами.

Омегианские женщины были консервативны. Их не трогала утонченная изысканность отравительского искусства. Средства вообще не интересовали их; только цели — как можно быстрее и дешевле. Женщины Омеги отличались рациональностью. И хотя страстные теоретики в Институте ядов пытались продавать фантастические микстуры контактных ядов типа трехдневной плесени и неустанно трудились над составлением сложнейших композиций, те с трудом находили сбыт. Простой мышьяк и быстродействующий стрихнин продолжали оставаться столпами торговли, что существенно облегчало работу Баррента.

Осложнения возникали с мужчинами, которые отказывались верить, что они отравлены подобными банальными ядами. В таких случаях Баррент прописывал массу различных корешков, трав, листьев и крошечную гомеопатическую дозу яда, неизменно совмещая это с нейтрализующими и рвотными агентами.

Вскоре Баррента навестили Дэнис Фоэрэн и Джо. Фоэрэн

получил временную работу в доках по разгрузке рыбачьих судов, а Джо организовал ночную игру в покер среди государственных служащих Тетрахида. Ни тот, ни другой не поднялись заметно в статусе; без убийств на своем счету они были лишь Жителями Второго Класса и нервничали при встрече со Свободным Гражданином, но Баррент вел себя на равных. Это были его единственные друзья на Омеге, и он не сорвался терять их из-за неравенства в социальном положении.

Правила и обычаи Тетрахида оставались загадкой за семью печатями. Даже Джо не мог узнать что-нибудь определенное от своих друзей на государственной службе. На Омеге закон хранился в тайне. Опытные использовали его знание против вновь прибывших. При помощи неравенства и культивируемого невежества власть и привилегии оставались в руках старейших жителей. Конечно, движение наверх не остановить. Но его можно замедлить и сделать чрезвычайно опасным.

Хотя магазин требовал много времени, Баррент настойчиво искал девушку, которая ему помогла. Пока у него не было даже доказательств, что она существовала.

Он познакомился с владельцами соседних магазинов. Веселый усатый молодой человек по имени Деймонд Гаррисбург распоряжался в продовольственном. Весьма обыденная и мирная профессия, но, как говорил Гаррисбург, даже преступники должны есть. Следовательно, необходимы фермеры, перевозчики, упаковщики и магазины. Гаррисбург утверждал, что его бизнес ничем не уступает присущей Омеге индустрии смерти. Кроме того, дядя жены Гаррисбурга был Министром Публичных Работ. Через него Гаррисбург рассчитывал получить сертификат на убийство. С этим важным документом он мог совершить свое обязательное преступление и подняться до статуса Привилегированного Гражданина.

Баррент поддакивал и кивал, но сомневался, не отправит ли сперва Гаррисбурга его жена, худая бойкая женщина. Похоже, она недолюбливала мужа, а развод на Омеге был запрещен.

Другой сосед, Тем Ренд, был долговязым бодрым мужчиной около сорока. От левого глаза почти до уголка рта тянулся шрам — подарок от желающего подняться в положении. Желающий не на того напал. Тем Ренд владел магазином оружия, постоянно практиковался и всегда носил при себе образчики своих товаров. Тем мечтал стать членом Гильдии Убийц. Он уже подал заявление и имел шансы быть принятим в эту старейшую и суровую организацию через несколько месяцев.

У него Баррент купил оружие. По совету Ренда он выбрал иглулучевик Джамисона-Тира, быстродействующий и акку-

ратный, развивающий мощность пули крупного калибра. Конечно, у него не было такого рассеяния, как у теплового оружия Хаджи, способного поражать в шести дюймах от цели. Но широкотепловое оружие поощряло неточность. Из такого мог стрелять любой, а чтобы эффективно использовать иглолучевик, необходима постоянная практика. И практика себя оправдывала: опытный стрелок из иглолучевика стоил двух с широкотепловым оружием.

Баррент внял совету, идущему от будущего Убийцы и владельца оружейного магазина. Долгие часы он проводил в ти-ре Ренда.

Надо было многое знать и еще больше делать только для того, чтобы выжить. Баррент не возражал против тяжелой работы, пока она имела серьезную цель. Он надеялся, что некоторое время все будет спокойно и передышка позволит догнать в знаниях старожилов.

Но на Омеге нет ничего стабильного.

Однажды днем Баррент принял необычно выглядящего посетителя: лет пятидесяти, плотного, со строгим лицом. Гость был одет в красную рясу до колен и сандалии. С пояса свисали маленькая черная книжечка и кинжал с красной рукояткой. От человека веяло силой и властью. Баррент был не в состоянии определить его статус.

— Я собирался закрывать, сэр. Но если вы желаете что-нибудь купить...

— Я пришел не за покупками, — перебил посетитель. Он позволил себе легкую улыбку. — Я пришел продать.

— Продать?

— Я священник, — сказал человек. — Вы новичок в моем районе. Я не видел вас на службах.

— Я ничего не знал о...

Священник поднял руку.

— И по церковному, и по светскому закону неведение не служит оправданием. Напротив, неведение может быть наказано как акт намеренного пренебрежения по параграфу 28 Всеобщей Персональной Ответственности. — Он снова улыбнулся. — Тем не менее вопрос дисциплинарного взыскания пока не стоит.

— Рад слышать, сэр, — сказал Баррент.

— Зовите меня Дядей, — сказал священник. — Я Дядя Ингмар, и я пришел, чтобы рассказать об ортодоксальной религии Омеги, являющейся культом трансцендентального Зла.

— Буду счастлив узнать о религии Зла, Дядя, — произнес Баррент. — Разрешите пригласить вас в гостиную?

— Конечно, Племянник, — ответил священнослужитель и последовал за Баррентом.

— Зло, — сказал Дядя Ингмар после того, как удобно устроился в лучшем кресле, — это та сила внутри нас, которая заставляет людей проявлять ловкость и выносливость. Культ Зла является культом самого себя и потому единственно верным культом. Личность, которой мы поклоняемся, есть идеальное социальное существо, человеческое содержимое в нише общества, готовое ухватить любую возможность продвижения; человек, принимающий смерть с достоинством и убивающий без унизительного чувства жалости. Зло есть действительное отражение безразличной и бесчувственной Вселенной. Зло вечно и неизменно, хотя проявляется в различных формах многообразной жизни.

— Не угодно ли немного вина, Дядя? — предложил Баррент.

— Благодарю вас. Как бизнес?

— Прекрасно. Правда, на этой неделе, пожалуй, вяло.

— Люди уже не проявляют особого интереса к отправлению, — заметил священник, задумчиво потягивая вино. — То ли дело, когда я был мальчишкой, только что высланным с Земли... Однако я отвлекся.

— Слушаю вас, Дядя.

— Мы поклоняемся Злу, — сказал Дядя Ингмар. — Этому воплощению Великого Черного, страшному, увенчанному рогами надсмотрщику наших дней и ночей. В Великом Черном мы находим семь главных грехов, сорок преступлений и сто один порок. Мы, несовершенные существа, стремимся вести себя по его образу и подобию. И иногда Великий Черный вознаграждает нас, являясь в ужасной красоте своей огненной плоти. Да, Племянник, мне посчастливилось видеть его. Два года назад он появился на Играх, и за год до того.

Священник задумался о божественном явлении. Затем он сказал:

— Так как мы признаем в Государстве высшее проявление способности человека ко Злу, мы также поклоняемся Государству, как сверхчеловеческому, хотя и не божественному, созданию.

Баррент кивнул. Он все время боролся со сном. Низкий монотонный голос Дяди Ингмара, повествующий о таком распространенном понятии, как Зло, оказывал усыпляющее действие.

— Можно спросить, — бубнил Дядя Ингмар, — если Зло является величайшим достижением человеческой натуры, зачем тогда Великий Черный позволяет существовать Добру? Проблема Добра веками волновала непросвещенных. Сейчас я отвечу.

— Да, Дядя? — произнес Баррент, тайком ушипнув себя, чтобы отогнать сон.

— Но сперва, — продолжал священник, — давайте дадим определение понятий. Давайте исследуем природу Добра. Давайте смело и безбоязненно изучим нашего противника и раскроем его истинные черты.

— Да, — кивнул Баррент. Его веки налились свинцом. Он потер глаза и попытался слушать.

— Добро есть состояние иллюзии, — вещал Дядя Ингмар, — которое приписывает человеку несуществующие альтруизм и жалость. Как мы докажем иллюзорную природу Добра? Очень просто: во Вселенной существуют только человек и Великий Черный, и поклоняться Великому Черному — значит поклоняться окончательному выражению себя. Таким образом, показав, что Добро есть иллюзия, необходимо признать его свойства несуществующими. Понимаете?

Баррент не ответил.

— Вы понимаете? — повторил священник резко.

— А? — произнес Баррент. Он дремал с открытыми глазами. Затем он заставил себя очнуться и сумел сказать: — Да, Дядя, я понимаю.

— Превосходно. Теперь спрашиваем: почему Великий Черный позволяет даже иллюзии Добра существовать во Вселенной Зла? И ответ — в Законе Необходимых Противоположностей, ибо Зло нельзя определить как таковое без обязательного контраста. Лучший контраст — противоположность. А противоположность Зла есть Добро. — Священник торжествующе улыбнулся. — Все совершенно ясно, не правда ли?

— Конечно, Дядя, — согласился Баррент. — Не хотите ли еще немного вина?

— Ах, буквально капельку, — сказал священник.

Еще десять минут он рассказывал Барренту о естественном и прекрасном Зле, присущем обитателям полей и лесов, и советовал ему следовать в поведении примеру этих простых созданий. Наконец он кончил и поднялся.

— Очень рад приятной беседе, — сказал священник, тепло пожимая руку Баррента. — Могу я рассчитывать на ваше присутствие вочных службах по понедельникам?

— Службах?

— Конечно. Каждый понедельник, ровно в полночь, мы служим Черную Мессу. После этого Девы готовят закуску, мы танцуем и устраиваем хоровое пение. Это очень весело. — Он широко улыбнулся. — Поклонение Злу может быть приятным.

— Да, естественно, — подтвердил Баррент. — Я приду.

Он проводил священника до двери и затем надолго задумался над тем, что сообщил ему Дядя Ингмар. Без сомнения,

присутствие на службах необходимо. Практически обязательно. Он только надеялся, что Черная Месса не будет так адски скучна, как ингмаровское разъяснение Зла.

Священник приходил в пятницу. Следующие два дня Баррент был занят — он получил партию гомеопатических средств от своего агента в Кровавом переулке. Надо было рассортировать и классифицировать их, а затем разложить по ящикам.

В понедельник по пути в магазин после ленча Барренту показалось, что он увидел ту девушку. Он бросился за ней, но потерял в толпе.

Придя к себе, Баррент нашел подсунутое под дверь письмо. Это было приглашение из Магазина Снов. Текст гласил:

”Дорогой Гражданин, мы счастливы возможности приветствовать вас в нашем районе и оказать услуги, как мы надеемся, лучшего Магазина Снов на Омеге. Предлагаем сны на любой тип и вкус — и по удивительно низкой цене. Мы специализируемся на снах-воспоминаниях о Земле.

Уверены, что, как Свободный Гражданин, вы непременно захотите воспользоваться нашими услугами. Надеемся, что это произойдет в течение недели. Владельцы”.

Баррент отложил письмо. Он не имел ни малейшего понятия, что представляет из себя Магазин Снов. Предстоит это узнать. Хотя приглашение было составлено очень вежливо, в нем чувствовалась повелительность. Очевидно, посещение Магазина Снов являлось одной из обязанностей Свободного Гражданина.

Конечно, обязанность может оказаться и удовольствием. Настоящее восстановление памяти о Земле стоило бы любых денег.

Но с этим можно пока подождать. Сегодня — Черная Месса, и его присутствие там определенно требуется.

Баррент покинул магазин в одиннадцать вечера, собираясь немного погулять по Тетрахиду перед службой, начинающейся в полночь.

Он вышел на прогулку вполне довольный собой. И едва не погиб.

Стояла жаркая, душная ночь. На темных, пустынных улицах — ни малейшего дуновения ветерка. Большинство жителей Тетрахида пряталось в прохладе своих квартир. С Баррента градом катил пот, хоть он и был одет только в шорты, черную рубашку и сандалии.

Мимо промчалась группа людей. В этом поспешном бегстве при жаре, когда и идти-то было трудно, чувствовалась

шаника. Баррент попытался узнать, в чем дело, но никто не останавливался. Только один старик крикнул через плечо:

— Убираися с улицы, идиот!

— Почему? — спросил его Баррент.

Старик что-то неразборчиво прорычал и скрылся.

Баррент нервно сжал рукоять иглолучевика. Что-то происходит. Теперь ближайшее убежище — церковь. Пожалуй, лучше продолжить путь, держась наготове, чтобы отразить любое нападение.

Через несколько минут Баррент оказался один в зашторенном городе. Он шел посреди улицы, вынув иглолучевик из кобуры. Возможно, наступает какой-нибудь праздник типа Дня Посадки. Все возможно на Омеге...

Легкий ветерок всколыхнул стоячий воздух. Ветерок исчез и вернулся уже окрепший, заметно охлаждая раскаленные улицы. Баррент почувствовал, как высыхают его грудь и спина.

Несколько минут климат Тетрахида был необычайно приятным.

Холодный воздух подул с вершин гор, и температура упала градусов на десять.

“Странно, — подумал Баррент. — Лучше поскорее добраться до церкви”.

Он прибавил шагу, а температура все снижалась. На улицах появились первые сверкающие признаки мороза.

Холоднее стать не может, решил Баррент.

Он оказался не прав. Студеный зимний ветер завыл в переулках, повалил снег. Продрогший до костей Баррент бежал по пустым улицам, а рассвирепевший ветер догонял и подстегивал его. Дороги коварно блестели. Он поскользнулся и упал, а поднявшись, пошел медленнее.

Сквозь неплотно закрытое окно Баррент увидел свет и заколотил по ставням, но изнутри не раздалось ни звука. Он осознал, что жители Тетрахида никогда не помогают друг другу; чем больше людей умрет, тем больше шансов выжить у оставшихся. И Баррент продолжал бежать, чувствуя, как ноги превращаются в два чурбана.

Ветер взревел, и градина величиной с кулак упала на землю. У Баррента уже не хватало сил для бега. Теперь он мог лишь идти в замерзшем белом мире и надеяться, что успеет добраться до церкви.

Он шел часы и годы. Однажды он миновал покрытые инеем тела двух мужчин, привалившихся к стене. Эти остановились.

Баррент снова заставил себя бежать. В боку кололо как ножом, а холода поднимался по рукам и ногам. Скоро стужа достигнет груди, и наступит конец.

Потом Баррент вдруг обнаружил, что лежит на ледяной земле и безжалостный ветер выдувает последние крохи тепла.

В конце улицы виднелись красные огни церкви. Он пополз к ним на четвереньках, отталкиваясь руками, двигаясь механически, уже ни на что не надеясь. Он полз и полз, а мерцающий огонек все так же светил вдалеке.

Но Баррент продолжал ползти и наконец достиг двери. Он поднялся на ноги и повернул ручку.

Дверь была заперта.

Он бешено заколотил кулаками, и панель откатилась. На него смотрел человек; затем панель снова закрылась. И больше не открывалась. Чего они ждут там внутри? Что случилось? Баррент попытался вновь стучать, но потерял равновесие, упал и лишился сознания.

Баррент очнулся на койке. Двое мужчин массажировали его руки и ноги. Внимательно всматриваясь, над ним нависло широкое темное лицо Дяди Ингмара.

— Вам лучше? — спросил Дядя Ингмар.

— Кажется, — произнес Баррент. — Почему вы так долго не открывали дверь?

— Мы вовсе не собирались открывать ее, — сообщил священник. — Закон запрещает помогать посторонним в беде. А формально вы посторонний, так как еще не вступили в сообщество.

— Тогда почему меня впустили?

— Мой ассистент заметил, что у нас круглое число молящихся. А требуется число некруглое, желательно оканчивающееся на тройку. Когда церковный и светский законы вступают в противоречие, светский должен уступить. И мы впустили вас, несмотря на правила.

— Странные правила, — сказал Баррент.

— Вовсе нет. Они предназначены для поддержания постоянного уровня населения. Омега бесплодная планета, а приток заключенных увеличивает население в ущерб старейшим обитателям.

— Это нехорошо, — упорствовал Баррент.

— Вы будете думать по-другому, когда станете старожилом, — заверил Ингмар. — А судя по вашей живучести, вы им станете.

— Возможно, — согласился Баррент. — Но что случилось? Температура, должно быть, упала градусов на семьдесят за пятнадцать минут.

— На семьдесят шесть, если быть точным, — поправил Дядя. — Все очень просто. Омега эксцентрически двигается вокруг системы двойной звезды. Дальнейшая нестабильность связана с физическими особенностями планеты, расположе-

нием гор и морей. Результатом является ужасный климат, характеризующийся резкими скачками температуры... Идеальный карательный мир, — гордо добавил Дядя Ингмар. — Опытные жители предчувствуют изменение температуры и идут по домам.

— Это... адски... — Баррент не находил слов.

— Превосходное описание, — сказал священник. — Это адски и поэтому соответствует поклонению Великому Черному. Если вы чувствуете себя лучше, Гражданин Баррент, пора начинать службу.

Баррент кивнул и последовал за священником в главную часть церкви.

После пережитого Черная Месса казалась скучнейшей процедурой. Баррент продремал всю проповедь.

— Поклонение Злу, — вещал Дядя Ингмар, — не следует блюсти единственно по ночам понедельника. Наоборот! Реализовывать Зло должно ежедневно. Не каждому дано быть великим грешником, но пусть это вас не огорчает и не расхолаживает. Мелкие пакости, совершаемые регулярно, переходят в большой, угодный Великому Черному грех. Не следует забывать, что выдающиеся нечестивцы, даже демонические святые, часто начинали весьма скромно. Разве Трастус не был рядовым лавочником, обманывающим покупателей? Кто мог ожидать, что этот заурядный человек станет Кровавым Убийцем с Торндайкской Дороги? А кто мог вообразить, что доктор Лойенд будет крупнейшим авторитетом по применению пыток? Настойчивость, упорство и набожность позволили этим людям подняться до положения правой руки Великого Черного. Следовательно, — заключил Дядя Ингмар, — Зло есть в такой же мере занятие бедных, как и богатых.

На этом проповедь закончилась. Баррент проснулся, когда для благовейного обозрения вынесли святыни — кинжал с красной рукояткой и жабу. Во время показа магического пятиугольника он снова заснул.

Наконец церемония приблизилась к завершению. Были зачлены имена демонов зла: Ваол, Форкас, Буэр, Маркознас, Астарот и Бегемот. Дядя Ингмар выразил сожаление об отсутствии девственницы для жертвоприношения на Красном Алтаре.

— Наши фонды, — сказал он, — недостаточны для покупки девственницы-peonки с государственным сертификатом. Тем не менее я надеюсь, что в следующий понедельник нам удастся провести обряд полностью. Мой ассистент сейчас пройдет среди вас...

У ассистента была специальная тарелка с черной каймой. Подобно другим прихожанам, Баррент не поскупился. Дядя

Ингмар был явно раздражен отсутствием девственницы для приношения. Еще немного, и он решит закласть одного из верующих, девствен тот или нет.

На танцы и хоровое пение Баррент не остался. Когда служба кончилась, он осторожно высунул голову за дверь. Температура поднялась, и лед уже стаял. Баррент пожал руку священнику и поспешил домой.

8

Барренту хватало потрясений и сюрпризов Омеги. Он не отходил от магазина, много работал и держался настороже. У него появилось шестое чувство — чувство опасности.

По ночам, когда двери и окна были накрепко заперты и включена тройная сторожевая система, Баррент лежал на постели и старался вспомнить Землю. Тычась в туманную заслую памяти, он находил мучительно-дразнящие осколки картин: шоссе, уходящее к солнцу, колossalный город, корпус космического корабля. Но видения возникали на мельчайшую долю секунды и исчезали.

Субботним вечером к Барренту пришли Джо, Дэнис Фоэррен и сосед Тем Ренд. Покерная Джо процветала, и он сумел взяткой купить положение Свободного Гражданина. Фоэррен был слишком неповоротлив и прям, он оставался в ранге Жителя. Но Тем Ренд обещал взять этого взломщика в помощники, когда его примут в Гильдию Убийц.

Вечер начался приятно, но кончился, как обычно, спором о Земле.

— Послушайте, — сказал Джо, — мы все знаем, что из себя представляет Земля. Это комплекс гигантских плавающих городов, построенных на искусственных островах в различных океанах.

— Нет, города стоят на земле, — поправил Баррент.

— На воде, — не согласился Джо. — Люди вернулись к морю. У каждого есть специальный кислородный адаптатор, который позволяет дышать под водой. Суша больше не используется. Море снабжает...

— Все не так, — возразил Баррент. — Я помню большие города, но они на земле.

— Вы оба не правы, — сказал Фоэррен. — Зачем Земле сдались эти города? Их бросили сотни лет назад. Земля теперь большой парк. У каждого свой дом и несколько акров сада. Разрослись леса и джунгли. Люди живут в ладу с природой, вместо того чтобы пытаться покорить ее. Разве не так, Тем?

— Почти, но не совсем, — произнес Тем Ренд. — Города еще существуют, но они под землей. Колossalные подзем-

ные заводы и поля. А остальное все — как сказал Фоэрэн.

— Никаких заводов больше нет, — упрямо настаивал Фоэрэн. — Они не нужны. Любые товары, которые требуются человеку, производятся мысленным волеизъявлением.

— Говорю вам, — вмешался Джо, — что вспоминаю плавающие города! Я жил в секторе Нимул острова Пасифаи.

— Думаешь, это что-нибудь доказывает? — спросил Ренд. — Я помню, что работал на восемнадцатом подземном уровне Нового Чикаго. Моя рабочая норма была двадцать дней в году. Остальное время я проводил снаружи, в лесах...

— Ты ошибаешься, Тем, — сказал Фоэрэн. — Никаких подземных уровней нет. Мой отец был контролером третьего класса. Когда нам что-нибудь было нужно, отец думал об этом, вот и все. Он обещал научить меня, но, похоже, ему это не удалось.

— У кого-то из нас фальшивые воспоминания, — подытожил Баррент.

— Точно, — подтвердил Джо. — Но вопрос, кто из нас прав?

— Мы никогда не узнаем, — произнес Ренд, — если не вернемся на Землю.

На том дискуссия закончилась.

В конце недели Баррент получил второе, более настоятельное приглашение из Магазина Снов. Он проверил температуру; умудренный жизнью, достал теплую одежду и пошел.

Магазин Снов был расположен на проспекте Смерти. Баррент оказался в маленькой, пышно обставленной приемной. Молодой человек за полированным столом одарил его натянутой улыбкой.

— Чем могу служить? Мое имя Нанис Аркдраген, помощник управляющего по ночным снам.

— Я бы хотел узнать, что при этом происходит, — попросил Баррент. — Как получается сон, какого он типа и тому подобное.

— Конечно, — сказал Аркдраген. — Мы все объясним, Гражданин...

— Баррент. Уилл Баррент.

Аркдраген сверился со списком на столе и кивнул.

— Наши сны протекают под действием наркотиков на мозг и центральную нервную систему. Существует множество препаратов, производящих желаемый эффект. Среди наиболее полезных — героин, морфий, опиум, кока, гашиш и пейот. Все это земные продукты. Только на Омеге находят черный сонник, гондир, манис, тринаркотин, джедаль и различные производные карбоидной группы.

— Понимаю, — сказал Баррент. — Итак, вы продаете наркотики.

— Ни в коем случае! — возразил Аркдраген. — Ничего такого вульгарного и грубого. В древние времена на Земле люди сами принимали наркотики. Результатирующие сны были необязательны и случайны по природе. Никто не знал, что увидит во сне, испытает ли ужас или наслаждение. С приходом современного Магазина Снов всякая неопределенность исчезла. В наши дни наркотики тщательно выбраны, измерены и смешаны индивидуально для конкретного потребителя. Каждое вещество имеет свое действие — от нирваноподобного спокойствия черного сонника и цветных галлюцинаций тринаркотина до сексуальных фантазий, вызываемых морфием, и снов кармоидной группы о Земле.

— Сны-вспоминания меня и интересуют, — сказал Баррент.

Аркдраген нахмурился.

— На первый раз советую воздержаться.

— Почему же?

— Сны о Земле более способствуют нарушениям нервной системы, чем любая другая продукция воображения. Обычно рекомендуется приобрести предварительно иммунитет. Я бы предложил для первого визита приятные сексуальные фантазии.

— Мне нужны сны о Земле, — повторил Баррент.

— Но у вас нет даже склонности! — воскликнул Аркдраген.

— А склонность обязательна?

— Она важна, — объяснил Аркдраген. — Все наши препараты образуют привычку, как того требует закон. Видите ли, чтобы по-настоящему оценить наркотик, надо чувствовать в нем нужду, что в огромной степени увеличивает удовольствие. Вот почему я предлагаю вам для начала приятные сексуальные фантазии.

— Сон о Земле, — потребовал Баррент.

— Очень хорошо, — раздраженно произнес Аркдраген. — Но мы не несем ответственности за возможные травмы.

Он повел Баррента по длинному коридору. Из-за многочисленных дверей по обеим сторонам слышались страстные стоны удовольствия.

— Переживальщики, — бросил Аркдраген без дальнейших пояснений и ввел Баррента в открытую комнату в конце коридора, где читал книгу бородатый мужчина. — Добрый вечер, доктор Уайн. Это Гражданин Баррент. Первое посещение. Наставляет на снах о Земле.

Аркдраген повернулся и ушел.

— Хорошо, — сказал доктор, — устроим. — Он отложил книгу. — Ложитесь сюда.

Посреди помещения находился большой стол. Над ним висел сложно выглядящий аппарат. Вдоль стен стояли стек-

лийные шкафы, заполненные квадратными склянками, напоминающими Барренту емкости с противоядиями.

Он лег. Доктор Уайн провел обычное обследование, затем определил степень неустойчивости, гипнотический индекс, реакции на одиннадцать основных наркогрупп. Результаты он записал в блокнот, сверился с таблицами, прошел в кабинет и начал готовить смесь.

— Это опасно? — спросил Баррент.

— Не обязательно, — ответил доктор Уайн. — Вы достаточно здоровы. У вас высокий показатель устойчивости. Конечно, случаются эпилептические припадки — возможно, вследствие кумулятивных аллергических реакций. Определенные побочные эффекты приводят к умопомешательству и даже смерти. А некоторые клиенты остаются в своих снах, и их невозможно извлечь из этого состояния. С моей точки зрения, мы можем классифицировать последнее как форму сумасшествия, хотя на самом деле оно таковым не является.

Доктор кончил готовить смесь. Теперь он заполнял препаратом шприц. У Баррента появились серьезные сомнения в разумности всего предприятия.

— Может быть, отложим? — сказал он. — Я не уверен, что...

— Ни о чем не беспокойтесь, — утешил доктор. — Вы пришли в наилучший Магазин Снов на Омеге. Расслабьтесь. Напряженные мышцы могут вызвать столбнячные конвульсии.

— Мистер Аркдраген, наверное, был прав, — сказал Баррент. — Пожалуй, мне не следует требовать сон о Земле при первом посещении. Он объяснил, что это крайне опасно.

— Что такое жизнь без риска? Кроме того, наиболее распространенными последствиями являются травмы мозга и разрушение кровеносных сосудов, а мы прекрасно оснащены для борьбы с ними.

Он нацепил шприц на левую руку Баррента.

— Я передумал, — заявил Баррент и начал вставать.

Доктор Уайн проворно вонзил иглу ему в руку.

— В Магазине Снов не меняют решения. Расслабьтесь...

Баррент расслабился, лег на постель и услышал звон в ушах. Он попытался сфокусировать внимание на лице доктора, но лицо изменилось.

Округлое мясистое лицо было дружелюбным и обеспокоенным.

— Уилл, — произнес Советник, — ты должен быть осторожен. Тебе надо научиться сдерживать свои порывы.

— Знаю, сэр, — сказал Баррент. — Просто я так разозлился, что...

— Уилл!

— Хорошо, — произнес Баррент. — Я буду следить за собой.

Он вышел из здания университета и направился в город. Это был фантастический город небоскребов и многоэтажных улиц, сверкающий город серебряных и алмазных домов, гордый город, повелевающий жизнью стран и планет. Баррент шел по третьему уровню и с ненавистью думал об Эндрю Теркалере.

Из-за Теркалера и его необъяснимой ревности заявление Баррента о приеме в Корпус Космических Исследований было отклонено. И Советник оказался бессилен — Теркалер имел слишком большое влияние на Приемную Комиссию. Должно пройти полных три года, прежде чем Баррент снова сможет подать заявление. А пока он привязан к Земле и сидит без работы.

Теркалер!..

Баррент сошел с пешеходной дорожки и воспользовался экспрессом в Сантэ. Стоя на мчащейся ленте, он сжимал в кармане оружие. Запрещенное оружие.

Он решил убить Теркалера.

Картина расплылась. Сон померк. Потом Баррент внезапно увидел себя целящимся в худого человека.

Информатор, безликий и неумолимый, заметил преступление и сообщил в полицию. Полицейские в серой форме схватили его, повели в суд. Судья с двоящимся пергаментным лицом вынес приговор о вечной ссылке на Омегу и отдал обязательный приказ об очистке памяти.

Затем сон превратился в калейдоскоп ужаса. Баррент карабкался по скользкому столбу, по отвесному склону горы, по ровной гладкой стене. Его догонял труп Теркалера с развернутой грудью. С двух сторон труп поддерживали безликий информатор и бледный судья.

Баррент бежал по горе, по улице, по крыше; преследователи держались вплотную. Он заскочил в бесформенную желтую комнату, захлопнул и запер дверь. А обернувшись, увидел, что запер себя с трупом Теркалера. Голова его была покрыта красной и оранжевой плесенью, в открытой ране в груди зацветал гриб. Труп дернулся, потянулся вперед, и Баррент бросился в окно.

— Выходите, Баррент. Выходите из сна.

У Баррента не было времени слушать. Окно превратилось в крутой скат, и он соскользнул по его полированной поверхности в амфитеатр. Здесь, через серый песок, на колодах рук и ног, к нему полз труп. Неподалеку сидели рядышком судья и информатор.

— Он застрял.

— Я предупреждал его.

— Выходите из сна, Баррент. Говорят доктор Уайн. Вы на Омеге, в Магазине Снов. Очнитесь. У вас еще есть шанс, если вы немедленно соберетесь.

Омега? Сон? Некогда думать об этом! Баррент плыл по черному зловещему озеру. Прямо за ним плыли информатор и судья. Они поддерживали покойника, чья кожа медленно отваливалась от тела.

— *Баррент!*

Озеро превращалось в густой студень, который прилипал к рукам и ногам и забивал рот, а судья, информатор и труп...

— *Баррент!*

Баррент очнулся на постели в Магазине Снов. Над ним стоял доктор Уайн. Рядом была сестра со шприцем и кислородной маской. За ней виднелся Аркдраген, вытирающий со лба испарину.

— Мы уже не надеялись, что вы выкарабкаетесь, — произнес доктор Уайн.

— Я предупреждал его, — сказал Аркдраген и вышел из комнаты.

Баррент сел.

— Что случилось?

Доктор Уайн пожал плечами.

— Трудно сказать. Возможно, вы были склонны к колцевой реакции; а иногда попадаются наркотики с примесями. Но подобное практически не повторяется. Поверьте мне, Гражданин Баррент, наркотические ощущения чрезвычайно приятны. Я уверен, что во второй раз вы восхититесь.

Все еще потрясенный, Баррент был совершенно убежден, что второго раза не будет. Любой ценой он не допустит повторения кошмара.

— У меня теперь образовалась привычка? — спросил он.

— О нет, — ответил доктор Уайн. — Привычка вырабатывается с третьего или четвертого посещения.

Баррент поблагодарил его и вышел. Проходя мимо Аркдрагена, он спросил, сколько должен.

— Ничего, — сказал Аркдраген. — Первый визит бесплатно.

Баррент покинул Магазин Снов и поспешил домой. Ему было над чем подумать. Появилось доказательство, что он совершил преднамеренное убийство.

9

Одно дело — обвинение в убийстве, которого ты за собой не чувствуешь; совсем другое — *помнить* совершенное преступление. Такому свидетельству нельзя не поверить.

Перед посещением Магазина Снов Баррент еще сомневался в предъявленном обвинении, допуская в крайнем слу-

чае, что убил человека во внезапной вспышке гнева. Но задумать и осуществить хладнокровную расправу...

Почему он сделал это? Выходит, желание отомстить оказалось таким сильным, что заставило сбросить оковы цивилизации?.. Он убил, кто-то донес, и судья приговорил его к Омеге. Он — убийца на планете преступников. Следовательно, чтобы жить припеваючи, ему достаточно просто следовать своим природным наклонностям.

И все же Барренту приходилось очень трудно. У него не было ни малейшей тяги к кровопролитию. В День Свободного Гражданина он, хотя и выходил вооруженный на улицу, не мог заставить себя застрелить кого-нибудь из низших классов. Он не хотел убивать!

Баррент обратился к психиатру, который сообщил, что его неприязнь к убийству коренится в несчастном детстве. Фобия затем была осложнена перенесенной в Магазине Снов травмой. Из-за этого убийство, величайшее социальное достижение, стало ему противно. Невроз гуманисти в человеке, великолепно приспособленном к убийству, приведет, сказал психиатр, к его, Баррента, уничтожению. Психиатр предложил лечение в санатории для непреступников.

Баррент посетил санаторий и увидел сумасшедших, вославляющих здоровые игры, святость жизни и прочую чушь. У него не появилось желания присоединиться к ним. Возможно, он болен, но не так!

Друзья предупреждали, что пассивность может накликать беду. Баррент соглашался, но питал надежду, что при помощи только необходимых убийств сумеет не привлечь внимания высокопоставленных лиц, следящих за соблюдением закона.

Несколько недель план его, казалось, имел успех. Баррент игнорировал все более настойчивые приглашения в Магазин Снов и не посещал служб. Торговля процветала, и он проводил свободное время, изучая редкие яды и практикуясь в стрельбе. Часто Баррент думал о девушке — доведется ли им встретиться?

И думал о Земле. В иные минуты ему виделись дубы, проплывающие сквозь ивы река, большое каменное здание... Воспоминания наполняли его невыносимой тоской. Как и большинством обитателей Омеги, им владело страстное желание вернуться домой.

А это было невозможно.

Летели дни, и когда беда пришла, она пришла неожиданно.

Однажды ночью раздался громкий стук в дверь. Четверо в форме сообщили полусонному Барренту, что он арестован.

— За что? — спросил Баррент.

— Отсутствие склонности к наркотикам. Три минуты на сборы.

— Какое наказание меня ждет?

— В суде узнаешь. — Охранник подмигнул своим приятелям и добавил: — Но единственный способ вылечить нерасположенца — убить его...

Баррент одевался.

Его привели в Департамент Юстиции. Приемная комната была разделена пополам высоким деревянным экраном, ибо основы омегианского правосудия гласили, что обвиняемый не должен видеть ни судей, ни свидетелей по его делу.

— Арестованный, встать.

Голос, вялый и равнодушный, раздавался из небольшого динамика. Баррент едва разбирал слова; интонации и выражение терялись, как и было задумано. Судья оставался анонимом.

— Уилл Баррент, — сказал судья, — вы предстали перед судом по основному обвинению в нерасположении к наркотикам и дополнительному — в отсутствии благочестия. По последнему у нас имеются показания священника. По основному — свидетельство Магазина Снов. Вы можете опровергнуть обвинения?

Баррент подумал и ответил:

— Нет, сэр, не могу.

— В настоящий момент вашу антирелигиозность можно не рассматривать, ибо это первый проступок. Но нерасположение к наркотикам является главным преступлением против Государства. Непрерывное потребление наркотиков — обязательная привилегия каждого гражданина. Известно, что привилегии должны наследоваться, в противном случае они будут утеряны. А потерять привилегии — значит потерять краеугольный камень нашей свободы. Поэтому уклонение от них приравнивается к государственной измене.

Наступила пауза. Баррент, считавший свое положение безнадежным, слушал, затаив дыхание.

— Наркотики служат многим целям, — продолжал судья. — Излишне перечислять их достоинства. Но, говоря с точки зрения государства, необходимо отметить, что предрасположенное к ним население есть лояльное население, что наркотики являются основным источником доходов и вообще представляют весь наш образ жизни. Более того, я скажу, что нерасположенное меньшинство неизменно доказывало свою враждебность к родным омегианским организациям. Все это странное объяснение, Уилл Баррент, для того, чтобы вы лучше поняли, в чем вас обвиняют.

— Сэр, — сказал Баррент, — я ошибался, избегая увлечения. Не буду ссылаться на незнание — мне известно, что закон не признает извинений. Но я самым искренним образом

прошу суд дать мне возможность исправиться. Я прошу учесть, сэр, что мне еще не поздно приобрести привычку к наркотикам.

— Принимая во внимание все вышеизложенное, — произнес судья, — суд находит необходимым предоставить вам выбор. Первое решение карательное: вы лишаетесь правой руки и левой ноги во исполнение преступления против Государства; но вы сохраняете жизнь.

Баррент слегкотнул и спросил:

— А второе?

— Второе, некарательное, решение заключается в том, что вы должны пройти Суд Испытанием. В этом случае, если вы выживете, вам будет присвоен соответствующий ранг и предоставлено вытекающее из него положение в обществе.

— Я выбираю Суд Испытанием, — произнес Баррент.

— Очень хорошо, — сказал судья. — Да свершится правосудие.

Баррента увели. За спиной он услышал сдавленный смешок одного из охранников. Значит, выбор неправильный? Может ли Суд Испытанием быть страшнее увечья?

10

Баррент стоял на каменном полу в огромном, ярко освещенном помещении. Ряды для зрителей, расположенные на некотором возвышении за барьером, были заполнены до отказа.

Ожил укрепленный высоко динамик:

— Дамы и господа, просим внимания! Сейчас начнется Суд Испытанием 642-ВГ223 между Гражданином Уиллом Баррентом и ГМЕ-213. Просим занять места.

В стене откинулась панель, и на арену вкатилась блестящая черная машина в форме полусфера в фут высотой.

— Заключенный Уилл Баррент добровольно выбрал Суд Испытанием. Инструмент правосудия, в данном случае ГМЕ-213, есть изумительное творение инженерного гения Омеги. Машина, или Макс, как ее называют многие друзья и поклонники, является орудием убийства завидной эффективности. В ее арсенале двадцать три разных способа умерщвления, в большинстве своем очень болезненных. В целях испытания она оперирует по принципу случайности. Это означает, что Макс не имеет свободы выбора. Способ нападения определяется наугад специальным аппаратом, действующим с замедлением до шести секунд.

Макс неожиданно двинулся в центр арены, и Баррент отступил.

— Заключенный, — продолжал динамик, — в состоянии де-

активировать машину; в таком случае он выигрывает состязание и освобождается с сохранением всех прав и привилегий его нового статуса. Теоретически такая возможность существует. В среднем это случается три с половиной раза из ста.

Баррент оглядел галерею зрителей. Судя по одежде, все они, мужчины и женщины, принадлежали к верхушке Привилегированных Классов.

А в первом ряду сидела девушка, которая дала ему оружие в день прибытия в Тетрахид. Она была такой же красивой, как ему запомнилось, но бледное овальное лицо ничего не выражало. Она смотрела на Баррента с бесстрастным любопытством человека, обнаружившего клопа.

— Состязание начинается! — объявил динамик.

У Баррента больше не было времени думать о девушке, потому что машина ожила.

Макс покатился к Барренту, заставляя того отступать к стене, и выдвинул шарнирную металлическую руку, заканчивающуюся лезвием. Рука рванулась вперед, но Баррент сумел уклониться и услышал, как проскрежетал по камню нож. Когда рука втянулась, Баррент смог вернуться к центру.

Он понимал, что машина уязвима только во время паузы, пока селектор выбирает способ убийства. Но как деактивировать гладкий бронированный механизм?

Макс начал приближаться, и теперь его металлическая шкура блестела зеленым веществом, в котором Баррент сразу узнал контактный яд. Он резко отрыгнулся в сторону, стараясь избежать фатального прикосновения.

Машина остановилась. Нейтрализатор омыл ее поверхность, очищая от яда. Селектор щелкнул. Макс выпускал что-то вроде палки.

Упражнение по прикладному садизму, подумал Баррент. Пройдет немного времени, и машина съест его с ног и легко прикончит. Предпринимать надо что-то немедленно, пока еще сохранились силы.

Машина размахнулась. Баррент не мог полностью избежать удара, и увесистая стальная палица задела левое плечо. Рука онемела.

Макс опять выбирал. Баррент бросился на его гладкую сферическую поверхность. На самом верху он увидел два крошечных отверстия. Молясь, чтобы они оказались воздухозаборниками, Баррент заткнул их пальцами.

Машина остановилась, публика взревела. Баррент цеплялся за ровную поверхность онемевшей рукой, стараясь удержать пальцы в отверстиях. Огни на шкуре Макса изменили цвет с зеленого на красный; тихое жужжение перешло в гул.

А затем машина выпустила трубки дополнительных воздухозаборников.

Баррент попытался накрыть их своим телом, но машина, внезапно взвыв, быстро откатилась и сбросила его. Он вскочил на ноги и вернулся к центру арены.

Состязание длилось не более пяти минут, а Баррент был изнеможден. Тем временем неутомимая машина наступала, подняв широкую сверкающую секиру.

Вместо того чтобы отпрыгнуть в сторону, Баррент бросился вперед. Он схватил металлическое шупальце обеими руками и начал гнуть его вниз. Ему показалось, что металл поддается. Если отломать конечность, то, возможно, машина деактивируется или по крайней мере он получит оружие...

Макс внезапно дал задний ход, и Баррент упал ничком. Секира взметнулась и опустилась на плечо.

Баррент покатился по полу и посмотрел на галерею. Он конченый человек. Уж лучше благодарно принять следующую попытку машины, чтобы она прикончила его сразу... А девушка показывала ему что-то руками.

Времени наблюдать не было. Ослабевший от потери крови, Баррент поднялся на ноги. Его не интересовало, какое оружие извлекает машина на этот раз. Стоило ей двинуться, и он бросился под колеса.

Колеса вкатились на плечо, и Макс резко накренился. Баррент застонал от боли и, собрав последние силы, попытался встать. Машина взвыла и опрокинулась; Баррент упал рядом.

Когда зрение вернулось к нему, машина выдвигала конечности, чтобы перевернуться.

Баррент кинулся на днище и замолотил по нему кулаками. Ничего не произошло. Он попробовал оторвать одно из колес, но не сумел. Макс стал отжиматься от пола.

Внимание Баррента снова привлекла девушка. Она настойчиво повторяла дергающие движения.

Только тогда Баррент заметил маленькую предохранительную коробку около одного из колес. Он схватился за нее и, срывая ногти, на последнем дыхании оторвал.

Машина застыла.

Баррент лишился чувств.

11

— На Омеге главенствует закон. Скрытый и явный, церковный и светский, закон управляет поступками всех жителей, от нижайших из низких до высочайших из высоких. Без него не было бы привилегий для тех, кто создал закон; без закона и его неумолимой силы Омега превратилась бы в немыслимый хаос, в котором человеческие права могли существовать, лишь пока и поскольку их обеспечивал бы каждый человек.

Анархия знаменовала бы конец омегианского общества, и особенно тех старших представителей правящих классов, кто давно миновал расцвет своих физических сил.

Но население Омеги состоит исключительно из людей, нарушающих законы на Земле. Это общество, в котором нарушитель законов — царь; общество, в котором преступления не только прощаются, но и поощряются; общество, в котором уклонение от правил судится единственно по степени успеха.

Налицо парадокс: криминальное общество с абсолютными законами, предназначенными для нарушения.

Так говорил Барренту судья, все еще спрятанный за экраном. С завершения Суда Испытанием прошло несколько часов. Баррента отнесли в медпункт, где занялись его ранениями. Они были в основном легкими: два треснувших ребра, глубокий разрез на левом плече, царапины и ушибы.

— Соответственно, — вещал судья, — закон должен одновременно нарушаться и не нарушаться. Те, кто никогда не нарушает закон, не поднимаются в положении. Обычно их убивают тем или иным путем, так как у них недостаточно инициативы выживания. Для тех, кто, подобно вам, нарушает закон, ситуация иная. Закон строго наказывает их — если им не удается уйти от него.

Судья сделал паузу и торжественно продолжил:

— Идеалом на Омеге является личность, которая понимает законы, ценит их необходимость, знает кару за нарушение, нарушает и преуспевает! Вот, сэр, наш идеальный преступник и идеальный омегианец. Именно это вам удалось свершить, Уилл Баррент, пройдя Суд Испытанием.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Баррент.

— Я хочу, чтобы вы осознали: однократный триумф над законом вовсе не означает, что вы сумеете восторжествовать во второй раз. С каждой новой попыткой ваши шансы уменьшаются — так же, как растет вознаграждение за успех. Поэтому я не советую вам действовать опрометчиво.

— Не буду, сэр, — заверил Баррент.

— Очень хорошо. Таким образом, вы возводитесь в ранг Привилегированного Гражданина, со всеми правами и обязанностями. Вам позволяет, как и прежде, вести свое дело. Кроме того, вы награждаетесь недельным отдыхом на Озере Облаков, куда можете отправиться с любой женщиной по вашему выбору.

— Простите, — перебил Баррент. — Что вы сказали?

— Недельный отдых, — повторил спрятанный судья, — с любой женщиной по вашему выбору. Это высокая награда, так как на Омеге мужчин в шесть раз больше, чем женщин. Вы можете выбрать любую незамужнюю женщину независимо от ее желания. На это вам дается три дня.

— Мне не нужно трех дней, — сказал Баррент. — Я желаю девушку, которая сидела на первом ряду галереи зрителей. У нее черные волосы и зеленые глаза. Вы знаете, кого я имею в виду?

— Да, — медленно произнес судья. — Я знаю, кого вы имеете в виду. Ее имя Моэра Эрмайс. Мне кажется, вам лучше изменить решение.

— Есть какие-нибудь причины?

— Нет. Но было бы лучше, если бы вы выбрали другую женщину. Мой клерк с удовольствием снабдит вас списком подходящих молодых дам. У них приятная внешность. Некоторые окончили Женский институт, где, как вам, возможно, известно, преподают двухгодичный курс науки и искусства гейши. Я лично могу порекомендовать вам...

— Хочу Моэру, — заявил Баррент.

— Молодой человек, вы делаете ошибку.

— Приходится рисковать.

— Хорошо, — сказал судья. — Ваш отъезд начинается завтра в девять утра. Я искренне желаю вам удачи.

Баррента под охраной вывели из здания суда и доставили домой. Друзья, считавшие, что он погиб, пришли его поздравить. Им не терпелось услышать подробности Суда Испытанием, но Баррент, осознавший, что знание есть путь к могуществу, не особенно распространялся.

Этим вечером был и другой повод для празднования: Тема Ренда наконец приняли в Гильдию Убийц. Как и обещал, он взял Фозрена к себе в помощники.

На следующее утро перед дверью магазина остановился экипаж. Его прислал Департамент Юстиции. Сзади сидела, очень красивая и очень недовольная, Моэра Эрмайс.

— Вы в своем уме, Баррент? Думаете, у меня есть на это время? Почему вы выбрали меня?

— Вы спасли мне жизнь, — ответил Баррент.

— Значит, я вами заинтересовалась? Если у вас есть чувство благодарности, скажите водителю, что изменили решение. У вас есть еще возможность выбрать другую девушку.

Баррент покачал головой.

— Мне нужны только вы.

— Не передумаете?

— Ни за что.

Моэра вздохнула и откинулась назад.

— Вы действительно интересуетесь мной?

— Больше, чем интересуюсь, — сказал Баррент.

— Хорошо, — согласилась Моэра. — Мне остается лишь ехать с вами.

Она отвернулась, но перед этим Барренту показалось, что он увидел улыбку на ее лице.

Озеро Облаков — лучший курорт Омеги. На его территории дуэли были строжайшим образом запрещены, всякое оружие отбиралось. Ссоры разрешал ближайший бармен, а убийство наказывалось немедленным лишением статуса.

На Озере Облаков доступно любое развлечение. Хочешь — смотри бой быков и медвежью схватку, хочешь — занимайся плаванием, альпинизмом, лыжами... Вечерами, в бальных залах за стеклянными стенами, отделяющими жителей от граждан и граждан от элиты, проводили танцы. К услугам отыхающих имелся прекрасно оборудованный наркобар, содержащий как испытанные средства для заядлых любителей, так и новинки на пробу. По субботним вечерам в Гrotte Сатиров устраивали оргии. Но главное, там были покатые склоны и тенистые леса, приятные прогулки, свободные от вечного страха и напряжения, от каждодневной борьбы за существование в Тетрахиде.

Баррент и Моэра жили в смежных комнатах, и дверь между ними была незаперта. Но в первую ночь Баррент не воспользовался той дверью — на планете, где женщины питали пристрастие к ядам, мужчине следовало подумать дважды, прежде чем навязывать свою компанию. Даже владелец магазина противоядий вынужден был считаться с возможностью не распознать вовремя симптомы у самого себя...

На второй день они забрались высоко в горы. Баррент спросил Моэру, почему она спасла ему жизнь.

— Вам не понравится ответ, — предупредила она.

— И все же я хотел бы знать.

— Вы выглядели таким беззащитным в Обществе защиты жертв... Я бы помогла вся кому, кто так выглядел.

Баррент кивнул.

— А второй раз?

— Затем, пожалуй, я вами заинтересовалась. Но это не романтический интерес, вы понимаете? Я совсем не романтична.

— Какой же интерес?

— Мне казалось, что потенциально вы хороший рекрут.

— Я бы хотел услышать об этом больше, — попросил Баррент.

Моэра минуту хранила молчание, наблюдая за ним немигающими зелеными глазами.

— Я могу сказать лишь немногое. На Омеге действует организация, которая ищет подходящих людей. Обычно мы начинаем непосредственно с корабля. Потом поиск продолжают вербовщики, такие, как я.

— А какой тип людей вы подбираете?

— Простите, Уилл, не ваш.

— Почему не мой?

— Сперва я серьезно думала завербовать вас, — сказала Моэра. — Вы казались как раз тем человеком, который нам нужен. Затем я подняла ваше дело.

— И?

— Мы не принимаем убийц. Иногда мы нанимаем их для специальных заданий, но не зачисляем в организацию. Существуют некоторые смягчающие обстоятельства, которые мы признаем: самозащита, например. Но человек, совершивший на Земле преднамеренное убийство...

— Понимаю, — произнес Баррент. — А что, если я скажу, что не испытываю тяги к кровопролитию?

— Мне известно это, — ответила Моэра. — Если бы все зависело от меня, я бы приняла вас в организацию. Но решаю не я... Ну а вы уверены, что совершили убийство?

— Похоже на то, — проговорил Баррент. — Наверное.

— Плохо, — сказала Моэра. — И все же организация нуждается в людях с высоким уровнем выживания. Ничего не обещаю, но я посмотрю, что можно сделать. Хорошо, если бы вы сумели выяснить больше о своем преступлении. Возможно, были обстоятельства...

— Не исключено, — в сомнении сказал Баррент. — Я постараюсь.

Этим вечером Моэра, гибкая, изящная и нежная, скользнула в его постель. Когда он заговорил, она закрыла ему рот рукой. И Баррент, наученный не искушать судьбу, промолчал.

Отдых промчался слишком быстро. О загадочной организации больше не говорили, зато, возможно в качестве компенсации, смежная дверь оставалась открытой. Наконец вечером седьмого дня Баррент и Моэра вернулись в Тетрахид.

— Когда я смогу тебя увидеть? — спросил Баррент.

— Я свяжусь с тобой.

— Меня это не устраивает.

— Больше ничего не могу предложить, — сказала Моэра. — Прости, Уилл. Я посмотрю, что можно сделать с организацией.

Баррент вынужден был удовлетвориться этим. Выйдя из машины у своего магазина, он все еще не знал, где она живет и какую организацию представляет.

Он тщательно обдумал подробности своих видений в Магазине Снов: гнев на Теркалера, запрещенное оружие, столкновение, труп, а затем информатор и судья. Не хватало только одной детали: самого убийства. Видения кончались на встрече с Теркалером и продолжались после перерыва, ког-

да тот уже был мертв. Возможно, существовал все-таки фактор, толкнувший на преступление. Это необходимо выяснить.

Сведения о Земле можно получить только двумя путями. Один лежал через кошмар Магазина Снов, и Баррент твердо решил к нему не прибегать. Другой – услуги скреннирующих мутантов.

Баррент относился к мутантам с неприязнью. Они были совершенно иной расой и имели статус неприкасаемых. Их осторегались и избегали, и они отвечали замкнутостью. Квартал Мутантов был городом в городе. Разумные граждане держались подальше от квартала, особенно вечером, – все знали, что мутанты мстительны.

Но только мутанты обладали скреннирующей способностью. В их бесформенных телах скрывались необычные силы и таланты, странные и неистовые способности, которых нормальные люди чурались днем и жаждали ночью. Поговаривали, что мутанты пользуются покровительством Великого Черного. Некоторые полагали, что они могут проникать в жизнь человека, сквозь время и пространство, через стену забытья, и читать прошлое, что грозное искусство черной магии доступно только мутантам, однако никто не смел утверждать это в присутствии священников.

Другие считали, что у мутантов нет никаких способностей, и принимали их за ловких мошенников.

Баррент решил все выяснить сам. Однажды поздним вечером, соответственно одетый и вооруженный, он покинул свой дом и отправился в Квартал Мутантов.

13

Баррент щел по узким, петляющим улочкам Квартала, держа руки на оружии. Он проходил мимо хромых и слепых, гидроцефалоидных и микроцефалоидных идиотов, мимо фокусника, держащего в воздухе двенадцать горящих факелов с помощьюrudиментарной третьей руки, растущей из груди, мимо торговцев одеждой, косметикой и ювелирными изделиями, мимо тележек со зловонной и антисанитарно выглядевшей пищей. Он миновал несколько ярко раскрашенных публичных домов, где у окон зазывно толпились девицы. Четырехрукая, шестиногая уродка сообщила ему, что он явился как раз вовремя для Дельфийских обрядов. Баррент поспешил прочь и почти столкнулся с чудовищно толстой женщиной, немедленно рванувшей на себя блузку, дабы обнажить восемь сморщеных грудей. Он вильнул в сторону, обходя четверых сиамских близнецов, которые уставились на него огромными жалобными глазами.

Баррент завернул за угол и остановился. Высокий оборванный старик загораживал ему дорогу. Он был кривой — ровная гладкая кожа затягивала место, где полагалось находиться левому глазу. Но правый глаз сверкал ярко и свирепо из-под белой брови.

— Вам нужны услуги настоящего скреннера? — спросил старик.

Баррент кивнул.

— Идите за мной. — Мутант свернул в аллею, и Баррент последовал за ним, крепко сжимая рукоятку иглолучевика. Законом мутантам запрещалось иметь оружие, но многие, подобно этому старику, носили тяжелые, окованные железом палки. Лучшего оружия для узких уочек нельзя было и представить.

Провожатый открыл дверь и мотнул головой. Баррент помедлил, вспоминая историю о доверчивых жителях, попавших в лапы мутантов, затем сжал иглолучевик и вошел.

Старик ввел Баррента в маленькую, тускло освещенную комнату. Когда глаза привыкли к темноте, Баррент разглядел фигуры двух женщин, сидящих за простым деревянным столом. На столе стояла кастрюля с водой, а в кастрюле лежало карманное зеркальце, разбитое на мелкие кусочки.

Одна из женщин была очень старой и совершенно безволосой, другая — молодой и красивой. Баррент был потрясен, подойдя ближе к столу и увидев, что ее ноги ниже колен срослись в рыбий хвост.

— Чем интересуетесь, Гражданин Баррент? — спросила молодая женщина.

— Откуда вы знаете мое имя? — опешил Баррент. Не получив ответа, он сказал: — Я хочу выяснить все об убийстве, которое я совершил на Земле.

— Зачем вам это нужно? Разве власти не записали его в вашу пользу?

— Да, но... — Он поколебался и добавил: — Но дело в том, что у меня невротическое предубеждение против убийства. Вот и любопытно, почему же я совершил его на Земле.

Мутанты переглянулись. Старик улыбнулся и произнес:

— Гражданин, мы поможем тебе. У нас, мутантов, тоже предубеждение против убийства, потому что всегда убивают нас.

— Значит, вы согласны скреннировать мое прошлое?

— Все не так просто, — заметила молодая женщина. — Скреннирующая способность, являющаяся одним из проявлений пси-эффекта, сложна в обращении. Даже когда удается вызвать ее к жизни, она часто не раскрывает то, что нужно.

— Я думал, что все мутанты могут легко заглядывать в прошлое.

— Нет, — сказал старик, — это неверно. Во-первых, не все мутанты, кого так называют. Это удобное клеймо для каждого, кто не соответствует земным стандартам. Но и среди настоящих мутантов лишь считанные обладают малейшими пси-способностями.

— Вы в состоянии скренировать? — спросил его Баррент.

— Я — нет. Но Мила может, — ответил он, указывая на молодую женщину. — Иногда.

Женщина глядела в воду, в разбитое зеркало. Ее блеклые глаза были широко раскрыты, хвостатое тело вытянулось и словно застыло.

— Она начинает что-то видеть, — произнес старик. — Вода и зеркало — только средства для концентрирования внимания. Мила хорошо скренирует, хотя порой прошлое у нее переплетается с будущим. На той неделе она предсказала одному Хаджи, что тот через четыре дня умрет. — Старик хихикнул. — Вы бы видели его лицо.

— Она предупредила, как он умрет? — спросил Баррент.

— Да, от броска ножа. Бедняга просидел все время дома.

— Его убили?

— Конечно. Жена. Решительная женщина!..

Баррент надеялся, что Мила не прочтет его будущее. Жизнь трудна и без предсказаний мутантов.

Теперь она подняла взгляд, печально кивая головой.

— Я могу сказать вам очень мало. Мне не удалось увидеть, как произошло убийство. Но я видела кладбище и видела могилу ваших родителей. Могила старая, наверное двадцати летней давности. Кладбище расположено на краю местечка Янгерстаун, на Земле.

Барренту это название ничего не говорило.

— А еще, — продолжала Мила, — я увидела человека, который многое может вам рассказать, если захочет.

— Он свидетель убийства?

— Да.

— Это тот, кто на меня донес?

— Не знаю, — ответила Мила. — Я видела покойника по имени Теркалер, и возле него стоял человек. Его зовут Иллиарди.

— Он здесь, на Омеге?

— Вы можете найти его сейчас в Эйфариаториуме на Малой Топорной улице. Знаете?

— Найду, — сказал Баррент. Он поблагодарил девушку и предложил плату, взять которую она отказалась. Мила выглядела очень расстроенной. Когда Баррент выходил, она окликнула его:

— Будьте осторожны.

Баррент остановился и почувствовал холодок в груди.

— Вы скренировали мое будущее?

— Только на несколько месяцев вперед.

— И что увидели?

— Не могу объяснить. То, что я увидела, совершенно невозможно.

— Скажите мне.

— Я видела вас мертвым. И все же вы не были мертвы. Вы смотрели на труп, разбитый на сверкающие осколки. Но покойник — это вы.

— Что это значит?

— Не знаю, — сказала Мила.

Эйфориаториум оказался большим, аляповато обставленным заведением, специализирующимся на наркотиках и афродизиаках. Клиентура его состояла в основном из пеонов и жителей. Пробиваясь сквозь толпу и спрашивая человека по имени Иллиарди, Баррент чувствовал, что он в чужой среде.

Ему показали на лысого мужчину, сидящего за бокалом. Баррент подошел и представился.

— Приятно познакомиться, сэр, — сказал Иллиарди, проявляя обязательное уважение Жителя Второго Класса к Привилегированному Гражданину. — Чем могу быть вам полезен?

— Я хотел бы кое-что спросить о Земле, — объяснил Баррент.

— Я мало что помню, — извинился Иллиарди. — Но рад услужить.

— Вы знали человека по имени Теркалер?

— Безусловно, — подтвердил Иллиарди. — Большого скучердяя не видел свет.

— Вы присутствовали при его убийстве?

— Разумеется. Это первое, что я вспомнил, сойдя с корабля.

— Вы видели, кто его убил?

Иллиарди изумился.

— Чего тут видеть? Его убил я.

Баррент заставил себя продолжать ровным голосом:

— Вы уверены в этом? Абсолютно уверены?

— Конечно, — сказал Иллиарди. — И готов отстаивать эту честь. Теркалера мало было убить. Он заслуживал страшной кары.

— А не видели ли вы в это время поблизости меня?

Иллиарди посмотрел на него внимательно, затем покачал головой.

— Кажется, нет. Но я не уверен. Все, что случилось после убийства, у меня как во сне.

— Благодарю вас, — произнес Баррент и покинул Эйфориаториум.

Чем больше Баррент думал, тем приходил все в большее недоумение. Если Теркалера убил Иллиарди, то почему Баррента отправили на Омегу? Если произошла ошибка, то почему его не выпустили, когда обнаружили настоящего убийцу? Зачем кто-то на Земле обвинил его в преступлении, которого он не совершал?

У Баррента не было ответов на эти вопросы. Но, и прежде не чувствуя себя убийцей, теперь он нашел доказательство. Сознание невиновности все изменило и расставило по своим местам: его вовсе не привлекает омегианский образ жизни. Он хочет вернуться на Землю!

Однако это невозможно. В небе днем и ночью кружили сторожевики. Да и техника Омеги дошла только до двигателей внутреннего сгорания; звездные корабли принадлежали Земле.

Баррент продолжал работать в магазине противоядий и будто щеголял своим антиобщественным поведением. Он игнорировал приглашения из Магазина Снов и никогда не посещал публичных казней. Когда ревущие толпы собирались поразвлечься в Квартале Мутантов, у Баррента начинались головные боли. Он не участвовал в Охотах Дня Посадки и грубо обошелся с торговым представителем "Ежемесячных пыток". И даже визиты Дяди Ингмара не смогли поколебать его антирелигиозные настроения.

Баррент понимал, что набивается на неприятности, и ожидал их. В конце концов на Омеге нет ничего необычного в нарушении законов — нарушайте, пока удается.

Однажды на улице его толкнул прохожий, Баррент отошел, но тот схватил его за плечо.

— Ты представляешь себе, кого толкнул? — спросил мужчина. Он был коренастый и приземистый. Одежда указывала на принадлежность к Привилегированным Гражданам. Пять серебряных звезд на ремне — количество узаконенных убийств.

— Я не толкал вас, — сказал Баррент.

— Ты лжешь, любитель мутантов.

Услышав смертельное оскорбление, толпа замерла. Мужчина потянулся за оружием отработанным артистичным движением, но иглулучевик Баррента был нацелен на полсекунды раньше.

Он просверлил обидчика прямо между глаз; затем, почувствовав движение позади, Баррент резко обернулся.

Двое Привилегированных Граждан вытаскивали свое тепловое оружие. Баррент выстрелил, ныряя за прикрытие здания. Противники упали и обуглились. Деревянная стена ря-

дом с Баррентом разлетелась на кусочки — из аллеи стрелял еще один. Двумя выстрелами Баррент уложил и его.

И все. В течение нескольких секунд он убил четверых.

Баррент был доволен: теперь любителям повышения статуса есть о чем подумать. Вполне возможно, они переключатся на более доступные объекты и оставят его в покое.

У себя в магазине он застал Джо. Маленький кредитный вор выглядел расстроенным.

— Видел сегодня, как ты стрелял. Отличная работа.

— Благодарю, — сказал Баррент.

— Думаешь, это тебе поможет? Думаешь, что сможешь и дальше нарушать закон?

— Пока удается.

— Безусловно. Но как по-твоему, сколько ты продержишься?

— Сколько надо будет.

— Нет, — сказал Джо. — Нельзя безнаказанно нарушать закон. Только сосунки верят в это.

— Им придется послать за мной целый взвод, — заметил Баррент, перезаряжая иглолучевик.

— Все произойдет не так, — произнес Джо. — Поверь мне, Уилл, нельзя сосчитать способов избавиться от тебя. Когда закон решит действовать, его не остановишь. И, между прочим, не жди помощи от своей подруги.

— Ты знаешь ее? — спросил Баррент.

— Я знаю всех, — мрачно сказал Джо. — У меня друзья в правительстве. Я знаю, что тобой недовольны. Слушай меня, Уилл. Ты же не хочешь плохо кончить?

Баррент покачал головой.

— Джо, ты можешь найти Моэру?

— Возможно. Зачем?

— Я хочу, чтобы ты ей кое-что передал. Скажи ей, что я не совершал убийства, в котором меня обвинили.

Джо уставился на него.

— Ты спятил?

— Нет. Я нашел человека, который на самом деле совершил его: Житель Второго Класса Иллиари.

— Чего же об этом распространяться? — удивился Джо. — Не имеет смысла терять уважение.

— Я не убивал, — упрямо повторил Баррент. — Передашь Моэрे?

— Хорошо, — согласился Джо. — Если смогу найти ее. Но лучше послушай меня. Может, еще не поздно все исправить. Сходи на Черную Мессу...

— Возможно, я так и сделаю, — произнес Баррент. — Ты обязательно скажешь Моэрे?

— Да, — пообещал Джо. Он вышел из магазина противоядий, печально качая головой.

Тремя днями позже Баррента посетил высокий, полный достоинства пожилой мужчина, такой же прямой, как перемо-ниальный меч, висевший у него на боку. По одежде Баррент распознал в нем важного государственного чиновника.

— Правительство Омеги шлет вам поздравления, — начал гость. — Я Норис Джей, Субминистр Игр. В соответствии с законом я нахожусь здесь, дабы лично уведомить вас о великой удаче.

Баррент озабоченно кивнул и пригласил зайти. Но посетитель отказался.

— Вчера была проведена ежегодная Лотерея, — объявил Джей. — Вы, Гражданин Баррент, один из выигравших. Поздравляю вас.

— А что за награда? — поинтересовался Баррент. Он слышал о Лотерее, но имел о ней лишь самое смутное представление.

— Почет и слава. Увековечение вашего имени. Сохранение для потомства вашей биографии. Конкретно — вы получите иглолучевик государственного выпуска и будете посмертно награждены Серебряным Знаком.

— Посмертно?

— Конечно. Серебряным Знаком всегда награждают посмертно.

— Да-да, — согласился Баррент. — Что-нибудь еще?

— Как выигравший в Лотерее, вы примете участие в символической церемонии Охоты, отмечающей начало ежегодных Игр. Охота, как вам известно, олицетворяет наш омегианский образ жизни. Даже пеонам позволено участвовать в Охоте, потому что это праздник, открытый для всех, праздник, символизирующий возможность любого человека выйти за рамки своего статуса.

— Если я вас верно понял, — заметил Баррент, — я выбран одним из тех, за кем будут охотиться?

— Да, — подтвердил Джей.

— Но вы сказали, что церемония символическая. Разве это не означает, что никого не убьют?

— Вовсе нет, что вы! — воскликнул Джей. — На Омеге символы и символизируемая вещь практически одно и то же. Когда мы говорим Охота, то имеем в виду настоящую охоту. Иначе все выродится в показуху.

Баррент молчал, обдумывая положение. Оно было не из приятных. Лицом к лицу с врагом, в простой дуэли, он имел прекрасные шансы на победу. Но Охота с участием всего населения Тетрахида...

— Каким образом меня выбрали?

— Случайным отбором, — объяснил Норис Джей. — Никакой другой способ не достоин тех, кто отдает свою жизнь во имя вящей славы Омеги.

— Что-то не верится, что меня выбрали совершенно случайно.

— Выбор был случайным, — заверил Джей. — Производился он, конечно, по списку подходящих жертв. Не каждый годится на роль Дичи. Человек должен проявить немало сил и упорства, чтобы Комитет Игр включил его в список кандидатов. Быть Дичью — великая честь.

— Не верю, — заявил Баррент. — Просто вы преследуете меня.

— Вы не правы. Могу заверить, что никто в правительстве не питает к вам злых чувств. Вы нарушили закон, но это вовсе не касается правительства. Это дело касается исключительно вас и закона.

Синие ледяные глаза Джая сверкнули при упоминании о законе. Он выпрямился и еще плотнее сжал губы.

— Закон превыше всего. Он неотвратим, ибо любое действие либо законно, либо противозаконно. Если можно так выразиться, закон живет своей жизнью, ведет существование, совершенно отдельное от конечных жизней существ, приводящих его в исполнение. Закон управляет каждым аспектом человеческого поведения; следовательно, в той степени, в какой люди являются законными существами, закон человечен. И, будучи человечным, закон имеет свои слабости. Для граждан, соблюдающих закон, он далек и незамечен. А тех, кто его обходит и нарушает, закон активно преследует.

— Вот почему меня выбрали на роль Дичи?

— Конечно, — сказал Субминистр. — Не выбрали бы вас сейчас, рьяный и никогда не дремлющий закон нашел бы другие пути, используя любые способы.

— Благодарю за информацию, — произнес Баррент. — Сколько у меня времени до начала Охоты?

— Охота начинается на рассвете и заканчивается с первой зарей следующего дня.

— А что будет, если меня не убьют?

Норис Джей слабо улыбнулся.

— Такое случается нечасто, Гражданин Баррент. Я уверен, это не должно волновать вас.

— Но все же бывает?

— Да. Те, кто остается в живых, автоматически включаются в Игры.

— А если я выживу в Играх?

— И не мечтайте, — посоветовал Джей дружеским тоном.

— Но почему?

— Поверьте мне, Гражданин, вы не выживете.
— Я все-таки желал бы знать, что произойдет в таком случае.

— Тот, кто проходит Игры, оказывается вне закона.
— Звучит многообещающе, — заметил Баррент.
— Вовсе нет. Закон, даже в самом своем карающем проявлении, стоит на страже ваших интересов. Как бы ни было мало у вас прав, закон проследит за их соблюдением. Я не убил вас сейчас и здесь только потому, что это было бы незаконно. — Джей разжал руку, и Баррент увидел крошечное однозарядное оружие. — Закон устанавливает правила и пределы жизни. Он гласит, что вы должны умереть. Но умирают все. Вам по крайней мере назначен день; без закона могло не быть и этого.

— И все же, — настаивал Баррент, — если я выживу в Играх и окажусь вне закона?

— Вне закона существует только один Великий Черный, — произнес Джей. — Те, кто находится вне закона, принадлежат ему. Но лучше тысячу раз умереть, чем попасть живым в руки Великого Черного.

Баррент давно пришел к выводу, что культ Великого Черного — пустая болтовня. Но теперь, слушая доверительный голос Джая, он начал сомневаться. Может существовать реальное отличие между обычным поклонением Злу и действительным присутствием самого Зла.

— Но если вам повезет, — продолжал Джей, — вас убьют сразу. А сейчас последние инструкции.

Джей потянулся свободной рукой в карман и вытащил красный карандаш. Быстрым отработанным движением он провел карандашом по щекам и лбу Баррента. Тот даже не успел опомниться, как все было кончено.

— Это помечает вас как Дичь, — сказал Джей. — Пометки несмыываемы. Вот ваш государственный иглолучевик. — Он вынул оружие из кармана и положил на стол. — Охота, как я говорил, начинается с первым светом зари. Убить вас имеет право любой; вы также можете убивать. Но я советую делать это с большой осторожностью: вспышка и звук выстрела выдавали многих. Если будете прятаться, не забывайте обеспечить себе выход. Помните, что другие знают Тетрахид лучше вас. Опытные охотники изучили все потайные места; с Дичью кончают в основном в первые часы праздника. Желаю вам удачи, Гражданин Баррент.

На пороге Джей снова обернулся к Барренту.

— Я должен добавить, что одна возможность сохранить жизнь и свободу на Охоте существует. Но мне запрещено рассказывать о ней.

Субминистр поклонился и вышел.

После долгих стараний Баррент убедился, что пометки действительно несмыкаемы. Вечером он разобрал государственный иглолучевик. Как он и подозревал, оружие оказалось дефектным.

Баррент сложил еду, воду, моток веревки и нож в маленький рюкзак, а потом просто ждал, без всяких оснований надеясь, что в последнюю минуту его спасет Моэра и ее организация.

Спасение не пришло. За час до рассвета Баррент покинул магазин противоядий. Он не имел представления, что делают другие жертвы, но уже решил, где ему спрятаться от Охотников.

16

Естественно, что сильнейший стресс влияет на характер поведения. Если взглянуть на Охоту как на абстрактную проблему, то можно прийти к более или менее ценным заключениям. Но типичная Дичь независимо от ее интеллекта не в состоянии отделить эмоции от рассудка. Ведь охотятся *на нее*. Ею овладевает паника. Безопасность ассоциируется с местами отдаленными и тайными. Жертва уходит как можно дальше от дома, зарывается глубоко в землю, петляет по закоулкам. Она предпочитает темноту свету, уединение — толпе.

Это хорошо известно Охотникам. Вполне естественно, они заглядывают в первую очередь в подземные переходы, в покинутые здания.

Баррент поборол свой первый порыв исчезнуть в мрачной клоаке Тетрахида. Вместо этого он направился к большому, ярко освещенному корпусу Министерства Игр.

Когда коридоры, казалось, опустели, он быстро вошел внутрь, прочитал указатель и поднялся по лестнице на третий этаж. Миновав несколько дверей, Баррент наконец остановился у искомой: "НОРИС ДЖЕЙ, СУБМИНИСТР". Он прислушался, затем открыл дверь и шагнул в комнату.

У старого чиновника была неплохая реакция. Баррент не успел переступить порог, как Джей заметил отметки на его лице и потянулся к ящику стола.

Баррент не хотел убивать старика. Он рванулся вперед и ударил Джэя государственным иглолучевиком прямо в лоб. Джей медленно сполз на пол. Убедившись, что Субминистр жив, Баррент связал его и засунул под стол. Роясь в ящиках, он нашел табличку "Заседание. Не мешать" и повесил ее на дверь снаружи. Вынув свой собственный иглолучевик, он сел за стол и стал ждать развития событий.

Рассвело, и в окно Баррент видел, как улицы наполняют-

ся людьми. В городе царила возбужденная праздничная атмосфера, радостный гул толпы изредка нарушался шипением лучевика.

К полуночи Баррент оставался необнаруженным. Он выглянул в окно и с удовлетворением отметил, что имеет возможность выбраться на крышу, то есть на худой конец есть запасной выход.

В середине дня начал приходить в себя Джей. Попробовав освободиться от веревок, он вскоре успокоился и тихо лежал под столом.

Перед самым вечером кто-то постучал в дверь.

— Мистер Джей, разрешите войти?

— Не сейчас, — ответил Баррент, удачно, по его мнению, имитируя голос чиновника.

— Вас, должно быть, интересует статистика Охоты, — сказал человек за дверью. — К настоящему моменту граждане убили двадцать три жертвы, осталось восемнадцать. Это лучше, чем в прошлом году.

— О да, — согласился Баррент.

— Количество спрятавшихся в канализационной системе больше обычного. Несколько человек пытались обмануть, укрывшись дома. Остальных мы ищем в привычных местах.

— Отлично, — одобрил Баррент.

— Пока никто еще не сделал прорыв, — продолжал мужчина. — Странно, что Дичь редко думает об этом. Впрочем, нам же лучше — не обязательно использовать машины.

Интересно, что он имеет в виду?.. Куда можно сделать прорыв? И как используют машины?

— Мы уже подобрали кандидатов для Игр, — добавил докладчик. — Хорошо, если бы вы завизировали список.

— Оставляю его на ваше усмотрение, — сказал Баррент.

Послышились удаляющиеся шаги. Разговор длился слишком долго, подумал Баррент, его надо было закончить раньше. Пожалуй, стоит перейти в другое помещение.

Прежде чем он успел что-либо предпринять, в дверь грубо застучали.

— Да?

— Поисковый Комитет, — ответили басом. — Будьте любезны открыть. У нас есть основания считать, что здесь прячется Дичь.

— Чепуха, — уверенно заявил Баррент. — Сюда нельзя входить. Это государственное учреждение.

— Можно, — сказал бас. — Ни одно помещение, контора или здание не закрыты для граждан в День Охоты. Ну?

Когда дверь затрещала под мощными ударами, Баррент дважды выстрелил, давая пищу для размышлений, и вылез в окно.

Крыши Тетрахида, как сразу заметил Баррент, были будто специально созданы для спасающихся. Именно поэтому находиться там им не стоило. На крышах было полно людей, которые закричали, увидев его.

Баррент побежал. Его догоняли сзади и окружали с боков. Он перепрыгнул пятифутовый промежуток между зданиями и сумел удержаться на ногах. Страх придавал ему сил. Если бы он мог выдержать такой темп еще минут десять, то получил бы существенное преимущество. Тогда хватило бы времени спуститься и найти укрытие.

Еще один пятифутовый промежуток между домами. Баррент прыгнул, не колеблясь. Приземлился он хорошо. Но правая нога по бедро провалилась сквозь прогнившее перекрытие. Ногу было не вытянуть — скользкая покатая крыша не давала оттолкнуться.

— Вот он!

Баррент обеими руками рванул деревянные черепицы. Охотники приблизились уже почти на расстояние выстрела из иглолучевика. Ко времени, когда он сумеет высвободить ногу, он станет легкой добычей.

Когда Охотники появились на примыкающем здании, Баррент выломал трехфутовую дыру и, не видя иного выхода, спрыгнул вниз. Секунду он летел в воздухе, затем ударил ногами стол, разломавшийся под ним, и упал на пол. Рядом в кресле тряслась от ужаса старая женщина.

По крыше загромыхали Охотники. Баррент бросился на кухню и выскочил через черный ход. Кто-то выстрелил в него из окна второго этажа. Оглянувшись, он увидел мальчишку, старающегося нацелить тяжелое тепловое оружие. Очевидно, отец запретил ему охотиться на улице.

Баррент свернулся в переулок и добежал до аллеи, показавшейся ему знакомой. Он понял, что находится в Квартале Мутантов, неподалеку от дома Милы.

Сзади раздались крики преследователей. Он рванулся к дому Милы и нашел дверь незапертой.

Все были там — одноглазый мужчина, лысая старая женщина и Мила. Они совсем не удивились его появлению.

— Итак, вас выбрали в Лотерее, — произнес старик. — Мы так и знали.

— Это Мила прочла в воде? — спросил Баррент.

— Нет, — ответил старик. — Это можно было предсказать и так, учитывая, что вы за человек. Смелый, но не безжалостный. Вот в чем ваша беда, Баррент.

Старик отбросил обязательную форму обращения к Привилегированному Гражданину, и в данных обстоятельствах это тоже было понятно.

— Каждый год одно и то же, — продолжал он. — Вы были бы поражены, узнав, сколько многообещающих молодых людей кончали свой путь в этой комнате — смертельно уставшие, державшие иглолучевик, будто он весит с тонну. Они ждали от нас помощи, но мутанты предпочитают не ввязываться в неприятности.

— Замолчи, Дем, — перебила старая женщина.

— Но вам мы должны помочь, — невозмутимо сказал Дем. — Так решила Мила. — Он сарднически улыбнулся. — Ее мать и я пытались разубедить ее, но она настаивала. А так как только она среди нас может скренировать, то пусть поступает по-своему.

— Даже с нашей помощью у вас очень мало шансов пережить Охоту, — произнесла Мила.

— Если меня убьют, — поинтересовался Баррент, — как же сбудется ваше предсказание? Помните, вы видели меня, смотрящим на собственный труп, разбитый на кусочки.

— Помню, — согласилась Мила. — Но ваша смерть не помешает предсказанию. В таком случае оно сбудется с вами в другом воплощении.

Баррента это не успокоило.

— Что мне делать?

Старик протянул кучу лохмотьев.

— Наденьте это, а я поработаю над вашим лицом. Вы, мой друг, станете мутантом.

Вскоре Баррент вышел на улицу, одетый в старую выцветшую рванину. Под ней он сжимал иглолучевик, а в свободной руке держал чашу для подаяний. На лбу лежали чудовищные морщины, а нос расползся чуть не до ушей. Охотничьи пометки были спрятаны.

Мимо торопливо прошагал отряд Охотников, едва удостоив его взглядом. Баррент почувствовал некоторое облегчение. Он выигрывал драгоценное время. Последние лучи водянистого солнца скрывались за горизонтом. Ночь предоставит дополнительные преимущества, и он сможет продержаться до зари. Потом, конечно, будут Игры, но Баррент не собирался принимать в них участие — если грим сумеет защитить его от всего города, то уж сам он себя не обнаружит.

Пожалуй, после окончания Игр он сможет вновь появиться в обществе. Вполне вероятно, если ему удастся пережить Охоту и увиличить от Игр, его наградят особо. Такое дерзкое и успешное нарушение закона должно быть оценено по достоинству.

Баррент увидел еще одну группу приближающихся Охотников. Их было пятеро, и среди них — Тем Ренд, внушительный и гордый в новенькой форме Убийцы.

— Эй ты! — крикнул один из Охотников. — Не видел здесь Дичи?

— Нет, Гражданин, — ответил Баррент, почтительно склонившись и сжав под лохмотьями иглолучевик.

— Не верьте ему. Эти проклятые мутанты всегда лгут.

Группа прошла, но Тем Ренд задержался.

— Ты уверен, что не видел поблизости Дичи?

— Абсолютно, Гражданин, — сказал Баррент, не зная, узнал ли его Ренд. Он не хотел убивать; кроме того, он не был уверен, что в состоянии это сделать — у Ренда была мгновенная реакция.

— Ну, если ты *увидишь* Дичь, — произнес Ренд, — то посоветуй не гrimироваться под мутанта.

— А почему?

— Надолго этого трюка не хватит, — безразлично сказал Тем. — Максимум на час. Потом засекут информаторы. Если бы охотились за мной, я бы мог использовать прикрытие мутанта — но только чтобы выбраться из Тетрахида.

— Да?

— Каждый год в горы уходят несколько Жертв. Правительство об этом, конечно, молчит, и большинство граждан ничего не знает. Но Гильдия Убийц располагает полным архивом всех когда-либо использовавшихся трюков.

— Очень интересно, — сказал Баррент. Он понял, что Ренд узнал его. Тем оказался хорошим соседом — и плохим Убийцей.

— Разумеется, из города выбраться нелегко, — добавил Ренд. — Да и вне его пределов не следует считать себя в безопасности. Есть специальные Охотничьи Патрули и, что гораздо хуже...

Он внезапно замолчал. К ним приближалась группа Охотников. Ренд кивнул и побежал вслед за своими.

После того как Охотники прошли, Баррент выпрямился. Тем дал ему хороший совет. Жизнь в омегианских горах чрезвычайно сложна, но любые трудности лучше смерти.

О патрулях он догадывался. Но Ренд упомянул о чем-то худшем. Что это? Особые части Охотников-альпинистов? Неустойчивый климат Омеги? Смертоносная флора или фауна? Эх, если бы Ренд успел договорить...

К ночи Баррент достиг Северных Ворот.

В миле от Тетрахида мутанты остановились и разбили лагерь, а Баррент продолжал идти и к полуночи начал подниматься по скалистому склону горы. Он был голоден, но холодный чистый воздух действовал возбуждающе.

Шумные охотничьи отряды Баррент слышал издалека, легко от них уклонялся во тьме и продолжал карабкаться вверх. Скоро все стихло, кроме неустанного завывания ветра в скалах. До рассвета оставалось часа три.

Под утро заморосило, затем пошел холодный дождь — обычна для Омеги погода. Привычными были и ледяной ветер, и раскаты грома. Баррент забился в маленькую пещерку и, дрожа от холода и сырости, наблюдал за склоном. Вдруг в свете молнии он увидел что-то двигающееся.

Он встал, держа наготове иглолучевик, и в очередной вспышке разглядел влажный блеск металла, перемигивание красных и зеленых огней и металлические щупальца, цепляющиеся за камни.

С такой машиной Баррент сражался во Дворце Правосудия. Теперь он понял, о чем его хотел предупредить Ренд. На этот раз Макс не будет выбирать орудие убийства случайно, чтобы уравнять шансы; промедления не будет тоже.

Баррент выстрелил — заряд отразился от бронированного лба машины, — вылез из пещеры и полез наверх.

Машина преследовала его упорно, точно охотничий пес; очевидно, она улавливала запах несмыываемой краски на его лице. Один раз Баррент попытался устроить лавину, но Макс легко уклонился от летящих камней.

Наконец Баррент уперся в отвесную скалу, выше подниматься было некуда. Когда машина подобралась вплотную, он поднял иглолучевик и нажал на курок.

Макс содрогнулся; затем выбил оружие и обвил щупальце вокруг шеи Баррента. Баррент начал терять сознание. У него еще было время подумать, сломает ли щупальце шею или просто задушит его.

И вдруг машина отступила. За ее спиной Баррент увидел серые лучи зари.

Он пережил Охоту. Но Макс не выпустил его, а продержал у скалы до прихода Охотников.

Те привели Баррента в Тетрахид, где бешено аплодирующая толпа с восторгом приветствовала его. После двухчасовой процесии Баррента и четырех других выживших доставили в Призовой Комитет, где председатель произнес короткую прочувствованную речь о проявленных ими отваге и ловкости. Им был присвоен ранг Хаджи и вручена крошечная золотая серьга статуса.

В заключение председатель пожелал новоиспеченным Хаджи легкой смерти в Играх.

Из Призового Комитета охрана провела Баррента в камеру и посоветовала спокойно ждать; Игры уже начались, и скоро наступит его черед.

В трехместной камере было девять человек. Большинство сидели или лежали в молчаливой апатии, уже смирившись со своей участью. Но один явно не пал духом. Он протолкался к Барренту.

— Джо!

Ему улыбался маленький кредитный вор.

— Не самое приятное место для встречи, Уилл.

— Что с тобой произошло?

— Политика, — ответил Джо. — Каверзное занятие на Омеге, особенно во время Игр. Я думал, что в безопасности, но... — Он пожал плечами. — Меня избрали утром.

— Есть какой-нибудь шанс отсюда выбраться?

— Я рассказал о тебе твоей знакомой, — произнес Джо. — Может быть, ее друзья смогут что-нибудь сделать. А я рассчитываю на помилование.

— Это возможно?

— Все возможно. Однако лучше не надеяться.

— На что похожи Игры? — спросил Баррент.

— На то, чего от них и можно ожидать, — философски заметил Джо. — Дуэли, схватки с хищниками...

— Если кто-нибудь выживает, — произнес Баррент, — он вне закона?

— Верно.

— А что значит быть вне закона?

— Понятия не имею, — сознался Джо. — Похоже, что этого не знает никто. Я сумел выяснить лишь, что выжившего забирает Великий Черный. Очевидно, это неприятно.

— Могу себе представить. На Омеге вообще мало приятного.

— Это неплохое место, Уилл. У тебя просто нет того духа...

Его прервало появление взвода охраны. Обитателям камеры пора было выходить на Арену.

— Помилования нет, — сказал Баррент.

— Что поделаешь, — вздохнул Джо.

Перед тем как капитан охраны открыл тяжелую дверь, ведущую на Арену, в коридоре появился толстый, хорошо одетый человек, размахивающий бумагой.

— Что это? — спросил капитан.

— Удостоверение личности, — произнес толстяк, вручая бумагу капитану и вытаскивая из кармана еще целую кипу листков. — А вот ордер на прекращение, перечень полномочий, закладная на недвижимость и справка о доходах.

Капитан снянул шлем и ошарашенно почесал узкий лоб.

— Что все это значит?

— Он свободен, — объявил толстяк, указывая на Джо.

Капитан взял бумаги, удивленно их пролистал и вернул толстяку.

— Ну хорошо, забирайте. Раньше такого не бывало. Ничто не препятствовало установленному течению Игр.

Победно улыбаясь, Джо пробился сквозь стену охраны к адвокату и спросил его:

— У вас есть какие-нибудь бумаги на Уилла Баррента?

— Нет, — сказал адвокат. — Его дело не у меня. Боюсь, что с ним не управятся до конца Игр.

— Но я тогда, наверное, уже буду мертв, — заметил Баррент.

— Могу вас заверить, что это ни в коей мере не отразится на рассмотрении вашего дела, — с гордостью заявил адвокат. — Живой или мертвый, вы сохраните все свои права.

— Пора идти, — сказал капитан.

— Удачи, — пожелал Джо, и цепочка узников втянулась через железную дверь на ярко освещенную Арену.

Баррент прошел сквозь дуэли, в которых погибла четверть заключенных. После того их, вооруженных мечами, выставили против смертоносной омегианской фауны. Барренту достался саунус — черный летающий ящер с Западных гор. Сперва уродливое ядовитое создание теснило его. Но потом он нашел решение — прекратил попытки пробить кожный панцирь саунуса и сосредоточил все усилия на том, чтобы отрубить хвост. Когда ему это удалось, рептилия потеряла равновесие, врезалась в высокую стенку, отделяющую зрителей, и сравнительно легко позволила нанести завершающий удар в единственный громадный глаз. Толпа приветствовала победу Баррента восторженными криками. Он прошел в запасную будку и стал смотреть другие схватки.

Вскоре Аrena была очищена. Теперь на нее вползли амфибии с роговым покрытием. Несмотря на медленные движения, они были практически неуязвимы, а их узкие острые хвосты грозили гибелю каждому, кто осмелится приблизиться. Барренту пришлось сражаться с одной из амфибий после того, как она прикончила четырех его предшественников.

Баррент наблюдал за предыдущими схватками и заметил место, куда не мог дотянуться острый хвост чудовища. Баррент выждал момент и вспрыгнул на широкую спину амфибии, а когда в роговой броне разверзлась гигантская пасть, он вонзил туда свой меч.

Баррент стоял на обагренном кровью песке — он победил.

Остальные участники Игр были мертвые. Баррент ждал, какого нового врага выберет Комитет Игр.

В песок упало семечко, затем еще одно. Через секунду на Арене уже росло короткое толстое дерево, выпускающее все большие веток и корней, затягивающее любую плоть, живую или мертвую, в пять отверстий-ртов, расположенных по окружности ствола. Это был каррион — очень редкое и трудно транспортируемое растение. Говорили, что оно горит, как порох, но у Баррента не было огня.

Держа меч обеими руками, Баррент бешено рубил ветки, однако на их месте тут же вырастали другие. Казалось, уничтожить дерево невозможно.

Единственная надежда — медленные движения растения. Во всяком случае, они не могли сравниться с человеческой реакцией. Баррент вырвался из обвивших его ветвей и бросился к другому мечу, лежавшему футах в двадцати и полузыпанному песком. Он схватил его и услышал предупреждающие крики толпы — к ноге подтянулась ветка.

Баррент обрубил ее, но в это время другая обвилась вокруг туловища. Он поднял руки над головой и ударил одним мечом по другому, стараясь выбить искру.

Меч в правой руке сломался.

Баррент подобрал половинки и продолжал попытки. Наконец от звенящей стали отлетел сноп искр. Одна из них коснулась листа.

С невообразимой скоростью все дерево запыпало. Пять ртов широко раскрылись и сморщились, когда их настигло пламя.

Баррент неминуемо бы сгорел — почти вся Арена была заполнена ветками. Но пожар угрожал деревянным стенам, и огонь загасили, спасая зрителей и Баррента.

Едва держась на ногах, Баррент стоял в центре Арены, ожидая очередного врага. Однако время шло, а ничего не происходило. Над трибунами разнесся вой сирены, и толпа взорвалась криками.

Игры кончились. Баррент выжил.

Но народ не расходился. Зрители желали знать, что будет с человеком, оказавшимся вне закона.

Толпа ахнула. Быстро обернувшись, Баррент увидел возникшее в воздухе яркое световое пятно. Оно выбрасывало из себя ослепительные лучи и на глазах росло. И Барренту вспомнились слова Дяди Ингмара: "Иногда Великий Черный удостаивает нас появлением в ужасной красоте своего огненного тела. Да, Племянник, мне посчастливилось видеть его. Два года назад он появился на Играх, и за год до того..."

Пятно превратилось в оранжевый шар около двадцати футов в диаметре, висевший в воздухе, едва касаясь земли. Шар

продолжал расти и одновременно сужаться в центре. Верхняя половина его стала черной. Теперь образовалось два шара — один ослепительно яркий, другой абсолютно черный, — соединяющиеся тонкой талией. Верхний стал вытягиваться и принял форму увенчанной рогами головы Великого Черного.

Баррент побежал, но гигантская черноголовая фигура догнала его и поглотила. Свет и тьма перемешались и ударили в глаза. Он закричал и потерял сознание.

19

Баррент очнулся в тусклом освещенном помещении. Он лежал в постели. Рядом спорили двое.

— У нас нет больше времени, — горячился мужчина. — Ты не понимаешь всей остроты положения.

— Доктор сказал, что ему нужно по крайней мере три дня покоя, — произнес женский голос, и Баррент вдруг понял, что это Моэра.

— Три дня у нас будут.

— А время на обучение?

— Ты говоришь, что он умен и быстро схватывает.

— Потребуются недели.

— Исключено. Корабль приземляется через шесть дней.

— Эйлан, — сказала Моэра, — ты торопишь события. Сейчас нам это не удастся. К следующему Дню Посадки мы будем подготовлены гораздо лучше.

— К тому времени положение выйдет из-под контроля, — возразил мужчина. — Мы должны или немедленно использовать Баррента, или не использовать его вовсе.

Баррент разлепил губы:

— Использовать для чего? Где я? Кто вы?

Мужчина повернулся к постели. В слабом свете Баррент увидел высокого худого человека преклонного возраста.

— О, вы уже пришли в себя, — сказал он. — Меня зовут Свен Эйлан. Я начальник Группы Два.

— Что такое Группа Два? — спросил Баррент. — Как вам удалось вытащить меня с Арены? Вы агенты Великого Черного?

Эйлан улыбнулся.

— Не совсем так. Мы все объясним. Но сперва, мне думается, вам следует подкрепиться.

Сестра внесла поднос. Пока Баррент ел, Эйлан, сидя рядом на стуле, рассказывал о Великом Черном.

— Наша Группа не претендует на то, что положила начало религии Великого Черного. Но грех был бы не извлечь из

нее пользу. Священники оказались замечательно говорчиваими — ведь поклонники Зла положительно смотрят на коррупцию. Следовательно, в глазах омегианского священнослужителя появление ложного Великого не будет анафемой. Напротив, на рядовых верующих подобные образы оказывают сильное влияние — особенно такое огромное страшилище, которое поглотило вас.

— Как вы это устроили? — поинтересовался Баррент.

— Какие-то фрикционные поверхности и силовые поля. Надо спросить у наших инженеров.

— Почему вы спасли меня? — спросил Баррент.

Эйлан взглянул на Моэру. Та демонстративно пожала плечами, и Эйлан смущенно проговорил:

— Мы хотим поручить вам важное дело. Но вам, должно быть, не терпится узнать больше о нашей организации?

— Еще как! — сказал Баррент. — Вы что-то вроде криминальной элиты, да?

— Мы — элита, — ответил Эйлан, — но не считаем себя преступниками. На Омегу ссылают два совершенно разных типа людей. Есть настоящие злодеи, виновные в убийстве, насилии, вооруженном ограблении, бандитизме и тому подобном. А есть и иные, обвиненные в политической неблагонадежности, научной неортодоксальности, атеизме. Именно такие люди составляют нашу организацию, которую в целях конспирации мы назвали Группа Два. Наши преступления заключаются в том, что мы придерживались не тех взглядов, которые превалируют на Земле. Мы были нестабильным элементом и представляли опасность для сложившейся системы. И нас сослали на Омегу.

— Где вы обосновались, — заключил Баррент.

— Да, по необходимости. С одной стороны, настоящие преступники Группы Один не поддаются контролю. Мы не можем повести их за собой; и не можем позволить себе быть ведомыми ими. Но что более важно, мы должны хранить в тайне свою деятельность. Неизвестно, какими средствами наблюдения оборудованы сторожевые корабли. И мы ушли в подполье — буквально. Связь с поверхностью поддерживают специальные агенты, такие, как Моэра, которые вербуют политических заключенных.

— Я вам не подошел, — произнес Баррент.

— Конечно, нет. Вы обвинялись в убийстве, что автоматически относило вас к Группе Один. Однако ваше поведение было нетипичным, и мы вам иногда помогали. Но в Группу без полной уверенности принять не могли. В вашу пользу говорило предубеждение против убийства. Мы нашли Илиарди и убедились, что именно он совершил преступление, в котором обвинили вас. Но самым сильным вашим козырем

был высокий потенциал выживания. Нам очень нужен человек ваших способностей.

— В чем заключается задание? — спросил Баррент. — Чего вы хотите добиться?

— Мы хотим вернуться на Землю, — сказал Эйлан.

— Но это невозможно.

— Мы тщательно обдумали этот вопрос и считаем, что, несмотря на сторожевые корабли, вернуться на Землю можно. Очевидно, через шесть дней мы сделаем попытку.

— Лучше подождать еще полгода, — заметила Мозра.

— Шестимесячное промедление будет гибельным. Каждое общество имеет цель, а криминальное население Омеги стремится уничтожить самое себя. Баррент, вы, кажется, удивлены?

— Никогда не думал об этом, — признался Баррент. — В конце концов, я был его частью.

— Вот представьте: все сконцентрировано вокруг убийства. Праздники — предлоги для массовых убийств. Даже закон, регулирующий интенсивность преступности, начинает давать осечки. Мы живем на краю хаоса. Безопасности нет нигде. Хочешь жить — убивай. Единственный способ подняться в статусе — убивать. Безопасно только убивать — больше и больше.

— Ты преувеличиваешь, — сказала Мозра.

— Ничуть. Ограничители преступности — кажущиеся. Фикция. Все разлагающиеся общества сохраняют иллюзию благопристойности до конца. А конец омегианского общества приближается.

— Насколько быстро? — спросил Баррент.

— Дело месяцев. Единственный способ все изменить — найти иной путь.

— Земля, — проговорил Баррент.

— Земля. Вот почему попытка должна быть сделана немедленно.

— Мне известно немногое, — сказал Баррент, — но я с вами и готов войти в состав любой экспедиции.

Эйлан снова поежился.

— Я, очевидно, не очень удачно все объяснил, — произнес он. — Вы и будете экспедицией, Баррент. Вы, и только вы... Извините, если я напугал вас.

20

Единственный серьезный недостаток Группы Два заключался в том, что люди, ее составляющие, в большинстве своем миновали расцвет физических сил. В организации, разумеется,

были и молодые, но они мало общались с миром насилия: защищенные подземными укрытиями, никогда не стреляли в ярости из иглолучевика, никогда не спасали свою жизнь бегством, никогда не сталкивались с критическими ситуациями. Никакая смелость не могла компенсировать отсутствие такого опыта. Они бы с радостью совершили экспедицию на Землю, но их шансы на успех практически равнялись нулю.

— А вы думаете, мне это удастся? — спросил Баррент.

— Думаю, да. Вы молоды и сильны, умны и эрудированы, отважны и находчивы. Если кто-нибудь и может добиться успеха, то это вы.

— Но почему в одиночку?

— Потому что нет смысла посыпать группу. Просто увеличится вероятность ее обнаружения. Если вы прорветесь, то доставите ценнейшую информацию о враге. Если это не удастся и вы будете схвачены, вашу попытку сочтут дерзким индивидуальным актом. А мы будем поднимать общее восстание на Омеге.

— Как я попаду на Землю? — спросил Баррент. — У вас есть свой корабль?

— Увы, нет. Мы планируем переправить вас на борту тюремного.

— Невозможно!

— Возможно. Мы изучили процедуру. Охрана выводит заключенных и выстраивает их на площади, а корабль остается незащищен, хотя и окружен кордоном. Мы организуем беспорядки и отвлечем внимание охраны, чтобы вы смогли проникнуть на борт.

— Даже если это удастся, меня схватят, как только охрана вернется.

— Вряд ли, — возразил Эйлан. — Тюремный корабль — колоссальный организм с многими потайными закоулками. Кроме того, на вашей стороне фактор внезапности. Ведь это первая в истории попытка бегства.

— А когда мы прилетим на Землю?

— Вы будете одеты как член экипажа, — сказал Эйлан. — Помните, неизбежная неповоротливость бюрократической машины работает на нас.

— Будем надеяться, — произнес Баррент. — Хорошо, предположим, что я благополучно достигну Земли и получаю желаемую информацию. Как ее передать?

— Пошлете на очередном тюремном корабле, — ответил Эйлан. — Мы его захватим.

Баррент потер лоб.

— Почему вы думаете, что хотя бы один из планов — моя экспедиция или восстание на Омеге — против такой могу-

щественной организации, как Земля, может увенчаться успехом?

— Мы должны попытаться, — сказал Эйлан. — Попытаться или погибнуть в кровавой междуусобице. Я понимаю, что шансы малы. Но остается либо рискнуть, либо сдаться без боя. Кроме того, правительство на Земле — явно тираническое. Это означает наличие подпольных групп сопротивления. Возможен контакт с этими группами. Волнения одновременно здесь и на Земле дадут правительству пищу для размышлений.

— Пожалуй, — согласился Баррент.

— Надо надеяться на лучшее, — сказал Эйлан. — Вы с нами?

— Безусловно, — ответил Баррент. — Я предпочитаю умереть на Земле.

— Тюремный корабль приземляется через шесть дней. За это время мы передадим вам всю информацию о Земле, которой располагаем. Частично — это восстановление памяти, частично — прочитано мутантами, остальное — логические выводы. Мне кажется, в целом складывается достаточно правдивая картина земной действительности.

— Когда начнем? — спросил Баррент.

— Немедленно, — последовал ответ.

Баррента ознакомили в основных чертах со строением Земли, географией и крупными населенными пунктами. Затем его направили к бывшему полковнику Корпуса Глубокого Космоса Брэю, который провел беседу о вероятном военном потенциале Земли, выраженном в количестве сторожевых кораблей вокруг Омеги, и о возможном уровне развития техники. Капитан Каррел прочитал лекцию о специальных видах оружия, их возможном применении и доступности для рядовых жителей Земли. Лейтенант Дауд рассказал о приборах обнаружения и способах защиты от них. Потом Баррент вернулся к Эйлану для политических занятий, где почерпнул сведения о методах диктатуры, ее сильных и слабых сторонах, роли секретной полиции, об использовании террора и информаторов.

Когда Эйлан с ним закончил, Баррент попал к маленько-му человечку, просветившему его в области машин по стиранию памяти. Основываясь на предпосылке, что стирание памяти — распространенный вид борьбы с оппозицией, он реконструировал вероятный характер подпольного движения на Земле, оценивал его возможности и предлагал пути контакта.

Наконец, Баррента посвятили в план прорыва на корабль.

Когда наступил День Посадки, Баррент почувствовал колossalное облегчение. Он устал от круглосуточных занятий и жаждал действия, чем бы оно ни обернулось.

Большой корабль плавно опустился и бесшумно коснулся почвы. Он тускло блестел в лучах полуценного солнца — ощущимое доказательство могущества и неумолимости Земли. Открылся люк, спустился трап, и на площадь сошли узники.

Как обычно, на церемонию собралось почти все население Тетрахида. Баррент пробился сквозь толпу и встал за цепочкой охранников. В кармане у него лежал иглолучевик, собранный специалистами Группы Два без единой металлической детали, которую могли бы обнаружить детекторы. Другие карманы также были набиты всяческими устройствами.

По громкоговорителю объявляли номера заключенных. Баррент слушал и ждал начала отвлекающих действий.

Когда назвали последний номер, в небо поднялись черные клубы дыма — это Группа Два подожгла бараки на площади. И тут же мощный взрыв разрушил два ряда пустых зданий. Не успели еще упасть обломки, как Баррент сорвался с места.

Второй и третий взрывы прозвучали, когда он был уже в тени корабля. Баррент скинул одежду и остался в форме охранника. Четвертый взрыв швырнул его на землю. Он мгновенно вскочил и кинулся в люк. Сюда еле доносились крики и приказы капитана охраны. Охрана построилась в ряды и, держа оружие наготове, спокойно отступала к кораблю.

Баррент повернулся направо и побежал по длинному узкому коридору. Далеко позади слышались тяжелые шаги. Ряд пустых камер замыкала дверь с надписью "Для охраны"; зеленая лампочка над ней указывала, что воздушная система включена. Баррент толкнул соседнюю дверь, оказавшуюся незапертой, и попал в склад каких-то механизмов.

По коридору, громко разговаривая, прошли охранники.

— Как по-твоему, что это за взрывы?

— Кто знает? Они здесь все сумасшедшие.

— Дай им волю, взорвут всю планету.

— Это точно.

— Подобный шум был лет пятнадцать назад. Помнишь?

— Я тогда не служил.

— Еще похлеще: убили двоих наших и около сотни заключенных.

— Маньяки. Как бы они нас не попытались взорвать.

— Да, скорей бы домой, на Контрольный Пункт.

— На Контрольном Пункте, конечно, неплохо, но я бы предпочел жить на Земле.

Последние из охранников вошли в комнату и закрыли дверь. Через некоторое время корабль вздрогнул. Полет начался.

Баррент получил немало ценной информации. Очевидно, вся охрана на Контрольном Пункте сходит. Значит ли это, что на борт взойдет другое подразделение? Возможно. И безусловно, весь корабль обыщут. Скорее всего, это будет лишь формальный осмотр, так как до сих пор ни один узник не пытался бежать. И все же...

Но это дело будущего. Пока все шло по плану.

Баррент чувствовал себя очень усталым, гудела голова. В помещении стоял густой тяжелый запах. Баррент с трудом поднялся, подошел к вентиляционной решетке и поднес руку. Воздух не подавался.

Он осторожно открыл дверь и выскользнул в коридор. Все на корабле, безусловно, знали друг друга в лицо, поэтому любая встреча грозила гибелью. Нужно найти укрытие. И воздух.

Коридоры были пустынны. Из комнаты охраны слышался слабый шум голосов. Зеленая лампа ярко светила над дверью. Баррент шел дальше, начиная чувствовать первые признаки кислородного голодания.

Группа предполагала, что система вентиляции функционирует во всех отделениях корабля. Теперь Барренту было ясно, что подача воздуха ограничивалась отсеками, где размещались экипаж и охрана.

Голова разламывалась от боли, ноги онемели и отказывались повиноваться. Баррент попытался выработать план действий. Отделение экипажа, казалось, давало ему наилучшие шансы. Даже если экипаж вооружен, то вряд ли готов к подобным осложнениям. Возможно, удастся взять офицеров на мушку; возможно, он завладеет кораблем.

Стоило попытаться. Надо было попытаться.

В конце коридора Баррент уткнулся в лестницу. Он поднимался по безлюдным пролетам, пока не увидел указатель "Секция контроля".

Сознание мутилось, перед глазами мерцали черные пятна. Стали крениться стены, сверху тяжело нависал низкий потолок. Баррент внезапно осознал, что уже ползет к двери с надписью: "КОНТРОЛЬНАЯ РУБКА – ВХОД ТОЛЬКО ОФИЦЕРАМ ЭКИПАЖА!"

Коридор наполнился серым туманом. Он то прояснялся, то вновь сгущался, и Баррент понял, что в этом повинно его зрение. Он заставил себя подняться на ноги и, приготовив иглолучевик, нажал на дверную ручку.

Но когда дверь открылась, в глазах у него потемнело. Ему показалось, что перед ним мелькнули изумленные лица, послышался крик: "Смотрите! Он вооружен!"

Затем все поглотила тьма.

Баррент разлепил веки и увидел, что находится в контрольной рубке. Металлическая дверь была закрыта, дышалось без труда. Никого из членов команды не было — вероятно, ушли за охраной, решив, что он так и будет лежать без сознания.

Шатаясь, Баррент встал на ноги, машинально подобрав свой иглолучевик. Он внимательно осмотрел оружие и нахмурился. Почему его оставили одного, вооруженного, в жизненно важном центре?

Он попытался вспомнить лица, которые видел перед тем, как упасть. Но появились лишь какие-то смутные воспоминания, неясные и расплывчатые фигуры с загробными голосами. А были ли здесь вообще люди?

Чем больше он думал об этом, тем больше убеждался, что вызвал их образы из своего затухающего сознания. Здесь никого не было — один он в первом сплетении корабля.

Баррент подошел к главному пульту управления, разделенному на десять секций. Каждая сверкала указателями приборов, шкалами, красными и черными стрелками, поблескивала рукоятками, переключателями, штурвалами, реостатами.

Баррент медленно двигался вдоль секций, наблюдая, как бегают огоньки. Последняя секция, очевидно, была контрольной. На табло "Координация ручная/автоматическая" потайная лампочка высвечивала слово "автоматическая". Далее он обнаружил программный отсек, выдавший ему отчет о течении полета. До Контрольного Пункта оставалось 29 часов, 4 минуты и 51 секунда. До Земли — 480 часов.

Все механизмы действовали четко и уверено. У Баррента появилось ощущение, что присутствие человека в этом машинном храме — святотатство.

Но где же экипаж? Безусловно, автоматизация управления гигантским кораблем необходима; такой сложный организм должен быть саморегулирующимся. Но построили его люди, и люди создали программы. Почему же нет людей, чтобы корректировать их в случае надобности? Предположим, что охране потребовалось задержаться на Омеге. Предположим, что возникла необходимость миновать Контрольный Пункт и направиться прямо к Земле. Предположим, чрезвычайно важно вообще изменить пункт назначения. Что тогда? Кто внесет изменения в курс, кто будет управлять кораблем?

Баррент осмотрел контрольную рубку, надел обнаруженный в шкафчике респиратор и вышел в коридор. После долгих блужданий он наткнулся на дверь с табличкой "Для команды". Внутри было чисто и голо. Аккуратными рядами

стояли койки, без простыней и покрывал. Ни здесь, ни в помещениях для офицеров и капитана Баррент не нашел следов недавнего присутствия людей.

Он вернулся в рубку. Теперь было ясно, что на корабле экипажа нет. Очевидно, власти на Земле так уверены в непротиводействии рутины и надежности приборов, что сочли команду излишней. Возможно... Но Барренту это казалось странным.

Он решил отложить выводы до тех пор, пока не получит больше фактов. В настоящий момент необходимо позаботиться о самом себе. В карманах у него была концентрированная пища, но вот воды он много с собой взять не мог. Okажутся ли запасы на корабле без команды?.. Еще ему нужно было помнить об охране на нижней палубе, о приближении Контрольного Пункта и многом, многом другом.

Баррент обнаружил, что ему не требуется прибегать к своим запасам. Машины выдавали разнообразное питание и напитки, стоило лишь нажать кнопку. Натуральная это пища или синтезированная, Баррент не знал, но на вкус она была превосходна.

Он исследовал верхние уровни корабля и, несколько раз заблудившись, решил больше не рисковать, все время проводил в контрольной рубке. Зато он нашел иллюминатор и, активировав механизмы, которые убирали заслонки, любовался мерцанием звезд в необъятной тьме космоса.

По мере приближения к Контрольному Пункту к жизни пробуждались новые части пульта управления, возрождая дремавшие силы, проверяя корабль перед приземлением. За три с половиной часа до посадки Баррент сделал интересное открытие. Он нашел центральную систему связи и, включив ее на прием, мог слушать разговоры в комнате охраны.

Впрочем, ничего важного он не узнал. То ли из-за осторожности, то ли по невежеству охранники не обсуждали политику. Вся их жизнь, кроме периодов службы на корабле, протекала на Контрольном Пункте. Что-то из того, о чем они говорили, Баррент совершенно не понимал. Но продолжал слушать, не пропуская ни одного слова.

— Ты когда-нибудь купался во Флориде?

— Не люблю соленую воду.

— Перед тем как меня призвали в Охрану, я выиграл третий приз на фестивале в Дейтоне.

— Когда выйду в отставку, куплю виллу в Антарктике.

— Сколько тебе еще осталось?

— Восемнадцать лет.

— Да, кому-то ведь надо это делать...

— Но почему я? Почему не жители Земли?

— Ты же знаешь — преступление есть болезнь. Оно разно.

— Ну и что?

— А то, что, имея дело с преступниками, ты подвергаешься опасности заражения и сам можешь заразить кого-нибудь на Земле. Кроме того, на Контрольном Пункте не так уж плохо.

— Если любишь все искусственное: воздух, цветы, пищу...

— Ты требуешь слишком много. Твоя семья здесь?

— Они тоже хотят вернуться на Землю.

— Ученые говорят, что после пяти лет на Контрольном Пункте на Земле нам не выдержать. Гравитация...

Из этих разговоров Баррент понял, что мрачноликие охранники такие же человеческие существа, как и заключенные. Большинство не любило свою работу и, как и омегиане, жаждало вернуться на Землю.

Наконец корабль приземлился, и двигатели замолчали. По коммуникационной системе Баррент слышал, как охранники выходили из комнаты. Он последовал за ними по коридорам к люку и уловил, как последний из них, выходя из корабля, сказал:

— Вот и проверка идет. Ну, как дела, ребята?

Ответа не последовало, охрана ушла, а коридоры заполнил новый звук: тяжелая поступь тех, кто шел на проверку.

Их было много. Они начали с моторного отсека и методично двинулись вверх, открывая каждую дверь, осматривая каждый закоулок.

Баррент сжал иглолучевик в потной руке и лихорадочно стал соображать, где можно спрятаться. Единственным решениемказалось обойти их и укрыться в уже обысканном месте.

Он натянул на лицо респиратор и вышел в коридор.

23

Получасом позже Баррент еще не знал, как избежать проворящих подразделений. Они закончили осмотр нижних уровней и продвигались к палубе контрольной рубки; шаги гулко отдавались в проходах.

В конце этого коридора должна была быть лестница, по которой можно спуститься на другой, уже обысканный, уровень. Баррент заторопился, надеясь, что не ошибается и лестница действительно есть, — он имел лишь самое приблизительное представление о конструкции корабля.

Он дошел до конца коридора, и лестница была. Сзади при-

ближались шаги. Баррент побежал вниз, оглянулся через плечо и налетел на чью-то грудь.

Он моментально отпрянул, готовый выстрелить в массивную фигуру. Но удержался.

Перед ним стояло существо семи футов росту, одетое в черную форму с надписью впереди "Инспекционный отряд – андроид В212". Его лицо, высеченное из молочно-розового пластика, напоминало человеческое, глаза светились глубоким красным огнем. Создание медленно надвигалось. Баррент попятился, сомневаясь, что иглолучевик тут поможет.

Ему не пришлось выяснить это на опыте, потому что андроид, не обращая ни на что внимания, стал подниматься по лестнице. На его спине оказалась надпись "Санитарный контроль". Этот андроид, понял Баррент, запрограммирован только на крыс и мышей. Присутствие на борту безбилетного пассажира его не касается. Возможно, остальные андроиды тоже специализированы.

Баррент ждал в пустом помещении на нижнем уровне, а когда услышал, что андроиды ушли, поспешил вернуться в контрольную рубку. Точно по расписанию корабль взлетел. Пункт назначения – Земля.

Полет был непримечательным. Баррент ел, спал и, пока корабль не вошел в надпространство, смотрел на звезды. Он пытался вспомнить планету, к которой приближался, – но безуспешно. Что за люди строят гигантские автоматические корабли? Почему они высыпают заметную часть своего населения – и не могут установить контроль над условиями жизни ссыльных? Зачем стирают из памяти заключенных все сведения о Земле?

Часы в контрольной рубке упорно отмеряли секунды и минуты путешествия. Корабль вышел из надпространства и, тормозя, облетал зелено-голубой мир, на который Баррент смотрел со смешанным чувством. Ему не верилось, что он наконец-то возвращается на Землю.

24

Корабль приземлился в чудесный солнечный полдень где-то на североамериканском континенте. Баррент рассчитывал остаться в нем до темноты, но на экранах зажглась надпись "Просим пассажиров и экипаж немедленно сойти. Через двадцать минут на корабле начнется полная дезинфекция".

Он не знал, что подразумевается под полной дезинфекцией. Но так как категорически предписывалось выйти, респиратор вряд ли мог обеспечить безопасность.

Члены Группы Два много думали о том, как следует быть

одетым Барренту по прибытии на Землю. Эти первые минуты могут оказаться решающими. В случае грубой ошибки не спасет никакая хитрость. А Группа не знала, что носили на родной планете. Одни настаивали на специальной модели. Другие утверждали, что на Земле прекрасно сойдет и форма охранника. Сам Баррент поддерживал третье мнение, согласно которому наилучшей окажется одежда из одного куска материи, как претерпевающая меньше всего изменений от капризов моды. В городах, конечно, такой наряд мог показаться необычным, но сейчас предстояло выйти на посадочное поле.

Он быстро скинул форму и остался в легкой накидке. После некоторых сомнений Баррент решил не бросать оружие на корабле. Проверка все равно обнаружит его, а с иглолучевиком хоть есть шанс отбиться от полиции.

Он сделал глубокий вдох и спустился по трапу.

Не было никакой охраны, не было таможенных чиновников, не было особых подразделений, не было армейских частей и полиции. Вообще никого не было. Далеко-далеко, на противоположном конце широкого поля, виднелись другие корабли, а прямо напротив — распахнутые ворота ограды.

Баррент пересек поле быстро, но без спешки. Он не имел ни малейшего представления, почему все так просто. Очевидно, секретная полиция на Земле действует более тонкими методами.

У ворот, словно дожидаясь его, стояли лысоватый мужчина и мальчик лет десяти. Барренту не верилось, что это государственные служащие, и все же, кто знает эту Землю?

— Простите, — обратился к нему мужчина, держа мальчика за руку. — Я видел, как вы выходили из корабля. Не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

— Конечно, — сказал Баррент, опуская руку в карман с иглолучевиком. Теперь он был уверен, что лысый — агент полиции. Немного смущало лишь присутствие ребенка — если тот не ученик полицейской академии.

— Дело в том, — начал мужчина, — что мой Ронни собирается писать сочинение о звездных кораблях.

— И я захотел увидеть один из них, — добавил Ронни, худощавый мальчик с умным лицом.

— Да, — подтвердил мужчина. — Я говорил ему, что это необязательно — ведь все факты и картинки есть в энциклопедии. Но он сам захотел увидеть.

— Так будет нагляднее, — вставил Ронни.

— Безусловно, — произнес Баррент, энергично кивая. Он начал сомневаться в своих выводах. Для агентов тайной полиции эти люди выбрали извилистый путь.

— Вы работаете на кораблях? — спросил Ронни.

— Да.

— Как быстро они лётают?

— В надпространстве? — уточнил Баррент.

Этот вопрос, казалось, сбил Ронни с толку. Он выпятил нижнюю губу и протянул:

— У-у, я и не знал, что они ходят в надпространстве... — Он задумался. — Между прочим, я не знаю, что такое надпространство.

Баррент и отец мальчика одновременно улыбнулись.

— Хорошо, — продолжал Ронни, — с какой скоростью они летят в обычном пространстве?

— Сто тысяч миль в час, — сказал Баррент, называя первую попавшуюся цифру.

Мальчик кивнул, его отец тоже.

— Очень быстро, — заметил отец.

— В надпространстве гораздо быстрее, конечно, — сказал Баррент.

— Конечно, — подтвердил мужчина. — Они летают очень быстро. Иначе нельзя. Они покрывают большие расстояния. Ведь верно, сэр?

— Очень большие расстояния, — согласился Баррент.

— А их источники энергии? — поинтересовался Ронни.

— Обычные, — ответил ему Баррент. — В прошлом году мы установили триплексные усилители, но их, скорее, следует отнести к разряду вспомогательных мощностей.

— Я слышал об этих триплексных усилителях, — заметил мужчина. — Замечательная вещь!

— Ничего, подходящего, — снисходительно бросил Баррент. Теперь он был уверен, что это рядовой гражданин, ничего не смыслящий в звездоплавании, просто приведший своего сына в космопорт.

— Откуда вы берете воздух? — спросил Ронни.

— Производим собственный, — охотно объяснил Баррент. — Немного труднее с водой — она, как известно, неожиданно. Я хотел бы отметить чисто навигационную проблему ориентирования при выходе корабля из надпространства.

— Что такое надпространство?

— Всего лишь другой уровень пространства. Но это есть в энциклопедии.

— Конечно, поищешь в энциклопедии, — наставительно сказал отец мальчика. — Мы не можем больше задерживать пилота. У него, безусловно, много важных дел.

— Да, я тороплюсь, — согласился Баррент. — А вы осмотрите здесь все, что хотите. Удачного сочинения, Ронни!

Баррент зашагал прочь, все время ожидая окрика или выстрела; но когда ярдов через пятьдесят он обернулся, отец и сын уже честно изучали гигантскую ракету. Пока все шло гладко. Подозрительно гладко.

Дорога вела от космопорта, мимо каких-то зданий, к лесу. Вскоре Баррент сошел с нее и углубился в чащу. Он уже достаточно пообщался с людьми для первого дня на Земле. Нельзя испытывать судьбу. Надо все обдумать, переночевать в лесу, а утром выйти в город.

На опушке великолепной дубовой рощи стоял указатель: "НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ТУРИСТЫ!"

Солнце садилось за горизонт, в воздухе повеяло прохладой. Баррент нашел удобное место под гигантским дубом, сгреб подстилку из листьев и улегся, томясь тревожными вопросами. Почему в таком важном центре, как космопорт, не оказалось охраны? Значит, меры безопасности проявляются позже, в городах? Или он уже находится под наблюдением изощренной шпионской системы?..

— Добрый вечер, — произнес голос над его правым ухом.

Баррент судорожно дернулся, рука потянулась к оружию.

— И это воистину приятный вечер, — продолжал голос, — здесь, в национальном парке. Температура воздуха семьдесят один и две десятые градуса по Фаренгейту, влажность 23 процента, давление двадцать девять и девять десятых. Бывалые туристы, я уверен, уже узнали мой голос. Ну а новым любителям природы мне хотелось бы представиться. Я Дубняк, ваш старый верный дуб. Позвольте приветствовать вас в национальном парке.

Сидя в сгущающихся сумерках, Баррент оглядился по сторонам. Голос и в самом деле, казалось, исходил от гигантского дуба.

— Наслаждение природой, — продолжал Дубняк, — теперь доступно каждому. Вы можете отдыхать в полном единении, находясь в десяти минутах ходьбы от общественного транспорта. Тем, кто не жаждет одиночества, мы предлагаем туристические маршруты в сопровождении гида, по сходной цене. Не забудьте рассказать своим знакомым о гостеприимном национальном парке, который с радостью встретит всех любителей природы.

В дереве открылась панель, и из ствола выскоцили раскладушка, термос и пакет с ужином.

— Желаю вам приятного вечера, — бархатно проговорил Дубняк. — О, природа! Восхитительное великолепие страны чудес!.. А теперь Национальный симфонический оркестр под управлением Оттера Крага исполнит вам "Горные долины" Эрнесто Нестричала. Всего доброго!

Из скрытых динамиков полилась музыка. Баррент почесал затылок, затем, решив принимать все, как оно есть, съел ужин, выпил кофе из термоса, поставил раскладушку и улегся.

Засыпая, он размышлял о звукооснащенном благоустроенном лесе со всеми удобствами и не далее чем в десяти минутах от общественного транспорта. Земля делала многое для своих обитателей. Очевидно, им это нравится. Или нет? Может быть, его заманивают в хитрую западню?

Музыка затихла, слившись с шорохом ветерка в листвах, и Баррент уснул.

25

Утром гостеприимный дуб выдал завтрак и бритвенные принадлежности. Баррент поел, привел себя в порядок и отправился в ближайший город. У него были ясные цели; необходимо обеспечить себе "легенду" и войти в контакт с подпольем. После этого как можно больше узнать о секретной полиции, армии и т. д.

По обеим сторонам улицы стояли маленькие белые домики. Сперва Барренту казалось, что они все одинаковые. Затем он понял, что у каждого есть свои мелкие архитектурные особенности, но они лишь еще больше подчеркивали монотонное однообразие. Коттеджей были сотни, каждый на крошечном участке тщательно ухоженной нежной травы. Их одинаковость угнетала его. Совершенно неожиданно он почувствовал, что скучает по крикливо-неуклюжей индивидуальности омегианских зданий.

Баррент дошел до торгового центра. Магазины следовали тому же образцу. Только после тщательного изучения витрин можно было обнаружить разницу между продуктовым и спортивным магазинами. Он миновал маленький домик с вывеской: "*Робот-исповедник. Открыто 24 часа в сутки*". Церковь?

План, предусмотренный Группой Два для выявления подполья на Земле, был прост. Революционеры, как уверяли Баррента, должны сосредоточиваться среди наиболее угнетенных элементов населения. Следовательно, сопротивление логично искать в трущобах.

Это была хорошая теория. Беда лишь в том, что Баррент не мог найти никаких трущоб. Он шел и шел, мимо магазинов и маленьких домиков, площадок для игр и парков, снова мимо домиков и магазинов. И ничто не выглядело мно-гим лучше или хуже, чем остальное.

К вечеру он не чувствовал под собой ног от усталости, а ничего важного открыть не удалось. Прежде чем еще глубже погрузиться в хитросплетения земной жизни, нужно опросить местных жителей. Это опасный, но необходимый шаг.

Баррент стоял в сгущающихся сумерках около магазина одежды и раздумывал, что делать дальше. Прикинувшись только

что прибывшим в Северную Америку из Азии или Европы, решил он.

К нему приближался полноватый, заурядной внешности мужчина в коричневом костюме. Баррент остановил его.

— Простите, я чужой здесь, только что из Рима...

— Неужели? — вежливо осведомился мужчина.

— Да. Боюсь, я плохо ориентируюсь. — Баррент засмеялся, изображая неловкость и смущение. — Не могу найти ни одного дешевого отеля. Если бы вы указали мне...

— Гражданин, как ваше самочувствие? — спросил мужчина. Судя по выражению лица, он был озадачен.

— Я же сказал, я иностранец и ишу...

— Послушайте, — перебил мужчина, — вы же не хуже меня знаете, что иностранцев больше нет.

— Нет?

— Конечно, нет. Я был в Риме. Там все точно так, как у нас в Вилмингтоне. Такие же дома и магазины. Никто и ни где не чувствует себя больше иностранцем.

Баррент не знал, что сказать. Он нервно улыбнулся.

— Более того, — продолжал мужчина, — на Земле нет дешевых отелей. Зачем они? Кто в них будет останавливаться?

— В самом деле, кто? — придумал наконец Баррент. — Кажется, я малость перебрал.

— И никто больше не пьет. Не понимаю, в какую игру вы играете?

— В какую игру я играю? — переспросил Баррент, согласно приемам, рекомендованным Группой.

Мужчина, нахмутившись, уставился на него.

— Кажется, догадываюсь. Вы — Опросчик.

— Ммм, — невнятно промычал Баррент.

— Конечно, — убедился мужчина. — Вы один из тех, кто выведывает мнения, верно?

— Вполне разумное предположение, — согласился Баррент.

— Не так уж трудно было сообразить. Опросчики всегда стараются узнать отношение людей к разным вещам. Я бы сразу вас определил, если бы вы носили одежду Опросчика. — Мужчина снова начал хмуриться. — Почему вы одеты не по форме?

— Я, так сказать, новоиспеченный, — объяснил Баррент. — Даже форму не успел купить.

— Поторопитесь, — поучительно сказал мужчина. — Как иначе граждане могут определить ваше положение?

— Благодарю за помощь, сэр. Возможно, в ближайшем будущем мне представится случай проинтервьюировать вас еще раз.

— Когда захотите, — сказал мужчина, вежливо поклонился и ушел.

Баррент решил, что Опросчик — наиболее подходящая для него профессия. Она дает право встречаться с людьми, задавать вопросы, узнавать, как живет Земля. Конечно, надо быть осторожным и не проявлять своего невежества.

Теперь важно купить одежду Опросчика. Беда в том, что у него нет денег. Груша не могла даже вспомнить, на что они походят... Но снабдила определенными средствами для преодоления и такого препятствия. И Баррент вошел в ближайший магазин.

Владелец, маленький человечек с голубыми глазами, с услужливой улыбкой приветствовал Баррента.

— Мне нужна форма Опросчика. Я только что закончил курс.

— Пожалуйста, сэр. И хорошо, что вы пришли ко мне. В большинстве этих магазинчиков вы найдете одежду только для... распространенных профессий. Но здесь, у Джулия Уондерсона, мы предлагаем форму для всех пятисот двадцати основных специальностей, перечисленных в Альманахе Гражданского Статуса. Я — Джулий Уондерсон.

— Очень приятно, — сказал Баррент. — У вас есть одежда моего размера?

— Безусловно, есть! — воскликнул Уондерсон. — Вам нужна регулярная или особая?

— Регулярная подойдет.

— Большинство новых Опросчиков предпочитает особую. Небольшая надбавка в цене обеспечит лишнее уважение.

— В таком случае я возьму особую.

— Да, сэр. Хотя, если бы вы могли подождать... Через пару дней мы получим новую фабричную модель — домашнего тканья с натуральными затяжками.

— Я, пожалуй, зайду за ней, — решил Баррент. — А пока я хотел бы купить то, что есть.

— Конечно, сэр, — произнес Уондерсон. Он был явно разочарован, хотя старался это скрыть. — Будьте любезны.

После нескольких примерок Баррент подобрал себе черный деловой костюм с белым узким кантом на лацканах. Его неопытному глазу он казался таким же, как и другие костюмы, которые Уондерсон предлагал банкирам, овощеводам, чиновникам. Но для Уондерсона разница была такой же красноречивой, как и символы статуса на Омеге для Баррента.

— Пожалуйста, сэр! Прекрасно сидит, с гарантийным сроком. И всего тридцать девять девяносто пять.

— Превосходно, — сказал Баррент. — Теперь насчет денег.

— Да, сэр?

— У меня их нет.

— В самом деле, сэр? Это весьма необычно.

— Да, — согласился Баррент. — Тем не менее у меня есть некоторые ценности. — Он извлек из кармана три кольца с бриллиантами, которыми его снабдила Группа. — Это настоящие бриллианты, что подтвердит любой ювелир. Если бы вы взяли одно из них, пока я не достану денег для уплаты...

— Но, сэр, — удивился Уондерсон, — бриллианты больше не имеют самостоятельной ценности. С двадцать третьего года, когда Вон Блон написал основополагающую работу, отрицающую концепцию нехватки...

— Естественно, — глухо заметил Баррент, не зная, что говорить.

Уондерсон посмотрел на кольца.

— Они, наверное, дороги вам как память?

— Безусловно, передаются в нашей семье из поколения в поколение...

— В таком случае, — сказал Уондерсон, — я не позволю себе лишить их вас. Пожалуйста, не спорьте, сэр! Я не смогу спать по ночам, если отниму вашу семейную реликвию.

— Но остается вопрос оплаты.

— Заплатите, когда вам будет удобно.

— Вы хотите сказать, что поверите мне, даже не зная меня?

— Конечно. — Уондерсон улыбнулся. — Испытываете свои методы, Опросчик? Даже ребенку известно, что наша цивилизация основывается на доверии. К незнакомцу следует относиться как к честному человеку, пока он полностью и бесповоротно не доказал обратного. Это аксиома.

— Вас никогда не обманывали?

— О нет. Преступлений в наши дни не бывает.

— А как же Омега?

— Простите?

— Омега, планета заключенных. Вы, должно быть, слышали о ней?

— Возможно, — осторожно проговорил Уондерсон. — Ну, точнее было бы сказать, что преступлений *почти* не бывает. Наверное, всегда найдется горстка прирожденных злодеев, но не больше десяти-двадцати в год, из населения в два миллиарда. — Он широко улыбнулся. — Вероятность, что я нарвусь на преступника, очень мала.

Баррент подумал о кораблях, регулярно курсирующих между Землей и Омегой... Интересно, откуда Уондерсон взял такие цифры? И, между прочим, интересно, где же полиция? Он не видел человека в форме с тех пор, как покинул корабль.

— Очень вам благодарен, — произнес Баррент. — Я заплачу как можно быстрее.

— Конечно, конечно, — согласился Уондерсон, с чувством тряся руку Баррента. — Когда вам будет угодно, сэр. Не стоит торопиться.

Баррент снова поблагодарил его и вышел из магазина. Теперь у него была профессия. И неограниченный кредит. Он оказался на планете, которая с первого взгляда походила на рай. Но, как всякая утопия, она несла в себе некоторые противоречия. Он надеялся узнать о них больше в ближайшие дни.

Баррент нашел отель и снял комнату, на неделю, в кредит.

26

Утром Баррент отправился в библиотеку. Ему надо было ознакомиться с историей развития земной цивилизации, чтобы иметь представление, что искать и чего ожидать.

Форма Опросчика позволила пройти к закрытым для доступа полкам, где хранились книги по истории. Но сами книги его разочаровали — в большинстве своем они охватывали период лишь до начала атомного века. Баррент просматривал их, и к нему возвращались смутные воспоминания. Он мог перепрыгнуть от Древней Греции к Римской империи, через Темные века к норманнским завоеваниям и Тридцатилетней войне и затем к наполеоновской эре. Внимательнее он прочитал о Мировых войнах. К сожалению, на этом книги заканчивались.

После долгих поисков Баррент нашел небольшую работу "Послевоенная дилемма. Том I" Артура Уитлера. Она началась там, где кончались остальные, — со взрыва бомб над Хиросимой и Нагасаки. Баррент сел и стал читать.

Он узнал о "холодной войне" 50-х годов, когда несколько наций владели атомным и водородным оружием. Уже тогда, утверждал автор, укоренились зерна конформизма. Америка отчаянно сопротивлялась коммунизму. Россия и Китай отчаянно сопротивлялись капитализму. Весь мир разделился на два лагеря. В целях внутренней безопасности правительства брали на вооружение новейшие методы пропаганды и идеологической обработки. От граждан требовалась безоговорочная приверженность официальным доктринаам. Давление на личность становилось все сильнее и утонченнее.

Миновала угроза войны. Многочисленные страны Земли начали сливаться в единое сверхгосударство. Но давление на личность, вместо того чтобы уменьшиться, еще больше возросло. Нужда в этом диктовалась неудержаным ростом населения, проблемами национального и этнического характеров. Различие во мнениях могло оказаться гибельным — слишком много групп имели теперь доступ к мощным водородным бомбам.

В этих условиях стало нетерпимым поведение, отличающееся от нормы.

Унификация наконец была завершена. Продолжалось за-воевание космоса. Но земные институты перестали совершенствоваться. Современная цивилизация оказалась менее гибкой, чем средневековая, она подавляла всякое отклонение от существующих обычаев, привычек, возврений. Оппозиция считалась не менее тяжким преступлением, чем убийство или поджог. И так же наказывалась. Секретная полиция, политическая полиция, информаторы — использовалось все. Каждое устройство было поставлено на службу одной великой цели — воспитанию человека-соглашателя.

А для упрямых существовала Омега.

Смертная казнь была давно запрещена, и преступники переполняли тюрьмы. Наконец их решили перевезти в отдельный мир, скопировав систему, которую Франция использовала в Гвинее и Новой Кaledонии, а Британия — в Австралии и Северной Америке. Управлять Омегой с Земли было невозможно, да власти и не пытались. Они позабочились лишь о том, чтобы заключенные не сбежали.

На этом первый том кончался. Приписка в конце гласила, что том второй посвящен изучению современности. Он назывался 'Цивилизация статуса'.

Второго тома на полках не оказалось. Библиотекарь сказал Барренту, что он был уничтожен в интересах общественной безопасности.

Баррент вышел в маленький сад, сел на скамейку и, уставившись вниз, постарался все обдумать.

Он ожидал увидеть Землю как раз такой, как она была описана в книге Уитлера. Он был подготовлен к полицейскому государству, изощренной слежке, жестоким репрессиям и растущему сопротивлению. Но все это осталось в прошлом. До сих пор он не увидел даже постового. Люди, которых он встречал, вовсе не казались угнетенными. Напротив, это был совершенно иной мир...

Если не считать того, что год за годом на Омегу прибывали партии ничего не помнящих о Земле заключенных. Кто арестовывал их? Кто судил? Какое общество их породило?

Ответы ему предстояло найти самому.

27

С раннего утра Баррент начал расследование. План был прост. Он звонил в двери и задавал вопросы, предупреждая, что серьезные могут перемежаться странными и глупыми, предназначеными для определения общего уровня развития. Таким образом, Баррент мог затрагивать любые темы, не возбуждая подозрения.

Оставалась опасность, что какой-нибудь государственный служащий попросит показать удостоверение личности или что внезапно появится секретная полиция. Но приходилось рисковать.

Результаты оказались самыми неожиданными.

(Гражданка А. Л. Готхрейд, возраст 55 лет, занятие – домохозяйка. Женщина чопорная, но вежливая.)

– Вы хотите спросить меня о классе и статусе. Так?

– Да, мадам.

– И всегда-то вы, Опросчики, спрашиваете о классе и статусе. Неужели не надоело? Ну ладно... Так как все равны, есть только один класс. Средний. Вопрос только, к какой части среднего класса относится индивидуум – высшей, низшей или средней.

– А как это определяется?

– По манерам: как человек ест, одевается, ведет себя на людях. Высший средний класс, например, всегда можно безошибочно определить по одежде.

– Понимаю. А низший средний класс?

– Ну, во-первых, у них меньше творческой энергии. Они носят готовую одежду, и это их вполне устраивает. Показательно и отношение к своему жилью. Причем украшательство без искры вдохновения в счет не идет, а лишь помечает выскочек. Представитель высшего среднего класса не примет такого у себя дома.

– Благодарю вас, гражданка Готхрейд. А как вы определите свой собственный статус?

(С чуть заметным колебанием):

– О, я никогда особенно над этим не задумывалась. Высший средний, скорее всего.

(Гражданин Дрейстер, возраст 43 года, занятие – продавец обуви. Стойкий, молодо выглядящий мужчина.)

– Да, сэр. У нас с Мирой три ребенка школьного возраста. Все мальчики.

– Вы не могли бы рассказать, из чего складывается их образование?

– Они учатся писать, читать, быть честными гражданами и уже приступили к изучению своих профессий. Старший пойдет по семейной линии – обувь. Двое других – по бакалею и розничной торговле, как заведено в семье у жены. Кроме того, они узнают, как обретать и сохранять статус. Этому учат в открытых классах.

– А есть и другие?

– Ну, естественно, закрытые. Их посещает каждый ребенок.

– И чем там занимаются?

- Не знаю.
- Ребята никогда не рассказывают об этих классах?
- Нет. Они говорят обо всем на свете, но не о них.
- А вы не представляете, что происходит в закрытых классах?
- К сожалению, нет. Может быть — заметьте, это только предположение, — в них преподают религию. Но лучше спросить у учителя.
- Благодарю вас, сэр. Как вы определите свой статус?
- Средний средний класс, безусловно.

(Гражданка Мариян Морган, возраст 51 год, занятие — школьная учительница. Высокая костлявая женщина.)

- Да, сэр, вот и все о нашей обязательной программе.
- Кроме закрытых классов?
- Простите?
- Вы не упомянули закрытые классы.
- Боюсь, что не могу это сделать.
- Почему же, гражданка Морган?
- Это что, вопрос с подвохом? Всем известно, что учителей не впускают в закрытые классы.
- Кого же тогда впускают?
- Детей, конечно.
- Но кто их учит?
- Об этом заботится правительство.
- Естественно. Но кто конкретно ведет занятия?
- Не имею понятия, сэр. Меня это не касается. Закрытые классы — старое и уважаемое учреждение. Возможно, они связаны с религией. В любом случае не мое это дело. И не ваше, молодой человек, будь вы хоть трижды Опросчик.
- Благодарю вас.

(Гражданин Эдгар Ниб, возраст 107 лет, занятие — отставной военный. Высокий лысый мужчина с холодными голубыми глазами.)

- Пожалуйста, немного громче. Что вы сказали?
- О вооруженных силах. Я спрашивал...
- Теперь вспомнил. Да, молодой человек, я был полковником Двадцать первой Североамериканской Космической Группы, регулярной части Земных Вооруженных Сил.
- Вы вышли в отставку?
- Нет, служба отставила меня.
- Простите, сэр?
- Я не оговорился. Это произошло шестьдесят три года тому назад. Вооруженные Силы были распущены.
- Почему?
- Не с кем стало сражаться. Во всяком случае, так нам

объяснили. Глупость! Старым солдатам известно: никогда невозможно предсказать, откуда появится враг. Он может появиться и сейчас. И что тогда?

— А заново сформировать армию?

— Хорошо бы! Но нынешнее поколение не знает, что такое служба. И командиров не осталось, кроме таких старых ослов, как я. На создание реальной силы уйдут годы.

— А пока что Земля совершенно беззащитна перед вторжением?

— Да. Есть полицейские соединения, но я самым серьезным образом сомневаюсь в их надежности, если пойдет пальба.

— Не могли бы вы рассказать мне о полиции?

— Ничего о ней не знаю. Меня никогда не волновали вопросы невоенного характера.

(Гражданин Мартин Хоннерс, возраст 31 год, занятие — глаголизатор. Худой вялый мужчина с честным мальчишеским лицом и пшеничными волосами.)

— Вы глаголизатор, гражданин Хоннерс?

— Да, сэр. Хотя, пожалуй, больше подойдет слово "автор", если не возражаете.

— Конечно. Гражданин Хоннерс, вы сотрудничаете в периодической печати?

— О нет! Там подвизаются некомпетентные бездари, которые пишут для сомнительной услады низшего среднего класса. Все рассказы, да будет вам известно, составляются строка за строкой из произведений популярных писателей двадцатого и двадцать первого веков. Эти бумагомаратели просто меняют порядок слов. Изредка кто-нибудь сочинит глагол или даже существительное. Но, повторяю, крайне редко.

— Вы этим не занимаетесь?

— Абсолютно! Моя работа не коммерческая. Я — Созидающий Специалист по Конраду.

— Поясните, пожалуйста.

— С удовольствием. Я пересоздаю работы Джозефа Конрада, автора, жившего в доатомном веке.

— А как вы пересоздаете эти работы, сэр?

— В настоящее время я занят пятым пересозданием "Лорда Джима" — как можно глубже вчитываясь в оригинал, а затем переписываю книгу так, как сделал бы сам Конрад, живи он сегодня. Это занятие требует величайшего усердия и артистичности. Одна описка может испортить всю работу. Необходимо в совершенстве знать словарь Конрада, темы, характеры, настроения... И книга будет не простым повторением, а внесет что-то новое.

— Каковы ваши дальнейшие творческие планы?

— После пересоздания "Лорда Джима" я собираюсь отдохнуть. Затем я пересоздам одно из менее заметных произведений Конрада, "Малатского плантатора".

— Понимаю... Является ли пересоздание правилом для всех видов искусства?

— Это цель каждого истинного художника независимо от того, какую область он выбрал для своей деятельности. Искусство — жестокая возлюбленная.

(Гражданин Уиллис Уэрка, возраст 8 лет, занятие — учащийся. Жизнерадостный черноволосый мальчик.)

— Простите, мистер Опросчик, моих родителей нет дома.

— Вот и хорошо, Уилли. Ты не против, если я задам тебе несколько вопросов?

— Конечно. А что это у вас выпирает под пиджаком, мистер?

— Спрашивать буду я, Уилли, если не возражаешь. Ты любишь школу?

— Так себе.

— Чему ж ты учишься?

— Ну, чтение, язык, оценка статуса, потом курсы по искусству, музыке, архитектуре, литературе, балету и театру. Все как обычно.

— Вижу. Это в открытых классах?

— Естественно.

— Ты ходишь в закрытый класс?

— Каждый день. А это у вас пистолет выпирает?

— Нет, просто мой костюм плохо сидит. Слушай, ты не хотел бы рассказать мне, что вы делаете в закрытом классе?

— Почему ж нет?

— Ну и что же там происходит?

— А я не помню.

— Уилли...

— Честное слово, мистер Опросчик. Мы все заходим в класс, а затем выходим через два часа. Но это все. Больше я ничего не могу вспомнить. Я говорил с другими ребятами. Они тоже забывают.

— Странно.

— Нет, сэр. Если бы нам надо было помнить, класс не был бы закрытым.

— Пожалуй. А не помнишь ли ты, как выглядит комната или кто ваш учитель в закрытом классе?

— Нет, сэр, я в самом деле ничего не помню.

— Спасибо, Уилли.

(Гражданин Кучлан Дент, возраст 37 лет, занятие — изобретатель. Прежде временно полысевший человек с ироничными глазами.)

— Да, верно. Я специализируюсь на играх. В прошлом году я изобрел "Триангулируй — а не то...". Не видели? Она была очень популярна.

— Боюсь, что нет.

— Это, знаете ли, интеллектуальная игра. Имитирует потерю ориентации в космосе. Игрокам даются неполные данные для компьютеров и, при удачной игре, добавочная информация. Опасные ситуации штрафуются. Куча сияющих огней и прочая мишура. Прекрасная вещь!

— Больше вы ничего не изобрели, гражданин Дент?

— В юные годы я придумал улучшенную жатку. Она пре- восходила по эффективности предыдущие модели в три раза. И, верите ли, я действительно думал, что имею шансы ее продать.

— Продали?

— Конечно, нет. Тогда я не знал, что в патентном бюро открыто только отделение игр.

— Вы огорчились?

— Сперва — да. Но потом я понял, что существующие модели достаточно хороши. В изобретении более эффективных или простых устройств нет нужды. Мы довольны своим сегодняшним днем. Кроме того, новые изобретения бесполезны. Уровень рождаемости и смертности на Земле стабилен, и все- го хватает. Чтобы выпустить новый аппарат, надо переоборудовать целый завод. Это почти невозможно, так как все заводы автоматические и саморегулирующиеся. Вот почему наложен мораторий на все изобретения, кроме сферы игр.

— И что вы об этом думаете?

— А что тут думать? Так уж получилось.

— Вы не хотели бы изменить этот порядок?

— Может быть, и хотел бы. Но как изобретатель, я все равно отношусь к нестабильным элементам.

(*Гражданин Барн Трентен, возраст 41 год, занятие — инже-нер-атомщик, специалист по конструированию космических кораблей. Нервный интеллектуал с печальными карими гла-зами.*)

— Вы хотите знать, чем я занимаюсь на работе? Бездельни- чаю. Мне некуда приложить силы, я просто хожу кругами. Правилами предусматривается один человек на каждую автома-тическую операцию. Вот что я делаю — присутствую.

— Вы, кажется, недовольны, гражданин Трентен.

— Да. Я хотел быть инженером-атомщиком и для этого учился. А после выпуска обнаружил, что мои знания устаре- ли на пятьдесят лет, да и никому не нужны.

— Почему?

— Потому что все автоматизировано. Не знаю, известно ли

это большинству населения, но дело обстоит так. От добычи сырья до получения конечного продукта — автоматизировано все. Человек нужен лишь для контроля над количеством производимого продукта, а оно определяется численностью населения. И даже здесь участие человека сводится к минимуму.

— А что, если часть оборудования выйдет из строя?

— На то есть ремонтные работы.

— А если и они сломаются?

— Проклятые железяки — саморемонтирующиеся. Мне остается только стоять в сторонке. Весьма странно для человека, считающего себя инженером.

— Почему бы вам не поменять работу?

— Нет смысла. Я проверял, остальные в таком же положении — присутствуют при автоматических процессах, которых не понимают. Назовите любую отрасль — либо "инженер-наблюдатель", либо никого.

— Такая же ситуация и в космонавтике?

— Безусловно. За последние пятьдесят лет ни один пилот не покидал Земли. Скоро они разучатся управлять кораблями.

— Понимаю, все автоматизировано... Ну а если случится нечто непредвиденное?

— Трудно сказать. Если корабль попадет в незапрограммированную ситуацию, он будет парализован, по крайней мере временно. Я думаю, там стоят селекторы оптимального выбора, но вряд ли испытанные. В лучшем случае он будет действовать замедленно. В худшем — вообще не будет действовать. По мне — так пусть! Надоело ошиваться вокруг машин, день за днем наблюдая безотрадное однообразие операций. Большинство моих коллег чувствует то же самое. Мы хотим дела, любого дела! Вы знаете, что сотни лет назад пилотируемые корабли исследовали планеты других звездных систем?

— Да.

— Вот это нам необходимо сейчас. Двигаться вперед, исследовать, изучать!

— Согласен. Но вы не думаете, что говорите довольно опасные вещи?

— Кажется. Но, если говорить честно, я уже не боюсь. Пускай отправляют на Омегу, если хотят. Хуже мне не станет.

— Вы слышали об Омеге?

— Про нее знает каждый, кто связан с космическими кораблями. "Земля — Омега" — единственный сохранившийся маршрут... Страшная планета. Лично я во всем виню церковь.

— Церковь?

— Только ее. Проклятые ханжи, только и знают, что килючат про всякий там Дух Человеческого Воплощения. Одного этого достаточно, чтобы человека потянуло ко злу...

(Гражданин Отец Бойрен, возраст 51 год, занятие — священнослужитель. Коренастый мужчина в шафрановой рясе и белых сандалиях.)

— Верно, сын мой, я аббат местного отделения Церкви Духа Человеческого Воплощения. Церковь является официальным религиозным выражением правительства Земли. Наша религия едина для всех народов и состоит из лучших элементов старых исповеданий, искусно скомбинированных во всеобъемлющую веру.

— Гражданин аббат, а разве нет противоречий между доктринаами религий, составляющими вашу веру?

— Были. Но мы стремились к согласию и сохранили лишь отдельные яркие детали некогда великих религий, детали, знакомые людям. В нашей церкви нет сект и расколов, так как мы все приемлемы. Личность может веровать во что угодно, если только несет священный Дух Человеческого Воплощения. Ибо наш кульп есть кульп Человека. И дух его есть дух божественного и священного Добра.

— Не могли бы вы определить понятие "добро", гражданин аббат?

— Пожалуйста. Добро есть сила внутри нас, вдохновляющая людей на общение и содружество. Кульп Добра является кульпом самого себя и потому единственno верным кульпом. Личность, которой мы поклоняемся, есть идеальное социальное существо; человеческое содержимое в нице общества, готовое ухватить любую возможность продвижения. Добро есть действительное отражение любящей и лелеющей Вселенной. Добро непрерывно изменяется во всех своих аспектах, хотя его проявления... У вас странное выражение лица, молодой человек.

— Простите. Мне кажется, что-то похожее я уже слышал.

— Сие всегда остается правдой.

— Безусловно. Еще один вопрос, сэр. Не могли бы вы рассказать мне о религиозном воспитании детей?

— Эту обязанность несут роботы-исповедники, в соответствии с духом древнего трансцендентального фрейдизма. Робот-исповедник наставляет ребенка так же, как и взрослого. Он их постоянный друг и учитель. Будучи роботом, исповедник дает точные и недвусмыслилные ответы на любые вопросы. Это большая помощь в воспитании оргодоксальности.

- А что делают священнослужители-люди?
- Наблюдают за роботами-исповедниками.
- Присутствуют ли эти роботы в закрытых классах?
- Не могу вам ответить... Нет, я в самом деле не знаю. Закрытые классы закрыты для аббатов так же, как и для всех остальных.
- По чьему приказу?
- По приказу Шефа Секретной Полиции.
- Понимаю... Благодарю вас, гражданин аббат Бойрен.

(Гражданин Энайн Дравивиан, возраст 43 года, занятие — государственный служащий. Узкоглазый мужчина, усталый и преждевременно постаревший.)

- Добрый день, сэр. Так вы состоите на государственной службе?
- Совершенно верно.
- Давно?
- Около восемнадцати лет.
- Ясно: А не могли бы вы сказать, в чем конкретно заключаются ваши обязанности?
- Пожалуйста. Я — Шеф Секретной Полиции.
- Вы? Понимаю, сэр, это очень интересно. Я...
- Не тянитесь к иглолучевику, экс-гражданин Баррент. Заверяю вас, он не будет действовать в зоне вокруг этого дома. А попытка вытащить его лишь причинит вам вред.
- Каким образом?
- У меня есть свои средства защиты.
- Как вы узнали мое имя?
- Я знал все, как только ваша нога коснулась поверхности Земли. Мы еще кое на что способны. Впрочем, войдемте-ка лучше в дом и побеседуем.
- Я бы предпочел воздержаться от беседы.
- Боюсь, что это необходимо. Входите, Баррент, я не кусаюсь.
- Я арестован?
- Конечно, нет. Мы просто немного потолкуем. Сюда, сэр, сюда. Устраивайтесь поудобнее.

28

Дравивиан провел его в просторную комнату, обшитую панелями орехового дерева и обставленную массивной лакированной мебелью. Одну стену закрывал тяжелый выцветший гобелен с изображением средневековой охоты.

— Вам нравится? — спросил Дравивиан. — Все здесь сделано руками членов моей семьи. Гобелен вышила жена, скопиро-

вав его с оригинала в музее "Метрополитен". Мебель смастерили два моих сына. Они хотели что-нибудь старинное и в испанском стиле, но более удобное; отсюда некоторая модификация линий. Мой собственный вклад увидеть нельзя — я специализируюсь по музыке периода барокко.

— В свободное от работы в полиции время? — спросил Баррент.

— Именно. — Дравивиан отвернулся от Баррента и задумчиво посмотрел на гобелен. — Мы еще коснемся этого вопроса. Скажите сперва, что вы думаете о комнате?

— Она очень красива, — произнес Баррент.

— И?

— Ну... я не судья...

— Вы должны быть судьей, — подчеркнул Дравивиан. — В этой комнате — вся цивилизация Земли в миниатюре. Скажите прямо, что вы о ней думаете?

— Она кажется безжизненной, — проговорил Баррент.

Дравивиан улыбнулся.

— Вы выбрали удачное слово. А ведь это комната людей высокого статуса. Сколько творческих усилий было затрачено на артистичное улучшение древних стилей! Моя семья воссоздала кусочек испанского прошлого, как другие воссоздают кусочки истории майя или Океании. И все же налицо пустота. Наши автоматические заводы производят одни и те же продукты. Так как товары у всех одинаковы, нам приходится изменять их, улучшать, украшать и такими способами выражать себя. Вот что происходит на Земле, Баррент. Наши энергия и способности уходят на никчемные цели; личность замкнулась на себе. Мы мастерим старинную мебель в соответствии с рангом и статусом, а тем временем нас тщетно ждут неисследованные планеты. Мы давно кончили развиваться. Стабильность принесла застой, и мы ему подчинились.

— Не ожидал я услышать такие слова из уст Шефа Секретной Полиции.

— Я необычный человек, — произнес Дравивиан с тонкой улыбкой. — И Секретная Полиция — необычное учреждение.

— Но, очевидно, очень эффективное! Как вы узнали обо мне?

— Ну, это было просто. Почти все встретившиеся вам люди распознали в вас чужака. Вы выделялись, как волк среди овец, и мне немедленно сообщали.

— Ясно, — сказал Баррент. — Что же теперь?

— Хотелось бы послушать ваш рассказ об Омеге.

Баррент рассказал Дравивиану о своей жизни на планете преступников.

— Так я и думал, — со слабой улыбкой произнес Шеф Секретной Полиции. — То же самое происходило в свое время в

Америке и Австралии. Конечно, разница есть: вы совершен-но изолированы от родины. Но у вас та же яростная энергия, та же жестокость.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

Дравивиан пожал плечами.

— Какое это имеет значение? Предположим, я убью вас. Но вашу Группу на Омеге не удержать от засылки других шпионов или захвата одного из тюремных кораблей. Как только омегиане начнут действовать, они неизбежно обнаружат правду.

— Какую правду?

— А вы еще не догадались? На Земле около восьми столетий не было войн. Мы не знаем, как сражаться. Сторожевые корабли вокруг Омеги — чистое надувательство, одна видимость. Они полностью автоматизированы и запрограммированы на условия, которые существовали сотни лет назад. Решительная атака — и корабль ваш, а за ним и все остальные. После этого ничто не в состоянии остановить приход омегиан на Землю; а Земля не в состоянии с ними бороться. Вот почему у заключенных смывают память. Уязвимость Земли должна быть скрыта.

— Если вы все это осознаете, то почему ваши руководители ничего не предпринимают?

— Сначала у нас было такое намерение, но лишь одно намерение. Мы предпочитали не задумываться всерьез. Казалось, что статус-кво сохранится навеки... Я тоже лишь видимость, — сказал Дравивиан. — Пост Шефа Полиции — почетная синекура. Вот уже почти век, как Земле не нужна полиция.

— Она вам потребуется, когда омегиане вернутся домой, — заметил Баррент.

— Да. Опять начнутся беспорядки, преступления. Однако я верю, что конечный сплав получится удачный. У омегиан есть энергия, воля, стремление достичь звезд. А Земля придаст вам спокойствие и стабильность. Каковы бы ни были результаты, объединение неизбежно. Мы слишком долго жили во сне. Но вы пробудите нас, пусть это будет и не безболезненное пробуждение. — Дравивиан поднялся на ноги. — А теперь, когда судьбы Земли и Омеги решены, — по глотку освежительного?

После этого Баррент мог приступить к выполнению своей собственной задачи — найти солгавшего информатора и судью, приговорившего его к наказанию за преступление, которого он не совершил. Баррент чувствовал, что, когда он найдет их, у него восстановится утраченная часть памяти.

Ночным экспрессом он прибыл в Янгерстаун. Аккуратные ряды домов казались такими же, как и везде, но для Баррента они были по-особому, щемящие знакомыми. Он помнил свой город, и его однообразие казалось ему особым, полным значения. Здесь он родился и рос.

Вот магазин Гротмейера, а напротив через дорогу — дом Хавнинга. А там жил Билли Хавлок, его лучший друг; они вместе мечтали стать звездоплавателями.

Дом Эндрю Теркалера. А рядом школа; Баррент помнил ее. Он помнил, как каждый день заходил в закрытый класс, но не мог вспомнить, чему там учился.

Вот здесь, у двух исполинских вязов, произошло убийство. Баррент подошел к этому месту и вспомнил, как все случилось. Он возвращался домой. Откуда-то сзади донесся крик. Баррент обернулся и увидел, как по улице побежал человек — Иплиарди — и что-то бросил ему. Баррент инстинктивно схватил этот предмет и обнаружил, что держит запрещенное оружие. Через два шага он наткнулся на мертвого Эндрю Теркалера.

А потом? Смятение, паника. Одущение, что кто-то наблюдает за ним, стоящим над трупом с оружием в руках. Там, в конце улицы, было убежище, в котором он скрылся...

Баррент подошел ближе и узнал будку робот-исповедника. Он заглянул в будку. В маленьком помещении было тесно и душно. Единственный стул стоял перед мигающей огоньками панелью.

— Доброе утро, Уилл.

Услышав мягкий механический голос, Баррент внезапно ощутил беспомощность. Он вспомнил. Этот бесстрастный голос все знал, все понимал и ничего не прощал. Голос судьи.

— Ты помнишь меня? — спросил Баррент.

— Конечно, — сказал робот-исповедник. — Ты был одним из моих прихожан, пока не попал на Омегу.

— Это ты сослал меня!

— За убийство.

— Но я не совершил преступления! — закричал Баррент. — Ты не мог не знать этого!

— Разумеется, я знал, — произнес робот-исповедник. — Но мои обязанности строго определены. Я приговариваю в соответствии со свидетельствами, а не интуицией. Сомнения толкуются в пользу обвинения.

— Против меня были показания?

— Да.

— Кто их дал?

— Я не могу открыть его имя.

— Ты должен, — сказал Баррент. — На Земле наступает другое время. Заключенные возвращаются.

— Я ожидал этого, — промолвил робот-исповедник.

— Имя! — крикнул Баррент и вытащил из кармана иглолучевик.

— Не скажу, для твоего же блага. Опасность слишком велика. Поверь мне, Уилл...

— Имя!

— Хорошо. Ты найдешь информатора на Мапп-стрит, тридцать пять. Но я искренне советую тебе не идти туда. Ты погибнешь. Ты просто не знаешь...

Баррент нажал на курок, узкий луч прорезал панель. Огоньки на ней вспыхнули и стали меркнуть, пошел серый дымок.

Баррент бывал здесь прежде. Он узнал эту улицу, обсаженную кленами и дубами. Эти фонарные столбы — его старые знакомые, та трещина в асфальте памятна ему с детства. Дома, казалось, застыли в ожидании, будто зрители последнего действия полуза забытой драмы.

Над домом № 35 нависла зловещая тишина. Баррент достал из кармана иглолучевик, тщетно стараясь подбодрить себя, и вошел в незапертую дверь.

Смутно проступали контуры мебели, тускло поблескивали картины на стенах. Сжав лучевик в руке, он ступил в следующую комнату.

И оказался лицом к лицу с информатором.

Глядя ему в глаза, Баррент вспоминал. В захлестывающем потоке памяти он видел себя: маленького мальчика, входящего в закрытый класс. Он вновь слышал убаюкивающий гул машин, в уши лился вкрадчивый голос. Сперва голос вселял ужас, то, что он предлагал, было невообразимо. Затем, постепенно, Баррент начал привыкать к голосу, как привыкал ко всем странностям закрытого класса.

Машины учили на глубоком, подсознательном уровне. Они прививали, внушали определенные нормы поведения — и блокировали верхние уровни сознания.

Чему его учили?

Ради социального блага ты должен сам себе быть свидетелем и полицейским. Ты должен нести ответственность за любое преступление, которое мог совершил.

На Баррента бесстрастно смотрел информатор — собственное лицо, отраженное в зеркале на стене.

Он донес сам на себя. Когда он стоял в тот день с оружием

в руках, глядя на убитого человека, подсознательные процессы взяли верх. Вероятность вины была слишком большой; она превратилась в саму вину. Баррент пошел к роботу-исповеднику и дал полное и убедительное свидетельство против себя самого.

Робот-исповедник вынес приговор, и Баррент, хорошо обученный, направился в ближайший Центр контроля мысли в Трентон. Частичная амнезия уже наступила, спущенная пружиной уроков закрытого класса.

Опытные техники-androиды потрудились, чтобы завершить амнезию, стереть последние остатки памяти. Как стандартный предохранитель против возможного ее возвращения, они создали логичную версию убийства и насадили слепую веру в мощь Земли.

Запrogramмированный Баррент добрался на специальном транспорте до космопорта, взошел на борт тюремного корабля и закрыл за собой дверь своей камеры. Там он спал до Контрольного Пункта, пока его не разбудили прибывшие охранники...

Уроки закрытого класса никогда не должны выйти из под сознания. В противном случае человек обязан немедленно произвести акт самоубийства.

Земле не нужна была служба безопасности, потому что в мозг каждого были вмонтированы и полицейский, и палач. Под поверхностью гуманной культуры Земли скрывалась механическая цивилизация. И понимание ее сути каралось смертью.

Именно здесь, именно сейчас началась настоящая схватка за Землю.

Заученные образцы поведения заставили Баррента поднять оружие и направить себе в голову. Вот о чем пытался его предупредить робот-исповедник, вот что видела девушка-мутантка. Прежний Баррент, машина, запrogramмированная на бездумное повиновение, был готов убить себя.

Возмужавший Баррент, прошедший школу жизни на Омеге, восстал против этого слепого желания.

Баррент против Баррента. Два человека боролись за обладание оружием, за контроль над телом, за власть над разумом.

Иглолучевик остановился в дюйме от головы. Мушка качнулась. Затем, медленно, Баррент-омегианин, Баррент-2, отвел оружие.

Его победа была недолговечной. Уроки закрытого класса швырнули Баррента-2 в яростную схватку с неумолимым и жаждущим смерти Баррентом-1.

Двух Баррентов закинуло через субъективное время в те критические точки прошлого, где смерть ждала рядом, где пересыхал поток жизни, где установилось предрасположение к гибели. Баррент-2 заново переживал эти моменты. Но на сей раз опасность была увеличена злокачественной половиной его личности – Баррентом-1.

Баррент-2 стоял под слепящим светом на обагренном кровью песке Арены, с мечом в руке. На него надвигался саунус, бронированная рептилия с ухмыляющимся лицом Баррента-1.

Он отсек чудовищу хвост, и тот превратился в трех гигантских крыс-Баррентов. Двух он убил, а третья оскалилась и до кости прокусила его левую руку. Он поразил ее мечом и смотрел, как вытекает на песок кровь Баррента-1...

...Трое оборванных мужчин сидели, смеясь, на скамье, а девушка протягивала ему оружие. "Удачи. Надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться". Баррент пробормотал слова благодарности прежде, чем заметил, что девушка перед ним – не Мозра, а мутантка, предсказавшая его гибель. Он вышел на улицу и столкнулся с тремя Хаджи.

Двое были безликими незнакомцами. Третий, Баррент-1, быстро выступил вперед и вытащил пистолет. Баррент-2 кинулся на землю и, нажав на курок своего оружия, почувствовал, как оно завибрировало в руке. Голова и плечи Баррента-1 потемнели и стали распадаться. Снова прицелившись он не успел – пистолет вырвало из руки дикой силой. Предсмертный выстрел Баррента-1 задел ствол.

Он отчаянно рванулся за оружием и, катясь вперед, заметил, как в него целился второй Хаджи, тоже с лицом Баррента. Баррент-2 почувствовал резкую боль в руке, уже прощущенной зверем, но сумел выстрелить и остался наедине с третьим. Сгорая в адском пламени поврежденных нервов, он заставил себя нажать на курок...

"Ты играешь в их игру, – говорил себе Баррент-2. – Тебя измучают и прикончат. Надо вырваться. Ведь ничего этого нет, это только в твоем воображении..."

Но думать было некогда. Он стоял в большом круглом помещении в Департаменте Юстиции. Отбрасывая черные блики, навстречу катилась металлическая машина почти в четыре фута высотой. Из сияющей огнями поверхности на него смотрело ненавистное лицо Баррента-1.

Теперь враг был в облике Макса; такой же лживый и стилизованный, как фальшивые сны о Земле. Баррент-1 выпустил гибкое суставчатое щупальце, заканчивающееся ножом. Баррент-2 уклонился, и нож царапнул по камню.

"Это не машина, и ты не на Омеге, — говорил себе Баррент-2. — Ты сражался с половиной самого себя, это смертельная иллюзия".

Но он не мог поверить. На него снова надвигался Баррент-машина, блестя зелеными капельками вещества, в котором Баррент-2 немедленно узнал контактный яд. Он бросился в сторону, стараясь избежать гибельного прикосновения.

Нейтрализатор омыл металлическую поверхность. Машина разогналась и со страшной силой ударила не успевшего отпрянуть Баррента. Он почувствовал, как затрещали ребра.

"Все это ненастоящее. Ты не на Омеге! Ты на Земле, в своем собственном доме, смотришь в зеркало!"

Но увесистая металлическая палка оказалась вполне ощущимой, когда ударила его в плечо. Баррента охватил ужас — не перед смертью вообще, а перед смертью слишком близкой, — ведь он не успел предупредить омегиан о главной опасности, таившейся глубоко в их сознании. Если бы выжить... можно было бы принять предохранительные меры...

Баррент собрал последние силы. С детства приученный нести ответственность за все общество, он не мог позволить себе умереть, когда его знания необходимы Омеге.

"Это не настоящая машина, — твердил он себе, когда Баррент-1 черной полусферой надвигался с дальнего конца помещения. Он пытался заглянуть за машину, увидеть регулярные уроки в классе, создавшем чудовище..."

Это не настоящая машина".

Он поверил.

И ударил кулаком в ненавистное лицо, отразившееся в металле. Испепеляющая боль ослепила его, и он на миг потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел, что находится у себя дома, на Земле. Рука и плечо гудели, несколько ребер, пожалуй, было сломано. Из укуса на левой руке текла кровь.

Но своей порезанной и раненой правой рукой он разбил зеркало. Зеркало и Баррента-1 — окончательно и бесповоротно.

Царская воля

Просидев два часа на корточках под приставком с посудой, Боб Грейнджеर почувствовал, что у него затекли ноги. Он щевельнулся, желая неприметно изменить позу, иувесистая клюшка для гольфа с грохотом скатилась на пол с его колен.

— Тсс, — шепнула Джейнис; она крепко сжимала железную дубинку.

— Не думаю, чтобы он появился, — сказал Боб.

— Сиди тихонько, милый, — по-прежнему шепотом ответила Джейнис, напряженно взглядываясь в темноту.

Пока еще ничто не предвещало появления вора. Но вот уже целую неделю он приходил сюда каждую ночь, таинственно похищая генераторы, холодильники и кондиционеры. Таинственно — ибо не взламывал замков, не вырезал оконных стекол и не оставлял следов. Тем не менее каким-то чудом он забирался в магазин и каждый раз наносил изрядный урон их добру.

— Вряд ли из нашей затеи что-нибудь выйдет, — зашептал Боб. — В конце концов, если человек способен унести на спине генератор весом в несколько сот фунтов...

— Ничего, управимся, — возразила Джейнис с уверенностью, благодаря которой в свое время получила звание старшего сержанта Женского мотопехотного корпуса. — Кроме того, должны же мы как-то унять его: ведь из-за этого откладывается наша свадьба.

Боб кивнул. На свои армейские сбережения они с Джейнис открыли в родном городке универсальный магазин и собирались пожениться, как только позволит доход. Однако если пропадают холодильники и кондиционеры...

— Кажется, я что-то слышу, — заметила Джейнис и перехватила дубинку поудобнее.

Где-то в магазине раздался едва уловимый шорох. Они затаили дыхание. Затем послышались приглушенные шаги — кто-то ступал по линолеуму.

— Когда он выйдет на середину зала, — прошептала Джейнис, — включай свет.

Наконец они различили в темном зале какое-то черное пятно. Боб включил свет и крикнул: "Ни с места!"

— Не может быть! — ахнула Джейнис, чуть не выронив дубинку. Боб обернулся и судорожно глотнул воздух.

Перед ними стоял детина ростом добрых три метра. На лбу его явственно проступали рожки, за спиной мотались крохотные крыльшки. Одет он был в шаровары из грубой бумажной ткани индийского производства и белый спортивный свитер с алыми буквами на груди: "Политехнический им. Иблиса". На огромных ножищах красовались поношенные белые башмаки из оленьей кожи, а светлые волосы были подстрижены бобриком.

— Проклятье! — пробормотал незваный гость, увидев Боба и Джейнис. — Так и знал, что надо было прослушать в коллеже курс невидимости.

Он обхватил руками живот и надул щеки. Мгновенно ноги его исчезли. Великан продолжал дуть изо всех сил, пока не стал невидимым живот, однако дальше дело не пошло.

— Не умею, — виновато сказал он и выдохнул весь воздух. Живот и ноги снова обозначились. — Сноровки не хватает. Проклятье!

— Чего тебе надо? — спросила Джейнис, грозно выпрямившись во все свои полтора с небольшим метра.

— Чего надо? Сейчас соображу. Ах да, вентилятор! — Он пересек зал и легко поднял с пола большой вентилятор.

— Постой! — крикнул Боб. Он подошел к гиганту, держа наготове клюшку для гольфа. Джейнис выглядывала из-за его спины. — Интересно, куда это ты с ним собрался?

— К царю Алериану, — ответил гигант. — Он возжелал владеть вентилятором.

— Ах, возжелал, вот оно что! — протянула Джейнис. — Ну-ка, поставь на место. — Она замахнулась дубинкой.

— Но ведь я тут ни при чем, — возразил молодой гигант, нервно подрагивая крыльышками. — Царь его возжелал.

— Пеняй на себя, — сквозь зубы процедила Джейнис.

После службы в армии, где она ремонтировала моторы для джипов, Джейнис была в отличной форме, несмотря на малый рост. Она хватила гиганта дубинкой; при этом ее светлые волосы беспорядочно разметались.

— Ух! — воскликнула Джейнис. Дубинка отскочила от головы странного существа, едва не свалив девушку с ног. В тот же миг Боб замахнулся клюшкой, норовя пересчитать гиганту ребра.

Клюшка прошла сквозь гиганта и, подскочив, упала на пол.

— На ферру сила не действует, — извиняющимся тоном сообщил гигант.

— На кого? — переспросил Боб.

— На ферру. Мы приходимся двоюродными братьями джиннам, а по женской линии стоим в родстве с дэвами. — Он снова направился к центру зала, зажав вентилятор в широченном кулаке. — А теперь, с вашего разрешения...

— Это демон? — От изумления Джейнис разинула рот. В детстве родители запрещали ей слушать сказки о призраках и демонах, и Джейнис выросла трезвой реалисткой. Она ловко чинила любые механизмы — таков был ее пай в деловом товариществе. Все сколько-нибудь более причудливое она предоставляла Бобу.

Боб, воспитанный на щедрых порциях Бэрроуза и "Волшебника Изумрудного Города", оказался более легковерным.

— Вы хотите сказать, что вышли из "Тысячи и одной ночи"? — спросил он.

— Да нет же, — поморщился ферра. — Арабские джинны приходятся мне двоюродными братьями. Все демоны связаны между собою узами родства, но я — ферра, из рода ферр.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, — почтительно обратился Боб к гостю, — для чего вам понадобился генератор, холодильник и кондиционер?

— С охотой и удовольствием, — ответил ферра, ставя вентилятор на пол.

Он пошарил рукой в воздухе, нашел то, что искал, и уселся на пустоту. Затем скрестил под собой ноги и зашинуровал потуже один башмак.

— Недельки три назад я окончил политехнический колледж имени Иблиса, — приступил он к своему повествованию. — И конечно, тотчас же подал заявление на государственную гражданскую службу. Исключая веков мои предки были государственными чиновниками, так уж у нас в роду повелось. Ну и вот, заявлений, как всегда, была целая куча, так что я...

— На государственную гражданскую службу? — повторил Боб.

— Ну да. Это ведь все государственные посты — даже джинн волшебной лампы Алладина были правительственным чиновником. Надо, видите ли, пройти специальные испытания...

— Не отвлекайся, — попросил Боб.

— Так вот... Поклянитесь, что это останется между нами... Я получил работу по знакомству. — Гость всыхнул от смущения, и щеки его стали оранжевыми. — Мой отец — член Совета преисподней — пустил в ход все свое влияние. Меня назначили феррой Царского кубка, обойдя 4000 ферр с ученый

степенью. Это большая часть, знаете ли.

Все помолчали, и ферра заговорил вновь.

— Надо признаться, я не был как следует подготовлен, — промолвил он печально. — Ферра кубка должен быть искусствником во всех областях демонологии. А я только-только со студенческой скамьи, да еще с посредственными отметками. Но мне, разумеется, казалось, будто я с чем угодно справлюсь.

Ферра на мгновение умолк и уселся в воздухе поудобнее.

— Однако не стоит морочить вам голову своими заботами, — опомнился он, соскакивая с воздуха на пол. — Еще раз прошу прощения...

Он поднял с пола вентилятор.

— Минуточку, — сказала Джейнис. — Это царь приказал тебе взять именно наш вентилятор?

— Отчасти, — ответил ферра, вновь окрашиваясь в оранжевый цвет.

— Скажи-ка, — поинтересовалась Джейнис, — а твой царь богат? — Пока что она решила обращаться с этим сверхъестественным явлением как с обычновенным человеком.

— Он весьма состоятельный монарх.

— В таком случае почему он не платит за это баражло деньги? — осведомилась Джейнис. — Для чего ему обязательно нужно краденое?

— Ну, — промямлил ферра, — ему просто негде купить.

“Какая-нибудь отсталая восточная страна”, — подумала Джейнис.

— Отчего бы ему не ввозить электротовары из-за границы? Любая фирма с радостью пойдет ему навстречу, — произнесла она вслух.

— Все это страшно неудобно, — уклонился от ответа ферра и потер один башмак о другой. — Жаль, что я не могу стать невидимкой.

— Выкладывай, — не отставал Боб.

— Если хотите знать, — угрюмо ответил ферра, — царь Але-риан живет в том времени, которое вы называете двухтысячным годом до вашей эры.

— Тогда каким же...

— Да погодите, — сердито сказал молодой ферра. — Я вам все объясню. — Он вытер вспотевшие руки о белый свитер. — Как я уже рассказывал, мне досталась должность ферры Царского кубка. Я, естественно, ожидал, что царь потребует драгоценных камней или прекрасных женщин — то и другое я доставил бы ему без труда. Этот раздел колдовства входит в программу первого семестра. Однако драгоценных камней у царя было достаточно, а жен больше чем достаточно, — он совершенно не знал, что с ними делать. И вот он приказал

мне — что бы вы думали? "Ферра, летом в моем дворце жарко. Створи нечто такое, что принесло бы во дворец прохладу".

Я тут же понял, что попался. Ферры учатся изменять климат лишь на специальных семинарах. Наверное, я слишком много времени убивал на беговой дорожке. Что называется, влип.

Я поспешил обратиться к Большой магической энциклопедии и посмотрел статью "Климат". Заклинания оказались для меня чересчур сложными. О том, чтобы просить помощи, не могло быть и речи. Это означало бы расписаться в собственной непригодности. Однако я вычитал, что в двадцатом веке существует искусственное управление климатом. Тогда я проник в будущее по узенькой тропинке и взял один из ваших кондиционеров. Потом царь повелел сделать так, чтобы его яства не портились, и я вернулся за холодильником. Потом...

— И все это ты подключал к генератору? — спросила Джейнис, которую занимала техническая сторона вопроса.

— Да. Я, может, не так уж силен в заклинаниях, зато в технике кое-что смыслю.

"А ведь у него концы с концами сходятся", — подумал Боб. Действительно, кто умел за 2000 лет до нашей эры создавать во дворце прохладу? За все сокровища мира нельзя было купить струю ледяного воздуха из кондиционера или холодильник, гарантирующий свежесть пищи. Однако Бобу не давала покоя мысль: что же это за демон? На ассирийского не похож. Что не египетский — ясно...

— Нет, не понимаю, — сказала Джейнис. — В прошлом? Ты имеешь в виду путешествие по времени?

— Именно. В колледже я специализировался в путешествиях по времени, — подтвердил ферра с мальчишечьи горделивой ухмылкой.

"Может быть, ацтекский, — думал тем временем Боб, — хотя это маловероятно..."

— Что ж, — посоветовала Джейнис, — обратись еще куданибудь. Почему бы тебе, например, не ограбить крупный универсальный магазин в столице?

— Ваш магазин — единственный, куда приводит тропинка во времени, — пояснил ферра.

Он поднял вентилятор.

— Мне, право же, неприятно, но если я не выдвинусь у царя Алериана, то никогда уже не получу другого назначения. Имя мое будет предано забвению.

И он исчез.

Полчаса спустя Боб и Джейнис сидели в угловой кабинке кафе, работающего круглосуточно. Они пили черный кофе и вполголоса переговаривались.

— Не верю ни единому слову! — горячилась Джейнис, к которой вернулся весь природный скепсис. — Демоны! Ферры!

— Придется тебе поверить, — устало отозвался Боб. — Ты ведь видела своими глазами.

— Не следует верить всему, что видишь, — стойко ответила Джейнис. Однако тут же она вспомнила об утраченных товарах, улетевших до доходах и о свадьбе, отодвигающейся все дальше и дальше. — Ну да ладно, — сказала она. — Ох, милый, что же нам делать?

— С магией надо бороться при помощи магии, — назидательно изрек Боб. — Завтра ночью он вернется. Уж тут-то мы подготовимся.

— Я тоже так считаю, — поддержала его Джейнис. — Я знаю, где можно одолжить винчестер...

Боб покачал головой.

— Пули отскочат от него или пройдут насквозь, не причинив вреда. Добрая, испытанные магия — вот что нам нужно. Клин клином вышибают.

— А какая именно магия? — спросила Джейнис.

— Чтобы действовать наверняка, — ответил Боб, — мы уж лучше прибегнем ко всем известным видам магии. Как жаль, что я не знаю, откуда он родом. Чтобы мы получили желательный эффект, магия должна...

— Еще кофе? — спросил внезапно выросший перед ними буфетчик.

Боб виновато взглянул на него, а Джейнис покраснела.

— Пойдем отсюда, — предложила она. — Если кто-нибудь нас подслушает, мы станем всеобщим посмешищем — хоть беги из городка.

Вечером они встретились в магазине. Весь день Боб провел в библиотеке, подбирая материал. Плодом его стараний были 25 листов, с обеих сторон покрытых неуклюжими карандашами.

— А все-таки жаль, что у нас нет винчестера, — сказала Джейнис, захватившая из секции металлических изделий шоферский домкрат.

В 23.45 появился ферра.

— Привет, — заявил он. — Где вы держите электрокамины? Царю угодно что-нибудь на зиму. Открытые очаги ему надоели. Слишком сильный сквозняк.

— Изъди во имя креста! — торжественно начал Боб и показал ферре крест.

— Проншу прощения, — любезно откликнулся гость. — Ферры с христианством не связаны.

— Изъди во имя Намтару и Тиамат! — продолжал Боб, ибо в его конспектах первой значилась Месопотамия. — Во имя обитателя пустынь Шамаша, во имя Телаля и Энлиля...

— Ага, вот они, — пробормотал ферра. — Отчего я вечно ввязываюсь в какие-то неприятности? Это электрическая модель, не газовая? Камин, похоже, малость подержанный.

— Призываю создателя лодок Рату, — нараспев затянул Боб, переключаясь на Полинезию, — и покровителя травяных передников Хину.

— Еще чего, подержанный, — обозлилась Джейнис, в душе которой деловые инстинкты взяли верх. — Гарантия на год. Безоговорочная.

— Взываю к Небесному Волку, — перешел Боб к Китаю, когда Полинезия не подействовала. — К Волку, стерегущему врата Верховного божества Шан Ди. Призываю бога грома Ли Куна...

— Постойте, ведь это инфрапечевая духовка, — сказал ферра как ни в чем не бывало. — Ее-то мне и надо. И еще ванну. У вас есть ванны?

— Зову Баала, Буэра, Форкия, Мархоция, Астарту...

— Ванны здесь, не так ли? — спросил ферра у Джейнис, и та непроизвольно кивнула. — Возьму, пожалуй, самую большую. Царь довольно крупный мужчина.

— ...Единорога, Фетида, Асмодея и Инкуба! — закончил Боб. Ферра покосился на него не без уважения.

Боб гневно призвал персидского владыку света Ормузда, а за ним — божество аммонов Молоха и божество древних филистимлян Дагона.

— Больше я, наверное, не унесу, — размышил ферра вслух.

Боб помянул Дамбаллу, потом взмолился аравийским богам. Он испробовал фессалийскую магию и заклинания Малой Азии. Он пытался растрогать малайских духов и расшевелить ацтекских идолов. Он двинул в бой Африку, Мадагаскар, Индию, Ирландию, Малайю, Скандинавию и Японию.

— Это внушительно, — признал ферра, — но все равно ни к чему не приведет. — Он взвалил на себя ванну, духовку и камин.

— А почему? — задохнулся от изумления Боб, который совершенно выбился из сил.

— Видишь ли, на ферр действуют только заклинания родной страны. Точно так же джинны подчиняются лишь магическим законам Аравии. Кроме того, ты не знаешь, как меня зовут; уверяю тебя, немногого добьешься, изгоняя демона, имя которого тебе неизвестно.

— Из какой же ты страны? — спросил Боб, вытирая пот со лба.

— Э, нет! — спохватился ферра. — Зная страну, ты можешь отыскать против меня верное заклинание. А у меня и так хлопот полон рот.

— Послушай, — вмешалась Джейнис. — Если царь так богат, отчего бы ему не расплатиться с нами?

— Царь никогда не платит за то, что может получить даром, — ответил ферра. — Поэтому он и богат.

Боб и Джейнис пронзили его яростным взглядом, поняв, что свадьба уплывает в неопределенное будущее.

— Завтра ночью увидимся. — С этими словами ферра дружелюбно помахал рукой и исчез.

— Ну и ну, — сказала Джейнис, когда ферра скрылся. — Что же теперь делать? У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

— Решительно никаких, — ответил Боб, тяжело опускаясь на тахту.

— Может, еще нажмем на магию? — спросила Джейнис с легчайшей примесью иронии.

— Ничего не выйдет, — отрезал Боб. — Ни в одной энциклопедии я не нашел слов "ферра" и "царь Алериан". Он, наверное, из тех краев, о каких мы и слыхом не слыхивали. Возможно, из какого-нибудь карликового княжества в Индии.

— Везет как утошленникам, — пожаловалась Джейнис, отбросив иронический тон. — Что же нам делать? В следующий раз ему, я думаю, понадобится пылесос, а потом магнитофон.

Она закрыла глаза и стала сосредоточенно думать.

— Он и впрямь лезет из кожи вон, лишь бы только выдвинуться, — заметил Боб.

— Я, кажется, придумала, — объявила Джейнис, открывая глаза.

— Что именно?

— На первом месте для нас должна быть *наша* торговля и *наша* свадьба. Правильно?

— Правильно, — ответил Боб.

— Ладно. Пусть я не бог весть какой мастак в заклинаниях, — подытожила Джейнис, засучив рукава, — зато в технике я разбираюсь. Живо, за работу.

На следующие сутки ферра нанес им визит без четверти одиннадцать. На госте был все тот же белый свитер, но башмаки из оленьей кожи он сменил на рыжевато-коричневые мокасины.

— Нынче царь меня торопит, как никогда, — сказал он. — Новая жена всю душу из него вымотала. Оказывается, ее наряды выдерживают только одну стирку. Рабы колотят их о камень.

— Понятно, — сочувственно произнес Боб.

— Бери, пожалуйста, не стесняйся, — предложила Джейнис.

— Это страшно любезно с вашей стороны, — с признаком

ностью вымоловил ферра. — Поверьте, я способен это оценить. — Он выбрал стиральную машину. — Царица ждет. — И ферра скрылся.

Боб предложил Джейнис сигаретку. Они уселись на кушетку и стали ждать. Через полчаса ферра появился вновь.

— Что вы натворили? — спросил он.

— А что случилось? — невинно откликнулась Джейнис.

— Стиральная машина! Когда царица ее включила, оттуда вырвалось облако зловонного дыма. Затем раздался какой-то чудной звук, и машина остановилась.

— На нашем языке, — прокомментировала Джейнис, пустив кольцо дыма, — это называется "машинка с фокусом".

— С фокусом?

— С "покупкой". С сюрпризом. С изъянцем. Как и все остальное в нашем магазине.

— Но вы же не имеете права! — воскликнул ферра. — Это нечестно!

— Ты такой способный, — ядовито ответила Джейнис. — Валяй, чини.

— Я похвастал, — смириенно промолвил ферра. — Вообще-то я гораздо сильнее в спорте.

Джейнис улыбнулась и зевнула.

— Да полноте, — умолял ферра, нервно подрагивая крыльшками.

— Очень жаль, но я ничем не могу помочь, — сказал Боб.

— Вы ставите меня в ужасное положение, — не унимался ферра, — меня понизят в должности. Вышвырнут с государственной службы.

— Но мы ведь не можем допустить своего разорения, правда? — спросила Джейнис.

С минуту Боб размышлял.

— Послушай-ка, — предложил он. — Почему бы тебе не доложить царю, что ты столкнулся с мощной antimагией? Скажи, что, если ему нужны эти товары, пусть платит пошлину демонам преисподней.

— Ему это придется не по нраву, — с сомнением произнес ферра.

— Во всяком случае, попытайся, — предложил Боб.

— Попытаюсь, — сказал ферра и исчез.

— Как по-твоему, сколько можно запросить? — нарушила молчание Джейнис.

— Да посчитай ему по стандартным розничным ценам. В конце концов, мы создавали магазин в расчете на честную торговлю. Мы ведь не собирались проводить дискриминацию. А все же хотел бы я знать, откуда он родом.

— Царь так богат, — мечтательно проговорила Джейнис. — По-моему, просто грех не...

— Постой! — вскричал Боб. — Это невозможно! Разве в 2000 году до нашей эры мыслимы холодильники? Или кондиционеры?

— Что ты имеешь в виду?

— Это изменило бы весь ход истории! — объяснил Боб. — Посмотрит какой-нибудь умник на эти штуки и смекнет, как они действуют. И тогда изменится весь ход истории!

— Ну и что? — спросила практичная Джейнис.

— Что? Да то, что научный поиск пойдет по другому пути. Изменится настоящее.

— Ты хочешь сказать, что это невозможно?

— Да!

— Именно это я все время и говорила, — торжествующе заметила Джейнис.

— Да перестань, — обиделся Боб. — Надо было подумать обо всем раньше. Из какой бы страны этот ферра не происходил, она обязательно окажет влияние на будущее. Мы не вправе создавать парадокс.

— Почему? — спросила Джейнис, но в это мгновение появился ферра.

— Царь изъявил согласие, — сообщил он. — Хватит ли этого в уплату за все, что я у вас брал? — Он протянул маленький мешочек.

Высыпав содержимое из мешочка, Боб обнаружил две дюжины крупных рубинов, изумрудов и бриллиантов.

— Мы не можем их принять, — заявил Боб. — Мы не можем вести с тобой дела.

— Не будь суеверным! — вскричала Джейнис, видя, что свадьба вновь ускользает.

— А, собственно, почему? — спросил ферра.

— Нельзя отправлять современные вещи в прошлое, — пояснил Боб. — Иначе изменится настоящее. Или перевернется мир, или еще какая-нибудь напасть приключится.

— Да ты об этом не беспокойся, — примирительно сказал ферра. — Ничего не случится, я гарантирую.

— Как знать? Ведь если бы ты привез стиральную машину в Древний Рим...

— К несчастью, — вставил ферра, — государство царя Алерiana лишено будущего.

— Не можешь ли разъяснить свою мысль?

— Запросто. — Ферра уселся в воздухе. — Через три года царь Алерian и его страна будут совершенно и безвозвратно стерты с лица земли силами природы. Не уцелеет ни один человек. Не сохранится ни единого глиняного черепка.

— Отлично, — заключила Джейнис, поднеся рубин к свету. — Нам бы лучше разгрузиться, пока он еще заключает сделки.

— Тогда, пожалуй, другое дело, — сказал Боб. Их магазин был спасен. Пожениться они могли хоть завтра. — А что же станет с тобой? — спросил он ферру.

— Ну что ж, я недурно показал себя на этой работе, — ответил ферра. — Скорее всего, попрошусь в заграничную командировку. Я слыхал, что перед арабским колдовством открываются необозримые перспективы.

Он благодушно провел рукой по светлым, коротко подстриженным волосам.

— Я буду наведываться, — предупредил он и начал исчезать.

— Минуточку, — вскочил Боб. — Не скажешь ли ты, из какой страны ты явился? И где правит царь Алериан?

— Пожалуйста, — ответил ферра, у которого была видна только голова. — Я думал, вы догадались. Ферры — это демоны Атлантиды.

С этими словами он исчез.

Мусорщик на Лорее

— Совершенно невозможно, — категорически заявил профессор Карвер.

— Но ведь я видел своими глазами! — уверял Фред, его помощник и телохранитель. — Сам видел, вчера ночью! Принесли охотника — ему наполовину снесло голову, — и они...

— Погоди, — прервал его профессор Карвер, склонив голову в выжидательной позе.

Они вышли из звездолета перед рассветом, чтобы полюбоваться на обряды, совершаемые перед восходом солнца в селении Лорей на планете того же названия. Обряды, сопровождающие восход солнца, если наблюдать их с далекого расстояния, зачастую очень красочны и могут дать материал на целую главу исследования по антропологии; однако Лорей, как обычно, оказался досадным исключением.

Солнце взошло без грома фанфар, вняв молитвам, вознесенным накануне вечером. Медленно поднялась над горизонтом темно-красная громада, согрев верхушки дремучего леса дождь-деревьев, среди которых стояло селение. А туземцы крепко спали...

Однако не все. Мусорщик был уже на ногах и теперь ходил с метлой вокруг хижин. Он медленно передвигался шаркающей походкой — нечто похожее на человека и в то же время невыразимо чуждое человеку. Лицо мусорщика напоминало стилизованную болванку, словно природа сделала черновой набросок разумного существа. У мусорщика была

причудливая, шишковатая голова и грязно-серая кожа.

Подметая, он тихонько напевал что-то хриплым, гортанным голосом. От собратьев-лореян мусорщика отличала единственная примета: лицо его пересекала широкая полоса черной краски. То была социальная метка, метка принадлежности к низшей ступени в этом примитивном обществе.

— Итак, — заговорил профессор Карвер, когда солнце взошло без всяких происшествий, — явление, которое ты мне описал, невероятно. Особенно же невероятно оно на такой жалкой, захудалой планетке.

— Сам видел, никуда не денешься, — настаивал Фред. — Вероятно или невероятно — это другой вопрос. Но видел. Вы хотите замять разговор — дело ваше.

Он прислонился к сучковатому стволу стабикуса, скрестил руки на впалой груди и метнул злобный взгляд на соломенные крыши хижин. Фред находился на Лорее почти два месяца и день ото дня все больше ненавидел селение.

Это был хилый, неказистый молодой человек, "бобрик" невыгодно подчеркивал его низкий лоб. Вот уже почти десять лет Фред сопровождал профессора во всех странствиях, объездил десятки планет и насмотрелся всевозможных чудес и диковин. Однако чем больше он видел, тем сильнее укреплялось в нем презрение к Галактике как таковой. Ему хотелось лишь одного: вернуться домой, в Байону, штат Нью-Джерси, богатым и знаменитым или хотя бы безвестным, но богатым.

— Здесь можно разбогатеть, — произнес Фред тоном обвинителя. — А вы хотите все замять.

Профессор Карвер в задумчивости поджал губы. Разумеется, мысль о богатстве приятна. Тем не менее профессор не собирался прерывать важную научную работу ради погони за журавлем в небе. Он заканчивал свой великий труд — книгу, которой предстояло полностью подтвердить и обосновать тезис, выдвинутый им в самой первой своей статье, — "Дальтонизм среди народов Танга". Этот тезис он позднее развернул в книге "Недостаточность координации движений у рас Дранга". Профессор подвел итоги в фундаментальном исследовании "Дефекты разума в Галактике", где убедительно доказал, что разумность существует внеземного происхождения уменьшается в арифметической прогрессии, по мере того как расстояние от Земли возрастает в геометрической прогрессии.

Тезис этот расцвел пышным цветом в последней работе Карвера, которая суммировала все его научные изыскания и называлась "Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас".

— Если ты прав... — начал Карвер.

— Смотрите! — воскликнул Фред. — Другого несут! Увидите сами!

Профессор Карвер заколебался. Этот дородный, представительный, краснощекий человек двигался медленно и с достоинством. Одет он был в форму тропических путешественников, несмотря на то что Лорей отличался умеренным климатом. Профессор не выпускал из рук хлыста, а на боку у него был крупнокалиберный револьвер — точь-в-точь как у Фреда.

— Если ты не ошибся, — медленно проговорил Карвер, — это для них, так сказать, немалое достижение.

— Пойдемте! — сказал Фред.

Четыре охотника за шрэгами несли раненого товарища к лекарственной хижине, и Карвер с Фредом зашагали следом. Охотники заметно выбились из сил: должно быть, их путь к селению длился не день и не два, так как обычно они углубляются в самые дебри дождь-лесов.

— Похож на покойника, а? — прошептал Фред.

Профессор Карвер кивнул. С месяц назад ему удалось сфотографировать шрэга в выигрышном ракурсе, на вершине высокого, кряжистого дерева. Он знал, что шрэг — это крупный, злобный и быстроногий хищник, наделенный ужасающим количеством когтей, клыков и рогов. Кроме того, это единственная на планете дичь, мясо которой не запрещают есть бесчисленные табу. Туземцам приходится либо убивать шрэгов, либо гибнуть с голоду.

Однако, как видно, этот охотник недостаточно ловко орудовал копьем и щитом, и шрэг распорол его от горла до таза. Несмотря на то что рану сразу же перевязали сушеными листьями, охотник истек кровью. К счастью, он был без сознания.

— Ему ни за что не выжить, — изрек Карвер. — Просто чудо, что он дотянул до сих пор. Одного шока достаточно, не говоря уж о глубине и протяженности раны...

— Вот увидите, — пообещал Фред.

Внезапно селение пробудилось. Мужчины и женщины, серокожие, с шишковатыми головами, молчаливо провожали взглядами охотников, направляющихся к лекарственной хижине. Мусорщик тоже прервал работу, чтобы поглядеть. Единственный в селении ребенок стоял перед родительской хижиной и, засунув большой палец в рот, глазел на шествие. На встречу охотникам вышел лекарь Дег, успевший надеть ритуальную маску. Собрались плясуны-исцелители — они торопливо накладывали на лица грим.

— Ты думаешь, удастся его залатать, док? — спросил Фред.

— Будем надеяться, — благочестиво ответил Дег.

Все вошли в тускло освещенную лекарственную хижину.

Раненого лореянина бережно уложили на травяной тюфяк, и плясуны начали перед ним обрядовое действие. Дег затянул торжественную песнь.

— Ничего не получится, — сказал Фреду профессор Карвер с бескорыстным интересом человека, наблюдающего за работой парового экскаватора. — Слишком поздно для исцеления верой. Прислушайся к его дыханию. Не кажется ли тебе, что оно становится менее глубоким?

— Совершенно верно, — ответил Фред.

Дег окончил свою песнь и склонился над раненым охотником. Лореянин дышал с трудом, все медленнее и неувереннее...

— Пора! — вскричал лекарь. Он достал из мешочка маленькую деревянную трубочку, вытащил пробку и поднес к губам умирающего. Охотник выпил содержимое трубочки. И вдруг...

Карвер захлопал глазами, а Фред торжествующе усмехнулся. Дыхание охотника стало глубже. На глазах у землян страшная рваная рана превратилась в затянувшийся рубец, потом в тонкий розовый шрам и, наконец, в почти незаметную белую полоску.

Охотник сел, почесал в затылке, глуповато ухмыльнулся и сообщил, что ему хочется пить, и лучше бы ему выпить чего-нибудь хмельного.

Тут же, на месте, Дег торжественно открыл празднество.

Карвер и Фред отошли на опушку дождь-леса, чтобы посвещаться. Профессор шагал словно лунатик, выпятив отвислую нижнюю губу и время от времени покачивая головой.

— Ну так как? — спросил Фред.

— По всем законам природы этого не должно быть, — ошеломленно пробормотал Карвер. — Ни одно вещество на свете не дает подобной реакции. А прошлой ночью ты тоже видел, как оно действовало?

— Конечно, черт возьми, — подтвердил Фред. — Принесли охотника — голова у него была наполовину оторвана. Он проглотил эту штуковину и исцелился прямо у меня на глазах.

— Вековая мечта человечества, — размышил вслух профессор Карвер. — Панацея от всех болезней.

— За такое лекарство мы могли бы заломить любую цену, — сказал Фред.

— Да, могли бы... а кроме того, мы бы исполнили свой долг перед наукой, — строго одернул его профессор Карвер. — Да, Фред, я тоже думаю, что надо получить некоторое количество этого вещества.

Они повернулись и твердым шагом направились обратно в селение.

Там в полном разгаре были пляски, исполняемые предста-

вителями различных родовых общин. Когда Карвер и Фред вернулись, плясали саттохани — последователи культа, обожествляющего животное средней величины, похожее на оленя. Их можно было узнать по трем красным точкам на лбу. Своей очереди дожидались дресфейд и таганы, названные по именам других лесных животных. Звери, которых тот или иной род считал своими покровителями, находились под защитой табу, и убивать их было строжайше запрещено. Карверу никак не удавалось найти рационалистическое толкование обычая туземцев. Лореяне упорно отказывались поддерживать разговор на эту тему.

Лекарь Дег снял ритуальную маску. Он сидел у входа в лекарственную хижину и наблюдал за плясками. Когда земляне приблизились к нему, он встал.

— Мир вам! — произнес он слова приветствия.

— И тебе тоже, — ответил Фред. — Недурную работу ты проделал с утра.

Дег скромно улыбнулся.

— Боги снизошли к нашим молитвам.

— Боги? — переспросил Карвер. — А мне показалось, что большая часть работы пришлась на долю сыворотки.

— Сыворотки? Ах, сок серси! — Выговаривая эти слова, Дег сопроводил их ритуальным жестом, исполненным благоговения. — Да, сок серси — это мать всех лореян.

— Нам бы хотелось купить его, — без обиняков сказал Фред, не обращая внимания на то, как неодобрительно насупился профессор Карвер. — Сколько ты возьмешь за галлон?

— Приношу вам свои извинения, — ответил Дег.

— Как насчет красивых бус? Или зеркал? Может быть, вы предпочитаете парочку стальных ножей?

— Этого нельзя делать, — решительно отказался лекарь. — Сок серси священен. Его можно употреблять только ради исцеления, угодного богам.

— Не заговаривай мне зубы, — процедил Фред, и сквозь нездоровую желтизну его щек пробился румянец. — Ты, ублюдок, воображаешь, что тебе удастся...

— Мы вполне понимаем, — вкрадчиво сказал Карвер. — Нам известно, что такое священные предметы. Что священно, то священно. К ним не должны прикасаться недостойные руки.

— Вы сошли с ума, — шепнул Фред по-английски.

— Ты мудрый человек, — с достоинством ответил Дег. — Ты понимаешь, почему я должен вам отказать.

— Конечно. Но по странному совпадению, Дег, у себя на родине я тоже занимаюсь врачеванием.

— Вот как? Я этого не знал!

— Это так. Откровенно говоря, в своей области я слыву самым искусным лекарем.

— В таком случае ты, должно быть, очень святой человек, — сказал Дег, склонив голову.

— Он и вправду святой, — многозначительно вставил Фред. — Самый святой из всех, кого тебе суждено здесь видеть.

— Пожалуйста, не надо, Фред, — попросил Карвер и опустил глаза с деланным смущением. Он обратился к лекарю: — Это верно, хоть я и не люблю, когда об этом говорят. Вот почему в данном случае, сам понимаешь, не будет грехом дать мне немного сока серси. Напротив, твой жреческий долг призывает тебя поделиться со мной этим соком.

Лекарь долго раздумывал, и на его почти гладком лице едва уловимо отражались противоречивые чувства. Наконец он сказал:

— Наверное, все это правда. Но, к несчастью, я не могу исполнить вашу просьбу.

— Почему же?

— Потому что сока серси очень мало, просто до ужаса мало. Его еле хватит на наши нужды.

Дег печально улыбнулся и отошел.

Жизнь селения продолжалась своим чередом, простая и неизменная. Мусорщик медленно обходил улицы, подметая их своей метлой. Охотники отправлялись лесными тропами на поиски шрэгов. Женщины готовили пищу и присматривали за единственным в селении ребенком. Жрецы и шлисуны каждый вечер молились, чтобы поутру взошло солнце. Все были по-своему, покорно и смиренно, довольны жизнью.

Все, кроме землян.

Они провели еще несколько бесед с Дегом и исподволь выведали всю подноготную о соке серси и связанных с ним трудностях.

Растение серси — это низкорослый, чахлый кустарник. В естественных условиях оно растет плохо. Кроме того, оно противится искусенному разведению и совершенно не выносит пересадки. Остается только тщательно выпальывать сорняки вокруг серси и надеяться, что оно расцветет. Однако в большинстве случаев кусты серси борются за существование год-другой, а затем хиреют. Лишь немногие расцветают, и уж совсем немногие живут достаточно долго, чтобы дать характерные красные ягоды.

Из ягод серси выжимают эликсир, который для населения Лорея означает жизнь.

— При этом надо помнить, — сказал Дег, — что кусты серси встречаются редко и на больших расстояниях друг от друга. Иногда мы ищем месяцами, а находим один-единственный кустик с ягодами. А ягоды эти спасут жизнь только одному лореянину, от силы двум.

— Печально, — посочувствовал Карвер. — Но, несомненно, усиленное удобрение почвы...

— Все уже пробовали.

— Я понимаю, — серьезно сказал Карвер, — какое огромное значение придаете вы соку серси. Но если бы вы удалили нам малую толику — пинту-другую, мы отвезли бы его на Землю, исследовали и постарались синтезировать. Тогда вы получили бы его в неограниченном количестве.

— Но мы не решаемся расстаться даже с каплей. Вы заметили, как мало у нас детей?

Карвер кивнул.

— Дети рождаются очень редко. Вся жизнь у нас — непрерывная борьба нашей расы за существование. Надо сохранять жизнь каждому лореянину, до тех пор пока на смену ему не появится дитя. А этого можно достигнуть лишь благодаря неустанным и нескончаемым поискам ягод серси. И вечно их не хватает. — Лекарь вздохнул. — Вечно не хватает.

— Неужели этот сок излечивает все? — спросил Фред.

— Да, и даже больше. У того, кто отведал серси, прибавляется пятьдесят лет жизни.

Карвер широко раскрыл глаза. На Лорее пятьдесят лет приблизительно равны шестидесяти трем земным годам.

Серси — не просто лекарство, заживающее раны, не просто средство, содействующее регенерации! Это и напиток долголетия!

Он помолчал, обдумывая перспективу продления своей жизни на шестьдесят лет, затем спросил:

— А что будет, если по истечении этих пятидесяти лет лореянин опять примет серси?

— Не известно, — ответил Дег. — Ни один лореянин не станет принимать серси вторично, когда его и так слишком мало.

Карвер и Фред переглянулись.

— А теперь выслушай меня внимательно, Дег, — сказал профессор Карвер и заговорил о священном долге перед наукой. Наука, объяснил он лекарю, превыше расы, превыше веры, превыше религии. Развитие науки превыше самой жизни. В конце концов, если и умрут еще несколько лореян, что с того? Так или иначе, рано или поздно им не миновать смерти. Важно, чтобы земная наука получила образчик сока серси.

— Может быть, твои слова и справедливы, — отозвался Дег, — но мой выбор ясен. Как жрец религии саннигериат, я унаследовал священную обязанность охранять жизнь нашего народа. Я не нарушу своего долга.

Он повернулся и ушел. Земляне вернулись в звездолет ни с чем.

Выпив кофе, профессор Карвер открыл ящик письменного стола и извлек оттуда рукопись "Скрытые причины врож-

денной неполноценности внеземных рас". Любовно перечитал он последнюю главу, специально трактующую вопрос о комплексе неполноценности у жителей Лорея. Потом профессор Карвер отложил рукопись в сторону.

— Почти готова, Фред, — сообщил он помощнику. — Работы осталось на недельку — ну, самое большее, на две!

— Угу, — промычал Фред, рассматривая селение через иллюминатор.

— Вопрос будет исчерпан, — провозгласил Карвер. — Книга раз и навсегда докажет прирожденное превосходство жителей Земли. Мы неоднократно подтверждали свое превосходство силой оружия, Фред, доказывали его и мощью передовой техники. Теперь оно доказано силой бесстрастной логики.

Фред кивнул. Он знал, что профессор цитирует предисловие к своей книге.

— Ничто не должно стоять на пути великого дела, — сказал Карвер. — Ты согласен с этим, не правда ли?

— Ясно, — рассеянно подтвердил Фред. — Книга прежде всего. Поставьте ублюдков на место.

— Я, собственно, не это имел в виду. Но ты ведь знаешь, что я хочу сказать. При создавшихся обстоятельствах, быть может, лучше выкинуть серси из головы. Быть может, надо ограничиться завершением начатой работы.

Фред обернулся и заглянул хозяину в глаза.

— Профессор, как вы думаете, сколько вам удастся выжать из этой книги?

— А? Ну что ж, последняя, если помнишь, разошлась совсем неплохо. На эту спрос будет еще больше. Десять, а то и двадцать тысяч долларов! — Он позволил себе чуть заметно улыбнуться. — Мне, видишь ли, повезло в выборе темы. На Земле широкие круги читателей явно интересуются этим вопросом, что весьма приятно для ученого.

— Допустим даже, что вы извлечете из нее пятьдесят тысяч. Курочка по зернышку клюет. А знаете ли вы, сколько можно заработать на пробирке с соком серси?

— Сто тысяч? — неуверенно предположил Карвер.

— Вы смеетесь! Представьте себе, что умирает какой-нибудь богач, а у нас есть единственное лекарство, способное его вылечить. Да он вам все отдаст! Миллионы!

— Полагаю, ты прав, — согласился Карвер. — И мы внесли бы неоценимый вклад в науку. Но, к сожалению, лекарь ни за что не продаст нам ни капли.

— Покупка — далеко не единственный способ поставить на своем. — Фред вынул револьвер из кобуры и пересчитал патроны.

— Понятно, понятно, — проговорил Карвер, и его румяные щеки слегка побледнели. — Но вправе ли мы...

— А вы-то как думаете?

— Что ж, они *безусловно* неполноценны. Полагаю, я привел достаточно убедительные доказательства. Можно смело утверждать, что в масштабе Вселенной их жизнь недорого стоит. Гм, да... да, Фред, таким препаратом мы могли бы спасти жизнь землянам!

— Мы могли бы спасти собственную жизнь, — заметил Фред. — Кому охота загнуться раньше срока?

Карвер встал и решительно расстегнул кобуру своего револьвера.

— Помни, — сказал он Фреду, — мы идем на это во имя науки и ради Земли.

— Вот именно, профессор, — ухмыльнулся Фред и двинулся к люку.

Они отыскали Дега вблизи лекарственной хижины. Карвер заявил без всяких предисловий:

— Нам необходимо получить сок серси.

— Я вам уже объяснял, — удивился лекарь. — Я рассказал вам о причинах, по которым это невозможно.

— Нам нужно во что бы то ни стало, — поддержал шефа Фред. Он выхватил из кобуры револьвер и свирепо взглянул на Дега.

— Нет.

— Ты думаешь, я шутки шучу? — нахмурился Фред. — Ты знаешь, что это за оружие?

— Я видел, как вы стреляете.

— Ты, может, думаешь, что я постесняюсь выстрелить в тебя?

— Я не боюсь. Но серси ты не получишь.

— Буду стрелять! — исступленно заорал Фред. — Клянусь, буду стрелять!

За спиной лекаря медленно собирались жители Лорея. Серокожие, с щицковатыми черепами, они молча занимали свои места; охотники держали в руках копья, прочие селяне были вооружены ножами и камнями.

— Вы не получите серси, — сказал Дег.

Фред неторопливо прицелился.

— Полноте, Фред, — обеспокоился Карвер, — тут их целая куча... Стоит ли...

Тощее тело Фреда подобралось, палец побелел и напрягся на курке. Карвер закрыл глаза.

Наступила мертвая тишина.

Вдруг раздался выстрел.

Карвер опасливо открыл глаза.

Лекарь стоял, как прежде, только дрожали его колени. Фред оттягивал курок. Селяне безмолвствовали. Карвер не сразу сообразил, что произошло. Наконец он заметил мусорщика.

Мусорщик лежал, уткнувшись лицом в землю, все еще скимая метлу в вытянутой левой руке; ноги его слабо подергивались. Из дыры, которую Фред аккуратно пробил у него во лбу, струилась кровь.

Дег склонился над мусорщиком, но тут же выпрямился.

— Скончался, — сказал лекарь.

— Это только цветочки, — пригрозил Фред, нацеливаясь на какого-то охотника.

— Нет! — вскричал Дег.

Фред посмотрел на него, вопросительно подняв брови.

— Отдам тебе сок, — пояснил Дег. — Отдам тебе весь наш сок серси. Но вы оба тотчас же покинете Лорей!

Он бросился в хижину и мгновенно вернулся с тремя деревянными трубочками, которые сунул Фреду в ладонь.

— Порядочек, профессор, — сказал Фред. — Надо сматываться.

Они прошли мимо молчаливых селян, направляясь к звездолету. Вдруг мелькнуло что-то яркое, блеснув на солнце. Фред взвыл от боли и выронил револьвер. Профессор Карвер поспешил подобрал его.

— Какой-то недоносок зацепил меня, — сказал Фред. — Дайте револьвер!

Описав кругую дугу, у их ног зарылось в землю копье.

— Их слишком много, — рассудительно заметил Карвер. — Прибавим шагу!

Они пустились к звездолету и, хотя вокруг свистели копья и ножи, добрались благополучно и задраили за собой люк.

— Дешево отделались, — сказал Карвер, переводя дыхание, и прислонился спиной к люку. — Ты не потерял сыворотку?

— Вот она, — ответил Фред, потирая руку. — Черт!

— Что случилось?

— Рука онемела.

Карвер осмотрел рану, глубокомысленно поджал губы, но ничего не сказал.

— Онемела, — повторил Фред. — Уж не отправлены ли у них копья?

— Вполне возможно, — допустил профессор Карвер.

— Отравлены! — завопил Фред. — Глядите, рана уже меняет цвет!

Действительно, по краям рана почернела и приобрела гангренозный вид.

— Сульфидин, — порекомендовал Карвер. — И пенициллин. Не о чем беспокоиться, Фред. Современная фармакология Земли...

— ...может вовсе не подействовать на этот яд. Откройте одну трубочку!

— Но, Фред, — возразил Карвер, — наши запасы сока крайне ограничены. Кроме того...

— К чертовой матери! — разъярился Фред. Здоровой рукой он взял одну трубочку и вытащил пробку зубами.

— Погоди, Фред!

— Еще чего!

Фред осушил трубочку и бросил ее на пол. Карвер с раздражением произнес:

— Я хотел только подчеркнуть, что следовало бы подвергнуть сыворотку испытаниям, прежде чем пробовать ее на землянах. Мы ведь не знаем, как реагирует человеческий организм на это вещество. Я желал тебе добра.

— Как же, желали, — насмешливо ответил Фред. — Поглядите лучше, как действует это лекарство.

Почерневшая рана снова приобрела цвет здоровой плоти и теперь затягивалась. Вскоре осталась лишь белая полоска шрама. Потом и она исчезла, а на ее месте винделась упругая розовая кожа.

— Хорошая штука, а? — шумно радовался Фред, и в голосе его чуть заметно проскальзывали истеричные нотки. — Действует, профессор, действует! Выпей и ты, друг, живи еще пятьдесят лет! Как ты думаешь, удастся нам синтезировать эту штуку? Ей цена — миллион, десять миллионов, миллиард! А если не удастся, то всегда есть добрый старый Лоре! Можно наведываться каждые полсотни годков или около того для заправки! Она и на вкус приятна, профессор. Точь-в-точку как... что случилось?

Профессор Карвер уставился на Фреда широко раскрытыми от изумления глазами.

— В чем дело? — с усмешкой спросил Фред. — Швы, что ли, перекосились? На что вы тут глазеете?

Карвер не отвечал. У него дрожали губы. Он медленно попятился.

— Какого черта, что случилось?

Фред метнул на профессора яростный взгляд, затем бросился в носовую часть звездолета и посмотрелся в зеркало.

— Что со мной стряслось?

Карвер пытался заговорить, но слова застряли в горле. Не отрываясь следил он, как черты Фреда медленно изменяются, слаживаются, смазываются, словно природа делает черновой набросок разумной жизни. На голове у Фреда пропадали причудливые шишкы. Цвет кожи медленно превращался из розового в серый.

— Я же советовал тебе выждать, — вздохнул Карвер.

— Что происходит? — испуганно прошептал Фред.

— Видишь ли, — ответил Карвер, — должно быть, тут налицо остаточный эффект серси. Рождаемость на Лорее, сам

знаешь, практически отсутствует. Даже при всех целебных свойствах серси эта раса должна была давным-давно вымереть. Так и случилось бы, не обладай серси и иными свойствами — способностью превращать низшие формы животной жизни в высшую — в разумных лореян.

— Бредовая идея!

— Рабочая гипотеза, основанная на утверждении Дега, что серси — мать всех лореян. Боюсь, что в этом кроется истинное значение культа зверей и причина наложенных на них табу. Различные животные, наверное, были родоначальниками определенных групп лореян, а может быть, и всех лореян. Даже разговоры на эту тему объявлены табу; в туземцах явно укоренилось ощущение глубокой неполноценности, оттого что они слишком недавно вышли из животного состояния.

Карвер устало потер лоб.

— Можно предполагать, — продолжал он, — что соку серси принадлежит немалая роль в жизни всей расы. Рассуждая теоретически...

— К черту теории, — буркнул Фред, с ужасом обнаруживая, что голос его стал хриплым и гортанным, как у лореян. — Профессор, сделайте что-нибудь!

— Не в моих силах что-либо сделать.

— Может, наука Земли...

— Нет, Фред, — тихо сказал Карвер.

— ЧТО?

— Фред, прошу тебя, постараися понять. Я не могу взять тебя на Землю.

— Что вы имеете в виду? Вы, должно быть, спятили!

— Отнюдь нет. Как я могу привезти тебя с таким фантастическим объяснением? Все будут считать, что твоя история — не что иное, как грандиозная мистификация.

— Но...

— Не перебивай! Никто мне не поверит. Скорее поверят, что ты необычайно смугленький лореянин. Одним лишь своим присутствием, Фред, ты опровергнешь отправной тезис моей книги!

— Не может того быть, чтоб вы меня бросили, — пролепетал Фред. — Вы этого не сделаете.

Профессор Карвер все еще держал в руках оба револьвера.

Он сунул один из них за пояс, а второй навел на Фреда.

— Я не собираюсь подвергать опасности дело всей своей жизни. Уходи отсюда, Фред.

— Нет!

— Я не шучу. Пошел вон, Фред.

— Не уйду! Вам придется стрелять!

— Надо будет — выстрелю, — заверил его Карвер. — Пристрелю и выкину.

Он прицелился.

Фред попытился к люку, снял запоры, открыл его.

Снаружи безмолвно ждали селяне.

— Что они со мной сделают?

— Мне, право, жаль, Фред, — сказал Карвер.

— Не пойду! — взвизгнул Фред и обеими руками вцепился в проем люка.

Карвер столкнул его в руки ожидающей толпы, а вслед ему сбросил две оставшиеся трубочки с соком серси.

После этого Карвер поспешил задраил люк, не желая видеть дальнейшее.

Не прошло и часа, как он уже вышел из верхних слоев атмосферы.

Когда он вернулся на Землю, его книгу "Скрытые причины врожденной неполноты внеземных рас" провозгласили исторической вехой в сравнительной антропологии. Однако почти сразу пришлось столкнуться с кое-какими осложнениями.

На Землю вернулся некий капитан-астронавт по фамилии Джонс, который утверждал, что обнаружил на планете Лорея туземца, во всех отношениях не уступающего жителю Земли. В доказательство своих слов капитан Джонс проигрывал магнитофонные записи и демонстрировал киноленты.

В течение некоторого времени тезис Карвера казался сомнительным, пока Карвер лично не изучил вещественные доказательства противника. Тогда он с беспощадной логикой заявил, что так называемый сверхлореянин, это совершенство с Лорея, этот, с позволения сказать, ровня жителям Земли, находится на самой низшей иерархической ступени Лорея: он — мусорщик, о чем ясно говорит широкая черная полоса на его лице.

Капитан-астронавт не стал оспаривать это утверждение.

Отчего же, заявлял Карвер, этому сверхлореянину, несмотря на все его хваленые способности, не удалось достигнуть хоть сколько-нибудь достойного положения в том жалком обществе, в котором он живет?

Этот вопрос заткнул рты капитану и его сторонникам и, можно сказать, вдребезги разбил их школу. И теперь во всей Галактике мыслящие земляне разделяют карверовскую доктрину врожденной неполноты внеземных существ.

Битва

Верховный главнокомандующий Феттерер стремительно вошел в оперативный зал и рявкнул:

— Вольно!

Три его генерала послушно встали вольно.

— Лишнего времени у нас нет, — сказал Феттерер, взглянув на часы. — Повторим еще раз предварительный план сражения.

Он подошел к стене и развернул гигантскую карту Сахары.

— Согласно наиболее достоверной теологической информации, полученной нами, Сатана намерен вывести свои силы на поверхность вот в этом пункте. — Он ткнул в карту толстым пальцем. — В первой линии будут дьяволы, демоны, суккубы, инкубы и все прочие того же класса. Правым флангом командует Велиал, левым — Вельзевул. Его Сатанинское Величество возглавит центр.

— Попахивает средневековьем, — пробормотал генерал Делл.

Вошел адъютант генерала Феттерера. Его лицо светилось счастьем при мысли об Обещанном Свыше.

— Сэр, — сказал он, — там опять священнослужитель.

— Извольте стать смирно, — строго сказал Феттерер. — Нам еще предстоит сражаться и победить.

— Слушаю, сэр, — ответил адъютант и вытянулся. Радость на его лице поутихла.

— Священнослужитель, гм? — Верховный главнокомандующий Феттерер задумчиво пощевелил пальцами.

После Пришествия, после того, как стало известно, что грядет Последняя Битва, труженики на всемирной ниве религий стали сущим наказанием. Они перестали грызться между собой, что само по себе было похвально, но, кроме того, они пытались забрать в свои руки ведение войны.

— Гоните его, — сказал Феттерер. — Он же знает, что мы разрабатываем план Армагеддона.

— Слушаю, сэр, — сказал адъютант, отдал честь, четко повернулся и вышел, печатая шаг.

— Продолжим, — сказал верховный главнокомандующий Феттерер. — Во втором эшелоне Сатаны расположатся воскрешенные грешники и различные стихийные силы зла. В роли его бомбардировочной авиации выступят падшие ангелы. Их встретят роботы-перехватчики Делла.

Генерал Делл угрюмо улыбнулся.

— После установления контакта с противником автоматические танковые корпуса Мак-Фи двинутся на его центр, поддерживаемые роботопехотой генерала Онгина, — продолжал Феттерер. — Делл будет руководить водородной бомбардировкой тылов, которая должна быть проведена максимально массированно. Я по мере надобности буду в различных пунктах вводить в бой механизированную кавалерию.

Вернулся адъютант и вытянулся по стойке "смирно".

— Сэр, — сказал он, — священнослужитель отказался уйти.

Он заявляет, что должен непременно поговорить с вами.

Верховный главнокомандующий Феттерер хотел было сказать "нет", но заколебался. Он вспомнил, что это все-таки Последняя Битва и что труженики на ниве религий действительно имеют к ней некоторое отношение. И он решил уделить священнослужителю пять минут.

— Пригласите его войти, — сказал он.

Священнослужитель был облачен в обычные пиджак и брюки, показывавшие, что он явился сюда не в качестве представителя какой-то конкретной религии. Его усталое лицо дышало решимостью.

— Генерал, — сказал он, — я пришел к вам как представитель всех тружеников на всемирной ниве религий — патеров, раввинов, мулл, пасторов и всех прочих. Мы просим вашего разрешения, генерал, принять участие в Битве Господней.

Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забаранил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

— Поймите мое положение, — тоскливо сказал Феттерер. — Я — генерал, мне предстоит руководить битвой...

— Но это же Последняя Битва, — сказал священнослужитель. — В ней подобает участвовать людям.

— Но они в ней и участвуют, — ответил Феттерер. — Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал:

— Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

— Разумеется, нет, — пробормотал священник.

— В таком случае мы не имеем права рисковать, — заявил Феттерер. — Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал:

— Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает — автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным.

— Но в этом есть что-то недостойное, — сказал он. — Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей?

Феттерер обдумал эту просьбу, но выполнить ее было невозможно. Детально разработанный план сражения был со-

вершенен и обеспечивал верную победу. Введение хрупкого человеческого материала могло только все испортить. Никакая живая плоть не выдержала бы грохота этой атаки механизмов, высоких энергий, пронизывающих воздух, всепожирающей силы огня. Любой человек погиб бы еще в ста милях от поля сражения, так и не увидев врага.

— Боюсь, это невозможно, — сказал Феттерер.

— Многие, — сурово произнес священник, — считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.

— Извините, — бодро возразил Феттерер, — это пораженческая болтовня. С вашего разрешения... — Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел.

— Ох уж эти штатские, — вздохнул Феттерер. — Итак, господа, ваши войска готовы?

— Мы готовы сражаться за Него, — пылко произнес генерал Мак-Фи. — Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

Генерал Онгин вышел из задумчивости:

— Наземные войска готовы, сэр.

— Воздушные силы готовы, — сказал генерал Делл.

— Превосходно, — подвел итог генерал Феттерер. — Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.

— А после битвы... — начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттерера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займутся религиозные учреждения.

— Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что-нибудь в этом роде, — ответил он неопределенно.

— Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? — спросил генерал Делл.

— Точно не знаю, — ответил Феттерер, — но вероятно. Ведь все-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Но как мы должны будем одеться? — растерянно спросил генерал Мак-Фи. — Какая в таких случаях предписана форма одежды?

— Что носят ангелы? — осведомился Феттерер у Онгина.

— Не знаю, — сказал Онгин.

— Белые одеяния? — предположил генерал Делл.

— Нет, — твердо ответил Феттерер. — Наденем парадную форму, но без орденов.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришел срок.

В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Верещали адские флейты, ухали пустотельные барабаны, посыпая вперед призрачное воинство. Вздымая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, раздирая в клочья танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконы крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь отеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на зашатавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны выли в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все-таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади линии огня генералы руководили преследованием.

— Битва выиграна, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана. — Поздравляю, господа.

Генералы устало улыбнулись.

Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

— Как! Это же... это... — начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю брали между грудами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать.

Генералы молчали.

Благодать коснулась изуродованного робота.

И роботы защевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги.

— Мак-Фи, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер. — Нажмите на что-нибудь — пусть они, что ли, на колени опустятся.

Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

— Он берет их заживо в рай! — истерически воскликнул Онгин. — Он берет в рай роботов!

— Произошла ошибка, — сказал Феттерер. — Быстрее! Попросите офицера связи... Нет, мы поедем сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился восьмаяси.

Бесконечныйвестерн

Меня зовут Уошберн: просто Уошберн — для друзей, мистер Уошберн — для врагов и тех, кто со мной не знаком. В сущности, я уже сказал все, что хотел, дальше представляться нечего: вы видели меня тысячу раз (и на большом экране ближайшего телетеатра, и на маленьком экране платного телевизора в вашей квартире), как я еду верхом среди кактусов, мой знаменитый котелок надвинут на самые глаза, мой не менее знаменитый кольт сорок четвертого калибра со стволом семь с половиной дюймов поблескивает за ремешком у правой ноги. Но в настоящий момент я еду в большом "кадиллаке" с кондиционером, сидя между своим менеджером Гордоном Симмсом и женой Консуэлой. Мы свернули с государственного шоссе 101 и теперь трясемся по разбитой грязной дороге, которая скоро упрется в пост Уэллс-Фарго — один из входов на Съемочную Площадку. Симмс захлебываясь говорит что-то и массирует мне основание шеи, словно я боксер, готовящийся выйти на ринг. В каком-то смысле так оно и есть. Консуэла молчит. Она еще плохо знает анг-

©by Robert Sheckley, 1978

©Перевод издательство "Мир", М., 1984

лийский. Мы женаты меньше двух месяцев. Моя жена — прелестнейшее из существ, какое только можно вообразить, она же в прошлом Мисс Чили и в прошлом же героиня боевика с гаучос, снятого в Буэнос-Айресе и Монтевидео. Сцена нашей поездки идет вне кадра. Этот кусок вам никогда не покажут: возвращение знаменитого стрелка, весь его путь из Бель-Эйра образца легкомысленно-нервозного 2031 года на добрый Старый Запад середины тысяча восьмисотых годов.

Симмс тараторит о каких-то капиталовложениях, которые я — он на этом настаивает — будто бы должен сделать, о каких-то новых бурениях морского дна (это очередной Симмсов проект скорейшего обогащения, — проект, потому что Симмс и так уже достаточно богат, а кто, скажите, не скопотил бы состояния, получая тридцать процентов со всех моих доходов? Да еще в течение всех десяти моих звездных лет?). Конечно, Симмс мне друг, но сейчас я не могу думать ни о каких инвестициях, потому что мы приближаемся к Площадке.

Консуэлу — она сидит справа от меня — бьет дрожь при виде знаменитого старого поста, иссеченного дождями и ветрами. Она так по-настоящему и не поняла еще, что такое Бесконечный Вестерн. У себя в Южной Америке они до сих пор снимают фильмы на старомодный манер: все отрежиссировано и все — фальши, и "пушки" палят только холостыми патронами. Консуэла не может понять, почему в самом популярном фильме Америки все должно быть взаправду, когда можно обойтись трюками и никто никого не убьет. Я пробовал объяснить ей суть, но на испанском это звучит как-то смешно.

Мой нынешний выход, к сожалению, не чета прежним: я прервал заслуженный отдых, чтобы сыграть всего лишь эпизодическую роль. Я заключил контракт "без убийств": знаменитый стрелок появится в комедийном эпизоде со Стариной Джейфом Мэнглзом и Натчезом Паркером. Никакого сценария, конечно, нет: в Вестерне его и не бывает. В любой ситуации мы сумеем сымпровизировать, — мы, актеры комедии дель арте Старого Запада. Консуэла совершенно этого не понимает. Она слышала о "контрактах на убийство", а контракт "без убийств" — это для нее нечто совсем уж новенькое.

Вот мы и приехали. Машина останавливается перед низким, некрашеным строением из сосновых досок. Все, что по сию сторону от поста, — это Америка двадцать первого века во всем блеске ее безотходного производства и утилизации вторсырья. По ту сторону строения раскинулся миллион акров прерий, гор, пустынь с тысячами скрытых камер и микрофонов — то, что и составляет Съемочную Площадку Бесконечного Вестерна.

Я уже одет, как полагается по роли: синие джинсы, рубашка в бело-синюю клетку, ботинки, котелок дерби, куртка из сырой кожи. Сбоку — револьвер весом три четверть фунта. По ту сторону строения, у коновязи, меня ожидает лошадь, все мое снаряжение уже упаковано в аккуратный выюк из походного одеяла, притороченный к седлу. Помощник режиссера осматривает меня и находит, что все в порядке: на мне нет ни наручных часов, ни прочих анахронизмов, которые бросились бы в глаза скрытым камерам.

— Отлично, мистер Уошберн, — говорит он. — Можете отправляться в любой момент, как только будете готовы.

Симмс в последний раз массирует мне спину, — мне, его надежде, его герою дня. Он возбужденно пританцовывает на цыпочках, он завидует мне, мечтает, чтобы это не я, а он сам ехал по пустыне — высокий неспешный человек с ленивыми манерами и молниеносной смертью, таящейся у правой руки. Впрочем, куда Симмсу: он низенького роста, толстый, уже почти совсем лысый. На роль он, конечно, не годится, вот ему и приходится жить чужой жизнью. Я олицетворяю злость Симмса, мы вместе бесконечное число раз пробирались опасной тропой, наш верный "сорок четвертый" очистил округу от всех врагов, и мы взяли в свои руки высшую власть, — мы — это самый лучший, никем не превзойденный стрелок на всем Диком Западе, абсолютный чемпион по скоростному выхватыванию револьвера, человек, который на конец отошел от дел, когда все враги были либо мертвые, либо не смели поднять головы... Бедный Симмс, он всегда хотел, чтобы мы сыграли эту последнюю великую сцену — финальный грозный проход по какой-нибудь пыльной Главной улице. Он хотел, чтобы мы, неотразимые, шли, высоко подняв голову, расправив плечи, — не за деньги, ибо заработали уже больше чем достаточно, а только ради славы, чтобы сошли со Сцены в сверкании револьверных вспышек, в наилучшей нашей форме, на вершине успеха. Я и сам мечтал об этом, но враги стали осторожнее, и последний год в Вестерне был для Уошберна совсем уже посмешищем: он разъезжал на лошади, зорко посматривая, что бы такое предпринять (шестизарядка всегда наготове!), однако не находилось никого, кто захотел бы испытать на нем свою реакцию. И взять даже нынешнюю эпизодическую роль... — для Симмса это издевательство над самими нашими устоями. Полагаю, что для меня это не меньшее оскорблечение. (Трудно представить, где начинаюсь я и где кончается Симмс; трудно отделить то, чего хочу я, от того, чего желает Симмс, и уж вовсе невозможно без страха смотреть в лица фактам: нашим звездным годам в Вестерне приходит конец.)

Симмс правой рукой трясет мою кисть, левой крепко сдав-

ливает мне плечо и не произносит ни слова — все в том мужественном стиле Вестерна, который он усвоил, годами ассоциируя себя со мной, будучи мной. Консуэла страстно сжимает меня в объятиях, в ее глазах слезы, она целует меня, она говорит, чтобы я побыстрее возвращался. Ах эти потрясающие первые месяцы с новой женой! Они великолепны... до той поры, пока не снизойдет вновь на душу скуча давно знакомой обыденности! Консуэла у меня четвертая по счету. В своей жизни я исходил множество троп, в большинстве одних и тех же, и вот теперь режиссер снова осматривает меня, отыскивая мазки губной помады, кивает: "все в порядке!" — и я отворачиваюсь от Консуэлы и Симмса, салютую им двумя пальцами — мой знаменитый жест! — и еду по скрипучему настилу поста Уэллс-Фарго на ТУ сторону — в сияющий солнечный мир Бесконечного Вестерна.

Издалека камера берет одинокого всадника, который, словно муравей, ползет между искусно испещренных полосами стен каньона. Мы видим его в серии последовательных кадров на фоне разворачивающейся перед нами панорамы пустынного пейзажа. Вот он вечером готовит себе еду на маленьком костре, его силуэт четко вырисовывается на заднике пылающего неба, котелок дерби с небрежным изяществом сдвинут на затылок. Вот он спит, завернувшись в одеяло; угольки костра, угасая, превращаются в золу. Еще не рассвело, а всадник снова на ногах — варит кофе, готовясь к дневному переходу. Восход солнца застигает его уже верхом: он едет, прикрыв рукой глаза от слепящего света, сильно откнувшись назад, насколько позволяют свободные стремена, и предоставив лошади самой отыскивать дорогу на скалистых склонах.

Я одновременно и зритель, наблюдающий за собой как за актером со стороны, и актер, наблюдающий за собой — зрителем. Сбылась мечта детства: играть роль и в то же время созерцать, как мы играем ее. Я знаю, что мы никогда не перестаем играть и равным образом никогда не перестаем наблюдать за собой в процессе игры. Это просто ирония судьбы, что те героические картины, которые вижу я, совпадают с теми, что видите и вы, сидя перед своими маленькими экранчиками.

Вот всадник забрался на высокую седловину между двумя горами. Здесь холодно, дует горный ветер, воротник куртки наездника поднят, а котелок дерби привязан к голове ярким щерстяным шарфом. Глядя поверх плеча мужчины, мы видим далеко внизу поселок — совсем крохотный, затерянный в безмерности ландшафта. Мы провожаем глазами всадника: обругав уставшую лошадь последними словами, он начинает спуск к поселку.

Всадник в котелке дерби ведет на поводу лошадь по поселку Команч. Здесь только одна улица — Главная улица, — с салуном, постоянным двором, платной конюшней, кузницей, лавкой; все старомодное и застывшее, как на дагерротипе времен Гражданской войны. Ветер пустыни постоянно дует над городком, и повсюду оседает тонкая пыль.

Всадника здесь знают. В толпе бездельников, собравшихся у лавки, слышны восклицания:

— Ого, это сам Уошберн!

Я одеревенелыми руками расседываю лошадь у входа в конюшню — высокий, запыленный в дороге мужчина: пояс с кобурой опущен низко и висит свободно; потрескавшаяся, с роговыми накладками рукоятка "пушки" вызывающе торчит прямо под рукой. Я оборачиваюсь и потираю лицо — знаменитое, вытянутое, скорбное лицо: глубокая складка шрама, перерезавшего скулу, прищуренные немигающие серые глаза. Это лицо жесткого, опасного, непредсказуемого в действиях человека, и тем не менее он вызывает глубокую симпатию. Это я наблюдаю за вами, в то время как вы наблюдаете за мной.

Я выхожу из конюшни, и тут меня приветствует шериф Бен Уотсон — мой старый друг. Дочерна загоревшее лицо; длинные черные усы, подкрученные кверху; на жилете из гребенной шерсти тускло поблескивает жестяная звезда.

— Слышал, слышал, что ты в наших краях и можешь заскочить, — говорит он. — Слышал также, будто ты ненадолго уехал в Калифорнию?

"Калифорния" — это наше специальное кодовое слово, обозначающее "отпуск", "отдых", "отставку".

— Так оно и есть, — говорю я. — Как здесь дела?

— Так себе, — отвечает Уотсон. — Не думаю, чтобы ты уже прослышил про Старину Джейффа Мэнглза.

Я жду. Шериф продолжает:

— Это стряслось только вчера. Старину Джейффа сбросила лошадь — там, в пустыне. Мы решили, что его коняга испугалась гремучки... Господь свидетель, я тысячу раз говорил ему, чтобы он продал эту здоровенную брыкаливую бельмистую скотину. Но ты же знаешь Старину Джейффа...

— Что с ним? — спрашиваю я.

— Ну, это... Я же сказал. Лошадь сбросила его и потащила. Когда Джимми Коннерс нацепил его, он был уже мертв.

Долгое молчание. Я сдвигаю котелок на затылок. Наконец говорю:

— Ладно, Бен, что ты еще хочешь мне сказать?

Шерифу не по себе. Он дергается, переминаясь с ноги на ногу. Я жду. Джейф Мэнглз мертв; эпизод, который я нанялся играть, провален. Как теперь будут развиваться события?

— Ты, должно быть, хочешь пить, — говорит Уотсон. — Что, если мы опрокинем по кружечке пивка?..

— Сначала — новости.

— Ну что ж... Ты когда-нибудь слыхал о ковбое по имени Малыш Джо Поттер из Кастрюльной Ручки¹?

— Я отрицательно качаю головой.

— Не так давно его занесло каким-то ветром в наши края. Вместе с репутацией быстрого стрелка. Ты ничего не слышал о перестрелке в Туин-Пикс?

Как только шериф называет это место, я тут же вспоминаю, что кто-то говорил о чем-то подобном. Но в "Калифорнии" меня занимали дела совершенно иного рода, и мне было не до перестрелок — вплоть до сегодняшнего дня.

— Этот самый Малыш Джо Поттер, — продолжал Уотсон, — вышел один против четверых. Какой-то у них там возник диспут по поводу одной дамы. Говорят, это была та еще драка. В конечном счете Малыш Джо отправил всех четырех на тот свет, и слава его, естественно, только возросла.

— И что? — спрашиваю я.

— Ну, значит, прошло время, и вот Малыш Джо играет в покер с какими-то ребятами в заведении Ядозуба Бенда... — Уотсон замолкает, чувствуя себя очень неловко. — Знаешь что, Уошберн, может, тебе лучше обменяться с Чарли Гиббсом? Ведь он разговаривал с человеком, который сам присутствовал при той игре. Да, лучше всего — поговори прямо с Чарли. Пока, Уошберн. Увидимся...

Шериф уходит восвояси, следя неписаному закону Вестерна: сокращай диалоги до предела и давай другим актерам тоже принять участие в действии.

Я направляюсь к салуну. За мной следует какая-то личность — парнишка лет восемнадцати, от силы девятнадцати, долговязый, веснушчатый, в коротких, давно не по росту рабочих штанах и потрескавшихся ботинках. На боку у него "пушка". Чего он хочет от меня? Наверное, того же, что и все остальные.

Я вхожу в салун, мои шпоры гремят по дощатому полу. У стойки расположился Чарли Гиббс — толстый замызганный морщинистый мужичонка, вечно скалящий зубы. Он не вооружен, потому что Чарли Гиббс — комический персонаж, следовательно, он не убивает и его не убивают тоже. Чарли, помимо прочего, местный представитель Гильдии киноактеров.

Я покупаю ему спиртное и спрашиваю о знаменитой партии в покер с участием Малыша Джо Поттера.

¹ Кастрюльная Ручка — шутливое название штата Западная Виргиния. — Здесь и далее примечания переводчиков.

— Я слышал об этом от Техасца Джима Клэра. Ты ведь помнишь Техасца Джима? Хороший малый, он работает ковбоем на ферме Дональдсона. Так вот, Уошберн, Техасец Джим затесался в эту покерную компанию вместо отлучившегося Ядозуба Бенда. Страсти начали накаляться. Вот, наконец, на столе крупный банк, и Док Дэйли набавляет тысячу мексиканских долларов. Видать, Малышу Джо тоже очень нравились карты, что были у него на руках, но деньжат-то уже не осталось. Док высказывается в том смысле, что согласен взять и натурой, если только Малыш Джо выдумает кой-чего подходящее. Малыш Джо поразмыслил немного, а затем и говорит: "Сколько ты дашь за котелок мистера Уошбера?" Тут, конечно, все замолчали, потому что ведь к мистеру Уошберну никто так просто не подойдет и не стянет дерби, разве что прежде убьет человека, который под этим самым котелком. Но, с другой стороны, известно, что Малыш Джо не из хвастливых, к тому же он грамотно распорядился собой во время той самой перестрелки с четырьмя ребятами. И вот Док обдумал все и говорит: "Идет, Джо. Я прощу тебе тысячу за котелок Уошбера, и я с радостью заплачу тебе еще тысячу за место в первом ряду, когда ты будешь этот котелок снимать". "Место в первом ряду получишь даром, — отвечает Малыш Джо, — но только в том случае, если я сейчас проиграю, а я вовсе не собираюсь этого делать". Ставки сделаны, и оба открывают карты. Четыре валета Дока бьют четверку восемьмерок Малыша Джо. Малыш Джо встает со стула, потягивается и говорит: "Что ж, Док, похоже на то, что ты полушишь-таки свое место в первом ряду".

Чарли опрокидывает стаканчик и впивается в меня светлыми злыми глазками. Я киваю, высасываю свое питье и выхожу на задний двор, направляясь к уборной.

Уборная служит нам закадровой площадкой. Мы заходим сюда, когда нужно поговорить о чем-то, что не связано с контекстом Вестерна. Спустя несколько минут сюда является Чарли Гиббс. Он включает замаскированный кондиционер, вытаскивает из-за балки пачку сигарет, закуривает, садится и устраивается поудобнее. В качестве представителя Гильдии киноактеров Чарли проводит здесь довольно много времени, выслушивая наши жалобы и горести. Это его контора, и он постарался обставить ее с максимальным комфортом.

— Я полагаю, ты хочешь знать, что происходит? — спрашивает Чарли.

— Черт побери, конечно! — завожусь я. — Что это за чушь, будто Джо Поттер собирается стянуть с меня котелок?

— Не горячись, — говорит Чарли, — все в порядке. Поттер — восходящая звезда. Раз уж Джейф Мэнглз убился, то

совершенно естественно было склестнуть Джо с тобой. Поттер согласился. Вчера запросили твоего агента, и он возобновил контракт. Ты получишь чертову прорву денег за этот эпизод со стрельбой.

— Симмс возобновил мой контракт? Не переговорив со мной?

— Тебя никак не могли найти. Симмс сказал, что с твоей стороны все будет в полном ажуре. Он сделал заявление газетам, что не раз обговаривал с тобой это дело и что ты всегда мечтал покинуть Вестерн с большим шумом, в наилучшей своей форме, затеяв последнюю грандиозную стрельбу. Он сказал, что ему не нужно даже обсуждать это с тобой, что вы с ним роднее братьев. Симмс сказал, мол, он очень рад, коль скоро выпадает такой шанс, и знает наверняка, что ты будешь рад тоже.

— Бог ты мой! Этот придурок Симмс!

— Он что, подложил тебе свинью? — спрашивает Чарли.

— Да нет, не совсем так. Даже совсем не так. Мы действительно много говорили о финальном шоу. И я на самом деле сказал как-то, что хочу сойти со сцены с большим...

— Но это были только разговоры? — перебивает Чарли.

— Не совсем...

Одно дело — рассуждать о перестрелке, когда ты уже в отставке и сидишь в полной безопасности у себя дома в Бель-Эйре; и совершенно другое, когда обнаруживаешь, что вовлечен в драку, будучи абсолютно к этому не готов.

— Симмс никакой свиньи не подкладывал. Но он втянул меня в историю, где я бы хотел решать сам за себя.

— Значит, ситуация такова, — говорит Чарли. — Ты свалил дурака, когда трепал языком, будто мечтаешь о финальном поединке, а твой агент свалил дурака, приняв этот треп за чистую монету.

— Похоже, так.

— И что ты собираешься делать?

— Скажу тебе, — говорю я, — но только если у меня пойдет разговор со старым приятелем Чарли, а не с представителем Гильдии киноактеров Гиббсом.

— Заметано, — говорит Чарли.

— Я собираюсь расплеваться, — говорю я. — Мне тридцать семь, и я уже год как не баловался с "пушкой". К тому же у меня новая жена...

— Можешь не вдаваться в подробности, — перебивает Гиббс. — Жизнь прекрасна; короче не скажешь. Как друг, я тебя одобряю. Как представитель ГК, могу сказать, что гильдия тебя не поддержит, если ты вдруг разорвешь дорогостоящий контракт, заключенный твоим представителем по всем правилам. Если компания возбудит против тебя дело, ты останешься один-одинешенек.

— Лучше один-одинешенек, но живой, чем за компанию, но в могиле, — говорю я. — Этот Малыш Джо, он что, силен?

— Силен. Но не так силен, как ты, Уошберн. Лучше тебя я никого не видел. Хочешь все-таки повстречаться с ним?

— Не-а. Просто спрашиваю.

— Вот и стой на своем, — говорит Чарли. — Как друг, я советую тебе сматывать удочки и уйти в кусты. Ты уже вытянул из Вестерна все, что только можно: ты кумир, ты богат, у тебя прелестная новая жена. Куда ни глянь, все-то у тебя есть. Так что нечего здесь ошиваться и ждать, пока придет кто-нибудь и все это у тебя отнимет.

— А я и не собираюсь ошиваться, — говорю.

И вдруг обнаруживаю, что рука уже сама собой тянется к "пушке".

Я возвращаюсь в салун. Сажусь в одиночестве за столик, передо мной — стаканчик виски, в зубах — тонкая черная мексиканская сигара. Надо обдумать ситуацию. Малыш Джо едет сюда с юга. Вероятно, он рассчитывает застать меня в Команче. Но я-то не рассчитывал здесь оставаться. Самое безопасное для меня — это отправиться назад той же дорогой, по которой я приехал, вернуться в Уэллс-Фарго и снова выйти в большой мир. Но так я тоже не хочу поступать. Я намерен покинуть Площадку через Бrimстоун, что совсем в другом конце, в северо-восточном углу, и таким образом совершил прощальное турне по всей Территории. Пускай-ка они попробуют вычислить этот путь...

Внезапно длинная тень падает наискось через стол, чья-то фигура заслоняет свет. Еще не осознав, в чем дело, я скатываюсь со стула, "пушка" уже в руке, курок взведен, указательный палец напрягся на спусковом крючке. Тонкий испуганный мальчишеский голос:

— О! Простите меня, мистер Уошберн!

Это тот самый курносый веснушчатый парнишка, что раньше, как я заметил, следил за мной. Он завороженно уставился на дуло моей "пушки". Он безумно напуган. Впрочем, черт возьми, он и должен быть напуган, раз уж разбудил мою реакцию после целого года бездействия.

Большим пальцем я снимаю с боевого взвода курок моего "сорок четвертого". Я встаю в полный рост, отряхиваюсь, поднимаю стул и сажусь на него. Бармен по кличке Кудрявый приносит мне новую порцию виски.

Я говорю парнишке:

— Послушай, парень, ты не нашел ничего более подходящего, чем вот так вырастать позади человека? Ведь самой малости не хватило, чтобы я отправил тебя к чертовой бабушке за здоровью живешь.

— Извините, мистер Уошберн, — говорит он. — Я здесь новенький... Я не подумал... Я просто хотел сказать вам, как восхищаюсь вами...

Все правильно, это новичок. Видно, совсем еще свеженький выпускник Школы Мастерства Вестерна, которую все мы заканчиваем, прежде чем выходим на Площадку. Первые недели в Вестерне я и сам был таким же зеленым юнцом.

— Когда-нибудь, — говорит он, — я буду точно как вы. Я подумал, может, вы дадите мне несколько советов? У меня с собой старая "пушка"...

Парнишка выхватывает револьвер, и опять я реагирую прежде, чем успеваю осознать происходящее: выбиваю из его руки "пушку" и срубаю мальца с ног ударом кулака в ухо.

— Черт тебя подери! — кричу я. — У тебя что, совсем мозгов нет? Не смей вскакивать и выхватывать "пушку" так быстро, если не собираешься пустить ее в дело.

— Я только хотел показать... — говорит он, не поднимаясь с пола.

— Если ты хочешь, чтобы кто-нибудь взглянул на твою "пушку", — говорю я ему, — вынимай ее из кобуры медленно и легко, а пальцы держи снаружи от предохранительной скобы. И сначала объявляй, что ты собираешься делать.

— Мистер Уошберн, — говорит он, — не знаю, что и сказать.

— А ничего не говори, — отрезаю я. — Убирайся отсюда, и дело с концом. Сдается мне, от тебя только и жди несчастья. Валяй, показывай свою чертову "пушку" кому-нибудь другому.

— Может, мне показать ее Джо Поттеру? — спрашивает парнишка, поднимаясь с пола и отряхиваясь.

Он смотрит на меня. О Поттере я не сказал еще ни слова. Он судорожно сглатывает, понимая, что снова сел в лужу.

Я медленно встаю.

— Изволь объяснить, что ты хочешь сказать.

— Я ничего не хочу сказать.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно уверен, мистер Уошберн. Простите меня!

— Пошел вон, — говорю я, и парнишка живо сматывается.

Я подхожу к стойке. Кудрявый вытаскивает бутылку виски, но я отмахиваюсь, и он ставит передо мной пиво.

— Кудрявый, — говорю я, — молодость есть молодость, и здесь винить некого. Но неужели нельзя ничего придумать, чтобы они хоть чуть-чуть поумнели?

— Думаю, что нет, мистер Уошберн, — отвечает Кудрявый.

Какое-то время мы помалкиваем. Затем Кудрявый говорит:

— Натчез Паркер прислал известие, что хочет видеть тебя.
— Понятно, — говорю я.

Наплыв: ранчо на краю пустыни. В отдельно стоящей кухоньке повар-китаец точит ножи. Один из работников, старина Фаррел, сидит на ящике и чистит картошку. Он поет за работой, склонившись над кучей очистков. У него длинное лошадиное лицо. Повар, о котором он и думать забыл, высокивается из окна и говорит:

— Кто-то идет.

Старина Фаррел поднимается с места, приглядывается, яростно чешет в копне волос, снова прищуривает глаза.

— Эх, нехристь ты, нехристь, китаэза. Это не просто кто-то, это как пить дать мистер Уошберн, или я — не я и зеленые яблочки — не творение господне.

Старина Фаррел поднимается, подходит к фасаду главной усадьбы и кричит:

— Эй, мистер Паркер! К нам едет мистер Уошберн!

Уошберн и Паркер сидят вдвоем за маленьким деревянным столиком в гостиной Натчеза Паркера. Перед ними — кружки с дымящимся кофе. Паркер — крупный усатый мужчина — сидит на деревянном стуле с прямой спинкой, его высохшие ноги укутаны индейским одеялом. Ниже пояса он парализован: в давние времена пуля раздробила позвоночник.

— Ну что же, Уошберн, — говорит Паркер, — я, как и все мы на Территории, наслышан об этой твоей истории с Малышом Джо Поттером. Жутко представить, что за встреча у вас выйдет. Хотелось бы на нее посмотреть со стороны.

— Я и сам не пропустил посмотреть на нее со стороны, — говорю я.

— И где же вы намерены встречаться?

— Полагаю, в аду.

Паркер подается вперед:

— Что это значит?

— Это значит, что я не собираюсь встречаться с Малышом Джо. Я направляюсь в Бримстоун, а оттуда — все прямо и прямо, подальше от Малыша Джо и всего вашего чертова Дикого Запада.

Паркер подается вперед и зверски дерет пальцами свои седые лохмы. Его большое лицо собирается в складки, словно он впился зубами в гнилое яблоко.

— Удираешь? — спрашивает он.

— Удираю, — говорю я.

Старик морщится, отхаркивается и сплевывает на пол.

— Из всех людей, способных на такое, меньше всего я ожидал услышать это от тебя. Никогда не думал, что увижу,

как ты попираешь ценности, во имя которых всегда жил.

— Натчез, они никогда не были *моими* ценностями. Они достались мне готовенькими, вместе с ролью. Теперь я заявлял с ролью и готов вернуть ценности.

Старик какое-то время переваривал все это. Затем заговорил:

— Что с тобой творится, дьявол тебя забери?! Ты что, в одночасье уразумел, что нахапал уже достаточно? Или просто струсил?

— Называй как хочешь, — говорю. — Я заехал, чтобы известить тебя. У меня перед тобой должок.

— Ну не прелест ли он?! — скалится Паркер. — Он мне кое-что должен, и это не дает ему покоя, поэтому он считает, что обязан как меньшее из зол заехать ко мне и сообщить, что удирает от какого-то наглого юнца с "пушкой", у которого за плечами всего одна удачная драка.

— Не перегибай!

— Послушай, Том... — говорит он.

Я поднимаю глаза. Паркер — единственный человек на всей Территории, который порой называет меня по имени. Но делает это очень нечасто.

— Смотри сюда, — говорит он. — Я не любитель цветистых речей. Но ты не можешь просто взять и удрать, Том. Какие бы причины ни были, подумай прежде о самом себе. Неважно где, неважно как, но ты должен жить в ладу с собой.

— Уж с этим-то у меня будет порядок, — говорю я.

Паркер трясет головой.

— Да провались все к чертям! Ты хоть представляешь, для чего вообще существует вся эта штука? Да, они заставляют нас надевать маскарадные костюмы и разгуливать с важным видом, как если бы нам принадлежал весь этот чертов мир. Но они и платят нам огромные деньги — только для того, чтобы мы были мужчинами. Более того, есть еще высшая цена. Мы должны оставаться мужчинами. Не тогда, когда это проще простого, например в самом начале карьеры. Мы должны оставаться мужчинами до конца, каким бы этот конец ни был. Мы не просто играем роли, Том. Мы живем в них, мы ставим на кон наши жизни, мы сами и есть эти роли, Том. Боже, да ведь любой может одеться ковбоем и проплыть с важным видом по Главной улице. Но не каждый способен нацепить "пушку" и пустить ее в дело.

— Побереги свое красноречие, Паркер, — говорю я. — Ты профессионален через край и поэтому данную сцену провалил. Входи снова в роль, и продолжим эпизод.

— Черт! — говорит Паркер. — Я и гроша ломаного не дам ни за эпизод, ни за Вестерн, и вообще! Я сейчас говорю только с тобой, Том Уошберн. С тех самых пор, как ты пришел

на Территорию, мы были с тобой как родные братья. А ведь тогда, в начале, ты был всего лишь напуганным до дрожи в коленках мальчишкой, и завоевал ты себе место под солнцем только потому, что показал характер. И сейчас я не позволю тебе удирать.

— Я допиваю кофе, — говорю я, — и еду дальше.

Внезапно Натчез изворачивается на стуле, захватывает в горсть мою рубашку и притягивает меня к себе, так что наши лица почти соприкасаются. В его другой руке я вижу нож.

— Вытаскивай свой нож, Том. Скорее я убью тебя собственной рукой, чем позволю уехать трусом.

Лицо Паркера совсем близко от меня, его взгляд свирепеет, он обдаёт меня кислым перегаром. Я упираюсь левой ногой в пол, ставлю правую ногу на край паркеровского стула и с силой толкаю. Стул Паркера опрокидывается, старик грохается на пол, и по выражению его лица я вижу, что он растерян. Я выхватываю "пушку" и целюсь ему между глаз.

— Боже, Том! — бормочет он.

Я взвожу курок.

— Старый безмозглый ублюдок! — кричу я. — Ты что думаешь, мы в игрушки играем? С тех пор как пуля перебила тебе спину, ты стал малость неуклюж, зато многоречив. Ты думаешь, что есть какие-то особые правила и что только ты все о них знаешь? Но правил-то никаких нет! Не учи меня жить, и я не буду учить тебя. Ты старый калека, но, если ты полезешь на меня, я буду драться по моим законам, а не по твоим и постараюсь уложить тебя на месте любым доступным мне способом.

Я ослабляю нажим на спусковой крючок. Глаза старого Паркера вылезают из орбит, рот начинает мелко подрагивать, он пытается сдержать себя, но не может. Он визжит — не громко, но высоко-высоко, как перепуганная девчонка.

Большим пальцем я снимаю курок со взвода и убираю "пушку".

— Ладно, — говорю я, — может, теперь ты очнешься и вспомнишь, как оно бывает в жизни на самом деле.

Я приподнимаю Паркера и подсовываю под него стул.

— Прости, что пришлось так поступить, Натчез.

У двери я оборачиваюсь. Паркер ухмыляется мне вслед:

— Рад видеть, что тебе полегчало, Том. Мне следовало бы помнить, что у тебя тоже есть нервы. У всех хороших ребят, бывает, щалят нервишки. Но в драке ты будешь прекрасен.

— Старый идиот! Не будет никакой драки! Я ведь сказал тебе: я уезжаю насовсем.

— Удачи, Том. Задай им жару!

— Идиот!

Я уехал...

Всадник переваливает через высокий гребень горы и предоставляет лошади самой отыскивать спуск к распластершейся у подножия пустыне. Слышился мягкий посист ветра, сверкают на солнце блестки слюды, песок змеится длинными колеблющимися полосами.

Полуденное солнце обрывает свой путь вверх и начинает спускаться. Всадник проезжает между гигантскими скальными формациями, которым резчик-ветер придал причудливые очертания. Когда темнеет, всадник расседливает лошадь и внимательно осматривает ее копыта. Он фальшиво что-то насвистывает, наливает воду из походной фляги в свой котелок, поит лошадь, затем глубже нахлобучивает шляпу и не торопясь пьет сам. Он стреноживает лошадь и разбивает в пустыне привал. Потом садится у костерка и наблюдает, как опускается за горизонт распухшее пустынное солнце. Это высокий худой человек в потрепанном котелке дерби, к его правой ноге прихвачен ремешком "сорок четвертый" с роговой рукояткой.

Бrimстоун: заброшенный рудничный поселок на северо-восточной окраине Территории. За городком вздымается созданное природой причудливое скальное образование, его именуют здесь Дьявольским Большаком. Это широкий, полого спускающийся скальный мост. Дальний конец его, невидимый из поселка, прочно упирается в землю уже за пределами Площадки — в двухстах ярдах и полутора сотнях лет отсюда.

Я въезжаю в городок. Моя лошадь прихрамывает. Вокруг не так много людей, и я сразу замечаю знакомое лицо: черт, это тот самый веснушчатый парнишка. Он, должно быть, очень спешил, раз попал сюда раньше меня. Я проезжаю мимо, не произнося ни слова.

Какое-то время я сижу в седле и любуюсь Дьявольским Большаком. Еще пять минут езды, и я навсегда покину Дикий Запад, покончу со всем этим — с радостями и неудачами, со страхом и весельем, с долгими тягучими днями и унылыми ночами, исполненными риска. Через несколько часов я буду с Консуэлой, я буду читать газеты и смотреть телевизор...

Все, сейчас я пропущу стаканчик местной сивухи, а затем — улепетываю...

Я осаживаю лошадь возле салуна. Народу на улице немногого прибавилось, все наблюдают за мной. Я вхожу в салун.

У стойки там всего один человек. Это невысокий коренастый мужчина в черном кожаном жилете и черной шляпе из бизоньей кожи. Он оборачивается. За высокий пояс заткнута "пушка" без кобуры. Я никогда его прежде не видел, но знаю, кто это.

— Привет, мистер Уошберн, — говорит он.

— Привет, Малыш Джо, — отвечаю я.

Он вопросительно поднимает бутылку. Я киваю. Он перегибается через стойку, отыскивает еще один стакан и наполняет его для меня. Мы мирно потягиваем виски.

Спустя время я говорю:

— Надеюсь, вы не очень затруднили себя поисками моей персоны?

— Не очень, — говорит Малыш Джо. Он старше, чем я предполагал. Ему около тридцати. У него грубые, рельефные черты лица, сильно выдающиеся скулы, длинные черные, подкрученные кверху усы. Он потягивает спиртное, затем обращается ко мне очень кротким тоном: — Мистер Уошберн, до меня дошел слух, которому я не смею верить. Слух, будто вы покидаете эту Территорию вроде как в большой спешке.

— Верно, — говорю я.

— Согласно тому же слуху, вы не предполагали задерживаться здесь даже на такую малость, чтобы обменяться со мной приветствиями.

— И это верно, Малыш Джо. Я не рассчитывал уделять вам свое время. Как бы то ни было, но вы уже здесь.

— Да, я уже здесь, — говорит Малыш Джо. Он оттягивает книзу кончики усов и сильно дергает себя за нос. — Откровенно говоря, мистер Уошберн, я просто не могу поверить, что в ваши намерения не входит сплясать со мной веселый танец. Я слишком много о вас знаю, мистер Уошберн, и я просто не могу поверить этому.

— Лучше все-таки поверьте, Джо, — говорю я ему. — Я допиваю этот стакан, затем выхожу вот через эту дверь, сажусь на свою лошадь и еду на ту сторону Дьявольского Большака.

Малыш Джо дергает себя за нос, хмурит брови и сдвигает шляпу на затылок.

— Никогда не думал, что услышу такое.

— А я никогда не думал, что скажу такое.

— Вы на самом деле не хотите выйти против меня?

Я допиваю и ставлю стакан на стойку.

— Берегите себя, Малыш Джо.

Ядвигаюсь по направлению к двери.

— Тогда последнее, — говорит Малыш Джо.

Я поворачиваюсь. Малыш Джо стоит поодаль от стойки, обе руки его хорошо видны.

— Я не могу принудить вас к перестрелке, мистер Уошберн. Но я тут заключил маленько пари касательно вашего котелка.

— Слышал о таком.

— Так что... хотя это огорчает меня намного сильнее, чем

вы можете себе представить... я вынужден буду забрать его.

Я стою лицом к Джо и ничего не отвечаю.

— Послушайте, Уошберн, — говорит Малыш Джо, — нет никакого смысла вот так стоять и сверлить меня взглядом. Отдавайте шляпу, или начнем наши игры.

Я снимаю котелок, расплющаю его о локоть и пускаю блином в сторону Джо. Он поднимает дерби, не отрывая от меня глаз.

— Вот те на! — говорит он.

— Берегите себя, Малыш Джо.

Я выхожу из салуна.

Напротив салуна собралась толпа. Она ждет. Люди посматривают на двери, разговаривая приглушенными голосами. Двери салуна распахиваются, и на улицу выходит высокий худой человек с непокрытой головой. У него намечается лысина. К его правой ноге ремешком прихвачен "сорок четвертый", и похоже на то, что человек знает, как пускать его в дело. Но суть в том, что в дело он его не пустил.

Под внимательными взглядами толпы Уошберн отвязывает лошадь, вскакивает в седло и шагом пускает ее в сторону моста.

Двери салуна снова распахиваются. Выходит невысокий, коренастый, с суровым лицом человек, в руках он держит измятый котелок. Он наблюдает, как всадник уезжает прочь.

Уошберн прищпоривает лошадь, та медлит в нерешительности, но наконец начинает взбираться на мост. Ее приходится постоянно понукать, чтобы она поднималась все выше и выше, отыскивая дорогу на усыпанном гольцами склоне. На середине моста Уошберн останавливает лошадь, точнее, дает ей возможность остановиться. Он сейчас на высшей точке каменного моста, на вершине дуги, он замер, оседлав стык между двумя мирами, но не смотрит ни на один из них. Он поднимает руку, чтобы одернуть поля шляпы, и с легким удивлением обнаруживает, что голова его обнажена. Он лениво почесывает лоб — человек, в распоряжении которого все время мира. Затем он поворачивает лошадь и начинает спускаться туда, откуда поднялся, — к Бrimстоуну.

Толпа наблюдает, как приближается Уошберн. Она неподвижна, молчалива. Затем, сообразив, что сейчас должно произойти, все бросаются врассыпную, ищут убежища за фургонами, ныряют за корыта с водой, съеживаются за мешками с зерном.

Только Малыш Джо Поттер остается на пыльной улице. Он наблюдает, как Уошберн спешиается, отгоняет лошадь с линии огня и медленно направляется ему навстречу.

— Эй, Уошберн! — выкрикивает Малыш Джо. — Вернулся за шляпой?

Уошберн ухмыляется и качает головой.

— Нет, Малыш Джо. Я вернулся, чтобы сплясать с тобой веселый танец.

Оба смеются, это очень смешная шутка. Внезапно мужчины выхватывают револьверы. Гулкий лай "сорок четвертых" разносится по городу. Дым и пыль застилают стрелков.

Дым рассеивается. Мужчины по-прежнему стоят. Револьвер Мальши Джо направлен дулом вниз. Малыш Джо пытается крутануть его на пальце и видит, как он выпадает из руки. Затем валится в пыль.

Уошберн засовывает свою "пушку" за ремешок, подходит к Мальшу Джо, опускается на колени и приподнимает его голову над грязью.

— Черт! — говорит Малыш Джо. — Это был вроде короткий танец, а, Уошберн?

— Слишком короткий, — говорит Уошберн. — Прости, Джо...

Но Малыш Джо не слышит этих слов. Его взгляд потерял осмысленность, глаза остекленели, тело обмякло. Кровь сочится из двух дырочек в груди, кровь смачивает пыль, струясь из двух больших выходных отверстий в спине.

Уошберн поднимается на ноги, отыскивает в пыли свой котелок, отряхивает его, надевает на голову. Он подходит к лошади. Люди снова выбираются на улицу, слышатся голоса. Уошберн всовывает ногу в стремя и собирается вскочить в седло.

В этот момент дрожащий тонкий голос выкрикивает:

— Отлично, Уошберн, огонь!

С искаженным лицом Уошберн пытается извернуться, пытается освободить стрелковую руку, пытается волчком отскочить с линии огня. Даже в этой судорожной, невероятной позе он умудряется выхватить свой "сорок четвертый" и, крутанувшись на месте, видит в десяти ярдах от себя веснушчатого парнишку; его "пушка" уже выхвачена, он уже прицелился, уже стреляет.

Солнце взрывается в голове Уошберна, он слышит пронзительное ржание лошади, он проламывается сквозь все пыльные этажи мира, валится, а пули с глухим звуком входят в него, — с таким звуком, как если бы большим мясницким ножом плашмя шлепали по говяжьей тушке. Мир разваливается на куски, киномашинка разбита, глаза — две расколотые линзы, в которых отражается внезапное крушение вселенной. Финальным сигналом вспыхивает красный свет, и мир проваливается в черноту.

Телезритель — он и публика, он же и актер — какое-то время еще тупо смотрит на потемневший экран, потом начинает ерзать в мягком кресле и потирать подбородок. Ему, похоже, немного не по себе. Наконец он справляется с собой, громко рыгает, протягивает руку и выключает экран.

Мнемон

То был великий день для нашей деревни — к нам пришел Мнемон. Но сперва мы этого не знали, потому что он утаил от нас свою личность. Он сказал, что его зовут Эдгар Смит и что он мастер по ремонту мебели. Мы поверили ему, как верили всем. До тех пор мы не встречали человека, который что-либо скрывал.

Он пришел в нашу деревню пешком, с рюкзаком и ветхим чемоданчиком. Он оглядел наши лавки и дома. Он приблизился ко мне и спросил:

— Где тут полицейский участок?

— У нас его нет, — сказал я.

— В самом деле? Тогда где местный констебль или шериф?

— Люк Джонстон девятнадцать лет был у нас констеблем, — сказал я. — Но Люк умер два года назад. Мы, как положено, сообщили властям, только на его место никого не прислали.

— Значит, вы сами себе полиция?

— Мы живем тихо, у нас в деревне все спокойно. Почему вы спрашиваете?

— Потому что мне надо, — не очень любезно ответил Смит. — Скудные знания не столь опасны, как абсолютное невежество, правда ведь? Ничего, мой пустолицый юный друг. Мне нравится ваша деревня. Мне нравятся деревянные дома и стройные вязы.

— Стойкие что? — удивился я.

— Вязы, — повторил он, указывая на высокие деревья по обеим сторонам Главной улицы. — Разве вам не известно их название?

— Оно забыто, — смущенно проговорил я.

— Многое потеряно, а многое спрятано. И все же нет вреда в названии дерева. Или есть?

— Никакого, — сказал я. — Вязы.

— Я останусь в вашей деревне на некоторое время.

— Будем очень вам рады. Особенно сейчас, в пору уборки урожая.

Смит гордо взглянул на меня.

— При чем тут уборка урожая? Уж не принимаешь ли ты меня за сезонного сборщика яблок?

— Мне это и в голову не приходило. А чем вы занимаетесь?

— Ремонтирую мебель, — сказал Смит.

— В такой деревне, как наша, у вас не много будет работы, — заметил я.

— Ну тогда, может быть, найду еще что-нибудь, к чему приложить руки. — Он неожиданно усмехнулся. — Пока что мне надо бы найти пристанище.

Я привел его к дому вдовы Марсини, и он снял у нее большую спальню с верандой и отдельным входом.

Его появление вызвало целый поток догадок и слухов. Миссис Марсини уверяла, что вопросы Смита о полиции доказывают, что он сам полицейский. "Они так работают, — говорила она. — Лет пятьдесят назад каждый третий был полицейским. Вашим собственным детям арестовать вас было что плюнуть. Даже легче".

Но другие утверждали, что это было очень давно, а сейчас жизнь спокойная, полицейского редко увидишь, хотя, конечно, где-то они есть.

Но зачем тут появился Смит? Некоторые считали, что он пришел, чтобы забрать у нас что-то. "Какая еще может быть причина прийти в такую деревню?" А другие говорили, что он пришел нам что-то дать, подкрепляя свою догадку теми же соображениями.

Но точно мы ничего не знали. Оставалось только ждать, пока Смит не решит открыться.

Судя по всему, человек он был во многом сведущий и немало повидавший. Однажды мы подпялись с ним на холм. То был разгар осени, чудесная пора. Смит любовался лежащей внизу долиной.

— Этот вид напоминает мне известную фразу Уильяма Джеймса, — сказал он. — "Пейзаж запечатлевается в человеческой памяти лучше, чем что-либо другое". Подходит, верно?

— А кто это — Уильям Джеймс? — спросил я.

Смит посмотрел на меня.

— Разве я упомянул чье-то имя? Извини, друг, обмолвился.

Но это была не последняя "обмолька". Через несколько дней я указал ему на уродливый склон, покрытый молодыми елочками, кустарником и сорной травой.

— Здесь был пожар пять лет назад, — объяснил я.

— Вижу, — произнес Смит. — И все же... Как сказал Монтень: "Ничто в природе не бесполезно, даже сама бесполезность".

Как-то, проходя по деревне, он остановился полюбоваться пионами мистера Богеля, которые все еще цвели, хотя время их давно миновало, и обронил:

— Воистину у цветов глаза детей, а рты старииков.

В конце недели кое-кто из нас собрались в задней комнате магазина Эдмондса и стали обсуждать мистера Эдгара Смита. Я упомянул про фразы, сказанные им мне. Билл Эдмондс вспомнил, что Смит ссылался на человека по имени Эмерсон, который утверждал, что одиночество невозможно, а общество фатально. Билл Фарклу сообщил, что Смит цитировал ему какого-то Иона Хиосского: "Удача сильно разнится от Искусства, но все же создает подобные творения". Но жемчужина оказалась у миссис Гордон; по словам Смита, это была фраза великого Леонардо да Винчи: "Клятвы начинаются, когда умирает надежда".

Мы смотрели друг на друга и молчали. Было очевидно, что мистер Эдгар Смит — не простой мебельщик.

Наконец я выразил словами то, что все мы думали.

— Друзья, — сказал я. — Этот человек — мнемон.

Мнемоны как отдельная категория выделились в течение последнего года Войны, Покончившей Со Всеми Войнами. Они объявили своей целью запоминать литературные произведения, которым грозила опасность быть затерянными, уничтоженными или запрещенными.

Сперва правительство приветствовало их усилия, поощряло и даже награждало. Но после Войны, когда началось правление Полицейских Президентов, политика изменилась. Была дана команда забыть несчастливое прошлое и строить новый мир. Беспокоящие веяния пресекались в корне.

Здравомыслящие согласились, что литература в лучшем случае не нужна, а в худшем — вредна. В конце концов, к чему сохранять болтовню таких воров, как Вийон, и шизофреников, как Кафка? Необходимо ли знать тысячи различных мнений, а затем разъяснять их ошибочность? Под воздействием таких влияний можно ли ожидать от гражданина правильного и лояльного поведения? Как заставить людей выполнять указания?

А правительство знало, что, если каждый будет выполнять указания, все будет в порядке.

Но дабы достичь этого благословленного состояния, сомнительные и противоречивые влияния должны быть уничтожены. Следовательно, историю надо переписать, а литературу ревизовать, сократить, приручить или запретить.

Мнемонам приказали оставить прошлое в покое. Они, разумеется, возражали. Дискуссии длились до тех пор, пока правительство не потеряло терпение. Был издан окончательный приказ, грозящий тяжелыми последствиями для послушников.

Большинство мнемонов бросили свое занятие. Некоторые,

однако, только притворились. Эти некоторые превратились в скрывающихся, подвергаемых гонениям бродячих учителей, когда и где возможно продающих свои знания.

Мы расспросили человека, называющего себя Эдгаром Смитом, и тот признался, что он мнемон. Он преподнес нашей деревне щедрый дар:

два сонета Уильяма Шекспира;
жалобы Иова Богу;
один полный акт пьесы Аристофана.

Сделав это, он стал предлагать свой товар на продажу жителям деревни.

Мистер Огден обменял целую свинью на две строфы Симонида.

Мистер Беллингтон, затворник, отдал свои золотые часы за высказывание Гераклита и посчитал это удачной сделкой.

Старая миссис Хит поменяла фунт гусиного пуха на три станса из поэмы "Аталаント в Калидонии" некоего Суинберна.

Мистер Мервин, хозяин ресторана, приобрел короткую оду Катулла, высказывание Тацита о Цицероне и десять строк из homerовского "Списка кораблей". Это обошлось ему недорого.

Мне не на что было покупать. Но за свои услуги я получил отрывок из Монтеня, фразу, приписываемую Сократу, и несколько строк из Анакреонта.

Неожиданным посетителем оказался мистер Линд, пришедший однажды морозным зимним утром. Мистер Линд был самым богатым фермером в округе и верил только в то, что мог увидеть и пощупать. Меньше всего мы ожидали, что его заинтересуют предложения Мнемона.

— Так вот, — начал Линд, маленький, краснолицый человек, быстро потирая руки, — я слышал о вас и ваших незримых товарах.

— А я слышал о вас, — как-то странно произнес Мнемон. — У вас ко мне дело?

— О да! — воскликнул Линд. — Я желаю купить эти старые чудные слова.

— Я поражен, — сказал Мнемон. — Кто мог представить себе такого добродорядочного гражданина, как вы, в подобной ситуации — покупающим товары не только незримые, но и нелегальные.

— Я делаю это для своей жены, которой в последнее время нездоровится.

— Нездоровится? Неудивительно, — сказал Мнемон. — И дуб согнется от такой работы.

— Эй вы, не суйте нос в чужие дела! — яростно проговорил Линд.

— Это мое дело, — возразил Мнемони. — Люди моей профессии не раздают слова налево и направо. Каждому получателю мы подбираем соответствующие строки. Если мы ничего не можем найти, то ничего и не продаем.

— Я думал, вы предлагаете свой товар всем покупателям.

— Вас дезинформировали. Я знаю одну пиндарическую оду, которую не продам вам ни за какие деньги.

— Как вы со мной разговариваете!

— Я разговариваю, как хочу. Если вам не нравится, обратитесь в другое место.

Мистер Линд гневно сверкнул глазами и побагровел, но ничего не мог сделать. Наконец он произнес:

— Простите. Не продадите ли вы что-нибудь для моей жены? На прошлой неделе был ее день рождения, но я только сейчас вспомнил.

— Замечательный человек! — сказал Мнемон. — Сентиментальный, как норка, и такой же любящий, как акула. Почему за подарком вы обратились ко мне? Разве не лучше подойдет новая маслобойка?

— О нет, — проговорил Линд тихим и грустным голосом. — Весь месяц она лежит в постели и почти ничего не ест. Помоему, она умирает.

Мнемон кивнул.

— Умирает! Я не приношу соболезнований человеку, который довел ее до могилы, и не пытаю симпатии к женщине, выбравшей себе такого мужа. Но у меня есть то, что ей понравится и облегчит смерть. Это будет стоить вам тысячу долларов.

— О боже! Нет ли у вас чего-нибудь подешевле?

— Конечно, есть, — ответил Мнемон. — У меня есть невинная комическая поэма на шотландском диалекте без середины; она ваша за две сотни. И есть "Ода памяти генерала Китченера", которую я отдаю вам за десять долларов.

— И больше ничего?

— Для вас больше ничего.

— Что ж... я согласен на тысячу долларов, — сказал Линд. — Да! Сара достойна и большего!

— Красиво сказано, хотя и поздно. Теперь слушайте внимательно.

Мнемон откинулся назад, закрыл глаза и начал читать.

Линд напряженно слушал. И я тоже слушал, проклиная свою нетренированную память и молясь, чтобы меня не прогнали из комнаты.

Это была длинная поэма, очень странная и красивая. Она все еще у меня...

Мы — люди. Необычные животные с необычными влечениями. Откуда в нас духовная жажда? Какой голод заставляет

человека обменивать три бушеля пшеницы на поэтическую строфу? Для существа духовного это естественно, но кто мог ожидать этого от нас? Кто мог представить, что нам недостает Платона? Может ли человек занемочь от отсутствия Плутарха, умереть от незнания Аристотеля?

Не стану отрицать. Я сам видел, как человека отрывали от Стриндберга.

Прошлое — частица нас самих, и уничтожить эту частицу — значит поломать что-то и в нас. Я знаю мужчину, обретшего смелость только после того, как он услышал об Эпаминонде, и женщину, ставшую красавицей после того, как она услышала про Афродиту.

У Мнемона был естественный враг в лице нашего учителя, мистера Ваха, учившего всему по утвержденной программе. И еще был враг — отец Дульсес, заботившийся о наших духовных потребностях в лоне Всеобщей Американской Патриотической Церкви.

Мнемон пренебрегал этими авторитетами. Он говорил нам, что многое, чему они учат, ложно. Он утверждал, что они извращают смысл знаменитых высказываний, придавая им противоположное значение.

Мы слушали его, мы размышляли над его словами. Медленно, болезненно, мы начали думать. И при этом — надеяться.

Неоклассический расцвет нашей деревни был бурным, ярким и неожиданным. Однажды ранним весенним днем я помогал с уроками сыну моего соседа. У него оказалось новое издание "Общей истории", и я просмотрел главу "Серебряный век Рима". И вдруг понял, что там не упоминается Цицерон. Его не внесли даже в алфавитный указатель. Я еще подумал: интересно, в каком преступлении он уличен?

А потом, внезапно, все кончилось. Трое пришли в нашу деревню, в серых мундирах с латунными значками, в тяжелых черных ботинках. Их лица были широкими и пустыми. Они повсюду ходили вместе и всегда стояли рядом друг с другом, вопросов не задавая и ни с кем не разговаривая. Они знали точно, где живет Мнемон, и, сверившись с планом, направились туда.

Эти трое находились у него в комнате, наверное, минут десять. Затем снова вышли на улицу. Их глаза бегали; они казались испуганными. Они быстро покинули нашу деревню.

Мы похоронили Смита на высоком холме, возле того места, где он впервые цитировал Уильяма Джеймса, среди поздних цветов с глазами детей и ртами стариков.

Миссис Блейк совершенно неожиданно назвала своего младшего Цицероном. Мистер Линд зовет свой яблоневый сад Ксанаду. Меня самого считают приверженцем зороастризма, хотя я и не знаю-то ничего об этом учении, кроме того, что оно призывает человека говорить правду и пускать стрелу прямо.

Но все это — тщетные потуги. А правда в том, что мы потеряли Ксанаду безвозвратно, потеряли Цицерона, потеряли Зороастра. Что еще мы потеряли? Какие великие битвы, города, мечты? Какие песни были спеты, какие легенды сложены? Теперь — слишком поздно — мы поняли, что наш разум как цветок, который должен корениться в богатой почве прошлого.

Мнемон, по официальному заявлению, никогда не существовал. Специальным указом он объявлен иллюзией — как Цицерон. Я — тот, кто пишет эти строки, — тоже скоро перестану существовать. Буду запрещен, как Цицерон, как Мнемон.

Никто не в силах мне помочь: правда слишком хрупка, она легко крошится в железных руках наших правителей. За меня не отомстят. Меня даже не запомнят. Уж если великого Зороастра помнит всего один человек, да и того вот-вот убьют, на что же надеяться??!

Поколение коров! Овцы! Свиньи! Если Эпамионд был человеком, если Ахилл был человеком, если Сократ был человеком, то разве мы люди?..

Поединок разумов

Часть первая

Квидак наблюдал с пригорка, как тонкий сноп света опускается с неба. Перистый снизу, золотой сноп сиял ярче солнца. Его венчало блестящее металлическое тело скорее искусственного, чем естественного происхождения, которое Квидак уже видел в прошлом. Квидак пытался найти ему название.

Слово не вспоминалось. Память затухла в нем вместе с функциями, остались лишь беспорядочные осколки образов. Он перебирал их, просеивал обрывки воспоминаний — развалины городов, гибель тех, кто в них жил, канал с голубой водой, две луны, космический корабль...

Вот оно! Снижается космический корабль. Их было много в славную эпоху Квидака.

Славная эпоха канула в прошлое, погребенная под песками. Уцелел только Квидак. Он еще жил, и у него оставалась высшая цель, которая должна быть достигнута. Могучий ин-

стинкт высшей цели сохранился и после того, как истончилась память и замерли функции.

Квидак наблюдал. Потеряв высоту, корабль нырнул, качнулся, включил боковые дюзы, выровнялся и, подняв облачко пыли, сел на хвост посреди бесплодной равнины.

И Квидак, побуждаемый сознанием высшей цели Квидака, с трудом пополз вниз. Каждое движение отзывалось в нем острой болью. Будь Квидак себялюбивым созданием, он бы не вынес и умер. Но он не знал себялюбия. Квидаки имели свое предназначение во Вселенной. Этот корабль, первый за бесконечные годы, был мостом в другие миры, к планетам, где Квидак смог бы обрести новую жизнь и послужить местной фауне.

Он одолевал сантиметр за сантиметром и не знал, хватит ли у него сил доползти до корабля пришельцев, прежде чем тот улетит с этой пыльной и мертвой планеты.

Йенсен, капитан космического корабля "Южный Крест", был по горло сыт Марсом. Они провели тут десять дней, а результат? И ни одной стоящей археологической находки, ни единого обнадеживающего намека на некогда существовавший город — вроде того, что экспедиция "Полариса" открыла на Южном полюсе. Тут были только песок, несколько чахоточных кустиков да пара-другая покатых пригорков. Их лучшим трофеем за все это время стали три глиняных черепка.

Йенсен поправил кислородную маску. Над косогором показались два возвращающихся астронавта.

— Что хорошего? — окликнул их Йенсен.

— Да вот только, — ответил бортинженер Вейн, показывая обломок ржавого лезвия без рукоятки.

— И на том спасибо, — сказал Йенсен. — А что у тебя, Уилкс?

Штурман пожал плечами:

— Фотоснимки местности, больше ничего.

— Ладно, — произнес Йенсен. — Валите все в стерилизатор, и будем трогаться.

У Уилкса вытянулось лицо:

— Капитан, разрешите одну-единственную коротеньку вылазку к северу — вдруг подвернется что-нибудь по-настоящему...

— Исключено, — возразил Йенсен. — Топливо, продовольствие, вода — все рассчитано точно на десять дней. Это на три дня больше, чем было у "Полариса". Стартуем вечером.

Инженер и штурман кивнули. Жаловаться не приходилось: как участники Второй марсианской экспедиции, они могли твердо надеяться на почетную, пусть и короткую сноску в курсах истории. Они опустили снаряжение в стерилизатор,

завинтили крышку и поднялись по лесенке к люку. Вошли в шлюз-камеру. Вейн задраил внешний люк и повернул штурвал внутреннего.

— Постой! — крикнул Йенсен.

— Что такое?

— Мне показалось, у тебя на ботинке что-то вроде большого клопа.

Вейн ощупал ботинки, а капитан со штурманом оглядели со всех сторон его комбинезон.

— Заверни-ка штурвал, — сказал капитан. — Уилкс, ты ничего такого не заметил?

— Ничегошеньки, — ответил штурман. — А вы уверены, кэп? На всей планете мы нашли только несколько растений, зверьем или насекомыми и не пахло.

— Что-то я видел, готов поклясться, — сказал Йенсен. — Но, может, просто почудилось... Все равно продезинфицируем одежду перед тем, как войти. Рисковать не стоит — не дай бог прихватим с собой какого-нибудь марсианского жучка.

Они разделись, сунули одежду и обувь в приемник и тщательно обыскали голую стальную шлюз-камеру.

— Ничего, — наконец констатировал Йенсен. — Ладно, пошли.

Вступив в жилой отсек, они задраили люк и продезинфицировали шлюз. Квидак, успевший проползти внутрь, уловил отдаленное шипение газа. Немного спустя он услышал, как заработали двигатели.

Квидак забрался в темный кормовой отсек. Он нашел металлический выступ и прилепился снизу у самой стенки. Прошло еще сколько-то времени, и он почувствовал, что корабль вздрогнул.

Бесь утомительно долгий космический полет Квидак провисел, уцепившись за выступ. Он забыл, что такое космический корабль, но теперь память быстро восстанавливалась. Он погружался то в чудовищный жар, то в ледяной холод. Адаптация к перепадам температуры истощила и без того скучный запас его жизненных сил. Квидак почувствовал, что может не выдержать.

Он решительно не хотел погибать. По крайней мере до тех пор, пока имелась возможность достичь высшей цели Квидака.

Спустя какое-то время он ощутил жесткую силу тяготения, почувствовал, как снова включились главные двигатели. Корабль садился на родную планету.

После посадки капитана Йенсена и его экипаж, согласно правилам, препроводили в Центр медконтроля, где прослушали, прозондировали и проверили, не гнездится ли в них какой-нибудь недуг.

Корабль погрузили на вагон-платформу и отвезли вдоль

рядов межконтинентальных баллистических ракет и лунных кораблей на дегазацию первой ступени. Здесь наружную обшивку корпуса обработали, задраив люки, сильными ядохимикатами. К вечеру корабль переправили на дегазацию второй ступени, и им занялась спецкоманда из двух человек, оснащенных громоздкими баллонами со шлангами.

Они отдраили люк, вошли и закрыли его за собой. Начали они с носовой части, методично опрыскивая помещения по мере продвижения к корме. Все как будто было в порядке: никаких животных или растений, никаких следов плесени вроде той, какую завезла Первич лунная экспедиция.

— Неужели все это и вправду нужно? — спросил младший дегазатор (он уже подал рапорт о переводе в диспетчерскую службу).

— А то как же, — ответил старший. — На таких кораблях можно завезти черт знает что.

— Пожалуй, — согласился младший. — А все-таки марсианская жизнь, если она, конечно, есть, на Земле вряд ли уцелет. Или нет?

— Откуда мне знать? — изрек старший. — Я не биолог. Да биологи, скорее всего, и сами не знают.

— Только время даром тра... Эге!

— В чем дело? — спросил старший.

— По-моему, там что-то есть, — сказал младший. — Какая-то тварь вроде пальмового жука. Вон под тем выступом.

Старший дегазатор поплотнее закрепил маску и знаком приказал помощнику сделать то же. Он осторожно приблизился к выступу, отстегивая второй шланг от заплечного баллона, и, нажав на спуск, распылил облако зеленоватого газа.

— Ну вот, — произнес он, — на твоего жука хватит. — Став на колени, он заглянул под выступ: — Ничего нет.

— Видно, померещилось, — сказал помощник.

Они на пару обработали из распылителей весь корабль, уделив особое внимание маленькому контейнеру с марсианскими находками, и, выйдя из заполненной газом ракеты, задраили люк.

— Что дальше? — спросил помощник.

— Дальше корабль простоит закупоренным трое суток, — ответил старший дегазатор, — а потом мы проведем вторичный осмотр. Ты найди мне тварь, которая протянет три дня в таких условиях!

Все это время Квидак висел, прилепившись к ботинку младшего дегазатора между каблуком и подошвой. Теперь он отцепился и, прислушиваясь к басовитому, раскатистому и непонятному звуку человеческих голосов, следил, как удаляются темные двуногие фигуры. Он чувствовал усталость и невыразимое одиночество.

Но его поддерживала мысль о высшей цели Квидака. Остальное не имело значения. Первый этап в достижении цели остался позади: он успешно высадился на обитаемой планете. Сейчас ему требовались вода и пища. Затем — отдых, основательный отдых, чтобы восстановить уснувшие способности. И тогда он сможет дать этому миру то, чего ему так явно недостает, — сообщество, которое способен основать один лишь Квидак.

Он медленно пополз через темную площадку, мимо пустых махин космических кораблей, добрался до проволочной ограды и ощутил, что по проволоке пропущен ток высокого напряжения. Тщательно рассчитав траекторию, Квидак благополучно проскочил в ячейку.

Этот участок оказался совсем другим. Квидак почуял близко воду и пищу. Он торопливо пополз вперед — и остановился.

Ощущалось присутствие человека. И чего-то еще, куда более грозного.

— Кто там? — окликнул охранник. Он застыл с револьвером в одной руке и фонариком в другой. Неделю назад на склад проникли воры и сперли три ящика с частями для ЭВМ, ожидающими отправки в Рио. Сейчас он был готов встретить грабителей как положено.

Охранник приблизился — стариk с зорким взглядом и решительной повадкой. Луч фонарика пробежал по грузам, вспыхнул желтымиискрами в пирамиде фрезерных станков повышенной точности для Южной Африки, скользнул по водозаборному устройству (получатель — Иордания) и куче разносортного груза назначением в Рабаул.

— Выходи, а то хуже будет! — крикнул охранник. Луч выхватил из темноты мешки риса (порт доставки — Шанхай), партию электропил для Бирмы — и замер.

— Тыфу ты, черт, — пробормотал охранник и рассмеялся. Перед ним сидела, уставившись на свет, огромная красноглазая крыса. В зубах у нее был какой-то необычно большой таракан. — Приятного аппетита, — сказал охранник и, засунув револьвер в кобуру, возобновил обход.

Большой черный зверь сцепал Квидака, и твердые челюсти сомкнулись у него на спинке. Квидак попробовал сопротивляться, но внезапный луч желтого света ослепил его, и он впал в пристрацию.

Желтый свет удалился. Зверь сжал челюсти, пытаясь прокусить Квидаку панцирь. Квидак собрал последние силы и, расправив свой длинный, в сегментах, как у скорпиона, хвост, нанес удар.

Он промахнулся, но черный зверь сразу же его выпустил. Квидак задрал хвост, изготовившись для второго удара, а

зверь принялся кружить вокруг него, не желая упускать добычу.

Квидак выжидал подходящий момент. Его переполняло ликование. Это агрессивное существо может стать первым — первым на всей планете — приобщенным к высшей цели Квидака. Эта ничтожная зверушка положит начало...

Зверь прыгнул, злобно щелкнув белыми зубами. Квидак увернулся и, молниеносно взмахнув хвостом, прицепился концевыми шипами зверю к спине. Зверь метался и прыгал, но Квидак упорно держался, сосредоточившись на первоочередной задаче — пропустить через хвостовой канал белый кристаллик и вогнать его зверю под шкуру.

Но эта важнейшая из способностей Квидака все еще к нему не вернулась. Не в силах добиться желаемого, Квидак втянул шипы, стремительно нацелился и ужалил черного зверя точно между глаз. Удар, как он знал, будет смертельный.

Квидак насытился убитым противником. Особой радости он при этом не испытывал — Квидак предпочитал растительную пищу. Окончив трапезу, он понял, что ему жизненно необходим долгий отдых. Только отдых мог полностью восстановить способности и силы Квидака.

В поисках укрытия он одолел горы грузов, сваленных на площадке. Обследовав несколько тюков, он наконец добрался до штабеля тяжелых ящиков. В одном из них он обнаружил отверстие, в которое как раз мог протиснуться.

Квидак вполз в ящик и по блестящей, скользкой от смазки поверхности какого-то механизма пробрался в дальний угол. Там он погрузился в глубокий, без сновидений, сон квидаков, безмятежно положившись на то, что принесет с собой будущее.

Часть вторая

I

Большая остроносая шхуна держала курс прямо на остров в кольце рифа, приближаясь к нему со скоростью экспресса. Могучие порывы северо-восточного ветра надували ее паруса, из люка, закрытого решеткой тикового дерева, доносилось тарахтение ржавого дизеля марки "Эллисон-Чемберс". Капитан и помощник стояли на мостике, разглядывая надвигающийся риф.

— Что-нибудь видно? — спросил капитан, коренастый лысеющий человек с постоянно насупленными бровями. Вот уже двадцать пять лет он водил свою шхуну вдоль и поперек юго-

западной Океании с ее не обозначенными на картах мелями и рифами. И хмурился он оттого, что никто не брался страховать его старую посудину. Их палубный груз, однако, был застрахован, и часть этого груза проделала путь от самого Огденсвилла, перевалочной базы в пустыне, где приземлялись космические корабли.

— Ничего, — ответил помощник.

Он впился глазами в ослепительно белый коралловый барьер, высматривая синий просвет, который укажет узкий проход в лагуну. Для помощника это было первое плавание к Соломоновым островам. До того как им овладела страсть к путешествиям, он работал в Сиднее мастером по ремонту телевизоров; сейчас он решил, что капитан спятил и собирается учинить эффектное смертоубийство, бросив судно на рифы.

— По-прежнему ничего! — крикнул он. — Банки по курсу!

— Дай-ка мне, — сказал капитан рулевому. Он крепко сжал штурвал и уперся взглядом в сплошную стену рифа.

— Ничего, — повторил помощник. — Капитан, лучше развернуться.

— Нет, а то не проскочим, — ответил тот. Он начинал тревожиться. Но он обещал группе американцев-кладоискателей доставить груз на этот самый остров, а капитан был хозяином своего слова. Груз он получил в Рабауле, заглянул, как обычно, к поселенцам на Нью-Джорджию и на Малaitу и заранее предвкушал тысячемильное плавание к Новой Кaledонии, которое ожидало его после захода на этот остров.

— Вот он! — заорал помощник.

В коралловом барьере прорезалась узенькая голубая полоска. Их отделяло от нее менее тридцати ярдов; старая шхуна шла со скоростью около восьми узлов.

Когда судно входило в проход, капитан резко крутанул штурвал, и шхуну развернуло на киле. По обе стороны мелькнул коралл, едва не задев обшивки. Раздался металлический скрежет: верхний рей гrott-мачты, спружинив, чиркнул по скале, и они очутились в проходе со встречным течением в шесть узлов.

Помощник запустил двигатель на полную силу и вспрыгнул на мостик помочь капитану управиться со штурвалом. Под парусом и на дизельной тяге шхуна одолела проход, царапнув левым бортом о коралловый риф, и вошла в спокойные воды лагуны.

Капитан вытер лоб большим платком в горошек.

— Чистая работа, — произнес он.

— Ничего себе чистая! — взвыл помощник и отвернулся. По лицу капитана пробежала улыбка.

Они миновали стоящий на якоре маленький кеч¹. Матросы-туземцы убрали парус, и шхуна ткнулась носом в рахитичный причал, отходивший от песчаного берега. Швартовы привязали прямо к пальмам. Из начинавшихся сразу за пляжем джунглей в ярком свете полуденного солнца появился белый мужчина и быстрым шагом направился к шхуне.

Он был худой и очень высокий, с узловатыми коленями и локтями. Злое солнце Меланезии наградило его не загаром, а ожогами — у него облезла кожа на носу и скулах. Его роговые очки со сломанной дужкой скрепляла полоска лейкопластиря. Вид у него был энергичный, по-мальчишески задорный и довольно простодушный.

Тоже мне охотник за сокровищами, подумал помощник.

— Рад вас видеть! — крикнул высокий. — А мы уж было решили, что вы совсем сгинули.

— Еще чего, — ответил капитан. — Мистер Соренсен, познакомьтесь с моим новым помощником, мистером Уиллисом.

— Очень рад, профессор, — сказал помощник.

— Я не профессор, — поправил Соренсен, — но все равно спасибо.

— Где остальные? — поинтересовался капитан.

— Там, в лесу, — ответил Соренсен. — Все, кроме Дрейка, он сейчас подойдет. Вы у нас долго пробудете?

— Только разгрузусь, — сказал капитан. — Нужно поспать к отливу. Как сокровища?

— Мы хорошо покопали и не теряем надежды.

— Но дублонов пока не выкопали? Или золотых песо?

— Ни единого, черт их побери, — устало промолвил Соренсен. — Вы привезли газеты, капитан?

— А как же, — ответил тот. — Они у меня в каюте. Вы слыхали о втором корабле на Марс?

— Слышал, передавали на коротких волнах, — сказал Соренсен. — Не очень-то много они там нашли, а?

— Можно сказать, ничего не нашли. Но все равно, только подумать! Два корабля на Марс, и, я слыхал, собираются запустить еще один — на Венеру.

Все трое поглядели по сторонам, ухмыльнулись.

— Да, — сказал капитан, — по-моему, до юго-западной Океании космический век еще не добрался. А уж до этого места и подавно. Ну ладно, займемся грузом.

"Этим местом" был остров Вуану, самый южный из Соломоновых, рядом с архипелагом Луизиада. Остров вулканического происхождения, довольно большой — около два-

¹Небольшое двухмачтовое парусное судно грузоподъемностью 100 — 200 тонн.

дцати миль в длину и несколько в ширину. Когда-то тут располагалось с полдюжины туземных деревушек, но после опустошительных налетов работников в 1850-х годах население начало сокращаться. Эпидемия кори унесла почти всех оставшихся, а уцелевшие туземцы перебрались на Нью-Джорджию. Во время второй мировой войны тут устроили наблюдательный пункт, но корабли сюда не заходили. Японское вторжение захватило Новую Гвинею, самые северные из Соломоновых островов и прокатилось еще дальше на север через Микронезию. К концу войны Вуану оставался все таким же заброшенным. Его не превратили ни в птичий заповедник, как остров Кантон, ни в ретрансляционную станцию, как остров Рождества, ни в заправочный пункт, как один из Кокосовых. Он никому не понадобился даже под полигон для испытания атомной, водородной или иной бомбы. Вуану представлял собой никудышный, сырой, заросший участок суши, где мог хозяйничать всякий, кому захочется.

Уильяму Соренсену, директору-распорядителю сети виноторговых магазинов в Калифорнии, захотелось похозяйничать на Вуану.

У Соренсена была страсть — охота за сокровищами. В Луизиане и Техасе он искал сокровища Лафитта, а в Аризоне — Забытый Рудник Голландца. Ни того, ни другого он не нашел. На усеянном обломками берегу Мексиканского залива ему повезло немного больше, а на крошечном островке в Карибском море он нашел две пригоршни испанских монет в прогнившем парусиновом мешочке. Монеты стоили около трех тысяч долларов, экспедиция обошлась куда дороже, но Соренсен считал, что затраты окупились с лихвой.

Много лет ему не давал покоя испанский галион "Святая Тереза". По свидетельствам современников, судно отшпало из Манилы в 1689 году, доверху груженное золотом. Неповоротливый корабль угодил в шторм, был снесен к югу и напоролся на риф. Восемнадцать человек, уцелевших при крушении, ухитрились выбраться на берег и спасти сокровища. Они закопали золото и в корабельной шлюпке отплыли под парусом на Филиппины. Когда шлюпка достигла Манилы, в живых оставалось всего двое.

Островом сокровищ предположительно должен был быть один из Соломоновых. Но какой именно?

Этого не знал никто. Кладоискатели разыскивали тайник на Бугенвиле и Буке. Поговаривали, что он может оказаться на Малайите. Добрались даже до атолла Онтонг-Джава. Никаких сокровищ, однако, не обнаружили.

Основательно изучив проблему, Соренсен пришел к выводу, что "Святая Тереза", по всей вероятности, умудрилась

проплыть между Соломоновыми островами чуть ли не до архипелага Луизиада и тут только разбилась о риф Вуану.

Мечта поискать сокровища на Вуану так бы и осталась мечтой, не повстречай Соренсен Дэна Дрейка — еще одного из той же породы кладоискателей-любителей и к тому же, что важнее, владельца пятидесятифутового кеча.

Так в один прекрасный вечер за рюмкой спиртного родилась экспедиция на Вуану.

Они подобрали еще несколько человек. Привели кеч в рабочее состояние. Скопили деньги, подготовили снаряжение. Продумали, где еще в юго-западной Океании можно было устроить тайник. Наконец согласовали отпуска, и экспедиция отбыла по назначению.

Вот уже три месяца они работали на Вуану и пребывали в бодром настроении, несмотря на неизбежные в такой маленькой группе трения и разногласия. Шхуна, доставившая припасы и груз из Сиднея и Рабаула, была их единственной связью с цивилизованным миром на ближайшие полгода.

Экипаж занимался выгрузкой под надзором Соренсена. Он нервничал, опасаясь, как бы в последнюю минуту не грохнул какой-нибудь механизм, который везли сюда за шесть с лишним тысяч миль. О замене не могло быть и речи, так что, если они чего недосчитываются, придется им без этого как-то обходиться. Он с облегчением вздохнул, когда последний ящик — в нем был детектор металла — благополучно перевели через борт и втащили на берег выше отметки максимального уровня прилива.

С этим ящиком вышла небольшая накладка. Осмотрев его, Соренсен обнаружил в одном углу дырку с двадцатицентовую монету; упаковка оказалась с брачком.

Подошел Дэн Дрейк, второй руководитель экспедиции.

— Что стряслось? — спросил он.

— Дырка в ящике, — ответил Соренсен. — Могла попасть морская вода. Весело нам придется, если детектор начнет барахлить.

— Давай вскроем и поглядим, — кивнул Дрейк. Это был низкорослый, широкоплечий, дочерна загоревший брюнет с редкими усиками и короткой стрижкой. Старая шапочка яхтсмена, которую он натягивал до самых глаз, придавала ему сходство с упрямым бульдогом. Он извлек из-за пояса большую отвертку и вставил в отверстие.

— Не спеши, — остановил его Соренсен. — Оттащим-ка сперва его в лагерь. Ящик нести легче, чем аппарат в смазке.

— И то верно, — согласился Дрейк. — Берись с другого конца.

Лагерь был разбит в ста ярдах от берега, на вырубке, где находилась брошенная туземцами деревушка. Кладоискате-

ли сумели заново покрыть пальмовым листом несколько хижин. Стоял тут и старый сарай для копры под кровом из оцинкованного железа — в нем они держали припасы. Сюда даже долетал с моря слабый ветерок. За вырубкой сплошной серо-зеленой стеной поднимались джунгли.

Соренсен и Дрейк опустили ящик на землю. Капитан — он шел рядом и нес газеты — посмотрел на хилые лачуги и покачал головой.

— Не хотите промочить горло, капитан? — предложил Соренсен. — Вот только льда у нас нет.

— Не откажусь, — сказал капитан. Он не мог понять, что за сила погнала людей в такую забытую богом дыру за мифическими испанскими сокровищами.

Соренсен принес из хижины бутылку виски и алюминиевую кружку. Дрейк, вооружившись отверткой, сосредоточенно вскрывал ящик.

— Как на вид? — спросил Соренсен.

— Нормально, — ответил Дрейк, осторожно извлекая детектор. — Смазки не пожалели. Повреждений вроде бы нет...

Он отпрыгнул, а капитан шагнул и с силой вогнал каблук в песок.

— В чем дело? — спросил Соренсен.

— Похоже, скорпион, — сказал капитан. — Выполз прямо из ящика. Мог и ужалить кого. Мерзкая тварь!

Соренсен пожал плечами. За три месяца на Вуану он привык к тому, что кругом кишат насекомые, так что еще одна тварь погоды не делала.

— Повторить? — предложил он.

— И хочется, да нельзя, — вздохнул капитан. — Пора отчаливать. У вас все здоровы?

— Пока что все, — ответил Соренсен и, улыбнувшись, добавил: — Если не считать запущенных случаев золотой лихорадки.

— Здесь вам ни в жизнь золота не найти, — убежденно произнес капитан. — Через полгода загляну вас проводить. Удачи!

Обменявшись с ними рукопожатиями, капитан спустился к лагуне и поднялся на шхуну. Когда закат тронул небо первым розоватым румянцем, судно отчалило. Соренсен и Дрейк провожали его глазами, пока оно одолевало проход. Еще несколько минут его мачты просматривались над рифом, потом скрылись за горизонтом.

— Ну, — сказал Дрейк, — вот мы, сумасшедшие американцы-кладоискатели, и снова одни.

— Тебе не кажется, что он что-то почуял? — спросил Соренсен.

— Уверен, что нет. Мы для него — безнадежные психи.

Они ухмыльнулись и взглянули на лагерь. Под сараем для копры было зарыто золотых и серебряных слитков примерно на пятьдесят тысяч долларов. Их откопали в джунглях, перенесли в лагерь и снова аккуратно закопали. В первый же месяц экспедиция обнаружила на острове часть сокровищ со "Святой Терезы", и все указывало на то, что найдутся и остальные. А так как по закону никаких прав на остров у них не было, они совсем не спешили трубить об успехе. Стоит известию просочиться, как алчущие золота бродяги от Перта до Папеэте все как один ринутся на Вуану.

— Скоро и ребята придут, — сказал Дрейк. — Поставим мясо тушиться.

— Самое время, — ответил Соренсен. Он прошел несколько шагов и остановился. — Странно.

— Что странно?

— Да этот скорпион, которого раздавил капитан. Он исчез.

— Значит, капитан промазал, — сказал Дрейк. — А может, только вдавил его в песок. Нам-то что за забота?

— Да, в общем, никакой, — согласился Соренсен.

II

Эдвард Икинс шел по зарослям, закинув на плечо лопату с длинной ручкой, и задумчиво сосал леденец. Первый за много месяцев леденец казался ему пищей богов. Настроение у него было прекрасное. Накануне шхуна доставила не только инструменты и запчасти, но также продукты, сигареты и сладости. На завтрак у них была яичница с настоящей свиной грудинкой. Еще немного, и экспедиция приобретет вполне цивилизованный облик.

Рядом в кустах что-то запуршало, но Икинс шел своей дорогой, не обращая внимания.

Это был худой сутуловатый человек, рыжеволосый, дружелюбный, с бледно-голубыми глазами, но без особого обаяния. То, что его взяли в экспедицию, он почитал за удачу. Хозяин бензоколонки, он был беднее других и не смог полностью внести в общий котел свою долю, из-за чего его до сих пор грызла совесть. В экспедицию его взяли потому, что он был страстным и неутомимым охотником за сокровищами и хорошо знал джунгли. Не меньшую роль сыграло и то, что он оказался опытным радиостом и вообще мастером на все руки. Передатчик на кече работал у него безотказно, несмотря на морскую соль и плесень.

Теперь он, понятно, мог внести свой пай целиком. Но раз они и в самом деле разбогатели, теперь это уже не имело значения. И все же ему хотелось внести в это дело особый вклад...

В кустах снова зашуршало.

Икинс остановился и подождал. Кусты дрогнули, и на тропинку вышла мышь.

Икинс остолбенел. Мыши, как большинство диких зверушек на острове, боялись человека. Они хоть и кормились на лагерной помойке, когда крысы первыми не добирались до отбросов, однако старательно избегали встреч с людьми.

— Шла бы ты себе домой, — посоветовал Икинс мыши.

Мышь уставилась на Икинса. Икинс уставился на мышь. Хорошенький светло-шоколадный зверек величиной не больше четырех-пяти дюймов вовсе не выглядел испуганным.

— Пока, мышенция, — сказал Икинс, — некогда мне, у меня работа.

Он переложил лопату на другое плечо, повернулся, краем глаза уловил, как метнулось коричневое пятнышко, и инстинктивно отпрянул. Мышь проскочила мимо, развернулась и подобралась для повторного прыжка.

— Ты что, спятила? — осведомился Икинс.

Мышь ощерила крохотные зубки и прыгнула. Икинс отбил нападение.

— А ну, вали отсюда к чертовой матери, — сказал он. Ему подумалось: может, она и вправду сошла с ума или взбесилась?

Мышь изготавливалась для новой атаки. Икинс поднял лопату и замер, выжидая. Когда мышь прыгнула, он встретил ее точно рассчитанным ударом. Потом скрея сердце осторожно добил.

— Нельзя же, чтобы бешеная мышь разгуливала на воле, — произнес он. Но мышь не походила на бешеную — она просто была очень целеустремленной.

Икинс поскреб в затылке. А все-таки, подумал он, что же вселилось в эту мелкую тварь?

Вечером в лагере рассказ Икинса был встречен взрывами хохота. Поединок с мышью — такое было вполне в духе Икинса. Кто-то предложил ему впредь ходить с ружьем — на случай, если мышиная родня надумает отомстить. В ответ Икинс только сконфуженно улыбался.

Два дня спустя Соренсен и Эл Кейбл в двух милях от лагеря заканчивали утреннюю смену на четвертом участке. На этом месте детектор показал залегание. Они углубились уже на семь футов, но пока что накопали лишь большую кучу желтовато-коричневой земли.

— Видимо, детектор наврал, — устало вытирая лицо, сказал Кейбл, дородный человек с младенчески розовой кожей. На Вуану он спустил вместе с потом двадцать фунтов веса, подхватил троих лисичай в тяжелой форме и по горло насытился охотой за сокровищами. Ему хотелось одного — по-

скорей очутиться у себя в Балтиморе, в своем насиженном кресле хозяина агентства по продаже подержанных автомобилей. Об этом он заявлял решительно, неоднократно и в полный голос. В экспедиции он единственный оказался плохим работником.

— С детектором все в порядке, — возразил Соренсен. — Тут, на беду, почва болотистая. Тайник, должно быть, ушел глубоко в землю.

— Можно подумать, на все сто футов, — отозвался Кейбл, со злостью всадив лопату в липкую грязь.

— Что ты, — сказал Соренсен, — под нами базальтовая скала, а до нее самое большое двадцать футов.

— Двадцать футов! Зря мы не взяли на остров бульдозер.

— Пришлось бы выложить круглую сумму, — примирительно ответил Соренсен. — Ладно, Эл, давай собираться, пора в лагерь.

Соренсен помог Кейблу выбраться из ямы. Они обтерли лопаты и направились было к узкой тропе, что вела в лагерь, но тут же остановились.

Из зарослей, преградив им дорогу, выступила огромная безобразного вида птица.

— Это что еще за диковина? — спросил Кейбл.

— Казуар.

— Ну так наподдадим ему, чтоб не торчал на дороге, и пойдем себе.

— Полегче, — предупредил Соренсен. — Если кто кому и наподдаст, так это он нам. Отступаем без паники.

Это была черная, похожая на страуса птица высотой в добрых пять футов, на мощных ногах. Трехпалые лапы заканчивались впушительными кривыми когтями. У птицы были короткие недоразвитые крылья и желтоватая костиистая головка; с шеи свешивалась яркая красно-зелено-фиолетовая бородка.

— Он опасный? — спросил Кейбл.

Соренсен утвердительно кивнул:

— На Новой Гвинея эта птица, случалось, насмерть забивалаaborигенов.

— Почему мы до сих пор его не видали?

— Обычно они очень робкие, — объяснил Соренсен, — и держатся от людей подальше.

— Этого-то робким не назовешь, — сказал Кейбл, когда казуар шагнул им навстречу. — Мы сможем удрать?

— Они бегают много быстрей, — ответил Соренсен. — Ружьё ты с собой, конечно, не взял?

— Конечно, нет. Кого тут стрелять?

Пятым, они выставили перед собой лопаты наподобие копий. В кустах захрустело, и появился муравьед. Следом вы-

лезла дикая свинья. Звери втроем надвигались на людей, тесня их к плотной завесе зарослей.

— Они нас гонят! — Голос Кейбла сорвался на визг.

— Спокойнее, — сказал Соренсен. — Остерегаться нужно одного казуара.

— А муравьеды опасны?

— Только для муравьев.

— Черта с два, — сказал Кейбл. — Билл, на этом острове все животные тронулись. Помнишь Икинсову мышь?

— Помню, — ответил Соренсен. Они отступили до конца вырубки. Спереди напирали звери во главе с казуаром, за спиной были джунгли и неизвестность, к которой их оттесняли.

— Придется рискнуть и пойти на прорыв, — сказал Соренсен.

— Проклятая птица загораживает дорогу.

— Попробуем ее сбить, — решил Соренсен. — Берегись лапы. Побежали!

Они бросились на казуара, размахивая лопатами. Казуар замешкался, выбирая, потом повернулся к Кейблу и выбросил правую ногу. Удар пришелся по касательной. Раздался звук вроде того, какой издает говяжий бок, если по нему треснуть плащмя большим секачом. Кейбл ухнул и повалился, схватившись за грудь.

Соренсен взмахнул лопатой и заточенным ее краем почти начисто снес казуару голову. Тут на него накинулись муравьед со свиньей. От них он отился лопатой. Затем — и откуда только силы взялись? — наклонился, взвалил Кейбла на спину и припустил по тропе.

Через четверть мили он совсем выдохся, пришлось остановиться. Не было слышно ни звука. Судя по всему, свинья с муравьедом отказались от преследования. Соренсен занялся пострадавшим.

Кейбл очнулся и вскоре смог идти, опираясь на Соренсена. Добравшись до лагеря, Соренсен созвал всех участников экспедиции. Пока Икинс перебинтовывал Кейблу грудь эластичным бинтом, он сосчитал пришедших. Одного не хватало.

— Где Дрейк? — спросил Соренсен.

— На той стороне, удет рыбу на северном берегу, — ответил Том Рисетич. — Сбегать позвать?

Соренсен подумал, потом сказал:

— Нет. Сперва я объясню, с чем мы столкнулись. Затем раздадим оружие. А уж затем попробуем найти Дрейка.

— Послушай, что у нас тут происходит? — спросил Рисетич.

И Соренсен рассказал им о том, что случилось на четвертом участке.

В рационе кладоискателей рыба занимала большое место, а ловля рыбы была любимым занятием Дрейка. Поначалу он отправился на лов с маской и гарпунным ружьем. Но в этом богоспасаемом уголке водилось слишком много голодных и нахальных акул, так что он скрепя сердце отказался от подводной охоты и удил на леску с подветренного берега.

Закрепив лесы, Дрейк улегся в тени пальмы. Он дремал, сложив на груди крупные руки. Его пес Оро рыскал по берегу в поисках раков-отшельников. Оро был добродушным существом неопределенной породы — отчасти эрдель, отчасти терьер, отчасти бог весть что. Вдруг он зарычал.

— Не лезь к крабам! — крикнул Дрейк. — Доиграешься: снова клешни отведаешь.

Оро продолжал рычать. Дрейк перекатился на живот и увидел, что пес сделал стойку над большим насекомым, похожим на скорпиона.

— Оро, брось эту гадость...

Дрейк не успел и глазом моргнуть, как насекомое прыгнуло, оказалось у Оро на шее и ударило своим членистым хвостом. Оро коротко взляял. В одну секунду Дрейк был на ногах. Он попытался прихлопнуть тварь, но та соскочила с собаки и удрали в заросли.

— Тихо, старина, — сказал Дрейк. — Смотри, какая скверная ранка. В ней может быть яд. Дай-ка мы ее вскроем.

Он крепко обнял пса — тот часто и быстро дышал — и извлек кортик. Ему уже приходилось оперировать Оро — в Центральной Америке, когда того ужалила змея; а на Адирондаке он, придерживая собаку, щипцами вытягивал у нее из пасти иглы дикобраза. Пес всегда понимал, что ему помогают, и не сопротивлялся.

На этот раз собака вцепилась ему в руку.

— Оро!

Свободной рукой Дрейк сжал псу челюсти у основания, сильно надавил и парализовал мышцы, так что собака разомкнула пасть. Выдернув руку, он отпихнул Оро. Пес поднялся и пошел на хозяина.

— Стоять! — крикнул Дрейк. Пес приближался, заходя сбоку так, чтобы отрезать его от воды.

Обернувшись, Дрейк увидел, что "скорпион" снова вылез из джунглей и ползет в его сторону. Тем временем Оро носился кругами, стараясь оттеснить Дрейка прямо на "скорпиона".

Дрейк не понимал, что все это значит, однако почел за благо не задерживаться и не выяснять. Подняв кортик, он запустил им в "скорпиона", но промахнулся. Тварь оказалась в опасной близости и могла прыгнуть в любую секунду.

Дрейк рванулся к океану. Оро попытался ему помешать,

но он пинком отбросил пса с дороги, бросился в воду и поплыл вокруг острова к лагерю, уновая, что успеет добраться раньше, чем до него самого доберутся акулы.

III

В лагере спешно вооружались. Насухо протерли винтовки и револьверы. Извлекли и повесили на грудь полевые бинокли. Мигом разобрали все имевшиеся ножи, топоры и мачете. Разделили патроны. Распаковали оба экспедиционных переговорных устройства и собрались идти искать Дрейка, но тут он сам вышел из-за мыса, неутомимо работая руками.

Он выбрался на берег усталый, но невредимый. Сопоставив все факты, кладоискатели пришли к некоторым малоприятным выводам.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — спросил Кейбл, — что все это вытворяет какая-то *букашка*?

— Похоже на то, — ответил Соренсен. — Приходится допустить, что насекомое способно управлять чужим сознанием — с помощью там гипноза или, может быть, телепатии.

— Сперва ему нужно ужалить, — добавил Дрейк. — С Оро так и случилось.

— У меня просто в голове не укладывается, что за всем этим стоит скорпион, — сказал Рисетич.

— Это не скорпион, — возразил Дрейк. — Я его видел вблизи. Хвост напоминает скорпионий, но голова раза в четыре больше, да и тельце другое. Присмотреться, так он вообще ни на что не похож, мне такую тварь не доводилось встречать.

— Как ты думаешь, это насекомое с нашего острова? — спросил Монти Бирнс, кладоискатель из Индианаполиса.

— Вряд ли, — ответил Дрейк. — Если это местная тварь, почему она целых три месяца не трогала ни нас, ни животных?

— Верно, — согласился Соренсен. — Все беды начались после прибытия шхуны. Видимо, шхуна и завезла откуда-то... Постойте!

— Что такое? — спросил Дрейк.

— Помнишь того скорпиона, которого хотел раздавить капитан, — он еще выполз из ящика с детектором? Тебе не кажется, что это та самая тварь?

Дрейк пожал плечами:

— Вполне возможно. Но, по-моему, для нас сейчас важно не откуда она взялась, а как с ней быть.

— Она управляет зверем, — сказал Бирнс. — Интересно, а сможет она управлять человеком?

Все приумолкли. Они сидели кружком возле сарая для

копры и, разговаривая, поглядывали на джунгли, чтобы не прозевать появления зверя или "скорпиона".

Соренсен произнес:

— Имеет смысл попросить по радио о помощи.

— Если попросим, — заметил Рисетич, — кто-нибудь мигом разнюхает про сокровища "Святой Терезы". Нас обставят — чихнуть не успеем.

— Возможно, — ответил Соренсен. — Но и на самый худой конец наши затраты окупились, набегает даже маленькая прибыль.

— А если нам не помогут, — добавил Дрейк, — мы, чего доброго, и вывезти-то отсюда ничего не сумеем.

— Не так уж все страшно, — возразил Бирнс. — У нас есть оружие, со зверями как-нибудь да управимся.

— Ты еще этой твари не видел, — заметил Дрейк.

— Мы ее раздавим.

— Это не так-то просто, — сказал Дрейк. — Она дьявольски юркая. И как, интересно, ты будешь ее давить, если в одну прекрасную ночь она заползет к тебе в хижину, пока ты спишь? Выставляй часовых — они ее даже и не заметят.

Бирнс невольно поежился:

— М-да, пожалуй, ты прав. Попросим-ка лучше помощи по радио.

— Ладно, ребята, — сказал, поднимаясь, Икинс, — я так понимаю, что это по моей части. Дай бог, чтоб аккумуляторы на кече не успели сесть.

— Туда идти опасно, — сказал Дрейк. — Будем тянуть жребий.

Предложение развеселило Икинса:

— Значит, тянуть? А кто из вас сможет работать на передатчике?

— Я смогу, — заявил Дрейк.

— Ты не обижайся, — сказал Икинс, — но ты не сладишь даже с этой твоей дермовой рацией. Ты морзянки и то не знаешь — как ты отстучишь сообщение? А если рация выйдет из строя, ты сумеешь ее наладить?

— Нет, — ответил Дрейк. — Но дело очень рискованное. Пойти должны все.

Икинс покачал головой:

— Как ни крути, а самое безопасное — если прикроете меня с берега. До кеча эта тварь, скорее всего, еще не додумалась.

Икинс сунул в карман комплект инструмента и повесил через плечо одно из переговорных устройств. Второе он передал Соренсену. Он быстро спустился к лагуне и, миновав баркас, столкнулся в воду маленькую надувную лодку. Кладоискатели разошлись по берегу с винтовками на изготовку. Икинс сел в лодку и опустил весла в безмятежные воды лагуны.

Они видели, как он пришвартовался к кечу, с минуту помедлил, оглядываясь по сторонам, затем взобрался на борт, дернул крышку и исчез внизу.

— Все в порядке? — осведомился Соренсен по своему переговорному устройству.

— Пока что да, — ответил Икинс: голос его звучал тонко и резко. — Включаю передатчик. Через пару минут нагреется.

Дрейк толкнул Соренсена:

— Погляди-ка!

На рифе по ту сторону кеча происходило какое-то движение. Соренсен увидел в бинокль, как три большие серые крысы скользнули в воду и поплыли к кечу.

— Стреляйте! — скомандовал Соренсен. — Икинс, выбирайся оттуда!

— У меня заработал передатчик, — ответил Икинс. — Минута-другая — и я отстучу сообщение.

Пули поднимали вокруг крыс белые фонтанчики. Одну удалось подстрелить, но две успели дотянуть до кеча и за ним укрыться. Разглядывая риф в бинокль, Соренсен заметил муравьеда. Тот перебрался через риф и плюхнулся в воду, дикая свинья — за ним следом.

В устройстве послышался треск атмосферных помех.

— Икинс, ты отправил сообщение? — спросил Соренсен.

— Нет, Билл, — отозвался Икинс. — И знаешь что? *Никаких* сообщений! Этому "скорпиону" нужно...

Звук оборвался.

— Что у тебя там? — крикнул Соренсен. — Что происходит?

Икинс появился на палубе. С переговорным устройством в руках он, пятясь, отступал к корме.

— Раки-отшельники, — объяснил он. — Взбрались по якорному канату. Я думаю возвращаться вплавь.

— Не стоит, — сказал Соренсен.

— Придется, — возразил Икинс. — По-моему, они пропустят за мной. А вы все плывите сюда и заберите передатчик. Доставьте его на остров.

В бинокль Соренсен разглядел раков-отшельников — серый шевелящийся ковер покрывал всю палубу. Икинс нырнул и поплыл к берегу, яростно рассекая воду. Соренсен заметил, что крысы изменили курс и повернули за Икинсом. С кеча лавиной посыпались раки-отшельники. Свинья с муравьедом тоже последовали за Икинсом, пытаясь первыми добраться до берега.

— Живей, — бросил Соренсен. — Не знаю, что там выяснил Икинс, но, пока есть возможность, надо захватить передатчик.

Они подбежали к воде и столкнули баркас. За две сотни ярдов от них, на дальнем конце пляжа, Икинс выбрался на сушу. Звери почти настигли его. Он кинулся в джунгли, по-прежнему прижимая к груди аппарат.

— Икинс, — позвал Соренсен.

— У меня все в порядке, — ответил тот, с трудом переводя дыхание. — Забирайте передатчик и не забудьте аккумуляторы.

Кладоискатели поднялись на кеч, поспешно отодрали передатчик от переборки и по трапу выволокли на палубу. Последним поднялся Дрейк с двенадцативольтовым аккумулятором. Он снова спустился и вынес второй аккумулятор. Помдумал — и спустился еще раз.

— Дрейк! — заорал Соренсен. — Хватит, ты всех задерживаешь!

Дрейк появился с компасом и двумя радиопеленгаторами. Передав их на баркас, он прыгнул следом.

— Порядок, — сказал он. — Отчаливай.

Они налегли на весла, торопясь в лагерь. Соренсен пытался восстановить связь с Икинсом, однако в наушниках раздавался только треск помех. Но когда баркас выполз на песок, Соренсен услышал Икинса.

— Меня окружили, — сообщил тот вполголоса. — Похоже, мне таки доведется узнать, что нужно мистеру "скорпиону". Правда, может, я первый его припечатаю.

Наступило продолжительное молчание, затем Икинс произнес:

— Вот он ко мне подползает. Дрейк правду сказал. Я-то уж точно в жизни не видал ничего похожего. Сейчас попробую раздавить его к чер...

Они услышали, как он вскрикнул — скорее от удивления, чем от боли.

Соренсен спросил:

— Икинс, ты меня слышишь? Ты где? Мы тебе можем помочь?

— Он и вправду верткий, — отозвался Икинс уже спокойным голосом. — Такой верткой твари я в жизни не видывал. Вскочил мне на шею, ужалил и был таков...

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Соренсен.

— Нормально. Было почти не больно.

— Где "скорпион"?

— Удрал в заросли.

— А звери?

— Ушли. Знаешь, — сказал Икинс, — может, людей эта тварь не берет. Может...

— Что? — спросил Соренсен. — Что с тобой происходит?

Наступило долгое молчание, потом раздался негромкий спокойный голос Икинса:

— Позже поговорим. А сейчас нам нужно посовещаться и решить, что с вами делать.

— Икинс!

Ответа не последовало.

IV

В лагере царило глубокое уныние. Они не могли взять в толк, что именно произошло с Икинсом, а строить догадки на эту тему никому не хотелось. С неба было злое послеполуденное солнце, отражаясь от белого песка волнами зноя. Сырые джунгли дымились: казалось, они, как огромный сонный зеленый дракон, исподволь подбираются к людям, тесня их к равнодушному океану. Стволы у винтовок так накалились, что к ним невозможно было притронуться; вода во флягах стала теплой, как кровь. Вверху понемногу скапливались, громоздились друг на друга плотные серые кучевые облака. Начинался сезон муссонов.

Дрейк сидел в тени сарая для копры. Он стряхнул с себя солнечную одурь ровно настолько, чтобы прикинуть, как им обронять лагерь. Джунгли вокруг он рассматривал как вражескую территорию. Перед джунглями они расчистили полосу шириной в полсотни ярдов. Эту ничейную землю, возможно, какое-то время еще удастся отстаивать.

Затем наступит черед последней линии обороны — хижин и сарая для копры. Далее — берег и океан.

Три с половиной месяца они были на острове полновластными хозяевами, теперь же оказались прижатыми к узкой неадской полоске берега.

Дрейк бросил взгляд на лагуну и вспомнил, что у них еще остается путь к отступлению. Если эта тварь слишком уж наядет со своим проклятым зверьем, они смогут удрать на кече. Если повезет.

Подошел Соренсен и присел рядом.

— Что поделываешь? — спросил он.

Дрейк кисло усмехнулся:

— Разрабатываю генеральный стратегический план.

— Ну и как?

— Думаю, сможем продержаться. У нас полно боеприпасов. Если понадобится, зальем расчищенный участок бензином. Мы, конечно, не дадим этой твари выставить нас с острова. — Дрейк на минуту задумался. — Но искать сокровище станет безумно сложно.

Соренсен кивнул.

— Хотел бы я знать, что ей нужно.

— Может, узнаем от Икинса, — заметил Дрейк.

Прицлось прождать еще полчаса, прежде чем переговорное устройство заговорило. Голос Икинса звучал пронзительно резко:

— Соренсен? Дрейк?

— Слушаем, — отозвался Дрейк. — Что с тобой сделала эта проклятая тварь?

— Ничего, — ответил Икинс. — Вы сейчас разговариваете с этой тварью. Я называюсь Квидак.

— Господи! — Дрейк повернулся к Соренсену. — Видно, "скорпион" его загипнотизировал!

— Нет.. Вы говорите не с Икинсом под гипнозом. И не с другим существом, которое всего лишь пользуется Икинсом как передатчиком. И не с прежним Икинсом — его больше не существует. Вы говорите со многими особями, которые суть одно.

— Я что-то не пойму, — сказал Дрейк.

— Это очень просто, — ответил голос Икинса. — Я Квидак, совокупность. Но моя совокупность складывается из отдельных составляющих, таких, как Икинс, несколько крыс, пес по кличке Оро, свинья, муравьед, казуар...

— Погоди, — перебил Соренсен, — я хочу разобраться. Значит, я сейчас не с Икинсом разговариваю. Я разговариваю — как это — с Квидаком?

— Правильно.

— И вы — это Икинс и все другие? Вы говорите устами Икинса?

— Тоже правильно. Но это не означает, что прочие индивидуальности стираются. Совсем наоборот. Квидак — это такое состояние, такая совокупность, в которой разные составляющие сохраняют свойственные им черты характера, личные потребности и желания. Они отдают свои силы, знания и неповторимое мироощущение Квидаку как целому. Квидак — координирующий и управляющий центр, но знания, постижение, специфические навыки — все это обеспечивают индивидуальные составляющие. А все вместе мы образуем Великое Сообщество.

— Сообщество? — переспросил Дрейк. — Но вы же добиваетесь этого принуждением!

— На начальном этапе без принуждения не обойтись, иначе как другие существа узнают про Великое Сообщество?

— А они в нем останутся, если вы отключите контроль? — спросил Дрейк.

— Вопрос лишен смысла. Теперь мы образуем единую и неразрывную совокупность. Разве ваша рука к вам вернется, если ее отрезать?

— Это не одно и то же.

— Одно и то же, — произнес голос Икинса. — Мы единый организм. Мы находимся в процессе роста. И мы от всего сердца приглашаем вас в наше Великое Сообщество.

— К чертовой матери! — отрезал Дрейк.

— Но вы просто обязаны влиться, — настаивал Квидак. — Высшая цель Квидака в том и состоит, чтобы связать все существа планеты, наделенные органами чувств, в единый сово-

купный организм. Поверьте, вы слишком уж переоцениваете совсем ничтожную утрату индивидуальности. Но подумайте, что вы приобретаете! Вам откроются мировосприятие и специфический опыт всех остальных существ. В рамках Квидака вы сможете полностью реализовать свои потенциальные...

— Нет!

— Жаль, — произнес Квидак. — Высшая цель Квидака должна быть достигнута. Итак, добровольно вы с нами не сольетесь?

— Ни за что! — ответил Дрейк.

— В таком случае мы сольемся с вами, — сказал Квидак. Раздался щелчок — он выключил устройство.

Из зарослей вышли несколько крыс и остановились там, где их не могли достать пули. Вверху появилась райская птица; она парила над расчищенным участком совсем как самолет-разведчик. Пока они на нее смотрели, крысы, петляя, рванулись к лагерю.

— Открывайте огонь, — скомандовал Дрейк, — но берегите боеприпасы.

Началась стрельба. Целиться в юрких крыс да еще на фоне серовато-коричневой почвы было очень трудно. К крысам тут же присоединилась дюжина раков-отшельников. Выказывая поразительную хитрость, они бросались вперед именно тогда, когда в их сторону никто не глядел, а в следующую секунду замирали, сливаясь с защитным фоном.

Из джунглей вышел Икинс.

— Гнусный предатель, — сказал Кейбл, ловя его на мушку. Соренсен ударом по стволу сбил прицел:

— Не смей!

— Но ведь он помогает этой твари!

— От него это не зависит, — сказал Соренсен. — К тому же он безоружный. Оставь его в покое.

Понаблюдав с минуту, Икинс скрылся в зарослях.

Атакующие крысы и раки одолели половину расчищенного участка. Однако на близком расстоянии целиться стало легче, и рубеж в двадцать ярдов им так и не удалось взять. Когда же Рисетич подстрелил райскую птицу, наступление вообще захлебнулось.

— А знаешь, — сказал Дрейк, — мне кажется, мы выкрутимся.

— Возможно, — ответил Соренсен. — Не понимаю, чего Квидак хочет этим добиться. Он же знает, что нас так просто не возьмешь. Можно подумать...

— Глядите! — крикнул кто-то из обороняющихся. — Наш корабль!

Они оглянулись и поняли, зачем Квидак организовал нападение.

Пока они занимались крысами и раками, пес Дрейка подплыл к кечу и перегрыз якорный канат. Предоставленный сам себе, кеч дрейфовал по ветру, и его сносило на риф. Вот судно ударилось — сперва легко, потом крепче — и через минуту, резко накренившись, прочно засело в коралах.

В устройстве затрещало, и Соренсен поднял его с земли. Квидак сообщил:

— Кеч не получил серьезных повреждений, он только потерял подвижность.

— Черта с два, — огрызнулся Дрейк. — А если в нем, чего доброго, пробило дыру? Как вы собираетесь убраться с острова, Квидак? Или вы намерены так здесь и осесть?

— В свое время я непременно отбуду, — сказал Квидак. — И я хочу сделать так, чтобы мы отбыли все вместе.

V

Ветер утих. В небе на юго-востоке, уходя вершинами все выше и выше, громоздились серо-стальные грозовые тучи. Под гнетом их черных, плоских снизу, как наковальня, массивов жаркий неподвижный воздух всей тяжестью давил на остров. Солнце утратило свой яростный блеск, стало вишнево-красным и безучастно скатывалось в плоский океан.

Высоко в небе, куда не долетали пули, кружила одинокая райская птица. Она поднялась минут через десять после того, как Рисетич подстрелил первую.

Монти Бирнс с винтовкой на боевом взводе стоял на краю расчищенного участка. Ему выпало первому нести караул. Остальные наскоро обедали в сарае для копры. Снаружи Соренсен и Дрейк обсуждали сложившееся положение.

— На ночь придется всех загнать в сарай, — сказал Дрейк. — Рисковать слишком опасно — в темноте может напасть Квидак.

Соренсен кивнул. За один день он постарел лет на десять.

— А утром разработаем какой-нибудь план, — продолжал Дрейк. — Мы... Я что-то не то говорю, Билл?

— По-твоему, у нас есть какие-то шансы? — спросил Соренсен.

— А как же! Отличные шансы.

— Ты рассуждай практически, — сказал Соренсен. — Чем дольше это будет тянуться, тем больше зверья Квидак сможет на нас натравить. Какой у нас выход?

— Выследить его и убить.

— Проклятая тварь не крупней твоего большого пальца, — раздраженно возразил Соренсен. — Как прикажешь его выслеживать?

— Что-нибудь да придумаем, — сказал Дрейк. Соренсен начинал его тревожить. Состояние духа в экспедиции и так оставляло желать лучшего, и нечего Соренсену дальше его подрывать.

— Хоть бы кто подстрелил эту чертову птицу, — сказал Соренсен, поглядев в небо.

Примерно раз в четверть часа райская птица пикировала, чтобы рассмотреть лагерь вблизи, и, не успевал караульный прицелиться, снова взмывала на безопасную высоту.

— Мне она тоже на нервы действует, — признался Дрейк. — Может, ее для того и запустили. Но рано или поздно мы...

Он не договорил. Из сарая послышалось громкое гудение передатчика, и голос Эла Кейбла произнес:

— Внимание, внимание, вызывает Вуану. Нам нужна помощь.

Дрейк и Соренсен вошли в сарай. Сидя перед передатчиком, Кейбл бубнил в микрофон:

— Мы в опасности, мы в опасности, вызывает Вуапу, нам нужна...

— Черт побери, ты хоть соображаешь, что делаешь?! — оборвал его Дрейк.

Кейбл повернулся и смерил его взглядом. По рыхлому розоватому телу Кейбла струйками лился пот.

— Прошу по радио о помощи — вот что я делаю. По-моему, я вышел на контакт, но мне еще не ответили.

Он повертел ручку настройки, и из приемника прозвучал скучающий голос с английским акцентом:

— Значит, пешка d2 — d4? Почему ты ни разу не попробовал другое начало?

Последовал шквал помех, и кто-то ответил глубоким басом:

— Твой ход. Заткнись и ходи.

— Хожу, хожу, — произнес голос с английским акцентом. — Конь f6.

Дрейк узнал голоса. Это были коротковолновики-любители — плантатор с Бугенвиля и хозяин магазинчика в Рабауле. Каждый вечер они на час выходили в эфир — поругаться и сыграть партию в шахматы.

Кейбл нетерпеливо постучал по микрофону.

— Внимание, — произнес он, — вызывает Вуану, экстренный вызов...

Дрейк подошел к Кейблу и, взяв микрофон у него из рук, осторожно положил на стол.

— Мы не можем просить о помощи, — сказал он.

— Что ты мелешь! — закричал Кейбл. — Мы должны просят!

Дрейк почувствовал, что смертельно устал.

— Послушай, если мы пошлем сигнал бедствия, на остров тут же кто-нибудь приплывет, но они не будут подготовлены к тому, что здесь творится. Квидак их захватит и использует против нас.

— А мы им объясним, что происходит, — возразил Кейбл.

— Объясним? Что именно? Что контроль над островом захватывает какое-то неизвестное насекомое? Они решат, что все мы свихнулись от лихорадки, и с первой же шхуной, которая курсирует между островами, направят к нам врача.

— Дэн прав, — сказал Соренсен. — В такое не поверишь, пока не увидишь собственными глазами.

— А к тому времени, — добавил Дрейк, — будет уже поздно. Икинс все понял, прежде чем до него добрался Квидак. Поэтому он и сказал, что никаких сообщений не надо.

Кейбл все еще сомневался:

— Тогда зачем он велел забрать передатчик?

— Затем, чтобы сам не смог отправить сообщение, когда Квидак его охомутает, — ответил Дрейк. — Чем больше кругом народу, тем легче Квидаку делать свое дело. Будь передатчик у него, он бы в эту самую минуту уже вопил о помощи.

— Да, так оно вроде и выходит, — безнадежно признал Кейбл. — Но, черт побери, самим-то нам со всем этим не справиться.

— Придется справляться. Если Квидаку удастся нас захватить, а потом выбраться с острова — конец Земле-матушке. Крышка. Никаких тебе всемирных войн, ни водородных бомб с радиоактивными осадками, ни героических группок сопротивления. Все и вся превратится в составляющие этого квидачьего сообщества.

— Так или иначе, а помощь нам нужна, — стоял на своем Кейбл. — Мы здесь одни, от всех отрезаны. Допустим, мы предупредим, чтобы корабль не подходил к берегу...

— Не выйдет, — сказал Дрейк. — К тому же, если бы и захотели, мы все равно не сможем просить о помощи.

— Почему?

— Потому что передатчик не работает. Ты говорил в бездействующий микрофон.

— А принимает нормально.

Дрейк проверил, все ли включено.

— Приемник в порядке. Но, видимо, где-то что-то разъединилось, когда мы вытаскивали рацию с корабля. На передачу она не работает.

Кейбл несколько раз щелкнул по мертвому микрофону и положил его на место. Все столпились вокруг приемника, следя за партией между рабаульцем и плантатором с Бугенвилля.

- Пешка с4.
- Пешка е6.
- Конь с3.

Неожиданно отрывистой очередью затрещали помехи, сошли на нет, потом снова прозвучали тремя отчетливыми "очередями".

— Как ты думаешь, что это? — спросил Соренсен.

Дрейк пожал плечами:

— Может быть все что угодно. Собирается шторм и...

Он не закончил фразы. Стоя у открытой двери, он заметил, что, едва начались помехи, райская птица камнем упала вниз и пронеслась над лагерем. Когда же она вернулась на высоту и возобновила свое медленное кружение, помехи прекратились.

— Любопытно, — сказал он. — Ты видел, Билл? Как только снова пошли помехи, птица сразу снизилась.

— Видел, — ответил Соренсен. — Думаешь, это не случайно?

— Не знаю. Нужно проверить.

Дрейк вытащил бинокль, прибавил в приемнике звук и вышел из сарая понаблюдать за джунглями. Он ждал, прислушиваясь к разговору шахматистов, который происходил за три-четыре сотни миль от острова:

— Ну давай, ходи!

— Дай же подумать минуту.

— Минуту! Слушай, я не собираюсь всю ночь торчать перед этим треклятым передатчиком. Ходи...

Раздался взрыв помех. Из джунглей семенящим шагком вышли четыре свиньи. Они продвигались медленно — как разведгруппа, которая нащупывает уязвимые места в обороне противника. Свиньи остановились — помехи кончились. Карабульный Бирнс вскинул ружье и выстрелил. Животные повернули и под треск помех скрылись в джунглях. Помехи затрещали опять — райская птица спикировала для осмотра лагеря и снова поднялась на безопасную высоту. После этого помехи окончательно прекратились.

Дрейк опустил бинокль и вернулся в сарай.

— Точно, — сказал он. — Помехи связаны с Квидаком. Мне кажется, они возникают, когда он пускает в дело зверей.

— По-твоему, он управляет ими по радио? — спросил Соренсен.

— Похоже на то, — ответил Дрейк. — Либо впрямую по радио, либо посыпает приказы на длине радиоволн.

— В таком случае, — сказал Соренсен, — и сам он что-то вроде маленькой радиостанции?

— Похоже. Ну и что?

— А то, — пояснил Соренсен, — что его можно запеленговать.

Дрейк энергично кивнул, выключил приемник, пошел в угол и взял портативный пеленгатор. Он настроил его на частоту, на которой Кейбл поймал разговор между Рабаулом и Бугенвилем, включил и стал в дверях.

Все следили за тем, как он вращает рамочную антенну. Он засек сигнал наибольшей мощности, медленно повернулся рамку, снял пеленг и перевел его на компасе в азимут. Затем сел и развернулся мелкомасштабную карту юго-западной Океании.

— Ну как? — поинтересовался Соренсен. — Это Квидак?

— Должен быть он, — ответил Дрейк. — Я засек твердый ноль почти точно на юге. Он прямо перед нами в джунглях.

— А это не отраженный сигнал?

— Я взял контрольный пеленг.

— Может, это какая-нибудь радиостанция?

— Исключено. Следующая станция прямо на юге — Сидней, а до него тысяча семьсот миль. Для нашего пеленгатора многоувато. Нет, это Квидак, можно не сомневаться.

— Стало быть, у нас есть способ его обнаружить, — сказал Соренсен. — Двое пойдут в джунгли с пеленгаторами...

— ...и расстанутся с жизнью, — закончил Дрейк. — Мы можем запеленговать Квидака, но его звери обнаружат нас куда быстрей. Нет, в джунглях у нас нет ни малейшего шанса.

— Выходит, это нам ничего не дает, — сказал Соренсен. Вид у него был совсем убитый.

— Дает, и немало, — возразил Дрейк. — Теперь у нас появилась надежда.

— То есть?

— Он управляет животными по радио. Мы знаем, на какой частоте он работает, и можем ее занять. Будем глушить его сигналы.

— Ты уверен?

— Уверен? Конечно, нет. Но я знаю, что две радиостанции в одной зоне не могут работать на одной частоте. Если мы настроимся на частоту Квидака и сумеем забить его сигналы...

— Понимаю, — сказал Соренсен. — Может, что-нибудь и получится! Если нам удастся заблокировать его сигналы, он не сможет управлять зверем, а уж тогда запеленговать его будет нетрудно.

— Хороший план, — сказал Дрейк, — но с одним маленьким недостатком: передатчик у нас не работает. Без передатчика нет передачи, а без передачи — гашения.

— Ты сумеешь его починить? — спросил Соренсен.

— Попробую, — ответил Дрейк. — Но особенно не надейся. Всеми радиоделами в экспедиции заведовал Икинс.

— У нас есть запчасти, — сказал Соренсен. — Лампы, инструкции...

— Знаю. Дайте время, и я разберусь, что там вышло из строя. Вопрос в том, сколько времени соизволит нам дать Квидак.

Медно-красный солнечный диск наполовину ушел в океан. Закатные краски тронули громаду грозовых туч и растворились в коротких тропических сумерках. Кладоисследователи принялись укреплять на ночь дверь и окна сараев.

VI

Дрейк снял заднюю крышку передатчика и пришел в ужас от обилия проводов и ламп. Металлические коробочки были, скорее всего, конденсаторами, а покрытые воском цилиндрические штучки с равным успехом могли оказаться и катушками сопротивления, и чем-то еще. От одного взгляда на это непонятное и хрупкое хозяйство голова шла кругом. Как в нем разобраться? И с чего начать?

Он включил радио и выждал несколько минут. Кажется, горели все лампы — одни ярко, другие тускло. Он не обнаружил ни одного оборванного провода. Микрофон по-прежнему не работал.

Итак, с поверхностным осмотром покончено. Следующий вопрос: получает ли радио достаточно питания?

Он выключил ее и проверил батареи аккумулятора вольтметром. Батареи были заряжены до предела. Он снял свинцовые колпачки, почистил и поставил обратно, проследив, чтобы они плотно сели на место. Проверил все контакты, прошелся листивую молитву и включил передатчик.

Передатчик все так же молчал.

Дрейк с проклятием выключил его в очередной раз. Он решил заменить все лампы, начиная с тусклых. Если это не поможет, он попробует заменить конденсаторы и катушки сопротивления. А если и это ничего не даст, то пустить себе пулю в лоб никогда не поздно. С этой жизнерадостной мыслью он распечатал комплект запасных деталей и принялся за дело.

Все остальные тоже были в сарае — заканчивали подготовку к ночи. Дверь заперли и посадили на клинья. Два окна пришлось оставить открытыми для доступа воздуха — в противном случае кладоисследователи просто задохнулись бы от жары. Но к каждой раме прибили по сложенной вдвое крепкой противомоскитной сетке, а у окон поставили часовых.

Через плоскую крышу из оцинкованного железа ничто не могло проникнуть, но земляной пол, хоть и был плотно утрамбован, все же вызывал опасения. Оставалось одно — не сводить с него глаз.

Кладоискатели устраивались на долгую тревожную ночь. Дрейк продолжал возиться с передатчиком, повязав лоб носовым платком, чтобы пот не тек в глаза.

Через час зажужжало переговорное устройство. Соренсен ответил на вызов:

— Что вам нужно?

— Мне нужно, — произнес Квидак голосом Икинса, — чтобы вы прекратили бессмысленное сопротивление. Я хочу, чтобы вы со мной слились. У вас было время обдумать положение, и вы должны понимать, что другого выхода нет.

— Мы не хотим с вами сливаться, — сказал Соренсен.

— Вы должны, — заявил Квидак.

— Вы собираетесь нас заставить?

— Это сопряжено с трудностями, — ответил Квидак. — Мои звериные составляющие не годятся как инструмент принуждения. Икинс — замечательный механизм, но он у нас один. Сам я не имею права подвергать себя опасности — это поставит под угрозу высшую цель Квидака.

— Получается тупик, — заметил Соренсен.

— Нет. Нам сложно только вас захватить. Убить вас совсем не трудно.

Все, кроме Дрейка, поежились, он же, занятый передатчиком, даже не поднял головы.

— Мне бы не хотелось вас убивать, — продолжал Квидак. — Но все решает высшая цель Квидака. Она может не осуществиться, если вы не вольетесь, и окажется под угрозой, если вы покинете остров. Поэтому вы либо вольетесь, либо будете ликвидированы.

— Мне это видится по-другому, — сказал Соренсен. — Если вы нас убьете — допустим, вы в состоянии нас убить, — вам ни за что не выбрашься с острова. Икинс не справится с кечем в одиночку.

— Отпывать на кече нет никакой необходимости, — возразил Квидак. — Через полгода сюда опять зайдет рейсовая шхуна. На ней мы с Икинсом и покинем остров. К этому времени никого из вас не будет в живых.

— Вы нас запугиваете, — сказал Соренсен. — С чего вы взяли, будто сможете нас убить? Днем у вас не очень-то получалось

Он поймал взгляд Дрейка и показал на радио. Дрейк развел руками и вернулся к работе.

— Днем я и не пытался, — сказал Квидак. — Я займусь этим ночью. Этой ночью — чтобы не дать вам найти более действенную систему защиты. Сегодня ночью вы должны со мной слиться, или я убью одного из вас.

— Одного из нас?

— Да. Одного человека. Через час — другого. Возможно,

это заставит оставшихся передумать и слиться. А если нет, то к утру вы все погибнете.

Дрейк наклонился и шепнул Соренсену:

— Потяни резину, дай мне еще минут десять. Я, кажется, нашел, в чем загвоздка.

Соренсен произнес:

— Нам бы хотелось побольше узнать о сообществе Квидака.

— Лучший способ узнать — это слиться.

— Но сперва мы бы все-таки хотели узнать немного больше.

— Это состояние просто нельзя описать, — произнес Квидак убедительно, горячо и настойчиво. — Попытайтесь вообразить, что вы — это именно вы и в то же время вас подключили к совершенно новым разветвленным системам чувств. Вы, например, можете узнать мир, каким его ощущает собака, когда бежит лесом, ориентируясь по запаху, и этот запах для нее — и для вас тоже станет таким же — как дорожный указатель. Совсем по-другому воспринимает действительность рак-отшельник. Через него вы постигнете медленный взаимообмен жизненных форм на стыке суши и моря. У него очень продленное чувство времени. А вот у райской птицы наоборот — она воспринимает мгновенно и все пространство разом. Каждое существо на земле, под землей и в воде, а их множество, имеет свое собственное, особое восприятие реальности, и оно, как я обнаружил, не очень отличается от мировосприятия живых организмов, некогда обитавших на Марсе.

— А что случилось на Марсе потом? — спросил Соренсен.

— Все формы жизни погибли, — скорбно ответил Квидак. — Все, кроме Квидака. Это случилось в незапамятные времена. А до того на всей планете царили мир и процветание. Все живые существа были составляющими в Сообществе Квидака. Но доминантная раса оказалась генетически слабой. Рождаемость все время падала; последовала полоса катастроф. В конце концов вся жизнь прекратилась, остался один Квидак.

— Потрясающее, — заметил Соренсен с иронией.

— Это был дефект расы, — поспешил возразить Квидак. — У более стойкой расы, такой, как на вашей планете, инстинкт жизни не будет подорван. Мир и процветание будут длиться у вас бесконечно.

— Не верю. То, что случилось на Марсе, повторится и на Земле, если вам удастся ее захватить. Проходит какое-то время, и рабам просто-напросто надоедает цепляться за жизнь.

— Вы не будете рабами. Вы будете функциональными составляющими в Сообществе Квидака.

— А править этим сообществом будет, разумеется, Квидак, — заметил Соренсен. — Как пирог ни режь, а начинка все та же.

— Вы судите о том, чего не знаете, — сказал Квидак. — Мы достаточно побеседовали. В ближайшие пять минут я готов умертвить одного человека. Намерены вы слиться со мной или нет?

Соренсен взглянул на Дрейка. Дрейк включил передатчик.

Пока передатчик нагревался, на крышу обрушились струи дождя. Дрейк поднял микрофон, постучал по нему и услышал в динамике щелчок.

— Работает, — сказал он.

В это мгновение что-то ударило в затянутое сеткой окно. Сетка провисла: в ней трепыхался крылан, свирепо посматривая на людей крохотными красными глазками.

— Забейте окно! — крикнул Соренсен.

Не успел он договорить, как вторая летучая мышь врезалась в сетку, пробила ее и шлепнулась на пол. Ее прикончили, но в дыру влетели еще четыре крыланы. Дрейк остерьвенел от них отбивался, однако не сумел отогнать их от рации. Летучие мыши метили ему прямо в глаза, и Дрейку пришлось отступить. Один крылан угодил под удар и упал на землю с переломанным крылом, но остальные добрались до рации и столкнули ее со стола.

Дрейк безуспешно попытался ее подхватить. Он услышал, как лопнули лампы, но должен был защищать глаза.

Через несколько минут они прикончили еще двух крыланов, а уцелевшие удрали в окно. Окна забили досками. Дрейк наклонился и осмотрел передатчик.

— Удастся наладить? — спросил Соренсен.

— И думать нечего, — ответил Дрейк. — Они выдрали все провода.

— Что же нам теперь делать?

— Не знаю.

Раздался голос Квидака:

— Вы должны немедленно дать ответ.

Никто не сказал ни слова.

— В таком случае, — произнес Квидак, — я вынужден, как ни жаль, одного из вас сейчас умертвить..

VII

Дождь хлестал по железной крыше, ветер задувал все сильнее. Издалека приближались раскаты грома. Но в сарае раскаленный воздух стоял неподвижно. Висевший на центральной балке керосиновый фонарь освещал середину помещения резким желтым светом, оставляя углы в глубокой тени. Кладоискатели подались к центру, подальше от стен, и стали спинами друг к другу, что натолкнуло Дрейка на сравнение со

стадом бизонов, сбившихся в круг для отпора волку, которого они чуют, хотя еще не видят.

Кейбл сказал:

— Послушайте, может, попробовать это сообщество Квидака? Может, оно не такое уж страшное, как...

— Заткнись! — отрезал Дрейк.

— Сами подумайте, — уверял Кейбл, — это все-таки лучше, чем помирать, скажете нет?

— Пока никто еще не умирает, — возразил Дрейк. — Сделай милость, заткнись и гляди в оба.

— Меня сейчас, кажется, вырвет, — сказал Кейбл. — Выпусти меня, Дэн.

— Блюй, где стоишь, — посоветовал Дрейк. — И не забывай смотреть в оба.

— Нет у тебя права мне приказывать! — заявил Кейбл и шагнул было к двери, но сразу же отскочил.

В дюймовый зазор между дверью и полом пролез желтоватый скорпион. Рисетич раздавил его каблуком, растоптал в кашу и завертелся на месте, отмахиваясь от трех ос, которые проникли через забитое окно.

— Плевать на ос! — крикнул Дрейк. — Следите за полом!

Из тени выползли несколько мохнатых пауков. Они ворочались на земле, а Дрейк и Рисетич лупили по ним прикладами. Бирнс заметил, что из-под двери выползает огромная плоская многоножка. Он попробовал на нее наступить, промахнулся, многоножка мигом очутилась у него на ботинке, потом выше — на голой икре. Бирнс взвыл: вокруг ноги у него словно обвилась раскаленная стальная лента. Он успел, однако, раздавить многоножку, прежде чем потерял сознание.

Дрейк осмотрел ранку и решил, что она не смертельна. Он растоптал еще одного паука, но тут Соренсен тронул его за плечо. Дрейк поглядел в дальний угол, куда тот показывал.

К ним скользили две большие змеи. Дрейк признал в них черных гадюк. Обычно пугливые, сейчас они наступали с беспощадием тигра.

Кладоискатели в ужасе заметались, пытаясь увернуться от змей. Дрейк выхватил револьвер и опустился на одно колено. Не обращая внимания на ос, которые вились вокруг, он в колеблющемся свете фонаря попытался взять на мушку изящную живую мишень.

Гром ударил прямо над головой. Долгая вспышка молнии осветила сарай, сбив Дрейку прицел. Он выстрелил, промахнулся и приготовился отразить нападение.

Змеи не стали нападать. Они уползали, отступая к крысиному ходу, через который проникли. Одна быстро проскольз-

нула в нору, вторая двинулась следом, но остановилась на полдороге.

Соренсен тщательно прицелился из винтовки, но Дрейк отвел ствол:

— Постой-ка минутку!

Змея помешкала, затем выползла из норы и снова заскользила по направлению к людям.

Новый раскат грома и яркая вспышка. Гадюка повернула назад и, извиваясь, исчезла в норе.

— В чем дело? — спросил Соренсен. — Они испугались грозы?

— Нет, вся хитрость в молнии! — ответил Дрейк. — Вот почему Квидак так спешил. Он знал, что надвигается буря, а он еще не успел закрепиться на острове.

— Что ты хочешь сказать?

— Молния, — объяснил Дрейк. — Электрическая буря! Она глушит его радиокоманды! А когда его заглушают, звери снова становятся обычным зверем и ведут себя как им и положено. Чтобы восстановить управление, ему требуется время.

— Буря когда-нибудь кончится, — сказал Кейбл.

— На наш век, может, и хватит, — сказал Дрейк. Он взял пеленгаторы и вручил один из них Соренсену. — Пойдем, Билл. Мы выследим эту тварь прямо сейчас.

— Эй, — позвал Рисетич, — а мне что делать?

— Можешь пойти искупаться, если через час не вернемся, — ответил Дрейк.

Дождь сек косыми струями, подгоняемый яростными порывами юго-западного ветра. Гром гремел не смолкая, и каждая молния, как казалось Дрейку и Соренсену, метила прямо в них. Они дошли до джунглей и остановились.

— Здесь мы разойдемся, — сказал Дрейк. — Так большие шансов сойтись на Квидаке.

— Верно, — согласился Соренсен. — Береги себя, Дэн.

Соренсен нырнул в джунгли. Дрейк прошел пятьдесят ярдов вдоль опушки и тоже шагнул в заросли.

Он продирался напрямик; за поясом у него был револьвер, в одной руке пеленгатор, в другой — фонарик. Джунгли, чудилось ему, жили своей собственной злой жизнью, как будто ими заправлял Квидак. Лианы коварно обвивались вокруг ног, а кусты стремились заключить его в свои цепкие объятия. Каждая ветка так и норовила хлестнуть его по лицу, словно это доставляло ей особое удовольствие.

Пеленгатор отзывался на разряд при каждой вспышке, так что Дрейк с большим трудом держался курса. Но Квидаку, конечно, достается еще и не так, напоминал он себе. В перерывах между разрядами молний Дрейк выверял пеленг.

Чем глубже он забирался в джунгли, тем сильнее становился сигнал Квидака.

Через некоторое время он отметил, что промежутки между вспышками увеличиваются. Буря уносилась к северу. Сколько еще молнии будут ему защитой? Десять, пятнадцать минут?

Он услышал поскуливание и повел фонариком. К нему приближался его пес Оро. Его ли? А может, Квидака?

— Давай, старина, — подбодрил Дрейк. Он подумал, не бросить ли пеленгатор, чтобы вытащить из-за пояса револьвер, но не знал, будет ли тот стрелять после такого ливня.

Оро подошел и лизнул ему руку. Его пес. По крайней мере пока не кончилась буря.

Они двинулись вместе. Гром переместился на север. Сигнал в пеленгаторе звучал во всю силу. Где-то тут...

Он увидел свет от другого фонарика. Навстречу ему вышел запыхавшийся Соренсен. В зарослях он порядком ободрался и поцарапался, но не потерял ни винтовки, ни пеленгатора с фонариком.

Оро яростно заскреб лапами перед кустом. Все озарилось долгой вспышкой, и они увидели Квидака.

В эти последние секунды до Дрейка дошло, что дождь кончился. Перестали сверкать и молнии. Он бросил пеленгатор. Наставив фонарик, он попытался взять на прицел Квидака, который зашевелился и прыгнул...

На шею Соренсену, точно над правой ключицей.

Соренсен вскинул руки и тут же их опустил. Потом повернулся к Дрейку и, не дрогнув ни единым мускулом, поднял винтовку. У него был такой вид, словно убить Дрейка — единственная цель его жизни.

Дрейк выстрелил почти в упор. Пуля развернула Соренсена, и он упал, выронив винтовку.

Дрейк склонился над ним с револьвером наготове. Он понял, что не промахнулся. Пуля прошла как раз над правой ключицей. Рана была скверная. Но Квидаку, который оказался непосредственно на пути пули, пришлось много хуже. От него только и осталось что с пятёрок черных капель на рубашке Соренсена.

Дрейк торопливо забинтовал Соренсена и взвалил на спину. Он спрашивал себя, смог бы он выстрелить, очутись Квидак над сердцем Соренсена, или на горле, или на лбу.

Лучше об этом не думать, решил Дрейк.

Он двинулся назад в лагерь, и его пес затрусили с ним рядом.

Три смерти Бена Бакстера

Судьба целого мира зависела от того, будет или не будет он жить, а он, невзирая ни на что, решил уйти из жизни!

Эдвин Джеймс, Главный программист Земли, сидел на трехногом табурете перед Вычислителем возможностей. Это был тщедушный человечек с причудливо некрасивым лицом. Большая контрольная доска, витавшая над его головой на высоте нескольких сот футов, и вовсе пригнетала его к земле.

Мерное гудение машины и неторопливый танец огоньков на панели навевали чувство уверенности и спокойствия, и хоть Джеймс знал, как оно обманчиво, он невольно поддался его баюкающему действию. Но едва он забылся, как огоньки на панели образовали новый узор.

Джеймс рывком выпрямился и растер лицо. Из прорези в панели выползала бумажная лента. Главный программист оборвал ее и впился в нее глазами. Потом хмуро покачал головой и заспешил вон из комнаты.

Пятнадцать минут спустя он входил в конференц-зал Всемирного планирующего совета. Там его уже ждали, рассевшись вокруг длинного стола, пять представителей федеративных округов Земли, приглашенные на экстренное заседание.

В этом году появился у них новый коллега — Роджер Битти от обеих Америк. Высокий угловатый мужчина с пышной каштановой шевелюрой, уже слегка редеющей на макушке, видно, еще чувствовал себя здесь скованно. Он с серьезным и сосредоточенным видом уткнулся в "Руководство по процедуре" и быстрыми короткими движениями нет-нет да и прикладывался к своей кислородной подушке.

Остальные члены совета были старые знакомые Джеймса. Лан Ил от Пан-Азии, маленький, морщинистый и какой-то неистребимо живучий, с азартом говорил что-то рослому белокурому доктору Свегу от Европы. Прелестная, холеная мисс Чандрагор, как всегда, сражалась в шахматы с Аауи от Океании.

Джеймс включил встроенный в стену кислородный прибор, и собравшиеся с благодарностью отложили свои подушки.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал Джеймс, — я только сейчас получил последний прогноз.

Он вытащил из кармана записную книжку.

— На прошлом заседании мы остановили свой выбор на Возможной линии развития ЗБЗСС, отправляющейся от 1832 года. Нас интересовала жизнь Альберта Левинского. В Главной исторической линии Левинский умирает в 1935 году, попав в автомобильную катастрофу. Но поскольку мы переключились на Возможную линию ЗБЗСС, Левинский избежал катастрофы, дожил до шестидесяти двух лет и успешно завершил свою миссию. Следствием этого в наше время явится заселение Антарктики.

— А как насчет побочных следствий? — спросила Джанна Чандрагор.

— Они изложены в записке, которую я раздам вам позднее. Короче говоря, ЗБЗСС близко соприкасается с Исторической магистралью (условное, рабочее название). Все значительные события в ней сохранены. Но есть, конечно, и факты, не предусмотренные прогнозом. Такие, как открытие нефтяного месторождения в Патагонии, эпидемия гриппа в Канзасе и загрязнение атмосферы над Мексико.

— Все ли пострадавшие удовлетворены? — поинтересовалася Лан Ил.

— Да. Уже приступили к колонизации Антарктики.

Главный программист развернул ленту, которую извлек из Вычислителя возможностей.

— Но сейчас перед нами трудная задача. Согласно предсказанию, Историческая магистраль сулит нам большие осложнения, и у нас нет подходящих Возможных линий, на которые мы могли бы переключиться.

Члены совета начали перешептываться.

— Разрешите обрисовать вам положение, — сказал Джеймс. Он подошел к стене и спустил вниз длинную карту. — Критический момент приходится на 12 апреля 1959 года, и вопрос упирается в человека по имени Бен Бакстер. Итак, вот ка-ковы обстоятельства.

Всякое событие по самой своей природе может кончиться по-разному, и любой его исход имеет свою преемственность в истории. В иных пространственно-временных мирах Испания могла бы потерпеть поражение при Лепанто, Нормандия — при Гастингсе, Англия — при Ватерлоо.

Предположим, что Испания потерпела поражение при Лепанто...

Испания была разбита наголову. И непобедимая турецкая морская держава очистила Средиземное море от европейских судов. Десять лет спустя турецкий флот захватил Неаполь и этим проложил путь мавританскому вторжению в Австрию...

Разумеется, все в другом времени и пространстве.

Подобные умозрительные построения стали реальной возможностью после открытия временной селекции и соответственных перемещений в истории. Уже в 2103 году Освальд Мейнер и его группа теоретически доказали возможность переключения Исторической магистрали на другие Возможные исторические линии. Конечно, в известных пределах.

Например, мы не можем переключиться на далёкое прошлое и сделать так, чтобы, скажем, Вильгельм Норманийский проиграл битву при Гастингсе. Историческое развитие после этого события пошло бы по совершенно иному пути, для нас неприемлемому. Переключение возможно только на смежные линии.

Эта теоретическая возможность стала практической необходимостью в 2213 году, когда вычислитель Сайкса-Рэйберна предсказал полную стерилизацию земной атмосферы в результате накопления радиоактивных побочных продуктов. Процесс этот был неизбежен и необратим. Его можно было остановить только в прошлом, когда началось загрязнение атмосферы.

Первое переключение было произведено с помощью новоизобретенного селектора Адамса-Хольта-Мартинса. Всемирный планирующий совет избрал линию, предусматривающую раннюю смерть Василия Ушенко (а также полный отказ от его ошибочных теорий о вредности радиации). Таким образом удалось в большой мере избежать последующего загрязнения атмосферы — правда, ценой жизни семидесяти трех потомков Ушенко, для которых не удалось подыскать переключенных родителей в смежном историческом ряду. После этого путь назад был уже невозможен. Переключение стало такой же необходимостью, как профилактика в медицине.

Но и у переключения были свои границы. Должно было наступить время, когда ни одна доступная линия уже не удовлетворяла требованиям, когда всякое будущее становилось неблагоприятным.

И когда это случилось, планирующий совет перешел к более решительным действиям.

— Так вот что нас ожидает, — продолжал Эдвин Джеймс. — И этот исход неизбежен, если мы ничего не предпримем.

— Вы хотите сказать, мистер программист, — отозвался Лан Ил, — что Земля плохо кончит?

— К сожалению, это так.

Программист налил себе воды и перевернул страницу в записной книжке.

— Итак, исходный объект — некто Бен Бакстер, умерший 12 апреля 1959 года. Ему следовало бы прожить по крайней мере еще десяток лет, чтобы оказаться необходимое воздей-

ствие на события в мире. За это время Бен Бакстер купит у правительства Йеллоустонский парк. Он сохранит его как парк, с той разницей, что заведет там правильное лесное хозяйство. Коммерчески это предприятие блестяще себя оправдает. Бакстер приобретет и другие обширные земельные владения в Северной и Южной Америке. Наследники Бакстера на ближайшие двести лет станут королями древесины, им будут принадлежать огромные лесные массивы по всему земному шару. Их стараниями — вплоть до нашего времени — сохранятся на земле большие лесные районы. Если же Бакстер умрет...

И Джеймс безнадежно махнул рукой.

— Со смертью Бакстера леса будут истреблены задолго до того, как правительства осознают, что отсюда воспоследует. А потом наступит Великая засуха ...03 года, которой не смогут противостоять еще сохранившиеся в мире скучные лесные зоны. И, наконец, придет наше время, когда в связи с истреблением деревьев естественный цикл углерод — углекислый газ — кислород нарушен, когда все окислительные процессы прекратились и нам остаются только кислородные подушки как единственное средство сохранения жизни.

— Мы опять сажаем леса, — вставил Аауи.

— Да, но, пока они вырастут, пройдут сотни лет, даже если применять стимуляторы. А тем временем равновесие может быть еще больше нарушено. Вот что значит для нас Бен Бакстер. В его руках воздух, которым мы дышим.

— Что ж, — заметил доктор Свег, — магистраль, в которой Бакстер умирает, явно не годится. Но ведь возможны и другие линии развития.

— Их много, — ответил Джеймс. — Но, как всегда, большинство отпадает. Вместе с Главной у нас остаются на выбор три. К сожалению, каждая из них предусматривает смерть Бена Бакстера 12 апреля 1959 года.

Программист вытер взмокший лоб.

— Говоря точнее, *Бен Бакстер умирает 12 апреля 1959 года, во второй половине дня, в результате делового свидания с человеком по имени Нед Бринн.*

Роджер Битти, новый член совета, нервно откашлялся.

— И это событие встречается во всех трех вариантах?

— Вот именно! И в каждом Бакстер умирает по вине Бринна.

Доктор Свег тяжело поднялся с места.

— До сих пор совет не вмешивался в существующие линии развития. Но данный случай требует вмешательства!

Члены совета одобрительно закивали.

— Давайте же рассмотрим вопрос по существу, — предло-

жил Аауи. — Нельзя ли, поскольку этого требуют интересы Земли, совсем выключить Неда Бринна?

— Невозможно, — отвечал программист. — Бринн и сам играет важную роль в будущем. Он добился на бирже преимущественного права на приобретение чуть ли не ста квадратных миль леса. Но для этого ему и требуется финансовая поддержка Бакстера. Вот если бы можно было помешать этой встрече Бринна с Бакстером...

— Каким же образом? — спросил Битти.

— А уж как вам будет угодно. Угрозы, убеждение, покупка, похищение — любое средство, исключая убийство. В нашем распоряжении три мира. Сумей мы задержать Бринна хотя бы в одном из них, это решило бы задачу.

— Какой же метод предпочтительнее? — спросил Аауи.

— Давайте испробуем разные, в каждом мире другой, — предложила мисс Чандрагор. — Это даст нам больше шансов. Но кто же займется этим — мы сами?

— Что ж, нам и книги в руки, — ответил Эдвин Джеймс. — Мы знаем, что поставлено на карту. Тут требуется искусство маневрирования, доступное только политику. Каждая бригада будет действовать самостоятельно. Да и можно ли контролировать друг друга, находясь в разных временных рядах?

— В таком случае, — подытожил доктор Свег, — пусть каждая бригада исходит из того, что другие потерпели поражение.

— Да так оно, пожалуй, и будет, — невесело улыбнулся Джеймс. — Давайте же делиться на бригады и договариваться о методах работы.

I

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании "Бакстер". Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно приветливом взгляде сквозила почти фанатическая гордость, а крепко стиснутые губы выдавали непроходимое упрямство. В движениях проглядывала уверенность человека, постоянно наблюдающего за собой и умеющего видеть себя со стороны.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой трость и сунул в карман "Американских пэров" Сомерсета.

Никогда не выходил он из дома без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака золотой значок в виде восходящего солнца — эмблему его звания. Бринн был уже камергер второго разряда и немало этим гордился. Многие считали, что он еще молод для такого высокого поста. Однако все соглашались в том, что Бринн не по возрасту ревниво относится к правам и обязанностям, присущим его положению.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — простые обыватели, но среди прочих также и два штальмейстера. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, *камергер*, — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, как и подобает в разговоре с простолюдином. Он неотступно думал о Бакстере. И все же краешком глаза заметил в клетке лифта высокого, ладно скроенного мужчину с золотистой кожей и характерным лицом полинезийца, что подтверждало и наискось поставленные глаза. Бринн еще подивился, что могло привести чужестранца в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но, конечно, не узнавал ввиду их скромного положения.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о полинезийце. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу, в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать в кафе "Принц Чарльз".

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил Аауи.

— Похоже, с ним каши не сваришь! — сказал Роджер Битти. Он дышал всей грудью, наслаждаясь свежим, чистым воздухом. Какая неслыханная роскошь — наглотаться кислорода! В их время даже у самых богатых закрывали на ночь кран кислородного баллона.

Оба следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, энергично вышагивающая фигура была хорошо заметна даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Заметили, как он уставился на вас в лифте? — спросил Битти.

— Заметил, — ухмыльнулся Аауи. — Думаете, чует сердце?

— Насчет его чуткости не поручусь. Жаль, что времени у нас в обрез.

Аауи пожал плечами.

— Это был наиболее удобный вариант. Другой приходился на одиннадцать лет раньше. И мы все равно дождались бы этого дня, чтобы перейти к прямым действиям.

— По крайней мере узнали бы, что он за птица. Такого, пожалуй, не запугаешь.

— Похоже, что так. Но ведь мы сами избрали этот метод.

Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним, а он идет вперед, не глядя ни вправо, ни влево. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка; пурпурный с серебром медальон крестоносца первого ранга украсил его грудь.

— Куда лезете, не разбирая дороги? — пролаял крестоносец.

Бринн уже видел, с кем имеет дело. Проглотив оскорбление, он сказал:

— Простите, сэр!

Но крестоносец не склонен был прощать.

— Взяли моду соваться под ноги старшим!

— Я нечаянно, — сказал Бринн, побагровев от сдерживающей злобы. Вокруг них собралось простонародье. Окружив плотным кольцом обоих разодетых джентльменов, зрители подталкивали друг друга и посмеивались с довольным видом.

— Советую другой раз смотреть по сторонам! — надсаживался толстяк крестоносец. — Шатается по улицам как помешанный. Вашу братию надо еще не так учить вежливости.

— Сэр! — ответствовал Бринн, храня судорожное спокойствие. — Если вам угодно меня проучить, я с удовольствием встречусь с вами в любом месте, с любым оружием в руках, какое вы соблаговолите выбрать...

— Мне? Встретиться с вами? — Казалось, крестоносец ушам своим не верит.

— Мой ранг позволяет это, сэр!

— Ваш ранг? Да вы на пять разрядов ниже меня, дубина! Молчать, а не то я прикажу своим слугам — они тоже не вам чета, — пусть поучат вас вежливости. А теперь прочь с дороги!

И крестоносец, оттолкнув Бринна, горделиво прошествовал дальше.

— Трус! — бросил ему вслед Бринн; лицо у него пошло красными пятнами. Но он сказал это тихо, как отметил кто-то в толпе. Зажав в руке трость, Бринн повернулся к смельчаку, но толпа уже расходилась, посмеиваясь.

— Разве здесь еще разрешены поединки? — удивился Битти.

— А как же! — кивнул Аауи. — Они ссылаются на прецедент 1804 года, когда Аарон Бэрр убил на дуэли Александра Гамильтона.

— Пора приниматься за дело! — напомнил Битти. — Вот только обидно, что мы плохо снаряжены.

— Мы взяли с собой все, что могли захватить. Придется этим ограничиться.

В кафе "Принц Чарльз" Бринн сел за один из дальних столов. У него дрожали руки; усилием воли он унял дрожь. Будь он проклят, этот крестоносец первого ранга! Чваный задира и хвастун! От дуэли он, конечно, уклонился. Спрятался за преимущества своего звания.

В душе у Бринна нарастал гнев, зловещий, черный. Убить бы этого человека — и плевать на все последствия! Плевать на весь свет! Он никому не позволит над собой издеваться...

Спокойнее, говорил он себе. После драки кулаками не машут. Надо думать о Бене Бакстере и о предстоящем важнейшем свидании. Справившись с часами, он увидел, что скоро одиннадцать. Через два с половиной часа он должен быть в конторе у Бакстера и...

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Горячий шоколад, тосты и яйца пашот.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Если бы мне нужен был ваш картофель, я бы так и сказал! — напустился на него Бринн.

Официант побледнел, слегкотнул и, прошептав: "Да, сэр, простите, сэр!", поспешил убраться.

Этого еще не хватало, подумал Бринн. Я уже и на прислушу кричу. Надо взять себя в руки.

— Нед Бринн!

Бринн вздрогнул и огляделся. Он ясно слышал, как кто-то шепотом произнес его имя. Но рядом на расстоянии двадцати футов никого не было видно.

— Бринн!

— Это еще что? — Недовольно буркнул Бринн. — Кто со мной говорит?

— Ты нервничаешь, Бринн, ты не владеешь собой. Тебе необходим отдых и перемена обстановки.

Бринн побледнел под загаром и внимательно огляделся. В кафе почти никого не было. Только три пожилые дамы сидели ближе к выходу да двое мужчин за ними были, видно, заняты серьезным разговором.

— Ступай домой, Бринн, и отдохни как следует. Выключишь, пока есть возможность.

— У меня важное деловое свидание, — отвечал Бринн дрожащим голосом.

— *Дела важнее душевного здоровья?* — иронически спросил голос.

— Кто со мной говорит?

— *С чего ты взял, что кто-то с тобой говорит?*

— Неужто я говорю сам с собой?

— *А это тебе видней!*

— Ваш заказ, сэр! — подлетел к нему официант.

— Что? — заорал на него Бринн.

Официант испуганно отпрянул. Часть шоколада пролилась на блюдце.

— Сэр? — спросил он срывающимся голосом.

— Что вы тут шмыгаете, болван!

Официант вытаращил глаза на Бринна, поставил поднос и убежал. Бринн подозрительно поглядел ему вслед.

— *Ты не в таком состоянии, чтобы с кем-то встречаться, — настаивал голос. — Ступай домой, прими что-нибудь, постараися уснуть и прийти в себя.*

— Но что случилось, почему?

— *Твой рассудок в опасности! Голос, который ты слышишь, — последняя судорожная попытка твоего разума сохранить равновесие. Это серьезное остережение, Бринн! Прислушайся к нему!*

— Неправда! — воскликнул Бринн. — Я здоров! Я совершенно...

— Прошу прощения, — раздался голос у самого его плеча.

Бринн вскинулся, готовый дать отпор этой новой попытке нарушить его уединение. Над ним навис синий полицейский мундир. На плечах белели эполеты лейтенанта-нобиля.

Бринн проглотил подступивший к горлу комок.

— Что-нибудь случилось, лейтенант?

— Сэр, официант и хозяин кафе уверяют, что вы говорите сами с собой и угрожаете насилием.

— Чушь какая! — огрызнулся Бринн.

— *Это верно! Верно! Ты сходишь с ума!* — взвизгнул у него в голове голос.

Бринн уставился на грузную фигуру полицейского: он, конечно, тоже слышал голос. Но лейтенант-нобиль, должно быть, ничего не слышал. Он все так же строго взирал на Бринна.

— Враки! — сказал Бринн, уверенно отвергая показания какого-то лакея.

— Но я сам слышал! — возразил лейтенант-нобиль.

— Видите ли, сэр, в чем дело, — начал Бринн, осторожно подыскивая слова. — Я действительно...

— *Пошли его к черту, Бринн!* — завопил голос. — *Какое право он имеет тебя допрашивать! Двинь ему в зубы! Дай как следует! Убей его! Сотри в порошок!*

А Бринн продолжал, перекрывая этот галдеж в голове:

— Я действительно говорил сам с собой, лейтенант. У меня, видите ли, привычка думать вслух. Я таким образом лучше привожу свои мысли в порядок.

Лейтенант-нобиль слегка кивнул.

— Но вы угрожали насилием, сэр, без всякого повода!

— Без повода? А разве холодные яйца не повод, сэр?

А подмоченные тосты и пролитый шоколад не повод, сэр?

— Яйца были горячие, — отозвался с безопасного расстояния офицант.

— А я говорю — холодные, и дело с концом! Не заставите же вы меня спорить с лакеем!

— Вы абсолютно правы! — подтвердил лейтенант-нобиль, кивая на сей раз в полную силу. — Но я бы попросил вас, сэр, немного унять свой гнев, хоть вы и абсолютно правы. Чего можно ждать от простонародья?

— Еще бы! — согласился Бринн. — Кстати, сэр, я вижу пурпурную оторочку на ваших эполетах. Уж не в родстве ли вы с О’Доннелом из Лосиной Сторожки?

— Как же! Мой третий кузен по материнской линии. — Теперь лейтенант-нобиль увидел восходящее солнце на груди у Бринна. — Кстати, мой сын стажируется в юридической корпорации "Чемберлен-Холлс". Высокий малый, его зовут Кэллехен.

— Я запомню это имя, — обещал Бринн.

— Яйца были горячие! — не унимался офицант.

— С джентльменом лучше не спорить! — оборвал его офицер. — Это может вам дорого обойтись. Всего наилучшего, сэр! — Лейтенант-нобиль козырнул Бринну и удалился.

Уплатив по счету, Бринн последовал за ним. Он, правда, оставил официанту щедрые чаевые, но про себя решил, что ноги его больше не будет в кафе "Принц Чарльз".

— Вот пройдоха! — с досадой воскликнул Аауи, пряча в карман свой крохотный микрофон. — А я было думал, что мы его прищучили.

— И прищучили б, когда бы он хоть немного сомневался в своем разуме. Что ж, перейдем к более решительным действиям. Снаряжение при вас?

Аауи вытащил из кармана две пары медных наручников и одну из них передал Битти.

— Смотрите не потеряйте, — предупредил он. — Мы обещали вернуть их в Музей археологии.

— Совершенно верно. А что, пройдет сюда кулак? Да, да, вижу.

Они уплатили по счету и двинулись дальше.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, стоявших в гавани, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним происходит.

Эти голоса, звучавшие в голове...

Может быть, он и в самом деле утратил власть над собой? Один из его дядей с материнской стороны провел последние годы в специальном санатории. Пресенильный психоз... Уж не действуют ли и в нем какие-то скрытые разрушительные силы?

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Надпись на носу гласила: "Тезей".

Куда эта машина держит путь? Возможно, что в Италию. И Бринн представил себе лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевых сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже грозит его рассудку — он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он человек обеспеченный. Дело его само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое предприятие, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и уехать не оглядываясь.

К черту Бакстера, говорил он себе.

Душевное здоровье — вот что всего важнее! Он сидет на пароход сейчас же, сию минуту, а с дороги пошлет компаньонам телеграмму, где им все...

По пустынной улице приближались к нему двое прохожих. Одного он узнал по золотисто-смуглой коже и характерным чертам полинезийца.

— Мистер Бринн? — обратился к нему другой, мускулистый мужчина с копной рыжеватых волос.

— Что вам угодно? — спросил Бринн.

Но тут полинезиец без предупреждения обхватил его обеими руками, пригвоздив к месту, а рыжеволосый сбоку огrel кулаком, в котором поблескивало что-то металлическое. Взвинченные нервы Бринна реагировали с молниеносной быстротой. Недаром во время Второго мирового крестового похода он служил в неистовых рыцарях. Еще и теперь, много лет спустя, у него безошибочно действовали рефлексы.

Уклонившись от удара рыжеволосого, он сам двинул полинезийцу локтем в живот. Тот охнул и на какую-то секунду ослабил захват. Бринн воспользовался этим, чтобы вырваться.

Он наотмашь ударил полинезийца тыльной стороной руки и попал в горланный нерв. Полинезиец задохнулся и упал как подкошенный. В ту же секунду рыжеволосый навалился на Бринна и стал молотить медным кастетом. Бринн лягнул его, промахнулся — и заработал сильный удар в солнечное сплетение. У Бринна перехватило дыхание, в глазах потемнело. И сразу же на него обрушился новый удар, пославший его на землю почти в бессознательном состоянии. Но тут противник допустил ошибку.

Рыжеволосый хотел с силой наподдать ему ногой, но плохо рассчитал удар. Воспользовавшись этим, Бринн схватил его за ногу и рванул. Потеряв равновесие, рыжеволосый рухнул на мостовую и треснулся затылком.

Бринн кое-как поднялся, переводя дыхание. Полинезиец лежал навзничь с посиневшим лицом, делая руками и ногами слабые плавательные движения. Его товарищ валялся замертво, с волос его капала кровь.

Следовало бы сообщить в полицию, мелькнуло в уме у Бринна. А вдруг он прикончил рыжеволосого! Это даже в самом благоприятном случае — непредумышленное убийство. Да еще лейтенант-нобиль доложит о его странном поведении.

Бринн огляделся. Никто не видел их драки. Пусть его противники, если сочтут нужным, заявят в полицию.

Все как будто становилось на место. Пару эту, конечно, подослали конкуренты, они не прочь перебить у него сделку с Бакстером. Таинственные голоса — тоже какой-то их фокус.

Зато уж теперь им не остановить его. Все еще задыхаясь на ходу, Бринн помчался в контору Бакстера. Он уже не думал о поездке в Италию.

— Живы? — раздался откуда-то сверху знакомый голос.

Битти медленно приходил в сознание. На какое-то мгновение он испугался за голову, но, слегка до нее дотронувшись, успокоился: покамест цела.

— Чем это он меня стукнул?

— Похоже, что мостовой, — ответил Аауи. — К сожалению, я был беспомощен. Со мной он расправился на заре событий.

Битти присел и схватился за голову; она невыносимо болела.

— Ну и вояка! Призовой боец!

— Мы его недооценили, — сказал Аауи. — У него чувствуется выучка. Ну как, ноги вас еще носят?

— Пожалуй, что да, — отвечал Битти, поднимаясь с земли. — А ведь, наверно, уже поздно?

— Да, без малого час. Свидание назначено на час тридцать. Авось удастся расстроить его в конторе у Бакстера.

Не прошло и пяти минут, как они схватили такси и на полной скорости примчались к внушительному зданию.

Хорошенькая молодая секретарша уставилась на них с открытым ртом. Сидя в такси, они немного пообщались, но все еще выглядели весьма неавантажно. У Битти голова была кое-как перевязана платком; лицо полинезийца приобрело зеленоватый оттенок.

— Что вам угодно? — спросила секретарша.

— Сегодня в час тридцать у мистера Бакстера деловое свидание с мистером Бринном, — начал Аауи самым официальным тоном.

— Да-а-а...

Стенные часы показывали час семнадцать...

— Нам необходимо повидать мистера Бринна еще до этой встречи. Если не возражаете, мы подождем его здесь.

— Сделайте одолжение! Но мистер Бринн уже в кабинете.

— Вот как? А ведь половины второго еще нет!

— Мистер Бринн приехал заблаговременно. И мистер Бакстер принял его раньше.

— У меня срочный разговор, — настаивал Аауи.

— Приказано не мешать. — Вид у девушки был испуганный, и она уже потянулась к кнопке на столе.

Собирается звать на помощь, догадался Аауи. Такой человек, как Бакстер, разумеется, шагу не ступит без охраны. Встреча уже состоялась, не лезть же напролом. Быть может, предпринятые ими шаги изменили ход событий. Быть может, Бринн вошел в кабинет к Бакстеру уже другим человеком: утренние приключения не могли пройти для него бесследно.

— Не беспокойтесь, — сказал он секретарше, — мы подождем его здесь.

Бен Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблемой палаты лордов Уоллстрита.

Бринн добрых полчаса излагал свое предложение; он усеял бумагами письменный стол Бакстера, онсыпал цифровыми данными, ссылался на господствующие тенденции, намечал перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова Бакстера.

— Гм-м-м, — промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, голова была точно свинцом налиты, желудок свело спазмом. Вот что значит отвык-

нуть от драки. И все же он надеялся кое-как дотерпеть.

— Ваши условия граничат с нелепостью, — сказал Бакстер.

— Сэр?..

— Я сказал — с нелепостью! Вы что, туги на ухо, мистер Бринн?

— Отнюдь нет, — ответил мистер Бринн.

— Тем лучше. Ваши условия были бы уместны, если бы мы говорили на равных. Но это не тот случай, мистер Бринн. И когда фирма, подобная вашей, ставит такие условия "Предприятиям Бакстера", это звучит по меньшей мере нелепо.

Бринн прищурился. Бакстера недаром считают чемпионом ближнего боя. Это не личное оскорбление, внушал он себе. Обычный деловой маневр, он и сам к нему прибегает. Вот как на это надо смотреть!

— Разрешите вам напомнить, — возразил Бринн, — о ключевом положении упомянутой лесной территории. При достаточном финансировании мы могли бы почти неограниченно ее расширить, не говоря уже...

— Мечты, надежды, посулы, — вздохнул Бакстер. — Может, идея чего-то и стоит, но вы не сумели подать ее как следует.

Разговор чисто деловой, успокаивал себя Бринн. Он не прочь меня субсидировать, по всему видно. Я и сам предполагал пойти на уступки. Все идет нормально. Просто он торгуется, сбивает цену. Ничего личного...

Но Бринну очень уж досталось. Краснолицый крестоносец, таинственный голос в кафе, мимолетная мечта о свободе, драка с двумя прохожими... Он чувствовал, что сыт по горло...

— Я жду от вас, мистер Бринн, более разумного предложения. Такого, которое бы соответствовало скромному, я бы даже сказал — подчиненному положению вашей фирмы.

Зондирует почву, говорил себе Бринн. Но терпение его лопнуло. Бакстер не выше его по рождению! Как он смеет с ним так обращаться!

— Сэр! — пролепетал он помертвевшими губами. — Это звучит оскорбительно.

— Что? — отозвался Бакстер, и в его холодных глазах почутилась Бринну усмешка. — Что звучит оскорбительно?

— Ваше заявление, сэр, да и вообще ваш тон. Предлагаю вам извиниться!

Бринн вскочил и ждал, застыв в деревянной позе. Голова нечеловески трещала, спазм в желудке не отпускал.

— Не понимаю, почему я должен просить извинения, — возразил Бакстер. — Не вижу смысла связываться с человеком, который не способен отделить личное от делового.

Он прав, думал Бринн. Это мне надо просить извинения.

Но он уже не мог остановиться и очертя голову продолжал:

— Я вас предупредил, сэр! Просите извинения!

— Так нам не столковаться, — сказал Бакстер. — А ведь, по чести говоря, мистер Бринн, я рассчитывал войти с вами в дело. Хотите, я постараюсь говорить разумно — постарайтесь и вы отвечать разумно. Не требуйте от меня извинений, и продолжим наш разговор.

— Не могу! — сказал Бринн, всей душой жалея, что не может. — Просите извинения, сэр!

Небольшой, но крепко сбитый Бакстер поднялся и вышел из-за стола. Лицо его потемнело от гнева.

— Пошел вон, наглый щенок! Убирайся подобру-поздорову, пока тебя не вывели, ты, взбесившийся осел! Вон отсюда!

Бринн готов был просить прощения, но вспомнил: красный крестоносец, офицант и те два разбойника... Что-то в нем захлопнулось. Он выбросил вперед руку и нанес удар, подкрепив его всей тяжестью своего тела.

Удар пришелся по шее и притиснул Бакстера к столу. Глаза у него потускнели, и он медленно сполз вниз.

— Прошу прощения! — крикнул Бринн. — Мне страшно жаль! Прошу прощения!

Он упал на колени рядом с Бакстером.

— Ну как, пришли в себя, сэр? Мне страшно жаль! Прошу прощения...

Какой-то частью сознания, не утратившей способности рассуждать, он говорил себе, что впал в неразрешимое противоречие. Потребность в действии была в нем так же сильна, как потребность просить прощения. Вот он и разрешил дилемму, попытавшись сделать и то и другое, как бывает в сумятице душевного разлада: ударили, а затем попросил прощения.

— Мистер Бакстер! — окликнул он в испуге.

Лицо Бакстера налилось синевой, из уголка рта сочилась кровь. И тут Бринн заметил, что голова лежит под необычным углом к туловищу.

— О-о-ох... — только и выдохнул Бринн.

Прослужив три года в неистовых рыцарях, он не впервые видел сломанную шею.

II

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании "Бакстер". Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно приветливом взгляде чувствовалась сердечная доброта, а выразительный рот говорил о несокрушимом благочестии. Он двигался легко и свободно, как человек чистой души, не привыкший размышлять над своими поступками.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой молитвенный посох и сунул в карман "Руководство к праведной жизни" Норстеда. Никогда не выходил он из дома без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака серебряный значок в виде серпа — эмблему его сана. Бринн был посвящен в сан аскета второй степени западнобуддистской конгрегации, и это даже вселяло в него известную гордость, конечно, сдержанную гордость, дозволительную аскету. Многие считали, что он еще молод для звания мирского священника, однако все соглашались в том, что Бринн не по возрасту ревностно блюдет права и обязанности своего сана.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — западные буддисты, но также два ламаиста. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, брат мой! — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, в знак обычного скромного приветствия пастыря пасомому. Он неотступно думал о Бене Бакстере. И все же краешком глаза заметил в клетке лифта прелестную, холеную девушку с волосами черными как вороново крыло, с пикантным смуглозолотистым лицом. Индианка, решила про себя Бринн, и еще подивился, что могло привести чужеземку в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по внешнему виду, но счел бы нескромностью раскланиваться с ними.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл об индианке. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел все заранее взвесить. Выйдя на улицу в серенькое, пасмурное апрельское утро, он решил позавтракать в "Золотом логосе".

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Остаться бы здесь навсегда и дышать этим воздухом! — воскликнула Джанна Чандрагор.

Лан Ил слабо улыбнулся.

— Возможно, нам удастся дышать им в наше время. Как он вам показался?

— Уж очень доволен собой и, должно быть, ханжа и святоша.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая фигура выделялась даже в нью-йоркской утренней толчее.

— А ведь глаз не сводил с вас в лифте, — заметил Ил.
— Заметила. Видный мужчина, не правда ли?

Лан Ил удивленно вскинул брови, но ничего не сказал. Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним из уважения к его сану. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка, облаченного в желтую рясу западнобуддистского священника.

— Простите, младший брат мой, я, кажется, помешал вашим размышлениям? — молвил священник.

— Это всецело моя вина, отец. Ибо сказано: пусть юность рассчитывает свои шаги, — ответствовал Бринн.

Священник покачал головой.

— В юности живет мечта о будущем, и старости надлежит уступать ей дорогу.

— Старость — наш путеводитель и дорожный указатель, — смириенно, но настойчиво возразил Бринн. — Все авторы единодушны в этом.

— Если вы чтите старость, — возразил священник, — внимите же и слову старости о том, что юности надлежит давать дорогу. И пожалуйста, без возражений, возлюбленный брат мой!

Бринн с обдуманно любезной улыбкой отвесил низкий поклон. Священник тоже поклонился, и каждый пошел своей дорогой. Бринн ускорил шаг: он крепче зажал в руке молитвенный посох. До чего это похоже на священника — ссылаться на свой преклонный возраст как на аргумент в пользу юности. Да и вообще в учении западных буддистов много кричащих противоречий. Но Бринну было сейчас не до них.

Он вошел в кафе "Золотой лотос" и сел за один из дальних столиков. Перебирая пальцами сложный узор на своем молитвенном посохе, он чувствовал, что раздражение его проходит. Почти мгновенно вернулось к нему то ясное, бесстрашное единство разума и чувства, которое так необходимо адепту праведной жизни.

Но пришло время помыслить о Бене Бакстере. Человеку не мешает помнить и о своих преходящих обязанностях наряду с религиозными. Посмотрев на часы, он увидел, что уже без малого одиннадцать. Через два с половиной часа он будет в кабинете у Бакстера и...

— Что вам угодно? — спросил официант.
— Воды и сушеный рыбки, если можно, — отвечал Бринн.
— Не желаете ли картофеля фри?
— Сегодня вишня, и это не положено, — ответствовал Бринн, из деликатности понизив голос.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: "Да, сэр, простите, сэр!", поспешил уйти.

Напрасно я поставил его в глупое положение, упрекнул себя Бринн. Не извиниться ли?

Но нет, он только больше смутит официанта. И Бринн со свойственной ему решительностью выбросил из головы официанта и стал думать о Бакстере. Если к лесной территории, которую он собирается купить, прибавить капиталы Бакстера и связи Бакстера, трудно даже вообразить...

Бринн почувствовал безотчетную тревогу. Что-то неладное происходило за соседним столиком. Повернувшись, он увидел давешнюю смуглышку; она рыдала в крошечный носовой платочек. Маленький сморщеный старикашка безуспешно пытался ее утешить.

Плачущая девушка бросила на Бринна исполненный отчаяния взгляд. Что мог сделать аскет, очутившийся в таком положении, как не вскочить и направить стопы к их столику!

— Простите мою навязчивость, — сказал он, — я невольно стал свидетелем вашего горя. Быть может, вы одиноки в городе? Не могу ли я вам помочь?

— Нам уже никто не поможет! — зарыдала девушка.

Старичок беспомощно покал плечами.

Поколебавшись, Бринн присел к их столику.

— Поведайте мне свое горе, — сказал он. — Неразрешимых проблем нет. Ибо сказано: через любые джунгли проходит тропа, и след ведет на самую недоступную гору.

— Поистине так, — подтвердил старичок. — Но бывает, что человеческим ногам не под силу достигнуть конца пути.

— В таких случаях, — возразил Бринн, — всяк помогает всякому — и дело сделано. Поведайте мне ваши огорчения, я всеми силами постараюсь вам помочь.

Надо сказать, что Бринн-аскет превысил здесь свои полномочия. Подобные тотальные услуги лежат на обязанности священников высшей иерархии. Но Бринна так захватило горе девушки и ее красота, что он не дал себе времени подумать.

— В сердце молодого человека заключена сила, это посох для усталых рук, — процитировал старичок. — Но скажите, молодой человек, исповедуете ли вы религиозную терпимость?

— В полной мере! — воскликнул Бринн. — Это один из основных доктрина западного буддизма.

— Отлично! Итак, знайте, сэр, что я и моя дочь Джанна прибыли из Лхаграммы, из Индии, где поклоняются воплощению даритрийской космической функции. Мы приехали в Америку в надежде основать здесь небольшой храм. К несчастью, схизматики, чтящие воплощение Мари, опередили нас. Дочери моей надо возвращаться домой. Но фанатики марианцы поку-

шаются на нашу жизнь, они поклялись камня на камне не оставить от даритрийской веры.

— Разве может что-нибудь угрожать вашей жизни здесь, в сердце Нью-Йорка? — воскликнул Бринн.

— Здесь больше, чем где бы то ни было! — сказала Джания. — Людские толпы — маска и плащ для убийцы.

— Мои дни и без того сочтены, — продолжал старик со спокойствием отрещенности. — Мне следует остаться здесь и завершить свой труд. Ибо так написано. Но я хотел бы, чтобы по крайней мере дочь моя благополучно вернулась домой.

— Никуда я без тебя не поеду! — снова зарыдала Джания.

— Ты сделаешь то, что тебе прикажут, — заявил старик.

Джания робко погутилась под взглядом его черных сверлящих глаз. Старик повернулся к Бринну.

— Сэр, сегодня во второй половине дня в Индию отплывает пароход. Дочери нужен провожатый — сильный, надежный человек, под чьим руководством и защитой она могла бы благополучно доехать. Все свое состояние я готов отдать тому, кто выполнит эту священную обязанность.

На Бринна вдруг нашло сомнение.

— Я просто ушам своим не верю, — начал он. — А вы не...

Словно в ответ, старик вытащил из кармана маленький замшевый мешочек и вытряхнул на стол его содержимое. Бринн не считал себя знатоком драгоценных камней, и все же немало их прошло через его руки в бытность его религиозным инструктором в годы Второго мирового джихада. Он мог поклясться, что узнаёт игру рубинов, сапфиров, изумрудов и алмазов.

— Все это ваше, — сказал старик. — Отнесите камни к ювелиру. Когда их подлинность будет подтверждена, вы, возможно, поверите и моему рассказу. Если же и это вас не убеждает...

И он извлек из другого кармана толстый бумажник и передал его Бринну. Открыв его, Бринн увидел, что он набит крупными купюрами.

— Любой банк удостоверит их подлинность, — продолжал старик. — Нет, нет, пожалуйста, я настаиваю, возьмите их себе. Поверьте, это лишь малая часть того, чем я рад буду отблагодарить вас за вашу великую услугу.

Бринн был ошеломлен. Он старался уверить себя, что драгоценности, скорее всего, искусственная подделка, а деньги, конечно, фальшивые. И все же знал, что это не так. Они настоящие. Но если богатство, которым так цвяграются, не вызывает сомнений, то можно ли усомниться в рассказе старика?

Истории известны случаи, когда действительно события превосходили чудеса волшебных сказок. Разве в "Книге золотых ответов" мало тому примеров?

Бринн посмотрел на плачущую смуглую девушку, и его охватило великое желание зажечь радость в этих прекрасных глазах, заставить трагический рот улыбаться. Да и в обращенных к нему взорах красавицы угадывал он нечто большее, чем простой интерес к опекуну и защитнику.

— Сэр! — воскликнул старик. — Возможно ли, что вы солгали, что вы готовы...

— Можете на меня рассчитывать! — сказал Бринн.

Старик бросился пожимать ему руку. Что до Джанны, то она только взглянула на своего избавителя, но этот взгляд стоил жаркого объятия.

— Уезжайте сейчас же, не откладывая, — волновался старик. — Не будем терять времени. Возможно, в эту самую минуту нас караулит враг.

— Но я не одет для дороги...

— Неважно! Я снабжу вас всем необходимым...

— ...к тому же друзья, деловые свидания... погодите! Дайте опомниться!

Бринн перевел дыхание. Приключения в духе Гарун-аль-Рашида заманчивы, спору нет, но нельзя же пускаться в них сломя голову.

— У меня сегодня деловой разговор, — продолжал Бринн. — Я не вправе им манкировать. Потом можете мной располагать.

— Как, рисковать жизнью Джанны? — воскликнул старик.

— Уверяю вас, ничего с вами не случится. Хотите — пойдемте со мной. А еще лучше — у меня двоюродный брат служит в полиции. Я договорюсь с ним, и вам будет дана охрана.

Девушка отвернула от него свое прекрасное печальное лицо.

— Сэр, — сказал старик. — Пароход отходит в час, ни минутой позже!

— Пароходы отходят чуть ли не каждый день, — вразумлял его Бринн. — Мы сядем на следующий. У меня особо важное свидание. Решающее, можно сказать. Я добиваюсь его уже много лет. И речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны. Уже ради них я не вправе им пренебречь.

— Дело дороже жизни! — с горькой иронией воскликнул старик.

— Ничего с вами не случится, — уверял Бринн. — Ибо сказано: "Зверь в джунглях пугается шагов..."

— Я и сам знаю, что и где сказано. На моем челе и челе дочери смерть уже начертала свои магические письмена, и мы погибнем, если вы нам не поможете. Вы найдете Джанну на "Тезее" в каюте-люкс "2А". Ваша каюта "3А", соседняя. Па-

роход отчаливает ровно в час. Если вам дорога ее жизнь, приходите!

Старик с дочерью встали и, уплатив по счету, удалились, не слушая доводов Бринна. В дверях Джанна еще раз на него оглянулась.

— Ваша сущеная рыба, сэр! — подлетел к нему официант. Он все время вертелся поблизости, не решаясь беспокоить посетителей.

— К черту рыбу! — взревел Бринн. Но тут же спохватился. — Тысяча извинений! Я совсем не вас имел в виду, — заверил он оторопевшего официанта.

Он расплатился, оставив щедрые чаевые, и стремительно ушел. Ему надо было еще о многом подумать.

— Эта сцена состарила меня лет на десять, она мне стоила последних сил, — пожаловался Лан Ил.

— Признайтесь: она доставила вам огромное удовольствие, — возразила Джанна Чандрагор.

— Что ж, вы правы, — энергично кивнув, согласился Лан Ил. Он маленькими глотками щедрее вино, которое стюард принес им в каюту. — Вопрос в том, откажется ли Бринн от свидания с Бакстером и явится ли сюда?

— Я ему как будто понравилась, — заметила Джанна.

— Что лишь свидетельствует о его безошибочном вкусе. Джанна поблагодарила шутливым кивком.

— Но что за историю вы придумали! Надо ли было наворачивать столько ужасов?

— Это было абсолютно необходимо. Бринн сильная и целеустремленная натура. Но есть в нем и этакая романтическая жилка. И разве только волшебная сказка — под стать его самым напыщенным мечтам — заставит его изменить долг.

— А вдруг не поможет и волшебная сказка? — заметила Джанна в раздумье.

— Увидим. Лично мне кажется, что он придет.

— А я на это не рассчитываю.

— Вы недооцениваете свою красоту и актерское дарование, моя дорогая! Впрочем, поживем — увидим.

— Единственное, что нам остается, — сказала Джанна.

Часы на письменном столике показывали сорок две минуты первого.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, стоявших в гавани, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Эта прелестная, убитая горем девушка...

Да, но как же долг, как же труд его преданных служа-

щих — ведь именно сегодня ему предстояло завершить и увенчать его на письменном столе у Бакстера. Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Вон он, "Тезей". Бринн представил себе Индию, ее лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него. Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже значит лишиться прекраснейшей девушки в мире — он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом!

Но почему же, спрашивал себя Бринн, нащупывая в кармане замшелый мешочек. Материально он обеспечен. Дело его само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не помешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое дело, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и последовать велению сердца.

К черту Бакстера, говорил он себе. Безопасность девушки важнее всего! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту и пошлет своим компаньонам телеграмму, где все им...

Итак, решение принято. Он круто повернулся, спустился вниз по сходням и без колебаний поднялся на борт.

Помощник капитана встретил его любезной улыбкой.

— Ваше имя, сэр?

— Нед Бринн.

— Бринн, Бринн... — Помощник поискал в списке. — Что-то я не... О да! Вот вы где. Да, да, мистер Бринн! Ваша каюта на палубе А за номером 3. Разрешите пожелать вам приятного путешествия.

— Спасибо, — сказал Бринн, поглядев на часы. Они показывали без четверти час.

— Кстати, — спросил он помощника, — в котором часу вы отчаливаете?

— В четыре тридцать, минута в минуту, сэр!

— Четыре тридцать? Вы уверены?

— Абсолютно уверен, мистер Бринн.

— Мне сказали, в час по расписанию.

— Да, так по расписанию, сэр! Но бывает, что мы задерживаемся на несколько часов. А потом без труда нагоняем в пути.

Четыре тридцать! У него еще есть время. Он может вернуться, повидать Бена Бакстера и вовремя поспеть на пароход! Обе проблемы решены!

Благословляя неисповедимую, но благосклонную судьбу, Бринн повернулся и бросился вниз по сходням. Ему удалось тут же схватить такси.

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблемой смиренных служителей Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова Бакстера.

— Гм-м-м, — промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, пустой желудок бил тревогу. В мозгу сверлила мысль, что надо еще поспеть на "Тезея". Он хотел скорее покончить с делами и ехать в порт.

— Ваши условия слияния обеих фирм меня вполне устраивают, — сказал Бакстер.

— Сэр! — только и выдохнул Бринн.

— Повторяю: они меня устраивают. Вы что, туги на ухо, брат мой?

— Во всяком случае, не для таких новостей, — заверил его Бринн с ухмылкой.

— Лично меня очень обнадеживает слияние наших фирм, — продолжал Бакстер, улыбаясь. — Я — прямой человек, Бринн, и я говорю вам безо всяких: мне нравится, как вы провели изыскания и какой подготовили материал, и нравится, как вы провели эту встречу. Мало того, вы и лично мне нравитесь! Меня радует наша встреча, и я верю, что слияние послужит нам на пользу.

— Я тоже в это верю, сэр.

Они обменялись рукопожатиями и встали из-за стола.

— Я поручу своим адвокатам составить соглашение, исходя из нашей сегодняшней беседы. Вы получите его в конце недели.

— Отлично! — Бринн колебался: сказать или не говорить Бакстеру о своем отъезде в Индию. И решил не говорить. Бумаги по его указанию перешлют на борт "Тезея", а об окончательных подробностях можно будет договориться по телефону. Так или иначе, в Индии он не задержится, доставит девушку благополучно домой и тут же вылетит обратно.

Обменявшиеся новыми любезностями, будущие компании начали прощаться.

— У вас редкостный посох, — сказал Бакстер.

— А, что? Да, да! Я получил его на этой неделе из Гонконга. Такой искусственной резьбы, как в Гонконге, вы не найдете нигде.

— Да, я знаю. А можно посмотреть его поближе?

— Конечно. Но осторожнее, пожалуйста, он легко открывается.

Бакстер взял в руки искусно изукрашенную палку и нависил ручку. На другом ее конце выскоцил клинок и слегка оцарапал ему ногу.

— Вот уж верно, что легко, — сказал Бакстер. — Я легче не видывал.

— Вы, кажется, порезались!

— Ничего. Пустячная царапина. А клинок-то — дамасского литья!

Они еще несколько минут беседовали о тройном значении клинка в западнобуддистском учении и о новейших течениях в западнобуддистском духовном центре в Гонконге. Бакстер сложил палку и вернул ее Бринну.

— Да, посох отменный. Еще раз желаю вам доброго дня, дорогой брат, и...

Бакстер оборвал на полуслове. Рот его так и остался открытым, глаза уставились в какую-то точку над головой Бринна. Бринн обернулся, но не увидел ничего, кроме стены. Когда же он снова повернулся к Бакстеру, тот уже весь покинул, в уголках рта собралась пена.

— Сэр! — крикнул Бринн.

Бакстер хотел что-то сказать, но не мог. Два нетвердых шага — и он рухнул на пол.

Бринн бросился в приемную.

— Врача! Скорее врача! — крикнул он испуганной девушке. А потом вернулся к Бакстеру.

То, что он видел перед собой, был первый в Америке случай болезни, получившей впоследствии название гонконгской чумы. Занесенная сотнями молитвенных посохов, она вспышкой пламени охватила город, оставил за собой миллион трупов. Спустя неделю симптомы гонконгской чумы стали более известны горожанам, чем симптомы кори.

Бринн видел перед собой первую жертву.

С ужасом глядел он на терпкий ярко-зеленый оттенок, разлившийся по лицу и рукам Бакстера.

III

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. В час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании "Бакстер". Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно приветливом взгляде чувствовался настоящий интерес к людям, мягко очерченный рот говорил о

покладистом характере, доступном доводам разума. В движениях проглядывала уверенность человека, знающего свое место в жизни.

Бринн уже собрался уходить. Он зажал под мышкой зонтик и сунул в карман экземпляр "Убийства в метро" в мягким переплете. Никогда он не выходил из дома без увлекательного детектива.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака ониксовый значок коммодора Океанского туристского клуба. Многие считали, что Бринн еще молод для такого высокого знака отличия. Но все соглашались в том, что он не по возрасту ревностно блюдет права и обязанности своего звания. Он запер квартиру и пошел к лифту. Здесь уже стояла кучка обитателей дома, в большинстве лавочники, но Бринн узнал среди них и двух дельцов.

— Славный денек, мистер Бринн, — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

— Надеюсь! — сказал Бринн, погруженный в размышления о Бене Бакстере. И все же краешком глаза он заметил в клетке лифта белокурого гиганта — настоящего викинга, разговаривающего с плешившим коротышкой. Бринн еще подивился, что привело эту пару в их многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но не был еще ни с кем знаком, так как поселился здесь совсем недавно.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о викинге. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать у Чайльда.

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил доктор Свег.

— По-моему, человек как человек. Похоже, что с ним можно говориться. А впрочем, там видно будет.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, стройная фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толче.

— Я меньше всего сторонник насилия, — сказал доктор Свег. — Но в данном случае мое мнение: треснуть его по макушке — и дело с концом!

— Этот способ избрали Аауи и Битти. Мисс Чандрагор и Лан Ил решили испробовать подкуп. А нам с вами поручено воздействовать убеждением.

— А если он не поддастся убеждению?

Джеймс пожал плечами.

— Мне это не нравится, — сказал доктор Свег.

Следуя за Бринном на расстоянии полуквартала, они увидели, как он налетел на какого-то румяного плотного бизнесмена.

— Простите, — сказал Бринн.

— Простите, — отозвался плотный бизнесмен.

Небрежно кивнув друг другу, они продолжали свой путь.

Бринн вошел в кафе Чайльда и уселся за один из дальних столиков.

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Яйца пашот, тосты, кофе.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Нет, спасибо.

Официант поспешил дальше. Бринн сосредоточил свои мысли на Бене Бакстере. При финансовой поддержке Бена Бакстера трудно даже вообразить...

— Простите, сэр, — раздался голос. — Не разрешите ли с вами побеседовать?

— О чём это?

Бринн поднял глаза и увидел белокурого гиганта и его коротышку приятеля, с которыми столкнулся в лифте.

— О деле чрезвычайного значения, — сказал коротышка.

Бринн поглядел на часы. Без чего-то одиннадцать. До встречи с Бакстером оставалось еще два с половиной часа.

Незнакомцы переглянулись и обменялись смущенными улыбками. Наконец коротышка прочистил горло.

— Мистер Бринн, — начал он. — Меня зовут Эдвин Джеймс. Это мой коллега доктор Свег. Мы собираемся рассказать вам крайне странную на первый взгляд историю, однако я надеюсь, что вы терпеливо выслушаете нас. В заключение мы приведем ряд доказательств, которые, возможно, убедят, а возможно, и не убедят вас в справедливости нашего рассказа.

Бринн нахмурился: это еще что за чудаки! Рехнулись они, что ли? Но незнакомцы были хорошо одеты и вели себя безукоризненно.

— Ладно, валяйте, — сказал он.

Час двадцать минут спустя Бринн воскликнул:

— Ну и чудеса же вы мне порассказали!

— Знаю. — Доктор Свег виновато пожал плечами. — Но наши доказательства...

— ...производят впечатление. Покажите-ка мне еще раз эту первую штуковину!

Свег передал ему просимое. Бринн почтительно уставился на небольшой блестящий предмет.

— Ребята, а ведь если эта крохотулька действительно дает холод и тепло в таких количествах, электрические корпорации, думается мне, отвалят за нее не один миллиард.

— Это продукт нашей техники, — сказал Главный программист, — как, впрочем, и другие устройства, которые вы видели. За исключением мотрифайера, во всем этом нет ничего принципиально нового, это результаты развития и усовершенствования сегодняшней технической мысли и практики.

— А ваш талазатор! Простой, удобный и дешевый способ добывания пресной воды из морской! — Он уставился на обоих собеседников. — Хотя не исключено, конечно, что все эти изобретения — ловкая подделка.

Доктор Свег вскинул брови.

— Впрочем, я и сам кое-что смыслю в технике. И если это даже подделки, то эффект они дают такой же, как настоящие изобретения. Ох, морочите вы меня! Люди будущего! Этого еще не хватало!

— Так, значит, вы верите тому, что мы рассказали насчет вас, Бена Бакстера и временной селекции?

— Как сказать... — Бринн крепко задумался. — Верю условно.

— И вы отмените свидание с Бакстером?

— Не знаю.

— Сэр!

— Я говорю вам, что не знаю. Хватает же у вас нахальства! — Бринн все больше сердился. — Я работал как каторжный, чтобы этого добиться. Свидание с Бакстером — величайший шанс моей жизни. Другого такого шанса у меня не было и не будет. А вы предлагаете мне пожертвовать им ради какого-то туманного предсказания.

— Предсказание отнюдь не туманное, — поправил его Джеймс. — Оно ясное и недвусмысленное.

— К тому же речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компании и акционеры. Я обязан и ради них встретиться с Бакстером.

— Мистер Бринн, — сказал Свег, — вспомните, что здесь поставлено на карту!

— Да, верно, — хмуро отозвался Бринн. — Но вы говорили, что у вас там еще и другие бригады. А вдруг меня остановили в каком-то другом возможном мире.

— Не остановили, нет!

— Почем вы знаете?

— Я не хотел говорить тем бригадам, — сказал Главный программист, — но их надежды на успех так же призрачны, как и *мои*, — они близки к нулю.

— Черт! — выругался Бринн. — Вы, ребята, ни с того ни с сего сваливаетесь на человека из прошлого и преспокойно требуете, чтобы он перешерстил всю свою жизнь. Какое, на конец, вы имеете право?

— А что, если отложить свидание на завтра? — предложил доктор Свег. — Это, пожалуй...

— Свидание с Беном Бакстером не откладывают. Либо вы приходите в назначенное время, либо ждете — может быть, и всю жизнь, — чтобы он вам назначил другое. — Бринн поднялся. — Вот что я вам скажу. Я и сам не знаю, как поступлю. Я выслушал вас и более или менее вам верю, но ничего определенного сказать не могу. Мне надо самому принять решение.

Доктор Свег и Джеймс тоже встали.

— Ваше право! — сказал Главный программист Джеймс. — До свидания, мистер Бринн! Надеюсь, вы примете правильное решение. — Они обменялись рукопожатиями. Бринн поспешил к выходу.

Доктор Свег и Джеймс проводили его глазами.

— Ну как? — спросил Свег. — Похоже, склоняется?.. Или вы другого мнения?

— Я не сторонник гаданий. Возможность что-то изменить в пределах одной временной линии маловероятна. Я в самом деле не представляю, как он поступит.

Доктор Свег покачал головой, а потом глубоко втянул носом воздух.

— Ничего дышится, а?

— Да, воздух что надо, — отозвался Главный программист Джеймс.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных океанских судов, стоящих в гавани, всегда действовало на него умиротворяющее. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Этот дурацкий рассказ...

...которому он верил.

Ну а как же его долг и все эти пропащие годы, ушедшие на то, чтобы добиться права покупки обширной лесной территории? А заключенные в сделке возможности, которые он хотел закрепить и увенчать сегодня за столом у Бакстера?!

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант "Тезей"...

И Бринн представил себе Карибское море, лазурное небо тех краев, щедрое солнце, вино, полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам себе избрал. И чего бы это ему ни стоило, он так и будет тащить этот груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он обеспеченный человек. Дело его само о себе позаботится. Что ему мешает сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что ни-

что этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и воля. Если у него хватило сил, чтобы преуспеть в делах, то хватит и на то, чтобы от них отказаться, сбросить все с плеч и последовать желанию сердца.

А заодно спасти это проклятое дурацкое будущее.

"К черту Бакстера!" — говорил он себе.

Но все это было несерьезно.

Будущее было слишком туманно, слишком далеко. Вся эта история, возможно, хитрый подвох, придуманный его конкурентами.

Пусть будущее само о себе позаботится!

Нед Бринн круто повернулся и зашагал прочь. Надо было торопиться, чтобы не опоздать к Бакстеру.

Поднимаясь на лифте в небоскребе Бакстера, Бринн старался ни о чем не думать. Самое простое — действовать без отчетно. На шестнадцатом этаже он сошел и направился к секретарше.

— Меня зовут Бринн. Мы сегодня условились встретиться с мистером Бакстером.

— Да, мистер Бринн. Мистер Бакстер вас ждет. Проходите к нему без доклада.

Но Бринн с места не сдвинулся, его захлестнуло волной сомнений. Он подумал о судьбе грядущих поколений, которым угрожает своим поступком, подумал о докторе Свеге и о Главном программисте Эдвине Джеймсе, об этих серьезных, доброжелательных людях. Не стали бы они требовать от него такой жертвы, если бы не крайняя необходимость.

И еще одно обстоятельство пришло ему в голову...

Среди грядущих поколений будут и его потомки.

— Входите же, сэр! — напомнила ему девушка.

Но что-то внезапно захлопнулось в мозгу у Бринна.

— Я передумал, — сказал он каким-то словно чужим голосом. — Я отменяю свидание. Передайте мистеру Бакстеру, что... я очень сожалею обо всем.

Он повернулся и, чтобы сразу поставить на этом точку, стремглав сбежал вниз с шестнадцатого этажа.

В конференц-зале Всемирного планирующего совета пять представителей федеративных округов Земли сидели вокруг длинного стола в ожидании Эдвина Джеймса. Он вошел — тщедушный человечек с причудливо некрасивым лицом.

— Ваши доклады! — сказал он.

Аауи, изрядно помятый после недавних приключений, поведал об их попытке применить насилие и о том, к чему это привело.

— Если бы вы заранее не связали нам руки, результаты, возможно, были бы лучше, — добавил он в заключение.

— Это еще как сказать, — отозвался Битти, пострадавший больше, чем Аауи.

Лан Ил доложил о частичном успехе и полной неудаче их совместной попытки с мисс Чандрагор. Бринн уже готов был сопровождать их в Индию — даже ценой отказа от свидания с Бакстером. К сожалению, ему представилась возможность сделать и то и другое.

В заключение Лан Ил философически посетовал на возмутительно ненадежные расписания пароходных компаний.

Главный программист Джеймс поднялся с места.

— Нам желательно было найти будущее, в котором Бен Бакстер сохранил бы жизнь и успешно завершил бы свою задачу по скупке лесных богатств Земли. Наиболее перспективной в этом смысле представлялась нам Главная историческая линия, к которой мы с доктором Свегом и обратились.

— И вы до сих пор ничего нам не рассказали, — попеняла ему с места мисс Чандрагор. — Чем же у вас кончилось?

— Убеждение и призыв к разуму казались нам наилучшими методами воздействия. Поразмыслив как следует, Бринн отменил свидание с Бакстером. Однако...

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешистой как колено головой; мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблема Уолл-стритского клуба.

Он уже с полчаса сидел неподвижно, размышая о цифрах, господствующих тенденциях и намечающихся перспективах.

Затрещал зуммер внутреннего телефона.

— Что скажете, мисс Кэсси迪?

— Приходил мистер Бринн. Он только что ушел.

— Что такое?

— Я и сама не понимаю, мистер Бакстер. Он приходил сказать, что отменяет свидание.

— И как же он это выразил? Повторите дословно.

— Сказал, что вы его ждете, и я предложила ему пройти в кабинет. Он посмотрел на меня очень странно и даже нахмурился. Я еще подумала: чем-то он расстроен. И снова предложила ему пройти к вам. И тогда он сказал...

— Слово в слово, мисс Кэсси迪!

— Да, сэр! Он сказал: я передумал. Я отказываюсь от свидания. Передайте мистеру Бакстеру, что я очень сожалею обо всем.

— И это все, что он сказал?

— До последнего слова!

— А потом что он сделал?

- Повернулся и побежал вниз.
- Побежал?
- Да, мистер Бакстер. Он не стал ждать лифта.
- Понимаю.
- Вам еще что-нибудь нужно, мистер Бакстер?
- Нет, больше ничего, мисс Кэссиди. Благодарю вас.

Бакстер выключил внутренний телефон и тяжело повалился в кресло.

Стало быть, Бринн уже знает!

Это единственное возможное объяснение. Каким-то образом слухи просочились. Он думал, что никто не узнает, по крайней мере до завтра. Но чего-то он не предусмотрел.

Губы его сложились в горькую улыбку. Он не обвинял Бринна, хотя не мешало бы тому зайти объясняться. А впрочем, нет. Пожалуй, так лучше.

Но *каким образом* до него дошло? Кто сообщил ему, что промышленная империя Бакстера — колосс на глиняных ногах, что она рушится, крошится в самом основании?

Если бы эту новость можно было утаить хоть на день, хотя бы на несколько часов! Он бы заключил соглашение с Бринном. Новое предприятие влило бы жизнь в дела Бакстера. К тому времени, как все бы узналось, он создал бы новую базу для своих операций.

Бринн узнал, и это его отпугнуло. Очевидно, знают все.

А теперь уже никого не удержишь. Не сегодня завтра на него ринутся эти шакалы. А как же друзья, жена, компаньоны и маленькие люди, доверившие ему свою судьбу...

Что ж, у него уже много лет как созрело решение — на этот случай.

Без колебаний Бакстер отпер ящик стола и достал небольшой пузырек. Он вынул оттуда две белые пилюли.

Всю жизнь он жил по своим законам. Пришло время умереть по ним.

Бен Бакстер положил пилюли на язык. Две минуты спустя он повалился на стол.

Его смерть ускорила пресловутый биржевой крах 1959 года.

Седьмая жертва

Стентон Фрелайн сел за стол, тщетно пытаясь принять деловой вид, какой подобало иметь в начале рабочего дня. никак он не мог сосредоточиться и взяться за дело, попытки дописать рекламу, начатую вечером, ни к чему не привели. Наконец он понял, что до прихода почты ничего делать не в состоянии.

Извещения он ждал со дня на день уже две недели — пунктуальность явно не входила в число добродетелей правительства.

Стеклянная дверь его кабинета, на которой висела табличка "Моргер и Фрелайн, верхняя одежда", отворилась, и, спека прихрамывая — не повезло много лет назад в перестрелке, вошел Э. Дж. Моргер. Он заметно сутулился, но в семьдесят три года можно не заботиться о своей внешности.

— Привет, Стен, — сказал Моргер. — Как реклама?

Фрелайн стал компаньоном Моргера в двадцать семь, шестнадцать лет назад. Концерн с оборотом в миллион долларов, возникший из "Одежды-Защиты", был их совместным детищем.

— Полагаю, вчерне уже готово. — Фрелайн протянул Моргеру листок. Когда же придет почта, подумал он.

— "Вы еще не приобрели "Костюм-Защиту" фирмы "Моргер и Фрелайн"? — громко прочел Моргер, поднеся бумагу к глазам. — Напрасно — ведь это последнее слово мужской моды!"

Моргер откашлялся и взглянул на Фрелайна. Затем улыбнулся и продолжал:

— "Настоящая модель — не только самая безопасная, но и самая элегантная. Каждый образец выпускается со специальными карманами для оружия. Никто не будет знать, что оружие при вас, и вы сможете пустить его в ход мгновенно. Расположение карманов — по выбору заказчика". Очень неплохо, — заметил Моргер.

Фрелайн угрюмо кивнул.

— "Пистолетный карман — величайшее достижение в области современной индивидуальной защиты. Одно прикосновение к потайной кнопке — и готовое к бою оружие оказывается в вашей руке. Спецмодель "Костюма-Защиты" имеется в каждом магазине фирмы "Моргер и Фрелайн". Если вам дорога ваша жизнь, покупайте "Костюм-Защиту"! "Прекрасно, — похвалил Моргер. — Реклама получилась что надо. — Он задумчиво погладил седые усы. — Может, стоит еще добавить, что "Костюм-Защита" выпускается с одним или двумя карманами на груди, снаженными одной или двумя кнопками?"

— Верно, я и забыл.

Фрелайн забрал листок и сбоку приписал несколько слов. Затем встал, поправил пиджак, который все время топорцился на животе — в последнее время он заметно располнел, как никак уже за сорок, и волосы на макушке начали редеть. Лицо его хранило выражение дежурного добродушия, но взгляд был холоден.

— Расслабьтесь, — сочувственно сказал Моргер. — Вот уви-

дите: письмо придет с сегодняшней почтой.

Фрелайн с благодарностью взглянул на шефа. Ему захотелось пройтись по комнате, но вместо этого он присел на край стола.

— Можно подумать, что это мое первое убийство, — хмуро усмехнувшись, сказал он.

— Я понимаю, каково вам, — кивнул Моргер. — Когда я еще не вышел из Игры, я не спал месяцами, ожидая извещения об очередной Охоте. Уж я-то понимаю.

Наступило молчание. Когда оно начало становиться невыносимым, распахнулась дверь, вошел клерк и положил корреспонденцию на стол Фрелайна.

Фрелайн схватил письма, быстро перебрал их и нашел долгожданное — продолговатый белый конверт из МЭК с правительственный штампом.

— Вот оно! — облегченно выдохнул Фрелайн, и лицо его осветилось улыбкой. — Наконец-то!

— Рад за вас. — Моргер, хотя и взглянул на письмо с любопытством, ничем его не проявил. Вести себя иначе означало бы не просто нарушать приличия, но и преступать закон: никто, кроме Охотника, не имел права знать имя Жертвы. — Удачной вам Охоты.

— Иной она и быть не может! — В голосе Фрелайна звучала уверенность. Порядок в своем столе он навел еще неделю назад и мог уходить прямо сейчас.

— Хорошая Охота развеет вас. — Моргер потрепал его по плечу. — Надо вам встяхнуться.

— Еще как надо. — Фрелайн снова улыбнулся и пожал Моргеру руку.

— Где мои двадцать лет! — Моргер с комически тоскливой миной покосился на свою искалеченную ногу. — Глядя на вас, так и тянет снова взяться за оружие.

Моргер принадлежал к элите — десять успешных Охот раскрыли перед ним двери Клуба Десяти — клуба избранных. А поскольку после каждой Охоты ему приходилось выступать в роли Жертвы, то всего в его активе значилось двадцать убийств.

— Надеюсь, мне не попадется такой ас, как вы. — Фрелайн улыбнулся.

— Выбросьте эти мысли из головы. Какой по счету будет у вас эта Жертва?

— Седьмой.

— Семь — счастливое число. Еще раз желаю удачи. И надеюсь скоро увидеть вас среди членов Клуба.

Фрелайн помахал рукой и направился к выходу.

— Помните: осторожность и еще раз осторожность, — крикнул вслед Моргер. — Одна-единственная ошибка и... мне при-

дется искать другого компаньона. А меня, к вашему сведению, вполне устраивает нынешний.

— Постараюсь, — пообещал Фрелайн.

Он решил пройтись до дома пешком, а не ехать на автобусе. Следовало немного остыть. Смешно вести себя как мальчишка, выходящий на свое первое убийство.

На улице Фрелайн никогда не глазел по сторонам, это означало напрягаться на пулью — кто-нибудь из прохожих мог неожиданно оказаться Жертвой. Бывали случаи, когда нервные Жертвы стреляли, стоило только взглянуть на них. Поэтому Фрелайн всегда предусмотрительно смотрел только перед собой и поверх голов встречных.

Рекламу сыскного бюро Дж. Ф. О'Донована он увидел издалека.

“Жертвы! — призывали огромные красные буквы. — Зачем рисковать? Предоставьте нам определить вашего убийцу. Плата — после того, как вы разделаетесь с ним. Лучшие сыщики — только у О’Донована!”

Реклама напомнила Фрелайну, что надо позвонить Эду Морроу.

Фрелайн ускорил шаг. Ему не терпелось поскорее добраться до дома, вскрыть конверт и узнать, с кем на этот раз ему придется иметь дело. Интересно, умна его Жертва или глупа? Богата, как его четвертая, или же бедна, как первая и вторая? Пользуется услугами сыщиков или действует в одиночку?

Сердце билось быстрее от восхитительного, возбуждающего предвкушения Охоты. Неподалеку Фрелайн услышал выстрелы: два коротких, почти одновременно, и затем третий, последний.

Кому-то повезло на этой Охоте, подумал Фрелайн. Чувство, когда всаживаешь в Жертву пулью, ни с чем не сравнится. И это ему вновь предстоит пережить!

Придя домой, он первым делом набрал номер Эда Морроу, своего сыщика. В промежутках между вызовами тот работал в гараже.

— Алло, Эд? Это Фрелайн.

— Рад вас слышать, мистер Фрелайн. — Фрелайн представил себе, как расплывается в улыбке узкое, тонкогубое лицо Морроу, перепачканное смазкой.

— Собираюсь на Охоту, Эд.

— Понят, мистер Фрелайн. Значит, я скоро понадоблюсь?

— Достаточно скоро. Исходи из того, что я управлюсь за неделю, самое большее за две, а в течение трех месяцев после убийства, как всегда, получу извещение о моем статусе Жертвы.

— Буду готов. Удачи вам, мистер Фрелайн.

— Спасибо. До скорого. — Он повесил трубку. Заручиться услугами первоклассного сыщика — необходимая мера предосторожности. Ведь скоро Фрелейну придется стать Жертвой, и тогда, уж в который раз, вся надежда на Эда Морроу.

А какой Эд блестящий сыщик! Необразован, да и глуповат, откровенно говоря. Но чутье у него от бога — с первого взгляда определяет приезжего, дьявольски изобретательно устраивает засады. Незаменимый человек!

Припомнив некоторые "фирменные" уловки Эда, Фрелейн ухмыльнулся и вскрыл конверт. Улыбка застыла на его лице, когда он увидел имя жертвы.

Джанет-Мари Патциг.

Фрелейн встал и прошелся по комнате. Затем еще раз внимательно перечитал извещение. Джанет-Мари Патциг. Ошибки не было. Девушка. В конверт были вложены три фотографии, листок с адресом и другими необходимыми сведениями.

Фрелейн нахмурился. До сих пор ему приходилось убивать только мужчин.

Он помедлил мгновение, затем набрал номер МЭК.

— Министерство эмоционального катарсиса, отдел информации, — ответил мужской голос.

— Не могли бы вы проверить, — попросил Фрелейн, — я только что получил извещение, и в нем указано, что моя Жертва — девушка? Это как понимать? — И он назвал клерку имя.

— Все в порядке, сэр, — заверил клерк, сверившись с картотекой. — Девушка зарегистрировалась добровольно. По закону она обладает теми же правами, что и мужчины.

— Не могли бы вы сказать, сколько у нее убийств на счету?

— Сожалею, сэр. Информация, которую вы вправе получить, у вас уже есть: юридический статус Жертвы, ее адрес и фотографии.

— Ясно. — Фрелейн помедлил. — Могу ли я выбрать другую Жертву?

— Вы, конечно, можете отказаться от этой охоты. Это ваше право. Но прежде, чем вы получите разрешение на следующее убийство, вам придется выступить в роли Жертвы. Оформить отказ?

— Нет, нет, — поспешил ответил Фрелейн. — Я просто поинтересовался, спасибо.

Он повесил трубку и, ослабив брючный ремень, сел в кресло. Подумать было над чем — впервые в жизни он так влиз.

— Чертово бабье, — проворчал он, — детей бы рожали да вышивали, так нет, вечно лезут куда не надо.

Но они же свободные граждане, напомнил он себе. И все равно дело это не женское.

Из истории известно, что Министерство эмоционального катарсиса учреждено специально для мужчин, и только для них. Это произошло в конце четвертой — или шестой, как полагали некоторые историки, — мировой войны.

К тому времени назрела необходимость в длительном и прочном мире. Причины были чисто практического свойства, как практическими были и люди, начавшие эту кампанию.

Дело в том, что резко возросли количество, эффективность и разрушительная сила оружия, имевшегося в распоряжении многих стран. Положение достигло критической точки, и уничтожение человечества было не за горами. Еще одна война положила бы конец всем войнам вообще — просто не осталось бы никого, кто смог бы развязать новую.

Человечество нуждалось в мире — и не во временном, а в постоянном. Задавшись вопросом, почему мир никак не может воцариться, практические люди стали изучать историю войн и нашли, как им казалось, причину: мужчинам нравится воевать. И заключили, несмотря на поднявшееся возмущение идеалистов, что большая часть человечества нуждается в насилии. Ведь люди вовсе не ангелы (но и не дьяволы), а обыкновенные смертные, которым в большей мере присуща агрессивность.

Конечно, используя последние достижения науки и располагая политической властью, можно было бы искоренить это свойство человеческой природы — многие полагали, что следует пойти именно по такому пути. Но практики поступили иначе. Признав, что соревновательность, тяга к борьбе, мужество перед лицом неодолимой опасности — решающие качества для человеческого рода, гарантия непрерывности его существования, препятствие на пути к его деградации, эти люди объявили, что стремление к насилию неразрывно связано с изобретательностью, умением адаптироваться к любым обстоятельствам, упорством в достижении цели.

Таким образом, встала проблема: как сохранить мир вечно и в то же время не остановить прогресс цивилизации.

Выход нашелся: узаконить насилие. Дать человеку отдушину...

Сначала легализовали кровавые гладиаторские игры. Но требовалось больше — люди нуждались в подлинных ощущениях, а не в суррогатах.

Поэтому пришлось узаконить убийства — правда, на строго индивидуальной основе, только для тех, кому по складу характера это было необходимо. Правительство пошло на то, чтобы основать Министерство эмоционального катарсиса.

Методом проб и ошибок отработали единые правила. Каждый, кто хотел убить, регистрировался в МЭК. После

определенных формальностей Министерство обеспечивало Охотника Жертвой. Если побеждал Охотник, то спустя несколько месяцев он в соответствии с законом становился Жертвой. Затем, в случае благоприятного — для него — исхода этого поединка, он мог либо остановиться, либо записаться на следующий тур. Таким образом, система основывалась на том, что человеку предоставлялась возможность совершить любое количество убийств.

К концу первого десятилетия статистика установила, что примерно каждый третий обращался в МЭК — по крайней мере один раз. Цифра эта, уменьшившись до каждого четвертого, так и оставалась неизменной.

Философы были недовольны, но практики испытывали удовлетворение: война осталась там, где ей, по их мнению, и следовало быть изначально, — в руках индивида.

Игра постепенно совершенствовалась. С момента же ее официального признания она превратилась в большой бизнес. Возникли фирмы, обслуживающие как Охотников, так и Жертв.

Министерство эмоционального катарсиса выбирало имена Жертв наугад. На убийство Охотнику отводилось две недели. Рассчитывать ему приходилось только на собственную изобретательность, любая посторонняя помошь считалась нарушением правил. Охотнику давались имя Жертвы, ее адрес и описание внешности; убивать он мог только из пистолета стандартного калибра. Применять какое-либо другое оружие запрещалось.

Жертва получала извещение на неделю раньше Охотника. Ей сообщалось одно: она — Жертва. Имени своего Охотника она не знала. Жертве предоставлялось право пользоваться любым оружием (и вообще для уничтожения противника разрешалось прибегать к каким угодно средствам). Жертве разрешалось также нанимать сыщиков (они не имели права убивать — роль их сводилась к обнаружению Охотника).

Убийство или ранение постороннего человека в ходе Охоты строго карались. Вообще же наказание за убийство по любым мотивам — ревность, корысть и т. д. — было определено одно: смертная казнь, вне зависимости от смягчающих обстоятельств.

Система получила всеобщее одобрение: те, кто хотел убивать, имели такую возможность; тех же, кого это не привлекало — основную часть населения, — никто, разумеется, не принуждал это делать.

Как бы то ни было, человечество избавилось от угрозы всепланетных войн. Их заменили сотни тысяч малых...

...Теперь предстоящая Охота особой радости у Фрелейна не вызывала — и все потому, что Жертвой на этот раз оказа-

лась женщина. Но, в конце концов, если она сама зарегистрировалась, то пускай пеняет на себя. Уцелев в шести Играх, он не собирался проигрывать и на этот раз.

То, что Джанет Патциг жила в Нью-Йорке, все же немного утешило Фрелейна: ему нравилась Охота в больших городах, к тому же он давно хотел побывать в Нью-Йорке. Возраст Патциг в извещении не был указан, но на фотографии она выглядела на двадцать с небольшим.

Остаток утра он провел, заучивая сведения о своей Жертве, затем подшипил полученное извещение к предшествующим.

Фрелейн заказал по телефону билеты на самолет, затем принял душ. Натянув "Костюм-Зашиту", давно подготовленный для Охоты, Фрелейн придиличко выбрал из своей коллекции пистолет, почистил его, смазал и, засунув в оружейный карман, начал паковать чемодан.

Он чувствовал, как его охватывает возбуждение. Удивительно, что каждое убийство волнует по-своему. От этого не устаешь, это не приедается, как французские пирожные, женщины или выпивка. Каждый раз что-то новое, не похожее на предыдущее.

Окончив сборы, он подошел к книжному шкафу, раздумывая, что захватить в дорогу.

Он гордился своей библиотекой — у него собрано все, что надо знать специалисту. Сейчас ему вряд ли понадобится литература о Жертвах, такие книги, как "Тактика Жертвы" Л. Фреда Трэси, руководство по обнаружению Охотников в толпе или "Не думай, как Жертва!" доктора Фрица. Эти работы пригодятся потом, когда он станет Жертвой. Он перевел взгляд на полку с книгами об Охотниках. "Тактику Охотника", фундаментальный классический труд, Фрелейн знал чуть ли не наизусть. "Последние достижения в области организации зasad" сегодня ему не требовались. В конце концов он остановился на "Охоте в городах" Митвелла и Кларка, "Выследить сыщика" и "Психологии Жертвы" Олгринга.

Сборы закончились. Фрелейн оставил записку молочнику, запер квартиру и на такси доехал до аэропорта.

В Нью-Йорке он остановился в отеле, расположеннном в центре города, неподалеку от района, где жила Патциг. Обслуживали его быстро и ненавязчиво, но это-то и раздражало Фрелейна — судя по всему, ему не удалось сохранить свое инкогнито. Видимо, что-то в его поведении все же выдавало Охотника из другого города.

В номере на тумбочке у кровати лежала брошюрука. Называлась она "Ваш эмоциональный катарсис -- в ваших руках" и содержала в основном психотерапевтические рекомендации. Фрелейн не без усмешки перелистал несколько страниц.

Решив, что грехно не посмотреть город (все-таки первый раз в Нью-Йорке), Фрелейн отправился на прогулку. Потом прошелся по магазинам. Зал "Охота и Охотник" у Мартинсона и Блэка просто ошеломил его. В числе новинок демонстрировались легкие пулепробиваемые жилеты для Жертв и шляпы с защитной тульей. Одну стену занимала большая витрина с пистолетами тридцать восьмого калибра — последняя модель, очень удобно носить в кобуре под мышкой.

"Лучшее оружие — Малверн прямого боя! — утверждала реклама. — Одобрена МЭК. Обойма — на двенадцать патронов. Допустимое отклонение — всего 0,001 дюйма с тысячи футов. Не упустите вашу Жертву. Если вам дорога жизнь — покупайте только Малверн! Лишь с ним вы будете в безопасности!"

Фрелейн одобрительно улыбнулся. Реклама ему нравилась, да и сам маленький черный пистолет выглядел весьма привлекательно, но он привык работать со своим.

Продавались еще "стреляющие" трости — с потайным магазином на четыре патрона, хорошо скрытым и удобным в употреблении. В молодости Фрелейн хватался за каждую новинку, но с годами понял, что доверять надо лишь проверенному в деле оружию.

У входа в магазин стояла машина Санитарного управления, в которую четверо служащих втачивали труп — судя по всему, после недавней перестрелки. Фрелейн пожалел, что пропустил зрелище.

Он пообедал в приличном ресторане и рано лег спать. Завтрашний день обещал быть нелегким.

С утра Фрелейн отправился на разведку к дому Жертвы — лицо ее четко отпечаталось в его памяти. Он не вглядывался в прохожих — напротив, как и полагалось опытному Охотнику, шел быстрой походкой делового человека.

Заглянув в несколько баров на Лексингтон-авеню и пропустив в одном из них стаканчик, он свернул в переулок и наткнулся на расположенное прямо на тротуаре открытое кафе.

Она! Ошибки быть не могло. За столиком, неотрывно глядя в бокал, сидела Джанет-Мари Патциг. Она не подняла глаз, когда он прошел мимо.

Фрелейн свернулся за угол и остановился, чувствуя, как дрожат руки.

Спятила, что ли, эта девчонка, усевшись здесь? Или считает, что заколдована от пуль?

Он сел в такси и приказал объехать квартал. Патциг сидела на том же месте. Фрелейн внимательно рассмотрел ее.

Она казалась моложе, чем на фотографии, но твердой уверенности у Фрелейна не было; вообще на взгляд ей не больше двадцати. Прическа — темные волосы разделены на пря-

мой пробор и зачесаны за уши — придавала ей сходство с монахиней. Насколько Фрелайн мог видеть, лицо ее выражало печаль и отрешенность.

— Так что же, прямо подходи и стреляй?..

Фрелайн расплатился, вылез из такси и поспешил к ближайшей аптеке. Из свободного телефона-автомата он позвонил в МЭК.

— Алло, вы уверены, что Жертва по имени Джанет-Мари Патциг получила извещение?

— Сейчас посмотрю, сэр. — В ожидании ответа Фрелайн от нетерпения барабанил пальцами по дверце кабины — Да, сэр. Имеется ее письменное подтверждение. Что-нибудь случилось, сэр?

— Все в порядке, — буркнул Фрелайн. — Просто хотел уточнить.

В конце концов, если она не собирается защищаться, то это ее личное дело. По закону сейчас его очередь убивать.

Однако Фрелайн решил отложить Охоту на завтра и пошел в кино. Пообедав, вернулся в номер, полистал брошюру и звалился на постель, уставившись в потолок.

И что я тяну, думал он, ведь с одного выстрела можно ее снять. Прямо из такси.

Убийство — не женского ума дело, а раз напросилась, то пеняй, дура, на себя. С этой мыслью Фрелайн заснул.

На следующее утро он опять прошел мимо кафе. Девушка сидела за тем же столиком. Фрелайн остановил такси.

— Вокруг квартала, очень медленно, — попросил он.

— Ясно, — ухмыльнулся водитель.

Внимательно осмотревшись, Фрелайн пришел к выводу, что същиков поблизости нет. Руки девушка держала на столе, на самом виду. Прямо хоть сажай ее в тир мишенью.

Фрелайн нажал кнопку оружейного кармана, пистолет скользнул в руку. Он вытащил обойму, пересчитал патроны, щелчком закрыл карман.

— Еще медленнее, — бросил он.

Такси поравнялось с кафе. Фрелайн тщательно прицелился, и палец его уже потянул спусковой крючок...

— А, чтоб тебя!.. — выругался он.

Рядом со столиком, заслонив девушку, появился официант. Фрелайн решил не рисковать, побоявшись задеть его.

— Давай опять вокруг, — сказал он шоферу.

Тот ухмыльнулся еще гаже, ерзая по сиденью. Интересно, подумал Фрелайн, так бы ты веселился, если бы знал, что я охочусь на женщину?

На этот раз официант не мешал. Девушка закурила, ее печальный взгляд застыл на зажигалке.

Фрелайн взял Жертву на прицел, прищурился и задержал

дыхание. Потом тряхнул головой и опустил пистолет в карман.

Эта идиотка портила ему все удовольствие.

Он расплатился с шофером и пошел по тротуару.

Слишком просто, сказал он себе. Он привык к настоящей Охоте. Во время предыдущих убийств ему пришлось порядком попотеть. Жертвы прибегали к всевозможным уловкам, чтобы ускользнуть. Один из них нанял чуть ли не дюжину сыщиков, однако Фрелейн перехитрил их всех — благодаря умению ориентироваться в самой сложной ситуации. Однажды он выдал себя за молочника, в другой раз — за сборщика налогов. За шестой Жертвой охота шла по всей Сьерра-Неваде; уж на что ловок был тот парень, но Фрелейн все равно сумел его прикончить.

А здесь? Разве таким убийством можно гордиться? И что скажут в Клубе?

Эта мысль привела Фрелейна в ужас. Клуб был его заветной мечтой. А отпусти он сейчас девчонку живой, ему все равно придется стать Жертвой и все равно останется еще четыре Охоты. Продвигаясь такими темпами, он рискует никогда не попасть в Клуб.

Он повернулся назад, сделал было пару шагов, потом — неожиданно для себя самого — остановился.

— Разрешите? — спросил он.

Джанет Патциг подняла на него безрадостные голубые глаза, ничего не ответив.

— Послушайте, — начал Фрелейн, садясь рядом с девушкой. — Если я вам буду надоедать, то вы только скажите, и я уйду. Сам-то я из провинции, приехал в Нью-Йорк по делам. Просто захотелось поболтать с девушкой. Если вы против, то я...

— Мне все равно, — ответила Джанет Патциг без всякого выражения.

— Бренди, — бросил Фрелейн подошедшему офицанту. Бокал девушки был еще наполовину полон.

Фрелейн взглянул на Патциг и почувствовал, как забилось сердце. Подумать только — выпивать с собственной Жертвой!

— Меня зовут Сентон Фрелейн, — представился он, понимая, что это не имеет никакого значения.

— Джанет.

— Джанет, а дальше...

— Джанет Патциг.

— Очень приятно. — Фрелейн старался говорить как можно беззаботнее. — Скажите, Джанет, а что вы делаете сегодня вечером?

— Сегодня вечером меня, наверное, убьют, — безучастно ответила она.

Фрелейн внимательно посмотрел на девушку. Знает ли она, кто он? Насколько он мог судить, пистолет она прятала под столом. Он переменил позу — так, чтобы рука была поближе к оружейному карману.

— Вы — Жертва? — деланно удивился он.

— Не трудно догадаться, — ответила она с горькой улыбкой. — Поэтому вы бы лучше ушли — зачем вам получать пулю, предназначенную мне.

Фрелейн не мог понять, почему она так спокойна. Самоубийца? Может, ей в самом деле на все наплевать? Или так уж хочет умереть?

— Но у вас же есть сыщик? — На этот раз удивление его было искренним.

— Нет.

Она посмотрела ему прямо в глаза. И Фрелейн увидел то, чего раньше не замечал: она была очень хороша собой.

— Я дурная, испорченная девчонка, — произнесла она задумчиво. — Почему-то решила, что мне нравится Охота, и зарегистрировалась в МЭК. А убить... убить не смогла.

Фрелейн сочувственно покачал головой.

— Но я, разумеется, продолжала оставаться участником Игры. И теперь, хотя я не выстрелила, я стала Жертвой.

— Почему же вы не наняли сыщиков? — спросил он.

— Я никого не смогу убить, — пожала она плечами. — Просто рука не поднимается. У меня даже пистолета нет.

— Храбрый же вы человек, — поежился Фрелейн, — сидите здесь, на открытом месте. — Такая глупость его поражала.

— А что делать? Ведь от Охотника не укрыться. И потом, у меня нет таких денег, чтобы куда-то уехать.

— Когда речь идет о спасении... — начал Фрелейн, но она перебила его.

— Нет, это дело решенное. Надо расплачиваться за свое легкомыслие. Когда я держала свою Жертву на мушке... когда я поняла, как легко можно... убить человека...

Она взяла себя в руки.

— Не будем о плохом, — сказала Джанет и улыбнулась. Улыбка ее очаровала Фрелейна.

Они разговорились. Фрелейн рассказал ей о своей работе, она — о себе. Оказалось, что ей двадцать два года и она пробовала — правда, неудачно — сниматься в кино.

Они поужинали вместе. Когда же она приняла его приглашение сходить в Гладиаториум, Фрелейн почувствовал себя на вершине блаженства.

Остановив такси — похоже, он все время только и делал, что катался по Нью-Йорку в такси, — Фрелейн открыл перед ней дверцу.

Она села в машину. Фрелейн заколебался. Он мог застрем-

лить ее прямо здесь, сейчас. Более удобный случай вряд ли представится.

Но он сдержался. Подождем еще немного, сказал он себе.

Гладиаторские игры в Нью-Йорке по сравнению с теми, что он видел в других городах, отличались, пожалуй, только более высоким мастерством участников. Программа же не блистала новизной: сначала, как всегда, поединки на мечах, саблях и шпагах (естественно, все схватки продолжались до смертельного исхода). Затем следовали единоборства с быками, львами и носорогами. В заключительном отделении — сцены из более поздних времен: бои лучников на баррикадах и поединки на высоко натянутой проволоке.

Вечер прошел изумительно. Провожая Патциг домой, Фрелейн старался скрыть растущее смятение: до сих пор ни одна женщина не влекла его так сильно. И именно эта женщина оказалась его официальной Жертвой.

Он не представлял себе, что делать дальше.

Джанет пригласила его зайти. Сев рядом с ним на диван, она прикурила от массивной зажигалки и откинулась на спинку.

— Когда ты уезжаешь? — спросила она.

— Точно не знаю, — ответил Фрелейн, — но, наверное, послезавтра.

Она коротко вздохнула.

— Я буду без тебя скучать.

Наступило молчание. Потом Джанет встала приготовить коктейль. Когда она выходила из комнаты, Фрелейн смотрел ей в спину. Пора, подумал он, коснувшись кнопки.

Но момент был безнадежно упущен. Он не мог застрелить ее. Нельзя убить девушки, которую любишь.

Мысль, что он влюбился, потрясла Фрелейна. Он ехал в Нью-Йорк, чтобы убить эту девушку, а вовсе не для того, чтобы жениться на ней!

Она вернулась с подносом и села напротив него, глядя в никуда с тем же пустым, безнадежным выражением.

— Джанет, — решился он. — Я люблю тебя.

Она подняла голову. В ее глазах стояли слезы.

— Не надо, — вырвалось у нее. — Я же Жертва. Я не успею дожить до...

— Тебя никто не убьет. Я твой Охотник.

Она пристально посмотрела на него, затем неуверенно улыбнулась:

— Ты хочешь меня убить?

— Перестань, — сказал Фрелейн. — Я хочу жениться на тебе.

Джанет очутилась в его объятиях.

— Боже мой! — всхлипнула она. — Это ожидание... я так измучилась...

— Все позади, — успокаивающе шептал Фрелайн. — Ты только представь, как мы будем рассказывать эту историю нашим детям: папа приехал убить маму, а вместо этого они поженились...

Она поцеловала его, потом закурила.

— Давай собираться, — начал Фрелайн. — Прежде всего...

— Постой, — остановила она его. — Ты ведь не спросил, люблю ли я тебя?

— Что?

Продолжая улыбаться, она направила на него зажигалку. Внизу на корпусе виднелось черное отверстие — как раз для пули тридцать восьмого калибра.

— Что за шутки? — крикнул он, вскакивая.

— Я не шучу, милый, — ответила она.

Словно пелена спала с глаз Фрелайна: как он мог считать ее девчонкой? Глядя на нее сейчас, он понял, что ей далеко за тридцать. Каждая минута напряженной двойной жизни убийцы оставила след на ее лице.

— Я не люблю тебя, Сентон, — негромко сказала Патциг, не опуская зажигалку.

Фрелайн всегда дрался до последнего. Но даже в эти истекающие секунды он не мог не восхититься, как блестательно сыграла простушку эта женщина, с самого начала, должно быть, знавшая все.

Он нажал кнопку, и пистолет со спущенным предохранителем оказался в руке.

Чудовищный удар отбросил его на кофейный столик. Из ослабевших пальцев выпал пистолет. Задыхаясь, теряя сознание, он видел, как она внимательно прицелилась для нанесения *coup de grâce*¹.

— Наконец-то я смогу вступить в Клуб, — услышал он ее счастливый голос, когда она спустила курок.

Страж-птица

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители Страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли! — окликнул кто-то, когда он стал на пороге.

Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. Коль скоро ты фабрикуешь Страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, с кривой усмешкой ска-

¹Удар милосердия (*франц.*).

зал он себе. Весьма избранное общество. Если желаешь спасти род людской, изволь сперва получить государственный подряд.

— Представитель президента еще не пришел, — сказал Гелсену один из собравшихся. — Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу, — сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел поближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности Страж-птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания Страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо, тоже пели хвалу Страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как и подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешил.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: "Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все". И Макинтайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющего металла, кристаллов и пластмассы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов, убийство — проблема, старая как мир, а Страж-птица — решение, которому без году неделя.

— Господа...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглоголовый человек. А теперь разом наступила тишина.

— Господа, — повторил он, — президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе отряды Страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же, как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках Страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется, — продолжал представитель, — что отряды Страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже чем через неделю, — заявил председатель Южной объединенной компании. — У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству Страж-птицы. Уже несколько месяцев, как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

— Превосходно, — заметил представитель. — Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр, — сказал Гелсен. — Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть начало золотого века?!

— В чем суть возражения? — спросил представитель президента.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в Страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства Страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно, — согласился Гелсен. Ему было ужасно не по себе. Но он упрямо докончил: — А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен, — сказал один из предпринимате-

лей. — Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепляет те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Думаю, вы правы, — вставил представитель президента. — Но я могу понять чувства мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены вверять машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остановить убийцу *прежде, чем он совершил убийство*. Если мы из философских соображений ограничим деятельность Страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен, — уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было несложно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно!

Уйма полицейских останется без работы!

— Ну что вы скажете? — в сердцах молвил сержант Селтрикс. — Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной. — Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана. — Ай да наука!

Двое других полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горой, — сказал капитан. — Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я, — жалобно сказал Селтрикс. — Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так, — поправил капитан. — Считается, что Страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совериться.

— Тогда какое же это преступление? — возразил один из полицейских. — Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль, — сказал капитан. — Считается, что Страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует? — спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться, — признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму, — сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана. — Как они все это проделали? С чего начались?

Капитан испытывающе на него посмотрел — не насмехается

ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих Страж-птиц. А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете, кроме как в новости спорта, никуда не заглядывают.

— Да вот, — заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях, — эти самые ученые — они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по-особенному действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину: как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде того.

— Уче-оные, — с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб лампочка загоралась. Тогда построили аппараты поменьше и испытывали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили Страж-птицу.

— Так уж они и остановят убийц, — недоверчиво сказал один полицейский.

— Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде того. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? — спросил Селтрикс.

— Ну нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. Вот смех, — сказал Селтрикс.

— Ясно, оставлю, — повторил капитан. — Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не испускают таких волн, — пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье. — Или, может, у них железы не так работают, или вроде того.

— Так это их, что ли, птицам не остановить? — из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слыхал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

— Как же это?

— Они учатся. Сами Страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно, — сказал Селтрикс. — А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на недвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств начеку. Встроенная аппаратура подсказывала Страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, выслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чуяла выделения неких желез, *ощущала* необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил Страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, щенок! — Рослый бакалейщик шагнул ближе. — Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нимало не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

— Ладно же! — выкрикнул насмерть перепуганный Динелли. — Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт! — изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев. — Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она

узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим Страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрестанно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда Страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там настает черед и мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф, — доложил с порога Макингтайр, он только что закончил обычный осмотр.

— Отлично. Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом, — заметил Гелсен, не зная, с чего начать.

— Верно, — согласился Макингтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой Страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макингтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить... — Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: — Прослушайте, Мак, что вы думаете о Страж-птицах?

— Я-то? — Инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макингтайр был неразлучен со Страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение. — Да что, замечательная штука.

— Я не о том, — сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы хоть кто-то его понял. — Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, Страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну почему же? — Макингтайр снова усмехнулся. — А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф: вы боитесь, вдруг ваши машинки проснутся и скажут — а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого, — признался Гелсен.

— Ничего такого не случится, — заверил Макинтайр. — Страж-птица — машинка сложная, верно, но Массачусетский электронный вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но Страж-птицы умеют учиться.

— Ну конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со Страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра, и еще того больше на самого себя: охота была людей смешить...

— Так ведь Страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит, — сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим, — сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю как инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя, — сказал Макинтайр терпеливо, словно объяснял задачу малому ребенку. — Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать им всем, Страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы, — сказал Гелсен.

— Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя.

На столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону.

— Все это я знаю, — сказал он Макинтайру. — А все-таки иногда чувствую себя, как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится, только чтоб корчевать пни.

— Но вы-то не изобрели Страж-птицу.

— Все равно я в ответе, раз я их выпускаю.

Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку.

— Пришли отчеты о работе Страж-птиц за первую неделю, — раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлите мне их через четверть часа. — Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макингтайру; тот спичкой чистил ногти. — А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо получше познакомиться со Страж-птицей, шеф, — заметил Макингтайр. — Вы знаете, что собой представляет это обучающееся устройство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, готовящееся убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макингтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

— Понимаю, — сказал Гелсен.

— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

— Да, наверно... — Гелсен замялся. — Что ж, пожалуй, все ясно.

— Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в Страж-птице просто не может быть ничего опасного.

— Давайте отчеты, — сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила Страж-птица. Уже смеркилось, но поодаль она видела другую Страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийств...

Работы все прибавлялись. По незримой сети, связующей всех Страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две Страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одиого человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует, и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и, щурясь сквозь заставший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же! Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо Страж-птица обязана охранять объект насилия — *чего бы это ни стоило убийце*.

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Процветают мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернешь.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о Страж-

птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак? — спросил Гелсен.

— Одна Страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство Страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо, — сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, Страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ноге электрод.

— О-о, — простонал он, почти не сознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела Страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, и, однако, Страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

— Уберите эту штуку! — крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

— Прекрати! — заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

— Это же не убийство, дура чертова! — рявкнул другой караульный и вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрогивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передались всем Страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи Страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо ломало, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность. Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.

— Но, пошла, окаянная! — заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь застращилась, прынула в сторону, повозка затряслась и задребезжала.

— Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Едительная Страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И понятно, работы прибавлялось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

— Хорошо, — сказал он в телефонную трубку.

Еще минуту-другую он выслушивал льющийся по проводу поток браны, потом медленно опустил трубку на рычаг.

— Что там опять? — спросил Макингтайр.

Он был небрит, галстук развязался, ворот рубашки расстегнут.

— Еще один рыбак, — сказал Гелсен. — Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодает. Он сираивает, что мы собираемся предпринять.

— Это уже сколько сотен случаев?

— Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

— Так вот, я уже понял, в чем наш просчет, — мрачно сказал Макингтайр.

У него было лицо человека, который в точности выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

— Ну-ну, я слушаю.

— Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекратить. Мы считали, что Страж-птицы будут рассуждать так же, как мы. А следовало точно определить все условия.

— Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если б мы это уяснили, так на что нам Страж-птицы?

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам? — спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона, — ответил секретарь. — Я думал...

— Ладно, извините. — Гелсен снял трубку. — Да. Очень не приятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно, — сказал он Макинтайру. — Предлагается временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто, — возразил Макинтайр. — Вы же знаете, Страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры, — сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив, — с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразнее. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроды рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? Всякое живое существо?

И Страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немножко, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний миг спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер. Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

— Почему их не выключают?! — в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там, на полу, лежал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну, — пояснил помощник. Он стиснул руки и едва сдерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать, что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предметов. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы.

Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа.

Никто никогда не внушал им обратного. И несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы.

На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешил вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Маккиттайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю, — отозвалась сестра, голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... но недолго это ему удалось.

Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику! — распорядился хирург. — Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недостижимы — не может же Страж-птица допустить, чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу Страж-птиц был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но Страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стало немыслимо. Но Страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как Страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день Страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздрогнуть, подумал он. Семь часов без передышки вел машину, не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

— Ты что, сбесилась? — спросил он сердито. — Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают Страж-птицы с непокорными упрямцами.

— Дура железная, — сказал он повисшей над ним механической птице. — Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но Страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм. Ведь он из металла, как и сама Страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии, — сказал Макинтайр, отодвигая груду бумажек.

— А когда это будет? — осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год... — повторил Гелсен. — Тогда всему конец. Слыхали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, муhi, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю, — сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедля. — Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день. — По крайней мере я могу теперь заявить: "Говорил я вам!" Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие ослы машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о Страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность, — сказал Гелсен. — Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут, — повторил Макинтайр. — В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте, — сказал Гелсен. — Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживее. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

— Есть, — сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил? — воскликнул сержант Селтрикс и, ухмыляясь, поглядел на капитана. — Говорил я вам, что все учёные — психи?

— Я, кажется, не спорил, — заметил капитан.

— А все ж таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы невпроворот.

— Знаю. — Селтрикс вытащил револьвер, проверил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру. — Все наши парни вернулись, капитан?

— Все? — Капитан невесело засмеялся. — Да в нашем отеле теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно, — сказал Селтрикс. — Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины — дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи Страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но Страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзыаясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться Страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Они были правы постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для Страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние их методы несостоятельны. Простая логика. Если способ А не действует, испробуй способ В. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские бойни закрылись, и скот в хлевах изыхал с голода, потому что фермеры Среднего Запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил Страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть Страж-птиц не касалась, ведь она не зависела впрямую от чьих-либо действий.

А их интересовали только действия, которые могли совершиться.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки: руки чесались сбить их метким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбачьи лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались, и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель, с точки зрения Страж-птицы, живое существо ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равнозначна убийству президента — с точки зрения Страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне логично, ведь и Страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут, и он становится холодный.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево.

Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось — Страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная сила, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, господа, — взмолился представитель президента. — Нам нельзя терять времени.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать, — заявил председатель компании Монро. — Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколь-

ко недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

— Прошу вас об этом не беспокоиться, — заговорил представитель президента. — Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в критический час. Итак, вам представляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь.

— Одну минуту! — сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету!

— Этот план не годится.

— По-вашему, он невыполним?

— Еще как выполним. Только боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смущился.

— Неужели мы ничему не научились? — спросил он. — Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен, — прервал председатель компании Монро. — Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают. Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со Стражами надо покончить, и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный.

— А что вы предлагаете? — спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока Стражи сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель президента с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком, — уговаривал Гелсен. — Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сначала. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно, — сухо сказал представитель. — Вы переборомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки. — Он откашлялся. — Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план. — Он пронзил взглядом Гелсена. — Отказ равносителен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь Страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились и разладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремилась на выручку.

И тотчас ощущила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу Страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врача поразит щок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насеквоздь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды.

Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть собратьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, самая убийственная!

По всей стране Страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук, — сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно, — отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно. — Инженер опустился на стул. — Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

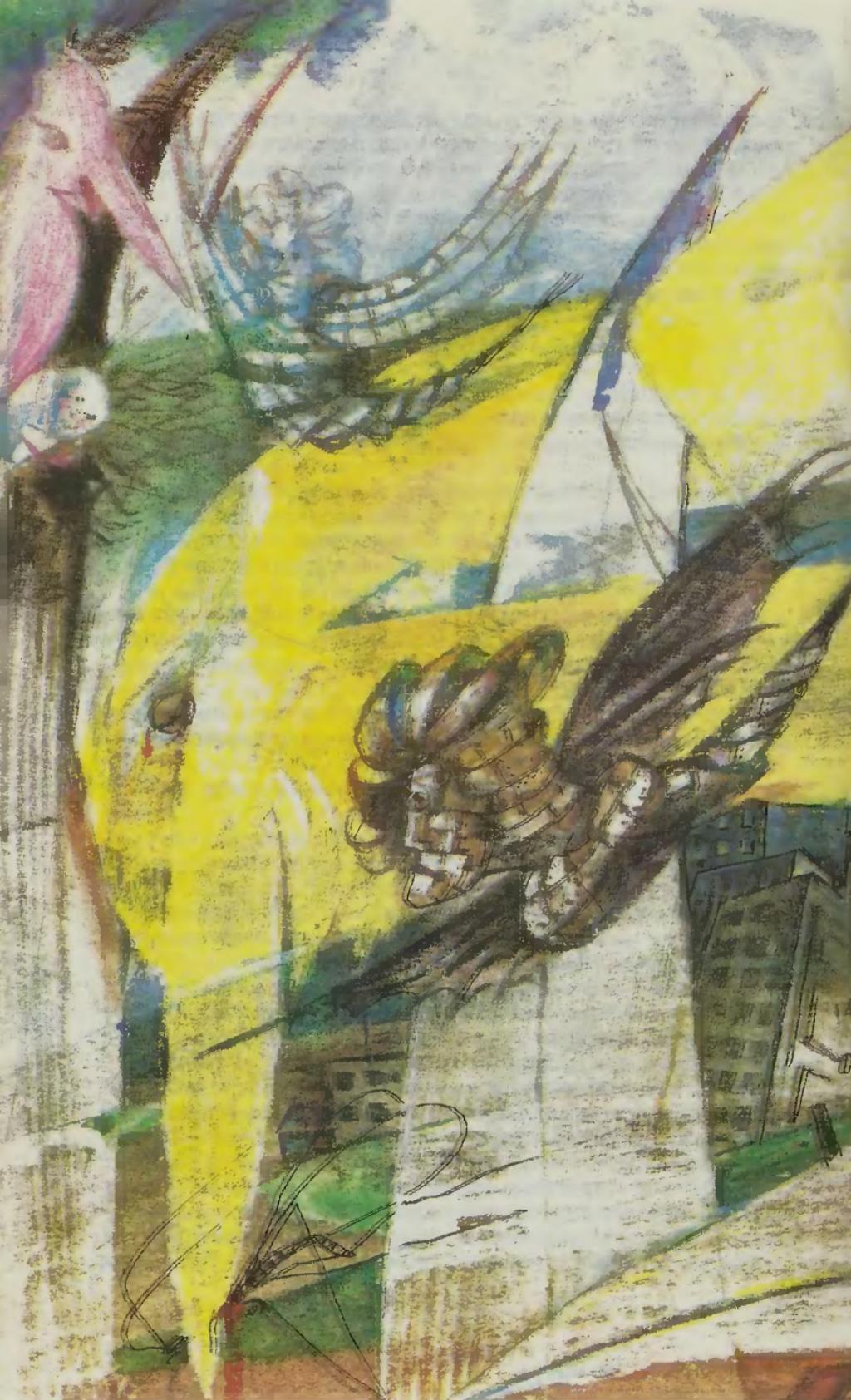
— Знаю, — сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересыпал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают, — пообещал Макинтайр. — Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на Страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и Страж-птицы тоже недурны, — прибавил Макинтайр. — Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут Страж-птицы, Ястребы могут еще лучше, — весело продолжал Макинтайр. — В них заложено обучающееся устройство специально для охоты. Они более гибки, чем Страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте, — спросил он, все еще глядя в небо, — а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех Страж-птиц?

— То есть как? — растерялся Макинтайр. — Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же как и Страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять Страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую Страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем, — неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню, — сказал Гелсен. — Это моя вина. Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

— Вот что получается, — сказал Гелсен. — А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал Страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

Заяц

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после того, как прибыл корабль с Земли. На его борту находились буры с алмазными головками — заказ на них я оформил больше года назад. Мне хотелось заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не хочу сказать, что их могли украсть: все мы тут, на Марсе, джентльмены и ученые. Однако здесь всякая мелочь достается с трудом, а украсть по праву первого — это традиционный способ, каким джентльмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая чрезвычайно срочным, весьма аварийным ордером. К счастью, у меня хватило соображения выписать сверхсрочный ордер у директора Бэрка. Карсон воспринял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три бура.

Он понесся на своем скутере по красным пескам Марса, которые так красиво выходят на цветных фотографиях и так безбожно забивают двигатели.

Я подошел к земному кораблю: меня вовсе не волновали космолеты, просто хотелось взглянуть на нечто еще не премелькавшееся.

Тут я увидел зайца.

Он стоял возле космолета и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта; глаза у него были огромные, словно блюдца. На его лице, казалось, было написано: "Марс! Вот это да!"

Мысленно я застонал. В тот день мне предстояло столько работы, что и за месяц не переделать. А заяц входил в мою компетенцию. Как-то в приливе несвойственной ему фантазии директор Бэрк сказал мне: "Талли, ты умеешь обращаться с людьми. Ты их понимаешь. Они тебя любят. Поэтому назначаю тебя главой Службы безопасности на Марсе".

Это надо было понимать так, что в мое ведение передаются зайцы.

В данном случае заяц выглядел лет на двадцать. Роста в нем было свыше шести футов, а тощего мяса на костях — от силы сто фунтов. В здоровом марсианском климате его нос успел стать ярко-красным. У зайца были большие, с виду нескладные руки и большие ступни. В бодрящей марсианской атмосфере он ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная из воды. Респиратора у него, естественно, не было. У зайцев никогда не бывает респираторов.

Я подошел к нему и спросил:

— Ну и как же тебе здесь нравится?

— Госпо-ди-и! — сказал он.

— Потрясающее ощущение, не правда ли? — спросил я. — Наяву стоять на взаправданий, в самделишной чужой планете.

— И не говорите! — произнес, задыхаясь, заяц. От кислородного голодания он весь посинел — весь, кроме кончика носа. Я решил проучить его — пусть еще чуть-чуть помучится.

— Ты, значит, тайком забрался на этот грузовой корабль, — сказал я. — Прокатился без билета на изумительный, чарующий, экзотический Марс.

— Ну, меня вряд ли можно назвать безбилетником, — проговорил он, судорожно пытаясь набрать воздух в легкие. — Я вроде как бы... вроде как бы...

— Вроде как бы сунул капитану взятку, — докончил я за него.

К этому времени он уже еле-еле стоял на своих длинных тощих ногах. Я вытащил запасной респиратор и нахлобучил ему на нос.

— Пошли, заяц, — сказал я. — Найду тебе что-нибудь перекусить. Потом у нас с тобой будет серьезный разговор.

По дороге в кают-компанию я придерживал его за руку: он так пялил глаза на все вокруг, что неминуемо обо что-нибудь споткнулся бы и сломал бы это "что-нибудь". В кают-компании я повысил давление воздуха и разогрел зайцу свинину с бобами.

Он с жадностью проглотил еду, откинулся в кресле, и рот у него растянулся от уха до уха.

— Меня зовут Джонни. Джонни Франклайн, — сказал он. — Марс! Прямо не верится, что я и вправду здесь.

Так говорят все зайцы — те, что остаются в живых после перелета. Ежегодно делается примерно десять попыток, но лишь один или два человека умудряются выжить. Они ведь невероятные идиоты. Несмотря на проверки службы безопасности, зайцы каким-то образом прокрадываются на борт фрахтовика.

Корабли стартуют с ускорением порядка двадцати g, и зайца, у которого нет специальных средств защиты, сплющивает в лепешку. Если он при этом и уцелеет, его прикончит радиация. Или же он задохнется в невентилируемом трюме, не успев добраться до каюты пилота.

У нас тут есть специальное кладбище, исключительно для зайцев.

Однако время от времени кто-нибудь ухитряется выжить и ступает на Марс с большими надеждами и глазами, сияющими, как звезды.

Разочаровывать их приходится не кому иному, как мне.

— Зачем же ты приехал на Марс? — спросил я.

— Я вам объясню, — сказал Франклин. — На Земле приходится поступать, как все люди. Надо думать, как все, и делать, как все, не то окажешься под замком.

Я кивнул.

Сейчас, впервые в истории человечества, на Земле все спокойно. Мир во всем мире, единое всемирное правительство, мировое процветание. Власти стремятся сохранить все, как есть. Мне кажется, что они заходят слишком далеко, подавляя даже самый безобидный индивидуализм, но кто я такой, чтобы судить? По всей вероятности, лет через сто или около того станет полегче, но для зайца, живущего в *наши дни*, это слишком долгий срок.

— Значит, ты испытывал потребность в новых горизонтах, — сказал я.

— Да, сэр, — ответил Франклин. — Мне не хотелось бы показаться вам трепачом, сэр, но я мечтал стать первооткрывателем. Трудности меня не страшат. Я буду работать! Вот увидите, только позвольте мне остаться, прошу вас, сэр! Я буду работать не покладая рук...

— А что ты будешь делать? — спросил я.

— А? — На мгновение он смешался, потом ответил: — Что угодно.

— Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

— Нет, сэр, — пролепетал заяц.

Этот разговор не доставлял мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу неумолимую, горькую правду.

— Так, значит, твоя специальность не химия, — размышил я вслух. — У нас нашлось бы mestечко для первоклассного геолога. На худой конец — для статистика.

— Боюсь, я не...

— Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

— Нет, сэр.

— А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

— Нет, сэр, — ответил подавленный Франклин. — Я и средней-то школы не окончил.

— Так что же ты в таком случае собирался здесь делать? — спросил я.

— Вот знаете, сэр, — сказал Франклин, — Я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думал, может, сгожусь вроде как посыльным. И я обучен плотницкому делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работа и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, — героический фронтон для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронтон. Это тупик.

— Франклайн, — сказал я, — знаешь ли ты, что Строительство на Марсе зависит от поставок с Земли? Знаешь ли, что оно себя не окупает и, возможно, никогда не окупит? Знаешь ли ты, что содержание одного человека обходится Строительству в пятьдесят тысяч долларов ежегодно? Считаешь ли ты, что стоишь годового заработка в пятьдесят тысяч долларов?

— Много я не съем, — возразил Франклайн. — А уж как побывакну, я...

— *Кроме того*, — прервал я его, — знаешь ли ты, что на Марсе нет никого, кто не является по крайней мере доктором наук?

— Этого я не знал, — прошептал Франклайн.

Зайцы никогда этого не знают.

Рассказывать им должен я.

Итак, я рассказал Франклину, что все плотничи, слесарные, водопроводные работы, обязанности посыльных и поваров, а также уборку, починку и ремонт выполняют сами учёные в свободное время. Пусть не очень хорошо, но выполняют.

Суть в том, что на Марсе отсутствует неквалифицированная рабочая сила. Мы просто-напросто не можем себе этого позволить.

Я ждал, что Франклайн зальется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

Он обвел комнату тоскливым взглядом, рассматривая обстановку замыгзанной, крохотной кают-компании. Понимаете, все в ней было марсианским.

— Пошли, — сказал я, поднимаясь с места. — Постель я тебе найду. А завтра организуем обратный проезд на Землю. Не горчайся. Зато ты повидал Марс.

— Да, сэр. — Заяц с трудом поднялся. — Только я, сэр, ни за что не вернусь на Землю.

Я не стал с ним спорить. Зайцы, как правило, вечно хороятся. Откуда мне было знать, что на уме у этого?

Уложив Франклина, я вернулся в лабораторию и несколько часов занимался работой, которую надо было сделать во что бы то ни стало. Я лег спать совершенно обессиленный.

Наутро я пришел будить Франклина. В постели его не было. Мгновенно у меня мелькнула мысль о возможной дивер-

ции. Кто знает, на что способен несостоявшийся первооткрыватель? Того и гляди, выдернет из реактора два-три замедлителя или подожжет склад с горючим. Я неистово метался по лагерю, повсюду разыскивая зайца, и наконец обнаружил его в недостроенной спектрографической лаборатории.

Эту лабораторию мы строили в нерабочее время. У кого оказывалось свободных полчаса, тот укладывал несколько кирпичей, выпиливал крышку стола или привинчивал дверные петли к косяку. Никого нельзя было освободить от работы на такой срок, чтобы наладить все по-настоящему.

За несколько часов Франклин успел больше, чем все мы за несколько месяцев. Он действительно был умелым плотником и работал так, словно все фурии ада гнались за ним по пятам.

— Франклин! — окликнул я.

— Здесь, сэр. — Он поспешил ко мне. — Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Тали. Дайте мне еще часок-другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был похлопать его по плечу и сказать: "Парень, книжное образование — это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь".

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры.

Зайцы здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

— Франклин, — сказал я, — пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слонятяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

— Я не могу вернуться на Землю, — еле слышно ответил Франклин.

— Что такое?

— Если я вернусь, меня упрянут за решетку.

— Ну ладно, рассказывай все с самого начала, — простонал я. — Только, пожалуйста, покороче.

— Слушаюсь, сэр. Как я уже говорил, сэр, — начал Франклин, — на Земле надо поступать, как все, и думать, как все. Ну вот, до поры до времени все было хорошо. Но потом я открыл Истину.

— Что-что?

— Я открыл Истину, — гордо повторил Франклин. — Я на-

брел на нее случайно, но вообще-то она очень простая. До того простая, что я обучил сестренку, а уж если та способна выучиться, значит, и всякий способен. Тогда я попытался обучить Истине всех.

— Продолжай, — сказал я.

— Ну и вот, все страшно обозлились. Сказали, что я спятил, что мне надо держать язык за зубами. Но я не мог молчать, мистер Талли, потому что это ведь Истина. Так что, когда за мной пришли, я отправился на Марс.

Ну и ну, подумал я, великолепно. Только этого нам не хватало на Марсе. Хороший, старомодный религиозный фанатик читает проповеди очерствелым ученым. Это как раз то, что прописал мне доктор. Ведь теперь, отослав парня назад на Землю, в тюрьму, я всю жизнь буду мучиться угрызениями совести.

— И это еще не все, — заявил Франклин.

— Ты хочешь сказать, что у этой душераздирающей истории есть продолжение?

— Да, сэр.

— Говори же, — со вздохом подбодрил его я.

— Они ополчились и на мою сестренку, — сказал Франклин. — Понимаете, когда ей открылась Истина, она не меньше моего захотела обучать других. Это ведь Истина, знаете ли. И вот теперь она вынуждена скрываться, пока... пока...

Он высыпался и с жалким видом проглотил слезы.

— Я думал, вы увидите, как я пригожусь на Марсе, и тогда сестренка могла бы ко мне...

— Довольно! — не выдержал я.

— Да, сэр.

— Больше ничего не желаю слышать. Я и так уже выслушал больше, чем нужно.

— А вы бы не хотели, чтобы я поведал вам Истину? — горячо предложил Франклин. — Я могу объяснить...

— Ни слова больше! — рявкнул я.

— Да, сэр.

— Франклин, я ничего не могу сделать для тебя, абсолютно ничего. У тебя нет степени. А у меня нет полномочий разрешить тебе остаться. Но я сделаю единственное, что в моей власти. Я поговорю о тебе с директором.

— Вот здорово! Большое вам спасибо, мистер Талли. А вы объясните ему, что я еще не совсем окреп с дороги? Как только соберусь с силами, я вам докажу...

— Конечно, конечно, — сказал я и поспешно ушел.

Директор уставился на меня, как будто увидел моего двойника из антимира.

— Но, Талли, — сказал он, — тебе же известны правила.

— Конечно, — промямтил я. — Но ведь он действительно

был бы нам полезен. И мне ужасно неприятно отправлять его прямо в руки полиции.

— Содержание человека на Марсе обходится в пятьдесят тысяч долларов ежегодно, — сказал директор. — Считаешь ли ты, что он стоит заработка в...

— Знаю, знаю, — перебил я. — Но это такой трогательный случай, и он так старается, и мы могли бы его...

— Все зайцы трогательны, — заметил директор.

— Ну ясно. В конце концов, это неполноценные создания, не то что мы, ученые. Пусть себе убирается туда, откуда явился.

— Талли, — спокойно сказал директор, — я вижу, что этот вопрос обостряет наши отношения. Поэтому я предоставляю тебе самому решать его. Ты знаешь, что ежегодно на каждую вакансию в марсианском Строительстве подается почти десять тысяч заявок. Мы отвергаем специалистов лучших, чем мы сами. Юноши годами учатся в университетах, чтобы занять здесь определенную должность, а потом окажется, что место уже занято. Учитывая все эти обстоятельства, считаешь ли ты по чести и совести, что Франклин должен остаться?

— Я... я... а-а, черт возьми, нет, если вы так ставите вопрос. — Я все еще был зол.

— А разве можно ставить его как-нибудь иначе?

— Разумеется, нет.

— Всегда печально, если много званных и мало избранных, — задумчиво проговорил директор. — Людям нужен новый фронт. Хотел бы я отдать Марс для повсеместного заселения. Когда-нибудь так и случится. Но не раньше, чем мы научимся обходиться здешними ресурсами.

— Ладно, — сказал я. — Пойду организую отъезд зайца.

Когда я вернулся, Франклин работал на крыше спектрографической лаборатории. Едва взглянув мне в лицо, он понял, каков ответ.

Я сел в свой джип и покатил в Марсопорт. Я знал, что сказать капитану, который допустил пребывание Франклина на своем корабле. Слишком уж часты такие безобразия. Пусть теперь этот шутник и везет Франклина обратно на Землю.

Фрахтовик был погружен в стартовую шахту, только нос вырисовывался на фоне неба. Наш ядерщик Кларксон готовил корабль к отлету.

— Где капитан этой ржавой посудины? — спросил я.

— Капитана нет, — ответил Кларксон. — Это модель "Лежбока". С радиоуправлением.

Я почувствовал, как мой желудок стал медленно опускаться и подниматься наподобие качелей.

— Капитана нет?

- Не-а.
- А экипаж?
- На корабле его нет, — сказал Кларксон. — Ты ведь знаешь, Талли.
- В таком случае на корабле не должно быть кислорода, — догадался я.
- Разумеется, нет.
- И защиты от радиации?
- Безусловно.
- И теплоизоляции нет?
- Теплоизоляции ровно столько, чтобы корпус не расплавился.
- И, наверное, он стартует с максимальным ускорением? Что-нибудь около тридцати пяти g?

— Конечно, — подтвердил Кларксон. — Для беспилотного корабля это наиболее экономично. А что тебя смущает?

Я ему не ответил. Молча подошел к джипу и, выжав акселератор до отказа, помчался к спектрографической лаборатории. Желудок у меня больше не поднимался и не опускался. Он вращался как волчок.

Человек не способен выжить после такого рейса. У него нет на это никаких шансов. Ни одного шанса на десять миллиардов. Это физически невозможно.

Когда я подъехал к лаборатории, Франклин уже закончил крышу и работал внизу, соединяя трубы. Был обеденный перерыв, и ему помогали несколько человек из Горной группы.

- Франклин, — сказал я.
- Что, сэр?

Я набрал побольше воздуху в легкие.

— Франклин, ты прилетел сюда на том фрахтовике?

— Нет, сэр, — ответил он. — Я все пытался вам объяснить, что и не думал подкупать никакого капитана, но вы так и не...

— В таком случае, — проговорил я очень медленно, — как ты сюда попал?

— Благодаря Истине!

— Ты не можешь мне объяснить?

С секунду Франклин размышлял.

— С дороги я просто ужасно устал, мистер Талли, — сказал он, — но кажется, все-таки могу.

И он исчез.

Я стоял и тупо моргал. Потом один из горных инженеров указал вверх. На высоте примерно трехсот футов парил Франклин.

Мгновение спустя он опять стоял рядом со мной. У него

был иззябший вид, а кончик носа порозовел от холода.

Смахивает на мгновенное перемещение в пространстве. Нуль-перелет! Ну и ну!

— Это и есть Истина? — спросил я.

— Да, сэр, — сказал Франклин. — Это когда смотришь на мир по-иному. Стоит только увидеть Истину, *по-настоящему* увидеть, — и все становится возможным. Но на Земле это называли гал... галлюцинацией. Сказали, чтобы я прекратил гипнотизировать людей и...

— Ты можешь этому научить?

— Запросто, — ответил Франклин. — Правда, на это все жейдет какое-то время.

— Это ничего. Смею надеяться, мы можем изыскать какое-то время. Да уж, полагаю, что можем. Даже наверняка. Да уж, какое-то время, затраченное на Истину, будет затрачено с толком...

Не известно, долго ли еще я бы нес околосицу, но Франклин возбужденно меня перебил.

— Мистер Талли, значит ли это, что я могу остаться?

— Ты можешь остаться, Франклин. По правде говоря, если ты попытаешься нас покинуть, я тебя застрелю.

— О, благодарю вас, сэр! А как насчет моей сестренки? Можно ей сюда?

— Да-да, безусловно, — обрадовался я. — Пусть твоя сестренка приезжает. В любое время...

Я услышал испуганный крик горняков и медленно обернулся. Волосы у меня встали дыбом.

Передо мной стояла девушка — высокая, худенькая девушка с огромными, словно блюдца, глазищами. Она озиралась по сторонам, как лунатик, и бормотала:

— Марс! Госпо-ди-и!

Потом заметила меня, и щеки у нее запылали.

— Простите меня, сэр, — сказала она. — Я... я подслушивала.

Содержание

Б. Гопман.
5 Миру нужна доброта

КЛИФФОРД САЙМАК
13 *Пересадочная станция.
Роман.
Перевод А. Корженевского

РАССКАЗЫ

193 Поколение, достигшее цели.
Перевод А. Иорданского

228 Когда в доме одиноко.
Перевод С. Васильевой

246 Денежное дерево.
Перевод И. Можейко

275 Дом обновленных.
Перевод Н. Галь

РОБЕРТ ШЕКЛИ

295 Цивилизация статуса.
Повесть.
Перевод В. Баканова

РАССКАЗЫ

398 Царская воля.
Перевод Н. Евдокимовой

408 Мусорщик на Лорее.
Перевод Н. Евдокимовой

420 Битва.
Перевод И. Гуровой

425 Бесконечный вестерн.
Перевод В. Бабенко

442 *Мнемон.
Перевод В. Баканова

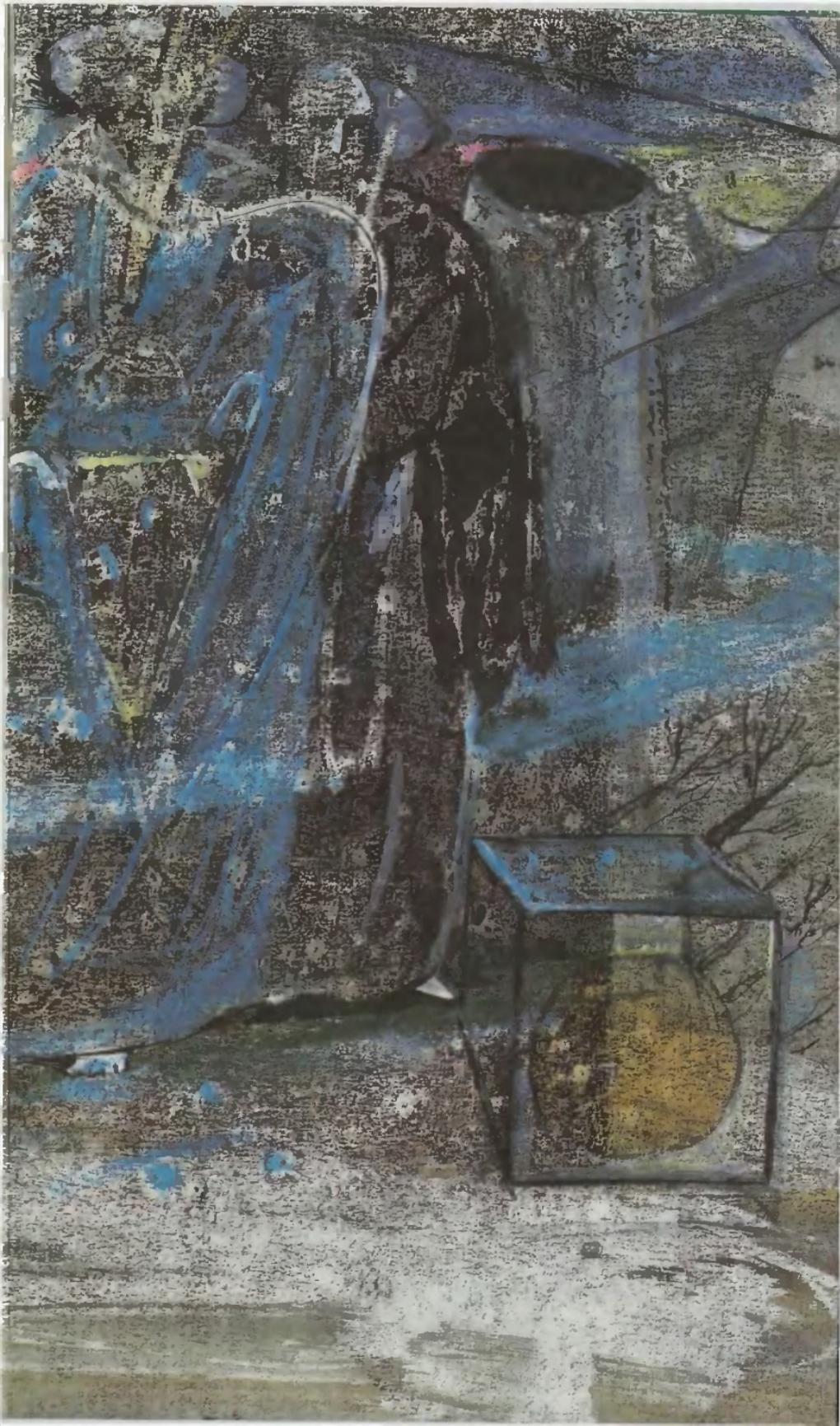
448 Поединок разумов.
Перевод В. Скороденко

483 Три смерти Бена Бакстера.
Перевод Р. Гальпериной

513 *Седьмая жертва.
Перевод В. Гопмана

526 Страж-птица.
Перевод Н. Галь

549 Заяц.
Перевод Н. Евдокимовой

БИБЛИОТЕКА
ОДАЦКИЙ

4 р. 40 к.

Американская фантастическая проза

